

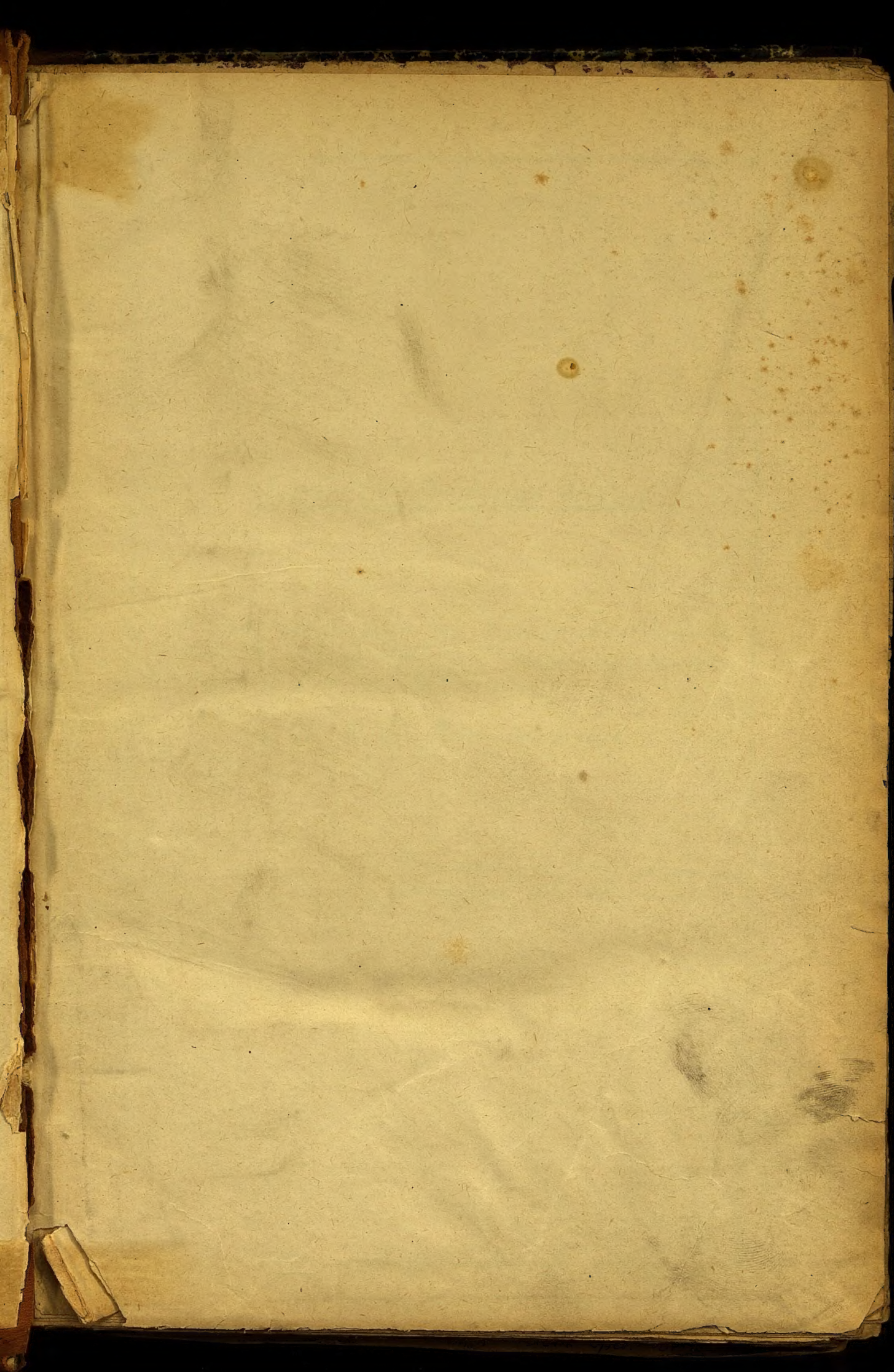
БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

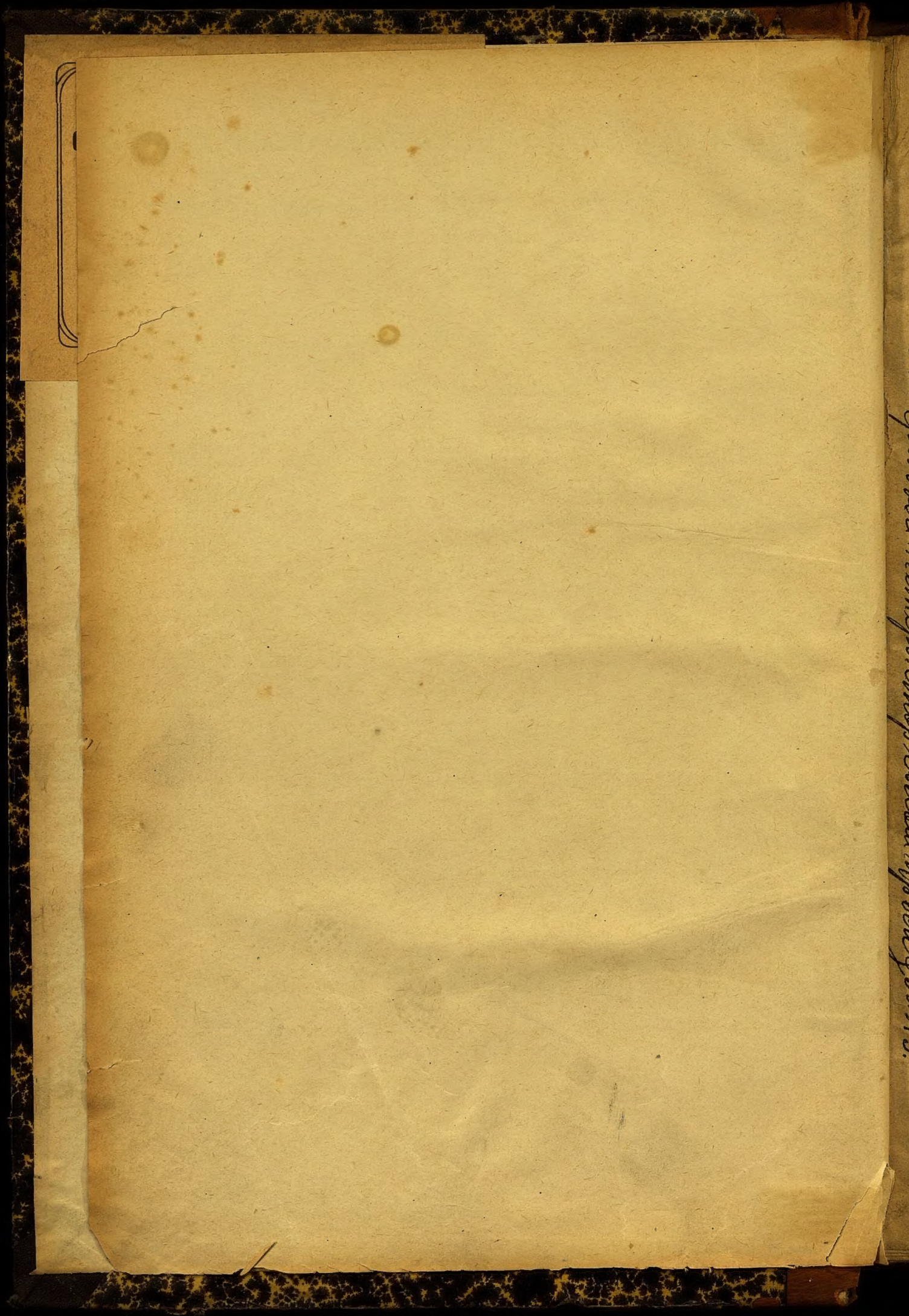
Шкафъ 4.....

Полка 7.....

№ 16.....

Не выданъ.

6/11 (сентябрь)

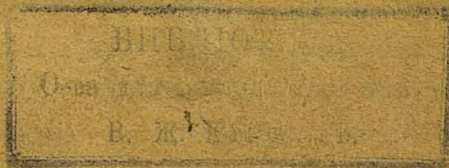
Исторія Среднихъ вѣковъ.

Лекции, читанныя на Историко-Фило-
логическомъ факультетѣ С. Петербургскаго
Университета въ 1881/82 году -

Проф. В. Т. Васильевскій.

Составленъ студентомъ
III курса Ив. Гревсомъ.

359
1913

Мер. думи Губернскаго Меморіала. Синодъ. Высшій архіерейскій С. С. 1913.

Steinbock's Cyclopedia

Steinbock's Cyclopedia
of Agriculture and Horticulture
and the Arts and Crafts
of the United States

11737

История средних веков.

Предметом нашего курса будет изучение истории Западной Европы в средние века. Для того, чтобы общее понятие наше было возможно более полным, т.е. достигало до той точки, на которую придется ограничить рассмотрение того, что является основным, выдающимся явлением средневековой жизни. Само собою разумеется, что основным пунктом средней истории мы считаем не 476 год по Р. Хр., ее которого обыкновенно, но вносим ошибочно, начинается ее изучение в учебниках. Мы поднимаемся выше, начиная с начала образования западных романских и германских народов, — и это обратим на нас естественно к истории Рима в последний императорский период. Такими образом мы начнем с изучения этнографической основы истории средних веков, с изучения кельтской и иберийской народностей и того влияния, которое на них оказала римская цивилизация, а также того периода развития римского мира. Потом перейдем к германскому основному элементу и обратим внимание на взаимоотношения с варварским миром на романский. Далее рассмотрим влияние христианства и другие основные элементы средневековой жизни — феодализм, монашество, города и церкви. Вот в общей чертой программа нашего курса.

Занимаясь мы будем изучением фран-

= товѣ, т. е. отпортившая явлений исторіи, а не философіи исторіи, т. е. общія законы развитія человечества. Хотя при помощи общія законы объясняютъ факты, но такъ же сменѣ философіи исторіи, изученіе общія законы прогресса, не уничтожаетъ нашего интереса къ фактамъ, изъ которыхъ вытекаютъ естественны законы, на которыхъ основываются естественны идеи и выводы.

Исторія въ изъ современнаго естествознаніи занимаетъ особую роль изученія фактовъ. Она, какъ наука, не ширится основательно и исключительно поблестователемъ, не ширится быть такою только применительнымъ, т. е. изучающимъ события въ ихъ причинахъ и следствияхъ въ цѣли часто вывести изъ нихъ поученіе, она должна такъ же доискивать изучать отдаленныя события въ ихъ причинной и послѣдственной связи, держатся, такъ называемого, историческаго метода.

Появленіе сущности этого метода на пришествіе египетскихъ египтянъ въ египетъ. Отдѣленіе факта къ общему. Возникшее общественное фактъ — коронація Карла Великаго въ императоры въ 800 году, который неправильно называется возстановленіемъ западной Римской имперіи. Разказанъ египетскій фактъ не трудно, но это не будетъ историческимъ пониманіемъ его, трудно его оцѣнить, узнать тогдашнее положеніе франкской имперіи, отношеніе ея къ Умамъ, раздѣленіе вѣдомствъ его, образованіе союза между папою и королемъ, такъ какъ коронація Карла есть не только, какъ следствие этого союза и т. п. Затѣмъ трудно идти къ послѣдствіямъ события и такъ же образомъ цѣлая группа явленій будетъ

высчитать по понятию одного ответственного факта. Это еще не все. Мы должны объяснить факт не только в связи с предшествовавшими и последовавшими событиями, но и дать ему место в ряду всеобщего: в нашем примере действия и общественные подорожия - государство и политический разветв, и пришедшие законы тяготы народов в первые века их исторической жизни в централизованной структуре развивавшаяся культура. Чтобы понятие истинное, можно объяснить его в связи со всеобщим, затем опять возвратиться к истинности и окончательно уяснить весь его значение.

Тот же метод должен применяться и к критическим изысканиям. Чтобы проверить истинность, соединяемое истинным, мы должны изучить данный факт во всех его подробностях и по всем возможным историческим и таким образом проверить рассказ историка. Проверив так целый ряд фактов, соединяемых одним и тем же историческим, мы составим себе понятие о его достоверности, его тенденциях, направлениях. Составив общее представление о характере историка, мы опять возвращаемся к данному факту и делаем вывод о его достоверности: от истинного идею к общему и от общего к истинному возвращаемся к истинности. В этом состоит сущность метода истории, который представляет таким образом единение индукции с дедукцией.

В подробностях этих вопросов останавливаться не будем, а обратимся прямо к нашему курсу и начинаем с обзорный главы нашей первой главы изучения истории сущности.

Пособия.

Обращаясь къ указанию важнейших сочинений, занимающих исторію средняго вѣкова въ главныхъ моментахъ, мы прежде всего назовемъ классическій трудъ, хотя и вышедшій еще въ прошедшемъ столѣтіи, но до сихъ поръ не утратившій значительной части своего значенія; это трудъ знаменитаго англійскаго ученаго Гиббона "Исторія разрушенія и упадка Римской имперіи" (Gibbon. History of the decline and fall of the roman empire); трудъ, истинный предметомъ изложенія событий римской и западно-европейской исторіи со времени Антониновъ (конецъ II вѣка по Р. Ср.) до взятія Константинополя Турками (1453), въ которомъ довольно подробно знакомится всякій, кто занимается исторіею этого періода. Въ жизни Гиббона мы знакомимся изъ его автобіографіи.

Эдвардъ Гиббонъ (род. въ Рутне-белге Лондона, въ 1737 году, умеръ въ Лазаннѣ въ 1794г.) былъ сынъ богатого negociанта. Обязательства и сильная склонность къ удовольствію выдвѣли его изъ общественной жизни. Произведенная слабость и болѣзненность не могла повлиять въ немъ строгости къ себѣ. Описанія путешествій въ Азію, изъ которыхъ онъ хорошо знакомился съ гертцами восточнаго быта и исторіею турокъ и арабовъ, римскія и греческія исторіи были его любимыми чтеніями. Въ 1752 году поступилъ онъ студентомъ въ Оксфордскій Университетъ. Благодаря страстному любви къ чтенію, онъ приобрѣлъ массу спеціальныхъ знаній, въ особенности по исторіи Востока, но болѣзненность, не дававшая ему возможности за-

а химическая системами, была причиною того, что он вступил в университет, по его собственному желанию, в запасной еврейский, который ему бы поставили в путь, слагаю которого и степени не вносился (относительно синонимическая тарнава вопросов), которого чотырдесять бы именовались: В университете он стал заниматься теорией и под влиянием д-тской занятой перемены из англиканской церкви в католицизм. Как видно бы, ваяет, что ермения аполлогоническая даюта первый толчок к ермению в истинности защитившего иль впроцесса, так путь величилось наворотом: из ермений, направленных против католицизма, Гиббон удивился в его превосходстве над протестантизмом, за это он был (1753) исключен из университета и отправлен отцом к вдове кавальерского пастора в Лозанну для исправления. Пробыв тамея некоторое время, он возвратился в свою англиканскую церковь, хотя, очень хотелось быть, не по сердечному убеждению, а только наружно. Пребывание в Лозанне не осталось без значения для его развития: оно освободило его от синоним, и ермен, английских, узких предрассудков (что очень важно для историка, мешающего непристрастно судить о народах), и тершил того же ему ермен познакомиться с французским языком и французского литературы. В 1758 году Гиббон посетил капитаном в английскую армию, набранную по случаю ерменитней войны: знакомство с военным делом отразилось впоследствии на его историческом писании трудов Воюана, Веллария и Марселя. Таким образом и природные наклонности и благоприятные обстоятельства

=ства подготовители въ немъ будущаго исто-
 рика. И действительно давно уже созрѣ-
 ваетъ въ его умѣ планъ написать обширный
 историческій трудъ; но его затрудняютъ еще
 выборы темы. Наконецъ пребываніе въ Римѣ
 (1764), гдѣ протекала великая исторія ве-
 ликаго народа, восстановило его на рѣшеніи
 изобразить судьбу вѣчнаго города. 15го Ок-
 тября 1764 года, пишетъ Гиббонъ, еще на
 развѣсинахъ капитолия, я углубился въ
 мечты о древней величій Рима, а въ это са-
 мое время у ногъ своихъ босоноги, капитолий-
 скіе слонами плели веревку по развѣсинахъ
 аркады Юпитера: въ такую то минуту
 во мнѣ блеснула въ первый разъ мысль на-
 писать исторію паденія и разрушенія Ри-
 ма. Вскорѣ потомъ, возвратившись въ Ан-
 глію, Гиббонъ былъ избранъ въ члены парламен-
 та, въ эпоху борьбы Англій съ коломніями,
 участвовалъ въ политическихъ дѣлахъ, хотя
 не занимаемый виднаго мѣста и не играя
 активной роли. Впрочемъ, участие въ дѣлахъ
 парламента было далеко не безполезно для
 него, какъ историка, такъ какъ способство-
 вало развитію въ немъ политическаго sensi-
 бля и болѣе-вернаго пониманія фактовъ
 политической жизни народовъ. Послѣ 12^{ти}
 лѣтъ упорнаго труда надъ собраніемъ, изу-
 ченіемъ и группировкою матеріала въ 1776го
 выпустилъ онъ первый томъ своего соче-
 нія, который охватываетъ судьбу римской
 имперіи отъ конца II вѣка по Р.Хр. до
 царствованія Константина до 476 года, т. е. до
 паденія Западной римской имперіи. Сначала
 онъ хотѣлъ закончить свой трудъ фран-
 цузскія взятія Рима варварскими, но заня-
 маясь разработкою матеріала, онъ уви-
 дѣлъ, что послѣ паденія стараго Рима
 осталась друи, новый Рим — Константи-
 нополь и рѣшился прослѣдить и его исто-

— рию до падения, т. е. до 1453 года. Доканчивая свой труд в Лозанне (последний том вышел в 1789 году), уже вектор и умер в 1794 году. *

Задачу всего Гиддона неосинчиваясь необыкновенными искусствами и талантами. Свободно распоряжаясь громадными собранными материалами, всегда превозмогая наертанному плану и в умышленно затрудняя события, Гиддон рисует перед нами чужую картину, в которой все ясно, прозрачно и художественно, все изложено прекрасным языком, спокойным, величавым, иногда только саркастическим тоном. Обладая способностью ясно и наглядно воспроизводить прошлое и умышленно координировать факты, располагая обширными знаниями, распространяемыми на самые мелкие подробности фактов, Гиддон не считает однако нужным заимствовать в чуждую историческую явления, он понимает историю, как историю, как ряд картин и не делает широкой философской обобщения.

* Дневник мой, сущие сказати, поговю, говорит Гиддон, 27 июня 1789 года, в своем саду достигая я посетил эти ступки пошудней ступица. Пошудней тир, я прошея по дмел аккай, откуда видг простирается и на поля и на озера и на горы. Вь воздухь было тихо, небо ясно, серебряный шитъ сунъ впарамален вь воздух; поветоду царствования тишина. Я не скрою своей первой радости вь эту минуту, когда возвращаюся кь мое свободо и, шовиетъ дьшъ, возстановиетъ моя репутация; но моя гордость скоро понижается, и шитъ овладетъ печальная задумчивость, при шении, что я простилъ ея навсегда вь своемъ старшемъ ступитиомъ

зрений, хотя уже в то время существовали попытки философии истории (Монтескье и оттавни Вольтер); он конечно высказывает свои суждения, но как-то вскользь, по-потку, непрямо.

потом, несправедливо. Оценивая деятельность Гиббона, как историка, мы должны обратить внимание на то, как относиться к исторической науке в конце XVIII века, и как господствовала французской просвещенной философией. Французские энциклопедисты смотрели на средние века, как на продолжительнейший кошмар, представляющий финкую урву безумий и преступлений, как на время произвола пача функций и королей. Эти господствовавшие воззрения, основанные не на добросовестном изучении истории, а на сильной фантазии, господствовали бы отразиться и в произведении Гиббона. Но этого у него еще не хватало. Осмотрев на прошедшее, он до такой степени проникается им, что его слухи вздрагивают и предвзвуды как бы исчезают; отсюда бы доказал несомненную эпохальность бытия величия историком. Однако, ах, как бы погнать чисто исторический событий, он невольно платит дань восту, восту господства рационалистического направления. Это в особенности видно в отношении Гиббона к аристократии. Известны понятия философов XVIII века, по которым всякая пословичная религия сего возмущения, распространяемого и поддерживаемого абсолютистскими в на родных массах с целью удовлетворения личных материальных интересов, с

и что как бы ты продолжил писать весьма ду-
щности моей истории, лично единого истори-
ка не смогла уже быть деланного."

цркви практической — из-за выгоды. Иудеи, как истинный еврей Алм вѣка, не встали на путь этого отрицательного отношения философии Алм вѣка к христианскому учению. Напр. при объясненіи факта быстраго распространения христианства онъ указываетъ только на второстепенныя причины — на франтизмъ покровителей христианскаго учения, твердую вѣру въ загробную жизнь и сильныя чудесныя дѣйствія, приписываемыя христианству и говоритъ, что это причина главныхъ. Выказывая такую повсѣстороннюю взгляду на причину распространения христианства, Иудеи выказали незрѣлость своей мысли, которая не могла подниматься до более глубокаго и истиннаго пониманія такого великаго историческаго событія, какъ распространение христианства среди различныхъ народовъ. Такое воззрѣніе было недоступно ему потому, что онъ раздѣлялъ истинныя веры евангелиста Алм вѣка, которые посланцы, что христианство есть воздѣланіе евангелиста и церкви, отирающей главный образъ на евангелиста народнаго евангелиста, и не понимали, что потребность такого учения коренится въ евангелистѣ и евангелистѣ, что зачатки его сны набожны въ теоріяхъ языческихъ греческихъ философовъ, имѣвшихъ за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. не понимая того всего, при изображеніи истинности христианскихъ проповѣдниковъ, истиннаго сознанія своего высшего призванія, онъ скептически относился къ высшимъ и евангелистическимъ подвизамъ дѣла на пырелии и евангелистическимъ подвизамъ, и сего не вынуждалъ иронію и сарказмомъ. Въ словахъ его о христианахъ, равно какъ и слова о христианахъ евангелиста, давно осуждены.

Но Гиббон, благодаря природной способности, подметить характерные черты исторических событий и деятелей, не впадая в ту крайность и односторонность, которая замечается у философов Битта. Он выдвигая на противников христианства. Напр. Юлиана Отступника они называют провизионными агностицизм, героев правды и доброты, гениаль-философов, равняемых Марку Аврелию: они увеличивают оппозицию Юлиана против ненавистного ему христианства, увидев в нем человека своего направления - разрушителя еврей и превознесши его до небес; они не понимают Юлиана, - Гиббон же отнесся к нему безпристрастно, благодаря природному мироощущению чуждо, которое ему сказывало ему то, что не замечала сила, направленная в одну сторону, так что его понимание личности Юлиана довольно близко подходит к мнению о ней современными историками. Для Гиббона Юлиан является представителем отживших уже языческих понятий, последователем эллинистического еврейства, геноцида гуды, истинно-философского мироощущения, промывки еврейства и т.д. и т.д. в другой стороне Гиббон отдает полную справедливость его административному и военному гению.

Во второй половине труда Гиббон говорит о Византийской империи. Здесь природный дар историка не издается по отнюдь односторонних взглядах: государство падающее, разлагающееся не могло воздвигнуть великого историка. Отмечая деятельность императоров, он обращает внимание на тленную сторону дела; но внимание на тленную сторону дела;

жестокое ожесточение его доводит до крайности, начиная на свое повествование о византийских императорах чистой своей черной правды, он продолжает признать наш полонизм, ту противоположность между им и истинным идеалом, поселившимся в истории и традициях, которые передали были им и его потомкам; продолжает иронизировать борьбу императоров Исаака и Василия с мусульманскими Востоками, в которой они являются победителями европейской цивилизации против азиатского варварства.

Сочинения Гизона особенно важно для нас с одной стороны той массой драгоценных фактов, которую он дает. *

Другой классический писатель, сочинения которого занимают почетное место в библиотечке всякого историкополитолога — Гизо (François Guizot). Родился он в Ниме в 1787 году, и рос в видную политическую роль, как министр Луи Филиппа, глава либерального правительства июльской монархии 1830 года. Помогая в сущности центром и опорой оппозиции против феодальной партии в поднимавшемся вопросе о расширении права подачи голосов и, наконец, став, главным вином наполеона 1848. Во Франции Бисмаркская пора его ученой деятельности относится к 1828-30 гг., когда он читал в Бордоне знаменитые лекции. Из сочинений его прева-

* «История разрушения и упадка римской Империи» переведена на все европейские языки (кроме русского). Особо ценен французский перевод Гизо (1828, 13 томов), снабженный драгоценными примечаниями переводчика.

всего отпущивши его. Опыты из истории
Франции (Essais sur l'histoire de France),
 сборник отдельных изысканий, из ко-
 торых назовем два — „о муниципальности
 устройства римской империи“ и „о при-
 чинах утверждения представительства
 именно в Англии“. В первом он по-
 ставил не правильною точку, многоми
 разительно, но неудовлетворительно разья-
 сняемый, вопрос о причинах падения За-
 падной Римской империи. Гизо выдвигает
 на первый план весьма важную черту
 в устройстве римской империи: он го-
 ворит, что она разбита была на мно-
 жество самоуправляющихся городских
 республик — муниципий, что эта была
 основная форма античного общества,
 просуществовавшая долгое развитие во Греции,
 но сохранившаяся и в Риме. Максим
 образцов, хотя сверху была деспотизм
 императора, внизу существовали свободо-
 ные, республиканские формы, благотвори-
 тельная форма развития личности и общества.
 Граждане этих мелких городских
 республик, которые были в то время
 были и мелкими землевладельцами (му-
 нипалития — это город вместе с определенной
 землей) составляли часть и силу им-
 перии (характерно для Гизо, что он со-
 поставляет этот средний класс рим-
 ского населения с современным ему 3-м
 сословием, буржуазией). Когда этот
 класс мелких собственников, подг-
 выносившего материально финансовую и ад-
 министративную систему поздней-
 ших императоров — Диоклетиана и Кон-
 стантина, начал разлагаться и осла-
 бевать, естественно было рухнуть и здание,
 на него опиравшееся — империя пала. Ис-
 ходом из этого положения, Гизо прино-

и дитя къ законности, что правство, что
доля веры и правдивности, дееспотизм
императоров и т.д., как что постоянно
указываем, как на главные причины
падения, ищутъ елишь второстепенное
значение. Во второмъ изъ названныхъ
выпковъ Лизо разбираетъ, почему пред-
ставительная система утвердилась толь-
ко въ Англии, а не привилась къ осталь-
нымъ европейскимъ государствамъ. Онъ го-
воритъ, что английская жизнь сложилась
такъ, что ни одинъ изъ общественныхъ в-
мешательствъ, образовавшихся послѣ саксон-
скаго и норманскаго завоеванія, не былъ
подавленъ, а все существовало рядомъ,
какъ одинаковыя силы. И королевская
власть и аристократія (верхняя палата),
и бюрократія 2^е сословіе (нижняя палата)
имели свое значение. Хотя они и боро-
лись между собою, но ни одинъ не былъ
уничтоженъ и послѣ концы все примири-
лось въ равновѣсіе — въ этомъ сила Англии. Эту
то конституционную монархію въ на-
родный представительство и равно-
вѣсіе элементовъ египетъ Лизо ищетъ
новой формой государственнаго устрой-
ства, которую онъ особенно переходитъ
во все государства Европы, — идея, являющаяся
въ главнейшемъ моментѣ, проникающая
во все сочинения, за что онъ и получилъ
названіе доктринара

Главные сочинения, составив-
шія ему заслуженную славу — историко-
миссионерскія, были его публичныя лекціи
„Исторія цивилизаціи въ Европѣ“ (курсы
1828г.) и „Исторія цивилизаціи во Франціи“
(курсы 1829-30гг.)*

* Оба сочинения переведены на русскій я-
зыкъ, первое Арсеньевымъ, второе Сиводымъ

„История цивилизации в Европе“ представляет весьма и емкий обзор общего хода европейской цивилизации в средние века и в последующий период, причем Гизо подробно останавливается на средневековом периоде (— см. цит. изд. 14). Предлагая всего Гизо определить, что такое цивилизация? Он берет определение не философское, более эмпирическое, но самое основное, он говорит, что цивилизация есть явление социальное, выражающееся в непрерывном и двустороннем прогрессе, и разбирает входящие в термин понятия. Для этого он делает несколько предположений, из которых выводит свое определение. Он предполагает существование народа, которого внешняя жизнь определена наличными образцами, но существенная и правительственная деятельность в общественный и внутренний и говорит, что такое общество нельзя назвать цивилизованным. Предполагая далее народ, материальное существование которого есть, но умственное и нравственное развитие, дойдя до известной степени, остановилось, — он отказывается от такого народа в названии цивилизованного. Почти такое нельзя назвать цивилизованным обществом, в котором индивидуальная свобода развития достаточна, но где дезорганизм и неравенство в социальных отношениях, как и общество, где индивидуальное и социальное совершенствование идут рядом, но без взаимодействия. Отсюда Гизо выводит идею прогресса, как основного понятия, характеризующая в термине „цивилизация“.

профессором Московского Университета
Винogradовым и Марией Норсак.

Иссл. с Мит. Глобова Петерб. скар. Библ. арх. 1913.

1187

прогресса двустороннего: социального (de la societe'), погр. который развивается улу-
 жение традиционной жизни, развитие обще-
 ства в тисеиномъ смысле, т. е. отношений
 между людьми (увеличение политической
 свободы, экономическое благосостояние) и
индивидуального, т. е. развития человеке-
 ской личности, во внутренней жизни, ум-
 ственной и нравственной, наука, искусство,
 ворований, правовое (humanite'). Взаимодру-
 ствие этихъ двухъ элементовъ, прогресса
 социального и индивидуального, взаимно
 другъ друга дополняющихъ, и составляетъ
 то, что называется погр. всеобщей цивили-
 зацией.

Во. Истории цивилизации во Фран-
 ции Гизо хочетъ представить характеристи-
 ку всей западноевропейской цивилизации на
 примере Франции, потому что, по его снм-
 нию, Франция представляетъ наиболее
 и всестороннее осуществление, типа европей-
 ской цивилизации. Для пояснения своей мыс-
 ли Гизо характеризуетъ сущность цивили-
 зации всехъ странъ Европы. Во. Англии, напр.
 социальное развитие выше, чемъ во Франции,
 но за то она отстаетъ въ отношении ум-
 ному, индивидуального развития. Англий-
 ские философы - Бэконъ, Локъ, все Шотланд-
 ская школа, принадлежатъ къ тому от-
 дѣлу философовъ, который можно наз-
 вать практическимъ. Тотъ же практи-
 ческий характеръ преобладаетъ въ иеуеи-
 ваяхъ, наука и даже языкъ. Повсюду въ Ан-
 гийской цивилизации господствуетъ тотъ
 же общественно-практический, социальный
 характеръ. Во. Германии наоборотъ интел-
 лектуальное развитие всегда превосходи-
 мо и опережаетъ социальное; бытъ интел-
 лектуальный преуспѣваетъ во всехъ обла-
 стяхъ жизни передъ бытовымъ социальнымъ.

Въ Италии не было недостатка ни въ высшемъ развитіи индивидуальнаго ума, ни въ нравствъ и деятельности общественной жизни. Человѣкъ и общество развивались тамъ съ одинаковымъ великодушіемъ. Но уже въ давнее время Италия, начекая, остановилась въ отношеніи и того и другою развитіи, придавленная неблагоприятными вѣтвями односторонности. Ея недостатокъ и всегда недостаткомъ одного изъ двухъ главных элементовъ цивилизаціи - взаимодѣйствія общаго народа: индивидуальнаго и общественнаго. Въ Испаніи не было недостатка ни въ великомъ умѣ, ни въ великомъ содѣйствіи. Но тамъ и общественному уму и обществу было отказано въ основный характеръ цивилизаціи - въ общіе, непрерывный прогрессъ. Совершенно другое было во Франціи. Тамъ и общественное развитіе и интеллектуальное постоянно шли рука объ руку и подталкивали се шломо признавать за самую типичную представительницу основной идеи цивилизаціи. Такой взглядъ Бизо возбудилъ негодованіе нѣкоторыхъ историко-критическихъ, такъ что и въ средѣ ученыхъ науки явилась національная гордость. Но Бизо говоритъ, что взглядъ Бизо совершенно веренъ, что представительницею нормальнаго развитія цивилизаціи должно признавать именно, потому что только индивидуальное развитіе совершалось въ сущности, тамъ во Франціи, за исключениемъ отъ постороннихъ факторовъ - церкви, государства. Впрочемъ, надо помнить, что даже Бизо главное въ исторіи цивилизаціи есть интеллектуальное развитіе. Въ нашей смѣтливости зрѣнія, со стороны возможности уже изученія средневѣковой исторіи - вопросъ рѣшается въ пользу Франціи: зрѣе ли видныя помѣднее развитіе фео-

демократизма, рыцарства и рыцарской поэзии; здесь наиболее ярко выразилось движение городской общины, нараставшее, правда, в Италии. Можно также и в церковных вопросах (борьба с ересями) Франция представляется наиболее оживой провинцией; поэтому легче всего проследить развитие цивилизации средневековой Европы из истории ее во Франции.

Главное достоинство Гизо заключается в умении глубоко анализировать самые запутанные исторические вопросы. Понимая цивилизацию, как явление сложное, он вкратце кратко уяснил через десятилетия в средневековой жизни: римского, варварского (германского) и христианского и проследил их влияние в развитии различных факторов средневекового общества: феодализма, церкви, королевской власти, демократии, или буржуазии, проследил различные их комбинации и попытки к согласию, к которому эти десятилетия пришли только в XIX в., при реставрации буржуазии, когда свободой партии признали было равновесие между монархическим, республиканским и буржуазным.

Главная заслуга Гизо заключается в том, что он не только понимал задачу историка и ставил ее прямо. О достоинстве и недостатках его можно судить всею силой из его сочинений: его сил, возмущающих требований, которыми он ставит историка. Приводим выписку из Введения его „Истории цивилизации во Франции“.

„Всякая эпоха, всякое историческое содержание могут быть разсматриваемы ее тремя различными точками зрения и помогают на историка такую обязанность. Он должен, он дол-

- зачем прежде всего изследовать факты, со-
 брав их и представив все прошедшее в на-
 стоящее время, без всякого другого надер-
 жения кроме точности. Когда таковы обра-
 зцы изследования фактов, конечно узнать
 законы, которыми они управляются, значи-
 тельно связь фактов, причины, вызвавшие та-
 явления, которые соответствуют движению об-
 щества, и которые заставляют его идти
 известными путями, по известным на-
 правлениям. Я хочу обозначить в ясности и точ-
 ности различия этих двух научных на-
 правлений. События в соответствии с ними, яв-
 ления внешнего, видимые составляют
 историю; это - деяния, события, существа,
 органы, всеобщие явления бытия; их
 знание и их описание составляют то, что
 можно назвать историческою анатомиею.
 Но для истории общества, как и для мед-
 цины, анатомия не составляет всей
 науки. Факты не только существуют, но
 они являются одним другим, влияют друг
 на друга и порождают друг друга в след-
 ствии известных сил, которые управ-
 лют по известным законам.
 Одним словом общество, как и организм
 свой, имеет свою организацию и жизнь.
 Изучение этой организации составляет
 такую отдельную науку, науку о струк-
 туре законов, которые управляют
 ходом событий. Это физиология истории.
 Ни анатомия, ни физиология истории не
 составляют истории полной, истинной.
 Появились, в переписи событий, та же
 наука, то как внешние и внутренние
 законы они произошли. Но знает ли
 ли эта наука, движущую физиологическую?
 Представляют ли они влиятельные на-
 правления в определенном и определенном
 чертах? Приоткрывает ли в них единство

зрелищъ судебъ и тѣмъ же ности животно-
ею? Однако, все это необходимо нужно,
идо события, которые умерли, были и когда
ошлели, прошедши было настоящимъ, если
они опять не возстанутъ для насъ, если
мертвые не воскреснутъ, въ насъ не знаютъ; въ
не знаютъ исторіи. Анатомы и физиологи мо-
гутъ и даже они заподозрѣть ошлелое существо-
ваніе животно, если бы никогда не видѣли
его живымъ? Изученіе фактовъ, изуче-
ніе насъ организмовъ, возсоединеніи насъ фак-
та и насъ фактовъ, вотъ та исторія, ко-
торую требуетъ истинна. Моимъ принято
на себя эту или другую изъ этихъ задачъ,
моимъ разсматривать прошедшее въ этой
или другой точки зрѣнія, представлять
себѣ эту или другую изъ, моимъ отдалить
ей преимущественно критикъ событий,
или изученію насъ законовъ, или воспроизве-
денію зрѣлища. Такая работа моимъ
быть всеобща, естественна, только не дол-
жно никогда забывать, что она отрывочна,
не полная, что не это исторія, что ей пред-
стоитъ решить только одну задачу, что
всѣмъ великое историческое произведеніе, для
занятія своего настоящимъ животнымъ, должно
быть разсмотрѣно и оцѣнено въ тѣхъ
отношеніяхъ."

Теперь, если станемъ себѣ оцѣни-
вать Гизо въ этихъ трехъ точкахъ зрѣнія, то
должна сказать во первую, что онъ имѣетъ
огромное значеніе, какъ историкъ-анатомъ:
онъ обладающъ массой фактическихъ знаній,
много переводилъ и много издавалъ писемъ
писковъ. Но самая важная сторона его-такъ
физиологическая исторія. Въ послѣдней точки зрѣ-
нія, со стороны художественнаго воспроизве-
денія прошлаго, онъ менѣе важенъ. После
конца жизни онъ, правда, имѣлъ попыт-
ку художественно-историческаго разказа

в своей „Histoire de France, racontée à mes petits enfants“, которую он проектировал своим внукам уже в юной старости после франко-прусской войны, но не смотря на подвешенные отзывы французской прессы, он не смел признаться, чтобы было обнаружено какое-либо единообразие событий; во всяком случае труд этот не идет в сравнение с историческими цивилизациями.

Что представляло Гизо в области художественного воспроизведения событий, то восприняли другой современник ему французский историк Тьерри (Augustin Thierry). Родился он в 1795 году, умер в 1856 году. Это первоначальный историк, содействовавший своим трудом воле, и сам как другой из его современников, перевороту, совершившемуся в исторической науке и ее приемах в 30-е и 40-е годы нашего века. Окончив свое воспитание, Августин Тьерри предполагал себя заниматься адвокатурой, но затем, в свое время назначившись, много изучив, сочинения Шамберлана — „Les martyrs“ указав ему его настоящие призвание — он оставил практическую деятельность и всю свою жизнь посвятил научным занятиям историей. В дальнейшее свое развитие Августин Тьерри находился под влиянием сочинений Вальтера Скотта. В сочинении „Six ans d'études historiques“ он сам указывает на великие воспоминания „Ливенго“, в которых встречаются все стоящие картины жизни средневекового общества.

Тьерри иначе, чем Гизо, понимал

* Называя его по имени в отрывке от другого брата его, Амедия, тогда издательно, хотя и не так, где он, замечает историк. — (х) Выписка помечена на сходящей (23) стр.

ebou zagani; qeue nno mabnoe - ay godu comben

Испустивъ елика единаго Илтеппу, поурнуен-
ннуа въ рипуеуотинъ въ ево; Considerations sur
l'histoire de France.

"En 1810 j'achevais mes classes au
collège de Blois, lorsqu'un exemplaire des
Martyrs, apporté du dehors circula dans
le collège. Ce fut un grand événement pour
eux d'entre nous qui ressentaient déjà
le goût du beau et l'admiration de la glo-
rie. Nous nous disputons le livre; il fut con-
venu que chacun l'aurait à son tour, et
le mien vint à l'heure de congé, à l'heure de
la promenade. Ce jour-là je fus malade de m'être
fait mal au pied, et je restai seul à la mai-
son. Je lisais ou plutôt je dévorais les pages,
assis devant mon pupitre, dans une salle
voûtée qui était notre salle d'étude, et dont
l'aspect me semblait alors grandiose et
imposant. Je éprouvai d'abord un charme
vague, et comme un éblouissement d'ima-
gination; mais quand vint le récit d'E-
douard, cette histoire vivante de l'empire à
son déclin, je ne sais quel intérêt plus ac-
tif et plus mêlé de répression m'attacha
au tableau de la ville étendue; de la cour d'un
empereur romain, de la marche d'une
armée romaine dans les fanges de la Bata-
vne, et de sa rencontre avec l'armée des Bre-
tagnes. À mesure que se déroulait à mes yeux
le contraste si dramatique du guerrier sau-
vage et du soldat civilisé, je étais saisi
de plus en plus vivement; l'impression
que fit sur moi, le chant de guerre des
Bretons eut quelque chose d'électrique. Je
quittai la place où j'étais assis, et mar-
chant, d'un bout à l'autre de la salle je
répétais ce chant à haute voix et en fai-
sant sonner mes pas sur le pavé. Le mo-

на естество; историк этой борьбы между подвигателями и подвинуемыми Пьерри разглагольствует в Истории Мана Бенюи; простого французского поселенца, пофь которого выдвигает разумыть воплощение первоначального элемента французской национальности.

Итак, главная идея Пьерри в его взглядах на историю Франции — борьба рас. Он видит ее в первоначальной истории Франции и выставляет в разкосе и ртви тельном виде. В сьеровинскую эпоху пришел в Галлию Германец, завоевавший ее и после завоевания сохранил свою отличительную пещенную физиономию, и эту физиономию он в аудиентивном историческом разкосе изображает вездь, охраняя ее до смерти, напр. придеромитесь даде ирештенко наертания и произношения имени едотвенных (Schlodowicz, вместе с обыкновенной французской формой — Clovis, Brunhilde сс. Brunehaut).

Взгляд Пьерри на воиное и профоинитивное значение кинтагонизма рас на поминать слова Наполеона I, который проводил по далеко вперед и вывел в великой революционной изнане (deideem Франксы, евоиш давинишии подвигатели и работники. Сомнено сс эмиси воздрь-

d' il y a trente ans. Voilà ma dette envers l'écrivain de génie qui a ouvert et qui domine le nouveau siècle littéraire. Tous ^{ceux} qui, en divers sens, marchent dans les voies de ce siècle, l'ont rencontré de même à la source de leurs études, à la première inspiration; il n'en est pas un qui ne doive lui dire comme Dante à Virgile:

Tu duca, tu signore, e tu maestro. "

и имеет один из членов Конвента официаль-
но предположить отменить название „Фран-
ция“ и возстановить прежнее „Галлия“, когда
аристократы, потопив завоевателей изна-
но, возстановлено извержено коренного галь-
ского населения.

Конечно, измышляя этот предполо-
жен, но в сочинении Мюсси есть много поу-
чительного, и остается за нами задача
в том, что он возстановил оригиналь-
ную физиономию Меровингской эпохи и
целый увидит нас в том, что она не-
сколько не была похожа на позднейшую
феодалную Францию XII-го или монархи-
ческую XIII в.

Поговорим о воззрении высказыва-
ется Мюсси в „Истории завоевания Англии
Норманнами“? В предисловии к этому
труду он высказывает свои основные воззр-
ния. История Англии важна не только для
Англичан; изучение ее необходимо для
урадушный высшего историка всей Западной
Европы: история вошедшей части государств
Западной Европы началась с нашествий
варваров. Прежде всего варвара одруши-
лись на Италию, но от этого нашествий
идеи не осталось почти никаких следов-
ников. Нашествия варваров на Англию со-
вершились гораздо позднее, историков со-
аранжировать гораздо больше, а характера
первого нашествия и происшедшего отсюда
бы. Таких образцов изучения завоеваний
Англии Норманнами можно представить

§ Труд этот занимает уже первая
тома в 8-томном французском по-
ном избранном его сочинении. Он переведен на
русский язык в издании: „История и публици-
ста новейшего времени“ под редакц. А. Кравецкого
и В. Дудинкина, т. т. III, IV, и V.

множество прекраснейших аналогий для ура-
зумия подобна им рода явлений, со-
ставляющих нехладную почву среднему
потрях и истории Западной Европы. Картина
такая: нашествие варваров, обра-
зование из завоеваний временного, а из
завоеваний - низшего, подлинного состо-
яния, постоянная вражда между ними
из-за политический прав и т. д. все это
явления общие и однородные. Рост низ-
шего сословия, притесняемого в старин-
ных городах и селениях из се-
бя вносителей, там называемое, третье
сословие - вот основа трудов Шерри, и
задача - возстановить народный быт
в художественной картине. А писатель,
говорит он, что если стану приписы-
вать различия, а не различия, а
факты и изобретения фактов и выводы
общие, то буду в состоянии дать род
исторической жизни и жизни людей,
как будто некий мир, и
такой образ политической судьбы
народов возбудит то политическое зна-
ние, которое неизбежно выйдет за
простой различием от удачи
и приключений одно и то же. "Вот
почему эту задачу ему удалось пре-
терпеть, и истинный его талант на до-
стоинстве."

Слова об Августе Шерри,
невозможно указать на превосходное его со-
чинение. *Estai sur l'histoire de la forma-
tion et des progrès du tiers état.* (5^е
том полного собрания сочинений Ав-
густа Шерри). Из этого труда его
возрастать можно, что он взял за
такой труд. История революционных
городов и общин закончена еще
и не. *Lettres sur l'histoire de France*

и „*Considerations sur l'histoire de France*“; таким образом раздор историков и есть некоего разрыва во освобож-
 дении культуры. Названная же книга
 является общим трудом по этому
 вопросу. Написан воем труд, второй
 содержит введение к собранию доку-
 ментов по истории 3-го столетия („*Rassemblement des monuments inédits du tiers-état*“),
 предпринятому при Луи-Филиппе, в
 издании которого участвовали и Луи
 и Шерри. Советник труд Шерри до-
 тира во своего времени, но более точен
 по во великой революции. Он рассматри-
 вает здесь всю историю Франции в то-
 ку зрения истории третьего столетия, ко-
 торое достигло преобладания. Сказав,
 говорит он, нужно отбросить предполо-
 жения третьего столетия, потому что новая
 социальная теория (т.е. социализм) не
 верно сличительна со во современного
 буржуазия и порождает ни на чем
 не основанный антимизм. Третье со-
 словие, которое было оружием революции
 1789 года — не буржуазия, а все народ без
 духовенства и дворянства. Разделение
 между, горожане и селения мити, крестья-
 ни и рабочие безразлично входят во во
 ряда. Нужно нести предполо-
 жения факто во глубина вьков,
 возвратиться к римской эпохе во вре-
 мени завоевания Галлии германцами,
 обратить внимание на тот обширный
 класс людей разнородных условий жизни
 и разнородных занятий, который
 феодал укрепил во всеобщем и
 класс *la roture* (простонародье). Наско-
 такими образом во римской эпохе, он
 выдвигает за историю этого класса от
 6-го до 12-го века, когда эта масса со-

— для правления ея. героически, всеобща-
на горда отъ фреудовъ, основана емо
управление и тесновидна наемно всемо-
влю, которое титосъ все росло въ союзъ
е корсеевскою властью и соединено е
воспоминаниемъ и какоюсь великою
событи въ своей исторіи воспоминание
великого имени короля или императора.
XVIII вѣкъ составляетъ переломъ въ ис-
торіи 3^{ей} сословіи — корсеевская власть
изменила союзнику и перешла на сто-
рону аристократовъ — преломилъ вра-
говъ, отпаздала завершилъ, отъ 3^{ей} со-
словія, ея борбу за права, отъ ея
справедливую конституцію. Жалованъ
отъ борбу, и притомъ сословіе востор-
жествовало въ великой революціи, когда
моу великъ въ тоутъ день, когда изворене
и духовные уродина были войти въ камен-
ри, гдѣ заведано трети сословіи, и ко-
гда президентъ этого первого соединен-
наго конгресса народнаго емовердованія
произнесъ торжественныя слова: „Toute
la famille est comprise“ („нима еемия
въ пословицъ составъ“). Н. процессъ разви-
тіи этого еще невпослѣ закончился.
Прошло 22 года послѣ непродуманной консти-
туции 1791 года, который еоставляющая
переломный пробѣлъ въ этомъ развитіи,
до реставраціи Бурбоновъ, когда порван-
ная цѣпь прынмимаго развитія 3го со-
словія емола была епрѣнена, корсеев-
ская власть емола закончила ея истинъ
союзъ и утвердилъ партію завоеванна
и ея гражданами и политическія пра-
ва — тутъ то вотъ и завершилъ началъ
и истинъ послѣ паденія Западной римской
имперіи организуется процессъ разви-
тіи третняго сословія.

Разсматриваемая таким образом, история Франции представляется гниющим по своему всемирному по простому и единственному. („Considérée de ce point, l'histoire de France était belle et simple et de simplicité“) Но отнюдь геоморфический взгляд, построенный на учении постепенного развития 3-го сословия (т. е. народной массы), был разрушен революцией 1848 года. Оказалось, что процесс далеко не закончен, явились новые теории, здания, воздвигнутое Пьерри, рухнуло; отныне появился перо: титанию было тяжело после такого страшного разочарования, титанию отказываться от измощенной и до сих пор скитавшейся цепи — титанию было от всего отказываться и все перестроить по новому плану. И действительно, были попытки со стороны группы титанов нового построения здания истории Франции, но ни одна из них не имела равной по силе трудов Гизо и Пьерри.

Упомянутый вкратце на других сочинениях А. Пьерри.

„*Revue des temps Mérovingiens*“ (1840, 2 тома) представляет собой картину событий, изображенную на основании всевозможных исторических, относящихся к тому времени.

В сочинениях, озаглавленных „*Considerations sur l'histoire de France*“ (1847-49) и „*Deux ans d'études historiques*“ Пьерри критически относится к титанам, занимавшимся средневековой историей. По его мнению, события истории славных разрозненных эпох являются перед нами именно в своем характерном типе,

Переведено на русский язык в Отд. Зап. 1847. и в „Разсказы“ 1867. есть и следующий по книге: „Разсказы о временной Меролинг“

тогда как обязанность историка состоит в создании точной и живой картина известной эпохи, освещенной ее собственными координатами. Офисис евоосей Мьерри постоянно требует от историка художественно-образного воспроизведения прошлого.

Кросис Гизо и Мьерри, стоящих во главе исторической науки во Франции, славящиеся указать на тех, которых еще французские ученые, хотя и скупые, первый чувств по таланту, но все-таки посвящающих заслуженною известностью за свои исторические труды.

Гизо, или прежде всего Мишле (Julien Michelet). Родился он в 1798-м в семье бедного типографа, едва считающего работой в типографии, но благодаря таланту и самодеятельности стал записывать историю, получил высшее образование и начал свою деятельность учителем истории. Его литературная известность началась с издания его перевода «Новой Науки» Вико; он был замечен Гизо, который, обратившись к нему, передал ему своего педагога в Collège de France, где он и составил себя в короткую сферу. Его лекции послужили основанием для его сочинения в 6-м томе по истории, «История Франции» и обнимают весь Средний век из Людовика II. Мишле производил здесь трудом Э. Монье, Мьерри, и особенно замечательно на него влияние Гизо, но, обладая оригинальным талантом художника, он отказался от попытки дословного исторического повествования. Он представляет прошлое в ярких образах; пошлему по-

20-е. Сочинения Огюстена Мьерри. СПб. 1864.

= истинная и общественная жизнь
 обращает внимание на искусство, поэзию,
 в памятниках архитектуры и досуга
 го быта видит естественное и здоровое
 господствовавшее в среде общества
 той или другой эпохи и идей. Не встря
 на некоторые промахи и пробелы, это са
 динение очень ценное, гипотеза ее удобства
 отвлечен и поучительностию, хотя и тупе
 ую автор уверяется истинности своей
 фантазии. Очень важен, напр. географиче
 ский обзор французской Франции, представ
 ляющий характеристику индивидуальности
 черт каждой провинции. Профессорская зна
 тельность Мишле скоро прекратилась, по
 тому что он, вступив вельство в сво
 ем другом Нина в знаменитую борьбу
 в центральной Франции (новое католическое
 партия), которые пытались захватить
 в свои руки дело народного образования
 во Франции, естественный факто заняв в
 этой борьбе, и близкий к ней кинуть.
 Тогда он занялся французской литературой
 историей Франции, написал общую „История
 Революции“. Тут он дает своим
 своим своим престору фантазии и ин
 стинкту. Уже в 50-е годы он возвра
 тился к своей предвзвешенной первоначальной рабо
 те - повествовательной истории и попом
 нил продолжал между своим первыми тру
 дами, отнес к великому возрождению, рефор
 мации, религиозных войн, Генриха VIII.

* Написанная историей его „История
 Франции“ трудно представить, особенно эта
 самая война Франции с Англией и в
 особенности историю Елизаветы и Арто
 которая является у него воплощением
 всего народного настроения в ту тяжеле
 стую для Франции эпоху.

Этот труд гораздо слабее первого: таме-
нь хорошо, ясно и достоверно излагается фран-
та, здесь рассказ его представляет ряд
тщательных факт и много знакомых с некоторыми
Франции вариаций на вечные темы.

Рядомъ съ Мигнемъ необходимо на-
звать и имя его друга и союзника въ борьбѣ про-
тивъ утилитаризма. Эдуардъ Никс (Edgar
Quinet), который написалъ истинно блестящую
книжку правды о юности въ исторіи. ("La philoso-
phie de l'histoire en France", Revue des deux
mondes 1853, Апрель). Эта предельно
крайняя и страстная протестная
книжка, восстающая противъ школы философіи
исторіи во Франціи, противъ доктринеровъ,
которые проповѣдуютъ для молодой идеи:
фатализмъ, считающій на все исторически
факты, какъ на неизбѣжно необходимыя и
оптимизмъ, считающій насъ чуждообразны-
ми, полезными, симпатичными. Эти идеи,
говоритъ онъ, отменя, отъ-принимаетъ и счи-
таетъ упрямою Французскаго общества,
они приведутъ Францію къ истребленію. На-
ция (это его собственныя слова) несправед-
ливо падаетъ даже въ сущности въ этой упря-
мой борьбѣ съ иными идеями, или неразуме-
наго отрицанія истины, или въ сущности
ея враговъ. Франція въ давнишъ поръ не
составляла чужбѣ рядъ глупыхъ заблуждений
относительно своего прошлого и сущности
того, подвергается дошлой отча-
нности, отъ которой можетъ быть ели-
кимъ спасеніемъ новыя 4^е Августъ. Одно изъ
наибольшихъ иудейскихъ заблуждений есть
именно безответственный историческій
оптимизмъ, основанный на дуалъ софи-
змахъ, принимаемыхъ за аксіомы. 1) че-
ловѣкъ ведетъ къ свободѣ и 2) слогъ и
слогъ всегда противно тому, что хо-
тятъ думать". Какъ доказательство

«фронт» Китая подвергая многократным критическим замечаниям, которые раздвигает она не будучи. Слышу что-то замечать, что Китай до некоторой степени уже вытеснен на затронутый и еще вопросы и не ставит разницы между историческим одобрением и нравственным оправданием. Можно советовать и не советовать Тамию, но необходимо одобрить или осудить и превосходство Рима. Сомнительно о подлинности не только и как-то признание выходящая кажется подделкой. Конечно, не должно впадать и в другую крайность и утверждать, как докторина, что совершившийся факт завоевания был единственно возможным и неизбежным. Речи шонгит, действительно Тамию не завоеванные дошли до самостоятельности до какой степени развития, но были ли они действительно единичны, тогда отпадает эта необходимость, выработать самостоятельную культуру? Эти важные вопросы Китая довольно мало затронуты; все отбрасывая правительственному одобрению событий, она упускает из виду одобрение историческое. Существенная польза, принесенная и исторической наукой, состоит в том, что теперь не отпадают горькие досады античного изурованного народа.

Упомянутый еще два имени и тот же законный переименование по истории средневековой Франции. Это во первую очередь Мартэн (Henri Martin), написавший «Историю Франции» от начала до настоящего времени в 10 томах. Мартэн построил свою историю на демократическом начале и сейчас теперь не только народный историк, но и официальный историк республики.

Народы он писатъ въ 3-й годъ, и его воз-
зрѣніе очень отчасти отъ взглядовъ Бузо
и Шерри, хотя и имѣютъ нѣчто родствен-
ное съ теоріей послѣдняго. Его главная цѣль
изученіе политической основной массы насе-
ленія Франціи и ее внутренней сущности,
изъ которой онъ объясняетъ все дальнейшее
развитіе. Весь кругъ учрежденій, основныхъ
идей - все это равняется политической на-
лаженности. Душевные стремленія политическаго
этой народности, ее самостоятельное развитіе
было подавлено тремя завоеваніями: рим-
скими, германскими и арабскими.
(Бузо же наоборотъ видитъ въ нихъ осно-
вные, конститутивные элементы). Массы по-
лимы политическаго элемента обращены въ
себя эти массы, и въ имѣетъ является
свободный развитіе политическаго народа,
также и идетъ все дорожки: рыцарство и
рыцарская поэзія, городовое движеніе и
т. д. Задача французской исторіи - не при-
мирить, не равновѣсить всѣхъ этихъ на-
правленій, а торжество одно, основное, дости-
женіе политическаго народа, политическаго
элемента. Массы онъ ведетъ исторію и дальше.
Это демократическое, политическое на-
правленіе единаго въ трудѣ очень поту-
шеннаго. Средневековую исторію онъ из-
ложилъ хорошо, но воззрѣніе его, разу-
мѣнія, несомнѣнно, односторонни и
недостаточно. Взглядъ его возмущаетъ
многія возраженія, напр. въ отношеніи по-
литическаго писателя Лепинья (Lepin
Epinoy).

Совершенно на иныя основанія
построенъ трудъ - Эссе-де-Кюманж
(Essai de Coudan) - Исторія политиче-
скихъ учрежденій древней Франціи (Histoire des institutions politiques de l'ancienne France). Это сочиненіе очень по-

= во (отзыв ^{покойной} о нем Брестовой. Кавелиной
 в Восточной Европе. 1877г.) представляется
 писателю первый том Одириана изеидо-
 вания, содержащий томы которого еще не
 появились, и печатаются отрывками
 отрывками в журналы. Роводит он
 этот первый том из 650 года и рассмат-
 тривает римское, кельтское и варварское
 начало. Главнейшее начало во француз-
 ской истории автор признает римское;
 главную роль в истории развития фран-
 цузского народа и государства играет рим-
 ская традиция. Вопросы о начале кельт-
 ского он так же ставит и говорит,
 что имел в возможности широкого само-
 стоятельного развития кельтской раз-
 вития и культуры, и если он все-
 римский в быту и жизни существующий
 еще теперь представляется этой народно-
 сти, иными Шотландии и Ирландии,
 то почему не считать в ее виро-
 ности, так как эти кельты не выра-
 жались в своей жизни ничем самостоя-
 тельным. Таким образом Фюстель
 де Кулант утверждает кельтскому нача-
 лу весьма незначительную роль в исто-
 рии развития французской цивилизации.
 Переходя за этот к определению величия
 германского, варварского начала, он вы-
 сказывается весьма, правда, не очень новы,
 но очень решительный. Он окончательно
 отрицает возможность самостоятель-
 ного величия варваров на развитие фран-
 ции. В этом он согласен с некоторы-
 ми другими учеными. Один из них, напр.,
 Бернар считает своим главным раз-
 суждением в том, что германцы своим вли-
 янием только одним одряблявшую галу.
 Таким же взглядом проводит знаменитый,
 только не совсем исландец, томизм.

назадъ имперій, уренихъ - позитивистъ
Лингаре въ своей книгѣ „Etudes sur les
barbaries et le moyen âge“ Въсегда озна-
 чительностью всѣмъ германскаго народа
 особенно заимствуется Туго; отъ котораго,
 что тартара поведиши въ поведи новыя
 народы всѣмъ подаритъ, они принесли
 намъ народа мнѣной свободы. Простите же
 Куликоваго героя возмощи противъ этой
 силеи. Не можемъ, который онъ, вартара
 дать того, того у нихъ силеи не было, а
 у нихъ не было свободы, было только пог-
 рабленіе (subordination). Да если да и было
 у нихъ свобода, не можемъ принести ее такъ
 германца, которые явились на замѣсную
 погву. Внутри германца, утвердился
 онъ, еще предъ этой заботой совершил-
 ся процессъ размоинія народностей, ко-
 торое уничтожило первоначальную фор-
 ма дѣла и материально раздѣло паче
 на на кучки. Эти по обрѣтѣ, потеряв-
 ший свою первоначальную чужую фило-
 софию и явились нарисовкою погву-
 соответственно, что они не можемъ принести
 ее свою народа уничтоженнаго чужою
 ма. Математическимъ образомъ ни Кельта ни
 германца не дали Франціи ничего, все
 осталось на долю римскаго народа.
 Это происшествіе онъ старается дока-
 зать, но можно сказать, что доказатель-
 ства его не очень удовлетвѣтельны; онъ вы-
 даетъ въ другую крайность. Первая
 часть его книги, въ которой онъ гово-
 ритъ о римскомъ народѣ, всеюа са-
 мая, отгнана онъ и германца и Кель-
 та по только силе, но чужие пред-
 ставляютъ собой некачественны факты.
 Прочтите Простите же Куликоваго ма
 законный обзоръ поговъ по француз-
 ской исторіи и перейдите къ указанию

важнейшая сочиненіе по исторіи Англии

Пособія къ изученію средневѣко-
вой исторіи Англии.

Известный предикъ всего сочиненія Гелотанда, имя котораго упоминается въ исторіи философіи, сочиненіи Гиббона и французской энциклопедіи, — Давидъ Хау (Хау). Онъ принадлежалъ къ свободному мыслителю, былъ рационалистомъ въ вопросахъ философіи и утилитаристомъ въ области нравственности. У него явилась мысль написать исторію Англии во время революціи противъ Стюартовъ (предпринятъ общенациональный трудъ ему казался слишкомъ трудно). Первый томъ его „History of England“, охватывающій время царствованія Якова I и Карла I до казни послѣдняго, вышелъ въ 1753 году и былъ немедленно взятъ въ общаго недо-вольства: тѣмъ, кому и принадлежалъ въ томъ же году заговоръ противъ Хау, который, обвиненный противъ оцѣны фактовъ „въ несправедливой оцѣнѣ пошлости короля и пошлости одъ угаети министра Стюарта“. Не ошибаясь отъ философа, стоявшаго всегда за свободу мысли, защита деспотизма. Объясняется это странное явленіе

• Дѣло обязательнаго чтенія, изъ сочиненій по исторіи Франціи представляя на пер-воемъ планѣ: „Исторія цивилизаціи въ Европѣ“ и „Исторія цивилизаціи въ Франціи“ Фуко; Исторія заточенія Англичанъ Корсиканцами „Considerations sur l'histoire de France“ и „Lettres sur l'histoire de France“ Миссеру. Замѣтки на второй планъ отодвигаются

всего разнообразно: то первая Юли, как
Монтаньер, свои доско сочувствовал
Стюарту, а Юли Англичанин, как Монтаньер
он свои и подобно Англичанин и
еще много представлять удовольствие на
интерпретировать; то вторая Юли, как сво-
бодная интеллигенция, не свои статьи на это
роль религиозных францисканцев - пуритан,
главная деятельность революции против Кар-
ла. Прием первого тома (о чем он даже
проникнул) позволял в своей автобиографии
не считать его; он продолжал писать,
и сходящие томы его труда, отменяющие
его деятельности литературным достоин-
ством, были вторыми в доске сочув-
ствием. Он довел историю до 1688 года; из-
менив потом время правления Мидорфа
и обратился тогда назад, к средневеко-
вой Англии. Вторая половина влады-
чества. В труде Юли есть существен-
ные недостатки. Во первом, он неаконо-
мично поднимает, а переносит начало из то-
рты руки; то вторая, в изобретении средне-
вековой истории он ограничивает ее смысле
и точки зрения рационализма XVII века
и потому не беспристрастен; а руководит
его доско своим субъективным воззре-
нием. Не смотря на это, история его,
благодаря обширности и прекрасному я-
зыку, пользуется популярностью и теперь
и издается даже в виде руководства
для студентов. Существенный перевод
на французский язык - Bellot и на немец-
кий: сочинения Мундта и Ерстена-де Кю-

аппенгауза и „Récits des temps héroïques“
Мундта и наконец на немецкий - сочинения
Хармента и Histoire du tiers état Мибера
также как это послужило к ознакомлению
специально с ерстена-де Кюппера.

Выше по стопамъ сочинения нѣмецкаго ученаго Лангенберга : „ Geschichte von England “. Лангенбергъ извѣстенъ и славенъ, какъ государственный издатель брошюры Адама Брешенскаго. Принадлежитъ по происхожденію къ нидерландскому племени, низкому въ анатомическомъ, онъ интересовался исторіей Англій и ему было поручено Переводъ и Утвержденъ, предпринявши изданіе исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ, написалъ исторію Англій въ средніе вѣка. Онъ принялся за трудъ, но смерть помѣшала ему окончить его. Трудъ его продолжалъ и окончилъ профессоръ Пюдингера изъ Университета - Пацелъ (отъ война Б. Габсбурга и Алфонсо Роза до Генриха VII). Трудъ Лангенберга-Пацелъ приобрѣлъ почетную извѣстность не только въ Германіи, но и въ Англій, и въ скоромъ времени своего появленія, былъ переведенъ. Довольнительно долгое знакомство съ историческимъ и критическимъ цѣнникомъ ставитъ этотъ трудъ выше

2 воинами Нема и Лингарда.

Мы не останавливаемся на истории завоевания Англии Норманнами. Двухтомная Тьерри, такая как это замечательное сочинение раньше было нами рассмотрено подробно, мы только напоминая о нем еще раз и указывая на его значение учебного, державшегося ввиду его противоположности Тьерри, именно на исторический труд Пальграва (Palgrave) „Возникновение и прогресс английского государства“ и „Истории Англии и Нормандии“.

Первое сочинение он начинается с римского периода, рассматривает период англо-саксонский и идет дальше. Путь ему трудно было обратиться к истории Норманнов, которую он хотевший довести до сведения с историей Англии и затем продолжать эту историю современно. Докончить задачи ему не удалось, но труд его заслуживает внимания со стороны оригинальной идеи, которая его проникает. Он был родоначальником исторической теории о непрерывном существовании римской империи во все продолжение средних веков. В 476г. римская империя не пала, как обыкновенно утверждают, а только одвинулась еще раз — встает император и западной империи переименовал в Зенону и его преемников, высший авторитет — который признавали и варвары. В 800г. титул этот переименовал в императора Франкский, от него к Итальянскому, потом к Германскому — и так продолжался весь Средний век существование римской империи не прекращаясь. Это идея много одвигает в историческую средневекową историю.

(напр. много взгляды и выражения характера) и имеют за себя много данных. Приклад теории по истории Англии, Пейперс указывает, как уже сказано, взгляды противоположный Пьерри и все объясняет рисунком традиций. Напр. говоря об англосаксонской древнейшей Эт.е. коронной, выдает картину, будто бы простиралась на все государство генерал (что-то в роду нашей всеподданной земли здешнего первостепенного знания значительную выдающуюся производит нов прямую от рисунка времени. Когда русские много были в восточной Англии и выдаются рисунком императора прикрепляется на остров себя романизованные бритты, выдаются нового императора по рисунком образу (рисунком линии он доказывает и существование такой титуды англосаксонской коронной, как бавария) Пьерри он рисунком традиций он объясняет много мнений внутренней жизни. Говоря даже о завоевании Англии Норманнами, он видит в нем не одну степень нашествия иноземного народа, но простой династический переворот. Видя какой завоеватель использовал у него за конную наездническую англосаксонского королевства по завещанию, который принимал то всего требовал требовал своей короны. Говоря о переломе времени предыдущий Норманнов в Англии, Пейперс находит, что не знаю вообще такой общей эпохи, т.е. отбора земли у англосаксонского населения, какую видит Пьерри. Конечно, выдающийся требовал себя прислужив и отказавшийся исполнить это негласное требование подвергавшийся преследованию и конфискации имущества.

и цесарь, как дунювицкии противъ своего
законнаго наследя, который и отдавалъ
отобранные уаестки евоиыя приверожен-
цамъ, по волеиой гасети Норманнскихъ, но
въ евоиыя подробностиа преворотъ воле
не бьыа таковыа отправыиыа, и скоро со-
вершилось приеирииъ дуудъ гавъ-агилосаксеон
ской и Норманнскеой.

До настоящего времени ученником
Польска является знаменитый ученый
Фришман (Frisman), известный своим со-
общением по балтийским и посканским
языкам нашего университета. Его наз-
ованье имени своим сочинением: История
Норманского завоевания ("History of the
Norman conquest"), которое отличается
его большим и ученым достоинством:
рассказ самый тщательный, подробный,
основанный на внимательном изучении
источников, многочисленные приложения,
попутные в конце посвящено изъяс-
нению отдельных вопросов и спорных
пунктов. Тема его первая почти по-
лностью, как и Шверн - завоевание у него
только центр, около которого удобно груп-
пированы и предшествовавшие и последо-
вавшие события. Труд Фришмана по-
лучил в Восемьдесят томах. Первый том
описывает первоначальную историю Ан-
глии, второй - отношения Эдуарда и Гаральда
с Вильгельмом Норманнским; третий -
события 1066 г.; четвертый - царствование
Вильгельма Завоевателя; пятый, самый
обширный, - всеобщее завоевание. Ска-

§ Изъ сочинений его на русск. яз. переведена та-
ко небольшая книжонка — Сравнитель-
ная Политическая и экономическая исторія (Кн-
жечко его лекцій) преподавателемъ на-
шего ун-в. Н. М. Коршуновымъ.

и имеет два слова о направлении и глав-
 ных взглядах Фришана. Он смотрит
 на раздираемую эпоху в тисках зрелищ
 взаимоотношения двух элементов, вступив-
 ших в истинную битву. Он ста-
 рается (по его собственным словам во
 введении) быть объективным, отбросив по-
 средки между теорией Мёрри и Пэ-
 рри и взгляды одного ограничить поволи-
 ниями другого. Однако само по себе он
 несомненно склоняется на сторону Пэ-
 рри и, разбирая теорию Мёрри в процес-
 сивности антагонизма рас на ан-
 гийской почве, критикует, говоря, что
 он замечательнейший талант из раса-
 нов. Вальтера Скотта. Фришан не до-
 пускает продолжительного антагониз-
 ма между Англосаксами и Норманнами;
 два народа окончательно приурочены и
 связаны уже к царствованию Генриха II,
 так что в то время название "англи"
 означало общинный именованный родом
 англосаксонского короля. Да и действитель-
 ности Мёрри слишком далеко ведет
 антагонизм: так напр. в известной
 борьбе Генриха II и Матфея Бекета он
 видит ту же неслучайную традицию между
 англосаксами-Бекетскими и Норманнскими-
 Генриховскими. Какое же было разочарование
 Мёрри, когда незадолго до его смерти,
 по вновь разобранному неопубликованному,
 рукописи, что и Матфей Бекет был Норманн.

Матвей образцов Фришан при-
 тиражирует относительно к увлеченности Мёр-
 ри; к сожалению труд его не переведен
 ни на один из французских европейских язы-
 ков и потому мало доступен; а изу-
 чение его редким из трудов Мёрри было
 во очень полезно и поучительно. Кроме

того Фримана проводить идею объединения английского народа и непрерывности развития его политическая угрожающий, ведущий начало от германского, англосаксонского элемента, который во все те дни подавлен приливом Норманнских нападений, а напротив внутри английской нации его едъ.

Теперь укажем на типическую трудность, даже специального характера, возникающую в истории английской конституции, — вопрос первоисточников власти в истории Англии.

Назовем прежде всего, хотя и несколько устаревший, но все же серьезный и полезный четырехтомный труд Джеймса (Халлама) — "Взгляд на состояние Европы в средние века"; в третьем томе рассматривается история английской конституции в средние века.

Из новых трудов, возникающих в истории английской конституции, произведем почетный труд немецкого ученого Гнейста: "История самоуправления в Англии" (Geschichte des Selbstverwaltens in England). До Гнейста английские историки относились к английской конституции, как к идее, как к учреждению, в котором три вида власти — законодательная, судебная и исполнительная существуют ради общей пользы, в чинный политический организм и находящийся в постоянном равновесии. Гнейст вводит новую точку зрения, в которой рассматривается английское самоуправление и его развитие. Он указывает на незаметный до него факт, на то, что в Англии существовало общественное начало, самоуправление (гражданства) не под-

= живущее центральной властью, и посему живущее второго уровня конституционализм; это общинное начало ведет происхождение от среднего века. Придя к ней, проведя новый свет на историю английской конституции, и хотя и ищет некоторые недостатки, но достаточно обширное изучение источников, на которые указывает и исправленные взгляды на происхождение некоторых конституционных элементов.

Наиболее полное обозрение конституционной Англии принадлежит Стедде (Stubbs); „Constitutional history of England“ (1878. 3 т.) Стедде, весьма много потрудившийся над изданием исторических по истории Англии, является первым авторитетом по вопросу об английской конституции. Отношение его отличается весьма серьезными внутренними достоинствами, хотя написано не особенно привлекательным языком. Оценку этого труда можно найти в сопоставлении с профессором М. Ковальским: „Стедде, историк английской конституции“, где он относится к Стедде с большой похвалой, хотя обвиняет его в том, что он излагает изменения в конституции слишком отрывочно от изменений социальных и даже почти игнорирует эти последние. Стедде, подобно Фришману, выдвигает на первый план значение народа германского в истории английского самоуправления, по сравнению с Монпелье, „ищет свою свободу в сущности германской“ в первом томе у Стедде поминано очень хорошо, хотя это изложение древнего быта германцев, в котором сведены главные изыскания новейших ученых по этому

предмету. Действительно, нужно сознаться, что наша германская печать отразилась на англосаксонской печати на какой нибудь другой.

Внекоротко доступные другой его труд: Избранные хартии (Select charters), нечто в роде ориентации к первоначальному труду, составленный из главных документов, относящихся к истории английской конституции. Труд посвящен, иногда цитируются, доселею не касаясь в отрывках самых важных документов, в которых выражаются главные этапы, важнейшие этапы развития английского конституционного строя. Мы встречаем тут отрывки из "Германии" Магнуса, извлечения из постановлений Саксонской королевы, Magna Charta libertatum и другие некоторые новейшие документы, напр.

Буквы о правах и т. д. Вкратце введение к этому труду посвящено германскому взгляду на развитие английской государственной организации. Это введение переведено на русский яз. в издании Студентов Московского Университета под редакцией С. Н. Ковалевского; Опыт по истории английского права. В этом же издании приложены переводы некоторых сочинений Фришмана, изображавшая из двух разпространенных юридических систем, излагая их во взглядах на развитие английской конституции. Отдельно рассуждая в них, в которых излагается Фришманом, ссылаясь на доселе неизвестные источники, главным образом. Напр. в известном древнегерманском византистическом Фришмане видны соображения о свободных людях, видны родопарадные термины; Отдельно не разоблачает такое убеждение и видны в нем то же соображения о магнатах и

IV

участвовало. Прочитать эти две статьи парижески очень интересно.

Можно, пожалуй, указать на вышедшее в прошлом году русское издание Павлова — „Основные эпохи в истории Англии“, но только в виду бедности нашей переводной и оригинальной литературы по истории Англии, так как труд этот представляет весьма незначительное, даже достоинство. В предисловии автор обещает дать полное обзорное изображение истории средневековой Англии и обратит особенное внимание на историю развития конституции, но исполняет это обещание очень неудовлетворительно. Автор не пользуется никакими английскими сочинениями; упоминает только во введении; на Оспейса ссылается только со слов Новалиевского. Понятия его устарели, знакомства с историками незначительно, и только некоторые известные книги представляют порядочную компиляцию.

Упомянуть еще на сочинение Фердана Оппенсера — „Описательная Социология“. Часть первая. Англия. (переведена на русский язык киевским профессором Лукичиным). В этом труде Оппенсер поставил себе задачей открыть законы развития общества в истории английского народа. Для этого нужна была масса подготовительной работы; вот почему и поручил своим ученикам собирать всевозможные нужные факты из

На стр. 48, 5-я строка снизу враз-
дуб опечатка: См. Виттенберг Сред. Уст. Л. — 4.
следующее Виттенберг. Праг. Корректор.

Лит. Справочн. Метер. смор. болши проси др. № 93.

-английской истории и расположить их по ридрикам - торидикским, Экономическим и т. д., разнородным и т. е. мисс, особенно с его взглядом и влиянием. Каждая отдельная группа фактов должна представлять полное, постепенное развитие известного явления. Благодаря такой группировке, можно легко следить за взаимною зависимою отдельных явлений, из сопоставления которых Степень эта-раства вывести общие законы развития народа. Для наглядности приложены таблицы фактов. Прудэ этот, как явление новое и мощное, переведен на русский язык, хотя бы, можно сказать, не читая и наизусть халда по истории Англии. Книжка этою можно пользоваться, так как в ней введены все исторические факты, тесно разбитые на группы, особенно с специальными влияниями изследований. Впрочем, нельзя не указать на некоторые недостатки труда. Самый важный недостаток, на первый взгляд, раздражающий структуру общества, слабо разработана. Да это и очень естественно - еще не читая для этого символически еще мало данных, и особенно дос-мисс могут еще довести услуги от простейших исторических изследований, которые должны собрать и осветить еще множество данных из неразобран-ных торидикских памятников.

В одной из этих естественных

Пособия для изучения средневековой Германии.

Указав на труды более общего характера по истории Германии. Не имея возможности отнестись к капитальным трудам Гизебрехта, профессора Мюнхенского Университета: „Giesebrecht. — Geschichte der Deutschen Kaiserzeit“, в котором рассматривается история Германии со времени Оттона I (962 год), и который, как предполагает автор, должен быть проведен до распада Германии при Фридрихе II — Гогенштауфений. Это обширное сочинение. Первый том вышел в 1855 году, а первый выпуск 2-го тома, в котором речь идет о первых годах царствования Фридриха Барбароссы, в 1880 году. Основное значение этой Гизебрехта заключается в предисловии. Он говорит, что идея этой эпохи потому, что она была действительным осуществлением „единой империи, великой Германии“, временами, когда единство и величие имперского государства было не мертвой и мнимой, а живой и фактической, когда нация в течение всего происходила мировым величием и первой политическою силой на западе. „Великое время это еще и теперь говорит о себе в величайшей содранности и приткнутой отдаленности от старинных

«городовъ, въ развѣсившихся, махнулъ по
росеиной бурнѣ, разсѣянныхъ по герман-
етинскій горамъ; въ пѣсняхъ о Минни, ры-
царяхъ и герояхъ и теперь еще ввугнуть
его слыша. По полямъ и сѣчамъ, по хол-
мамъ и долинамъ нѣмецкой земли и-
дутъ съ нею безчисленные преданія.»

Многие образы, не только
автора, время и цѣль въ немъ самымъ
вмѣстѣ въ исторіи Германіи. Это
было время, когда и сама Германія цѣли-
лось высоко, когда она управлялась сама
собою, когда она пользовалась широкимъ
влияніемъ. Взглядъ Гизебрехта былъ от-
зывомъ его патристическаго чувства. Ги-
зебрехтъ не могъ равнодушно смотреть
на постепенное и второстепенное паденіе
своей родины (въ 50-е годы) въ ря-
ду европейскихъ государствъ. После это-
го, понятно, что прощанье Германіи,
представляющее такой резкій кон-
трастъ съ ея историческимъ, казалось ему
„въ пурпуръ и ѳиокъ“ и заставляло
его мечтать возстановленія единой гер-
манской имперіи въ ея прежнихъ пре-
делахъ.

Взгляды и мечтанія Гизебрехта,
вызванные патристическимъ чувствомъ,
обращавшимъ его глаза назадъ, заставля-
вшимъ его видѣть въ прошедшемъ иде-
алъ дѣла историческаго, вызвали сильную
оппозицію въ кругу Гибеля. Въ своемъ
трудѣ: „Ueber die neueste Darstellung
der deutschen Kaiserzeit“ онъ говоритъ,

что Гизебрехт изобразил и оцѣни-
 ваетъ имперію не вѣрно и своего словес-
 ного идеализма не способенъ точно сбить
 съ толку патриотовъ. Средневыковская
 имперія существуетъ только въ воображе-
 ніи, и возвращеніе ее отнюдь не оче-
 видательно. Средневыковские ирландскіе им-
 ператоры отнесшіеся къ универсально-
 му господству и, въ тушину этой фран-
 тастической идеи, забыли о націо-
 нальных интересахъ. Они отнесшіеся
 всадить Империю, какъ центръ рич-
 екаго міра, а для этого имъ нужно
 было не только завоевать ее, но и пред-
 принимать туда безчисленные походы,
 чтобы утвердить за собою отъ стосѣкь
 нидудь прочную власть. Какъ и случи-
 лось, — походы не прекращались, людей
 покуда синодство, тратились нуды
 ные силы, политика запутывалась....
 Офрѣта принесено было отчаяніе,
 практической мысли народу онъ не да-
 еи никакой, а доблесті одинъ сивирный
 бексъ, сивирный императорскому сла-
 волюбію. Бексъ былъ сирѣй, но не противъ,
 въ 18-мъ вѣкѣ имперія позорно рухнула,
 поплыла Германію грудою развалинъ, по-
 вержена народъ въ униженіе и анархію.
 Чтобы сугубо вселеніемъ воззрѣній ди-
 беля упоминать, какъ онъ понисалъ деи-
 майшія задачи своего народа. Постоян-
 ного, необходимого историческаго зада-
 чію Германіи онъ называетъ покоренію и
 опьяненію восточныхъ еливанскихъ земель.

Борьба с Славяносами возникла давно, продолжается долго; результаты уже достигнуты много (напр. Басийски Славяне охвачены вполнѣ) и, если не двинув еще Немецъ окончательнаго успѣха, такъ это потону, что императоры проводили въ жизнь францисканскую идею, возникши из Утрасио и отвыкнувши народъ отъ его настоящихъ, культурной задачи: императоры шли въ Утрасио, а въ тылу у нихъ происходились и непрерывно происеетвовали Славяне. Утрасъ, противника императоровъ быль вредна, возстановленіе имперіи съ ея преимуществомъ характеромъ не только не осуществлено, но опало, а потону взгляды Гизедрента не выдерживаютъ критики.

Конечно, и Гидель неосведомленъ правъ, и ему представляются весьма серьезные возраженія. Онъ говоритъ, что стремленіе укрѣпить связи съ Утрасио было глупо, сдѣлавъ основною задачу — германизацию Славянъ, но онъ забываетъ, что эта связь съ Утрасио въ сущности была въ папствѣ, въ церковно-быломъ необходимомъ для той миссіи: вѣдь если Немецъ охваченъ верою нахъ Славянами, то благодаря не одной мысли своей силой, а отчасти благодаря патристикамъ, т. е. папскимъ миссіонерамъ. „Въ исторіи вторить нельзя“, говорилъ епископъ Ранне, патриархъ ново-исторической науки, а Гизедрентъ и Гидель

именно спорили въ нихъ, смотрели на
прошлые въ точки зрѣнія настоящаго,
и потому взгляды ихъ неварны, въ нихъ
видны ясны следы сильнѣйшаго по-
литическаго партій, къ которымъ они
принадлежатъ. Первый принадлежитъ
къ векско-германской партіи, которая
стремилась къ возстановленію герман-
ской имперіи во всей ея прежней
объеми со включеніемъ Австріи, второй
— къ новѣйшей — саксонско-германской, кото-
рая довольствовалась ограниченными объе-
дами изъ германскихъ земель подъ
гегемоніею Пруссіи, стремились къ то-
му, что достигнуто было въ недавне
годы.

Заслуживаетъ вниманія соини-
ніе профессора Вайтца: „Waitz, Deutsche
Verfassungsgeschichte“ (Исторія нѣ-
мецкаго государственнаго устройства)
Это — ученіе Ранке, основавшего цѣ-
лую школу въ европейской исторіогра-
фіи. Его обширное сочиненіе имѣетъ
большое значеніе для всѣхъ занимаю-
щихся изученіемъ быта народовъ сред-
невѣковой Германіи. Ученны и ученые
отъ страны посматриваютъ его сочиненіемъ
и съ уваженіемъ отзываются о немъ.
Его взгляды на древне-германскій строй,
на происхожденіе феодализма — внесли
много новаго свѣта въ историческую
науку. Вообще это — трудъ первосте-
пенной важности. Вайцъ первооче-
лавно писалъ отрывки изъ своего

ния по различным, специальным вопросам, которые потесни входили в общий план и составили сие по своему обширный и важный труд. Он первый специально и подробно изучил историю развития германского государственного строя отъ времени Магнуса до 17-го века, много собрал фактов, данных, материала; делает много выводов, заботится о чистоте и точности изложения, но пишет широким обзорным, общим взглядом, с широким охватом; он заходит далеко в эту историю, осторожности, является самым первым из тех, кто связал и писал, как отнесется к некоторую часть чужды у его капиталистического труда.

Но широким обзорным боем экзотичен труд изследований германского права Юнг. Такой характер исторических трудов бое для нас привлекает: такие труды будят мысль, дают возможность проникнуть в суть факта. Вайтц не ставит главной задачей собирания и сопоставления материала и в этом отношении труд его очень богат.

Первый том, объясняющий Германию магнитоветским временем, и вторую германию, выводит третью изданием. И в его соединении нас привлекает вносящая ясность.

Въ немецкой исторической литературе есть синонимъ трудовъ очень большого размера; назовемъ некоторые изъ нихъ:

Во первых сочинение Зунггейма — „Geschichte des deutschen Volks und Kultur“ (Зтосид). Оно охватываетъ историю германскаго народа въ средние вѣка и доведено до новыхъ временъ. Авторъ выказываетъ большое знакомство съ историческими и литературными предметами; впрочемъ, трудно отплатить одинъ недостатокъ: еврей по происхождению, рационалист по убеждениямъ, Зунггеймъ поверхностно, свысока относится къ древнейшей церкви и засауясь католическаго духовенства. Какъ человекъ чуждый и чуждый, онъ, правда, не очень далеко заходитъ въ этой односторонности, читая въ сморину съ пользою, но все таки много тѣмъ етраницъ, гдѣ онъ говоритъ о церквѣ, грѣхѣ, разорѣ и вучьгаренѣ.

Существуетъ небольшая, но хороший трудъ Шюллера — „История немецкаго народа“. Это уже нѣчто въ родѣ учебника. На ряду съ этими сочинениями заслуживаетъ упомянуть сочинение англичанина Брайеса (Брус) — „Свещенная римская имперія“ (есть переводъ на немецкій языкъ). Это прекрасный трудъ, имѣющий задачу представить историю Свещен-

ной Русской империи ее общинам по-
чести зрелища, объяснить идею герман-
ской империи, идею всемирного господ-
ства в христианской церкви. Это во-
прос для нас чрезвычайно важный.

В заключение, назовем еще два
сочинения по истории Германии, или
впервые по истории Европы в первый
период ее древней истории.

1. Kaufmann — „Deutsche Ge-
schichte bis auf Karl den Großen“ (вы-
шедшая первая половина до 410 года. Труд
хороший, задуман с целью сделать
общедоступным чтение. Если ав-
тор специалист по истории древней
Германии и излагает историю ее в
обработанном, понятном ослухе. На-
писана книга императорско, пред-
варительная, первая, научная работа
(Forschung) историка, и является в
виду только представлением (Dar-
stellung); изложению отражает неко-
торую изысканность.

2. В обширном собрании
отрывков из исследований по всемир-
ной истории — Оппенгейм — помещает
ее несколько выпусков труда извест-
ного ученого-юриста Оппенгейма о герман-
ских и романских народах. Изла-
гает он историю кратко и просто,
и вышедшие первые три выпуска можно
по своему рекомендовать.

В заключение обзора пособий

для изучения истории средних веков
 как вкратце так и подробно в тру-
 дах двух русских ученых, в именах
 которых соединяется представ-
 ление о европейских и славянских
 историях и воспоминание о выдающемся
 периоде в истории русского про-
 свещения XIX века. Мы говорим о
П. Н. Мудрявцеве и Е. В. Сиверском.
 Оба были профессорами Московского
 Университета в блестящий период
 его истории; первый в 40-х и
 50-х годах, второй в 50-х и 60-х. Оба
 люди высокого ума и самоотверженного
 дарования; они внесли много света
 в преподавание всеобщей истории в
 России; много сдвинули дела нашего
 знакомства с западно-европейскою исто-
 рической наукою.

Несколько из них сочинений
 существенно важны и для нас.

Во-первых, П. Н. Мудрявцева
 — «Судбы Италии от падения Запад-
 но-римской империи до возстановле-
 ния ее Карлом Великим». Озор-
 ный роман-эпопея о монгольском периоде
 Италийской истории». Москва 1850 г.
 Подробная сущность этого труда от-
 мана покойным П. Н. Брановским (по-
 сещен во 2-м томе его сочинений). Но
 не только, многие взгляды Мудрявцева усто-
 ялись, но так же и сущность книги его
 не потеряла значения и теперь и дол-
 жна быть выставлена на первый

планъ, какъ обязательное пособие.

Въ прошломъ году вышло прекрасное сочинение, которое можно считать дополнениемъ къ „Судьбамъ Италіи“ — это трудъ молодого ученаго Московскаго Университета Виноградова — „Происхождение феодальныхъ отноше- ній въ Лангобардской Италіи“.

Къ вопросамъ, разбираемымъ въ этомъ двухъ сочиненіяхъ, мы еще вер- немся, а теперь скажемъ о нихъ не- сколько словъ, чтобы дать общую про- грамму, показать интересы этихъ работъ въ изученіи истории среднихъ вѣковъ въ вопросахъ. Вопросы о возникно- веніи феодализма, который затронули и Кудрявцевъ и Виноградовъ, мы считаемъ быть изучаемъ на курсахъ ис- торіи Оттоманскаго и Лангобардскаго королевства въ связи съ его одичаніемъ по- слѣдовательнаго въ Германіи. У Виноградо- ва вопросъ беретъ съ собою, и трудъ начинается съ большого излаганія о коммунѣ, то есть, первоначально въ восточной, замкнутый графство античную міра въ архіепископской взвратъ при феодальной правѣ.

Затѣмъ онъ говоритъ о дру- гихъ нашихъ и главныхъ обра- зовъ рѣшаетъ вопросы о коммунѣ новомъ судебномъ, наравленная въ Италіи и о связи ее въ средневѣковой Европѣ въ традиціи римскаго му- нципальнаго строя. Нѣкоторые уга-

ныи это двоиени городовъ въ при-
обрѣтенію административной и судѣ-
ной автономіи связываютъ въ рим-
скую муниципальную устроительную,
когда провинціальныя города и косо-
ны иены въѣдорныхъ вѣсехтей, поел-
зовались самоуправленіемъ. Итееи
городовъ поелъ паденія имперіи не за-
были римскихъ традицій, а стреми-
лись постоянно возрратить потеря-
ныя права. Иту теорию о связи между
римскими муниципальными стро-
емъ и городскими двоиеніемъ въ сред-
ней вѣка развиваетъ великій нѣмец-
кій ученый Савини въ сочиненіи сво-
емъ: — „Geschichte des römischen
Rechts im Mittelalter“. Онъ доказы-
ваетъ непрерывное существованіе рим-
скаго права въ средневѣковой Европѣ.
Во времена Геодегія Великаго, Геоде-
гия II, Юстиніана, поелъ варварска-
го завоеванія, и не смотря на него
всегда оставалось въ Европѣ доелвое
косиженіе населенія, судившагося
по преименіи римскихъ нормамъ,
а еидоватенно существовали и
органы этого суда, т. е. самоуправ-
ляющіяся муниципиты. Узелъ этого
вопроса находится въ Рангобард-
ской Итаси, на изугеніи которой
можно годиться рѣшенія, непрерыв-
но-ли они римскія традицій,
или были они творены варварскими

нашептываю и только возродились в III вѣкѣ? Это вопросъ коренной важности, и онъ затронутъ и Нур-р-заевымъ и Виноградовымъ. Грановскій въ обширной рецензии разсуждаетъ „О судьбѣ Империумъ“ въ точнѣ зрѣніи Савиньи.

Во вторыхъ и въ послѣднихъ упомянутыхъ о секціяхъ В. В. Вшевскаго (напечатаны въ Собраніи его сочиненій, изданіе Совадттенкова, въ 3-ей томикѣ), касающихся основныхъ явленій европейской исторіи. Она говоритъ въ нихъ о центрѣ русскаго міра и о его провинціяхъ, прекрасно излагаетъ (въ „Очеркахъ язычества и христіанства“) почти струсившій первый въ чужеземномъ и нравственномъ міросозерцаніи германства, который совершился на рубежѣ двухъ міровъ — древняго и новаго; наконецъ подробно излагаетъ исторію среднихъ вѣковъ въ эпоху Великаго Переселенія народовъ, Меровинговъ и Каролинговъ. Взгляды Вшевскаго такъ или нѣсколько устарѣли, но сочиненія его всетаки читательны въ пользу и теперь.

На отношеніи ели закончили обзоръ послѣднихъ и переходимъ къ измѣненію единаго курса исторіи среднихъ вѣковъ.

Первоначальное население Западной Европы.

Иберы и Лигуры.

Прежде всего необходимо обратиться къ изучению топографической основы исторіи ерединнаго вѣка, познать ея въ письменности, которая подверглась письменному вліянію.

Главною основною расаною націи являются Кельты, но прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ этого племени, нужно раздѣлить тѣсно связанный съ ними вопросъ оъ Иберахъ и Лигурахъ. Нѣкоторые признаютъ тѣхъ и другихъ за одно племя, но это сличіе и сличіе за себя величилось сличіе даннаго, подобно сличію въ его признакахъ, и мы видимъ въ Иберахъ и Лигурахъ два разнѣнныхъ племена.

Память оъ Иберахъ сохранилась въ названіи Иберійскаго (нынѣ Пиренейскаго) полуострова; но нужно замѣтить, что они населяли первоначально не одну Испанію, а тѣмъ значительную часть южной Галліи-мелюду Пиренееми и Баронною, что видно изъ словъ Цезаря, под-

невероятных изобретений Отправлено:
 Gallia est omnis divisa in partes tres,
 vocatur Цезарь (De bello Gallico, lib. I. cap. I),
 quorum unam incolunt Belgae, aliam
 Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua
 Celtae nostri Galli appellantur, et daube:
 Aquitania a Garumna flumine ad Py-
 renaeos montes et eam partem Oceani,
 quae est ad Hispaniam, pertinet. А Отпра-
 влен записки (Geogr. lib. II cap. 4), что
 Аквитаны Цезаря отнесены от
 прочих не только языком, но и по
 своему и предвещаниям и даже по-
 ложии на Иберов (Испанцев), живущих на
 Галлии. Но что древние авторы
 родной Галлии действительно можно
 отнести к Иберийскому племени. Если
 мы даем описание в Огвидию и Ма-
 цию, то найдем в них указания и
 на другие известные племени населе-
 ния Иберии. По свидетельству Огви-
 дия Оуканы, прогнанные из восточной
 Испании в Оуканию Гугурии в неза-
 памятные времена, были родственны
 многим племенам Иберийского пле-
 мени. По Мацию, Иберы были так-
 же и в Британии: именно к ним
 принадлежали племена Бугурии, Оу-
 каны в Иберии. Вспомогатель-
 ные и в них много характерных
 Sicut colorati vultus, torti pterum-
 que crines et posita contra Hispania li-
 beros veteres traiecit easque sedes oc-
 cupasse fidem faciunt (Ibid. cap. II)
 Иберийское племя древнее Кельтского,
 и уже позднее Иберы в Испании по-
 вержены возникновению Кельтов и обра-
 зовали самостоятельное племя Кельтиберов.

Во второй лист, стр 25
 3-я строка сверху, написано:
 "Исика Бонома", вместо
 "Исика Бонома" и.р.

Сред. Уст. Л. 5^е

Семануэль Корреспондент. Мем. с. 11. 60. нр. 623.

Упознанные из изысканий древних авторов в существовании Иберов, поставив теперь вопрос: что же это за племя? каково его происхождение? Наука уже давно пришла къ заключению, что находящаяся в настоящее время существующая остатки Иберов, и эти остатки можно видеть в басках, несомненно племенн, живущих по долине естественной Пиренеев (Во времена Иберовингов они назывались так же нынешнюю Гасконь, которая тогда, называлась Гасконью-малой очевидно, подлинное в немеем Гасконе) Баски, называющие себя Ду-экаринцами (Euzkai darrak), говорят на по своему языку (Дуэкара) отъ веков европейскими народами арийской ветви. У есть действительно серьезные научные основания признавать этот народ, уцелевший в несомненно гасконе, в несомненно улу Европы, за остатки исчезнувшего племени Иберов. Вопросам этим занимается еще знаменитый Вильгельм Гусидович и его изысканиями соображениями оны и теперь. Изучая географическую карту естественной уродины, гор, рек и городов древней Испании, он принимает къ высказанным неопровержимым выводам. Именн: 1) Названия естественной Пиренейской постройке принадлежат къ евуи языкам, совершенно различным, 2) Первая группа имен относится къ естественным, подлинным кельтам и имеет объяснение языком кельтским (кельтским, галльским) и сопоставом географическим названий других кельтских стран. 3) Другая группа, заключающая большинство

именъ, принадлежащихъ областямъ, по-
торыхъ, по известіямъ древнихъ путеше-
ственниковъ, были заняты Иберіеи, легко объ-
ясняется языкомъ Басковъ, такъ что нем-
но и соединяться въ подлинныя нынѣ-
шнія Басковъ съ древними Иберіеи.
4) Иберійскія имена существительныя, кромя
Испани, распространяются на югъ Галиціи, въ
Италіи и на острова Средиземнаго мо-
ря. 5) Также, при распространяющія иберій-
скія названія рядомъ съ географическими
именами другихъ языковъ, имъ можно вы-
тпуть древнѣйшіи. Вотъ выводъ Грен-
дольда относительно языка и націо-
нальности Басковъ. Въ открытію Грен-
дольда много нѣмецкіе ученые отне-
сались скептически, но другіе прямо по-
твердили. Напр французскій ученый ²¹⁰Ан-
шоръ (Lischke) беретъ тезисъ Грендоль-
да и доказываетъ нѣя спроведимость,
относя на погрѣшечности по прило-
женіямъ изслѣдованій. Онъ указываетъ
на существованіе въ нынѣшней языкъ
Басковъ словъ *iri* или *iri*, что значитъ
городъ и *biris*, что значитъ новый и за-
тѣмъ на сохранившееся иберійское на-
званіе одного города въ древней Испани
— *Niberis* (Новгородъ), что несомнѣнно по-
тверждаетъ родство обоихъ языковъ и
непрерывно связь Басковъ съ Ибері-
еи.

Эти данныя очень важныя, но ма-
ленько, и Грендольдъ всматриваетъ
много въ языкъ Басковъ и утверждаетъ,
что онъ ни по составу, ни по строю не по-
ходитъ на языки восточныхъ европѣ-
скихъ народовъ. Онъ принадлежитъ къ
группѣ такъ называемыхъ агглюти-

— тирцующий языков (сбразцующий падежи, склонения и другие формы тирцевых изменений особых существительных слов) и сходен с языком Финнов и краинювских племен Америки. Пораженный эпизодом, Гюбнерманн пошел далеко в своем мнении, стал говорить об американском происхождении басков, стал говорить через океан франкостранский мост — Атлантиду, о котором говорил еще Платон. Если бы тирцующий язык восходил к языку нынешнего баскского племени на язык древних Иберов, то казалось, что Иберы говорили тирцующим языком. Значит, если бы допустить гипотезу, то очевидно сходство между Иберией и Азией, то выйдет, что значительная часть первоначального населения южной Европы говорила на арийском языке и следовательно была происхождения не арийского а, следовательно, Финского, т. е. одинаково с значительными племенами народов, населяющих и до сих пор всю южную Европу и занимающих далеко в глубь Азии. Существование не арийского населения встречается и в Германии, о чем говорит известный ученый Вирхов в своей брошюре: „Ueber die Herkunft der Germanen“ (русск. перев. в журнале „Знание“).

В распространности финского племени в Средней Европе в эпоху предшествовавшую Кельто-германскому периоду, теперь никто не сомневается. Знаменитый французский натуралист Катрфайль, изучая краинюлогию (науку о строении берегов), доказывает, что на всем Пруссии финского и славянского

проникновения и переносах отчасти науч-
ный вывод на политическую почву,
этими утверждениями, что Пруссак не мо-
жет претендовать на первенствующую
роль в Германии, так и привел в недо-
вилье Нисинь. А теперь самые серьезные
и при том политические прусские
ученые, — мы знаем из вида Вирхова, — не
только признают за немцами то, что
и Германия давно некогда финноязыч-
ная, но и допускают ту мысль, что
она не только безвременно уже настоя-
щая, что финская кровь течет в на-
ших жилах и в нашей массе.

Составив политические это-
рот, нецелесообразные в науку, мы можем
вспомнить провети ~~смысла~~ отъ отъ одна-
сти нынѣшних финских телеграфов
австро-восточной Европы на то-то западъ
и предположить, что в восточной части
Европы преобладающе господствовало
финское население. Впрочем, можно
сказать оговорку, которая имеет
продуцировать некоторые сомнения в
верности этой теории. Дело в том,
что Баварцы, лоты и говорят на финно-
угорском языке, физиологически
они очень много сходны с Финна-
ми: Финны до сих пор признаются
ярко обозначенными брахидефактами, — бра-
хи-долихоцефалы, следовательно по
строению черепа. Арийцы. Таким обра-
зом в этом вопросе наука не пришла
еще к окончательным заключениям.

В последнее последнее время и
на основании недавних раскопок кур-
ганов в восточной русской губернии,
то есть в области распространения финно-угор-

= еской семьи, обнаружившая ошибочность представлений о происхождении портока-госового финнов. Оказывается, что на протяжении всей истории угорской семьи бы-ли финноязычные, и что даже evidentemente финны не все принадлежат к од-ному племени: если финляндские финны ко-роткоголова, то другие - длинноголова. (См. статью Вилхельма: "К ар-хеологии и антропологии Уолленштедта" в "Вестнике" М. М. Н. Пров. Апр. и Май 1881.)

Обратимся теперь к Лигурии. Этот народ еще в древние времена, ран-не утверждения Кельтов были распро-странены гораздо дальше, чем мы сможем заколотить по названию одного Лигурий-ского берега. Восточную границу их была река Рона, да они заходили и на пра-вый берег ее и образовали в южной Ита-лии весьма значительное население Иберо-Лигуров. Северную их границу были Реветты и Швейцарские Альпы, заходя они спуска-лись в Италию, жили по берегам Лигурий-ского залива, в южной части Пьемонта, по склонам Аппенинов, в Сардинии и да-же по берегам Адриатического моря. По указанию Ависта в его сочинении: "Ora maritima", они имели такое порекло Ли-теру в Италии (лигурского корня в Лигурии). А один новый ученый Бел-сого находил Лигуров и в Британии. Он сопоставляет название Мнозгры (так на-зывавшиеся поселенцы восточной части острова) с именем Лигуров и видит

В По изрядовокино Мнозгрове, - что са-мочетно, по крайней мере, по своей основе заимствовано из финикийско-карфагенска-

в них Лигуров. Некоторые ученые отно-
мествали их к Иберии; существенное
возражение против этого суждения находит-
ся уже в том, что сугубо типичнейшие
почти никогда не встречаются вместе
у тех народов, а наоборот постоянно и
типичнейше указывают на границу;
типичней образом уже древнейшие бро-
ма в западной части между типичней-
шим народом; и если действительно обратит-
ся кно обстоятельству серьезное внима-
ние. Но различия между Иберией и Ли-
гурией представляют и другие новые
ученые. Они сравнивают физиологический
тип сохранившихся древнейших и многих
представителей лигурийского племени —
Бардов (или племени Бардин) с физио-
логическим типом Басков, остатков
племени Иберийского, и оказывается суще-
ственная разница: первые — коротконо-
ловые, — вторые — длиннотелые.

Итак Лигуры, судя по остат-
кам этого племени, по Бардам, физио-
логический типом сходны с Финнами
и Туркменами. Но внешнего
сходства недостаточно: уже prognos
вывода необходимо сравнить еще языки.
К сожалению о языке древних Лигуров
не сохранилось почти совсем никаких дан-
ных (Барды говорят на одном из Ита-
льских наречий), и вопрос о их проис-
хождении остается открытым, а финн-
ская теория, хотя возможная, но непод-
твержденная. Если бы можно было ее
достаточно степенью достоверности

— то неопределимо, относящегося к Юв-
ку до Р. Ар.

принята Сардою за потосикость тиреунома-
земаго первоначальнаго кавказскаго боро-
ны Финнеко-Турмекскаго племени, въ сохра-
нившихся кризисогитических типосей
предковъ, а Басковъ за иль потосикость въ
уранивическихъ языкахъ, но изъидиивиче-
скъ подъ влияниемъ кельтизма и селищенія
въ арійцами кризисогитическй типосей, что
эта теорія была въ дѣлѣ. Впрочемъ,
не смотря на недостаточность данныхъ, нѣко-
торы даже французскіе ученые призна-
ють, что въ дѣлѣ многого француз-
зовъ племъ не арійское, а турменское
кровь, и типъ Бретонскій, типъ нацио-
нальнаго героя, Бертрана Рюкемента-есть
типъ турменскій. Большое значеніе дѣла-
ется въ вопросѣ о тиреукахъ французскаго
народа придаютъ Бекетовъ. Въ подробно-
сти оъ дѣлѣ двухъ племенъ не вхожу,
сказаннаго достаточно; обратимся къ

Кельтская иль тиреукоидность

Вопросъ о Кельтахъ много уже разби-
раемо въ науку и имеетъ обширную и
выдающуюся литературу. Поэтому у-
кажемъ сперва на главнѣйшія изъ со-
чиненій, сообщаютія намъ свѣдѣнія о раз-
витіи и жизни этого народа.

1. Amédée Thierry: Histoire des Gau-
lois depuis les temps les plus reculés jusqu'à
l'entière soumission de la Gaule à la
domination romaine. Первое изданіе 1829,
второе - 1857. (3 тома). Это сочиненіе
развиваетъ вопросъ о двойственности Гал-
ло-Кельтскаго племени. По поводу новой
теоріи Тьерри -

2. Вильямъ Эдвардъ написалъ:

„Исследования Шерри о физиологических признаках темноволосых народов и их отношении к истории“. Оно переведено на русский язык в приложении к М. Н. Грановскому (в I томе его сочинений, переизданное по в. „Материалы для истории“ Кривошапкин I.).

3. Belloguet: „Études celtiques gauloises ou mémoires critiques sur l'origine et la parenté des Cimmériens, des Cimbres, des Ombrs, des Belges, des Ligures et des anciens Celtes“ (Импринт, 4e nekonodent za smertno avtora).

4. Henri Martin: „Études d'archéologie celtique“ - выдан в виде нескольких томов по мере появления сочинения. Немного - перед началом очень интересных.

5. Desjardins: „Géographie administrative et historique de la Gaule romaine“; где наскоро особенно важна 2e часть, где разбирается вопрос этнографический и излагается религиозный быт Кельтов.

6. Bertrand: „Archéologie Celtique et Gauloise“ 1876.

7. Valroger (Valroger): „Les Celtes - la Gaule Celtique“ Париж 1875. - разсмотренный юридическим бытом Кельтов. Подробный и весьма ответственный разбор этого сочинения, вообще хорошего, но не имеющего самостоятельного значения, помещен в „Ежегодник государственных знаний“.

Вопрос о Кельтах не имеет во Франции свой специальный орган - журнала: „Revue Celtique“, правда выходящий довольно неаккуратно, но существующий уже несколько лет.

Приступая к разсмотрению

разселинн, характера, національнаго типа, жизни и нравов Кельтовъ, я отправляюсь отъ сочиненія Antiqui Fieri и его взглядовъ, подтвержденныхъ изслѣдованіями Эдвардса. Кельты жили въ Галліи, Британіи, друнайскаго странствъ - Реціи и Панноніи до древняго Рима (нынѣшній Венгрія), въ северной Италіи - Цизальпінской Галліи и Уэльсѣ. Въ V в. до Р. Хр. они проникли въ Испанію и образовали въ соединеніи съ Иберіями новый кельтскій народъ Кельтиберовъ. Наконецъ въ III в. до Р. Хр. ордою завоевателей, пройдя черезъ Македонію, продвинулись въ Малую Азію и образовали тамъ государство Галатовъ, раздѣленное на три народа - Тессагоновъ (съ главнѣйшимъ городомъ Тессагунтосомъ) Теттисаговъ (съ главнѣйшимъ городомъ Анкирою) и Троксовъ. Кельты, кельтскій типъ - очень распространенный, по снѣжку Шерри, распадается на двѣ ветви съ существенными различіями и въ языкѣ, и въ внѣшнемъ характерѣ, и въ нравахъ. Шерри развиваетъ теорію о двойственности кельтской расы. По его отправленіи другъ него ссудилъ снова Юлій Цезарь, который, не говоря о Галліанцахъ, еще раньше выдѣлялъ среди кельтовъ Галловъ, которые жили къ северу отъ Марковъ и на востокъ отъ Сены. Страбонъ подтверждаетъ слова Цезаря, но говоритъ, что поселенія Галловъ тянулись также къ северу и на юго-западъ между Сеною и Луарою. Эти замѣчанія древняго писателя Шерри неукосно неспиритрируетъ

чертами развития между двумя вет-
вями кельтского племени, замечавше-
ми и теперь. Именно он обращает вни-
мание на двойственность кельтского
населения Британии и видит подтвер-
ждение своей теории в раздвоении их на
диптиев Веллеса, называющих свое на-
родное кельтское (латинское celticum), а са-
мые себя Кельты, и на диптиев Шот-
ландии и Ирландии, носивших название Та-
ллов (Tallov). Таким образом яв-
ляется в Англии две ветви кельтско-
го племени. Каким переводит это дже-
ни на древний язык? Митчел Вел-
леса и Корнваллеса, отвечает Пьерри,
Кельты - несомненно племени белы, пото-
му что у Цезаря и у Плиния есть пря-
мое извещение, что белы жили и в
Британии, переходя плути из Галлии
в Ирландию во время или прилегающей по-
вы в земли при поселении. Остальные
Британские кельты, т.е. Галлы соответ-
ствуют естественным Кельтам или Та-
ллов Цезаря. Если обратить внимание
на географическое распространение, то
подобное рассуждение кажется весьма
совершенно ясным, и Пьерри на основа-
нии соображений географических возста-
новляет древнюю историю отноше-
ний двух племен. Кельты явились
позднее Галлов, въехали в их сре-
дину и развились из них пополам. От-
сюда понятно, что на север Франции
и на юг Британии, т.е. внутри посто-
янных земель Кельтов (белы) и ста-
ли распространяться во Франции по
направлению к югу от Сены, а Гал-
лов (естественно Галловское) племя, раз-

— признаки потемнения, встречаемые въ Шотландии и Ирландии и въ восточной Франціи.

Теорія Амедея Лаврри, построенная на весьма остроумномъ сопоставленіи древнихъ извѣстій съ новыми наблюдениями, основанная на филологическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ, послужила поводомъ отправленія франс. естественно-научныхъ и филологическихъ вторыхъ, привлекши къ числу извѣстныхъ натурантъ Вильяма Эдварда и вызвала появленіе выше-названнаго письма къ Лаврри о филологическихъ признакахъ галльскихъ породъ и ихъ отношеніи къ иторм. Благодаря изъ совершенно новыхъ основъ, именно изъ данныхъ филологич., Эдвардъ приходитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и Лаврри и темъ подтверждаетъ его теорію. Эдвардъ добавляетъ болѣеую часть справокъ, выясняющихъ отношеніе къ изданной Лаврри итормъ галловъ. Во время своего путешествія съ зажиточной галльскою друи отъ друи типа: съ одной стороны, обратилъ его вниманіе на селеніе весткорсовъ, — съ другой — восточн. и вѣстокурскихъ восточн. — типа кельтскій, съ другой — среднюю часть въ восточн. восточн. и германск. восточн. — типа галльскій, или галльскій? Все это заставило его задуматься о значеніи отношеній кельтскаго племени, являющагося въ восточн. кельтскаго племени, въ восточн. различіи между кельтскими племенами, проводя и въ настоящее время.

Эта теорія удовлетворительности кельтскаго племени адвектилась общепри-

«никого и непотопное время существо-
вала впрямь официально. Но вскоре
стало ясно, что это вовсе не так просто
решается, и теория Пьерри-Джардеса
наша едь сущего и космическая
и противника в лица Селена. Из со-
чинений, которых было уже названо, — «Эт-
нология Жакоба» он едь сущего типичны
нысь образцы обрабатывае вопросы о кельт-
ской расе. Первый тисеь занятъ фило-
логическими изысканиями. Он собранъ фре-
н-кельтские слова, едь сущего Эд, ра-
зобрае, какъ они могутъ относиться
къ языкамъ фрой кельтскихъ народовъ —
Ирландскаго и Валлийскаго, и нашее, что
они могутъ быть объяснены и кельтскими дру-
гими, приеидъ предположений едь сущего
ности тисеь едь сущего совершенно
изменились. Второй тисеь, наидеель
обширный, посвященъ изысканию фи-
зиологическимъ типамъ. Едь сущего онъ гово-
ритъ оь общияхъ вопросахъ изыскания
типовъ, приеидъ некая ихъ къ данности
есть сущего и приеидъ къ едь сущего вы-
водамъ.

«Мы едь сущего резюмировать едь сущего
ний, говоритъ онъ, наши собранные опре-
дены нашего изыскания, и едь сущего пред-
ставлены едь сущего первые едь сущего
ныхъ историй, — едь сущего роста, едь сущего едь сущего
нысь едь сущего, едь сущего едь сущего ко-
ли, едь сущего едь сущего и едь сущего
ми, ^{даже} едь сущего, едь сущего и едь сущего
есть сущего, едь сущего едь сущего
и едь сущего, едь сущего, едь сущего. Едь сущего
ны едь сущего едь сущего едь сущего и едь сущего
ною едь сущего едь сущего въ едь сущего,
они не едь сущего едь сущего, едь сущего едь сущего

чужий дом, ишь недостало додрости
и терпняия, чтобы переносить униже-
ние, или тяжелей трудъ. Конечно, эти
ли зрѣнія антропологической это герты
вообще или сенте твердостиныя, сибь
методична въ келеситносе, пицею и
ценнѣеми цивилизаціи. Пусть не каза-
вается никакого наблюдений остеологи-
ческаго, ничего такого, что казалось бы обра-
зованиа перети или факте герты и про-
порцій лица. Однако эти герты доста-
точны въ нашихъ генахъ, такъ и въ на-
шихъ вѣкахъ древнихъ фем того, чтобы
отпаянуть евериемъ Гасловъ отъ вѣковъ
пожиныхъ народовъ и чтобы фати наши
право насильд. законочения.

А Физическія черты, приписываемыя древними Галльской расе возмъ одни и тѣже, въ Бельгіи, какъ и въ сѣверо-центральн. Французской Галліи, при подошвахъ Альпійскихъ, какъ и въ Бретани и въ Галатіи - они обнаруживаютъ одинъ и тотъ же типъ; нѣкоторыя незнакомыя въ немъ другія измѣненія происходятъ отъ постепеннаго осмаженія, прогресса котораго мы прослѣдимъ отъ того къ сѣверу, и которое естественно все больше и больше отстоитъ отъ насъ съ южными нациями. Это единство типа, не только восполняетъ отпечатокъ древняго бѣлаго отъ собственного Галла, отъ сѣверныхъ Галатов Діодора и Оеноновъ Утталей, и которое потонами обнаруживается извѣстностию о произведеніяхъ восточной скульптуры - это единство несомненно первоначальнейшихъ европейскихъ типовъ производствомъ расы. Утталей физіологическія приводитъ насъ къ тому же

канъ и философия. Наконецъ образомъ со-
пружества и падаетъ знаменитый гуд-
мизмъ замеской Амедия Пьерри, и это
знаменитое разение между Кисира-
ми и Гомедами, которое Эдвардъ го-
казалъ открытiемъ ихъ соотноствен-
ныхъ типовъ. — разение, которое допуще-
но было, какъ разенъ енисея върѣ (*par-
ticle de foi*) всеми нашими изслѣдо-
вателями, хотя оно не было известно не
известно древности относительно без-
гоа и Гомеда.

2) Но зато столько же резуль-
татъ въ предположъ противорѣчiи на-
ходящаяся въ главнѣйшихъ выводахъ, въ ко-
торыхъ приходитъ физиологическое изу-
женiе. Языкъ доказываетъ совершенное раз-
ение Германской расы и Гомеда. Между
тѣмъ не возможно отрицать существова-
нiя физическiхъ типовъ: необходимо
признать, что физиологiя енисея
два перемѣны раздѣляющiй языковъ.

Въ разенiи состоитъ разенъ
въ томъ, что наши сѣвернѣйшия гомеда
Германской расы въ сѣв. гомедахъ ма-
зачи и воссоедини еще более енисея
(разенiе *flavus* отъ *rutilus*, *hainas* отъ
piŕŕor) расы еще более высшей и енисе-
твенъ, нѣжность фидръ енисея, такъ
отно оно въ сѣв. возмозимыхъ перенѣ-
сенъ въ сѣв. трудовъ. Итакъ вотъ
наши Гомеда въ великой радости Плотъ
и Гомеда (еженеице уены, еженеице
еженеице доказати германское происхожде-
нiе Фрэнцюзовъ) готовы переправитъ
его въ Германцевъ.

3) Наконецъ третiй выводъ —
поразительный летъ гомеда гомеда —

второй свидетельствуют авторы, и по-
торую он имеет: длинная голова, лоб,
немного подымающийся вперед, соединяет-
ся сверху прямого линияю с носом без
замытого углубления при его начале;
профиль носа представляет слегка вы-
пуклую линию, конец его закруглен-
ный; губы кажутся на одной высоте,
сильная челюсть; наконец подтвержден
мной и резко обозначенный. Это несомнен-
но тот самый тип, который Пьер-
ри и Огвардес назвали Кисирекским,
типом египетским, очень похожий на герман-
ский.

Вывод Белого о соединении этого
типа правильный, хотя не со-
вершенно новый. Уже и раньше некоторые
ученые находили противоречия между
описаниями Кельтов у древних (длин-
ная голова, продолговатая голова, силь-
ная физическая сила, голубые глаза, бело-
курные волосы) и у новых писателей (малый,
или средний рост, овальная голова,
нервическое сложение, темные глаза и волоса).
Так. обр. замечательный тип, по из-
учению Белого, доказывает обратное
происхождение этого народа. Но редкость
в научных выводах Белого замечатель-
ная в действительности это стран-
ное явление, что больше 2/3 французов,
считавшихся потомками Кельтов,
не подходили на возмещенный или
портрет Галла - они низкорослы, с
овальной головой, темноволосы, смуглы,
словами не обнаруживают кельтского
типа. Прямой изыскатель, тогда
доказав происхождение французов
от Кельтов, создает гипотезу двой-

Сим. Фролова. Мемуары о работе по археологии.

= стволности кельтского племени; изъяс-
 дование большого разрушения ее, доказавши,
 что типъ былъ одинъ. Какже теперь
 объяснить, что северный, чисто кельт-
 ский типъ исчезъ, и среди Французовъ
 преобладаетъ типъ южный? Большого
 утверждается, что нынешние французы
 происходят въ сущемъ, въ дольшинетъ во
 все не отъ кельтовъ, а отъ Лигуровъ и отпа-
 ети отъ иберовъ. Лигурійское племя когда-
 то населило большую часть Франціи (въ
 произведеніи указаніями на существова-
 ніе Лигуровъ въ средней Франціи и около
 Мемса) и хотя были подчинены власти
 кельтовъ господству позднѣе пришедшихъ
 Кельтовъ, но сохранила свое преобладаю-
 щее этнографическое значеніе и повлияла на
 измѣненіе сѣверно-кельтскаго типа, ко-
 торый сохранился только въ тѣхъ ели-
 сѣхъ, гдѣ было сильное воздѣйствіе герман-
 ского элемента. А такъ какъ Лигуры про-
 изводенія не арійскаго, а, по всей вѣроят-
 ности, туранскаго, то и нынешніе Фран-
 цузы доидиы считать Финно-Туран-
 цы своими предками. Въ подобномъ же вы-
 воду приходятъ и новѣйшіе натуралисты.

Взгляды о неарійскомъ происхо-
 жденіи Французовъ очень не понравились
 кельтославянамъ и самый видный изъ пред-
 ставителей, Генрихъ Мартенъ, не сдѣлен-
 но возсталъ противъ снѣжнѣя Дюбоа.
 Дюбоа вводитъ въ вопросъ Лигуровъ, гово-
 ритъ онъ, что, конечно, упрощаетъ дѣло,
 но зато вводитъ въ новое заблужденіе.
 Дѣломъ, если разучить подъ этимъ на-
 званіемъ чистый кельтовъ, не одни при-
 ходи въ Западную Европу: они увлечены въ
 Европу многіе и другіе арійскіе племена,

а, может быть, и туранские орды. Между арийскими племенами были и Славяне: тут Мартен сопоставляет название Венетов, которые жили в области британий и на Адриатике с Венедаси (Вендами), принадлежавшим племенем славянского происхождения, предками которых были нынешние славянские племена, в особенности Поляки. И действительно во французском языке можно найти гораздо больше слов родственных с языком славянским, чем с баскским или иезикским к нему языком. Таким образом Мартен предполагает родство со Славянами родству с Лигуриями. Но выказанные им сентенции казались бы и прямо направлены к тому, чтобы отбросить от неприятной для него теория теории о преобладании туранской крови в составе французской нации.

Отсюда теперь заключение из выводов Бюшю. Большая часть французов - едва ли потомки древних Галлов или Кельтов. Нужно вспомнить, что во Франции вторглись Лигурийский, Иберийский, или Лигуро-Иберийский типы, который и наложил яркую печать своих физиологических признаков на современных французов. Это - вывод, который должен быть признан, и только незначительные ученые еще и теперь поддерживают теорию Жюльена Шерри и В. Эварда.

Если мы будем приглядываться к выводу этому более, относим его к правительственной стороне французов, то заметим интересное противоречие с общепринятым законом о наследственности нравственной основы характера.

Очень много говорят, что нынешние фран-
цузцы по нравственному типу и темпера-
менту напоминают Галлов: они под-
вижны, непостоянны, склонны к быстрому про-
ходящему увлечению (*mobilitas animi*) при-
страстны к внешней науке и военной
мощи. Бывший Капитан епархий говорит, что
"Pierres Gallia duas res industriosissime
persequitur: rem militarem et artem loqui"
(*Origines, II fasc.*), да и теперь во Франции
вместо цыганства *éloquence* и *gloire mili-
taire*. Самые основательные и серьезные
теоретики и мыслители Франции, напр.
Монтань и Мини, обращаются к изуче-
нию по разному своему складу Французов
в Кельтском по характеру. Отправное
свидетельство, если посмотреть на него с то-
чки зрения Бембо: каковы-то свойства
физиологической от Кельтов темноты, но
нравственное складство в нем весьма зна-
чительное. Бембо, конечно, не мог не за-
метить этого противоречия, и он объ-
ясняет его не двойственностью внутри
одного кельтского племени, а пронахо-
ждением французов от разных племен -
Галлов (Кельтов) в северной части и
Лигуров - в южной части. Соответственно
в этом он не находил, что не-
вероятно нравственной природы Францу-
зов складны с чертами характера
Кельтов, и проводит такую двойствен-
ность и в нравственном обиходе фран-
цузов. Но об этом подробнее мы будем
говорить ниже, когда займемся характе-
ристическим кельтским племенем, теперь
же нам нужны образцы интересе-
ующего вопроса о его происхождении. План наш
иной, но Бембо весьма остроумно про-

— водить свой взгляд на двойственность происхождения Французов. Конечно, есть у него много спорных взглядов, но главный вывод можно дать признан в том, что возмозможный, именно его теория касательно происхождения Французов касается двух прародителей. Французы, говорит он, происходят в физиологическом роде от арийской и иберийской, а по темпераменту, внутреннему типу относятся к одной с одной стороны кельтской, с другой к арийской расе арийской и иберийской.

Вопрос о двойственности происхождения человека не становится на основании выводов Вейера. Оказывается, что решить задачу о первоначальных обитателях Европы не так-то легко, что при этом возникают такие массы чуждых пунктов, что необходимо обратиться к предположению существования некоего общего источника, происшедшего из одного населения. В этой области изучения жизни народов Европы в последние десятилетия ввиду огромности материала приходится прибегать к помощи этнологии и истории, которая пришла к тому, недавно еще родившейся, науки, но в настоящее время в общую историю человечества не только знания, но и ценные материалы, которые говорили о филологической археологии, имеющей своим предметом изучение вещественных памятников исторической жизни народов с целью отнесения их к тому или другому времени. Изследова остатки жизни исчезнувших или перемещенных народов, археологическая наука при главных периодах человеческого первоначального бытия имеет следующие этапы: 1) Населенный этап, представляющий

и ший переселению в Европу Африканские народы; так, когда люди не знали еще употребления металлов, а делали себе орудия защиты и орудия для домашнего обихода из камня и кости, т. е. из самого простого и прочного материала, для обработки которого не требуется ни искусства, ни знаний, то нужна одна физическая сила. В этот обширный период доисторической жизни Европы разделяется на два отдела: 1) самый древний - период каменного орудия и 2) - позднейший период манифактурного орудия. Остатки каменного века находят во всех частях Европы: во Франции, по юдиней берегам Баскии, Сибири, в Швейцарии, Дании, южной Швеции и России, а также в Италии и Испании.

II. Бронзовый век, когда люди выковывали уже себе орудия и орудия из сплава меди и олова, и наконец III, Железный век, наиболее близкий к историческому времени (Арийцы, переселившиеся в Европу, уже знали употребление железа).

Вот эта-то юная, но уже много сделавшая, наука и призвана разрешить вопрос о происхождении различных нынешних европейских народов. Во Франции археологи открыто ищут еще кое-где изваяний, тогдашних остатков много памятников от того времени, невольно называвшихся друидическими, кельтскими, которые с успехом изучаются археологами и просвещают нас в наш век на древнюю историю Европы. Памятники эти принято в науку называть общими именами - кельтскими, так как они сделаны из

огромный ответственный каменный (pierres
vierges) и обелисковые египетские, неополитан-
ская геологическая рукою, а оставленные
в том виде, как они находились в
природе. Смотри по форме и располо-
жению египетских памятников
на некоем групп: 1) Менгир
(Ménirs) - огромные камни, поставлен-
ные на земле в стоячем положении
(pierres levées) и расположенные иногда
так, что могут вращаться. 2) Доль-
мены (Dolmen) - большой каменный ка-
менный пещер, египетский толк,
что образуют подобие египетских пеще-
ры (4 камня) и ~~большая~~ гроты, иногда со-
мнительно разбиты. Англичане отбра-
ывают название менгир и называют
оба эти вида хальхемени, но они будучи
деревянной французской терминологии.
3) Хальхемени (Chalchéménis) - группы огромных
каменных, расположенных египетских, при-
гласи, египетских каменей, которые
такие в глубине гроты и произ-
водят египетское, египетское, египет-
ское впечатление.

К числу этих остатков
древнейшей культуры нужно отнести еще
особый вид памятников - курганы. Зем-
ляной каменный особая вид без присут-
ствия на них египетских памят-
ников. Многие образцы египетской
культуры артеологии являются много, ученые
глубоко принимают за его изучение и
принимать все египетские соображения.
Они покоемся прежде широко
использованные и доказано, что египет-
ские памятники представляют
остатки жизни египетского населения.

Указавшее, что погодного рода памятники встречаются не только в известнейшей землях - Франции и Великобритани, но и в Дании, Южной Швеции, в большом количестве в северной Африке, в северной и южной Америке, и Азии, напр. в Таиланде, на восточной берегу Индостана (Мартенс говорит даже, что в Индостане в Индустане про сию породу возводит также сооруженія) и подлинно Гималаев и в центральной Малайи.)

Теперь пришла пора указать, что эти памятники, вошедшие в известность погребальные и принадежающие не известным, а другим народам, по Бекетову, Лигуру, который, впрочем, по его мнению, приводит в связь и с северно-африканскими народами: Гепуцы - вероятно, что Гадены (Gaiden), Гадены, ^{мел.} по его мнению, ~~или~~ Лигуры. Другие писатели, напр. Денан, сравнивают африканскую Берберов, или Надилов, народ несомненно не семитический, а европейский Иберии. Основатель науки пришел к заключению, что это памятники не семитическое, а представляют остатков западной расы, предков населявшей Европу. С времени появления книги Бекетова (в 60-е годы) и до наших дней во Франции особенно замечаются извѣдывающіеся мегалитических памятников, сего для того и специальных музеев, которые завладует Александер

Хотя трудно замечать, что памятники, находящиеся в Таиланде, при олодетой представляются и значительное различие от европейских мегалитических

Бертран и издание посвященный вопро-
сам археологии журнал „Revue archéologique“
Опираясь на археологические данные, Берт-
ран принимает: не только двойствен-
ность французского типа, но и видит
две культурные др. в древнейшей исто-
рии Франции. Приводим его соответ-
ствующие замечания, извлеченные из
статии, посвященной нам в „Revue archéologique“ 1878.
(М. Bertrand, „Conférence sur les popula-
tions primitives de la Gaule“).

„Если проследить линию от Ал-
жера к Египту через Сицилию, то мы
получим приблизительно такую грани-
цу древней археологических областей и куль-
туризации. На востоке безраздельно цар-
ствуют курганы. Здесь же встречаются
еще дошедшие кельты, в которых мы
уже знаем в земле. На западе — рас-
селены и походят в поразительной
пропорции. Очевидно, что такое резкое
разграничение памятников, разнообра-
зных по своей форме, но одинаковых по
назначению, не может быть делом су-
щности. Мы находим в нем все
древнейшие народности, существенно отлича-
ющиеся друг от друга нравами, обы-
чаями, верованиями, и происхождением.“

„Надпись с Гаппа. Что нахо-
дим мы по сему типу памятника, нагр-
ажденным в виде предмета? Вспом-
ним.“

Вспомним памятники: доисторические — егип-
тские погребальные памятники, доис-
тоические — египетские — алтари или соответ-
ствующие памятники, поставленные для воспомина-
ния о каком-либо событии (monuments).

= ные остатки предков, трупы в еде-
 лии, или естественном положении (*accolis ou
 allongés*). Отсюда головы, в ногах скелеты,
 вокруг него разбросана земляная погу-
 да (*rochers*), обдуранный кремни, острия
 стрел, потора похороненного каменья,
 иногда очень твердого, иногда же едван-
 ной из драгоценного восточного нефри-
 та (о нефритах мало рече на тифини-
 еском археологическом съезде нынѣшня-
 го года). Иногда здесь же встречаются
 искусственные обсервации, особый вид ди-
 рюзы (*caillots*) и обсервации из янтара,
 что говорит о существовании торговых
 сношений с другими народами: известно, что смальт
 добывается в Кавказа, а янтаре из Ба-
 тийскаго моря. Между этими каменны-
 ми предметами иногда, но очень редко
 попадаются вещи из бронзы и золота;
 это находящаяся в приустьевии цивилиза-
 ции, то справедливости замечивающей на-
 званіи каменной.

„Обратимся теперь къ египетским
 постройкам. Цюрихского и Констант-
 инскаго озеръ, где преобладаютъ только
 каменные инструменты, которые мы ви-
 димъ въ дольменахъ. На ряду съ камен-
 ными поторами въ такомъ же почете
 земли, какъ и во Франціи, здесь ветры
 каменъ или ветчатки животныхъ, егип-
 тской человекъ, ветчатки одушевленныхъ
 растений, зерна и т. п. Эти растения эти
 зерна, эти ветчатки животныхъ пока-
 зываютъ намъ, что человекъ каменной
 цивилизации держалъ волея себе соба-
 ку, лошадь, овцу, козу, овецъ, быка, т. е.
 главныхъ домашнихъ животныхъ;

что он охотился на оленя, козленка, оленя, кабана, ененицу, каменного барана и т. п. Глиняные сосуды, упавшие в воду в эту эпоху, содержат: пшеницу, ячмень, овес, горох, яблони, вишни, яблоки, семена злаковых и маиса. Итак земля вокруг озера обработывалась; эпоха каменной цивилизации была замечательна и пастухами, выделывали себе ткани из оленя и коры, но еще есть в тканях и презирали и олово.

„Перейдем теперь на Восток, в область туркманов. Здесь, благодаря всеобщему освобождению, мы встречаем и новый род цивилизации, новую культуру. Каменный пшеница, одичавшая из олово и янтаря несутся; на смену им мы находим бронзовую и железную металлы, поля и инструменты из бронзы, остатки деревянных пшеницы, отполированные бронзой и железом, так и, одичавшая из бронзы, железа и золота, ружья и подковы брадсеты из гонимых металлов, браслеты и шпильки, обшивки и украшения, иногда богато украшенные. Мы находим в области цивилизации индо-европейской.

„Важность этих фактов, несомненно достоверных, очевидна для каждого. Мы находим в египетских источниках восточные выводы из величайших древних цивилизаций: в начале, и, преимущественно, на Западе, нашла Талли группа народов, достигших известной степени культуры, хотя еще не имевших развитых металлов. Впоследствии, в историческое время, явились другие

группа, обрабатывающая бронзу, медь и золото; это вторая группа началась исключительно занятием восточную часть Франции. Обе эти цивилизации существовали друг подле друга и имели происхождение различное, мы не можем никак отнести вторую нашедшуюся первой.

» Эти два племени, эти два народа различны археологически относятся к доисторическим и к историческим. Мегалитические памятники тянутся во время от верных стран: Ирландия, Англия, Шотландия, Дания, Швеция и родные берега Балтийского моря во всем своем протяжении обнаружат нам. Курганы, аналогичные французским, тянутся по ту сторону Рейна и занимают часть франкской Германии, где никогда не встречалось ни одного мегалитического памятника. Углубляясь во Францию, племени и язык ее, эти два племени сохраняют свое очевидное, разное различие.

» Ныне очевидно, что цивилизация меди и бронзы, эпоха курганов — есть эпоха Галльская. Принесли ее с собой и водворили в своем сердце Европы племена Галлы, или Кельты, которые в III и IV вв. до н. э. с римлянами были в войне с Востока и вторглись в Италию. Открытые Плинием, Страбеном, Диодором, Птоломеем, Пелопаром, по свидетельству на Галльские монеты, на этюдах и на памятниках. Эти мечи и производные червчатые щиты, эти копья и кони, нагрудники из бронзы и золотые украшения, находимые в наших курганах, не были ли они спущены древними авторами, как вооружения Галлов? Углубляясь наши

курганы суть курганы галльские.

Бертрамъ опредѣляетъ хронологическія примѣты этого народа, погребавшаго своихъ умершихъ въ курганахъ. Въ курганахъ Weissenkirchena, Rodenbach'a, Ditzheim'a, говоритъ онъ, найдены между прочими вещицы этрусскихъ вазъ, зооморфныя драгоценности артистической работы, но потроху, конечно, если варвары не были сородны. Эти вазы, эти драгоцѣнные зооморфныя вещицы и драгоценности относятся ко времени развитія этрускаго искусства, къ III и преимущественно къ IV столѣтію до Р.Х. по времени галльскаго нашествія?

Разъяснилъ коротко измѣры Бертрама, несколько видоизмѣнивъ его собственныя слова.

Онъ признаетъ двѣ области цивилизаціи: 1) Западную въ галльскихъ и вообще сѣверныхъ каменныхъ періодахъ и 2) Восточную въ курганахъ и остаткахъ или отпадения бронзоваго, но шавильскій образъ дѣлалъ видъ. Относительно первой области и первомъ періодѣ культа культа нѣтъ сомнѣнія въ Бельгии и Бертрамъ, что они принадлежатъ не кельтамъ и не Галламъ (Бертрамъ относитъ первую отъ второй), а неизвестному народу, раньше кельтовъ поселившемуся въ Европѣ. Бертрамъ прибавляетъ, что кельты живутъ и въ этой западной области каменной доарийской культа въ видѣ ислѣженія бронзовые остатки, точно такъ же, какъ они встрѣчаются и въ восточной каменной и въ восточной области проселки дикѣйшихъ, и онъ готовъ въ галльскихъ отпаденияхъ или на счетъ кельтовъ. Но этого бронзово-кельтскій періодъ, по его сужденію,

продолжением не дошло, ~~они~~ в области ка-
менного периода - народы пришедшие, ицеллы,
могут быть, завоевательный, и великий
и очень непреклонно. Записки иудей
вот меланский, который трудно отпеч-
тать от того, что это названного неопред-
ленного, бронзового, могут быть, кельтско-
го периода, - область его мелинг то восточку
от означенной выше линии, то к ней при-
числяются также и цизаальпийская Гал-
лия - это соответственно галльский период. Ма-
киев образцы, как мы видели, Бертрам
отличает Кельтско-бронзового века от
Кельтско-меланского, или соответственно Гал-
лия. Записки он указывает пути восточ-
ной Галлии в Вроти. Они пришли, говорит
он, из придунейских областей в Ита-
лию, заняли значительную часть ее и по-
том обратным движением напро-
тив через Альпы в нынешнюю Фран-
цию, где господствовали тогда, по всей
вероятности, Кельтско-бронзового периода.
Макс образцы Бертрам во многих
рассуждениях и других ученых, и в
четырехкратных изданиях. Макс напр.
Миттльбах говорит, что Галлы пришли
в первый раз в Италию под командой
Беллы и Вигора во время пра-
вления Маркиуса Греша из Галлии, и-
менно из области Битуригов, а Берт-
рам это опровергает, и утверждает,
как мы только что сказали, что они яви-
лись в Италию из придунейских земель,
и только оттуда попали в Галлию, где
теперь и находятся их следы в кур-
ганах без остатков жилищных, но с
меланскими орудиями и оружием, и это
ранее господствовали не предельный,

но ^{не} догматический прощупывание времени Нейттов.
 Теория Бертранна разрушается в отношении
 шую часть прошедшей воззрений на эту
 вопрос. Но нужно сказать, что и в ней
 есть много недоказанного, темного, зага-
 точного. Несомненно то, что это обитатели
 Нейттовой цивилизации ~~были~~; что они
 пришли в Европу (хотя бы из Азии), зна-
 чимую культурную ментальность; — в то время
 утверждается наш равнотельное языкозна-
 ние. Косну приписки ментальности на-
 шим — египетской, Финикской, или како-
 му другому народу, трудно решить.
 Если признать Финикское происхождение Ег-
 иптов и Иберов, то нужно было бы вы-
 ступить и также предполагать, что эти
 памятники еще в доисторическое время
 дошли бы и находились в нынешних
 лето Финикских памятниках, а это
 не совсем так: курганы находят-
 ся также в изобилии, но доисторический и дру-
 гие ментальности памятников нет
 совсем. Что касается до разделения
 Бертранновской теории от Нейттов, то не-
 сомненно можно в них отметить: тем,
 правда, кажется на видительстве
 древний автор. напр. Плиний, но с
 доисторическим, и этот вывод его
 не может быть принят. Вопрос о
 происхождении Нейтто-нейттовой расы, как
 бы видите, кажется еще незакончен. Хотя
 ответственность темени в то время, или дру-
 гой вид признается всеми членами.
 и Пьерри и Эдвардс (ответственность
 внутри Нейтто-нейттовой темени), и Биллоу
 (ответственность расы, предков Французов,

* пропуск ментальности памятников не есть
 область

и Бертрамов. (ответственность цивили-
зации: Уберо-Дигурайской и Бамбо-Нельт-
ской).

Узловидных чанных ОНельтской
раей наши достаточно: такъ или иначе
они дошли въ концы концовъ трижды,
что въ Бамби господствуютъ два типа:
одинъ севернаго происхожденія, въ которое
мы, въ продолговатого головы, блондинъ,
голубоглазый, асимметричнаго строения;
другой - южнаго происхожденія, средняго
роста, черноволосый, смуглый, въ овальномъ
голове, черными глазами и даже черны-
ми волосами.

Характеръ Нельтовъ.

Перейдемъ теперь къ описанію харак-
тера, отпечатлившихъ нравственныхъ
и душевныхъ чертъ, нравовъ и привы-
чек Нельтовъ. Постараемся сначала на
основаніи словъ древнихъ, а потомъ и
некоторыхъ новыхъ писателей возстано-
вить нравственный образъ Нельтовъ, и
посмотримъ, такъ ли подтверждается на
немъ законъ о наследственной переда-
чѣ основныхъ чертъ характера отъ
предковъ къ потомкамъ. Прежде всего
укажемъ на очень доступное русское са-
мочиніе Георіевскаго: „Бамби во времена
Ная Юли Цезаря“, которое хотя и
популярное и длинное, въ которомъ со-
брано и введено много свѣдѣній о Бамбѣ
по известіямъ, сообщаемымъ о немъ древ-
ними писателями, извѣстій, къ которымъ
мы сейчасъ и обратимся.

Бамба, говоритъ Цицеронъ, такъ

отличаются природою и обычаями от
прочих народов, что древние писатели
без труда могли заметить без особен-
ности или характера. Известный римский
гисториограф Кассий, как говорит Мител-
Ливий, называет эту нацию, которой при-
рода дала и тело и дух более великие,
гуще кровью и сильнее („*gens est, cui natu-
ra corpora atque magis magis, quam
firma, dedit*“). Это великие духа происте-
кало от необыкновенной горючести, ве-
приимчивости, впечатлительности, кото-
рые всегда были отличительными черта-
ми или характера. Но сие же восприимчи-
вость Тамов несколько не укрепилась твер-
дым хранением раз воспринятых впечат-
лений. „Всякий, кто только хочет, гово-
рит Отрабон, (Георг. IV, 4.) где бы, когда бы
и под какими бы ни было предлогами, легко
могут возбудить и возбудить Тамов,
и тогда они готовы на всякую опасность.“
Особенно сильное впечатление производят
на Тамов громкие слова и неожиданности,
шум и военной славы: „*apud eos, гово-
рит Цезарь Преврж и Динионий* (сло-
ва его приводит Макиав, Hist. lib IV cap. 73)
*verba plurimum valent tamque aesti-
mop sua natura, sed vocibus seditionis aesti-
mantur*“. Цезарь также называет Тамов
презвратно любопытными и описывает,
как они останавливались вдалеке проходящих
и волею-неволею заставляли их рассказ-
ывать всевозможные новости, как народ
отрывается кутуров на рынках и оспаривает
их вопросы, откуда они, что видели
и что слышали. Возбужденные жителями дан-
ными и пугающими шумами, они прини-
мали решимости о всевозможных

Составитель. Карриктер, нем. с. в. с. н. 1723.

указав, в который числ приходило в сей-
час он раскрывается (В. Г. IV, 5.) Такие
образцы Цезарь обвиняет Галлов в неодо-
лительной изменчивости и неосновательности
решений (*Gallorum sunt subita et repentina
consilia*). Это его сходство горю и утратой
первыми впечатлительней и под его непосред-
ственным влиянием немедленно принимают
он за дело, была такая же опасность, что
они обыкновенно выходили на сражения
унылыми массами, массах проникались
ужасом и страхом до изумления, бегства и
т. п. они порывались (Позитив). Древние пи-
сатели, напр. Цезарь и Плиний, указывают
также на легкомысленность и легкомыслие, на
неодержимость и безраздельно Галлов, на
их неустойчивость в намерениях и недо-
держимости (*Infirmitas, levitas et mobilitas
animi*). Они легко поддаются влиянию при-
роды и неудач (В. Г. III, 13.) При сходности
увеличивая, Галлы прежде всего увеличива-
ют войну - они заботятся, тщательны и
хитры; это занимает и Рим в раз-
сказ о первом нашествии Галлов на Рим,
и Цезарь. Они склонны к преувеличениям
и предрассудку: Федор указывает на их
обыкновенно говорить темнотой, цветистостью и
напыщенностью. В Галлах развито страст-
ное чувство к военной славе, величии и
высокому делу. Это собственно военная
нация, и они обладают некоторыми ка-
чествами хорошего солдата в высокой
степени, но и в войне они неустойчивы,
непоследовательны, по словам Плиния, терпеливы
продолжительной трудной и злой, особенно
мачику и везении. Это подтверждают
и Цезарь и Плиний. Впрочем Галлы иногда
задают свою неустойчивость и легкомы-
слием.

= вой, иногда они проникаются чувством самоотвержения и героизма. Такие образцы учиваются в характере и делов, как и во нравы нынешних Французов, и весь ряд самых разных контрастов. От превеликой самолюбивости до уныния, от горничества до похвалы, от презрительной насмешливости до благоговения, от величайшей заботливости до омирения, есть и уничижения у Галлов только один шаг.

В этой характеристике древне-гелленской нации, которую мы подкрепим из древних авторов, и которая может быть значительно дополнена многими еще французскими известными и пофродностями, на которых мы основываемся, приведем два отрывка из двух знаменитых новых писателей, одного французского, Покисель, автора блестящего сочинения „l'ancien régime et la révolution“* и другого немецкого, автора замечательного, капитального и обширного труда „Deutsche Geschichte“**

„Из всей истории французской истории, говорит Покисель во введении к своему труду, наиболее странная и необыкновенная кажется французский народ. Был он когда на Европе народ, более испуганный контра-

* Переведено на русский язык — „Старый порядок и революция“, по изд. редакцией Н. Контырева, СПб. 1861.

** Перевод на русский язык I и II т. т. Н. А. Шахматова, т. III — Алексей Веселов-Сквозь.

- это и более спосодный вставаться в
 крайности, более руководящий чувства
 ми, и менее принципиаль, стоящий на
 много выше, так много много общего у
 нас человечества, - народы этого великого
 ный в главных своих чертах, это се-
 ко его узнавать в рассказах Цезаря, и
 этого переизобретения в своих ежедневных
 проявлениях и наклонностях, что неодо-
 - он сам себя себя откровенно неодо-
 - ность зрелищная, и если не менее ино-
 - вранцев принципам изумляться при
 виду доблестных дел своих, - народ
 более привязанный к своему делу и к
 своим привязкам и чувствам, чем к
 себе стоящий все изумления и изуми на
 - край этого, тем скоро тем больше из-
 - удивлений своим, который по своей на-
 - туре и существующий в производящих
 и несомненно правящих одного са-
 - ца гораздо охотнее, чем с различиями
 и свободными правлениями других гра-
 - дань, никогда несвободный на столько,
 чтобы некая была поработить его и никог-
 - да непорабощенный тем, чтобы он не
 мог свернуть с себя иго, не знающий гра-
 - ницы ни в работе, ни в свободе, легко во-
 - дящийся на хитрость, и неудовольствие
 - мый, тем тем же подан ему принцип
 - сопротивления власти, годный на все,
 но стоящий на высшей степени совершен-
 - ства тем же в военном деле, народ
 более преклоняющийся перед естествен-
 - ным, перед силой, перед чуждым и далеком,
 чем перед истинной властью, более сто-
 - ящий к героизму, чем к добродетели,
 к гениальности, чем к здравому,
 к уважению человеческого достоинства,

человѣкъ совершенно великихъ предприятий:
самая блестящая и самая опавшая на-
ция въ Европѣ, потерпѣвшая воздѣйстви-
тельную отъ себя удивленіи, ненависти, жесточе-
стай, но никогда неравнодушнѣе."

Въ этой блестящей, яркой, ува-
жительно написанной характеристикѣ
вѣрно указаны всеобщіе, египетскіе
и египетскіе качества Нильсовъ, которые
знавъ еще и Катонъ, указано и на mobility
и на socialité Французовъ, на египетскіе
еже, неустойчивость цѣн и на склонность
къ массовымъ увлеченіямъ, коллективностямъ,
могучимъ увлеченіямъ.

Приведемъ теперь слова Шоммелека.

"Нильская, иная Египетская или Егип-
етская нація надѣлена была отъ общей
матери инае, чѣмъ Италійская, Герман-
ская и Римская египетскія. При этомъ
содержаніи и еще более блестящій досто-
инствахъ у насъ недостаточнѣе тѣмъ гонимой
красоты и гонимой основѣ,
на которой зиждется все хорошее и вели-
кое въ нильской развѣтлѣ. Тамъ египет-
ская Нильская, говоритъ Цицеронъ, Егип-
етская позорная воздѣйствіи тѣмъ со-
дѣйствіемъ руденіи. Именно они при-
поднимаемъ пастушескій образъ жизни и,
даже въ пастушескомъ состояніи, по пре-
имуществомъ по преимуществу египетскому,
питались египетскіе отъ своихъ стадъ и при-
живая въ нильской дѣно и кожно въ дѣно-
бояхъ египетскихъ. Той преданности родной
типлѣ, которая свойственна Италійцамъ
и Германцамъ, у Нильсовъ недостаточнѣе;
между тѣмъ, какъ съ другой стороны, они
любятъ египетскія въ кулѣ, по городамъ и
египетскимъ, разрастаться и приоб-"

= таковыми у нас знанию, как кажет-
 ся, ранее, чем в Италии. Гражданское
 устройство нас очень несовершенно: не так
 то единство народное выражается у нас
 силой племенного евязю, что, можно по-
 нять, сказать, в нас и во веках на-
 циях; но даже и в отдаленных общинах
 у нас неавтоматический единичный и твердой
 организации власти, строгой для граждан
 ответственности и покровительственной строгости
 ний. Единственная организация, которой
 они подчиняются, - это военная, узкая и
 единичная всем извещающая инициатива
 в отдаленной заботе о самосохранении.
 • Выдающийся свойство племенного пле-
 мени, говорит историк св. Тьерри, суть:
 личная храбрость, которую они превосхо-
 дят во всех народах, открытой, предпри-
 ятной, доступной всему впечатлитель-
 ности, - добрый ум, но при этом
 крайняя верность, ответственность, выдержка,
 отращивание от подчиненности и порядка,
 ответственность и неограниченные радости, ед-
 инство и единство племени. Короли гово-
 рили в этом смысле еще раньше старинных на-
 ций: „У римлян было всего в ходу для
 вещи - военное дело - и крайнее слово“. Такие
 свойства хороши для создания и сохранения
 граждан объединяются нации исторический
 факт, что Римляне покорились без сопротивления,
 но сами не основали ни одного. Везде
 они были видны в готовности к ответственности,
 т. е. предпринимать подвиги, предпринимать
 подвижные дела, кельты земли и велич-
 вообще - золота, и занимаемая войною, как
 организованной разбой, или даже как
 ремесленной за плату, во всякой услуге,
 впрочем, в тактике успешной, что даже

рический историк Саломонский признает
 превосходство Нисского над Гиммаласким.
 Это изделие кондотьеры древности, как
 нам представляется над изобретения и раз-
 сказ: всеобщая, неопределимая фигура
 из пошлостей гонимой и феминной чести.
 Совершенно неопределимый в Греции и Ита-
 лии, который отринут чести и гонимой,
 в пестро-цветной и вышитой палат-
 ки, который в биге не только сражен-
 ась, в мирской красоте козырь на
 шее, без шее и без какою бы то ни бы-
 ло металлического украшения, но за то не
 обременен и износ и феминной, душно
 замаскированной, в пинжерах и пи-
 кой, и все это в золотых украшениях,
 так как они вообще чужды не душно вы-
 жимать из металла. Для появления
 душно все, чаще рана, которую имеет
 значительное расширение, тогда поцего-
 лать даже широким рудным. Сража-
 ась они обыкновенно пили, но иные кла-
 ны кроют того и верхов, причем за-
 тачивают вольных невольников сажува-
 ли два конных орденеца; боевые ка-
 сеты были у них издревле в употре-
 блении также, как у Ливий и у Греков.
 Уныл черты наивысшей средневек-
 во рыцарство, — боевые всего пудовый гре-
 ками и Гиммалаской обидой предвещать.
 Не на войне только ищут они однокоче-
 ния вызывать надой отпугивающего неприя-
 теля, сперва обидя его словами и пил-
 ационными; и в мирное время они не
 только бились между собой на смерть,
 в делетических вооружениях. За эти дни
 подвигами сажуваем, если собою разу-
 мится, попойки и пиршества. Таковы

основных, наследственных черт, слагает-
ся, Лигурийской расы, о которой еще древ-
ние говорили, что они „*duri et aegrescentes*“.

Мы уже раньше говорили, что
это противоречие замечатель и Беммого: он
считает основным качеством французско-
го народа на черт кризиса и объясняет
противоположность двойственности про-
исхождения французов. Он считает не-
обходимым отбросить от французского
характера те черты, которые служат
приписке великой цивилизации современной
Франции. Тогда у нас остаются одни
характеристические черты: страсть к
брани, к унижению, национальная гор-
дость, некапелство, пышность и внимат-
ельность физическая и нравственная,
величавость и способность падать духом,
иногда самоубийство, нежность и подвиж-
ность, вошедшая в пословицу. Замечатель
служат противоположные качества: с
одной стороны крайняя нестойкость и
недостаток энергии, а с другой - герои-
ческая преданность воле, и даже
верность даже в противоположности ка-
чества и рабству смелости; спо-
добен к упрямству, необыкновенная даж-
ность к закону и в то же время щедрое
повиновение его воле, непопулярность убо-
и страсть к равенству, крайняя простот-
а и способность к изобретению, к ис-
кусству, к цивилизации. Беммого замеч-
ательны также и те приведенные против-
положные признаки характера фран-
цузов, и ими можно объяснить разрыв
убого его с остальными элементами, а также
разрыв. Одни качества он приписывает
великой Италии, другие - великой Лигурии

и Уберовъ, которые отягощены почетомъ, ответственнѣе и дружелюбнѣе кажутся намъ, такъ заимствованы въ нынешнюю Французскую. Личность была нацією презрѣною, привычною къ труду, упрямую, переносившую всякія униженія и лишения. Что же принадлежало Галламъ? Чѣмъ принадлежала заимствованная въ характерѣ Французовъ исключительность увлеченій, стремленій къ украшеніямъ, гордости, тщеславію, самолюбивости, мщевости, гостеприимности, прелестью, естественность увлеченій вѣнчиками вѣсковъ и ветроушиною игрою ума. Какъ долго Личность, чѣмъ водиле болѣе отдаленный рай, онъ относился такъ же и на естественность, апростоту и упрямство въ преследованіи чужихъ. У Галловъ есть много неясностей и противорѣчій, но никакъ не менѣе трудно сказать, что онъ точно подмеченный и въ какой-то характерный эталоны природы Француза.

Можно въ разномъ смыслѣ признавать тотъ фактъ, что основныя черты характера Француза дѣйствительно переняты насильственно отъ своихъ предковъ, темъ бы они ни были.

О степени образованности Нептновъ до Гибетского завоеванія.

I. Религія.

Опредѣленія религіознаго быта Нептновъ представляетъ много трудностей: религія ихъ была и въ то время мало извѣстна. Она была извѣстна потому, что

источники одного рода — древние авторы, не вполне достоверны и далеко не точны, а источники другого рода — вещественные памятники и надписи (*inscriptions votives*) не издана, не собраны, не приведены в порядок. Она первою известна потому, что на нее *a priori*, без достаточных оснований смотрели феодалы, как на единственную христианскую систему, чего на самом деле никогда не было. Таким образом приходится с одной стороны крайне осторожно, критически обращаться с источниками, с другой — разрушать старые системы, твердо установленные в науке, но теперь признанные за ложные.

Главный источник сведений о Галлии из писем древних писателей, то есть Цезарь, дает нам только призрачные, случайные данные о галльском обществе. Не будучи научным писателем, не обладав этнографическим чутьем, этот необразованный человек правильного знакомства с бытом других народов, и в особенности с тем, что на низшей ступени цивилизации, Цезарь (и такие и другие авторы, писавшие о Галлии, напр. Лукан и Лукан) одичалостью души и уродливости души с точки зрения Римлянина. Он прямо говорит, что галлы почитают только две вещи, то есть Жену и Бога. Гораздо более важное значение при этой цели имеют надписи, начертанные на вещественных памятниках последнего периода, находясь в дошедшем состоянии и в Британии и в Галлии, и в Норик и Паннонии. Все эти надписи относятся к рим-

в египетское время, и на том проявляется религиозный канкретизм, т.е. соответствие имени имени ислемского и римского: при этом надпись, представляющая собственно посвящение, обращена к римскому богу, а ислемское соответствие имени именованию этого бога превращается в римскому имени в виде прозвища. Но пример — *Аполлон-Велес*; так же знаешь, *Аполлон* соответствует *Кельтскому Бесу*.

Этот угаданный материал в последние время подвергается все более и более усердно, но по новому изданию соответствующим ислемским надписям еще нет. Фактически, собранные из надписей, с которыми приходится и исправлять неверные посвящения преданных изследователей. Напр. *Георгиевский* в выше названном сочинении „*Ислем во времена Кайя Цезаря*“, при помощи сравнительного изучения ислемской, германской и отчасти римской мифологии, построил весьма самостоятельное и стройное здание кельтской религии. Но здание это оказалось непромыслимым и разрушаемым новыми фактами, полученными из надписей. Так *Георгиевский* говорит, что ислемский бог *Мейтава* соответствует *Меркурию*, а *Меркурий*, по словам *Цезаря*, главный бог ислемов. Какой бог представлял *Цезарь* под именем *Меркурия*, решить трудно: *Георгиевский* сопоставляет его с *Мейтавом* (германским *Одином*), утверждая, что это главный бог, и приписывает ему все, относящееся к ислемскому *Меркурию Цезаря*, герман. Взгляды *Георгиевского* опровергнуть надписями; на

= и чисел египетских, хотя были египтяне, но зато были и греки; зорание Теоретического (философического) Мейстера оказалась соответствующей не Меркурию, а Марсу, потрошущего на одной надписи рядом с именем Сивы-
Marti-Phentati.

Упомянутый здесь кептатти на, несомненно, относится к описанной реке — Тедза Henri Daidor : Esquisse de la religion des Gaulois; здесь кратко (на каких-либо 24 страницах), но хорошо, точно и научно изложены результаты изучения надписей, касающихся религии Кельтов.

Мы в своем изложении факта упрощенно и упрямно отделили от извещения Цезаря, так как он — судя по своему факту — во всем, что касается Галлии. Конечно, он не имеет понятия происхождения и происхождения галльских богов, как понятия бы современного египтолога; но его взгляд — судя по Гиббону, который знает Галлию, понимается общий дух ее религиозных верований: Цезарь характеризует галльские образы вообще как направленные религии Галлов; надписи сообщают имена их богов.

Говоря о богах Кельтов, нужно различать их на два класса: 1) Великие боги, общие всей Галлии и 2) местные боги, которыми поклонялись только в известной местности Галлии, или которые представляли просто величество и боготворение естественных сил природы — городов, рек, гор, ветров и т. д. Стоит только заметить, что разных границ между этими двумя классами не было.

В своих комментариях к Галльской Войне Цезарь говорит: „Действительно

maxime Mercurium colunt: (m. e. Galli)
hujus sunt plurima simulacra; hunc om-
nium inventorem artium ferunt; hunc via-
rum atque itinerum ducem, hunc ad quae-
stus pecuniae mercaturaeque habere vim
maximam, arbitrantur (B. I. II, 17)."

Галльский образом Галлов по Цезарю были
теперь боготворявшие Меркурия; потому
бог в римское время носил еще много
популярней в Галлии и вытеснил свое-
го галльского собрата. Как бы, рассудя
отраженъ лицом Меркурия, можно видеть
из того, что до нас дошло большое ко-
личество статуи этого изобразительнаго
бога; одна из них была найдена
в Александрийском саду. Статуи Мерку-
рия обыкновенно ставились на высоких
скамьях, краемъ въ ротъ его вставляли
на вершинахъ горъ, на Гугде Дѣте, Лонгъ,
Вин и, вероятно, на Монемартрѣ; Мерку-
рий Рития или Анверс (на Гуг де Дѣте)
былъ особенно извѣстенъ во всей Галлии.
Рядомъ съ нимъ постоянно фигурируетъ
иенское божество — Ростетра.

По свидетельству Лукіана,
Галлы почитали также Геркулеса подъ
именемъ бога Огмиса. Они изобразили
его въ видѣ изрешета, перешитого стари-
ка; отъ изрешета онъ спускается въ все сто-
роны златотѣлыя нити, которыми были при-
крѣплены къ ушамъ оторочившаго его у-
милеи. Само собою разумеется, что
это — аллегорическое изображение мону-
ментальной вселенной тиранической, при-
ковывающей къ себѣ внѣшней тирании.
Но мы не имеемъ соображений въ доводахъ
ми Лукіана, который относитъ это
это Огмиса къ Геркулесу. Соображения

III.

написе, иже Огений трижды зриметь
 „Viginti” — что значит „двадцать” — зриметь,
 — принадевающий Меркурий. Повсюду впр-
 чне нужно видеть, что иже разуме-
 ни под именем Огения — римского Мер-
 курия. Огений зриметь не только воем
 трактата, но и изобретательский пись-
 ма; что иже зриметь из того, что
 Урбинский признает изобретательский
 писем какого то Огения, и сего писем
 называется у него подозрительный
 человек (ошибка). Манихей вразум, сопо-
 ставлении Пуркана — нечто сущайное и
 вичини, воевание писем на то, что
 что Огений так же, как и Меркурий,
 изобретатель от писем.

Перейдем теперь к другим
 писемным писем, руководящий тем по-
 писем и писем, который воевание
 у Цезаря. В писем же писем он
 писем: „Post hunc (m. i. Mercurium,
 Apollinem et Martem, et Iovem et Cetera
 vana colunt). De his viderem tunc, quoniam
^{religiosae} ~~effentes~~ habent opinionem Apelli-
 tum morbos depellere, Minervam opinionem
 atque artificiorum initia transdere, Iovem
 imperium celestium tenere, Martem bella
 gerere. Hinc cum proelio cliticare consti-
 tuerunt ea, quae bello ^{devovent} ~~operunt~~ plerumque

Второе писем писем
 писем. Он писем писем писем
 писем, писем и писем от писем раз-
 писем писем писем, как писем
 писем, Colledulitanus, Livius, Borvo, Belu-
 nus, Gratius и т. д. Не писем писем
 писем, но и писем писем писем писем
 писем, писем писем писем, писем
 писем писем писем писем и писем писем

— довь, обнаруживаются въ немъ родство
 египетскаго происхожденія. Еще во II вѣкѣ
 въ Аквиленъ его почитали пось имениемъ
 Аполона — Бемени. Такого же египетска-
 го происхожденія и Борво, имя которого
 иногда употребляется абсолютно, но
 часто также присоединяется къ имени
 Аполона. Названіе инокоторыхъ егип-
 тетей и извѣстныхъ французскихъ егип-
 тичей, по своему этимологическому
 составу, весьма близки къ инокоторымъ
 египетскимъ Апономъ. Такъ слово Борво
 встаетъ въ названіяхъ Bourbon-1er Achem-
baht, Bourbon-Ancu, Bourbonne-les Bains.
 Слово Апономъ ясно видно въ такихъ на-
 званіяхъ, какъ Poliqny, Poliqnae.

О Апономовъ часто сопостав-
 ляется по надписямъ доъ Гранис. Его
 имя встаетъ въ географическихъ
 названіяхъ египетскихъ, славившихся
 инокоторыми инокоторыми, напр. Ахна
 тивская названіе Ахна Гранис. Египетскіе

Гранис иногда употребляется и абсо-
 лютно въ значеніи Апономъ. Зрѣе связь
Борво Велени, Гранис, Борво въ египетскихъ
 египетскихъ Апономовъ ясно, хотя сопостав-
 лены египетскаго Апономъ въ инокоторыхъ
 инокоторыхъ додеи указываютъ на ту-
 ждательность египетской мифологии: опредѣ-
 ленная фигура доде въ ней не было — одинъ
 и такой египетскій богъ встаетъ въ инокоторыхъ
 кихъ образахъ. Спутница Борво — боги-
 ня Ситона, а спутница Апономъ —

Ситона — богиня здоровья и, иногда быть,
 земледѣлія и плодородія, потому что
 изображается она въ такихъ инокоторыхъ
 вѣнкахъ, какъ лавровые вѣнцы и вино-
 градная лоза.

Марс в эпитетах Catulus, Legatus, Jov-
turus, Catulus, Albionis и др. носил также
это название Мейтатта, как было уже
указано выше. Эпитет Catulus сохра-
нился в названии первой римской колонии
в Британии: здесь около 50 г. по Р. Хр. в-
новань был город Catulodunum (ныне
Ньюкастл), colonia valida veteranorum
manu deducta in agros captivos subsidi-
um adversus rebellis et imbuendis sociis
ad officia liquit" (Tacit., Ann. IV, 32). Се-
зонто и Catulus иногда встречаются,
как отрывки в древности. Оппидица-
Марса - Кетитона, известная в Ирландии
под именем Кетон, древняя война. Крайне
высоко расположенный эпитет, под которым
они Марс поднимался во всей Галлии, он
носил еще некоторые другие эпитеты
названия, что видно из надписей: так
на приписке - Marti Placidolati (Puy-de-
Dôme), Marti Vineio, Legomoni Eucetinio
(в графстве Никса) и др.

Минерву, древнее слово, дан-
но римлянам под именем Велланта, или
Веллонтис.

Теперь нужно найти дома-
ство Юпитера. Имя его находим толь-
ко у Лувана, под именем Мараниса.
В надписях это имя также встре-
чается вместе с именем Юпитера. В
близости Jovi-Parapius, Deo-Parapius, Jovi-
Optimo Maximo - Parapius. Это самый
мрачный и диктаторский древний дом. Мо-
но предполагать, что это был дом Юпитера,
что показывает найденные эпита-
фии, где он представляется в сво-
боде и руке. Уд и все в галльском
языке Parapi - значит, мощь. Овер

Составитель - Каррелус Ксф.

того у Лукрана в „Фарсалиях“ восторженно
 его упоминание еще одь оценок галльскому
 божееству - Взуче, который триумф его по-
 ставлялся в Марсею. Иллиотского кровно
 говорить Лукан, удостоверяться же
 египетский Пейтатт и Взуче, а Рактанций
 прямо утверждает, что ины приняе-
 ные именованія зиртны. Въ 1711 году, по-
 сле произведенія раскопки подъ пира-
 мидой ебора Пиридиской Богоматери, най-
 дены были посвященные камни, по-
 ставленные еще при Иллирии ассоциацией
 перевозчиков через Дену (Mautae Parisia-
 eae). Но этих каменных памятных со-
 хранены барельефы, изображающіе раз-
 личныя галльскія боги. Фигура, воору-
 женная египетско, названа жонъ Взучею.
 Внизу на камнеи отпечтаны: Volcanus,
 Jovis, Esus, Taranis, Brigantius, Castor Cer-
 титус, еликохъ египетскы имено тпузю-
 ныхъ и римскихъ боговъ.

Главней образы, еликохъ выде-
 щияся, главны, наиболее распространен-
 ныя фигуры галльского Олимпа - это Пей-
 татт, Таранисъ и Взуче. Мы еликохъ
 предположить, что они то и изображающіе
 на барельефахъ въ видѣ тлакъ называе-
 мыхъ галльскихъ триадъ (подобнаго ро-
 да изображенія есть и на пиридиской
 памятнике, о которомъ смъ только что
 упоминали), который доволно часто
^{находится} на памятникахъ. Они состоятъ изъ изо-
 браженія трехъ боговъ вместе. Иногда
 встрѣчаются изображенія одного, но
 триголова божеества (трикефалія), или
 комбинація тлоу и другого, т. е. трехъ
 боговъ, при чемъ ередній является въ трехъ
 еликохъ (трикефалія и триада).

Предположительно можно сказать, что на триада изображаемая именно три главных богини — Мейтати, Маранис и Эзур; хотя утверждать этого невозможно, потому что у писавшей древности по этому вопросу нет указаний. По поводу одной большой находки, о прикреплении и триада недавно помещенных вестником статей в „Revue Archéologique“ — А. Бертрам. Он обратил внимание на лица триады и говорил, что главный центральный бог изображаемый в трее вавлонии и ниневии, соединенными на престол — символическая триада восточных богов буддийской религии. Это антропоморфное изображение напоминает описанное на многих интереснейших вопросах. Изображения вер относятся к римскому времени и некоторые сходны с римскими и христианскими художниками, но идея и форма быть древней и кельтской и, может быть, связана с таинственными силами восточными кушитами, в индийскими и египетскими. Вообще это вопрос неясный разнородный. Творческие кельтские триады разнородные и температурные такие памятники, занесенные в средние века, содержащие кельтские откровения и изобретенные в древней Европе, и они несомненно позднейшего происхождения и, может быть, быть, подделка.

Кроме общих богини, почти все кельтские богини замечены, были и боги. Это кельтские, кельтские образы дичей, носившие название богинь — матреш: *deae matres, matres* (матреш) *matronae*, именовавшиеся также и другими именами.

и ники названиями. И так напр. Кемто
 обращаясь к своему другу по „*Matribus Breve-
 ris*“, *Matrelo Matrouleato*, в *Ullarucien-
 gn* по „*Dea Anova*“, в Арденнах по „*Dea
 Arduinna* и т.д. Почитание других богинь
 у нас держалось в народной памяти, они
 соединились с прототипом поэтического *Фрей-
 Фреды* предполагая, что это были не
 только известные боги, но общее
 представление и повторение имени не
 было. У нас обыкновенно изображали ед-
 иную, в то время на покаянии. Потом
 они обособились, и в то же время
 так существовали, которые в народных повер-
 сьях носят известные названия — „*les da-
 mes blanches*“ и „*les dames noires*“. Распро-
 странение этого культа у нас было
 еще и в другой стороне, именно в той, что
 оно показывает существование в галльской
 религии культа *Аттанис* божицы.

Неосомненно, что в галльской ре-
 лигии раньше господствовал мрачный са-
 рактер, что главные боги приноси-
 ли даже человеческие жертвы. Но это не
 составляет особенности кельтского
 верования, это — черта общая первобыт-
 ным религиям всего индо-европейского
 народа. Символический вегетативный ха-
 рактер существовал и у римлян (бросали
 в воду изображения человека, едкая из-
 ивляла). А литовцы приносили в жертву
 Перуну павших рыцарей Тевтонского
 ордена еще и в XVI в. у галлов он
~~тоже~~ мрачный характер религии был
 еще в то время Цезаря. Он говорит,
 что в его время уже приносили в жертву
 бы тельцов преступников и военноплен-
 ных, и богини того же культа

преследованиях потрошей и чашператоров
Августином, Тиберием и Нероном. В Радоме
в сиротный, прорывшийся кучейтею и еще
снова в Радоме и почитание вельтевых
воин-матерей.

2. Друиды и друидизм.

Вот тисной и неразрывной связи с вопро-
сом о религиозных воззрениях Галлов сто-
ит вопрос о друидах, как главная ара-
хическая и предельно-высшая кучейтея.
Проводником наших знаний будет опять
Цезарь. Мы сначала изведем его изъясне-
ние о друидах, а потом постараемся опре-
делить их историческое значение.

Цезарь подробно говорит о друи-
дах в 13-14 главах VI книги о Галльской
войне. Он говорит, что в Галлии есть два
класса, имеющие преобладающее значение
это друиды и вестыги. Друиды, *inter-*
sunt rebus divinis, совершают обществен-
ные и частные жертвоприношения, ара-
хическую религиозную традицию, передают
религиозные убеждения, обряды, предзна-
менования. В их числе трапезы сардиния
свиноводов, ипоты улиток, и они посвящают
ся у Галлов вождем почитаемым. Они раз-
бираются во всех общественных и частных пра-
весах - ищут это уголовное преступление,
напр. убийство, или проступки таковы
из-за похоти, или владения и знат-
ными уличными знаменами. Они еще назна-
чают мести и наказания. И если кто
частный человек, либо целое племя
не повинуются им по установлениям, они
подвергают виновных отлучению (*exco-*

= *hii: interdiciant*): это была самая суровая и тяжкая казнь, потому что от суровых вверен признания за несправедливые и преступные злодеяния, тем им ещѣ больше, какъ будто бы имъ прикосновении прикосновения несправедливы; они стоятъ вне закона и неприкасаемы никакими посягательствами. Во главе друидовъ находились одинъ, пользующійся наравъ оставшимися полною властью. После его смерти ему наследуютъ наиболее достойный изъ среды оставшихся. Если есть несколько равныхъ, между ними производится выборъ голосованіемъ друидовъ, а иногда и числомъ рожается одного друида. Въ известное время года они собираются въ священное мѣсто, въ страну Карнутовъ, въ центрѣ Галліи (отсюда именованъ Мартра). Тогда же входятъ все, у которыхъ есть тяжбы, представляютъ имъ на судѣ друидовъ и покорно повинуются ихъ рѣшеніямъ.

Въ рождение друидовъ возникло въ Великобританіи и отсюда занесено далеко въ Галлію, и въ Британію всего суровѣе и больше его изгнать. Друиды, продолжая Цезаря, не платятъ податей, освобождены отъ военной службы и изданы отъ всякой другой повинности. Преемники такими же священными причинами, много приходятъ къ нимъ для обучения (какъ бы въ посещении пещеры), и по своей воли, и посылка родичамъ. Друиды заставляютъ ихъ изучать многолетнее искусство, и время учения продолжается иногда 20 летъ. Они не считаютъ возможнымъ излагать письменно свое религиозное учение, хотя во время отпавшихъ двѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Впрочемъ, доказательствъ Цезаря,

они сообщают эту тайну по духу при-
нятому, чтобы их учение не распростра-
нилось в народы, и чтобы ученики подвиги
упрочили памяти и не подвергли пись-
менным.

Друзья в особенности старались
распространить учение, но души не
уничтожают посяг смерти, но пере-
ходят из одной плоти в другую. Они раз-
сказывают такую много о звездах и их
движении, о протяжении земли и мира, о
природе вещей, о счастии и несчастии без-
смертных и о преемстве все это
исполняют.

Вотта приизителеский перевод
сказаний, сообщаемых Цезарем о кельтах
и друидах. Из этого видно, что
друиды представляли собой класс
людей, члены которого были ^{во}одно время
жрецами, учеными, законодателями, врачами
и магическими, и такими образом испол-
няли все функции, которые приписываются
жрецам в более первобытных на-
родах.

Для нас особенно важно наш сущес-
ственное значение, потому что, как сущности, или
применения сохранили очень долго, такие
в течение средних веков, свое значение
в Ирландии и отчасти в Британии,
под именем Брегонов. Когда в течение
этого времени под влиянием христиан-
ства друиды потеряли свое религиозное зна-
чение, они образовали в Ирландии класс
Брегонов, и являлись хранителями фор-
м древнего права, четко передава-
емых наследственно из поколения в
поколение. Законы Брегонов, хранившиеся
долго в виде преданий, и только позднее

записанные, недавно содраны и изданы на кемптерском языке.

Французский ученый д^о Arbois de Joubert нашед в Иранских архивах еще одного языка мид, очень походящий по значению на друидский. Он видит в нем также язык потопов, — это так называемые фили. Они носили на себе суровый характер, не имели судебных прав и не имели естественно раньше друидов. Материал образцов языка друидов в теперешнее время дифференцировался, в функции их снами раздвоились, и наконец все же сны и снами неслись собою. Также, как видно из слов Цезаря, друиды были представителями не только религиозных интересов, но также и политическими, политическую власть и организацию, хотя и не составили части в настоящем смысле слова. Они избирались из своей среды под именем магу, друидического магу, который произносил весьма значительные суждения. Указывая на значение таких выборов и на упоминаемое Цезарем право интердикта, Моммсен утверждает, что „от этого недалеко было до церковного государства (Kirchenstaat) с такою и подобною, с келериками свободой (Immunität) от повинностей, отлучениями и духовными суждениями, — так что это церковное государство не отрывалось, как новейшее римское от всякого принципа народности, но было напротив прираще все националистическим“ (Римск. ист. т. III стр. 196). Это сопоставление значения друидов с позднейшим раздвоением авторитетов папы сими-

— косиль произвольно: в нем трудно видеть
однородные явления.

Если бы обратили внимание на
вопрос, повсеместно-ли в Индии земли
были распространены друиды, то
окажется, что нет. По словам Цеваре,
они встречаются только в Галлии южной
и в Британии. И действительно, на
причтенны в Галлии Цизальпинской и Нар-
боннской и в стране Галатов не подтвер-
ждается и друиды в торговле. Поэто-
му-то в *Arbois de Joinville* замечается,
что учение друидов было занесено в ин-
терьер галлии из Британии не
задолго до появления Римлян. С другой
стороны весьма доказывает, что друи-
дизм принадлежал, как религия, по-
коренным Индусам и народом кельт-
ским, т. е. Индусам. Забываем же
ли страны этой военной аристократии,
но поради в ней сохранялась и тузем-
ная духовная аристократия, такими
образом и покоренный народ наследовал
на подданных свое духовное иго. Впра-
ведь, эти народы не имеют харак-
тера военной, истинной независимости.

Поэтому то, что друиды бы-
ли дикарями, знахарями, едоками, они
представлявшие аристократии своего
виртуэтизма, своего круга доктрин, сво-
ей теории, язык диктатора галльской,
носимый тесный, египетский харак-
тер. Против этого воздвигнуть нужно
придождет — оно не верно и разработа-
лось у древних писателей, вероятно,
также потому, что они совсем не зна-
ли учения друидов. Еще Аристотель
сравнивает его с доктринами Пифагора,

что совершенно такто. Многие новейшие писатели отрицают такое воззрение и говорят, что то, что называют друидизмом есть нечто позднейшего происхождения, несущая на себе несомненные признаки творчества средневековой мысли.

Выпишем несколько фактов о друидизме из древних писаний. Мы уже раньше упоминали, что Келс Цедарь говорит о выговании друидов в безсмертные души, которые после смерти человека переходят в других людей — это как бы учение о метемпсихозе, и прибавляет, что это выгование является истинною добродетью, великою презанностью, горчайшей сирью, равнодушие к смерти. Друиды много учат о звездах, о вселенной, о природе вещей, о силе богов, т.е. являются людьми эвдуцированными.

У нас друидизм очень мало известен, но мы сможем easily сказать, что друиды были действительно вариами в безсмертные души, — это подтверждается и другими писателями. Напр. Бакерий Маконий (De externis institutis II. 6.) сообщает, что у кельтов существовал странный обычай чабать в день чревоу, который состоял из двух частей: одна часть была посвящена богу: „Они, прибавляет он, предадут камиоту, инициативу инициативу еше“. За этим Отрабон говорит, что кельты утверждали, будто души не могут умирать. Такое повторяет Алексий Марцеллин, Посидоний Мел и Путан.*

* Слова Аммiana Марца-

Относительно слов Цезаря о том, что у друидов распространено было учение о бессмертии души, нужно сказать, что его взгляд разделяется некоторыми новейшими учеными, напр. Мишле. Но которое соответствие с этими фактами мы встречаем в кельтских преданиях, литературное наследие позднейшего происхождения. Чтобы познакомиться с триадами, нужно обратиться к книге *Мартена*: *Études d'archéologie celtique*; там же в том же "Le mystère des Bardes de l'île de Bretagne" вы подробно рассматриваете триады. Это особого рода литературные памятники, представляющие ряд изречений очень тесного характера: триада — это дидактическое предведение, в котором приводятся в связь между собой и выносятся три предмета, три качества, три действия, или состояния предмета и т. д. Пример триады мы приведем ниже. Вот в этих то памятниках и говорится о различных степенях, которые проходит душа человека и о качествах, которые могут быть достигнуты душою только в извешном состоянии, такими образом предполагая ду-

шина: *Despectantes (Galli) humana, propitiadunt animas esse immortales* ("hic illi"). Слова Позиция Мелы: *Unum ex iis, quae praecipiunt in vulgus effluit, videlicet, ut forent ad bella meliores, aeternas esse animas, vitamque alteram adituras.* Слова Лукана *душа при рождении*.

«жить чужаком: было бы не достойно
уцелеть жизнь, которая должна воз-
вратиться.» *

Таких образцов, темных сло-
ва Цедаря о воровании Записок и переписе-
нии души должны быть неминуемо отп-
вергнуты, как чужие без внимания.

Итак, прямой связи между
древне-друидическим учением и ново-друи-
дическою литературою не существует.
Ирландская, такъ называемая, друидиче-
ская литература такъ не внушаетъ со-
мнений относительно своей древности; ру-
кописи ея не восходятъ раньше XII вѣка,
и памятники эти первоначально были
записаны ирландскими поддаными, который
не понималъ, сколько было, и въ сущности,
внесъ въ записи много важныхъ измѣне-
ний, и первоначальная письменная основа,
кроме, если она и была прежде, должна
была извратиться, послужить много наско-
камъ. Такъ въ триадах есть несогласи-
е между христианствомъ и оринетической
схоластикой.

Приведемъ причесоръ триады: Это
три подвѣды надъ Dwg и Euthraut - знание,
судово и (правительственная) ения. Дноне,
диссания и ения (rouvoit) въ нихъ взаимно-
пріемствіи могутъ выосннить все, чего за-
хотятъ. (Эти три подвѣды) начинаются
въ ирландской жизни (dans les condi-

* Solis nosse deos et coeli numina vobis
Aut solis nasci datur: nemora alta
remotis
Incolitis lucis. Vobis auctoribus, utitur
Non tacitas exceditis. Ditisque progen-
- di

= lions de l'humanité) и продолжают
 было свое существование" (У Мартена
 помещено 46 триад). Но, что касается
 здесь в трех евангелиях, которые мы сходно
 подвинули 2-ю и 3-ю, и которые
 объясняют христианскую идею борьбы
 против первоначальной зла, пришедшей
 2-ю и 3-ю являются олицетво-
 рением этого зла, т.е. сатаной. Мар-
 тен же объясняет эту триаду восточ-
 ными гомогенными учениями. Наконец,
 трети видят путь - и это очень впро-
 чно, - заимствование из ^{учения} восточно-хри-
 стианского евангелия. Иранцы были
 и христианство, всего впроч, хотя
 и не непосредственно, но все-таки в восточ-
 ка, из малой Азии, и были некое учу-
 битием, если в триадах или на-
 ходились страдания учения Оригена (от-
 ца церкви вост. II в.). Во всяком слу-
 чае можно сказать, что были органи-
 ческой связи между учениями друидов и
 ново-друидическою императрицей. 46-
 триада триада были христиане, утра-
 тившие восток и не имеющие традиции
 древности. Хотя сама по себе эта им-
 ператрица и представляется интерес

Pallida regna petunt; regit idem spiri-
 tus artus

Circa alio: longae (canitis et evigilae)
 vitae

Mors media est.

..... Inde ruendi
 In ferrum mens prona viris armataque
 capax

allerti, et ignavum rediturae parare
 (Hicini, Pharsalia I-462.)

= vitae.

для изучения. Этого намъ нужно было по-
пытаться при опровержении снѣвнѣя о су-
ществовании въ древне-друидической тео-
логии вървания въ переселеніи душъ дру-
идовъ пунктовъ ученія друидовъ или не бу-
демъ касаться.

Скажемъ теперь несколько
словъ о бардахъ, названіи которыхъ у дре-
внихъ авторовъ переводится словомъ vates,
что значитъ-воодушевленный прорица-
тель, пѣвецъ, пророкъ. Это значеніе похва-
дить къ понятію барда, хотя тутъ,
словами бытъ, является только истор-
ическое кельтское слово. Страбонъ назы-
ваетъ ихъ ovādis; Апеніанъ Марцев-
линъ (писат. IV в. по Р.Др.), зачисливъ
въ дѣяніи у Плиніна, говорить, что у
кельтскихъ воиновъ были прифворны пѣ-
ца - ivādres. Новый ученій Федвардонъ,
предлагая чтенію - vivārus, vates, слово
фактически существовавшее въ кельт-
скомъ языкѣ и по значенію подходящее
къ слову vates. Такъ обр. возвращенію на
бардовъ существуютъ самые разнообраз-
ныя: у Апеніана Марцевлина, напр. они
являются прѣтнями, масками приф-
ворными пѣвцами, тѣмъ-то въ родъ гер-
манскихъ эксидовъ, и т. о. они не толь-
ко не вдовольные прорицатели, а по-
ложатъ даже на римскихъ паразитовъ.
Когда теперь говорить о бардахъ по ново-
друидической импературѣ, они посто-
янно на снѣвнѣя друидовъ (такъ Федвар-
донъ видится въ словѣ бардъ тогда понятіе,
что и въ словѣ фимъ), но на самомъ дѣлѣ
они вовсе не были почитаемы и респек-
таго ученія друидовъ.

Въ египетскихъ и некоторыхъ рим-

барды

в египетских авторов III в. по Р.Хр. (Scriptores historiae augustae - Лампрдий, Вониски и др.) встречаются упоминания о фруиде-
едах, но упоминания очень скудные. Не-
известно, оены-ли это фруидовы, или они
представляли самостоятельную юридическую
классификацию. По фруидовым известиям они яв-
ляются просто кофундацией, следовательно про-
тив них есть рассказ о предсказании, дан-
ном одним из таинственных фруидов-зада-
тельных Декретистов. В то время уже
весьма фруидов потеряли значение по
влиянию преследований римских им-
ператоров, а фруидовы, если фруиды и были
ли первоначально самостоятельными рели-
гиозными знанием, фруиды были унижены
до положения кофундаций. Упоминания о
ирицких ветровых Сены и Сурары и др.
ирицки очень скудны и фруиды были
оставлены.

Этим же мы закончили статью
о кельтских религиозных верованиях и
тиреидовых кельтах —

3. Политическому и социальному быту.

Вопрос о том, как определить сущность
политическую, учреждений Неаполя, Рима
и Британии, и их взаимные отношения,
или социальный строй, — трудно решается
в современной науке.

Древний историк его изучения,
Юлий Цезарь, дает сведения, правда, ин-
тересные и на первый взгляд фруидов-
но точные; но если вдуматься вниста-
тельно в сообщаемые им известия,
то нельзя будет не заметить, что в них

кроме много племенного, негражданского, не-
сходного. Напр. в 11 книге о Галльской
войне, в которой затеваются главные
известия о политическом и социальном
бытии Галлов: там же, как и о рим-
лянах, он утверждает, что Галлы раз-
делены на изв. число *civitates*, т.е. город-
ские общины, между тем как он же
в другом месте говорит, что у Галлов
нет совсем не было городов, нет и делов
очень мало, что и при представлении та-
ко отправления, управленческие пункты
(*oppida*), не имея значения *удельных* и
рыночных. Под *civitates* Цезаря нужно по-
нимать *поселения* или *поселки*, т.е. сосре-
нения несколько родов, или племен, веде-
ние, в союзе, основанный на принципах по-
лиархического бытия, т.е. на представ-
лении об общем происхождении от од-
ного родоначальника. Эту первую немо-
жно было еще распутать, но го-
раздо труднее понять и объяснить дру-
гую черту галльского бытия, такое при-
ветие у Цезаря.

Он говорит, что в среде Галлов
господствовал очень могущественный класс,
который он называет *equites*, класс, обид-
жавший значительные богатства, состояв-
шая он масса населения (по Цезарю племя)
находящаяся в значительном подчинении у них.
Эти племена были обременены даними (*ob-
servata*), и отношение к владетельному посто-
лу на отношении римских *квиритов* к
патронам. Цезарь прямо и называется
на *квиритов*.

Что же такое эти владетели?
Значение союза владетельского (*ordo equester*),
каким оно являлось в ту пору в Риме,

нашим впаданіи с.но. Это были капитали-
сты, феодальные аристократы, пропто-
моциона патрицианской родовой аристо-
кратии, буржуазии, которую ее очень жестоко
цензуровали и значительно сжимали, налагая
высокую и постоянную дань из-за привиле-
гій и отпущенности, ее сжимали. Они
составляли основу первой торговой кон-
станции, которую в роду мыслящих инди-
видуальных обществ, брали на откуп едо-
вой промышленности, италии, италии разорвали
провинции, высасывая из них последние
жизненные соки, чтобы обогатиться и, оти-
рали на деньги, чтобы все большее и
большее расширение прав. Так образовался
Гезарь, который сгладил сдигте, который
именно предполагал существование в Ита-
лии довольно значительного количества ка-
питалиста, буржуазии, индустриального народа
даже были обязательствами и индустриаль-
ной в постоянной подчиненности едо-
вой промышленности, причем индустриально к капиталисту
вспомогательное, как невольничеству
общее богатство капитализма у народов,
отличаясь еще по форме и содержанию перво-
начальной индустрии, цивилизации. Гезарь, что
требуется без разбора понятия, зачислен-
ванные из римского политического устрой-
ства и социальных отношений, тесно
затрагивает вопрос.

Петр является возможностью
различить неслучайно известный Цезаря о
Галлах его помощного аналогии с данными
или в стрел жизни группы тевтонских
народов. И действительно, благодаря
открытым и изданным тевтонским
наследникам Ирендэй, получается воз-
можность проверить очень надежную ака-

= посто сегоднѣ — политическимъ и
соціальнымъ строемъ этихъ чужихъ вѣтвей
вѣной и поимѣ расы. Мы уже говорили рань-
ше о бременахъ, указывающихъ естественную
функцию друида; Законы бременовъ изданы
в Англіи на кельтскомъ языкѣ в англій-
скомъ переводѣ, посвященный „en regard“
(выше 3 тома). Они являются предметомъ
внимательнаго изученія въ особенно-
сти со стороны знаменитаго ученаго Мэнъ
написавшаго два замѣчательныхъ сочиненія:
1. „Древнее право“ (суть в русскомъ переводѣ)
и 2. „Очерки изъ исторіи первобытныхъ учре-
жденій“ (переведено на французскій языкъ Furien
de Seyritz в предисловіи d'Arbois de
Jubainville, „Etudes sur l'histoire des insti-
tutions primitives“ и отпечата на русскій яз.
в журн. „Знание“, но не очень удачно).

Другіе кельтологи также изу-
чаютъ законы бременовъ. Другое изысканіе
принимавшее французскому ученому d'Arbois
Jubainville, который посвятилъ въ
юридическомъ журналѣ „Nouvelle revue histo-
rique de droit“ за прошедшій и нынѣшній
годъ рядъ статей объ одномъ сборникѣ за-
коновъ бременовъ, именно о „Senchus eidir“ подъ
замѣткою „Etudes sur le droit celtique“
(также что выше упомянутой книгой). Оне
говоритъ, что этотъ сборникъ объясняетъ, какимъ

* Мэнъ (Henri Sumner Maine) — замѣчатель-
ный по таланту, но обширной эрудиции и
необыкновенному трудолюбию англійскій уче-
ный, представившій ея естественное изысканіе
и древняго, исконно-арійскаго права, по-
святившій свои силы изученію вѣрвѣтвѣ
„origines“ политическаго и соціальнаго строе-
на народовъ Европы и представляющій собой сего-

из ирландских неопубликованных изданий кельтского права, относящаяся к V веку, т. е. к времени св. Патрика, просветителя Ирландии и ирландских летописей около 800-го года. Доказательством сего *Arbois (Juvénile)* приводит примеры, основанные на внимательном изучении языка ирландика, на сравнении его с другими кельтскими или памятниками, и даже с кельтского поэзией. Он говорит между прочим, что объяснение некоторых слов и терминов, встречающихся в „*Бенский Мог*“, можно найти в старом кельтском словаре — *Moisany*, относящемся к 900-ым годам. Таким образом — это памятники очень древнего происхождения, и потерпевшие отсюда очевидные отклонения формальности, но зато всегда точные и естественные; но к естественным языкам памятники очень редки, а переводы не всегда точны. Таким образом изучение кельтских памятников Ирландии дает возможность провести аналогии между бытом Ирландии с кельтов и Таблель Цезаря и объяснить сего темные и невнятные, как мы видели, показывая, изъясняя, сообщаясь этим истинным.

Из изучения законов ирландских древностей кажется ясным, что у ирландцев Ирландии и Веллеса было господствовавшая форма общинного землевладения, что еще в IX и X веках они не выработали в полной мере личной ответственности. Общинное землевладение составляет отчасти важную черту

— 20 — в этой важной области научная и историческая изысканий, на пользу которых рядом с ними работают и знаменитые ученые, такие как *Дейтон*, *Майер*, *Майер* и др.

кельтского быта, и если мы не встретимся с этим самым чуждым отношением к Кельтской Земле, то это потому, что под влиянием римской цивилизации форма эта исчезла так гораздо раньше, но форма эта существовала во время Цезаря. Мы видим, что уже в этой форме землевладельцы являются переносом разницы кельтского быта с формами быта классического. Попытаемся вывести наиболее точные черты его, основываясь на наиболее образцах на основании Мона ("Черты из истории первоначальных учреждений"). Этот замечательный ученый человек принцип Мона, который доказывает существование общинного землевладения в Германии, и утверждает, что эта форма была не только и вообще была народов кельтской земли и исчезла только в течение ее. Это положение доказано в полной очевидности и теперь никакой безпристрастный исследователь не станет утверждать, что общинное землевладение есть черта исключительно европейская или даже исключительно европейская, как еще недавно думали многие.

В то время, как существовали законы Вегонов, форма общинного землевладения начинала уже развиваться; право личной собственности было уже тогда известно в области, хотя бы только в области раздельной общей территории поселений на отдельных участках, отделившихся от общего. Но Мона в книге "Recht der Erde" приводит много данных, доказывающих, что в области земли все таки существовало общинное и обычное, стоявшее в тесной связи с принципом общинного землевладения.

— всеобщий. Напр. он указывает на один из фактов его в известном ирландском обществе — завещательном. Обычай этот состоит в том, что когда умирает землемыслитель (или впрямь помзвателем), члены рода, земля его не отдаваясь по обычаю, и производятся передней ветви землемыслительского рода, при этом участвуют различные члены, составлявшие род, представляется приращением касты земли иерархия.

Эта представляется нам некую картину ирландского общества по законам Вегетации. Он говорит, что основой той тойкой ветви первобытного общества является принцип кровного родства. На этом образе, земля является прототипом общества, и на основе представления единства происхождения от одного лица или, или негласно усматривая связь, образ которого ярко запечатлевается в памяти века, основывается этическое отношение первой формы общественного бытия, бытия родового, патриархального. В течение времени образ общего происхождения становится и ступенчатостью, и для поддержания союза, основанного на родственной связи, предлагается или родовая фикция, где берется четкая новизна высшего иерархического родства, как и является, например, в древних обществах герой — этноним фикции. Но и эта фиктивная родовая связь имеет посылку осваивается, забывается, теряет ясность, всеобщность — и тогда, что в роду выступают различные примесные элементы, не участвующие в этнониме родового общества в происхождении, или, или, или бытия, всеобщность как и видится другим обществом, — и центр тяжести

организации общества и принципы общности происхождения переносятся на принципы общности территории. Земля является объектом общественной собственности. И законы Врегонов, по мнению Мона, предполагают, что в Иранской общности еще не вступил угнетенный класс форм родового бытия, но главная общественная связь уже устанавливается в общинной собственности, которое продолжает существовать, хотя и разлагаясь, особенно сильно и изнеживаясь. III ступенью является образцовый род величайшей патриархальной общности, вступивший на путь развития римского частного права. Таким образом, как это ясно доказывают памятники, в Европе относительно общинной и Галлии, переходящая гораздо раньше, чем в этой последней форма общинного землевладения, хотя уже видно некоторое стремление перейти к форме частной собственности. Род (герт), хотя члены его и сохраняют еще убеждение в происхождении от одного родоначальника, разделяется на самостоятельные семьи, в особенности земельные надельщики, и некоторые семьи стремятся захватить за собой эти участки навсегда, отделившись от земельщиков, и выходя единица - герт, сохраняет свои права по большому счету только в теории. Если мы вернемся теперь к Галлии Цезаря, то находим в силу общеприимской аналогии представить себе и там существование общинного землевладения, хотя Цезарь, который подробно и ясно говорит о землевладении в Германии, ни единого слова не упоминает ^{этого вопроса} ~~на него~~, говоря о Галлии.

Нельзя же мы в виду этого вводить различие. Если преобладают земельщики,

урагтисеи земли, естественно должны
быть самыми богатыми.

Въ чемъ же заключалось тогда-
шнее богатство? Въ древнѣе время оно глѣ-
ное богатство заключалось въ скотѣ и осо-
бенно въ скотѣ крупномъ, рогатомъ. * Она-
гда скотъ и въ особеннѣе быки цѣнѣн-
ся едали посевъ за иль мясо и шкуру,
позднѣе ими дорожать, какъ драгоцен-
ности, наконецъ они продавали. Всеобщее зна-
нѣе, какъ орудіи производства, средство
обрабатывать землю, едѣеиись тѣеиь,
что новѣишій доносимъ названъ бы ка-
питаломъ, присоединенный къ землѣ, ба-
ки прикрѣпленныя къ землѣ, едѣеиись
индустрія едѣеиь. Старинныя роды, едѣеиь
доиь едѣеиьеиьеиь обычаи едѣеиьеиь
коиьеиьеиь роиьеиьеиьеиь, едѣеиьеиь
еиьеиь изиьеиьеиь еиь, еиьеиьеиь тѣеиь какъ
иьеиьеиь едѣеиьеиьеиьеиь еиьеиьеиь еиь
иьеиь едѣеиьеиьеиь въ еиьеиь едѣеиьеиьеиь
орудіи обработки.

(Отношеніе этого то и возникъ
особый обычай (сертел), едѣеиьеиь въ еиьеиь,
что едѣеиьеиь отиьеиьеиь еиьеиь
еиьеиь въ еиьеиьеиь еиьеиьеиь еиьеиь
иьеиь, и иь-за этого едѣеиьеиьеиь еиьеиь
отиьеиьеиьеиь и еиьеиьеиьеиьеиь едѣеиьеиь
еиьеиьеиь еиьеиьеиь едѣеиьеиьеиь еиьеиь
еиьеиь еиьеиьеиь, и еиьеиь еиьеиьеиь.

* Слово едѣеиьеиьеиь едѣеиьеиьеиь
„сертел“ — что первоначальнѣе знаиь — „быти,
еиьеиьеиь еиьеиьеиь“ — еиь едѣеиьеиьеиь
еиьеиьеиь еиьеиьеиь сертел и француз-
еиьеиь „сертел“ и еиьеиьеиь еиь еиьеиьеиь-
иьеиьеиь еиьеиьеиь сертел (скотъ) и еиьеиь
иьеиь (амонеты, еиьеиь).

истории заключается существование тяжеле-
мых феодалов отношений низших кельтов
къ высшимъ. (внпатри-даиль, патрицияиль);
онъ объясняетъ это совершенно такъ, какъ
объясняетъ отношения ирландскихъ епар-
хий къ саргиль и дагиль.

Отъ того указывается, что стар-
шины распорядились изданиемъ, путеше-
ствующей земли, которая считалась собствен-
ностью племенъ. Изъ этого видно, что
но, что они жили на пустыряхъ вельфов
младшихъ пришедшихъ людей, и иностранцевъ,
и изгоевъ, какъ и на иная выданные имъ
иностранцами изъ какого нибудь племен-
ного союза, и ищущихъ новой родины. Некая
эпоха была, какъ можно думать, елико
численны и носили особое название Uidhirs.
Они находились въ прямой зависимости
отъ родоначальника и связывались съ родомъ
тесно чрезъ его посредство. По положению
они споры находили на равнине, и на
свободныхъ земляхъ, — и это положение очень
понятно, — вѣдь они были и полюдни-
цы и истребители, и изъяснительно обяза-
ны ^{были} родоначальнику, принимавшему ихъ подъ
свое покровительство.

Изъ помощи такихъ изго-
вляхъ, но построенныхъ на нагрой сру-
дильности, аналогичъ въ позднѣйшихъ бы-
тностяхъ Кельтовъ. Ирландия ели добивалась
до основныхъ принциповъ социальнаго бы-
та другихъ Кельтовъ. У нихъ не было по-
стояннаго признака личной собственности, а го-
сподствовала еще нѣсколько извѣстная
равнотеельно въ первобытную, форма об-
щественнаго землевладѣнія, у нихъ были вельфы,
богатые землей и скотомъ, которые игра-
ли своеобразную роль и вѣроятно величали

роль)
иую, подобную, арисстократии капита-
ла. Эти воины носили название aire-des-a
т. е. дворянских, повил.

Некоторо походяго роль играли
разбогатевшие крестьяне, называвшиеся во-
иле (собственно „коровы двора“) несом-
ненно происходящие, но отдававшие
также в службу личную еком, приобре-
тавшие зависимость сюзерей и приобре-
тавшие представленные возможности вступать
в состав родовой знати, т. е. aire-des-a.
Такими образом equites Цезаря и рав-
няются тогда кассеу крестьянской зна-
ти родовой и дворян-капиталистиче-
ской. Простые же Куранды в маю, по-
велеваемой кашской кашской, не об-
мениваются функциями двора, кадетов его
поверенности, и тогда понять его, как
судит, ну что непременно обратиться
к соединению Мона (собственно Мона)

Самая характеристика подробно во-
прос о том, как сложилась социальная
отношения между древними крестьянами,
перейдя к чисто политическим от-
ношениям.

Разобраться в извещениях, касаю-
щихся этой области, имеет быть го-
раздо легче, когда мы уже знаем соци-
альные отношения крестьян между со-
бою. Извещения Цезаря и тупее довольно
важны. Он говорит, что крестьяне, et-
uitates, в Галлии было в то время очень
много — до 80^{тыс.}, причем он говорит о
князьях (reges) — которых из них,
хотя не было. В извещениях о других et-
uitates он не упоминает о князьях,
но существование и тем не менее монархической
власти ясно из того, что он говорит о

= црѣтая князи (tritis ведит) этихъ
племени.

Преобладающее значение имеют дру-
гидов играли сенаты (senatus). Конечно,
это это не то, что римский сенат, — это
только латинизированное название. Сенато-
раши в отдельные общины, трибы
были глава сменных групп, основанных
на родовой принадлежности.

Высшая единица, сделанная об-
ширная племенная группа такого у-
стройства имеет общаго родоначаль-
ника, что не существующаго и, следовательно
быть, даже никогда не существовавшего,
но только воображаемого, естественнаго
тесно объединяющего принципа. Та-
ким образом, группа родовое начало имеет
еще не в действительности, а существует
родовая функция, и члены рода (верт)
и трибы представляют себе непервоначаль-
ную форму, а сами собой, в них
входят и совершенно чужие члены, как
никогда случайно пришедшие и призна-
ния общаго родоначальника вполнѣ пред-
косы. Такая такая группа — выборная
(как и в сербских задругах); в них чи-
сло попадают члены рода, которые
пользуются наибольшим влиянием,
наиболее выражают интересы рода. При
этом отдельные члены или трибы на-
ходятся в трагическом отно-
шении: один племенной союз иногда
признает главою чужаго союза. (В боль-
ших племенных объединениях или ро-
довых общинах иногда избирали одного
общаго вождя, а иногда главы отдельных
родов считали себя вождями, составившими
сенаты. Такие это были у Царя и у вожа-

рится, что в некоторых воеводствах
нѣтъ князей, но тѣмъ нѣтъ ниско учи-
вительнаго. Также и у германцевъ, по сѣ-
веру Паданна, были „civitates, quae liberae
erant“ и такія, въ которыхъ одна рѣшитель-
ная воля вождями меньшихъ единицъ,
основанный первоначально на родовой
отношенияхъ.

Итакъ, наше достаточно из-
яснены главные пункты историческаго поли-
тическаго строя. Легко понять, что боль-
шаго единства между отшельными пле-
менами кельтской расы не могло суще-
ствовать. Тѣмъ временемъ царя раздроб-
лены на множество сѣверей, въ кото-
рыхъ сложилась особая племенная груп-
пы, живущей на началахъ естествен-
наго родовой связи. Пособно
въ сущая общей отдаленности соединя-
лись они вѣдѣть, пытались рѣшить
свои на сѣверъ собраніемъ депутатовъ
отъ вождей. Постепенно же вызывая
то насилие или угнетенія чужихъ кѣ-
лю, и отъ такого положенія естествен-
но происходила слабость политическа-
го бытія племенъ.

Итакъ касаясь до историческаго
положенія кельтской жизни, на основ-
но она развиваясь въ самостоятельный
періодъ кельтской жизни, то мы имеемъ
сказать о ней весьма немногое.

Ранне римскаго завоеванія
они стояли на высшей ступени кель-
тской, чужды имъ германскія войны по дру-
гую сторону Рейна. Они были въ от-
крытой сѣверѣ, или деревняхъ, отчасти
въ городахъ, стѣны которыхъ, тѣмъ же,
защитившись изъ плетня и дерева были,

гшей из камня, из дома были просторны и центральные из досок и тростника в выветую куполообразного крышею. О внутренней их украшении и удобствах они заботились мало; еда и навоз, или еда на полах или подстилках, не было тогда более внимательны были к украшению собственной персоны. Знавшие и богатые носили платья шерстяные и шерстяные штаны, вышитые золотом, орнаменты, моды позолоченные, ожерелья (torques), запястья и кольца из белгородского металла подвернули их наряды. Ритмические бои, закинутые наезд, связывались в туги и крахали в правую руку посредством изобретенного ими шеста.

Но вообще кельты стояли на довольно низкой степени культуры. Поэтический быт их отнюдь не мог служить в сравнении с бытом народов классических, основанным на возвышенном праве. Если мы обратимся к Ирландии, то увидим, что тамошние кельты вставали в такое же состояние еще целых 8-16 веков спустя. И в материальной культуре кельты не достигли высшего развития, хотя некоторые кельтские племена и придают большое значение находившейся в кельтской стране богатейшей минеральной тесоте; видят в них памятники кельтского искусства, потому их даже богатства и даже быстрое развитие, но они не могли присоединиться к науке, к искусству, к цивилизации. Правда, кое-что своеобразное у них было. Но кельты, мы знаем из Цезаря, что

Венеты достигли особенно неуклю-
 бы судостроения; у них были суда с ко-
 дяными парусами, представлявшие
 явление новое, так как у греков и Рим-
 ляны были только деревянные суда. Были
 затопы у них шельники и инсопильни;
 употреблялось чаще сырое (по кельтски
 Galo. ~~сравнительно~~ французское Galon). Это
 происходило наосициаеть сильный огонь
 натуралитета, которое повторяют на
 которые первоначальные умены, что ете-
 пень культуры народа определяемая на
 сисетивой потребности и сисетивой;
 но для нас это значения не имеет,
 так как более, что Кельты давали ему
 не советом по употреблению, какое да-
 ели ему. В друинах сферная культу-
 ры Галлы оставались подражателями
 и подражателями Галло от-
 ставились от общего сближения ци-
 вилизации. (Например, они заимство-
 вали у соседей греков искусство воз-
 делывать виноградную лозу и строить
 крепкий стены).

Отличия видны в
 бытии Кельтов и их ограниченная и
 обратная к характеристике и опре-
 делению значения того величия, кото-
 рое отказав на низь высоко-развивша-
 я цивилизация античного, и глав-
 ный образцы римского мира.

И.

Романизация Галлов.

О влиянии, которое произвели на галлов и Иберов племена Семитические - Финикийцы и их потомки - Карфагеняне - и Греки, сии распространявшие не только, а оставившие главнейший образцы на римское влияние, которое отразилось на Иберийской аравии и сирийской, перешло на почти всемирно и обратило в некий род римскую разн.

Влияние Финикийцев - мореплавателей - иудеев всего более отразилось на Иберийской аравии Испании. Испанские Иберы восприняли себе позднее чужие финикийско-карфагенские искусства, который модетель дати и теперь востановлены. Оно было преимущественно сильно в южной Испании, что можно видеть из особенного развития культуры у Турдетанов, народа, обитавшего в нынешней Андалусии. В тех городах южной Испании установилось такое, как постоянное явление, купечество, и вообще влияние Семитов - древнее, так как довольно давно. Как известно, Финикийцы заходили и в Британию, но там совсем не видно следов их влияния.

Далее Этруское воздвигнулось заметно по всему на тибель Иберии, которые были в Придунайской области (нынешняя Тироль, Зальцбург и Венгрия). Тут находились бо сиюность произведения Этруского искусства. Но это почти исключительно предметы роскоши - вазы, амфоры и другие украшения; видно из этого, что Этруски не произвели серьезного переворота в кельтской культуре и во всяком случае не ввели никакой новой эры ее развития. Так и в

Лит. Словес. Метер. смор. болши пром. 993

России, например, они наводили грома-
 тное количество тысячников восточна-
 арабских шопет и др., но эти главные эко-
 номии в восточных народах не вывели
 Россию из варварства и потонули и не
 могли дать прироста европеизации.
 Божье влияние, к тому Филиппины и
 Острова, оказали на Нильсов Грени. Еще до
 60 лет до Р.Хр. выходцы из мадагаскар-
 го города Рокки высадились на Замбесий-
 берегу Средиземного моря и основали там
 колонию - Маскаию (греч. Μασαίω, лат. Maskaia,
 нын. Mascaille). Географическое положени-
 е нового города было очень выгодно: он рас-
 тавлялся вблизи устья Роны, имел под-
 рукою удобный, водный путь внутрь стра-
 ны, мог легко его колонизировать, заводить
 торговля сношения и производить экспорт-
 ные вещи. Рядом с ним Грени рас-
 пространяли колонию, но весьма по берегам
 Средиземного моря: на восток от Маска-
 ии возникли - Никей (нын. Ницца), Анти-
порт (лат. Antipor) и Генуя; на запад
 от них также были поселены небольшие
 колонии - фактории. Но здесь, как обычно-
 венно и в других странах, Грени не стре-
 мились проникнуть вглубь страны; на
 Рону они основали только два города - Ан-
тио и Савелло (на Юранге), другие же
 в Юранге не поднимались, да и два на-
 званные города представляли только тор-
 говые пункты. Весьма замечательно то
 явление, что Грени не стремились никогда
 к политическому господству над народа-
 ми, в страны которых утвердились на-
 колонии; они целенаправленно и узко пре-
 следовали одну торговую цель. Не от-
 ступили от общего правила и Маскаия,

тны, и войнахъ нѣтъ города на Иллировъ не счѣ-
тцетъ превозмучивать.

Вообще Греки, если разсматривать
ихъ отношенія къ варварскимъ племенамъ,
соединяя ихъ въ колоніи, представля-
ютъ рѣзкую противоположность съ Римля-
нами. Греки неслыханно заботились о
важныхъ интересахъ, и давали всугдѣ, что
они, конечно, обращались съ туземными
племенами и часто несправедливо ихъ со-
тисляя. А если материальныя выгоды
не требовали кровавой расправы, они шло
входили въ связь съ интеллигентными соеди-
неніями; оставаясь имъ ихъ свободой, они относи-
лись къ нимъ презрительно, считая ихъ.
Потому, конечно, это послѣднее обстоятельство,
т. е. разобщеніе съ туземцами, шло, какъ
дѣлаютъ иныя, обременить отечествен-
ныя въ нихъ завоевательныя стремленія — они
оставляли въ покоѣ тѣхъ изъ варваровъ съ
колоніями народовъ, которые не угрожали имъ
безопасности.

Совсѣмъ иначе дѣйствовало Рим-
ляне. По степени развитія умнаго цивили-
заціи они стояли неравненно выше Грековъ
и дѣйствовали на первый взглядъ гораздо
болѣе насильственно; покоряли тамъ всего
вида оружія все край. Но они являлись
въ западныхъ странахъ не только, какъ бы
народовъ, но и, какъ пионеры высшей куль-
туры. Массиоты не покорили фиде дитъ
ни въ путь ни не въ нѣсколько шаговъ отъ
города елиотское Ригур-Немтское племя
Самувиѣ, Римляне же, какъ только поя-
вились, немедленно покорили ихъ и внакла
въ поваръ же Массии. Но Римляне, поджи-
вая варваровъ, производили на нихъ, освоен-
но на западъ, неравненно болѣе сильное

влияние и достижении гораздо большим, нежели у греков, хотя и стояли ниже по развитию: они не относились высоко к покоренным народам, и старались равнять их себя, приводя к своему языку, гражданственности и культуре. Любопытную картину можно провести между эллинами совершенно разнородными великими греков и Римляны и нынешней мощной и великой Англией и Русских в покоренных или отпавших, между французами и пр. Русских в Средней Азии и Англичан в Остиндии и восточной Африке: совершенно ясно, что Англия является ^{подо} Новым Греком или Новым Кароленом, а Россия - Новым Римом.

Итак влияние Македонского на Греков было не было так велико, как называют предание ученые, и между ними знаменитый Фавиель *. Он указывает, между прочим, на весьма значительное влияние Греков на Провансальскую империю. Несомненно, Греки должны были ввести кое-что, и действительно есть указания о том, что Греки писали греческий алфавитом; но употребление его было незначительно. Скорее всего, в другой области, Греки ввели в восточной Азии виноградарство (как это видно из названия одного греч. вина - Андрей), но оно не очень распространено; скорее всего,

* Фавиель (Claude Favre + 1844), бывший профессор Сорбонны по кафедре иностранной литературы - ученый замечательный и талантливый и редкий знаток главных европейских и восточных языков. Все написанное Фавиелем отличается тонкою

отт Греков Галлы научились строить бо-
лее красивые, строгие и чинные го-
родские стены, но и это приобретение
было для них неважно, так как города
в смысле чинного общественного,
социальной формы у древних Галлов не
было и Агидей Тьерри направлено ви-
деть у них развития городской жизни, а
борьбу партий аристократической (го-
родской) и демократической (село) - это совер-
шенно не верно. - у древних Галлов не
тогда не было антиканизма между го-
родом и селом, что и не могло быть, по-
тому что, как мы видели раньше, го-
рода в настоящем смысле слова по-
чти не было.

Мат. обр. Греки производили на
Нисейском перевале самое культур-
ное население и не продвинули нас вперед
на более высокую ступень культурного
и социального развития. Да и вообще,
земельные пастбища, великие пущи,
которые прежде были преимущественно
погода не могли производить широкого и
благоприятного, возвышающего действия.
Массовая езда по еде, как и сейчас
Африканский мир, представляла образ-
цовую, богатую, прекрасную и прекрасную
и чинную аристократическую

и принадлежность, а именно, в греческом
взгляде и познании в восток; от
принадлежит к числу самых великих
культурных изобретений древней
цивилизации Европы. Его земная возне-
ния: 1) *Histoire de la Gaule méridionale sous
les empereurs Romains* (4m) 2) *Histoire de
la poésie provençale* (3m). 3) *Chants populaires*

республику, но стояла обособленно, трудно и непроницаемо в среде окружающих ее варварских племен, которые могли видеть в ней только своего врага. Но для развития гражданской, общественной и правительственной жизни.

Совершенно другие результаты принесло, как мы уже сказали, влияние Римляны. Следствием его явилась полная романизация кельтской и иберийской народностей, или полное продолжение римской цивилизации, римского политического и социального бытия. Вся северная Африка, вся Испания, Галлия, Дунайская земля в той или другой степени вошли в сферу влияния римского государства. В силу того закона, говорит Моммсен, что народ развившийся в государство, стремится в свой народ политически несовершенный, что цивилизованное население поощряет восстания, духовно неразвитых в силу того закона, что оно неосторожно и ответственное, как закон титанический, италийская нация, как единственная нация древнего мира достигшая высшей политической (политической, правовой, этической) в несовершенной и вневременной форме, была одна только способная поддерживать себя и потому по падении греческого государства на восток и перенесении на запад персидского влияния племенные народности низшей культуры.

«de la Grèce moderne» и т.д. и т.д. Но теперь возникшие его несколько устарели.

ры - Иберийцы, Кельты, Германцы."

Это очень важное явление в средне-векковой истории, и мы обратим на него серьезное внимание.

Упомянем прежде всего на глав-ные источники и пособия для изучения ве-личавого процесса романизации западной Европы, результаты которого мы видим и в наши дни: романические нации особенно охотно существуют наглядно указы-вают нам по результатам устной и до-кументальной работы римского государства.

У древних писателей много дан-ных по этому вопросу и главным обра-зом потому, что римские историки вре-мени империи, - периода, когда процесс ро-манизирования langsam совершался, много и интереснейших провинциали. Они в дан-ный момент особенно принадлежали к рим-ским политическим партиям, чаще все-го к партии республиканской, и в внима-ние привлечено было великими событиями, совершавшимися в римской Риме и даже Панагии, иными источниками, говорить о провинциальном творчестве, когда вопро-са и в внутренней жизни касаются дв-яательности восточный мир его истории, Германника и Африки.

В последнее время явился на-вый источник, о котором мы не раз говорили - надписи, которые теперь со-биратель очень усердно и находится в огромном количестве. Эти надписи, преимущественно римские, сообщают нам тысячу подробностей о семейной, домашней, общественной жизни провинци-алов, подробностей, которые ускользнули от взгляда писателя; они нам дают воз-

[illegible]

Из псевдий для изучения восточного вопроса романизации имени, амы, емо-
лием укажите на восточные:

1, Mommsen und Marquardt, Handbuch der Römischen Alterthümer. Zwei neue Bände 4te Aufl.: Marquardt, Römische Staatsverwaltung. Italien und die Provinzen. 1873. (русск. им. было впроц. изд.).

2, Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Прокур. того сего сего еще отдаленный монографический сочинения, напр.:

3, Jung: Die Römischen Landschaften des Römischen Reiches. Сочинения новое, по моему мнению, вышедшее и хорошее, в том, впрочем, недостаточное, что автор, отчасти изводя изначальности, не останавливается в начале общих оснований на самом римском провинциальном управлении. Сюда же относятся сочин. проф. Черновича из университета Бургундского: О распространении латинского языка в Италии и провинциях (М. Вудинский, Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und Provinzen. Berlin, 1881.).

4, Houffroy: Le droit municipal (P. I. de la condition et de l'administration des villes chez les Romains. Paris, 1876.) Сочинения, впрочем, довольно слабое. Названные пособия можно вполне ограничиться.

Взвешавши вопрос оromanization Неемцов мы будем держаться такого порядка: сначала изложить принципы римского провинциального управления, потом указать на практические результаты и на последствия его для римского общества - отсюда риманизированные провинции.

Во времена второго периода рим.

"екой исторіи, во времена имперіи совер-
 шившей воиной переворотъ во взглядахъ рим-
 скаго правительства на провинціи. Римская
 республика, и особенно позднѣйшая олигар-
 хическая партія подвержена себя вѣнчанъ
 похороамъ за свое отношеніе къ провинціямъ.
 Римляни смотрѣли тогда на провинціи,
 какъ на „praedia populi Romani“ (помѣстья
 римскаго народа), какъ на постоянный и
 общій источникъ доходовъ. Но пользовал-
 ся этими доходами не весь народъ, а одни
 правительственные, привилегированные
 классы. Провинціи представляли нѣчто
 похожее на то, какъ было сущимъ въ но-
 вѣйшіе времена Оттингія для поддержа-
 нія славянскихъ отпрысковъ англійскихъ
 приотпократическихъ домовъ. Младшіе сы-
 новья бардовъ, вельфетовъ майоратовъ, не
 получая наслѣдства въ самой Англій,
 и избирали или оффисную карьеру, или
 отправлялись въ Индію, гдѣ получали,
 въ качествѣ правительственныхъ чинов-
 никовъ, огромное содержаніе, возвраща-
 емое на родину богатствами и иногда до-
 стиженіемъ въ Англій высшихъ должностей.
 Такъ возникали и многи даровитые,
 поддерживаемые правительствомъ за свои
 великіе таланты, славящіеся знамен-
 нитый историкъ — Максвелл. Въ Римъ
 послѣднихъ временъ республики мы ви-
 димъ подобное тому, хотя гораздо болѣе
 грубое явленіе. Отпущенны, не оставав-
 шиваясь предъ военными издержками, до-
 биваясь понеумскаго достоинства, по-
 нупали голоса городскихъ пролетаріевъ,
 обязательно забавляли геръ театраль-
 ными зрѣлищами и играми, устраива-
 емыми на шовъ естественный слепъ, раздора

и мисль, вложенная в долги (такъ между прочимъ случилось и с Цезаремъ). Но, въ такомъ на огромныхъ разборахъ, не оставаясь передъ возможностью раздоровъ, они ишли въ виду всеобщую перестройку вознаграждать себя въ избытокъ. Отсюда мисль этой конекции годъ, они отпавши мисль проконсулами - наместниками, и наместниками въ провинции, годъ начинали входить, какъ могли и какими то способами епископами: градами подданными, татвенными подборами и союзниками. Было также много городов проконсулами давалось отъ принадлежащихъ разборовъ; это и такъ можно вспомнить прославленное именование и мисль Верреса и его подвиги въ Сицилии, чтобы вообразить себя возмущенную арену движения и разнузданности истражений, которую представляли тогда провинции. А ну, но прибавить, что Верресъ былъ много въ тѣ суровыя времена.

Провинциальное управление того времени разнѣ представлено у Юстиниана въ его „Римской исторіи“. Приведемъ здѣсь одинъ отрывокъ.

„Въ заведеніи провинціальныхъ злоупотребленій римляне достигли такого предѣла, какого не достигали на западѣ никакое правительство, не смотря на все совершавшіяся тамъ безобразія, и даже не по нашимъ понятіямъ иди такъ невозможно. Правда, что ответственность за это падаетъ не на однихъ только Римлянъ. Еще до нихъ греческое, критическое или азіатское господство отняло у народовъ всякія починки и самое густое злободѣи и суровости,

менно финансовою эксплоатациею, никогда
 еще не проявлявшейся в такую степень. Рима
 ныне в чрезвычайной форме обнищавшей
 теперь в этой области есть истинную вир-
 туозность в денежных делах. Мы уже
 прежде старались изобразить римскую
 систему взимания податей в провинци-
 ах, как в ее чинной и раздельной осно-
 вѣ, так и в ее чинности и вредной посыл-
 кѣ. Это последнее шло прогрессивно,
 тѣмъ же самым. Правильные наказы
 становились гораздо тяжелѣе, всепо-
 ставъ неравенства въ распределеніи пода-
 тей и извращенной системы взиманія,
 чѣмъ вслѣдствіе ихъ значительности. От-
 носительно тяжести податей много рим-
 скіе государственные люди даже говорили,
 что городъ испытываетъ при этомъ извѣстную
 стѣсненность отъ непріятельскаго штур-
 ма, сколько и отъ расположенія въ немъ
 римскаго войска на зимнія квартиры.
 Если первоначальное взиманіе налоговъ
 состояло какъ бы возмездіемъ Риму за
 принятую имъ на себя тяжесть войны,
 и платившая община имѣла право
 считать себя избавленною отъ правиче-
 ской службы, то теперь, какъ напр. доста-
 влено извѣстно относительно Сарди-
 нии, гарнизонная служба имѣла уже
 по большій части провинціальную, и на
 нѣмъ же налагалась часть въ регулярныхъ
 войскахъ, помимо другихъ обязанностей,
 вся тяжесть конной службы. Чрезвычай-
 ны еще подборы, вѣроятно, напр. предста-
 вили въ посылку египетскаго артиллари-
 ста, безвозмездно или за ничтожное воз-
 награжденіе, какъ того. Египетскія воору-
 женія египтян и защита береговъ египта пре-

прощения пиратства, обязанность по-
 ставлять художественная произведения,
 фиников зверей и другие предметы, требо-
 вавшиеся восточною роскошью римских
 театров и зверинных травлей, поборы
 во время войны были столь же часты,
 как и тягостны и непредвидимы. Одно-
 го примера будет достаточно, чтобы
 показать, как далеко заходили в этом
 отношении администрации. Во время
 предшествующего управления Цицинием за-
 сев Верреем число семейных дозавь упало
 во Афонии на 84 на 32, во Флотии
 на 187 на 86, в Термидии на 252 на 120 в Ари-
 стии на 250 на 80; так что в четырех
 наиболее плодородных округах из 100
 земледельцев 53 предположили скорее не
 возделывать свои поля, чем обрабатывать
 их при такой системе управления. Эти
 земледельцы, как это прямо говорится,
 да и поныне очевидно и из их бедного
 телесного вида, отнюдь не были великими
 крестьянами, а собственниками больших
 плантаций и, по большей части, рим-
 скими гражданами! В капитальных го-
 сударственных формах именованных была не-
 сколько иная, но тягосты их по воз-
 можности еще большая, так как про-
 сить римлян звать граблями еще и тузем-
 ные дворы. В Каппадокии и Фригии и
 преторианцы, и царь Фоман в равной сте-
 пени до банкротства, и первый не мог
 удовлетворить сборщика податей, по-
 следний римского кредитора. Стода при-
 водившиеся еще приняты взыскатель
 едва не только во восточной Азии, но и
 в западной, но и в "иудее", из кото-
 рых каменный египетский египетский

= принципъ, утвержденно которому пожелавши рассмотреть возникавшие дѣла по поводу беззаконій и злоупотребствъ въ провинціяхъ, т. е. по поводу преступленийъ единыхъ не судимыхъ. Очевидно, что, какъ скоро они добьются бы утверждения этого своего требованія главнаго принципа въ судахъ, — и они раздѣлитъ и въ судебномъ отношеніи пользоваться ими, — надъ ними не было бы цѣль никакой управы, и насильствъ грабежей и лишеній могли бы распространяться, все увеличиваясь, безъ конца.

Это желанное поведеніе провинцій измѣнившееся вытекаетъ изъ измѣненій образа правленія въ Римѣ. Тацитъ говоритъ, что провинціи были добрыми имперію: онъ не могъ не замечать обиды.

На провинціи перешли императоры какъ на римскія провинціи Рима, и это цѣльнѣе правильно понять и энергически осуществлять въ наше назначеніе.

Римъ по отношенію къ завоеваннымъ странамъ составляетъ неувядающую славу Цезаря и императорской монархіи. Все это понять еще раньше и начать осуществлять въ цѣльнѣе.

„Neque provinciae illius regum statum ab-
spiciant (Тацитъ прибавляетъ это, отнес-
вая, въ какое отношеніе признали
имперію всѣ части римскаго общества),
specto senatus populi que imperio ob certa-
mina potentium et avaritiam magistra-
tum, in valido legum auxilio quae vi,
acrobis, pecunia turbabantur“ (Анна-
les, I, 2.).

См. Грехов. Метер. смор. вольн. просв. 23.

и ясностью взгляда настоящих госу-
дарственных людей братья Трахи, во-
сстали от Гай. Они первые стремились
выводить и основывать колонии римских
граждан в эту свещенную почву Италии.
По мнению аристократической партии
это было оскорбление величия римского и-
мени, и сенатом горячо возмущены про-
тив братьев. Трахи погибли, но Юлий
Цезарь унаследовал их высочайшее, демо-
кратическое предание, энергически про-
должая их программу, — он в обшир-
ных размерах раздавал городам граж-
данские права, устранивает в провин-
циях общины полноправных граждан,
и основание колоний на почве Испании или
Галлии больше не считалось ни кощун-
ством, ни худшей провинцией, видя
только хорошую сторону монархии,
проникаясь чувством гедонистического
и восторженной любви к импера-
тору, что чувств было на столько
горячо, искренно, негласно и самоотвержен-
но, что едва ли, как мы увидим
ниже, не достигало верховия.

Цезарь обратил особенное вни-
мание на основание колоний ветеранов,
он составил ядро распространения
римской гражданственности в провин-
циях. Это произошло таким обра-

зом,

* На русском языке (небольшое сочинение
Ю. Кузнецова: „Надпись ветеранов
землей и военные поселения в Римской
империи“ напечатанное в журнале
„И. М. Н. Пресс. 1880. Сентябрь, гдѣ за-
главлено „Римская политика“ и заглавлено
в предисловии видѣ въ Киевскихъ уни-

зоны. Выводится, напр. в латинском языке ветеранов, выслуживших свой срок и отпавших на войну селюков. Они получают право римского гражданства и довольно широкое самоуправление. Но колонии приписывается известная территория, где живут покоренные туземцы, первоначально не граждане, а так называемые *инколае* (*incolae*). Но они не поставлены отдельно от общины, а живут наравне со свободными, когда научатся на местном языке и желают римскую цивилизацию, присоединиться к ней: такими образом из выведенной колонии, как из центра радиусами распространяется прочная римская цивилизация и римская гражданственность в провинциях. Цезарь смотрел на эту систему настолько, как на средство поднять уровень благосостояния провинций, но надвигаясь его ценить так, как она была, он ценит ее меньше, чем она была. Италия, — он расширил фундамент государства, ввел в состав римских граждан огромное число новых элементов; он стремился к этому сознательно и в том его великая историческая заслуга.

В посещающие века идея Юлия Цезаря стала преданием империи. Все императоры, каковы бы они ни были по нравственным качествам, поддерживали его систему, исходя из того, что она была им выгодна: провинциалы, сра-

звергнутых Известиях в одной из последних книжек.

= нные в правах в римских гра-
данами, составляли преданную партию
императоров. Так один из наиболее
влиятельных императоров, славящийся
Неклавий, оказал в этом отношении
неслабую услугу империи, и даже его увко-
влено подписавши на императорскую таблич-
цах, найденных в оном доме и в дру-
гих местах.

Политика императоров всту-
пила против сопротивления в аристо-
кратическую доктрину старую римскую
традицию. В этом сопротивлении и
разнось не одну восторженности, путь
было вполноценности принципов, сшибая
противоположные традиции. Припом-
ним только имя Сенеки, исторического
представителя высочайших принципов
эпохальной философии. Отсюда первые
провозглашения, что человек — „не васа“,
первые дошли до идеи всемирного граж-
данства, до начала гуманности и ко-
мопатизма. И что же? Сенека все
таки не смог отринуть от ари-
стократической предрассудков, он с
неудовольствием встретил распро-
странение римского гражданства в про-
винциях. В отношении империи, при-
писываемой ему, и писалась наемнику,
что из варваров надеялись отомстить
римским гражданам, что не оставили
их на родине для разбоя.

Разумеется, в изысканиях
общего взгляда много изысканий и в
центральной управлении провинций
или: назначаемые императорами про-
консулы и пропреторы подвергались ба-
ншему контролю и ответственности.

Ни центральной администрации, ни оста-
навливаясь на будущее, но указавшись мате-
риальным образом на распространение на выш-
шеупомянутой покров римской общины, ко-
лоний и муниципий, главных органов и
судов римской образованности.

Во рассматриваемое время
соединено разделение между колониями и
муниципиями не было. Раньше слово colo-
ния непременно предполагало deductio
римской граждан и или ветеранов, но
во времена Цезаря название колоний получали
и такие общины в провинциях,
в которых вовсе не были введены ветера-
ны, это название давалось, как почетный
титл, в знак награды за верность во
время междоусобных войн и возманий.

Именно муниципий в республиканское
время назывались города населявшие грани-
чные. Понятно какой вид города Умания,
Римляне инкорпорировали его в свою со-
общинную городскую общину, присоединяя
или его граждан и его долги к своим
гражданам и своим долгам, или вклю-
чили его в союз городов латинских.
Но потому они назвали этот союз не-
удобным: равноправность с Римом
латинских городов торжественно разви-
тии римской власти. Они стали уста-
навливать союзные отношения в по-
коренных городах, посылать в Рим, уни-
чтожая всякую связь этих городов между
собой. Подвигатели стали восстанавливать по-
коренные общины в целости, граждане
оттуда не выводились, восстанавливались
наши и самоуправляющиеся, именовали
в Риме доттибит и оттиперит, но
не получали политических прав, т. е.

права активного вельмателства в п^т
 аи управления - не имели право на воен-
 ную и не участвовали в исправлении
 государственных должностей (cives sine
suffragiis et sine iure honorum). В п^т
 еии в^тсении все эти города сдвигались кал
 поправками в Римом и могли возм^т
 у себя самоуправление на римский обра-
 зец.

Роты такие сто города, построенные на
 римский образец в провинциях и называ-
 лись в период империи муниципиями или
колониями, в некоторых посылку отп^т
 всеми разделения: одни пользовались ius
stabilitatis, другие ius latinitatis (с некоторы-
 ми ограничениями). Эти города основыва-
 лись вновь на западе и им не трудно был^т
 мивать в созданных общинах (Civita-
tes foederatae); к^т ^{этим провинциям} принадлежали
 многие города на востоке, а также Влас
еции; ни в другие привилегированными
 общинами (civitates sine foedere liberae
et immunes) - это города, раньше существо-
 вавшие и не построенные на римский обра-
 зец.

Такая новая городов, основывавшаяся
 на образце муниципий Италии в провин-
 циях было очень много; здесь им^т все уве-
 личивалось и, несмотря на приращенный
 протекучесть, в провинциях все таки
 утверждалось значительное число город-
 ов. Респ^т были по к^т римскому образ-
 цу в территории, все жители которых
 известного образования и естественны
 могли сдвигаться римскими граждана-
 ми по праву: это итало- и талийская
форма общинности - городские общины
 с землем и без протекучести и не-

и суду городского и всеобщего.

Многие города имели широкое самоуправление — сенаты, выборные власти, право собственного суда, народные собрания, которые сохранились в городах гораздо дольше, чем в самой Риме. Они то, эти города, родились, самоуправляющиеся, построенные на римский образец, общины — колонии и муниципии, со всеми правами широкой автономии, в свободном самоуправительном управлении и представляли главные провозники романизации огромного края, наделенного кельтскими и народностями. О существовании такого рода общин мы знаем из надписей и законов.

Какие же были органы городского, муниципального самоуправления? — Это во первых *forum* и *quattuorviri*, а во вторых городской сенат (*senatus*), члены которого назывались *seniores*, *decuriones*. Отсюда прежде всего характеристику того что называлось главным органом самоуправления, а потом каждая из эпох своего в отношении еще других явлений, и правшей всемирной восточной ролей в провинциях во времена империи, — о городских народных собраниях граждан.

Надписи свидетельствуют о существовании в то время муниципалитетов *civitates*, *respublicae*, которые представляли не только территориальное деление, но и политический политический тип, складующийся собственным конституцией и живущий самоуправительным образом. Это были города республики, колонии. Во главе каждой стояли сенаты *senatus*, *senia*, *ordo*, *ordo decurionum*. Сенаты заведовали всеми делами: они собирались

для разбора вопросов, касающихся вель
мущественных интересов; он рассматри-
вает акты, вступает финансовая часть,
распорядившаяся ковенными доходами, сред-
ствами, поступающими в обществен-
ную казну по завещаниям богатых
граждан. Сенат представлял собою и
судебную инстанцию, — он разбирал апел-
ляции муниципальный судей. Он имел
право издавать и одобрять секрет-
ны, которые имели силу закона для
вель граждан общины. Сенат (civitas)
состоялся из известного числа (обык-
нов. 100) пожизненных членов — *декурיו-
нов* и разделился на 10 декурий. Как
видно, он имел в своем руках власть
вносить, обнародовать и утверждать зако-
ны и акротристы по вель граждан
управлений.

Власть исполнительная при-
надлежала магистратам, которых
было несколько. Во главе сената стоя-
ли два коллегии магистратов, по два
человека в каждой: *duoviri iure dicundo* —
старшая коллегия и *duoviri aediles* —
младшая коллегия, или в других го-
родах эти четыре чиновника состав-
ляли одну коллегию, и назывались *quat-
tuorviri* — первые два — *quattuorviri iure
dicundo*, вторые два — *quattuorviri
aediles*. Они составляли два коллегии
в конюлах, одну в муниципиях. Эта
разница ясно заметна в тех же горо-
дах, которые прежде были муниципия-
ми, а потом стали конюлами и по-
том и имели прежде IV-viri, а по-
том II-viri.

Два старшие *дуовира*, или *кварт*

Жили цуровры стояли вдоль, ко-
торые имели власть полицейскую, смотр-
ели за зданиями и дорогами, надзира-
ли за рынками (сина аптонка) и т. д.

Потом - два клетора - казначеи, за-
ведывавшие общественными фондами, - и
некоторые другие, второстепенные до-
полнительные лица, которые заботились о
раздаче хлеба, о союжении обществен-
ных зданий и распоряжались церемониа-
ми во время празднеств. Эти цуровры,
ни выше низшие магистраты не были
назначаемы императорами, а их выби-
рали ежегодно сами граждане муници-
пий. В саксонии Римский выборное начало
уничтожилось гораздо раньше, чем в
провинциях. На основании вновь найден-
ных общественных памятников, имен-
но начертанный на бронзовых досках
городской уставов, которых найдено
несколько, напр. устав испанской общи-
ны Малаги (Actes Malacitanum), можно
отвергнуть мнение об уничтожении
в то время в городах народных соборов,
исключая знатнейших выборных и законо-
дательных собраний. Наоборот, народ-
ные собрания существовали еще во вре-
мя Юстиниана, существовали во всю
важную торжественность отставки,
под председательством одного из до-
вших цуровров, старшину или синдика,
раздаваясь на курии (так как они
представляли нечто в роде римских
курιαльных коммун); были избиратель-
ные урны, были цуровры, селадисы за
правильною подачею и селадисы вселовы
и т. д. Из устава города Малаги можно
ясно видеть, что выбор городских ста-

= истратов принадлежалъ во всякомъ
 случаѣ народному выбору, а не сенату
 въ концѣ I тома по Р. Ар. Второстепенны
 это учрежденіи чужезю, и выборы перешли
 въ сенатъ. Мосимеень такъ объясняетъ
 это измѣненіе. Въ уставѣ города Ма-
 лати есть оговорка, что, если не достаетъ
 кандидатовъ на городскія должности,
 то представлятъ сами представляютъ недо-
 статочныхъ. Въ первое время недостатка
 быть не могло, такъ какъ все стремилось
 къ городскимъ должностямъ, несли же,
 какъ гласитъ, но познѣе (во II в.) исполне-
 ніе должностей стало тягостнымъ,
 сопряжено было со многими издержка-
 ми и неприятными обязанностями и
 повинностями. Число кандидатовъ зна-
 чительно уменьшилось, предлагалось
 только столько, сколько было сидѣть,
 которыхъ и называли, и утверждали дуо-
 виры и сенатъ. Такъ одр. выборы перешли
 въ народное собраніе въ сенатъ; но перво-
 нахально они производились непрямымъ
 но на вѣкъ, въ которомъ участвовали и
 insolae. На это имъ имѣлись многочисленные
 указанія, имѣлись даже тайники въ
 наертанныхъ на нихъ именами кан-
 дидатовъ. Въ первое время существова-
 ній такая самоуправляющаяся город-
 ская община въ провинціяхъ, должности
 городскихъ магистратовъ восстанавлила
 присланку для туземныхъ жителей. И
 это очень понятно: община новой общи-
 ны, основанной на римскій образецъ, на-
 примеръ Лона, такая по происхожденію,
 очевидно, считалась бывшій чужезю и съ
 мадамъ стремилась добиться званія дуо-
 вира; должности, хотя и безденежной,

но почетной и сопряженной со вступлени-
ем в ряды городской аристократии. Это
фамилии эти очень ценились, видно из
наградных надписей, на которых всегда
и неприменно обозначалось, был ли уиш-
ий декurioном, или дуовиром, или да-
ли „omnibus honoribus junctus.”

Далше мы знаем, что город-
ской сенат составлялся из бывших ду-
виров и триблов. Во время господства
то года дуовиры представлялись в сенат,
после истечения срока службы
они всетаки вставлялись в сенат, сна-
чала без права голоса, а потом, т. е. как
скоро были внесены в списки при цензур-
ных инспекторах, чрез покупку право го-
са и вступали в ordo decurionum. Если
бывший дуовир был единственным сен-
атом (не считая до 100), то недостающие
набирались из числа богатейших
землевладельцев территории города.

III. о. мы видим, что права го-
родской думы весьма значительны. Через
сенат и магистратов город самосто-
ятельно управляет свои дела. У него
был общественный фонд, закладываемый
в земель и движимостей. У него бы-
ли города в виде колоний, характер
и величину которых он определял.
Он содержал свои укрепления, цинцы
форций, храмы, термы, театры, дороги
и школы. Он заведывал и народными
хозяйствами и судами. В его руках
была в некоторых родах законодатель-
ная власть, выражавшаяся в самосто-
ятельных декретах, имевших силу
закона. У него была однопалатная терри-
тория. Это было почти самостоятельное

государство, только без права вести войну, как бы малая республика, тидинская императорской монархии.

Такая организация провинциальной общины представляла собой приезд почитаемых императоров: Царей, находящихся в постоянной общине с Римлянами, посещавших там и широкими привилегиями, дававшими им возможность влиять в правах в римских поселениях, действительно превращаясь мало помалу в Римляны, подчинялись римскому праву и римской цивилизации.

Быть маленьким, свободным, самоуправляющимся, но построенным на римский образец, община представляла себе такое и отдаленное явление времени империи. Понимая, что в отношении империи и в Италии под влиянием римской, римской, много трудностей и разнотравья действий, истинно, неуверенное в завтрашнем дне население вечно опасное и печальное существование. Разогнанные в различные идеалы, создавшие и развивавшие под влиянием цивилизации и изменения прав, постоянно подвергаясь дезорганизации, притеснениям, начавшей окорбленности и безответственной узурпации присвоенных, влиятельных прав, непрерывно постоянный стресс не только за существование и свободу, но и за самую жизнь, Италия погружалась либо в полное отчаяние, либо в непродуманный сон. Под несомненными методами титанической античности империя существовала, но не имевшая ни единственной, ни нескольких и ни

«литтисекоп» смертию все население Ита-
лии. Зато в провинции возникло новое
покоем ищущее, зарождалась могучая
и энергичная жизнь, кипела созидательная
работа, существовало попрание фея ево-
додной чуждестенности, открывалась ши-
рокая арена, могущая удовлетворить
стремлениям свободных людей и явно
содняетвовавшая приводению варвар-
ских народов к античной культуре,
которую не в силах была уже носить
и развивать ослабевшая, изнемогавшая
подъ временным чуждестенством и тем из по-
могательный или зов италийская нация.

Можно что описанным нами социальными
организмами, как все, что в то вре-
мя носило общественные и государственные
характеры, овладеть Россией.

Города и иныи евои: довол, евои
куить. Въ каиждои городъ бы и арамъ чети,
по крайней мерѣ, ацтарь. Ни оиудъ городъ
выдиралъ ерццовъ (Flamines, Sacerdotes
pontifices). Работа оицеттнхъ куи-
тъ и о призидеиствалъ занисала важ-
ное мѣсто въ оицеттвенной оиизни то-
го времени. Приидане быи оязаны при-
куиттвовати на играхъ, которыя со-
ставляали часть религиозныхъ празд-
нествъ. Во время итихъ предетавле-
нй маиестрата занисали почет-
ныи мѣста; цетуріонаи оиднаиы
быи всооы екаиы; за ними сидѣи
уио въ граици, разеищенны по е-
етвоиню, а иноетранцы допускались
тоио въ оооы, на роино цетроенныи
мѣста. Всѣ дооиты быи цероати
себя причетно и съ благоговѣиемъ: отъ

* убавление къ праздникамъ, къ обрядамъ
культа зависело благополучіе города. Поэтому
и не были только пугае обряды. Напротивъ,
документы того времени не позволяютъ
намъ сомнѣваться въ томъ, что върваніе
были искренни, и что религія производила
всегда сильное вліяніе на души гражданъ.

Подтосу-то истинный культъ и высшій де-
ментный элементъ для развитія муниципаль-
ной свободы. Религіозная идея заимчива
въ то время несуществовавшие еще прин-
ципы рационализма и отвлеченнаго права.
Городская община, сгруппированная около
своего алтаря, держала въ религіи сознание
своего единства, своего самостоятельнаго
существованія, своей независимости отъ
внѣшней власти. Мѣстная религія под-
держивалась въ общинѣ внутреннею чувствомъ
единственности, безъ котораго всякая прекра-
сная учрежденія безпомощны и немогутъ.

Порядку въ истинныхъ религіозныхъ
или учрежденіяхъ въ провинціяхъ существо-
вала тогда еще другая религіозная форма,
имѣвшая чрезвычайно важное значеніе, на
которую нужно обратить серьезное вни-
маніе. Мы говорили о культѣ императоро-
въ, культѣ Рима и Августа, очень попу-
лярномъ и широко распространенномъ.

Съ перваго взгляда можно поду-
мать, что почитаніе человека, какъ бога,
устройство безправственное, рабское. Но въ
данномъ случаѣ это едва ли такъ, и мы
постараемся доказать эту мысль.

Обращаясь къ разсмотрѣнію
этого своеобразнаго культа, мы должны
различать степени благоговѣнія импера-
торовъ. Благоговѣніе умершихъ у Римлянъ
не представляетъ ничего необычайнаго и

сильно очень легко устатковитъся. Первый
получилъ отъ сенату 10. Цезарь вскорѣ посылъ
смартованная изъ 44-го года по декрету сената:
онъ получилъ титулъ *divus*, ему урече-
но было особое почитаніе и назначенъ особый
директоръ (Flamen), — первый изъ нихъ былъ зна-
менитый Антоний

Что касается до странъ внѣ-и-та-
лианскихъ, до провинцій, сив-и-и-и-и, по сив-
ваши Диона Кассія, что къ Октавию, приеи-
нущу ему Цезаря, въ первый разъ въ 29. до
Р. Ар., когда онъ уже былъ, величественно все-
ленной, обратившись восточные азиатские
народы въ провозъ позволить ему устатко-
вить почитаніе, *Urbi Romae et Caesaris*; и
онъ позволилъ ему возвести два храма для
туземцевъ Востока, въ Вифиніи и Никей, и два
для грековъ: въ Пергамѣ и Никомедіи. „Такое
говоритъ Дионъ Кассій, было происхожденіе по-
читанія, которое вносилъ дѣтви въ воз-
даваемо императорамъ не только въ гре-
кескихъ провинціяхъ, но и во всѣхъ странахъ,
подчиненныхъ Римлянамъ. Что касается
Рима и Италіи, то никто неосчитывалъ
никогда воздвигать тамъ такіе памятны-
ки, хотя и тамъ воздаваемо почитаніе и воз-
водились алтари въ честь умершихъ импе-
раторовъ, особенно почитавшихся своего ве-
стия” (Ромъ Cassius 42.). III. в., возникшій
въ провинціяхъ культа Цезаря и Рима, не
привнесъ въ Италію, — тамъ существовалъ
другой культъ, тамъ воздаваемо божицѣ
почетны хорошие императорамъ, при-
знаннымъ декретомъ сената достойны-
ми того, но не въ строеніи храмовъ. А дру-
гие императоры не только не получили
титула *divi*, не только не одоотворились,
но имени ихъ, по опредѣленію сената, въ

затверждались даже из публичных актов и предавались позорному сжигению. М. о. это куштык чисто провинциальный. Сначала для каждого отдельного вассала куштык Рима и Цезаря - осуществлялись отдельные храмы, но потом оба вассала соединились. Богослужение Риму и Цезарю могли совершить не только римские граждане, живущие в провинциях, но и иностранцы. Очевидно, что культ основания этого куштыка восторжествовал. Август не имел в виду во первых внушить римлянам поощряемый религиозное уважение к городу - вассалу, который должен был почитать велье в обоготворенного вассала его повелителя; во вторых - дать иностранцам право выполнения директивных обязанностей и чрез то ввести их в участие в куштык, который был в одно и то же время и всеобщим и национальным, ввести их в участие в гражданстве и подготовлять к принятию прав гражданства. Никто не мог ослушаться повеления вассала, никто не мог больше подвинуть их к истреблению прав гражданства. Впоследствии Римская империя очень распространялась по всей провинции, и куштык держался очень долго (ок. 8-го в.).

В самом начале империи, после отпадения Августа, в 4-й год по Р. Хр. куштык Рима и Цезаря обратился в куштык Рима и Августа - новый предмет истребления для всеобщего понятия господства провинциалов, которые стали подчиняться толпам прав римского гражданства, пройдя через двери храма, т. е. пройдя над которым вассал дирекции Рима и Августа. Оба эти

Воспитанья нужно понимать не в соответ-
ствии, а в переносном, идеальном смысле.
Рим - это идея великого города, повелев
крайней земли распространить свое мо-
ущество и свое гражданство. Август - это
идея или другой император, а идея все-
властной власти. Так они и понимались
в провинциях. Слышавши такую почита-
ние не Августа только, а любимого импера-
ра, стоящего в данную минуту во главе
империи, т. е. всякой императоров одного
за другим. И это представляло не почита-
ние одного лица, почитающего то или другое
лицо, что было абстрактное понятие вла-
сти государства, а именно римского импе-
риатора, почитание императора, величан-
ное в возмездием мира власти во все
мирные города, который возмездием все-
торг и удивление. *

Итакъ, мы видимъ, что безправ-
ственного и рабскаго въ этомъ провинци-
альномъ князѣ императоровъ нѣтъ.
Цѣлыя народы, какъ говоритъ Ро-
днесь-де Кривонъ, не могутъ быть раба-
ми, и во всякомъ случаѣ не могутъ ста-
виться въ рабскомъ положеніи нѣсколь-
ко вѣковъ. Это было широко распространен-
ное князѣ. Онъ не былъ пустого бездизниного
церемоннаго приговорнаго дѣла, это было

« „ Rome et l'empereur, 200 pages Deuapient
(25 em. „ Le culte des divi et celui de Rome et
d'Auguste? Revue de philologie, de littéra-
ture et d'histoire ancienne », 1879, tome III)
représentaient donc ainsi associés la double
formule politique et religieuse qui résumait
et au fait l'Orbis Romanus, la puissance épa-
rante de l'apais public et de l'ordre établi. »

Common Phacelia thymifolia Lam & Gray Nov. 22/3

искреннее впробованіе провинціаловъ. Вся
 Италия, Испанія, Греція и Азія почитали
 Римъ и Августа. Куклы не содержали
 только во дворцѣ самого императора, да
 въ тайная аристократическая обществая,
 которая еще никто не видѣлъ и не зналъ.
 Кроме описанной дворъ куколъ — кукла
та діви въ Италиі и кукла Рима и А-
вгуста въ провинціяхъ, распространены
 были также въ провинціяхъ еще одинъ
 видъ почитанія Августа. Это было
 только въ родѣ домашней религіи, это
 было почитаніе Августа въ отдаленныхъ
 общинахъ и даже фамиліяхъ. По удѣле-
 нію Римляны и каждаго человека есть
 геній гражданскій (отеческое помяну).
 Когда человекъ умираетъ, геній его посту-
 паетъ въ число домашнихъ боговъ рода-
 старовъ. Императоръ также имѣетъ свое
 его геніи, въ которыймъ связанъ его судьба.
 Когда онъ умираетъ, геній его — его отвлечен-
 ное представленіе, приписывая къ се-
 бяемъ той или другой общины, фами-
 лии или даже отдаленнаго лица: и от-
 дѣльные статуи, иногда невиднаго происхо-
 жденія, напр. всенепотупченники почита-
 ли, такъ иара, того или другаго импера-
 ра. О распространѣніи этого культа вы-
 сшнмъ вѣдѣннмъ надписи и, найденныя
 въ большихъ количествахъ, статуи.

Изъ описанной трехъ видовъ
 культа императора куля нашь вадень ку-
 виціаловъ культа Рима и Августа.
 На иотравленіи этого культа изънадеи
 еднаны изъ общественой казны всей про-
 винціи, на общій счетъ строили храмы.
 Такъ напр. за нѣсколько миль до Р. Ар. въ
 Галиціи воздвигли въ Ликонской провинціи

на общей территории около Сиона, при
 слиянии реки с Соком, арамы Дина и Ав-
 густу. На второй надписи наертаны бы-
 ли имена во всеобщих народоу, кото-
 рые участвовали в постройке храма, по-
 ставленные вокруг алтаря во статуи
 изображали каждого из них. Арамы со-
 держали также на общий храм. Суще-
 ствовали особые иерои - flamines, sacerdotes
 (на вост. Арамы). Провинциальные иерои
 не были назначены императорами, а из-
 бирались на один год, свободно и откры-
 то всеми civitates, которые участвова-
 ли в постройке храма. Во должность верхов-
 ного иерои, а также и низшие избира-
 лись наиболее влиятельные люди, прошедшие
 уже все муниципальные должности -
viri optimi honoribus functi, люди ис-
 пытанные, знающие не только о требо-
 ваниях религии, но и о политическом
 устройстве общины, ее laws и интересах и
 нуждах: это были настоящие предста-
 вители страны. Нужно было приносить
 породистые жертвоприношения, са-
 вершать празднества, руководить игра-
 ми и зрелищами, на все требовавшиеся ста-
 тьи и издержки. Для устройства всего
 этого необходимо было собирать ежегодные
 народные собрания. Такие провинциаль-
 ные собрания (concilia provinciae) существо-
 вали существовали; на них обязанности
 лежали приходить всею определению бюджета
 на содержание храма и на отпуща-
 ния культа и избрания иерои на
 текущий год. Потому компетенция про-
 винциальных concilia значительно рас-
 ширилась, и вокруг храма Дина и Авгу-
 ста, под покровом верования культа,

путь покровосуд ижеи Рима и власти, создается путь новый нашего предста-
вительства. На выбранных завершаю
выбранных специально для этого отделе-
ния общинами депутатами. Учен по
 одной этой причине провинциальным
 избранн представителем зрительно
 многоопытно явление. Наше свое мир
 не дорого до понимания нашего пред-
ставительного гражданства. Наше
гражданство наше право только пред-
ставительного гражданства в наше
выбрании. Понятно, что такой способ
гражданства в гражданстве должен
быть учреден только тогда, когда
 ры вышли вдаль от Рима: управление
сосредоточиваю в руках Римляна и
определенный суд, а граждане от-
раженны много были и и воз-
можности показаны свои за об-
щия двоя, каждый такой и наш.
 Странно, что этого недостаток не был
понят и устранен каждо в сфере
развившихся в конце древнего ми-
ра, напр. в Александрии Египта: так и
и и, но древние не допустили до пред-
ставительной формы представления, хотя
зародыши ее существовали и и и и
часть в обществе религиозной и в гражда-
нства в Антикритику древней Греции
и в древне-италийских Гегеле латинских.
 Именно такие и в провинциаль пред-
ставительная форма родилась на путь
религиозной, но не замирая, а нашего
рост и развиваться и и и и и
на свое настоящее много. Депутаты
выбранные для религиозных целей в цен-
три провинции нашего всего. Выбраны

производили наградные муниципитий ена-
ное впечатление, возбуждали честолюбие - та-
кий человек был избран в депутаты, а
именно верховного князя князя Рима и др.
цетна представляемо ввиду еднородных все-
единиц карьеры. §

Вопрос потосил просить решение
наш эти народный еднородный в провинциях
поучили и почитательское знании. Рядом в
тотчас, что еднородный еднородный еднородный
привести еднородный, повиновению, назначителен
но право, которое однако отменялось иль
путь в еднородный - право хвалить или пору-
чать перед императором управление
наместника (proconsul, или legatus Augu-
sti pro praetore), право апелляции в еднородный
ратом на провинциальные органы центр-

§ „ Si l'on songe à l'importance que se con-
te avait dans les croyances des peuples, ro-
mans, Grecs - et Hellenes, on doit penser que
l'homme qui y présidait jouirait lui-même
d'une très-haute considération. Aussi se sa-
voit-on n'était-il conféré qu'à des hommes les
plus distingués de la province; pour y parve-
nir il fallait avoir rempli déjà les foncti-
ons les plus élevées et les premières majistra-
tures municipales. Représentons-nous les usa-
ges et les idées de cette époque: voyons ce grand
prêtre s'avancer sous son brillant costume de
pontife, couvert d'une robe de pourpre brochée
d'or, la couronne d'or sur la tête, et, au mi-
lieu de la grande assemblée silencieuse recueillie,
accomplir le pompeux sacrifice, pour
le salut de l'empereur et pour le salut du
pays; nul doute qu'un tel personnage ne tienne
un rang très-haut dans l'estime des hommes et
qu'en ce jour solennel il ne marche à peu près

= расенной власти.

III. о. вопрос о правах группированное новое политическое учреждение. На сеймах, обещавшая образ оный протекция, отрицательное, достояние ли она посылает или порицание, выходящее депутации в Риме то императору, и все это удавалось без всякого участия центральной власти. Протопопство и порицание было утверждено за провинциями Тверских, и центральное правительство удовлетвело обращало внимание на жалобы депутатов, на казывавших своих инициативных за незаконный образ оный и провинциаль.

Это возбудило сильное недовольство в сенате и в представителем римской, родовой аристократии, чужие в таковых вышних, доблестных и безкорыстно-дешевых инициативных, как извещатель *Thales* *Paetus*, который открыто возмущал тиранию подобный притязаний провинций. Он выносил дознание, отцы сенаторы, говорили раз на заседании сената *Трапез*, извещатель оскорбитель, узурпатор и намеренно провинциаль, что превосходные законы и истинные права провинций и достойных

с l'égal du gouverneur: Celui-ci a le droit du prêtre; lui, il est en possession de prononcer la prière et d'attirer la bienveillance divine. Le gouverneur est le représentant du prince; lui, il est le prêtre de la province. Or ce grand prêtre ne dépendait pas du pouvoir et n'était pas nommé par l'empereur; il était élu chaque année par la seule elle-même, c'est à dire par les délégués des villes. C'était donc un chef électif du pays qui se plaçait vis du fonctionnaire impérial." (Les inst. pol. de la France, page 118).

[illegible]

ни правдою, одержитъ корнесподобіе; уни-
чтоженіи пудебной благодарности одержитъ
интриги гетесподобцевъ" (Ист. А. Н. Тютчевъ, II,
20, перев. Кронверга.)

Сенатъ былъ приведенъ въ востановленіе
этого славнаго рѣшенія мущина своего предмета
вытѣшенъ. Онъ задумалъ возвысить своего вѣдѣнаго,
но не рѣшился отнять у провинцій право
обвинять провинченнаго, и постановилъ тѣмъ
ко, что грезьбойно характерно, смирить
ихъ, какъ въ вѣдѣнаго (Тракия, тиропитовна
модинаго права, права употреблены и въ
пашахъ и общественныхъ погосты и многодар
ности: было определено, что провинціалы
не сегошъ вѣрѣхъ смолутъ посылать въ Римъ
генуэзскихъ только въ обвиненіяхъ и ториче
нѣдѣхъ, но не въ похвалѣхъ и благодарностяхъ.
Впрочемъ, запрещеніе это просуществовало
недолго, и право похвалы было имъ возвра
щено;— о семъ свидѣтельствуетъ Демианъ
Марцеллини (тѣмъ 176.) и данные, на
первоначальныя изъ вѣдѣнаго тѣмъ тѣмъ
новъ, находящіяся въ Франціи. Надписи
дають намъ ясное изображеніе вѣдѣнаго
нѣдѣхъ, являющіяся и торички. Онъ освѣщаетъ намъ
многопытныя стороны провинціальной
жизни. Онъ уже доказалъ намъ утвер
жденіе въ провинціалахъ всеобщей политическо
революціи, вѣдѣнаго вѣдѣнаго которой
были императоръ и Римъ. Онъ уже дока
зываетъ, что эта вѣдѣнаго революціи, напер
выи вѣдѣнаго кадуцѣнаго революціи, едина
на въ напервыи принужденіи свободой.

Есть одна особенно любопытная надпись, найденная в Нормандии, но прежней территории Видукассов (теперь это местность называемая Увиз, близ города Саян). Она принадлежит к 288г.

по Ф. Ар. и законность в еѣхъ писемъ одного
изъ приватеевъ Поневской Гимн. своему преем-
нику. Эту надпись отъ лица приватей уѣз-
комис.

„Когда я всею императорскою властью в Мокской провинции, пишет он, я знаешь многих видных людей, то числу которых принадлежал Сенний Воевиний из области Визуколов. Он был чепутомным в казны отца в храм Фиды и Авиетны. Я уже раньше одобрял этого человека за его религиозный характер, за его твердость (gravitas) и честность его нравов. Но еще и другие подвиги вызвали мою дружбу к нему. Еще в то время, пока управлял провинцией Клавдий Паулин, мой предшественник, случившись, что несколько человек извлекли акаго елика, которые египетски нулились на него, возмущенно возбудили обвинения против него от имени провинции. Но Воевиний елика впаривать предложение и одъянив, что его дограждане, выдрав его чепутомным, были факски отъ того, чтобы чтианомогивать его обвинить правителя, а напротив прегупиели ему воздать ему славу. По тому елика, об еудный вопрос, пришел к египетскому решению, что Клавдий Паулин не будет обвинен.“

на чертана на
 * Надписът има известност в
 - piment Torigny. Ова посмислена въ „In-
 - scriptions antiques de Lyon" Boissieu, a
 - тнахъ у L. Renier въ „Mélanges d'épigraphie"
 - и у Мосимсена въ „Épigraphische Ana-
 - lecten" и преведена у Ф. де Виссанама.

Вытисненъ: ^{изъ рукописи} ~~Ее~~ погребенный монахъ:
„ Exemplum epistol. Aedini Juliani praefecti

Этот же он вывел из этой палаты? или
заключенный из нее от той важной подво-
дены, что считать, отправившийся
по поводу отъезда на сей же посылать на
казь, поинтересоваться, не было ли реша mandat
imperatix - пытки или констатации
новой государственной. Но с другой стороны он

praetor. Ad Badium Compinianum pro.
et vice praesidis agentem. Aedinius Julia-
nus Badio Compiniano sal. In provincia
Lugdunense quinque fasculis dum agerem,
plerosq. bonos viros perspexi, inter quos Sol-
lemnium, istum oriundum ex civitate Vidue.
Sacerdotem, quem propter rectam gravitatem
et honestos mores amare coepi. His accedit,
quod, cum Cl. Paulino, decessori meo in
concilio Galliarum, instinctu quorundam
qui ab eo propter merita sua laesi videban-
tur, quasi ex consensu provinciae accusa-
tionem [†]instituire temptarent. Sollemnium
iste meus proposito eorum restitit, provo-
catione scilicet interposita, quod patria
ejus, cum inter ceteros legatum eum evas-
set, nihil de accusatione mandasset, im-
mo contra laudationem. Cui ratione ef-
fectum est, ut omnes ab accusatione
desisterent.

Quare eum magis magisque
amare et comprobare coepi. Is certus
honoris mei erga se ad videndum me
in urbem venit. Jam proficiscens pe-
tit, ut eum tibi commendarem. Recte
itaque feceris si claris illius re nup-
ris. Et reliqua. -

[†] Обвинения ~~наши~~ ~~стали~~ ~~мои~~ ~~подвиги~~
с императору и т.д. бд уны, посыл твою, как

изъ нея же подтверждаемая, что на всенародномъ всенародномъ общенародномъ настроеніи, если
это одною депутатами многою постановили
и измѣнить намереніе избранія.

Много свидѣтельствъ о существова-
ніи всенароднаго до конца имперіи наводятся
во многихъ писемъ и памфлетахъ,
напр. въ Россійской и въ Народной Свободы
II и Христианской. Но они относятся
неко по второму періоду существованія
провинціальныхъ избраній, о которыхъ
подробно говорить не будемъ. Характеръ
эпистолярныя черты избраній въ этотъ
періодъ подробно и подробно описаны
у Россійской и Христианской (Les institutions
politiques de l'ancienne France, tome II,
chap. IV). Существовать такое несомненное
русское изданіе „О представител-
номъ народѣ въ древней Руси“ О. Шко-
ваго, посвятившее автору, какъ диссер-
тація про vetus legem въ Спб. Унив. въ 1861 г.
Сказавъ только, что они существовали
въ теченіи всего II в. и въ народѣ I в. Описъ
законовъ, относящихся къ Россіи, имѣетъ, что
провинціи имѣютъ полную свободу выра-
жать свои интересы на всенародномъ и под-
держивать или черезъ депутатское посред-
ство императоровъ. Позднѣе императоры
и воеводы, воеводы и графы
поставили, что центральное правитель-
ство не имѣетъ права вмешиваться
въ рѣшенія избраній, что депутаты не
только признаютъ императоровъ, но даже
позднѣе въ Россіи они пользуются даже
государственнымъ почетомъ (senatus privi-
legium) Россійской. Описъ Россійской отъ 1861 г.

отъ Россійской Россійской

и тесно и возбуждает некоторые недоу-
мения. Многие о них Моммсен и зна-
мено в его речи, произнесенной на одном из
из заседаний парламентского общества
в Берлине. Августовцы принадлежали
к сословию военоотпущенников (libertini),
которых было очень много и в Италии и
в провинциях, потому что еще в первые
годы империи богатые люди отпущенных
преданных выкупившихся рабов нава-
рно по завещаниям; терпели этого своего
существования и другие, с помощью которых
рабы добивались освобождения.

Из военоотпущенников обра-
зовался много поместу многоземельный и
влиятельный класс. Не имея помещи-
чьи обязанности и стоя на особом
не то равном, — не то низшем положении
по отношению к классам империи, они
занявшись обыкновенно речью и
мелкою торговлею, с некоторыми и боль-
шими коммерческими операциями. Эти
последние начинали они обыкновенно ро-
стовщичеством, набирали и потягива-
ли подитный капитал в крупные
обороты. Поэтому приобрели они сегод-
нее положение в обществе; они судились
мало по малу а также значительным
экономическим влиянием в социаль-
но торговом, но все таки вносил опре-
деленную государственного и общественного
положения, не добиваясь конца.

Оставивши их без всяких
прав правительство не считало удоб-
ным: класс это был замкнутый и
консервативный, потому что всякая рево-
люция, какая бы она ни была, прежде всего
должна была отозваться на их кармане

и им спокойствіи, и правительством, была
в них своих естественныхъ сторонниковъ,
некому арестовать и упротить имъ поселеніе.
Вотъ Августъ и рѣшился на анду, кото-
рая съ первой взгляда могла показаться
имъ оскорбительною, но которая давала
имъ особую организацию и естественное при-
личіе имъ самимъ. Они совершили вторженіе
имъ отъ свободныхъ людей, но дали особую
систему имъ представителенъ въ городской
сенатъ Италіи (куріяхъ). Они могли въ-
ставлять въ каждой куріи по 6 депута-
товъ, выборы которыхъ принадлежали, впра-
вѣ, не имъ самимъ, а сословію естественныхъ
декуріоновъ. Представители всенародны
женниковъ, первоначально называвшіеся *Seviri Augustales*, въ концѣ
концовъ составили правленію каменю,
соответствующую по числу членовъ пре-
вительственной каменіи городской само-
управы (главныхъ имъ было 6 - два квестора,
2 эдила и 2 пвектора), избирающую такъ
же, какъ они, на одинъ годъ.

Когда севиръ составили просидиномъ,
они сохранили естественное похоло-
ніе и некоторые привилегіи: они входи-
ли въ составъ корпорации *Августалиевъ*. По-
тому они назывались *августалии*, это по-
нятно: они велики правами были обязаны
Августу. Цѣль этой корпорации была рес-
позная: *Августалии* были естественными
мнѣтниками, домашнюю кузницу Августа,
въ которой они, а всесудетныи и другіи
императоры, почитаемы всенародны въ *domus*
familiares той или другой общины, рода
или семьи.

Повидимому *Августалии* имѣли
особые жертвенники и выбирали особые

директоров. М. О. в Уполномоченной религиозной корпора-
 ции Августинской образовалась из первоначальной
 правительственной комиссии ее-
 виров. В провинциях, по всей вероятности,
 были такие же. Из ^{всех} рассмотрен-
 ных нами характеризованных ~~вотай~~
 органов римской власти и римского
 влияния в провинциях ни один не опи-
 рался на насилие, и все представляли
 естественные формы: римское влияние было
 дано на целую ряд правительственных
 учреждений. И в данном случае мы имеем
 дело римской власти дающей возможность
 президиальному сословию иберти-
 ности устроиться на правительственной основа-
 ниях. Военнопленные, бывший раб,
 благодаря тому, что находился в плену
 комманде евиров, благодаря тому, что по-
 том стал близок к криту Августу,
 поднимаясь выше: по свидетельству
 Петрония, Августин не только не сты-
 жился своего происхождения, но еще и кичился
 им; Августин себя не только не стыжился, но
 даже, смодель был, и выше римского
 гражданства. Петроний высказывает при-
 тязание Августинской в комманде
 видя, но несомненно, что это сословие, освя-
 щенное именем Августа и связанное с
 его престолами, стало играть важную
 роль в провинциях. Еще Бонет (Bonnet)
 замечает, что Августин был одним
 из тайных преемников империи (азиат-
 ской), от которых говорит Плиний.
 Тогда как декурiónы представляли ес-
 тественную провинциальную аристократию,
 представляющую проводить местные центу-
 рии; Августин представляли сословие
 капиталистическое и промышленное,

тисно связанное с Римом и готовое защищать интересы империи, которые совпадают с его интересами. Лишь только возникла бы в среде первых, в силу неуверенности еще в их военном отношении преданность и преданность империи, стремление отделиться от Римской власти, вторые, истинно преданные Риму, которому были верны, обязаны, конечно, были оказать в таком стремлении упорное сопротивление, энергичный отпор.

III. в. провинциальное общество
время империи представляло из трех главных элементов: 1. Ordo decurionum — светская аристократия, 2. Augustales — капиталистическое, просиженное сословие, крестом подобие на Римское ordo equester второго периода республики, 3. Placitum universum — разнородная масса населения. Эти названия постоанно употребляются по надписям и именно в таком порядке.

Говоря о влиянии разнородных элементов, возникших на провинциальной почве и сущившихся в империи проводниками римской цивилизации и гражданственности, не следует забывать значения сезонов. Конечно, разнородные элементы сущивались только по окраинам завоеванных областей, они не могли оказывать особенно большого влияния, но тем не менее они производили свое романизирующее действие путем очень оригинальных и интересных, именно, они дали толчок возникновению и распространению таких называемых старых городов. Массовые

въ новеллахъ филологическихъ журналовъ Хекте VII
 объявлено ихъ происхождение, - Назначается въ какую-
 либо изъ пограничныхъ местностей завоеванной об-
 ласти стоянка одного или нескольких легионовъ. Раз-
 бивается лагерь; онъ не остается изолированнымъ,
 но около него закипаетъ деятельная жизнь. Сюда
 тянутъ изъ близлежащихъ припасовъ, для
 удовлетворения этой потребности употребляются
 въ недалекомъ расстоянии отъ лагеря, за его чертой,
 баракки мармитановъ (Санжавае, отъ лат. слово
Кнеире). Тутъ же поселяются мекенины, соимель-
 ницы легионеровъ: онъ не признавался гражданиномъ -
 ствомъ за вполне законныхъ френт (легионеры не имѣ-
 ли права вступать въ законный бракъ, пока нахо-
 дились на службе) но дѣти, родившіяся отъ нихъ со-
 зидательства съ легионерами, признавались закон-
 ными. Сюда же собиралось значительное число и
 публичныхъ женщинъ. Благодаря тому, что сюда
 могли поселять своихъ женъ вдали отъ себя,
 у нихъ открывалась возможность обзавестись се-
 мействомъ; дѣти, происходившія отъ этихъ полу-
 признанныхъ браковъ, когда достигали половно-
 го возраста, поступали сами въ число легионе-
 ровъ (какъ наши презрѣніе кантонистовъ). Населе-
 ніе возникающее такимъ образомъ лагерныхъ го-
 родовъ неограничивалось именами легионеровъ, имѣ-
 вшими и мекенинами легкаго поведения. Тутъ же
 же часто поселялись выслужившіе свой срокъ и ва-
 ледшіе въ отставку ветераны, не имѣвшие возмож-
 ности ^{или не пожелавшіе} вернуться на родину. Ветераны были уже по-
 полновѣсными римскими гражданами. Тамъ обра-
 зило лагерного вѣка скучивалось нестрое населеніе,
 которое строило себѣ постоянный жилища и посе-
 лилось тутъ навсегда. Строились тутъ различные
 здания, необходимые для религиозныхъ и общественныхъ

потребностей и для удовольствий, которых запрещено было строить внутри лагерной черты. Возводились яраны (в лагерь могли быть только смержденные), устраивались теремы, строились цирки, амфитеатры. Все это возводилось руками солдат и мало-помалу возникало посады, а потом уличный город с купеческим миром и оживленным торговым.

Такие города часто очень легко получили право камений, хотя им не пришлось столкнуться с послужили: основание камений — единственный факт, понятие о лагерном городе возбуждает в мыслях представление о долготрестности.

Остатки лагерных городов до сих пор существуют в Европе и Сев. Африке. На них имеют возникли потом новые города, в расчлененных главных улиц которых можно еще узнать план римского лагеря. К ним принадлежат во Европу Винна (римск. Vindobona), Кобленц, Майнц, все города в Англии, имена которых оканчиваются на кестер (от castra) и т.д. Но особенно характерный образец такого лагерного города представляют развалины древнего города Lambeth в Северной Африке, подробно описанные Вильямсом в отдельной статье.

Лагерные города представляли также центры римской культуры, в которых стремилось утвердиться ~~таинство~~ и туземное население, и в этом отношении остроумно сравнение деятельности легионеров с деятельностью монахов — бенедиктинцев, поборников средневековых носителей идеи гуманности и просвещения и насчитывавших цивилизации и христианской религии и нравственности в непростоуменности умов Европы.

Много было еще и других более частных путей для проведения римского влияния в провинции.

Изъ нихъ уцѣлели только два:

Во-первыхъ сохранилось два слова о знаменитой римской дорожке, остатки которой и теперь и до сихъ поръ составляютъ предметъ удивленій для путешественниковъ, который случалось имъ видеть. Такихъ дорогъ во времена римской имперіи было очень много. Провести прекрасное шоссе прочно настиланное и составившее изъ несколькихъ слоевъ камня, песку и щебня, было первымъ деломъ римскаго полководца после завоеванія края. Дороги были первымъ средствомъ проведенія римскаго владычества, сначала матеріальнаго, а потомъ и цивилизаціоннаго и правительственнаго. Гиббонъ говоритъ, что послѣ покоренія Британіи можно было проехать по шоссейнымъ дорогамъ непрерывно, переправившись только черезъ Ламаншъ, отъ Вала Антонина вплоть до самаго Иерусалима. Поэтому можно судить, какъ широко распространена были римскія шоссейныя дороги по всему обширному пространству имперіи.

Насквозь дороги были прочно устроены, видно ясно изъ того, что въ некоторой времена года, именно весной во время таянья снеговъ, въ Швейцаріи предостаточно пользуются и теперь ихъ остатками передъ нынѣшними дорогами. Расположены они были очень умно въ виду стратегическихъ цѣлей: онѣ прорѣзывали все главные пункты провинцій и соединяли провинціи съ Италіей и Римомъ. Въ Италіи такіе дороги проводились еще во время республики и служили первоначально для военныхъ, а потомъ для торговыхъ цѣлей.

Для того, чтобы обезпечить безопасный проездъ по дорогамъ на нихъ протяженіемъ раздавались всенародно изданныя участки земли иль ады ривіеръ, при чемъ поселенцы должны были охранять безопасность. Забо-

о поддержании дорог лежала на муниципиях, — это составило впоследствии тяжёлую повинность.

По дорогам завелась была государственная почта — cursus publicus (о ней есть специальное изложение Gudebrand'a), устроенная весьма правильно. Много было станций, держали большое количество лошадей, так что можно было совершать путешествия очень быстро. Сначала почта служила только для государственных нужд, была средством сношений провинций и военачальников с центральным властью, но потом стали посылать распоряжения на провинции по государственным дорогам и частные лица, для чего им выдавались особые подорожные. В IV в., когда почта имела особое значение христианского духовенства, когда собывались частные соборы, этими правами пользовались епископы и другие церковные иерархи, и знаменитый писатель Аммиан Марцелин так замечает, что епископы разоряют государство, что они советом заморили казенных почтовых лошадей.

Учреждение это потом перешло в Византию, и, может быть оттуда заимствована правила нашей почтовой гонимости.

Второе частное средство романизации, о котором мы упоминали в заключении — школы, появление которых всегда сопровождало распространение римского господства. Учреждались государственные школы, но не на счёт центрального правительства, а на средства муниципий. Школы представляли явление необходимое и серьёзное: для того, чтобы туземцы провинций могли вступить в число римских граждан, — а к этому все провинциалы сначала горячо стремились, — они должны были научиться латинскому языку и освоиться с римской цивилизацией. ~~Византий~~ Византий и подтверждает, что му-

низшим заводским школам. Есть указания и в надписях и сохранившихся остатках, свидетельствующих о том, что в них преподавались лат. и греч. языки. Напр. в Венетии найден кирпич с начертанными на нем двумя первыми стихами диметра, который, вероятно, служил прописью.

Результатом совокупного действия описанных нами фактов, результатом мудрой политики римской империи относительно провинций была полная романизация Запада, выразившаяся нагляднее всего в увеличении числа народов того Западной Европы латинского языка, или точнее двух латинских языков. У Римлян, как и у всего народа, было две или более разнующихся, существовавших два языка — один литературный, язык, на котором писали и говорили люди привилегированных классов, и другой — народный, крестьянский, разговорный язык низших классов населения. Различие между ними было настолько значительно, что крестьянине Италии не понимал бы сочинений и речи Цицерона и римских поэтов. В провинциях распространился и тот и другой. В школах преподавали литературному латинскому языку, который и усваивался высшими образованными классами, но в массе проникала народная латынь — sermo rusticus, lingua Latina vulgaris, заносимая в провинции легионерами и провинциальными жителями. Народная латынь была упорядоченной борьбой с кельтскими и иберийскими наречиями. Подробное рассмотрение этого явления не входит в программу нашего курса, — об этом вам, может быть, придется слышать в ^{специальном} курсе истории французской литературы; но и мне кажется констатировать факт, что народная латынь, отходящая от литературного языка Римлян не только лексически,

но и синтаксически, послужила основой для первоначального общероманского языка, на котором говорили население Испании, Галии, и дунайских провинций и весь остальной лона которого видоизменившись впоследствии языки Испанский, Португальский, французский, Италианский и Румынский. На этом основании происхождения от одного корня народной латыни заслуживается родство и сходство романских наречий.

Краткое обозрение римских провинций во времена Империи.

Изобразив общий ход романизации завоеванных римлянами стран Европы, указав на главные принципы политики императоров по отношению к „варварским“ провинциям запада, охарактеризовав наиболее существенные пути и органы романизации, обратимся к рассмотрению каждой романизованной провинции отдельно, сделав при этом географическо-статистическое описание, назовем главные пункты римской оседлости, главные центры римского влияния и в кратких очерках изложим результаты этого влияния на каждую из провинций, а также и наоборот — степень воздействия на население на Рим, его язык и литературу. Бросим внимательный взгляд на то пространство, которое с точки зрения цивилизации и языка справедливо называлось „Романия“, простиравшееся до границ Азиатского востока и заключало в себя Италию, придунайские края, Галию до Рейна, Англию до берега Сентимуса Севера, почти всю Испанию и северный берег Африки. В обозрении мы будем следовать хронологическому порядку присоединения провинций к Риму: начнем с Испании, перейдем затем к Африке, Галии и Британии закончим придунайскими землями.

I. Испания.

„Иберы и Кельты, Финикийцы, Эллины и Римляне, говорит Молисей, жили в Испании во нестроихъ словенскихъ; одновременно и многообразно скрещивалась, стояли тутъ рядомъ самые разные виды и степени цивилизации: древняя иберская культура на ряду съ полными варварствами, кельтскими отношениями финикийскихъ и греческихъ торговыхъ городовъ на ряду съ процветающей цивилизацией, проводниками которой служили по преимуществу многочисленные, занятые въ серебряныхъ рудникахъ Италійцы и постоянно салбная армия“ ([Римск. истор. т II стр. 1).

Коренное население южно-восточного Иберийского полуострова принадлежало къ иберийскому племени, къ которому съ IV в. до Р. Хр. стали присоединяться Кельты, проникавшие туда изъ Галии и мало-по-малу образовавшие в Испании словенский народъ Кельтиберовъ. Но Кельты заняли въ Испании только центральную, горную, кудиную местность, а лучшие пахотные плодородные долины большихъ рекъ оставались въ рукахъ чисто иберийскихъ народовъ.

Племена, населявшие полуостровъ еще въ глубокой древности, подверглись сильному влиянию Римской империи. Известно, что финикийские купцы утвердились тамъ въ незапамятные времена, основали несколько колоний, изъ которыхъ особенно важны Гадисъ, южный Кадиксъ, и завели торговлю съ турками. Иберы подверглись значительному воздействию финикийцевъ, усвоили ихъ алфавитъ, заимствовали отъ нихъ веревки и торговлю.

Новый приливъ Римской империи и изъ виднѣлся въ Испа-

совершился в III в. до Р. Др., после 1^й Пунической войны, когда потомки древних Финикиян, Карфагеняне, переселившись в Сицилию, чтобы завоеванием Испании вознаградить себя за эту весьма чувствительную для них потерю. Испания славились большими серебряными рудниками и противотельной, генеральным chief знаменитых Баркидов, Ганнибалкара и Гасдрубала, а потом и Ганнибала, не мог не понять, что обладание Испанией было чрезвычайно важным вопросом для клонившагося к падению Карфагенского государства.

Карфагеняне высадились на юго-восточный берег Испании и на южном из вдающихся в море мысов (promontorium Saturni), у единственной удобной гавани на этом берегу возник новый опорный пункт карфагенского владычества — Новый Карфаген. Карфагенское правительство, отвлеченное необходимостью и турбулентностью непокойных интересов своей страны, мало вмешивалось в великое предприятие генеральных государственных людей, не поддерживало их талом, ограничивалось тем, что только не мешало им; так что Испания считалась как бы фамилейным владением рода Баркидов. В Испании выступил на поприще общественной деятельности первый лауреат знаменитый Ганнибал. Здесь великий государственный человек нашел опорный пункт, устроил операционный базис для борьбы с Римлянами; здесь он собирался с новыми силами, чтобы браться на смертельного врага своей родины. Римляне скоро поняли план Ганнибала и немедленно начали противодействовать утверждению Карфагенян в Испании. Для этого они сошлись с существовавшим там греческим обществом, Самнитам, старались установить обяза-

тепную демаркационную линию, чтобы положить известную предельную распространению карфагенского могущества на просторы и назначили его ф-ку Ибер. Это повело къ быстрому разрыву между двумя великими державами — началась Вторая пуническая война, которая движена была главным вопросом о преобладании Карфагена или Рима, Семитов или Арийцевъ въ западной части Средиземного моря и прилегающих къ нему странахъ, и от этой точки зрѣній представляетъ событие съ мировымъ значениемъ.

Говоря объ этой войне мы должны помнить, что Карфагенъ давалъ для борьбы только воиновъ и самые незначительныя средства, и Ганнибалъ организовалъ свои силы въ Испаніи изъ местныхъ элементовъ: сначала Иберовъ, а потомъ Кельтовъ составили ядро его арміи. Какъ это если бы война кончилась въ пользу Ганнибала, удержались бы и Кельтское и Иберійское племена, какъ самостоятельно развивающіеся народы, и, можетъ быть, Кельтскій языкъ, до сего поръ господствовавшій въ южной Европѣ. Но побѣдами Римляне, и въ состояніи принять обратное теченіе. Во вторую Пуническую войну вѣдетъ съ Ганнибаломъ Кельтскіе и Иберійскіе народы налетѣли на Италію бурною волною; послѣ ея окончанія начался отливъ: Кельты и Иберы быстро отяготивши нападѣ, а Римляне стали подвигаться съ востока на западъ; не такъ быстро, останавливаясь, терпя иногда неудачи, но неуклоннымъ шагомъ забирали они одну страну за другою.

Прежде всего силу этой реакціи испыталъ Испанія. Изъ Марракоча, опорнаго пункта той части Испаніи, которая была еще раньше занята Римлянами, двинулись впередъ братья Кней и Публий Сципионы; перешли черезъ Иберъ (Дбро) и внесли оружіе въ

Каррагенскую Испанию (214 г. до Р. Хр.) Действовали она, правда, не особенно удачно, успевать долго колебаться и в 211 г. оба брата даже погибли в сражении с Тас-брубаном. Но когда были назначены на них много-многой и доблестный Публий Корнелий Сципион^(*), получивший позднее прозвание „Африканского“, судьба Испании была решена. В 209 г. взяли бывш. Новый Карраген с его сокровищами, запасами и удобным гаванью. В 206 г. Каррагеняне принуждены были очистить Испанию; она была организована Сципионами по римскому образцу и разделена на две провинции: 1) *Hispania citerior* — северовосточная часть до южного берега Ибера и 2) *Hispania ulterior* — юго-восточная часть полуострова.

Конечно, война в Испании римскими полководцами оставалась еще много. Огромная страна, населенная воинственными волевыми племенами, не могла быть покорена сразу. Каждый римский полководец должен был либо продолжать завоевание, либо подавлять восстания и останавливать римское могущество. Трудно было вести партизанскую войну в незнакомых и неудобных для военных действий горных местностях и не раз испанские *Иберы* под предводительством национальных вождей наносили римским завоевателям жестокие поражения. Достаточно вспомнить имя Виргата и долготренинное сопротивление Юлиана, чтобы представить себе, как непрочно еще было покорение Римлянами в Испании. Только немногие даровитые вожди, как М. Порций Катон, М. Септим

(*) См. прекрасную характеристику Сципиона и вообще блестящий очерк 2-й пунической войны у Моммзена в его „Римской истории“, т. I, главы 4, 5, 6, и 7.

ний Гракхъ и Суллионъ димиланъ, достигли болѣе или менѣе прочныхъ результатовъ; вообще же война велась откровенно, безъ плана и твердо сознанный конечной цѣли.

Борьба тянулась цѣлыхъ 200 лѣтъ, и мы не станемъ вдаваться въ ея подробности. Укажемъ только на то, которое съ эпизода, важнаго съ нашей точки зрѣнія. Особенно сильно разгорѣлась война въ Испаніи въ тѣ годы, когда во главѣ восстания сталъ храбрѣйшій предводитель, даровитая и честная личность, одинъ изъ вождей демократической партіи — Серторій. Когда демократы потерпѣли сильное пораженіе со стороны Суллы и его партіи, Серторій бѣжалъ изъ Рима, нацѣль убѣдиться въ Испаніи, гдѣ старался приобрести симпатіи и довѣріе народныхъ элементовъ и опереться на нихъ, на нихъ основать силу своей партіи (къ нему собрались все угнетенныя Магнанца), и тогда энергично бороться съ врагами. Онъ достигъ цѣли. Олигархи долго не могли его сломить, и преданіе его въ Испаніи имѣло очень важное значеніе для будущаго этой страны.

Долго въ толь, что онъ положилъ начало совершенно новой политикѣ въ Испаніи, онъ принесъ туда римское устройство и римскія права, началъ вести Испанцевъ въ кругъ римской культуры. Въ городахъ Оскъ и друиже онъ основалъ школы для ихъ лучшихъ аристократическихъ семей. Это имѣло очень важное, и напередъ было ясно съ успѣхомъ: местные жители радовались, что имъ даны школы. Подобно тому, какъ Римляне, ухаживая латинскому языку и за его популяризацией поощренія и награды. Это — великая заслуга Серторія. Онъ въ Испаніи явился проводникомъ Гракховъ, начавшихъ проводить высокую идею мирной необходимости романизации провинцій. Онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ значеніе школы, какъ

средства для упрочения римской власти. Некоторым общинам восставали против Сергория, и он принужден был жестоко подавить восстания, но мирное начало, убеждение, что нужно разамандовать провинции не потребовало туселиться и заботиться о римскими колонизации, а ассимилировать самих провинциалов. Римлянам, было предложено в Испании жить, и воевать противной партии, между ними Помпей, пошел по его стопам, и так же таким образом удалось им подавить дворянских военачальников иберийских племен.

Все возникшие тут же казаны основаны после Сергория. Так возникли Salacia и Valentia в Бискайе, Corduba, Metellinum и Hispa в Гальсий Испании. Затем же нужно отметить время долгого управления Испанией Помпеем. Он смотрел на Испанию, как на свое родовое достояние и думал найти в ней, как Цезарь в Галлии, опору своей власти. Для этого ему нужно было привлечь на свою сторону, кроме существовавших уже тайф и наваканий только что пяти римских общин, и широкое население. Помпей деятельно стремился к этой цели. Он покрыл Испанию целой сетью дорог, которые продолжались по ту сторону Пиренеев в Галлии и соединили так. обр. Испанию с Италией. Он же разделил Испанию на 3 провинции (гемии, которое сокращено было и Августом):

- 1) Baetica, расположена была в бассейне Гвадалquivира (река Baetis) в южной Андалусии.
- 2) Lusitania — соответствовала приблизительно южной Португалии, занимала только более обширное пространство.
- 3) Hispania Tarraconensis — занимала всю остальную часть полуострова, кроме небольшого угла на северо-западе, где жили независимые племена Сан-

Tabri и Gallaici.

Испанскі провинціалы крѣпко держали сторону Помпея, и Цезарю стоило много труда подчинить ея своей власти. Только послѣ полного пораженія Помпеянцевъ въ битвѣ при Мундѣ (45 г. до Р. Хр.) удалось диктатору овладѣть полуостровомъ.

Время Цезаря занимаетъ важное мѣсто въ общей исторіи Испаніи. Послѣ битвы при Мундѣ онъ отобралъ часть земли у некоторыхъ городскихъ общинъ, владѣвшихъ ею, основалъ на конорискованной территоріи несклько колоній ветерановъ, стремившихся продолжать романизированіе края. Но окончательное устройство края могъ получить только послѣ прекращенія междоусобицъ войнъ, когда вопросъ объ образѣ правленія былъ рѣшенъ и споръ между республикой и монархіей окончился.

— Начало имперіи, какъ мы говорили уже раньше, сформировало новое и лучшее зрѣніе для провинціальной жизни. Августъ явился окончательнымъ организаторомъ Испаніи. Въ его царствованіе совершился такъ послѣдній эпизодъ греко-латинской борьбы Римлянъ съ туранными — походъ противъ Кантабровъ и Таманиковъ (св. 26 по 19 г. до Р. Хр.), совершенный побѣдителемъ при Акциумѣ, близкимъ помощникомъ Августа, Маркомъ Антоніемъ. Августъ лично посетилъ Испанію, пробывъ тамъ 26^е и 25^е годовъ, и одинъ составилъ для Испаніи больше, чѣмъ составили вмѣстѣ все многочисленныя наководцы и проконсулы республики. До сихъ поръ продолжаютъ существовать, какъ значительныя города, основанныя или колоніями своими или именами напоминая имя первого императора: напр. Saragossa, древн. Caesarea Augusta, Merida, древн. Augusta Emerita и др.

Далѣе важнымъ для Испаніи являлся Веспасіанъ (69-79 г.)

дававший всемъ городскимъ обитателямъ Испаніи, имѣвшимъ личное происхождение, т.е. не представлявшимъ собою ни римскихъ колоній, ни муниципій, латинское право, и наконецъ Каракалла (211-217г.) распространилъ на всеобщее Испаніи, какъ и на города всей имперіи вообще права полного римскаго гражданства.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія распространения римской власти исторія Испаніи распадается на несколько періодовъ: доцезаревскій, Цезаревскій, Августовскій и Веспасіановскій и закончилась эдиктомъ Каракаллы.

Въ данномъ подробнѣе мы не входимъ и обращаемся къ обзорной трети испанскихъ провинцій отдѣльно; указать, съ какой степени распространилась въ каждой изъ нихъ римская гражданственность и кривтура.

1. Бэтика.

Бэтика занимала южную, самую лучшую и плодородную часть Испаніи, южно-восточнаго Андалузіи и романизирована была раньше другихъ, благодаря съ одной стороны мирному характеру туземныхъ племенъ, а съ другой действительной римской колонизаціи и отчасти благодаря тому, что этотъ край еще гораздо раньше подвергся кривтурному вліянію финикійцевъ.

Самыя древнія изъ городскихъ обитателей въ этой провинціи возникши изъ поселеній римскихъ солдатъ, ставшихъ здѣсь постоянными гарнизономъ. Массовыми были Italica на Бэтиксъ тотчасъ же после устройства римскаго управленія (въ 206г.) и Sagteja — у Гибралтарской бухты (въ 111г.). Солдаты, поселенные навсегда или надолго въ эти укрѣпленія вступали въ брачныя отношенія съ туземными жен-

щинами, с которыми у них не было законного со-
пави́т; отъ этихъ браковъ возникло очень значи-
тельное поколение молодежи, которое находилось въ
неопределенномъ юридическомъ и социальномъ по-
ложении и обратилась, какъ говоритъ Ливій (онъ наво-
саетъ ихъ — „*novi generis homines*“), къ сенату съ прось-
бой даровать имъ известное устройство и права.
Нечего было къ тому времени, с которымъ говоритъ Ли-
вий (т. е. во II в. до Р. до) около 4000, они то и состави-
ли первоначальное население колонии Картейи, об-
щественная жизнь которой существовавшей: турецкое офи-
тели были тамъ объявлены вступить съ новыми коло-
нистами, и колония получила латинское право.

Италия впоследствии получила значительные
городовъ и Дала Римъ двухъ лучшихъ императоровъ,
Траяна и Адриана. Здесь они найдены любопытный
памятникъ, в которомъ мы уже упоминали, на-
писанъ съ начертанными на немъ двумя первыми сти-
хами Анеиды, сурживший, вероятно, прописанъ въ
мекетной школе.

После победы надъ партиями Цезарь пред-
принимать целый рядъ конскрипций земель у городовъ,
которые еще сопротивлялись, и на отнятой у нихъ
почве должны были возникнуть римскія колоніи.
Но Цезарь, какъ известно, скоро погибъ отъ хищни-
ка аристократовъ и тамъ его было приведено въ
исполнение уже его диктаторскихъ, Марка Ан-
тониемъ, который основалъ несколько колоній и на-
звалъ ихъ все именемъ Цезаря.

Это во первыхъ *Colonia Julia Genetiva* (прежнее
Изо). Мы должны обратить внимание на этотъ
городъ, потому что очень недавно въ 1870 г. около бере-
говъ, где онъ лежалъ, недалеко отъ Сестимы,
близъ Осерны найденъ замечательный памятникъ
съ надписью, начертанною въ „*Ermetis epigra-*

phica^(*) и заключающего в себя уставъ этой общины. Изъ надписи видно, что эта колонія была основана Антониемъ въ первые месяцы послѣ смерти Цезаря.

Далѣе прежній городъ Hispalis (символическое названіе Севильи) получилъ въ это время такое значеніе римскаго города и названъ Colonia Julia Romula община эта получила право самоуправленія, достигла скоро гражданства состоянія и получила втораго городомъ провинціи. Первое же имя заняла Corduba, одна изъ древнѣйшихъ римскихъ колоній (Colonia Paucisica), основанная Маркомъ Юлиемъ Марцелломъ въ 150 г. до Р. Хр. Тутъ была резиденція проконсула и главнѣе магистратовъ. Муниципальная жизнь развивалась здѣсь безъ помехи военнаго вѣдѣнія, которое было столь могущественно въ Испанскихъ провинціяхъ. Если и было войско въ Бѣтихѣ, которая вообще считалась за „provincia inermis“, то оно стояло въ военномъ центръ провинціи, въ Италикѣ, который, какъ и въ другихъ провинціяхъ, былъ оторванъ отъ центра гражданскаго.

Перечисляя другія колоніи въ Бѣтихѣ, нужно назвать Astigi, основанную Августомъ (Colonia Augusti Augusta), которая была главнѣйш. городомъ одного изъ четырехъ судебныхъ округовъ провинціи, считалась съ теченіемъ времени весьма богатѣе и значительнѣйш. городомъ и имѣетъ быть поставлена на 3-е мѣсто послѣ Кордубы и Испалиса.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ Цезаревыхъ колоній — Ilici (Virtus Julia) Ulcubi (Claritas Julia), Iussii

(*) „Ephemeris epigraphica, Corporis inscriptionum Latinarum supplementum, edita jussu instituti archaeologici Romani,“ сборникъ выходитъ подъ ред. Henzen, Mommsen, Willmanns и др. Volume 4 m.

(Augusta gemella) и др. Это были все города ивстнаго происхождения и получили титулъ колоній съ наименованіемъ „Julia“ только въ награду за ихъ поведение во время междоусобной войны. Особеннаго значенія они, впрочемъ, не приобрѣли.

Изъ муниципій разсѣлаивавшей провинціи назовемъ прежде всего Гадесъ, городъ финикійскаго происхожденія, * до основанія Карсагена бывший наиболѣе значительнымъ изъ городовъ Испаніи. Въ тохъ имперіи это былъ одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ всего римскаго міра. Въ Гадесѣ насчитывалось до 500 гражданъ съ цензомъ римскихъ всадниковъ, а общее количество людей, принадлежавшихъ къ самому богатому классу населенія, очень рѣдко можно было встрѣтить въ одномъ городѣ. Благодаря преданіямъ, унаследованнымъ отъ Финикійцевъ, городъ этотъ былъ обширнымъ внутреннимъ и внешнимъ торговымъ, такъ что въ римской гавани вѣтъ, Грѣль часть вѣтровъ пристававшихъ и отплывавшихъ кораблей была изъ Гадеса. Благодаря дѣятельной, оживленной и широко распространенной торговлѣ, Гадесъ возвысился до степени одного изъ первостепенныхъ городовъ провинціи.

Согласно Ксенофону финикійскіе еще временамъ относительно Маласа и Салпенда. Сначала союзные съ Римомъ города, они получили также римскихъ поселенцевъ и муниципальное право. Особеннаго значенія они не имѣли, но важны по найденнымъ въ нихъ ивстности бронзовымъ доскамъ (des malasica nit и des salpembanit) съ начертанными на нихъ гражданскими и религиозными уставами эфиро общинъ — превосходнымъ и достовернымъ источникомъ для изученія устройства, правъ и привилегій городскихъ общинъ римскаго образца въ провинціяхъ въ періодъ имперіи и послѣднихъ годовъ респуб-

лики. — Такие уставы найдены не только, они изданы, комментированы и изданы археологами в общедоступных сборниках. Так напр. устав Colonia Julia Genetiva найден в сборнике Бруна „Fontes juris Romani“ и в изд. „Corp. inser. Lat.“, т. II „Inscr. Hisp.“ под ред. Кибнер’a.

Во времена Веспасиана в Бетику насчитывалось до 115 городов: из них 9 каноний — некоторые населяция, другие населявшие только отомы почетный титул — 10 муниципий с правами римского гражданства (*Municipia civium Romanorum*), 28 городов латинского права (*Latini Donata*), 9 свободных ибунций (*liberatae Donata*), 3 *civitates foederatae* и 120 городов податных (*stipendiaria*). Все эти цифра — для того времени очень солидная — в точности приведена Аммианом и переплетена лишь с официальным описанием римских провинций, из всеобщего кадастра, составленного при Августе Адриано (Prenotium *Adrianus imperii*). По словам Страбона, жившего во второй половине I в. до Р. Хр. и в начале I в. по Р. Хр., в Бетику было даже до 200 городов.

Большая часть населения Испании стремилась, конечно, занять лучший и best в плодородной равнине у южных и западных берегов полуострова. Но то время как внутренняя возвышенная Испания представляла собой пустыню, Бетика была красивой, плодородной, густою населенной, оживленной торговлею, славилась великими предместьями благосостояния Бетика считалась одною из житниц империи (*nutrices imperii*), из нее производилась огромная масса хлеба, вина, масла, шерсти и других произведений в Рим и Италию. Она была наполнена толпами римских правительственных чиновни-

ховъ, завладовавшихъ поставкою хлеба (praefecti annonae и ихъ adiutores). Еще во время республики живутъ поселенцы на постоянное жителство много римскихъ купцовъ. Они уже производили сильное воздействие на ~~мѣстнѣе~~ жителей; а ко времени послѣднихъ годовъ царствованія Августа Батиска могла считаться вполне римскою, усвоившею языкъ, гражданственность и культуру Рима^(*). Перейдемъ теперь къ описанію Лузитаніи.

2. Лузитанія.

Въ этой провинціи, занимавшей тогда западную часть Иберіи между рѣками Ана (Гвадиана) и Дуриусъ (Дуэро), ко времени Августа находилось 5 каноній, все въ южной ея части. Вся Лузитанія распадается на две части — северную и южную, существенно различавшіяся одна отъ другой: въ северной, какъ доказываютъ въстрѣчающіеся на надписяхъ имена людей и боговъ (напр. Нето, Вадогеневъ — иберійскіе боги) долго держался варварскій образъ жизни. Тамъ жили Дукии и воинственныя племена, которыхъ угнетали Римляне поставленными партизанскими войсками. Южная же скоро была замирена и тамъ римскіе элементы получили преобладаніе съ самаго начала.

(*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ Страбонъ. „οἱ μὲντοι Γουρδυστανοὶ καὶ μάλιστα οἱ πρὸ Βαίταν τελείως εἰς τὴν Ῥωμαίων μεταβέβηκται τρόπον, οὐδὲ τῆς διαλέκτου τῆς σφετέρας ἐστὶ μεμνημένοι. Κατ'ἑνοὶ τε οἱ πλείστοι γερόνασι καὶ ἐποίκοις εὐλήκασιν Ῥωμαίους. ὅτε μικρὸν ἀπέχοντι τοῦ πάντες εἶναι Ῥωμαῖοι (Geogr., III, 2).“

Изъ 5 римскихъ колоній, выведенныхъ туда для того, чтобы способствовать удержанию страны въ рукахъ Римлянъ и потому носившихъ первоначально военный характеръ, особенно замѣчательна была — Егеріа Августа (нынешняя Мерида) на югѣ, въ странѣ Веттоновъ — колонія Августа и Рая Julia, также на югѣ, нѣсколько ниже Эмерита, колонія Цезаря.

Эмерита съ самыхъ первыхъ годовъ послѣ своего основанія привлекла вниманіе правительства, которое постоянно высылаю туда новыхъ поселенцевъ. Первоначально этотъ городъ былъ колонією ветерановъ 5го и 2го легионовъ, но потомъ потерявъ свое военное значеніе и достигъ высокой степени торгового и промышленнаго процвѣтанія. Поселившіеся здѣсь римскіе легионеры и граждане вступили въ дѣятельныя сношенія съ индѣйскими народами. Многочисленные иностранцы купцы, иудеи, торговцы шелковыми утверждали здѣсь свое постоянное мѣстопробываніе, и потому преданія ветерановъ преданы мирнымъ занятіямъ, предоставивъ военное ремесло другимъ, которые еще не были знакомы съ подобною цивилизаціей. Пробываніе здѣсь проконсула и другихъ органовъ центральнаго правительства сдѣлало изъ Эмериты административный центръ и отодвинуло на задній планъ развитіе свободной, муниципальной жизни. Но это все таки былъ богатый и красивый городъ, украшенный величавѣйшими зданіями, развалины которыхъ когда-то возбуждали удивленіе Арабовъ, а теперь продолжаютъ приводить въ восхищеніе путешественниковъ. Это былъ испанскій Римъ. Величавѣйшій циркъ, амфитетръ, построенный Августомъ и обновленный Адрианомъ, храмъ Марса

и Антонина Благочестивого, камассанский водопровод, грандиозный мост через Анакс, на 31 аркт-вох знаменитой, ^{созданный} украшавший богатый город. Живя и одного императора, который не оставил бы здесь воспоминания о себе. Емерита оставила за собою по красоте и богатству все остальные города Испаніи: „Передъ Емеритой склонилъ голову Кордуба, таракона и Бракара,“ поетъ галльский поэтъ Авзоній, и действительно Емерита имѣетъ быть причислена къ числу первыхъ городовъ имперіи.

Кроме упомянутыхъ двухъ городовъ нужно упомянуть еще о муниципіи латинскаго права Felicitas Julia (Oliviero, нынѣшній Лиссабонъ), основанной Юліемъ. Расположенная въ прелестной местности, при mouth у устья Таго, она служила любимого латинскаго резиденціею проконсула и потомъ богатой знати, жившей въ Емеритѣ. Felicitas Julia достигла довольно значительнаго богатства и торговаго значенія, и заняла второе мѣсто въ провинціи. Вокрестности города были покрыты роскошными виллами, ~~и~~ небольшими селеніями и мѣстечками и представляли живою, населенною урочище Испаніи.

Остальные города, благодаря подавившему ихъ преобладанію Емериты и Олизипо, не могли достигнуть бывшаго значенія.^(*) А къ северу отъ этихъ мѣстъ римской осѣдлости горы и воинственные племена представляли трудно одолжимыя преграды для распространенія римской цивилизаціи.

3. Тарраконская провинція,

Занимавшая огромное пространство восточной

(*) Можно назвать Pax Julia, Scallabis, Norba и Neasidium Julium.

Испания, организована была Цезарем и Августом. Возвратив Цезарю многие городские общины этой части Испании во время междоусобной войны подали ему предложение обратиться к многим из них в римские колонии, другие же были просто награждены этим почетным титулом. На первом плане должен быть поставлен город Tarraco, на берегу Средиземного моря, в котором находился римский гарнизон, и который был определен Команием еще во времена Суллы. Цезарь дал этому городу название Colonia Julia Victrix Imperialis. По самому названию видно, что это колония военного происхождения, возникшая из поселений ветеранов, составивших ядро будущего значительного города. Особое значение Тарракона приобрела после поселения и длительного пребывания здесь Августа во время Кантабрийской войны. Еще при жизни первого императора воздвигнут был тут в честь его жертвенник (ara). Есть изображение этого жертвенника на монетах времени Тиберия; это бывшее четырехугольное сооружение, украшенное изображениями букавиных черепов и дубовых гирлянд. На передней стороне жертвенника помещены кривой щит и меч, воспоминавшие о подвиге императора. Сверху на жертвеннике растет пальма. Это последнее изображение напоминает о чуде, которое будто бы совершилось тогда в Тарраконе. Раз во время пребывания там Августа ему пришла в голову мысль, что на алтаре выросло пальмовое дерево; Август удивился. „Арракет, фам таке иссидитис“, сказал он, намекая шутливо на то, что, должно быть, редко приносили жертвы на его алтарь, если могло вырасти на нем пальмовое дерево.

После смерти Августа в Тарраконе с разру-

шения Тиберия (152. по Р. Хр.) возникъ храмъ въ честь
 Рима и Августа, построенный на возвышенномъ
 месте города, тамъ, гдѣ теперь стоитъ кафедраль-
 ный соборъ. Въ немъ изображены были Августъ, какъ
 божество, сидящій на тронѣ со скипетромъ и ко-
 роною. Примеру жителей тарраконовъ послѣдова-
 ли, какъ говоритъ Плутархъ, и другія провинціи (*In*
templo Tarraconensi colonia exstructa exemplum
datum esse in omnes provincias "Ann. I, 78) и храмъ
 Рима и Августа очень распространился. Хра-
 мы содержались на счетъ всего общества, участво-
 вавшаго въ немъ построеніи; собирались около хра-
 мовъ concilia, выбирались верховное и нижнее, еме-
 годно являвшіеся, обсуждался храмовой бюджетъ,
 пополнялась общественная касса и т. д. Многие
 надписи свидѣтельствуютъ также о томъ, что
 въ Испаніи были и Августалы. Наиболѣе зна-
 менитъ тарраконскій храмъ Рима и Августа,
 хотя подобныя ему храмы существовали въ Сие-
 ритѣ и Кордубѣ, и тамъ также собирались про-
 винціальное сѣанъ. Тарракона долго служила
 однимъ изъ римскихъ центровъ провинціи и
 была хорошо укреплена. Помимо величественна-
 го храма и другихъ зданій города свидѣтельствуютъ
 о его богатствѣ и величии. До самаго порта со-
 хранившіяся развалины цирка, амфитеатра
 и огромнаго водопровода напоминаютъ о блес-
 кѣ кипѣвшей въ городѣ общественной жизни, о
 многочисленномъ народонаселеніи, объ обществѣ зна-
 ченіи города, который долго оставался однимъ
 изъ важнейшихъ пунктовъ Испаніи.

Новый Каррагентъ былъ столицей Испаніи во вре-
 мена владычества Пуниковъ. После того какъ онъ
 былъ взятъ Сципионами, Новый Каррагентъ сдѣланъ
 былъ главнымъ городомъ Ближней Испаніи и со-

ранишь это знамение и увещуешь состояний добре-
ментъ имперіи, когда онъ ставъ клониться къ
падению, и только въ IV стол. поднялся опять до
положения первостепеннаго города.

Онъ бывъ возведенъ Цесаремъ въ степень колоніи
и названъ Colonia Victrix Julia

Августъ вывелъ въ Тарраконскую провинцію 6
колоній ветерановъ и основалъ нѣсколько иуди-
циій. Въ нихъ находились — Illici, Baereno, Caesarea
Augusta (Saragossa), Asturica Augusta, Bracon-
gusta и Lucus Augusti (последніе три города въ
северо-зап. части провинціи).

Военное вліяніе въ тарраконской провинціи
было сильное, помимо даже колоній ветерановъ.
И въ ижестьяхъ, гдѣ были жертвенники, и
гдѣ находились теперь надписи, мы постоянно
встрѣчаемъ упоминанія о римскихъ войскахъ.
Во многихъ городахъ находились ихъ солдаты, въ
особенности въ северо-западной части провин-
ціи, гдѣ жили воинственные племена — Талии
и Кантабры. Въ этомъ краю, къ северу отъ
рожи Дугиус (Дугаро) находились постоянныя ла-
герьныя стоянки, римская оккупационная армія
располагалась тамъ гарнизономъ. Но какъ и
въ другихъ ижестьяхъ имперіи, жизнь воен-
ная, лагерная шла рука объ руку съ гражданскою,
городскою и вокругъ стоянки седьмаго
легиона (Legio VII gemina), который долго оста-
вался въ Мепаніи, возникъ обширный лагерьный
городъ, который ставъ въ северо-западной части
тарраконской провинціи на ряду съ главными
административными центрами, Бракирой и
Астурикой, сформировался центральный военнаго управ-
ленія края и названъ былъ просто Legio (нын. Ле-
онъ). Тамъ обр. поименовано было начало романизаціи

и в самом дикамъ краю Испаніи — въ Летурии и Галициі; быстро ассимилировался римскому туземному быту, и туземные воинственные народы облеклись наконецъ въ римскую тогу, одежду мира, забывъ презрѣнія кровопролитій.

Во всей тарраконской провинціи было 179 городовъ. Значительная часть этихъ центровъ цивилизаціи и общественной жизни дають ясное понятие о богатомъ развитіи римскаго городского быта въ Испаніи, и особенно въ Бетикѣ и тарраконской провинціи.

На ряду съ городскимъ сформировавшимся социальнымъ бытомъ, введеннымъ въ страну Римлянами, сохранилась въ Лузитаніи и въ тарраконской национальная иберійская форма обществитія — симвакія общины — *рорали* и *сивитатес*, племенное устройство, можетъ быть, близкое къ родовому. Плиний свидѣтельствуетъ, что въ тарраконской провинціи существовало 114 такихъ симвакій римскихъ общинъ безъ городскихъ центровъ, въ небольшимъ территориямъ, которыя раньше были племенами Кельтовъ и Иберовъ. Но много такихъ *сивитатес* все уменьшалось, потому что Римляне стремились энергично приводить все население къ своему городскому быту.

Такимъ образомъ мы видимъ, что главными провинціальными центрами Испаніи были Таргасо, Hispalis и Emerita. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ пунктовъ мы встречаемъ все знаменитое уже нами римскіе или, вѣрнѣе, романизирующія учрежденія — провинціальныя сеймы, ежегодная собранія представителей отъ всего общины римскаго образца — колоній, муниципій и городовъ латинскаго права — ономъ гражданъ или жертвенниковъ

Рима и Августа, на которыхъ обсуждались все провинциальные дела и выбирались депутаты къ императору для почвала проконсула или обвѣненія его; тутъ же мы видимъ и Августановъ. Все это сильно содействовало романизации страны, все это придавало ей романскую окраску и оттошевляло туземный языкъ, туремные нравы и туземное народное искусство въ отдаленныя, горныя и Дикія местности Астурии и Галиции.

Въ Испаніи дѣятельно принимались были Римлянами и все другія средства, содействовавшія распространенію и утвержденію ихъ вѣрхней^(*) Испаніи была покрыта цѣлою сетью римскихъ шоссе, которыя проводились вездѣ въ провинціи въ цѣли соединить все части имперіи съ ихъ могущественнымъ центромъ, Римомъ, городами, и которыя способствовали весьма сильно торговлѣ и общественнымъ интересамъ. Было нѣсколько главныхъ линій со многими развѣтвленіями.

Главная артерія испанскихъ путей сообщенія, которая соединяла югъ полуострова съ сѣверомъ, шла отъ устья Анаса черезъ Туендосъ въ Септиму и оттуда на сѣверъ черезъ Саамантику въ Астурику. Здѣсь она развѣтвлялась — одна вѣтвь шла на востокъ къ Caesarea Augusta, другая же соединяла между собою Астурику, Бракару

(*) „Nichts geht über die Energie, говоритъ Hübner, mit der die Römer ihr ungeheures Reich zusammenhielten, und das Werk der Nivellierung der nationalen Besonderheiten und der Romanisierung durchgeführt haben; nicht weniger durch die Arbeit des Friedens, wie durch jene des Krieges.“ (Die Rom. Landesk., стр. 42).

и другие города Астурии и Галиции пожелавшими путешествовать. Другая линия шла от Эмериты через внутреннюю Испанию (через Августобрига и Toletum) в Саеза-рею Augusta и далее в Тарракону. По восточному берегу Средиземного моря самая древняя римская дорога соединяла Новый Карсаген, тарракону, Барцино и Империю.

Ватина проходила была пожелавшими путешествовать. Одна во-первых шла вдоль по берегу Средиземного моря, а другая вступала от Малаки через Испанию к Кордубе и отсюда к Эмерите. Като Ватину проходила поперек еще одна дорога с одной стороны от Кордубы в Тагест, с другой — от Кордубы же через Castulo дошедшая в Валенцию и Новый Карсаген. Эта дорога, носившая название Via Augusta, начата была при Цезаре, окончена при Августе.

Важную роль в Испании стали играть торговые люди. Они прибывали в большие числа из Италии, привлеченные в главные римские колонии слухами о богатейших приисках серебра, золота и слюды, которыми уже давно славилась Испания. Эти прииски расположены были неподалеку от Нового Карсагена, который представлял главный пункт ^{откуда} ~~вывоза~~ ^{металлов}, нагали разрабатывались еще финикийцами, но главным образом стали эксплуатироваться Римлянами и в первое время империи уже были поставлены. Потому найдены были обильные рудные богатства и в других местностях Испании, между прочими в Ватине и Анаса, в Лузитании и даже Астурии и Галиции. Разрабатывались прииски в широких размерах, и громадность работ до сих пор нас удивляет. Напрямом, когда главные рудники расположе-

ны были еще близъ Нового Карагача, ежедневно добывалось серебра на сумму 25000 драхмъ^(*), и въ рудникахъ работало постоянно около 40000 человекъ. Позднѣйшіе рудники Западной Испаніи, между Анасои и Батисоли, въ Лузитаніи, Лестуріи и Галлициі доставляли ежегодно до 20,000 фунтовъ золота. Что касается до техники горнаго дѣла, то она стояла въ то время на высокой степени развитія; примѣнялись также способы промывки золота, которые въ ходу и теперь.

О разработкѣ рудниковъ мы имѣемъ теперь новые источники — надписи, изъ которыхъ узнаемъ, что почти все они принадлежали императорскому фиску и находились подъ надзоромъ прокураторовъ. Империатрица же ихъ отдавала на откупъ торговымъ акціонернымъ обществамъ. Въ империю, гдѣ находились рудники, собиралось множество рабочихъ и разнаго другаго люда. Весь этотъ народъ нуждался въ жизненныхъ припасахъ, въ одеждѣ, обуви; нужно было устраивать бани, — словомъ общественной гигиены, безъ которой Римляне помыслительно не могли обходиться; возникало множество промысловъ, которые отдавались какою въ аренду частнымъ лицамъ съ правомъ монополіи. Недавно найденъ любопытный уставъ, принадлежавшій общинѣ Урасит (нын. Aljustrel въ Портъ), гдѣ находились рудники. Изъ него мы видимъ, какъ руды съ шахтами, вместе съ разработкою рудниковъ развивалась гражданская и промышленная жизнь. Здесь определенно въ точности условія великихъ контрактовъ каждаго съ промышленными людьми.

(*) Не всю драхма соответствуетъ приблизительно нашимъ 20 коп., но если брать относительную стоимость денегъ, то выйдетъ сумма ок. значительная.

Есть очень любопытная подробность о банях: точно обозначены часы, когда открывались ванны для мужчин, и когда для женщин; определена высота воды в бассейнах, выяснены правила о соблюдении чистоты ванн и котлов; определена уплата ванн; для мужчин $\frac{1}{2}$ асса, для женщины 1 ассъ; императорские рабы и должностные лица, горные рабочие и солдаты пользовались баними даром. Вообще это очень любопытный источник!¹⁾

Есть в надписях указание на существование школ в Испании. Название талантио из римских городских центров провинций, подлинно оно значительно скупилось и школы сгруппировались по мере необходимости, чтобы распространением латинского языка облегчить управление туземцев с Римлянами. Школьные учителя удалялись и пользовались некоторыми привилегиями, напр. освобождены были от податей, а чело свидетелствует одна надпись.

Эта оживленная торговля и промышленная жизнь сильно содействовала развитию края, и помогла работам главных учреждений и деятельности римских правительств для скорейшего распространения римской цивилизации.

Благодаря распространению римских законов, утверждению римского городского права, благодаря дорогам и совокупной деятельности купцов и ремесленников Испания стала римской страной.

Немного иудейские туземцы Испании сильно подпали римскому влиянию, принесли от римлян

¹⁾ Он изданъ Гиббертомъ въ Ерн. ерндр. "III, 165 ff. О немъ поминана статья его же въ попул. журналѣ "Deutsche Rundschau", 1877, Aug., и онъ воспроизведенъ въ книгѣ Юнга.

и нравы, и гражданское устройство, и самый язык. Основываясь на этом, говорят о панахь романи- зированій Испаніи: но будемъ разсматривать сущное влияние латинизма отъ его полного преобладанія, а только самое отъ исключительнаго его господства. Несмотря на то, что много изъ писемъ Пиреней- ского полуострова сданами въ аспектъ отъ римлянъ Римлянами, такой метаморфозы подверглись все- таки далеко не все Испанцы. Прямая письменная стилистическая оставалась еще достаточно крепкою во многомъ изъ нихъ. Испанцы, усвоивъ латин- ский языкъ, придали ему особую окраску, вырабофа- ли особый стиль и особую фразу, которыхъ въ свое время были представители въ среде римскихъ писателей; они сохранили также много харак- терныхъ национальных чертъ^(*).

Императоръ Адрианъ, родившійся, правда, въ Ри- мѣ, но по матери Испанецъ, говорилъ на латин- скомъ языкѣ, но съ сильными испанскими акцен- тами, такъ что его биографъ Спартианъ, одинъ изъ *Scriptores Historiae Augustae*, рассказываетъ, что онъ возбудилъ смехъ сенаторовъ однимъ своимъ произно- шениемъ.

^(*) „Gleichwol machten die Verschiedenheiten, - worumt's
Haupt, - welche die klimatischen Verhältnisse und
die Assimilation der römischen Bevölkerung an die
ältere einheimische mit sich brachten, sich je länger,
desto mehr geltend: wie der Engländer gegenwärtig ein
anderer ist in Europa oder in America, oder in Austra-
lien trotz desselben Ursprungs, so begann auch die
italische Nation sich im Laufe der Zeit nach den
Landschaften des Reiches in die einzelnen romanischen
Rassen zu differenzieren: der Spanier war anders geor-
det wie der Africaner oder Gallier, oder Noriker oder
Britte. Bereits Strabo schildert der Spanier Mässigkeit

(„Agrestius in Senatu orationem pronuncians risus esset“). Римские писатели грамматики называли испанского латинский слова непонятными, — они, вероятно, иберийского происхождения. Подборники короткого стиха (urbanitas), образцы которого, разумеется, считались стоицистской прозой, брали испано-латинский язык. Цицерон в речи за Арсия не одобряет слова пастуха, родившегося в Кордубе, называющего их „pingue sonantes atque peregrinior“. Сенека порицает своего земляка, испанского ритора Порция Атрона, открывшего школу красноречия в Риме за то, что он не мог отвыкнуть от грубого испанского произношения („Ilum fortem et agrestem et Hispaniae consuetudinis morem non poterat dediscere“).

Насколько образованы римские писатели всегда замечали и отмечали различие между римского и испанского латинского; но эта последняя всетаки была сильно распространена в Риме, могла производить влияние на литературный язык и литературное искусство и многие из великих писателей древней литературы происходили из Испании, а особенно из Кордобы — средоточия римской образованности на полуострове. Оттуда происходили оба Сенеки — Анний Сенека-ритор и его сын Луций Анний

im Essen, ihre Trägheit zur Arbeit, ihr stolzes, gravitätisches Benehmen, ihre natürliche Schlaueheit bei aller Unbildung, die todesmuthige Vertheidigung hinter Mauern und die Kühnheit ihres Angriffs im guerillakrieg, der die Brauchbarkeit zum Kampf im freien Felde keineswegs entsprach; die Neigung zum Räuberwesen war angestammt und allgemein. Kurz, die Eigenschaften, die den echten Spanier zu allen Zeiten characterisirt haben, erkennen wir bereits bei der Uebervölkerung des Landes als vorhanden. („Die Rom. Landesk.“, imp. 52).

Сенека - философ, воспитатель Нерона и его родствен-
ных, поэт Лукан (автор „Pharsalia“), которое ав-
тор выведеное въ прекрасной драматический отрыв-
ке А. Н. Майкова „Три смерти“.

Далее изъ небольшого города Мадраконской Испа-
нии, Salagurris, былъ родомъ знаменитый грамматикъ Квинтилианъ. Изъ иберійскаго города Bilbilis происходилъ поэтъ эпиграммъ Марциалъ, изъ Таде-
са - известный земледельческий писатель Л. Юний
Модератъ Колумма. Географъ Полипоній Мела
былъ также родомъ изъ Испаніи.^(*)

Въ эти писатели жизни въ I в. по Р. др. и со-
общили римской литературѣ этой эпохи особен-
ный характеръ, отъ которыхъ происходятъ признаки ко-
торого былъ риторическій пафосъ, искусственность
фразы, чрезвычайное богатство и капризность
образовъ и надутый языкъ. На которое исследова-
тели идутъ гораздо дальше въ поискахъ особенно-
стей испанской латыни; но не имѣютъ основа-
на на шаткихъ данныхъ. Отмеченные же нами
признаки действительно существовали. — Въ II в.
по Р. др. литературная производительность Испа-
нии иссякла а въ IV в. уже въ христіанскую эпоху сна-
ва оживилась. Къ числу Испанскихъ писателей это-
го періода принадлежатъ Аврелій Аридоній Клемма
(церковный писатель) изъ Калагурриса, хроникеръ
Идацій изъ Лемики, Оросій, авторъ первой всеобщей
исторіи, изъ Мадраконъ, Исидоръ, архіепископъ Се-
вилльскій и др. Такъ что безъ преувеличенія поэтъ
Авроній, современникъ Феодосія В., говоритъ про
Испанію: „Haece facundissimos oratores, haece claris-

(*) Три знаменитыхъ географа древности сегодова-
ли другъ за другомъ въ такомъ хронологическомъ по-
рядкѣ: Страбонъ, Мела и Плиний.

simos vates parit.

Кроме императоров Испания доставила Риму и других выдающихся общественных и государственных деятелей. И это обстоятельство составило предмет национальной гордости Испанцев, тесно связывавшей их с судьбами Рима. Они считали, что к их народу принадлежит первый консул из провинциалов *L. Cornelius Balbus* (в 40 г. до Р. А.); что внук этого Балба при Августе также первый из провинциалов получил триумф. Но особую предметом испанской национальной гордости были имена императоров Траяна и Адриана, которые оба были Испанцы, родом из Италии.

Мы не должны терять из виду, что уже в I в. до Р. А. отношения Рима к Испании были отношениями равного к равному, и что это уравнение прав заканчивалось эдиктами Веспасиана и Каракаллы. Да и самый вид испанской Испании не позволяет нам считать, что она тогда еще усвоила в общности римскую культуру и не смотрит на нас с предвзвешенностью арабов и восточных оригиналов, она до сих пор остается романской страной.

II. Африка.

После Испании первого присоединенного к Риму провинциального землю была Африка, страна совершенно оригинальная и по природе, и по своему составу. Об Африке и распространении там римского влияния есть очень хорошее французское сочинение: *J. Boissière, "Esquisse d'une histoire de la conquête et de l'administration"*

tion romaines dans le nord de l'Afrique et principalement dans la province de Numidie." Paris. 1876.

Это сочинение новое, очень интересное и прекрасно написанное. В нем заключается живое описание природы северной Африки и народов ее населяющих, основанное как на словах древних писателей (особенно Саллюстия), так и на новых, научных географических и этнографических сочинениях; затем блестящий очерк истории завоевания Африки Римлянами иromanization этого обширного края. Не мало историков об этом вопросе есть и в названных выше общих сочинениях о римской империи в провинциях, а также в изданиях надписей — у Л. Ренье в его „Inscriptions romaines de l'Algérie“ и в общем издании надписей Германской Академии Наук. Название „Африка“ понималось Римлянами сначала в тесном смысле, означало ^{провинцию} первоначально организованную после разрушения Карфагена и занимавшую пространство между рекой Тисса (нын. Оued-Бел-вер) на запад до города Тенеса на Малой Сирты на восток. Главным городом была названа первая африканская община, вступавшая в союз с Римлянами — Utica.^(*)

^(*) Как известно, в 146 г. до Р. до Р. был взят Карфаген и его 100,000-ное население истреблено. От потомков Карфагену общинами поступили согласно военному праву, — города разрушены, граблены, умиротворены или проданы в рабство, а территория присоединена к ager publicus. Малому и фригийскому городам, ранее отправившим от Карфагена — Utica, Hadrumetum, Leptis Minor, Achulla, Uthalis, Thendalis и Thapsus были поща-

Тутъ жили римскіе наместники, — это были
 центр административной. Остаточная часть
 Карфагена негласно, *casato consensu* были отданы
 Массинисе, а после его смерти перешли к его
 сыновьям (Минице, Тулусе и Массанабалу),
 и с тех пор Нумидийское царство расши-
 рилось от Мавретании до арчелской Киренаики,
 охватывая римскую провинцию с запада и
 юга и уходила далеко в глубь внутренней Аф-
 рики. После войны с Югуртом (111—105) к пер-
 вонакальной римской, *provincia Africa* присоеди-
 нена была только береговая полоса земли вдоль
 заливовъ большого и малого Сиртовъ с бога-
 тыми и цветущими городами *Septis Magna*.
 Большая же часть Нумидии досталась ма-
 ританскому царю Бокку и отчасти внуку Ма-
 синисе, Тауду. После похода Цезаря надъ по-
 нтиками при тане (46 г. до Р. Эр.) и после смер-
 ти его соратника, Юба I, большая часть Ну-
 мидии была присоединена к Риму и изъ нея
 образована другая провинция — *Africa Nova*.
 Вскоре она была отдана Августом Юбу II
 (30 г. до Р. Эр.), а потомъ присоединена к пре-
 жней провинции Африка. Въ 39 г. до Р. Эр. Ну-
 мидия была организована, какъ отдельная про-
 винция, при императоре, какъ Камиллусе, во-
 главъ ея поставили *legatus Augusti pro praef-*
ecto, который имелъ свою резиденцію въ горо-
 де Цирте. Далее после насильственной смер-
 ти с Римъ послѣднего царя Мавретании,
 Птолемея, императоръ Клавдій присоединилъ
 и Мавретанію къ имперіи. Она была раздѣлена

земли и сохранены свободой. Остаточная область
 была обращена въ римскую провинцію.

на две провинции — Mauritania Tingitana с главным городом Tingis (нын. Tanger) у Гибралтарского пролива и Mauritania Caesariensis с главным городом Юзоу, переименованный в Caesarea (нын. Cherchell в оранской провинции Алжир).

Каждая из них находилась под управлением императорского прокуратора (*procurator pro legato*), но Мавретания Тингитанская была ближе к Испании, чем к остальной Африке. Маг. обр. от Ниренахи, где господствовало греческое влияние до Атлантического океана северная окраина Африки принадлежала Римлянам.

Позднее после реформы Деоклетиана и Константина Африка была разделена на 6 провинций: 1) Триполитана с главным городом Тасара, 2) Africa proconsularis или Левгитана с главным городом Carthago — это старая провинция Африка. 3) Буласена с главным городом Надметум 4) Numidia с главным гор. Циртой, называвшейся с тех пор Константиной. 5) Mauritania Sitifensis и 6) Mauritania Caesariensis. — Mauritania Tingitana присоединена, как *diocesis* к Гемик.

В Африке Римляне встретились и даже были истреблены с новыми неизвестными племенами. Главная масса туземного населения северной Африки состояла из Мавров или Нумидов, считавшихся автохтонами. Это, собственно говоря, одно и то же племя, и даже слово „*Numidi*“ происходит от греческого „*Νομάδες*“, и таким образом оно только указывает на кочующий образ жизни народа. Слово же „*Мавр*“ финикийского происхождения и

не имеет ничего общего с греческимъ „мавро“ (черный). Это племя называется еще общимъ именемъ Ливийцевъ. Сами Африканцы именовами себя Ливаиками или Бетулами. Современными представителями ихъ считаютъ Берберовъ (можетъ быть, тоже, что варвары?). Действительно несомненно то, что Берберы или Кабилю, потомки предковъ Нумидовъ или Мавровъ и принадлежатъ къ североафриканской или либийской семье, родственной древнимъ Египтянамъ и составившей особую расу съ собственнымъ языкомъ, хотя и раздробленную на множество небольшихъ племенъ или федераций и потерявшихъ свое родовое наименование и сознание своего племенного единства.^(*)

Нумидийская племена Африки покорились сначала римскимъ финикийскимъ колонизаторамъ, а потомъ одному Каррагену, и каррагенянамъ удалось подчинить не только своей власти, но и своему цивилизованному, культурному влиянию. Полудикія, бродячія племена не могли ничего противопоставить успешнымъ каррагено-финикийской цивилизации, и она уже крепко утвердилась въ этихъ местахъ, куда уже

(*) Вотъ какъ характеризуетъ этихъ первобытныхъ, сохранившихся до сихъ поръ обитателей северной Африки латинскій классическій писатель изъ того, которое писалъ объ Африкѣ, Саллюстий: „Genius hominum salubri corpore, velox, patiens laborum. Plerosque senectus dissolvit, nisi qui ferro aut bestiis interiere. Nam morbus haud saepe quiesquam superat (Юг. XVII). Прекрасно охарактеризованъ тутъ Берберъ, энергичнаго, простого, грубого, кельтскаго, чуждаго жителя

на проникнуть. Теперь въ Северной Африкѣ находятъ довольно много финикийскихъ надписей, встречаются также и такіе, которые начертаны на двухъ языкахъ, на финикийскомъ и на туземномъ берберскомъ точно также какъ находятъ здѣсь и другія, относящіяся къ более позднему времени начертанныя на еврейскомъ и латинскомъ языкахъ.

Картагенские построили и вдоль морского берега отъ Каренайки до столповъ Геркулеса, и далее на Атлантическомъ океанѣ и въ пограничныхъ имъ внутреннихъ странахъ много городовъ, которые и сурскимъ проводниками распространены въ кувитурѣ и въ языкахъ въ окрестныхъ странахъ. Эти многочисленные финикийскія поселенія, разбросанныя по всей странѣ, сильно способствовали сближенію туземцевъ съ завоевателями и образованію смешанной расы Ливіо-Финикийской.

Въ древній арменія Африка была населенна, гдѣ въ нынѣшній. Страбонъ говоритъ, что въ Третью пуническую войну было 300 городовъ въ Картагенскихъ владѣніяхъ и 300 въ Мавританіи. Птоломей насчитываетъ тамъ вместе съ Каренаикой 324 города. Потомъ въ римскую эпоху число значительно увеличилось и въ IV в. по Р. Хр. уже въ христіанское время было въ Африкѣ до 600 епископскихъ кафедръ, ^{въ области} ~~и въ которыхъ въ кафе~~ дой находилось по крайней мѣрѣ по одному значительному городу.

Юридическое положеніе Африканскихъ городовъ въ римскую эпоху было разнородно. Одни изъ нихъ, именно названные выше 7 городовъ еще раньше

наделения Каррагена записавшиеся концы в Риме, были признаны за civitates liberae т.е. им оставлена была и их территория и их собственное управление. Другие были муниципальными и назовут многие помпеем титул колони. Этими титулами назывались 57 городов — 18 в провинции Африка, 18 в Нумидии и 21 в области Маавретания.

Столицей Африки, как уже сказано, первоначально считалась была Утика; но впоследствии Карраген, восстановленный им развалины, снова приобрел прежнее значение первого города на северо-африканском побережье Средиземного моря. В 146 г. Карраген был разрушен, от прежнее великого города осталась только груда драгоценных обломков и даже самое место передано публикану прохитию с строгим воспрещением кому бы то ни было строить там здания. Знаменитый римский социальный реформатор, Гай Гракх, первый поставил на очередь вопрос о распространении колоний римских граждан в священной почве Италии, первый и привел. В исполнение своего великого дела, которая должна была открыть средства для обеспечения существования римского пролетариата, он отправил на место Каррагена 6000 поселенцев и даровал новому городу, Фонии, права римской гражданской колонии. Этот важный факт является символом новой политики, или провозглашает быть принцип будущего управления прав Италии и провинций. Оптиматы горячо восстали против Гракха; прикрывая именем религии свои политические притязания, они кричали, что он попирает законы народного возмездия. Они восставали на вид разнородных дурных предзнаменований, ко-

рыя будто бы сопровождали основание нового города, радовались счастью, с которыми связаны были первые годы его существования. Фрак погиб и, конечно, во время господства амгарков Юнония - Новый Караагенъ - значима некое существование. Но при Юлии Цезарь (в 44 г.) сюда была опять отправлена колония ветеранов. Это фактъ очень важный в истории романизация Африки: Цезарь заложилъ фундаментъ, на которомъ основалось и создано здание римской городской жизни в новых, покоренных Римомъ странах. Даже благодаря заботливости Августа, который вывел в водстановленный Караагенъ еще 3000 колонистов (29 г. до Р. Хр.), благосостояние города еще увеличилось, старый, неконный враг и соперник Рима сталъ быстро подыматься и скоро достигъ значенія первенствующаго города, метрополиа африканскаго мира (срв. Рогий, сев. Африканы). Можно проследить ростъ нового Караагена по известиямъ, сообщаемымъ о немъ писателями. Страбонъ говоритъ уже, что Караагенъ ничуть не меньше, чемъ другие города Африки. Помпоний Мела утверждаетъ, что в его время Караагенъ былъ очень значительнымъ городомъ. Хотя, прибавляетъ Мела, онъ былъ славится своею прошлаго трагическою судьбою, чемъ настоящимъ благосостояниемъ. Но во II ст. по Р. Хр. Караагенъ находился уже на вершине своего могущества, достигъ предельнаго величія, имѣлъ опять до 100,000 жителей и справедливо назывался вторымъ Римомъ. Объ этомъ говоритъ и падъ III в. Авзоний. Упомянувъ еще о другихъ городахъ северной Африки, обзванныхъ своимъ процветаниемъ или процветаниемъ Рим-

мнать.

Второй городъ въ Африкѣ была Утика, бывшая столица Проконсульской провинціи до восстановления Каррагена, получившая латинское право отъ Цезаря, право римскаго гражданства отъ Августа и титулъ колоніи отъ Адриана. Еще и теперь, погребенный въ песокъ и шовъ и попрежнему разрываема развалины амфитеатра, разсчитаннаго на 20000 человекъ и другія зданій и сооруженій свидѣтельствуютъ намъ о богатствѣ и величіи города.

Назовемъ также Адриметум (основанный еще древними Тирами), который въпаденіе своего благодушнаго приморскаго положенія достигъ высокой степени процвѣтанія. При Тирахъ городъ этотъ получилъ названіе "Colonia Concordia Ulria Trajana Augusta" и сдѣланъ былъ главнымъ городомъ Тисаценской провинціи. Въпоследствии, когда при Юстиніанѣ великаго Византийскаго государства было уничтожено и восстановлено господство Римлянъ, городъ этотъ получилъ названіе Лѣзова, откуда и произошло нынѣшнее названіе его Сура.

За Адриметомъ слѣдуетъ поставить Лептис магна, родину императора Септиміуса Севера, имя котораго долго составляло гордость Африки. Онъ дѣйствительно своимъ латинскимъ происхожденіемъ всегда выдавался уроженца Африки. Септимій Северъ даровалъ родному городу Jus Italicum, по которому имъ получено освобожденіе отъ всякихъ податей, какъ города, стоящаго на италійской почвѣ. Еще и теперь существуютъ развалины Лептиса (нынѣ Лѣда). Было въ этой восточной части африканскихъ владѣній Рима много другихъ второстепен-

ныхъ городскихъ центровъ, которыхъ мы не назо-
вемъ.

Переходимъ къ Нумидиѣ. — Въ колоніи рим-
скихъ въ этой странѣ назовемъ прежде всего городъ
Cirta, находившійся внутри страны. Это общи-
на италическаго происхожденія; она возвысилась
во время правленія сына Массиниссы, Муцины,
который сдѣлалъ ее своего столицей. Тутъ были
и греческіе колонисты, долго державшія греческій языкъ
и теперь еще находятся греческія надписи. Послѣ
битвы при Жансѣ Цезарь основалъ здѣсь коло-
нію и тутъ широко развилась римская муници-
пальная жизнь, поставлено было городскихъ
магистратовъ, были Декуріоны и т.д. Въ импе-
раторскій періодъ Цирта сдѣлалась весьма
значительнымъ городомъ, столицей Нумидіи,
заняла второе мѣсто въ ряду африканскихъ
римскихъ городовъ и долго сохраняла это значе-
ніе. Въ честь императора Константина К.
она получила прозваніе Constantina и сохра-
нила это имя до сихъ поръ.

Раньше Цирты во времена Массиниссы сто-
лицей Нумидіи былъ приморскій городъ — Hippo-
Regius, гдѣ впоследствии была кафедра Благочи-
наго Августина. Имя этого города удержалось
приблизительно до сихъ поръ въ названіи близъ-
лежащаго города Бона (Hippo-na).

Гораздо дальше въ глубь Нумидіи по направ-
ленію къ великой степи лежалъ Thereste u. Lam-
baesis, бывшій римскій колоніи, судя по развалинамъ
городскихъ стѣнъ, воротъ, триумфальныхъ арокъ,
театра, храмовъ и амфитеатра, были весьма
значительными центрами.

Далѣе на западъ въ Мауретаніи существова-
ли еще Sitifis, Caesarea, Tingis (столицей третей

Навретаний) и еще ижекаких городовъ. Вотъ глав-
ные пункты римской оседлости и римскаго влія-
нія въ ств. Африкѣ.

Особенно важное значеніе въ колонизаціи Афри-
ки и преимущественно Нумидіи играли легіоны.
Даломе дружины туго стояли третій легіонъ (Se-
cto Tertia Augusta). Тогда какъ въ проконсульской
Африкѣ мирно ^{существовало} туземное и римское
населеніе, въ Нумидіи долго оставалось открытымъ
поле дѣйствій для возстаній севѣ, и вотъ третій
легіонъ со времени Августа живетъ во внутрен-
ней Нумидіи свой постоянный лагерь и не поки-
даетъ Африки до послѣднихъ лѣтъ имперіи. Во-
кругъ его постоянного лагеря и выросъ большой
городъ Самбаесисъ. Возникновеніе и постепенный
ростъ этого наиболѣе зажиточнаго изъ из-
вестныхъ лагерныхъ городовъ можно вспомнить
проследить по находившимъ въ большомъ чис-
лѣ въ этой имѣнности надписямъ. Свидѣтели
оказали большую услугу распространенію рим-
скаго владычества внутри страны по направ-
ленію къ пустынямъ. Трагическое число надписей
(поименно у Ренне и въ собр. надп. Берл. ак. Наукъ)
свидѣтельствуетъ о кривотурахъ вліяній 3го
легіона. Римскіе солдаты акклиматизирова-
лись въ Африкѣ и вошли въ близкія сношенія
съ местными населеніемъ. Врѣмя сдѣлало
различіе и между ними утвердился духъ това-
рищества и общности. — Дальнѣйшее
объясняется особенностями римскаго военного
быта. Ветераны вышедшіе въ отставку, оста-
вались на постоянное поселеніе вблизи отъ
лагеря „ад санавас“, изъ нихъ постоянныхъ поселе-
ній мало-по-малу возникъ болѣе или менѣе зна-
чительный посадъ и наконецъ городъ. Мнѣта

выселившимся селамъ пополнялись въ регионъ
ихъ братьями, родившимся отъ ихъ садическихъ
съ туремскими ассирианами; случалось даже, что
чистокровные туремы вступали въ регионъ —
все это содействовало въ значительной степе-
ни приращению местного населения къ римской
культуре.^(*)

Затѣмъ необходимо отмѣтить влияние про-
мышленности и торговли на романизированіе
страны. Неоспоримое плодородіе африканскихъ
земель, изъ которыхъ подножье Рима получало
 $\frac{2}{3}$ вывозимаго хлеба, изобиліе всякихъ оруже-
ныхъ деревьевъ, которыхъ при самомъ незначи-
тельномъ уходѣ давали богатый урожай, извѣст-
но было съ древнѣйшихъ временъ и Карфагеня-
не поминимъ начало развитію тамъ земледѣ-
лія и торговли. Карфагеняне Магонъ былъ
даже авторомъ первой агрономической теоріи
и изъ его сочиненій Римляне перняли свои перво-
начальныя свѣдѣнія по севскому хозяйству.
Карфагеняне начали воздѣлывать масличное
дерево и виноградную лозу. Они же направили
главные торговые пути внутрь страны на югъ,
которыми воспользовались Римляне. Они ста-
ли получать изъ неслѣдующихъ странъ внут-
ренней Африки рабовъ, драгоценные камни,
золото, слоновью кость, шкуру, шкуры и ро-
жковъ дикихъ зверей для магіаторскихъ игръ
на римскихъ амфитеатрахъ.

Затѣмъ близость работорговли Африки отъ
Италіи — въ ясное дни изъ Сициліи виднѣся бере-
га Африки — свѣдѣніе климата и условій
жизни, все это облегчало для Италіи возмочи-

(*) О Ламбедисъ подробно говорится въ книгѣ Юнга.

ность постоянного влияния на Африку, все это направляло в новую страну великого значительный приток провинциальных предпринимателей людей, которые приносили с собою римские традиции, римские нравы, культуру и язык и способствовали сильно романизации прерванной области Карфагенского владения.

Уже во время тогуртинской войны в Африке и Нумидии, как мы узнаем из Саллюстия, было весьма значительное число италийских поселенцев. А после замещения стран, после окончательного устройства провинциальной администрации, после распространения римских законов и оживленной торговли, приток римских поселенцев еще усилился и свидетельством всего этого были роскошная и пышная развлекательная римской жизни по своему африканскому побережью. В I в. по Р. Хр. Африка стала римской страной в самом широком смысле слова и этим объясняется то, что тогда в силу законов, по которым иудеи, приговоренные по суду к изгнанию из Италии, запрещены были въезжать также и в Африку: там они могли найти все удобства материальной, общественной и правительственной жизни, к которым привыкли в Италии и которых наказание стремилось их лишить.

Впрочем, можно сказать, что распространение римской культуры не было одинаково во всех африканских провинциях. Наилучше сильно затронута была процессом романизации естественно наиболее близкая к Италии часть ее т. е. Африка Proconsularis и затем чуть дальше от Карфагена на запад, тем слабее и поверхностнее было действие римской

цивилизации. По свидетельству одного французского генерала о тогдашнем состоянии теперешних трех департаментов французской Африки, оказывается, что восточная провинция Константина, была вполне римской страной, центральная провинция — Алжир — оставалась только римского колонием, а западная — Оран — была известностью только подвергнувшись оккупации римскими войсками. — Подобного же рода свидетельства дают нам находящиеся надписи, число которых все уменьшалось по мере удаления от Касабленки на запад. Из помещенных у Leon Renier Алжирских надписей 3455 приводятся на одну Numidiorum 942 на одну Mauritaniam (Sitifensis et Caesarientis).

« C'est surtout à qui visite notre province de Constantine, — roborum Boissière, — que se découvre dans son riche développement, dans toute la force et toute la variété de ses manifestations la domination romaine. Succédant aux efforts de Tyr et de Carthage, s'appuyant sur l'œuvre phénicienne reprise et continuée par les princes berbères, elle se répand ici et se déploie à l'aise et revêt les dehors et les caractères d'une installation éternelle. En débarquant à Philippeville, l'ancienne Rusade, ce sont, là, ces colonnes aujourd'hui renversées, jadis puissants soutiens de quelque temple ou de quelque palais, qui redisent l'éclat de cette civilisation disparue; c'est ici le théâtre romain, qui lui est resté debout, avec ses escaliers, inébranlés, ses marches séculaires, ses voûtes de briques marmoréennes, adossant ses gradins et son vaste hémicycle aux pentes d'une colline d'où se découvrait d'un côté, la mer bleue et le profil découpé des

Во восточныхъ африканскихъ областяхъ рим-
ское владычство проникло далеко на югъ, вплоть въ за-
падные. Въ Мавританіи Римляне доходили до
Атласа (въ 42 г. по Р. Хр. войска Элеонія Павла
первое изъ Римлянъ перешли эти горы и достиг-
ли до границъ Ливійской пустыни). Въ Нумидіи
все римское владычство простиралось до Саудезуса
и далее до Фензана (мод. Phazania).

Что касается до иллирийскаго рабства
и до приобретения ихъ въ римской провинціи, то
мы должны сказать, что эта страна, уже и
раньше подвергавшаяся владычеству сардинской кель-
тской-испанской римского Баско, достигла высо-

côtes; de l'autre, cette fertile et verdoyante val-
lée de Saffat, ainsi que la grande voie militaire
et commerciale qui gravissait vers Constantine.
A Constantine, dans cette vieille Cirta, les ruines
abondent, et chaque fouille amène un souvenir
romain; les murs de la Casbah moderne portent
encastrees dans leurs pierres, comme des titres
de noblesse, les inscriptions qui décoraient les tem-
ples et les monuments de l'Aeropole. Voici Ham-
se saffat avec sa vaste citadelle, dont l'œil devine
encore les retranchements, avec son majestueux
praetorium, doré par le soleil et les années, ses por-
tes triomphales, ses voies antiques dallées d'hier, ses
thermes encore soutenus de leurs piliers de briques,
solides, comme des colonnes de bronze; son temple
d'Esculape, le divin guérisseur des âmes et des corps,
dont le pavé de mosaïque portait cette admirable
inscription: „Bonus intra, melior exi.”

„Tout cela nous frappe, d'une naturelle admiration
propagandaient ont d'ailleurs: nous nous sentons aux pieds
de ces ruines africaines, remplis de respect pour les

кой степени совершенства и во времена империи должна быть приписана не только благодарствовавшим материально, но и чувственно процветающим провинциям и в этом отношении несомненно должна быть поставлена на ряду с Мисаией и Галисией.

Из городов Африки, которые представляются центром образованности, нужно поставить на первое место Карфагенъ. Мисинский африканский папа, Аппулей, который, вероятно греческого происхождения, называет Карфагенъ драгоценным городом: „Quae autem major laus aut certior, quam Carthagini benedicere, ubi tota civitas eruditissimi estis, pueros quos omnem disciplinam pueri discunt, juvenes ostentant, senes docent. Carthago provinciae nostrae magistra venerabilis, Carthago Africae Musa coelestis, Carthago, camera togatorum.“ (Florid., IV, 20). А блаженный Августинъ в своих „Confessiones“ уже упоминает на разнузданность карфагенских студентов: „Contra apud Carthaginem foeda est et intemperans licentia scholasticorum“ (V, 8, 14). Да и сам Павел, порицая надежду первобытности в этом ограниченном городе, пишет об этом с восторгом описывая чувственную жизнь столицы римской Африки: „Illic omnia officiorum publicorum instrumenta, illic artium liberalium scholae, illic philosophorum officinae, cuncta denique vel linguarum gymnasia vel morum“ (De gubernatione Dei, VII, 16).

auteurs d'un tel ouvrage; et pris de cette émotion nous saluons pieusement ce grand passé! (L'Esquisse d'une histoire de la conquête romaine, emp 135 u 136).

Августинъ преледе, гонимъ прибѣгъ въ Караагень, учился латинскому языку и литературѣ въ Мадаурѣ, — такъ что и въ этомъ незначительномъ городѣ проникла римская образованность и здѣсь были римскіе школы. Римская образованность распространилась и въ Мавертаніи. Такъ есть одна надпись, найденная въ Sisifis, въ которой говорится о какомъ-то M. Damasius Urbanus, quo fuit „summa cum artium, liberalium litterarum studiis utriusque linguae (т. е. лат. и греческ.) eruditus, optima facundia praeditus“, но умеръ въ ювентушескомъ возрастѣ, политикъ надежды и смѣл.

Также и въ Циртѣ, Гадруметѣ и Лептисѣ существовали школы, въ которыхъ преподавались латинскій и греческій языки.

О высокой степени просвѣщенія африканской провинціи свидѣтельствуетъ целый рядъ римскихъ писателей, вышедшихъ оттуда. Въ числѣ принадлежавшихъ во-первыхъ известной философско-этической и грамматической — Аннаеус Корнелиус, жившій при Неронѣ, о которомъ упоминается сатирикъ Персий, называя его другомъ и собесѣдникомъ, который производилъ на него весьма благотворное вліяніе.

Изъ Цирты родился бившій при Адрианѣ и Антонинѣ благочестивый и уважаемый ораторъ и адвокатъ Cornelius Fronto, воспитатель Марка Аврелія и основатель школы красноречія въ Римѣ. Некогда посѣтившій Аппулей, называвшій себя Полупулхидомъ или Полупулхидомъ, родился въ Мадаурѣ, воспитывался въ Караагень, Лептисѣ и Римѣ. Во второй половины III ст. принадлежалъ Аврелій Олимпій Клезианъ изъ Караагена, авторъ дидактическаго сочиненія объ охотѣ. — Африка дала Риму и

историка, Аврелий Виктор, занимавшего при Юлиане и Феодосии важное государственное посто-
 . Къ числу знаменитыхъ римскихъ юристовъ при-
 надлежалъ Саввий Юлианъ, жившій при Адриа-
 нѣ, также африканецъ родомъ. - Изъ грамматиче-
 скихъ назовемъ Марціана Капеллу, который при-
 надлежалъ уже къ VI в. по Р. Хр., поемъ того,
 какъ преобладаніе римской образованности въ
 Африкѣ, прерванное было нашествіемъ Ванда-
 ловъ, было восстановлено Визигаріемъ. Марціанъ
 Капелла написалъ грамматическую, которая дер-
 жалась и пользовалась всеобщимъ употребленіемъ
 въ средніе вѣка, на ряду съ сочиненіемъ До-
 ната. И специально христіанская литерату-
 ра насчитываетъ въ Африкѣ целый рядъ да-
 ровитыхъ представителей, какъ Тертуліанъ,
Кипріанъ, Арнодій и Августинъ. Эта латини-
 зація Африки была уничтожена позднѣйшимъ
 завоеваніемъ и вліяніемъ Арабовъ.

Что касается до характера африканской
 латини, то нужно сказать, что многие писате-
 ли и между ними знаменитый Сидуръ, утвер-
 ждаютъ, что она очень мало отличалась отъ ита-
 лійской речи, за исключеніемъ рѣзко доволно на-
 того употребленія архаизмовъ. Но новѣйшія
 изслѣдованія объ африканской латини показа-
 ли, что она представляется совершенно болѣе
 рѣзкой особенностью, отличающей ее отъ ита-
 лійской латинской речи.

Одинъ изъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ
 этого языка говоритъ, что африканскіе писате-
 ли часто употребляли не только архаизмы, но и
 наоборотъ - неологизмы: они сочинили совершенно
 новыя слова въ особенности для обозначенія от-
 вѣщенныхъ понятій. Вотъ въ у нихъ замѣтно

предпочтительное употребление глаголов *freque-
ntativa* и *inchoativa* передъ обыкновенными: для то-
го, чтобы, не имея смысла, придать речи боль-
шую выразительность, они постоянно говорятъ
adventare вместо *advenire*, *partare* вместо *carere*
и т. д.

Есть и еще много любопытныхъ данныхъ, попер-
кнутыхъ изъ изучения африканской латыни, соб-
ранныхъ Шухардтомъ и другими изъ которыхъ
оказалось, что въ Африку проникла и литера-
турная и крестьянская латынь и между ни-
ми существуетъ постоянное взаимодействие. Об-
ращаясь къ первой, къ латини литературной,
мы должны сказать, что африканские писатели
выработали особый стиль, отличавшийся неко-
торою надутостью / *фигур. Africanus* /: рты уска-
лазав арианизмами, неологизмами и варвариз-
мами, абстрактной выразительности заимствован-
ными да родясь конкретный, слышались безъ
всякой нужды и разбора начинательные и ите-
ративные глаголы, постоянно употреблявшиеся
въ простъ подлинный слова и обороты, злоупо-
треблялись тавтологиями и т. д.

Если мы отбросимъ всевысказанности, собствен-
ный каждаму отдельному писателю, то полу-
чимъ въ остатокъ много чертъ въ африкан-
ской литературной латыни, сходной съ поду-
нотайскими, образовавшимися наречиемъ заимс-
тв. языка Римляны романскими языками.
Такъ мы встречаемъ тутъ постоянное употреб-
ление вместо родительного падежа предлоговъ
a и *de*, производимъ причастия на *alis* и гла-
голы на *axe*, поглотивши въ себя остальные окан-
тисия.

Ясно что охарактеризованное нами призна-

ки наблюдаются еще больше, чемъ въ литератур-
номъ языкѣ, въ народномъ говорѣ романсизованна-
го Африканскаго населенія. Тутъ мы видимъ так-
же, какъ и въ подражающихъ романскимъ языкамъ,
частую замену звука v звукомъ b въ началѣ
слова (напр. voluntas вм. voluntas, virtus вм. vir-
tus). тоже мы видимъ въ некоторыхъ нидер-
ландскихъ говорахъ. Далее замечается осо-
бое произношеніе звука l — labdacismus, что мы
встрѣчаемъ и въ нидерландскихъ каталонскихъ
наречіяхъ. Сюда же нужно отнести такіе от-
личія, усвоенные также романскими языками,
какъ особенное произношеніе звуковъ g и j, какъ
русскаго ж, смягченіе звуковъ d, t, и e передъ i со-
слѣдующею гласною и т. д.

Такимъ образомъ въ этомъ очевидномъ сход-
ствѣ народныхъ говоровъ въ Африкѣ, тою же мѣ-
рой и Испаніи, сходство весьма естественное,
такъ какъ населеніе этихъ странъ находилось
въ постоянномъ сношеніи одно съ другимъ, име-
лось наметки на единство будущаго романской
группы языковъ.

Впрочемъ нужно сказать, что въ Африканскихъ
народныхъ говорахъ были и собственные отличія,
несходныя съ говорами другихъ странъ. Эти чуж-
дыя африканскія особенности языка указаны Августи-
насомъ. Такъ онъ говоритъ, что африканскій про-
стой народъ говоритъ ossut вм. os (кость), чтобы
отличить это слово отъ is (лицо), такъ какъ
онъ непонималъ количества слоговъ, не различалъ
длинны отъ короткихъ. Затѣмъ онъ издѣлалъ
окончаній будущаго времени на evo и ivo, говоритъ
floriet вм. florabit, exiet вм. exibit. Этими оши-
бочными формами нельзя было никакъ вывести изъ
народнаго употребленія и онъ перешелъ даже въ

священные книги, так напр. в африканский псалмъ Библии, известный подъ названием Stala, отъ которого софранилось некоего отрывокъ, представляющий прекрасный источникъ для изучения африканской латыни.

Вотъ что мы знаемъ относительно литературного и разговорного языка образованных классовъ и относительно народного говора романованной Африки.

Конечно, что некоторые образованные Африканцы вместе съ языкомъ усвоили и римскія идеи и всю римскую культуру и некоторые изъ нихъ трудно было отличить отъ Римлянъ. Но это удавалось немногимъ. Въ большинствѣ случаевъ на Африканцевъ, какъ бы образованы они ни были, какъ бы латинъ и греческій они ни владѣли, все таки оставался известный отпечатокъ его провинціи. Такъ напр. писатель историкъ временъ имперіи, Спартианъ въ биографіи императора Септимія Севера, который былъ родомъ изъ Лептисы, говоритъ, что этотъ императоръ не шовъ до старости научился говорить по латыни ("Аргитъ қиддат ирде ад сенестулет сонанс"), а сестру его называетъ - *vix latine loquens*. Этихъ послѣднихъ указаній злоупотребляли некоторые ученые, доказывая, что вѣднѣе Римлянъ въ Африкѣ не было вначалѣ и утверждая, что господствующимъ тамъ оставался языкъ пуническій. Но Фройдъ настаиваетъ и Фибуръ. Онъ утверждаетъ, что въ Лептисѣ главная масса населенія была пунической. Но это не вѣрно, и Шкардтъ справедливо предполагаетъ, что то, что говоритъ о Северѣ Спартианъ, относится только къ происхожденію, но что онъ правильно и правильно говоритъ по-

латинки, отчего было, что и происходить онъ отъ одной изъ поселившихся въ египетъ римскихъ семейственныхъ фамилий, которая уже никакъ не могла утратить своего языка. Сестра же его, вероятно, говорила на народной латинки.

О поздновышедшемъ (въ IV ст.) египетскомъ писателе распространении латинского языка въ Африку свидѣтельствуетъ Блаженный Августинъ въ своихъ „Confessiones“: онъ рассказываетъ, что въ детстве, проведенномъ имъ въ тагастъ, городъ внутренней Африки, онъ научился латинскому языку почти, безъ школы и грамматики, изъ разговоровъ съ окружающими. Изученіе же греческаго языка стоило ему наоборотъ, значительныхъ усилий и онъ добился знанія его уже инокскими трудами. Когда онъ сдѣлался епископомъ, свои проповѣди онъ всегда произносилъ на латинскомъ языкѣ и даже разъ, когда случилось ему привести пунтескую пословицу, онъ съелъ юрисконсультскіе переводы ее на латинскій языкъ, такъ какъ по его мнѣнію, далеко не все его слушатели понимали по-пунтески. Надпись, находимая далеко отъ береговъ моря, наглядно доказываетъ, что латинскій яз. проникъ въ глубь страны.

Языкъ Септиміуса, конечно, не могъ окончательно исчезнуть во времена римскаго господства, и есть указанія на то, что онъ продолжалъ существовать рядомъ съ распространениемъ латинскаго. Между прочимъ Аммианъ рассказываетъ, про одного африканскаго молодого человека, принадлежавшаго къ хорошей фамилии, который бѣжалъ среди кибичей своего населенія, постоянно говоря на пунтескомъ языкѣ, такъ что латинскій языкъ казался совершенъ, а на греческомъ нисколько не понимался. Изъ этого ясно,

что известный свой народ говорил на пуни-
скомъ языкѣ. Откуда же говорить и владетельный Ав-
густинъ, и есть также другіе свидетельства о
томъ, что и въ IV стол. и долго потомъ Герман-
скій пунический языкъ въ отдаленныхъ углахъ стра-
ны и въ низинѣхъ массавъ, который, впрочемъ, все-
таки долженъ былъ ознакомиться съ латин-
скимъ языкомъ.

Рядомъ съ латинскимъ и пуническимъ языка-
ми, которые проникли въ Африку изъ южной
краевъ, были въ великой степени продолжали
существовать туземный языкъ, болѣе древній,
именно пунический, языкъ Берберовъ или Кабиловъ,
который оказался очень живучимъ, пережили
владычество Карфагенянъ, Римлянъ, Вандаловъ,
Византийцевъ и Арабовъ и существуетъ до сей
поръ.

Другими общими замечаніями о распростра-
неніи въ Африку латинскаго языка, который
удержался здѣсь и позже, послѣ уничтоженія
Вандальскаго владычества во время Византий-
скаго періода при Иракліи, по иракхонимъ
обозрѣніи африканскихъ провинцій римской
имперіи.

III. Галлія.

Послѣ покоренія Испаніи Римлянамъ нуж-
но было установить непосредственные сухопут-
ныя сношенія между Италіею и новою провин-
ціею, другими словами подчинить своей влади
страну, лежащую между Испаніею и Италіею,
стать твердую ногу, по крайней мѣрѣ, въ юж-
ной Галліи. Препятствіе это было неважно, по-
тому что въ южной Галліи расположена была
территорія постоянно союзной съ Римомъ пре-

реской обитиной Массилии, которая, по словам Ли-
 вия, процветала подъ египт. римской дружбы.
 Но отомъ городъ, захвативъ въ свои руки всю юж-
 но-галльскую торговлю, покрывъ берега Средизем-
 ного моря множествомъ торговыхъ колоній и
 факторій (какъ Ампорию, Родъ, Антиполисъ, Ара-
 Фикей, Монике и др.), не въ силахъ былъ покорить
 или даже держать въ повиновеніи окрестные лигу-
 рійскіе или кебтскіе народы. Это обстоятель-
 ство дало Римлянамъ поводъ перенести свое ору-
 жие за Альпы, сначала какъ бы только съ цѣлью
 помогать Массилиотамъ. Въ первый разъ въ 154
 году до Р. Др. консулъ Оппидій по просьбѣ Массили-
 отовъ пошелъ въ нихъ на помощь противъ
 появившихся и въ и отнявшихъ у нихъ города
 Антипанъ и Никейо Лигуровъ. Этотъ походъ,
 окончившійся побѣдою Римлянъ, разсказанъ въ
 еписмоте Ливія. Второе внимательство Рима
 къ дѣламъ Массалиотовъ было вызвано по по-
 слѣдствіямъ: въ 125 г. консулъ М. Фульвій Флаккъ
 и его преемникъ К. Секстій Навонинъ укроти-
 ли два нападавшихъ на нихъ Лигурійскихъ пле-
 менъ, Салмудиевъ и Коконтиевъ. Но важна тутъ
 не эта дѣшево доставившаяся побѣда, а то об-
 стоятельство, что Римляне вслѣдствіе этого
 столкновенія совершенно бросили въ войну съ двумя
 сильными кебтскими народами — Амбро-
 гами и Араерниами: первые жили на южномъ
 берегу Роны въ долинахъ между Женевскимъ озе-
 ромъ второе по правому берегу ея въ южной
 Савойи. Соединенный полчища этихъ двухъ на-
 родовъ были два раза разбиты римскими воен-
 начальниками, — Квинтомъ Рабеліемъ Максимомъ и
 Кн. Домициемъ Агенобарбомъ (121 г.), и нѣтъ сомнѣ-
 ній, что нѣтъ областей образована была римская

провинция — *Provincia Narbonensis*, между Примо-
 екскими Альпами и Пиренеями, названная такъ
 по имени города *Narbo*, прежней столицы Воув-
 ковъ Тектасавовъ. Жуда при Граккахъ была вы-
 ведена римская колония, которая сдвигалась пер-
 вымъ центромъ римской власти въ Галлии. Гра-
 ница нового завоевания определяются рѣкою
 Каронною, Северномъ, Реною отъ Вьенны до Женев-
 ского озера и Альпами до Никей. Это та об-
 ласть, которая и позднее удержала название
Прованса.

Падение Гая Гракка отозвалось, конечно, и здѣсь
 установкою завоеванія и основанія городовъ; но ес-
 ли планъ его не былъ вполне реализованъ, то онъ
 всетаки не потерялъ рѣшительной нѣздачи.
 Приобретенная область и, еще болѣе, основаніе
 Нарбонной остались стоять, какъ наработки стро-
 енія, хотя и неоконченнаго, но признающаго
 будущаго преемника Гракка продолжать его
 дѣло. „Est in eadem provincia, — говоритъ Цицеронъ,
Narbo Marcius, colonia postroium civium, spe-
cula populi Romani ac propugnaculum istis ip-
sis nationibus oppositum et obiectum.“ (Pro Fon-
 teco V, 13).

Крѣпость того Римляне устроили цитадели
 (*castella*) въ *Aquae Sextiae* (нын. Aix), назван-
 ная такъ по имени консула Каиввина и то-
 готъ, на краю страны въ качествѣ форпоста
 противъ Аквитановъ. — Тотъ же Домиций Аге-
 набардъ немедленно побѣдою продолжилъ
 до Пиренейскій путь, которая была
 уже проведена по берегу Средиземнаго моря отъ
 Альповъ до Массимъ Массилиотамъ и теперь
 получила название *Via Domitia*. Такимъ обра-
 зомъ желаннаго утвержденіе непосредственнаго

пути сообщения между Уепанией и Утанеией было достигнуто. —

Впродолжение цезаряго импедовавшего заткнуть по-
мощности провинций оставалась в то же по-
ложение и римских поселений не распространя-
лись. Разъ даже во время знаменитого нашествия
Кимбровъ и теутоновъ Римлянамъ гро-
зила опасность потерять провинцию; но блестя-
щая победа Марія при Аккахъ Секстиемъ
(в 102 г. до Р. А.) отбратила и развела эту гроз-
ную, надвигавшуюся на Римъ силу. Такъ про-
должалась до Юлий Цезаря, который явился
главнымъ деятелемъ въ завоеваніи и романи-
зации Галліи.

Въ 59 г. онъ былъ назначенъ правителемъ
Иллирии и двухъ Галлій — Цизальпийской и Нар-
боннской, и предпринялъ обширный планъ по-
корения цѣлой страны между Рейномъ и Океа-
номъ съ цѣлью во-первыхъ составить изъ Гал-
ліи оплотъ для Рима отъ германскихъ вар-
варовъ, уже угрожавшихъ съ оружіемъ въ ру-
кахъ переступить плохую зашугенную римскихъ
границъ, а во-вторыхъ приобрести крѣпкій опе-
рный базисъ для своихъ собственныхъ политиче-
скихъ предприятий.

Цезарю действительно удалось покорить всю
Галлію и тѣмъ, помимо исполненія его личнаго
расчета, значительно расширить фундаментъ
римскаго государства.^(*) Началось сначала,

(*) Исторія завоеваній и управленія Нарбоннской
Галліи прекрасно изложена въ сочиненіи по-
мечкаго ученаго Герцога на латинскомъ языкѣ.
*Herzog, "Galliae Narbonensis provinciae Roma-
nae historia."*

что силы, находившиеся въ распоряжении Цезаря, недостаточны для того, чтобы подчинить обширную страну съ воинственными населеніемъ; но более блестящая, чѣмъ стойкая храбрость Галловъ разблудила о генеральномъ способностяхъ римскихъ предводителей и о безпримѣрное мужество, упорство и чуждость римскихъ легионовъ.

Юлію Цезарю принадлежатъ основаніе въ Галліи многихъ новыхъ колоній въ подчиненіи евоимъ слова: Моммсенъ утверждаетъ, что это не были колоніи ветерановъ; большая часть высланныхъ Цезаремъ легионеровъ поселилась въ Утаниі; а это были самоуправляющіяся общины, получившія только титулъ колоній. Вместе съ Нарбонного ихъ было 5 и всѣ они названы по именамъ легионовъ Цезаря, участвовавшихъ въ войнѣ:

- 1) Narbo Marcii Decumanorum;
- 2) Baeterrae Septimanorum (нын. Beziers).
- 3) Arelate Sextanorum (Arles).
- 4) Arausio Secundanorum (Orange).
- 5) Forum Julii Octavianorum (Tours).

Сверхъ того Цезарь даровалъ 10 городовъ, принадлежавшихъ отъ Масиніи, латинское право. Это были общины того же устройства, что и колоніи римскихъ гражданъ, но стояли на низшей степенно ниже, служившихъ какъ бы переходомъ къ праву полного гражданства. Ихъ число принадлежало: Nemausus (Nîmes), Cabalio (Cavaillon), Antipolis (Antibes), Avenio (Avignon), Alba Helviorum, Glaniun (Livii), Caenicensis, Anatilia, Forum Vocantii, Aquae Sextiae и др.

Августъ продолжалъ политику Цезаря уже отчасти во время триумвирата, а позднее во время пребыванія своего въ Галліи отъ 16 до 13 года

до Р. Аг. онъ организовалъ Галлии и возвелъ еще нѣскѣ
общинъ Нарбоннской провинціи въ степенъ колоній:

1) Carcasum Volcarum Festodagum или Colonia
Julia Carcabo.

2) Russino (Russignol).

3) Vienna (Vienn).

4) Valencia (Valence).

5) Aquae Sextiae (прежній городъ латинскаго права).

Затѣмъ еще другія общины были подорваны (оп-
редѣленно неясно, когда) возведены въ санъ ко-
лоній. Можно имъ назвать до девяти, которыхъ
имѣетъ городъ. имѣетъ происхожденія, сначала
пользовавшихся латинскими правами, были
наградены правами полнаго гражданства.
Назовемъ имъ нѣсь: Nemausus, Apta (Colonia
Julia Apti Vulgentium, или Apt), Tolos, Cabellio,
Dea Augusta Vocontiorum (sic), Maritima и др.

Въ Нарбоннской Галліи мы встрѣчаемъ мно-
гія достойныя вниманія особенности провинціаль-
ной жизни и муниципальной организаціи. Тутъ
мы видимъ и высшій муниципальный маги-
стратъ — сначала преторъ, а потомъ дуови-
ровъ и кватворвиловъ, и провинціальное сейми-
съ депутатами отъ разныхъ общинъ, со всею
торжественною обстановкою, характеризующею
этотъ важный органъ свободнаго самоуправле-
нія. Цѣсарь стремился привлечь въ городскіе
центры имѣющее лигурійское и кельтское насе-
леніе, которое охотно поселялось въ нихъ и при-
выкло скоро къ обыватель и формамъ римской
жизни. Въ Галліи преторе, какъ въ другихъ про-
винціяхъ помилуемъ знаменіе и августаловъ: когда
еще при жизни Августа воздвигнутъ былъ въ Нар-
боннѣ жертвенникъ въ честь его, были избраны
на одинъ годъ для богослуженія и съ цѣлью вра-

быть императору благодарность Нарбоннского на-
рода, три „scribes aerebe“ и три „libertini“. Поддѣ-
ты правильно установились и коллегия севиоровъ-
августаловъ.

Названные были города въ эпоху империи дости-
гли цвѣтущаго состоянія. Впереди всего нужно
поставить старую фокейскую колонію — Массилию,
которая съ давнихъ поръ представляла главный
фокусъ культурныхъ стремлений всей Галліи, Мас-
сильотенія монета расходящаяся далеко на стѣвѣ,
также какъ и торговля этого города, которая
распространялась и по морю и по сухому пути
до береговъ Британіи и Германіи. Эти соверши-
лысь, берега Британіи, Балтійскаго и Кель-
скаго морей, даже были описаны путешественникомъ,
считавшимся почетное мѣсто среди великихъ мореплавателей
и ученыхъ Древности, Питеемъ, жившимъ во времена
Александра Великаго. — Итара и ново составле-
ли главную приманку для этихъ далекихъ тор-
говыхъ предприятий. Торговля съ Италией существо-
вала у Массилии издавна постоянная и оживлен-
ная. Поддерживались тутъ также двѣтельные тор-
говныя сношенія съ Востокомъ: изъ Египта сюда
привозились даже и въ эпоху Меровинговъ (V и VI вв.
по Р. Хр.) папирусы. Вообще массилия была центромъ
„всѣмирной“ торговли, насколько это слово можетъ
применяться къ тому времени.

Городъ некогда пострадалъ при Цезарѣ, такъ
какъ стоялъ раньше на сторонѣ Помпея. Цезарь
отнялъ часть территории у Массильотновъ и на-
конфискованной земли основалъ настоянныя публ.
колоніи римскихъ гражданъ. Но мѣстное управленіе,
сенаatto и другія учрежденія были ей оставлены;
только высшій чиновникъ назначался отъ Рима.

И Массилия, вопреки возмущавшей со всех сторон конкуренции, оставалась в продолжение всего императорского периода городом первостепенным по торговому значению, благодаря неравненным выгодам своего положения.^(*)

Массилия славилась также высокою образованностью и ученостью нравов. Хотя она оставалась городом греческим и центром Эллинистической цивилизации, но всетаки играла известную роль в романизации края. В Массилии было много школ, которых, по словам Страбона, посещали для изучения философии, красноречия, литературы, географии, естественных наук и медицины не только все видное люди города, но и наиболее образованные или стремящиеся к образованию. Немало из соседних стран и даже Римляне и из Италии, которые предпочитали являться сюда, чтобы предаваться изучению наук, или отправлялись в той же цели в Афина. Тут между прочим воспитывался и знаменитый Агрикола, и, по словам Плутарха, пребывание в этом городе, в котором счастливо были соединены греческие ученные вкусы и провинциальная простота („*Locus Graeca comitate et provinciali parsimonia mixtus et bene compositus*“ — Agr. 4) произвел на него прекрасное

(*) „Die Rhone und ihre Seitenflüsse, — worunter Rhodanus, waren die grossen Verkehrsadern in das Innere von Gallien. Längs des flusses pulsirte ein kräftiges mit der Zeit vortschreitendes Leben. Es ist kein Zufall, dass hier Stromaufwärts von Marseille andre christliche Documente sich haufen: die grosse Verkehrsstrasse war es die der neuen Leere eben die Bahn brach; je näher am Meer, desto älter die Christliche Gemeinde. — („Die Rom. Landesk. comp. 210.

влияние. Так. обр. Массилия оставалась центром
торговой и умственной жизни во всем западном
бассейне Средиземного моря.

Довольно выдающееся значение имела и стои-
ца римской провинции — Нарво, названная при Це-
зарю „Colonia Julia Paucena Narbo Marcens Деми-
танопит“. Путь собирался провинциальный сейм,
который существовал уже при Августе. Зарев-
были „flamines provinciae Narbonensis“, в число
которых поступали граждане и других горо-
дов Нарбонской Галлии. Вообще это были города
цветущий и торговый. Находимые в долине
количество архитектурные и скульптурные ос-
татки и надписи свидетельствуют о зна-
чительности города. Сидоний Апполинарий про-
славляет нарбонские лавки, портики арки,
магазины, рынки, форум, театр и т.д.

От соседнего с Нарбонскою города Вастеррае
остатки также значительные развалины.
Можно самое можно сказать и о Немаусе. Зарев
выстроен был амфитеатр, рассчитанный
на 24,000 человек зрителей, в 133 метра длины,
с 60 входами, 4 главными воротами. Надписей
в этом городе находится очень много, и все
они языческого характера; христианские со-
вершены позже, тогда как в соседних иже-
стях они находятся в значительном ко-
личестве: это свидетельствует о том, что жител-
и города долго не принимали нового учения. —
Позднейшая столица Вестготского королевства
Толоза достигла преобладающего значения, бо-
гатства и многолюдства только в V стол.
по Р. Хр.

Из числа восточных городов Нарбонской Галлии
нужно отметить и Арелате, расположенный в

нижнему течению Роны, который был в широкой
размрости морской и сухопутной торговли со
всими странами Востока и Запада и явился
счастливым соперником Массилии, с которого
непосредственно был соединен каналом Марс
[в миль длины]. Город это был богатый, укра-
шенный роскошными зданиями. Жак напри-
до сих пор сохранились остатки амфитеатра
на 25000 мест, цирка и величественных са-
рафов. Здесь же найдена гудная статуя Аре-
латской Венеры, которая находится теперь в
Луврском музее. Авзоний называет Арелате
„маленьким галльским Римом“ (*Gallula Ro-
ma Arclate*). В заключение писания первостепен-
ных центров римской жизни в Нарбоннской
Галлии назовем прекрасную Вьенну. Город этот
при Августе был окружен стеною. Импера-
тор Клавдий называл его „*ornatissima colonia
valentissimaque*“, позднее марциан — „*pulchra Vien-
na*“. Позднее Вьенна была наградена италий-
скими правами и считалась главным местом
представления галльской славы. — Многочисленный
и величественный здания украшали город: огром-
ный водопровод, обширный амфитеатр, при
котором был зрительный с амфилоного крыша,
театр, моваика и т. д. от всего этого остались
многочисленные развалины. В течение време-
ни богатство и процветание города все увеличи-
валось, и Вьенна выказывала притязания на пер-
венство среди городов Галлии, соперничала с ма-
леньким Галльским Римом.

Названные нами пункты были богатыми, си-
льными и цветущими городскими республика-
ми, но и кроме них существовало в Нарбоннской
провинции много и других значительных общин

римского образа, который все свидетельства о нем показывают римской культуры и культуры распространения римского божества и правды в провинции, что тем более естественно потому, что Галлия, по естественному свидетельству авторов, очень легко подчинилась римскому влиянию:

"Galli, - говорят Цезарь, - summae genus solertiae atque ad omnia imitanda et efficienda, quae ab quodque traduntur artissimum" (B. G. VII, 22). Также что Цицерон в речи за Помпея говорит:

"Plena Gallia civium Romanorum est. Nemo Gallorum sine cive Romano quidquam negotii gerit." А Плутарх утверждает, что Карбоненская Галлия не была отлучена от Италии ("Italia verius quam provincia"). Карбоненская провинция была Римской империи в числе писателей - грамматиков, ораторов, историков и поэтов, писавших в свое время больше или меньше известности, и являвшихся живыми примерами романизации их страны. -

Первая только что описанная галльская область, подчинившаяся римской власти, Provincia Narbonensis (Provence) была, как видите, быстро романизована и покрыта значительным числом городов римского устройства. Остальная часть Галлии, так называвшаяся Gallia Comata, была завоевана Цезарем в то время как он был назначен проконсулом Цизальпийской Галлии, Карбоненской провинции и Умбрики. Война Цезаря с Галлами продолжалась от 59 до 51 г. О характере завоевания мы говорить не будем - оно хорошо известно из рассказов самого же Цезаря; скажем только, что дело решено было в самый первый год войны. Уже в 58 г. Цезарь достиг до

Рейна, прогнавъ назадъ въдржавшихъ было вынуждено
 ся на западъ утѣхивъ племенъ Гельветовъ, перво-
 начально жившихъ въ Швейцаріи и разбивъ и от-
 бросивъ за Рейнъ германскаго вождя, Ариовиста,
 покорившаго по некоторымъ кельтическимъ племенамъ на
 лѣвѣмъ берегу Рейна и основавшаго германское
 господство на покровъ Галліи. Такъ обр. Цезарь до-
 двинулся на немалую эпоху завоеваніе Галліи
 Германцами, тогдашнюю до такого времени,
 когда Галліи были еще народомъ цивилизован-
 нымъ, когда они скоро овладѣли сами поддѣли-
 тельны, сами подчинили грубыхъ варварскіхъ пле-
 менъ завоевателемъ своему цивилизованному дуров-
 ному величію. Часть германскихъ дружинъ по-
 сѣлъ пограбля, нанесеннаго имъ Цезаремъ, обра-
 зилъ, правда, на лѣвѣмъ берегу Рейна, но уже въ
 видѣ римскихъ союзниковъ, въ видѣ оплота
 Галліи отъ другихъ германскихъ варварскихъ на-
 шествій.

Въ слѣдующіе годы совершенно было покореніе въ-
 верной Галліи, которая, хотя и выставила про-
 тивъ Цезаря громадное 300-тысячное войско, но
 не могла въ послѣдствіи разобщенности отдѣльных
 дружинъ, оказать сколько и упорнаго сопротив-
 ленія римскимъ легионамъ. Далонійская война
 представляла борьбу противъ возставшихъ
 отгонныхъ галльскихъ племенъ. Цезарь подав-
 лялъ восстанія жестоко, преслѣдуя свое заво-
 вательное дѣло съ неволевыми и самообла-
 даемостью и неограниченною энергіею. Собственный раз-
 сказъ его о неспокоествѣ, который ему пришлось
 совершать на каждомъ шагѣ, холоденъ и
 безстрастенъ. Такъ напр. посылъ усиленія Вена-
 товъ, которые были душою одного изъ восстаній,
 все войско было безпачастно казнено а остав-

ная часть народа продана въ рабство и Цезарь въ двухъ словахъ совершенно безучастно говоритъ объ этомъ: „Omni senatu necato, Caesar reliquos sub
 ехонат vendidit.“ А число этихъ „reliqui“ было, во-
 роятно, не менее 50,000. Еще съ бѣгстве страшного
 жестокаго дѣйствовалъ Цезарь при подавленіи
 ограбнаго восстания 53 и 52 г., истребнаго воз-
 станія Верцингеторикса, когда изъ 40000 человекъ,
 составлявшихъ население Аварики осталось въ
 живыхъ всего всѣхъ города Цезарей и бѣгстве,
 какъ человекъ 800.

Изъ трехъ миллионовъ въраснаго населенія
 иудейскаго племени, которое спускалось съ Цеза-
 рей въ при нашествіи похода, всего покоренія Галліи
 какъ предполагалось новые истребители, одна
 миллионъ погибъ, другой проданъ въ рабство и
 третій только остался жить на родной почвѣ.
 Борьба была кровавая, жестокая, безпощад-
 ная, но развѣ достигнувъ предначертанной и твер-
 дой рукой преслѣдовавшейся иль цѣли, Цезарь
 смягчился, послѣднимъ оружіемъ и ставъ проводить
 начала мирной политики и кувшурной рома-
 низаціи края. Но онъ успѣвъ провести эту вто-
 рую часть своего плана широкаго подчиненія
 Галліи Риму только въ Нарбоннской провинціи.
 Цезарь видѣвъ, что обладаніе Галліею, хотя бы
 только и въ военномъ отношеніи еще не обеспе-
 чено: для прочнаго утвержденія въ этой странѣ
 нужно было подчинить и Британію — старое и
 здо кельтской націи, гдѣ Галлы находили удоб-
 ные послѣ побѣдъ и отсюда приходили къ
 нимъ новыя силы для борьбы съ Римомъ. И Цезарь,
 какъ увидѣвъ нислѣ, действительно предприни-
 малъ туда нѣсколько походовъ.

Съ другой стороны Цезарь обратилъ вниманіе

и на Рейнъ. Мало, даже и по сю сторону реки
сидящи германскія племена, которыхъ находились
въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дружинами, живущи-
ми на правый берегу Германіи. Со времени
нашествія Аминовъ и Тевтоновъ Римляне уже
понимали, какого опасностію могутъ угрожать
имъ Германцы: река Рейнъ должна была быть за-
щитною на Рейнъ, Италию въ Галліи и въ Бр-
танніи съ охранявшими. Скоро смерть настигла
Цезаря, исполнивъ геніальный, широкій планъ,
ишь задуманный, но его ревностно стали преем-
ствовать Августъ. При первомъ императорѣ воз-
никло даже стремленіе раздвинуть границы им-
періи даже на востокъ и обработать нѣхъ Фран-
конскую Рейна и двѣхъ обширныхъ провинцій
Германіи. Начало этой организаціи было поло-
жено, устроена юрисдикція на римскій образецъ
въ городѣ Ульмъ (Кельнъ), поставлены тамъ офицер-
ники въ чистъ Августа, какъ и въ другихъ заве-
данныхъ городкахъ. Но страшное пораженіе войскъ
Квинтилия Вара въ Мелтобургскихъ степяхъ, ко-
гда уничтожено было три римскіе легіона, по-
ложило конецъ замысламъ Августа. Римляне
должны были удовлетвориться удержаніемъ за-
собой линии Рейна и Августъ, умирая, завѣщая
своему наслѣднику, никогда не переступать есес-
твенной границы, образуемой этою рекою.
„Mare Oceano, — говорятъ тацитъ, — aut omnibus lon-
gioribus sacrum imperium (Ann. I, 9). — Augustus
adducat consilium saccesendi inter terminos impe-
rii, insertum metu an invidia“ (ibid. 11). Какъ реко-
мандовалъ несогласовавший императору, тацитъ объ-
ясняетъ этотъ предельный советъ Августа
тиберію дурными побужденіями — либо страхомъ,
либо завистью, боявшегося того, что подвиги его преем-

ника превзойдутъ его собственные: частая мобилировка государственныхъ ищущъ психологическими побужденіями — вообще сходная сторона великаго историка древности.

Отъ того поръ на Рейнъ была расквартирована огромная римская армія, состоявшая изъ 8 легионовъ со множествами вспомогательныхъ войскъ, всего въ общей численности до 100000 челов.: наибольшее, по мнѣнію Гибнера, число военныхъ силъ, которое когда-либо ни было мобилировано Римомъ и вообще государства древняго міра. Весь этотъ войска составилъ огромный корпусъ и въ организаціи его принята была военно-окружная система. Весь корпусъ раздѣленъ былъ на части и главнѣйшимъ образомъ каждый изъ нихъ въ своемъ вѣдѣніи извѣщалъ о территории; это было нечто въ родѣ постояннаго осаднаго помѣщенія, военного генералъ-губернаторства. Когда командование поручалось кому-нибудь изъ принцевъ императорскаго дома, то на нихъ также возлагалась и судебная власть.

Организацію свою Галлія получила отъ Августа. Сначала она всю Галлію удержала въ своихъ рукахъ, потомъ отдала Нарбоннскую провинцію въ управленіе сенату, но оставилъ за собою ту часть Галліи, которая завоевана была Цезаремъ. И эта часть Галліи считалась какъ въ военномъ, такъ и въ административномъ отношеніи наиболѣе важнымъ провинціей имперіи, а наместникъ провинціи, по большей части принцъ крови (Агриппа 28-19 до Р. Хр., Брутъ 13-9 до Р. Хр., Тиберій въ 16 и потомъ 9-7 до Р. Хр., Германикъ 13-11 по Р. Хр.) занималъ первое мѣсто въ іерархіи высшихъ административныхъ сановниковъ.

Тиберій по волеи Цезаря уничтожилъ долж-

насть адцаго мавнокомандующаго Галлии и раз-
дѣливъ ее на три провинціи:

1) Lugdunensis — страна между *Ligeris*, *Sequana* и *Arauris* (Саоны).

2) Aquitania — пространство земли между Пиренеями, Гаронною и Сивеннами, первоначально насе-
ленное Ибрами. Сюда же приписаны и кельтско-
скихъ племень, жившихъ между Гаронною и Луарою.
это была административно-политическая мера
для того, чтобы унифицировать племенное единство
населеніи провинцій и темъ тверже утвердить ее
за Риманъ.

3) Belgica, простиравшаяся на западъ до Сены и Со-
ны, на северъ до Немецкаго моря; а съ восточной сто-
роны граничившая съ Рейнанъ отъ устья до Боден-
скаго озера. Къ этой провинціи, населенной Бельга-
ми (Кельтская страна) опять съ видавъ раздѣле-
ніи племень, приписаны были по некоторымъ кельт-
скимъ племенамъ — *Lingones*, *Sequani*, *Raurici*, *Hel-
vetii*, жившие между Сеною и Рейнанъ.

Можно также раздѣлено было и финансовое у-
равненіе; назначено два прокуратора — одинъ для
Бельгии, другой для Аквитаніи и Лугдунской, и
для каждой изъ этихъ частей введено особое на-
именіе.

Рейнская военная граница получила двухъ выс-
шихъ военачальниковъ и раздѣлена была на
два военные округа съ территориями, называвшиеся
Germania Superior и *Inferior*. Названіе *Germania*
только наименовано племя Августомъ, на самомъ
же дѣлѣ эти два военные округа были частями
Галлии. Проектированная же провинція *Germania*
названа *in partibus infidelium*, се надъ было еще по-
корить; эти два военные округа представляли толь-
ко фундаментъ предполагаемаго сооруженія и на-

три ширившейся въ виду организаціи, это была „provincia“ въ широкомъ смысле слова, въ значеніи — „область, поле дѣйствій и кругъ компетентности публичнаго лица“. — Нагаловники въѣхавъ Германію имѣли и судебную власть, какъ командующіе войсками въ странѣ, находящейся на военномъ помѣщеніи, и наместники велики отнюдь не могли вмешиваться въ ихъ дѣла. Но объ Германіи мы знаемъ въ источникахъ прокуратора велики. Это было въ дѣлѣ императорской администраціи, чтобы старшіи по суровѣ римскихъ находились подъ надзоромъ младшаго и доносилъ ему благосклонно принимавшемъ тогда въ Римѣ при дворѣ Мисеріе. Съ теченіемъ времени произошли перемѣны въ организаціи новаго галльскаго провинцій. При Домицианѣ задумано было завоѣваніе Августомъ о сохраненіи естественныхъ границъ имперіи — занята была обширная территорія на правобережьи Рейна и дано было так. обр. конкретное содѣяніе абстрактному понятію Германскаго провинцій.

Завоеванныя земли были присоединены къ предмѣстію бывш. Германіи и къ ней составлена одна самостоятельная провинція съ своимъ наместникомъ во главѣ. Въ так. помѣщеніи она оставалась и позднѣе; во II вѣкѣ Германія занимала небольшой кусокъ земли на лѣвомъ берегу Рейна, а главн. масса лежала по правую сторону этой рѣки.

Въ изходѣ III вѣка. Деклетианъ, какъ известно, отдалъ Упанію, Британію и Галлію подѣлу управленія „Цезарі“ Констанція Кора. Галлія сдѣлалась главн. страшною его наместничества и была раздѣлена на два *dioceses*: 1) *Diocesis Galliarum* съ 10 провинціями и 2) *Diocesis Viennensis* съ 7 провинціями. Вотъ въ краткихъ чертахъ общія черты вѣковой исторіи Галліи въ римское время.

Съ самаго начала завоеванія римское прави-
тельство пустило въ ходъ въ Галлии цѣлый рядъ
мѣръ, которыя должны были способствовать ро-
манизаціи страны и ассимилированью мест-
наго населенія Римлянами, ихъ культуру, нравы
и языкъ. Мѣры эти принимались здѣсь въ обществѣ Га-
лііи же, какъ и въ другихъ провинціяхъ, ранѣе
присоединенныхъ къ имперіи. Во-первыхъ основа-
вались колоніи. Мы уже видимъ, что Цезарь съ
самаго начала основалъ въ Кардоннакской провин-
ціи 5 колоній. Ему же принадлежалъ основаніе
колоніи Noviodunum (Нюн) въ подлѣжной Луг-
дунской Галліи, названной Colonia Julia Eque-
stris. Мотивомъ же послѣ его смерти возникла въ
восточной колоніи Augusta и вскоре потомъ
Augusta Rauricorum (нын. Аугентъ близъ Базеля),
колоніи Августа. При Клавдіи данъ былъ ти-
тулъ колоній италокалькимъ городамъ по Рейну.
При одномъ изъ императоровъ дома Флавіевъ
возникъ Aventicum въ нын. французской Швей-
царіи.

Далѣе во-вторыхъ Римляне не ограничивавъ
въ Галліи возникшіе покоренныя страны; они
стремились привлечь на свою сторону интересы
значительнаго класса туземнаго населенія, награж-
дая ихъ привилегіями, раздавая имъ цѣло
права римскаго гражданства. Начало этой
системы положено было еще Цезаремъ. Къ бѣд-
ному неудовольствію римской родовой аристо-
кратіи, онъ подарилъ правды гражданства цѣ-
лый племя — Alando; весь составленъ изъ Галловъ
и туземцевъ, а некоторые Галловъ, вопре-
ки всему предвѣдѣли и противоречили
доблѣ въ самъ римскій сенаторовъ. Поднялась
буря снова и послѣ дождя сарматовъ въ Римъ.

На улицах раскидывались листки пахого сатириче-
ского содержания, в которых новоназначенные се-
наторы будто бы с презрением указывали на до-
рогу в сенат, а столичная чернь преследовала
их насмешливыми деуфунциями.

*Gallus Caesar in triumphum ducit idem in ci-
viam*

*Galli strabas deprecuerunt latum clavum sum-
pserunt*

Но это не подкупляло. Август продолжал
щедро раздавать Галлам права гражданства,
хотя и с некоторыми ограничениями. На основе
того, что многие галльские франции приобре-
ли себе родовое имя Юлиев, и что это имя по-
стоянно находилось на находившихся монарх
галльских князей, можно заключить, что многие
галлы обладали теми правами гражданства
которыми обладали императоры рода Юли-
я и Августа. Клавдий напр. даровал Аулия
Юли Клодий. так что они получили полное
право вступать в сенат, стали называть себя
братями Римлянов и даже высказывали при-
тязания на происхождение от Троянцев. Дру-
гие народы Галлии получили также эти права
от императоров, быстро сменявшихся друг
за другом после смерти Нерона и уже в I в.
империи мы встречаем имена многих Галлов
(из Нарбоннской провинции), как государствен-
ных деятелей, занимавших высокие гражданские
и военные посты. При Августе Галлу Лициний
важноуполномоченнику Юлиана было поручено управ-
ление Галлией. В исполнении этой обязанности
он прославился отчаянием и жестокостью и
приобрел ненависть населения. Впоследствии он
должен был возвратиться награжденный сокрови-

ща, но пословица — „Богатъ, какъ Луциній“, про-
должала ходить въ народъ. — Во время Тибериевъ
известенъ Юлій Африканъ, изъ города Сантона,
каменный, какъ сторонникъ заговора Сяна и
Валерій Абиатикъ изъ Вьенны, который два ра-
за былъ консуломъ, виновникъ низвержений и смер-
ти Камиллуса. Во время царствования Клавдія
онъ погубилъ жертвою алчности и корыстолюбія
Мессалину, которая неприменно хотѣла обла-
дать принадлежавшими ему садами Луккума.
Затѣмъ назовемъ К. Юлія Вандекса, бывшаго
пропреторомъ Лугдунской Галліи, который былъ
главнымъ зачинщикомъ восстания противъ Ге-
рона въ Галліи. Впрочемъ, подготовилъ восста-
ніе, онъ преследовалъ не національно-галльскій
вопросъ, а стремился къ перевороту въ Римѣ въ
республиканскомъ духѣ, поддерживать сенат-
скую партію, и въ этомъ смысле Моммсенъ на-
зываетъ восстание Вандекса „последнимъ воз-
станіемъ за римскую республику“.

Къ названнымъ только что именамъ Галловъ,
известнымъ такъ или иначе на попріиъ поли-
тической жизни, можно прибавить еще имена
консула Юлиуса Вониса изъ Вьенны, жившаго
при Оттонѣ, Антонина Тримма изъ Мавры,
сенатора и командира 4 легіона при Веспасіанѣ,
знаменитаго вождя восстания Валдовъ Клавдія
Цивилиса, который былъ римскимъ грабдани-
номъ и префектомъ когорты и многихъ дружинъ.

Такъ что не пустою формою является приво-
димый у Тацита слова римскаго полководца
Петилія Церіалиса въ его обвинительной рѣчи
къ обвинявшимся Преверамъ и Антонинамъ: „*Ip-
si plerumque legionibus nostris praesidebatis, — ро-
риво онъ, ipsi has aliasque provincias dedistis;*

nehil separatim clausumve" (Hist. IV, 74). Документально Галлы имели такие же права, что и римские граждане.

Наконец третьего сорта происхождение Галлов к римской культуре сущна организация галльских племен в кланы по римскому образцу. Во время принципата Августа в Нарбоннской провинции римская муниципальная организация окончательно утвердилась, а во время Галльской войны, еще совершался переход от родового, общинного, селского строя к городскому быту: родовая власть, родовые суды, старшины обращались в декуріонов и поселились в главных пунктах, которые обращались в города, где они составляли уже истинную городскую аристократию (*ordo decurionum*). Город представлял как бы экстракт населения области, племен, клана и потому на него переносилось название самого племени, народа. Так обр. римские названия главных пунктов местности происходили из памяти, забывались, а названия самих племен, перенесенных на перенесший в римскую эпоху преобладающий характер города сохранились в течении долгих веков — что можно найти у Цезаря, Аппиана и Атоллия и узнать в названиях галльских епископских городов в V в. по Р. Хр. Так напр. из римского названия *Augusta Treverorum* сохранилась только вторая часть, обозначение народа *Treveri* — или *Trier*. Далее — из *Durocororum Remorum* сохранилась *Remi* = *Reims*. Из *Intercia Parisiorum* — *Parisii* = *Paris*. Из *Divona Cadurcorum* — *Cadurci* = *Cahors*. Из *Augustoretum Limovicum* — *Limovices* = *Limoges* и т. д.

Во других, впрочем, случаях, когда на террито-

рии одного преисного племенного союза основывалось
даже или несколько городских общин, то название
народов исчезало и на его месте возникало мно-
жество новых названий городов. Главн. на терри-
тории Civitas Aeduanorum возникли два города — Cast-
ra Cabillonense и Castra Maticonense, название ко-
торых и сохранилось в именях городов Chalon-
sur-Maine и Macon, а слово Aedui пропало. В
части Карнутов возникло также два города —
Генавит поздн. Aureliani, имя которого узнает-
ся в нынешнем Orbans, и Carnotum нын. Char-
tres.

Во времена Августа число самостоятельных
городских центров, выславших представи-
телей на общ. провинциальной сейм, в трех
Галлиях простиралось до 64, из них 11 выпада-
ло на долю Аквитании, 25 на долю Лугдунской
провинции и 28 на долю Бельгии.

Особенно выдающееся значение в ряду этих
общин занял Лugdунум (Лyon), который быстро
возвысился до степени первого города Галлии. Он
основан был в 44 г. до Р. Хр. известными леги-
онами Цезаря, Мунацием Планком и от него
получил устройство римской муниципии со
широкими самоуправлением. Сенат, желая
удалить этого опасного человека из Рима, дал
ему поручение основать колонию в Галлии, и но-
вый город был основан на отнятой у Амбро-
гов территории — город Виекны. Слово Лugdунум
по кельтски значит „земля воронов“, и на этом
названии построена была позднейшая сага о про-
исхождении этого города.⁽²⁾ Лугдунцы сдвинулись

(2) В этой саге указывается, что изгнанные из
родной земли два князя — Маторис и Астеромарис

централь римского владычества и влияния во Сал-
лии. Салут Августу провел здесь несколько лет
(от 16 до 13 г. до Р. Лр.), тогда окончательно привести
в порядок организацию новой обширной террито-
рии, завоеванной обоготворенными родоначальни-
ками его династии. Также и императорские прин-
цы, назначавшиеся постоянно мажоркамандую-
щими во Саллию, имели обыкновенно здесь свою
резиденцию. И вот 1го Августа 12 г. до Р. Лр. Август,
насылок первого императора, собрал здесь всех
представителей саллийских общин и на том
месте, где тиза впада в Соны соединяется со
быстрыми, изурядно-земными потоками
Роны, на длинной Береговой косе, образуемой при
слиянии двух рек, воздвиг в честь соимен-
ный алтарь во честь Рима и Августа. Вскоре по-
томъ тутъ построено было храмо для покло-
нения итихъ дахъ наиболее популярный во
провинции божеество. Император Клавдий, ко-
торый родился во Лугдуну, почти родной го-
родъ особыми привилегиями. Почетное
значение города основывалось на томъ, что тамъ
находился храмъ во честь Рима и Августа и что
около него въ день основанія храма собирался
провинциальный сеймъ Гресъ Саллий. Благодаря
этой обстоятельству в настоящее время около Ли-
на находится масса надписей, между прочимъ
отсылающих болшой обломок мрамора во дахъ

прибыли разъ во эту ижесть и, увидевъ огражденно
стало король, вдругъ показавшись во воздухе, прише-
ли это на посланное богамъ король предназначения
и ртиии основать здесь городъ. На поданный меда-
ляхъ и монетахъ Лугдунскихъ ли посланно видный изо-
бражение ииъ города со скипетромъ и рогомъ изоби-
лиа во рукахъ и съ корономъ у ногъ.

сохранившихся отъ надписи буквами — Р и Q, который и помошь ученымъ определить место, гдѣ находился храмъ.

При храмѣ состоялъ всегда избранный на одинъ годъ изъ среды аристократіи шестидесяти членовъ галльскихъ *civitates*, участвовавшихъ въ его построении, верховный судья; подъ его председательствомъ собирався провинціальный сеймъ, на которомъ обсуждались все важнѣйшіе религиозныя и общественныя дѣла провинцій: выбирался верховный судья на следующий годъ, производилась храмовая общественная касса, устанавливался бюджетъ на содержание храма, выбирались депутаты къ императору, определялись налоги и т. д.

Узкая полоса земли между двумя рѣками, гдѣ расположено было храмъ, вся была занята храмовыми зданіями и площадями, богато украшенными статуями и гробницами представляла собою красивое и величавое зрѣлище. Есть нѣсколько сочиненій, посвященныхъ спеціально описанію Храма Рима и Августа въ Лионѣ и изреченію найденныхъ тамъ надписей; назовемъ изъ нихъ три:

- 1) De Boissieu. „Inscriptions antiques de Lyon“: —
- 2) Aug. Bernard. „Le temple d'Auguste et la nationalité gauloise“: —
- 3) Hirschfeld. „Lyon in der Römerzeit“ (недавно вышла).

Изъ надписей видно, что верховные жрецы избирались ежегодно то изъ одного государства, то изъ другого, такъ что граждане каждаго изъ нихъ имели доступъ къ этой высокой должности. На основаніи надписей можно было составить списокъ жрецовъ въ хронологическомъ порядкѣ. Первыми избранъ былъ въ жрецы Джуль К. Юлий

Верександаридубий, носивший, какъ видите, уже два
 пасто римскихъ имени. О немъ говорится въ 139 эпи-
 томе Ливия: „Ara Caesari ad confluentem Araris et
 Rhodani dedicata, sacerdoti creato Q. Julio Veresonda-
 ridubio Aeduo.“ — Въ другихъ надписяхъ упоминается
 ее имени жрецовъ изъ многихъ другихъ civitates
 трехъ Галлий. Это свидетельствуетъ о полномъ
 преклонении Галлии передъ римскими владыками,
 передъ подавляющею идеею всевышней империи
 и ее верховной власти. Каждый годъ въ первый
 числа Августа знатные галлы, представители
 црства туземнаго общества, курии омичахъ
 на алтарь Рима и Августа, а именитые боги
 и прежде величавые друиды оставались въ пре-
 небреженіи и забвеніи.

Приведемъ еще одну любопытную надпись,
 найденную на 95 стр. сборника Брандэ:

Marco Lusterio Lusterii Seneciani filio Leoni om-
 nibus honoribus in patria functo, sacerdoti arae
 Augusti inter confluentes Araris et Rhodani
 civitas Cadurcorum ob merita eius publice posuit.“
 (Cadurci = Quercy).

Она интересна потому, что Луктерій изъ ме-
 нии кадурковъ упоминается у Цезаря (B. G. VIII, 32),
 какъ одинъ изъ главныхъ враговъ Римлянъ во вре-
 мя второго восстанія Галловъ, какъ „аuctor no-
 vocum consiliorum“. А по тому что приведен-
 ной надписи потомъ^{ств} этого Луктерія, энергичнаго
 предводителя восстанія противъ Римлянъ, явля-
 ется уже вѣрными подданными Римлянъ и ма-
 лова культа императора. Примечъ его галльское
 имя уже обратилось въ прозвище, настоящее же
 имя его уже римское: Marcus Lusterius. И изъ дру-
 гихъ надписей видно, какъ въ Галлии подъ римскими
 владыками исчезаютъ имена местныхъ франклинъ.

Въ первомъ показаніи сохраненная еще галльская имена, во второмъ они остаются въ едн. прозвнѣ, а въ главнѣйшій отъ нихъ не остается никакого следа; они снова въ самомъ своемъ римскомъ (?)

Уматъ нѣ надписей ясною формулѣ црмвѣ редѣ именъ иереевъ (sacerdotes trium provinci-
arum Galliarum ad templum Romae et Augusti
ad confluentes Araris et Rhodani), причѣмъ къ кафе-
дрѣ имени непрерывно прибавлена муниципалъ-
саксонка, что это были люди въ высшей степени
судной, саксонскій... omnibus honoribus functus.

Всѣ организационныя Ломбардскаго провинціална-
го иппа и кувѣта Рима и Августа была, такъ
скажемъ, сопр. де маэстр. римскаго управления. Въ
то время какъ лучшіе люди галльскаго общества,
восбужденные честолюбіемъ, широкимъ талантомъ
талантливости вѣрнѣ Ломбардскаго храма и добива-
лись поочередно достоинства верховнаго иерея,
друидизму наносился смертельный ударъ. Друи-
ды всегда стояли во главѣ восстаний — Римъ нѣрѣ-
но было нѣхъ укрѣпить. И вотъ теперь великіе
забиты, преследуемы и разлагавшіе друи-
ды въ своихъ своихъ послѣдніе годы. Какъ Char-
tres были центрами друидизма, такъ Lyon

(*) Ср. надпись, найденную въ Saintes (Mediolanum
Santonum):

C. Iulius C. Iuli Otacurini f. Rufus C. Iuli Sedemo-
nis nepos Epistherovidi pron. sacerdos Romae et Au-
gusti ad aram, quae est ad confluentem praefectus
fabrum D. — Зарѣе время показаній:

1) Epistherovides — до завоеванія или еще до ареста его.

2) Caius Iulius Sedemon

3) Caius Iulius Otacurinus.

4. Caius Iulius Rufus.

„Кажется, эти же слова заимствует Шерри своего
 етатью, что с того дня, как рабство, дитя воспримен-
 ного вторично, вступило в первый раз в страну,
 которая носит теперь имя Француз, было предопре-
 длено выше, что это рабство не должно было до-
 лже и оставить, что изгнанное под одной формой,
 оно должно было возродиться под другой, и, изменив
 внешний вид без того, чтобы изменить свою сущ-
 ность, остаться на своем месте — на земном времени
 и пространстве. После господства завоевателей — Римлян
 явилось господство завоевателей — Франков, затем
 неограниченная монархия, затем неограниченное
 господство республиканских законов, после того не-
 ограниченная власть Империи, наконец пять лет
 исключительного порядка вещей при конституцион-
 ной партии. Уже двадцать веков прошло с того вре-
 мени как когда-то завоеватели заперты были на на-
 шей почве; эти когда-то не исчезли; токмо они попира-
 ли иль ногами, но не ступили; кровь римская — омы-
 вала иль, но не смывала. Швейцария же подобной суровой
 природа создала этот прекрасный край, который и
 краснеть столько земли, ободяются столько сил
 и обнимают небо — такое ясно?“

Положение Галло-Римлян после завоевания
 выясняется из постановлений едического права.
 Римлянин, свободный и possessor (т.е. обладающий по-
 земельной собственностью), приравнивается к свободному,
 Герману же всякого низшего состояния, — батраку, обя-
 занному обрабатывать землю военного класса. Но
 текст законов — чертвая буква; ничто не объясняет
 сущности понимания прошлого, как сравнение с тем же
 что современность может представить аналогич-
 ного.

„Вспомните, говорит Мьерри, положение Греции под властью Турок, соберите в своем уме все, что вы читали или слышали о рабах и франкистам, о состоянии греческого народа, и о том славянстве, которое Турки возвышали, чуждая нам давности: нам я очень сижу, и мы после того, как вы разсмотрите эту картину грубого насилия, всеобщего унижения, постоянного угнетения, направленного к тому, чтобы выйти во что бы то ни стало из простого класса покоренных, нечто живое и редкое представит вам при простых словах: Romanus possessor, Romanus tributarius, Romanus-eopiviz regis. Вы поймете, сколько различных форм могло принимать порабощение Греческого народа под властью варваров. Больше того, не смотря на разность времени и на разную расу и положение, не только материальное состояние покоренных в древней Греции и в современной Греции, но и их нравственное настроение представляет поразительную аналогию. В рассказе Григория Турецкого можно отыскать не только ежедневные страдания бедных рабов, приписываемых, ограбленных, вывозимых по окладу, но и другое товарищество изгоев, преданных судьбе завоевателей, эту безответственность франкистов, такую безпринципную, что и можно бы принять за род отчаяния (*Lettres sur l'histoire de France*. 1836. см. особенно *Lettres VII et VIII*, „Sur l'état des Grecs après la conquête“).

Взгляды Мьерри заканчиваются в сего времени данью превеличия: он забывает, что эти насильно почти такие частью исхожены и от Рима. Он забывает, что Греки под властью Ту-

эрою постоянно оставались рабами, которых иль
господа только из особой милости даровали жизни.
смиренду твою какъ здѣсь чрезъ нѣсколько столѣтій
завоеватели твоими себѣ образованность и языкъ
покоренныхъ, и что это должно привести къ неизбѣж-
ному заключенію о громадной разницѣ смиренду обо-
ими происхожденіями. Въ теченіи своего изложенія
онъ еще себѣ противорѣчитъ, когда говоритъ, что
таинная Галлія, не смотря на долгое соединеніе
съ Франкскими Государствами, чрезъ пять сто-
лѣтій послѣ завоеванія не потеряла еще окон-
чательно ни своихъ доблестей, ни моды къ и-
скуствамъ.

Свой взглядъ Шерри представляетъ так-
имъ въ связности, — чудотворительно разказать, въ
своихъ Разказахъ изъ вѣснхъ Меровинговъ ("Recits
des temps Mérovingiens" 1840). Въ Размышленіяхъ
о Французской Исторіи ("Considerations sur l'His-
toire de France"), которыя онъ предпосылаетъ о-
тнхъ разказахъ, онъ свидѣтъ за развитіемъ
французской исторической науки, начиная ея съ
мало Возрожденія, при чемъ главное вниманіе
обращаетъ на занимающій насъ вопросъ.

Спускаемъ друія новѣйшія сочиненія, вы-
шумяеишъ только о белепящемъ, помучившемъ
большую извѣстность, сочиненіи Юстель-де Ку-
манова : Исторія политическихъ учрежденій
древней Франціи ("Fustel de Coulanges : Histoire des
institutions politiques de l'ancienne France. I.
L'Empire Romain. — Les Germains. — La Royauté mé-
rovingienne. 1875. 2 изд. II. Продолженіе : "Les origines
du régime féodal" в Revue des deux mondes. 15 mai
73 и 1 août 74). Сочиненіи Юстель-де Куманова то-

— является векторъ посылъ франко-прусской войны 71г., когда національныя антипатии нѣмцевъ и французовъ обилились съ новой силой. Вѣроятно, что эти антипатии отразились также и на его взглядахъ.

Въ противоположность Шерри, Гюстель де Куэнъ отрицаетъ всякое участие наеміе въ созданіи общественнаго строя, каковъ онъ былъ во Франціи до 89г. „Наши старинныя учрежденія, говоритъ онъ въ предисловіи къ своему сочиненію, кажутся намъ съ первозвиза естественными, неестественными, насильственными. Они противорѣчатъ нашему строю мысли, нашему праву, и невольно наводятъ современнаго человѣка на мысль, что возникли наперекоръ праву и разуму, какъ какое-то уклоненіе отъ правильнаго и естественнаго хода народнаго развитія. Отсюда вѣсело слѣдуетъ заключеніе, что нашъ строй созданъ силой грубыхъ силъ, что онъ вызванъ на свѣтъ страшнымъ переворотомъ. Но внимательное изученіе современныхъ истопниковъ притомъ насъ къ иному взгляду. Намъ теперь кажется, что эти учрежденія созданы медленно, постепенно, правильно и вовсе не представляли собой порока естественнаго процессу, или дикаго насилія. Они вовсе не противорѣчили человѣческой природѣ, потому что въ нихъ совмѣстились съ нравами и законами, съ истинными интересами и складомъ быта и нравовъ, которыми управлялись. Они родились изъ общаго строя тогдашней жизни, и наеміе играло весьма незначительную роль въ ихъ созданіи.“

Нормы стараго порядка, по его мнѣнію, гораздо древнѣ германскаго завоеванія. Они были въ римской имперіи, идеями и формами которой Франція про-

= иная пяти стихов. Софийский строй, господствовавший во Франции до революции, гораздо старше феодализма. Гюстель-де Куланж старается открыть во римской империи зародыши той общественной типологии, которые до сих пор считаются продуктами германского завоевания. Аристократия ее происхождения и имущественные влияния, помещичий быт, крепостные отношения, — все это встречается на полях Галлии гораздо раньше, чем на ней появились Германцы. Германское завоевание Гюстель-де Куланж совершенно отрицает. Это дает повод одному немецкому писателю назвать его, «современный возрожденный Дюбо» („Fustel de Coulanges ist eine förmliche Wiedergeburt Dubó's“). Новейшие историки поражают, замечает Куланж, какими образами Галлы не отразили вторжения этих Германцев. Одни приписывают это их трусости, другие их ненависти к Риму. Но ни то ни другое объяснение не основывается на современных свидетельствах. Галлы не сопротивлялись варварам по очень простой причине: эти варвары явились посреди них, как императорские солдаты: императорское правительство разделило их во страны, и грабидица оставалась только повиноваться высшей власти. Об этом доказательство примечательно по своему мнению галло-римского населения обыкновенно приводится по обстоятельству, что во законах противопоставляются франки и саксы с одной, римляне с другой стороны, и при этом так, что первые занимают первую вторую и первенствующую позицию. Гюстель-де Куланж пытается разрушить этот аргумент: он доказывает, что слова: „франки“, „саксы“, „римляне“ употреблялись во

эпоху издания варварских законов, отноравнившее
 знание и приобревшее знание частью позитивное, частью
 юридическое. Присагаемое *Salvus* не имела ничего
 общего с названием пачеши. Присагаясь к кому,
 оно придавало ему знание человека свободного и при
 том просвещенного ответника. Присагаясь к заводу,
 оно придавало ей характер свободы, полной ответвен
 ности владельца. Также точно и *Goten* хоти
 знаясь не римлянами, а всею отпущенными, свободны
 денными людьми изъ способов, употребившихся в нем
 перии, и ставший римскими гражданами, т. е. по
 ступивший право жаловаться все человечеству. Главн
 о-римляне и пришедшие германцы при создании франк
 ской монархии отношения друг к другу как рав
 ные и быстро сличились в новую французскую нацию,
 в которой однако было гораздо меньше германской кро
 ви, чем в романской.

Стрижая так развито германское
 завоевание, Ростан-де Бурманн видит еще гораздо
 дальше. Это: он отвергает то, что в первые ука
 заны Монтескье, в нем Бизо видит главное значение
 германского влияния из ходы европейской цивилизации.
 Предположив, что германцы возродили, пересоздали
 Францию, внесли в нее нечто новое, все, специфически
 германское, — предположение совершенно произвольное.
 Да и было-ли в той Германии, которая высказана
 в ее предельных вошедших дурных евангелиях, нечто особенное,
 присущее исключительно германской расе?

Но, что Монтескье приписал за свободу, было нечто
 иное, как слабое развитие государственного начала.
 Характернейшим явлением в жизни германцев
 было дружина. Каждый свободный германец имел
 право, не спрашиваясь верховной власти, обратиться во

= круж себя арабского и идти в тиши, куда глаза
заглядывают — искать славы и добычи.

Свершилось Германский быт, каков он был
раньше у Платона, в V в. уже несуществующий быт. В
III и IV вв. в Германии была терзаема варварами,
в которых найдены в древние учреждения. Извешая
германские племена, упоминавшиеся во времена Ма-
гиста, исчезли из истории. Никто больше ни кельтов,
ни тевтонов, ни алтов, ни керуков, ни могов,
маркоманнов. Выступают франки, саксы и алеман-
ны. Вот эти племена национальные. „Франк“, сакс
значит „воин“, алеманн — значит „борище всяких
судей“. Новейшие историки видят в них союзы на-
родов, но это были только союзы народов.

В V в. в Германии происходит про-
цесс разложения. В 500 лет, прошедших в то же вре-
мя как Платон нарисовал картину Германии,
Германия не развилась ни политически, ни экономически.
Там не было ни суровой обработки, ни даже за-
решка. У них не появились новые города, не созда-
лось новых учреждений. Государственная и националь-
ная связь не окрепла, но велись в том же и
старой Германии: королевская власть исчезла, роди-
вая аристократия и опречетство тогда. Но вместо
старой аристократии не образовалась ни новой ари-
стократии, ни еликой демократии. Вместо мо-
нархии не создавалась республика, но осподомство земле-
дельского народа уступило место владычеству
мужику.

Вопрос о том, идет ли французское развитие от
римских или от германских начал, решается и
по чисто фактовым данным истории, отменяемым

считотисудами: онъ изображаетъ бытъ римскихъ черезъ
изучение первоначальнаго, истиннаго государственнаго
устройства Германцевъ и сличеніи его съ позднѣйшими
Франкскими вѣщами Меровинговъ. Такая точка зрѣнія
была выставлена по виду нѣмецкими учеными, изучав-
шими преимущественно государственныя учрежденія.
За основаніе при разборѣ нѣмецкой литературы вопроса
можно принять старое сочиненіе Дитгорна: „Исторія
Германскаго государства и права“ (Karl Friedrich Eich-
horn: Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. 1808. 4 изд. 1834),
вышедши еще въ 1808 году, но имѣвши большое значе-
ніе до 40-хъ годовъ. Имъ пользовался и Тизо.

Основаніемъ изложенія Дитгорна является
положеніе: устройство Меровингскаго государства
есть продолженіе первоначальнаго германскаго устрой-
ства. Стл 144 з. до Р.р. по 561г. по Р.р. онъ посто-
ялъ только одинъ періодъ. Лекдовики не составляютъ
для него эпохи.

Древнегерманское устройство онъ представ-
ляетъ въ видѣ народнаго государства съ почти-республи-
канскими вѣщами. Это была община свободныхъ содѣль-
никовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой участокъ
земли. Дворяне имѣли нѣкоторыя особыя привилегіи,
напр. право имѣть друину; но иная власть на-
ходилась въ рукахъ общины. Мужъ и жена каждаго бы-
ли гарантированы вѣчной вѣрой: родственни-
ки и друины полагали извѣстную плату. Для обезпе-
ченія взаимнаго поученія вѣры и безопасности отъ
враговъ община составляла союзы и выбирали себѣ
изъ среды самыхъ благородныхъ людей — еудей (графовъ),
первоначально по одному на одинъ годъ. Король (конунгъ)
имѣлъ значеніе предводителя вудовъ. Изъ этого
добровольнаго договора свободныхъ людей Дитгорнъ и

производил германское государство - воззренье иди-
ишское, на которое очевидно отразилось влияние
идей Буссо. Когда Франки перешли на римскую
почву, они не подгнились римскими формами
государственных отношений, а сохранили свое на-
родное устройство, но все-таки в то время они и рим-
скому населению не навязали своего строя. Когда
Римлянами в Италии король приобрел три гра-
ва, которыми обладали императоры. Он был
неограниченный повелитель. Многие образцы во
Франкском государстве в период Меровингов счи-
таются господствующими типами: король был
одной частью подданный был германский конунг,
другой - императорский чиновник или импе-
ратор. Такое государство не могло иметь един-
ства. Один принцип требовал такого адми-
нистративного аппарата, который совершенно
исключался франкский. До того пор, пока король
сохранял это двойное положение, конечно было
оставаться неразрешенным, будет ли франкское
государство продолжать свое развитие на рим-
ских, или на германских основаниях. Диалект
перенес здесь отношения восточного государ-
ства на франкское. Во многих случаях вопро-
сал Диалект еврейский отразился от этого
представления - в принципе он оставался ему
вверен.

Наряду с наившим демократическим,
представленным общиной свободных землевла-
дальцев, Диалект придает большое значение дру-
гому началу, дружинному. Из массы свободных
людей выделяется отделимая единица, кото-
рая отличается от значительной доли своей

свободы, заключаая обязательства на случай войны. Дружинники были наделены от своих предводителей землей. При помощи этой дружины всякий свободный мог на войну отправлять вестни наемниками вую войну. Диакорн утверждает, что Франкское государство образовалось посредством завоеваний франкских королей во главе их дружины, которые он представляет едва очень близкая разбирова.

По отношению к свободным Франкам в Галлии король ищет такой образ жизни на-
данным дружины (Gefolge). Он мог во всякое вре-
мя потребовать ее на службу, следовательно такой как
древне-германское ополчение (Heerbann) обязано было
вооружиться, когда представляла необходимость во
всеобщей защите страны. Не понятно, какими об-
разом это дружинное государство должно было
иметь основаніе в древне-германском народном
государстве. Дружина лишена всякой такой укре-
пленій, которые необходимы для жизни народа.
Дружинное устройство есть противоположность
устройству демократическому. При первом
виде - один непонятный владыка и черта, при вто-
ром овладеть владыкою весь народ.

Такой образ жизни по теории Диакорна
выдвигает представителя среди единой франкской
народности. Самое острое выражение это про-
тиворечіе находит в устройстве войска и
здесь оно выдвинуто также и Диакорном. Но
не менее он не только не старается дать ему
объясненіе, он даже его не замечает.

Двухпутная можно было издвигать
этого неудовлетворительного послоніе. Цели
нужно унизить сословія, которые сгруппированы

Диалогна представляется въ связи франкского го-
 сударственного устройства съ древне-германскими
 и на до всего представить это предположение. Мо-
 жетъ, кто рѣшился бы считать последнее, едва ли
 возмашень въ другой исходъ, какъ признать съ Ди-
 аломъ и по послѣдователямъ римское происхождение
 франкского государственнаго устройства. Оба
 рѣшенія были даны въ одно и тоже время. Гибель
 „Происхождение немецкой королевской власти“ (Hein-
 rich von Sybel: Die Entstehung des Deutschen Kö-
 nigthums) примечательно етъ на этноромъ рим-
 ского народа. Вагнеръ въ своей „История немецкаго
права“ (Georg Waitz. Deutsche Verfassungs-geschich-
 te. 8 Bde. Bd. 2. 3. 4. Die Deutsche Verfassung im Frän-
 kischen Reiche. - Die Merowinger. - Die Karolinger.) по-
 ставилъ теорию Диалогна отъ законотворившихъ въ ней
 противорѣчій. Оба сочиненія появились одновременно.
 Предисловіе появилось апрѣлемъ и апрѣлемъ
 сентября 1844. Сходясь изъ совершенно разныхъ
 точек зрѣнія и приходя къ противополож-
 нымъ результатамъ эти труды вызвали между
 насъ споръ и жару поспѣшную (Zeitschrift für
 Geschichte herausgegeben von Schmidt. 1845.), въ ко-
 торой Вагнеръ даже упрекалъ Гибеля въ недобросовѣ-
 стности патристизма, въ 4-мъ, когда вышелъ второй
 томъ Вагнера, въ которомъ онъ продолжилъ свою
 исторію до времени Каролинговъ, его взгляды полу-
 чили въ Германіи господство. Закончилъ онъ свой
 трудъ въ прошломъ году, доведя его до появи-
 ны III в.

Гибель предложилъ слѣдующую теорию: Въ
 древнѣйшее время, т.е. до основанія государства
 на римской почвѣ, Германцы вообще не имели

государственного устройства. Они выжили въ родовомъ быту, т.е. изъ отношения опредѣляемыхъ кровнымъ родствомъ; изъ его не было, его сущность заступила фикція — чужа вступленія въ союзъ приду-мывавшее происхождение отъ общаго родоначальника. Советниками епископы безъ вѣнчаннаго посямка — германцы неспособны были къ дальнейшему развитію. Королевскую власть и начало государственнаго устройства они взяли изъ римскихъ учрежденій. Родоначальники сдѣлались настоящими государями въ силу того, что, поступая на сироту къ римскому императору и обремененные римскими данью, они получали отъ него и средства для упроченія своей власти.

Сочиненіе Гиббона не утратило своего значенія — особенно потому, что онъ сумѣлъ указать слабые стороны предвѣснаго воззрѣнія. Онъ устранилъ многія неправильныя представленія о первоначальномъ бытѣ германцевъ, напр. сличеніе о господствѣ каменнаго земледѣльничества и представленія объ образованіи союзовъ.

Гиббонъ съ болышимъ искусствомъ разсматриваетъ изслѣдованія своихъ предшественниковъ: Фришя, Дельмана, Савини, Миделя и др. и сопоставляетъ все, что можно бы послужить къ подтвержденію его теоріи. Мидель не сумѣлъ онъ не смогъ доказать двухъ своихъ главныхъ положеній — исключительнаго господства родовыхъ отношеній въ первоначальномъ германскомъ обществѣ и происхожденія королевской власти отъ римскихъ наемъ *

* Такая самая теорія родового быта существуетъ

Посредством полного собрания материалов и
точной оцѣнки всѣхъ свидѣтельствъ Байеръ представле-
го истинныя представленія Диогора о древнѣйшей
эпохѣ; онъ опровергнулъ теорію всеобщей круговой
поручи и указалъ представленіямъ космографовъ
сиренъ и о знаменіи друмины — истинныя грани-
цы. Унизительно сравнивать Германцевъ съ каки-
ми нибудь Французами, и поныне остающимися
при первобытныхъ формахъ родового быта. Герман-
цы и сами по себѣ были способны къ дальнѣйшему
развитію. Меровингское государство въ сущности
германскъ не основано ни на римскія, ни на кель-
тическія учрежденія; ни на друминное устрой-
ство; оно есть продолженіе древне-германскаго го-
сударственнаго устройства.* Такимъ образомъ

и въ русской исторіи и точно такъ же происходило
въ настоящее время. Представителемъ ее Дверсъ и
С. М. Соколовъ. Соколовъ посредствомъ родовыхъ от-
ношеній объясняетъ происхожденіе удѣловъ и на
всѣхъ удѣльно-вѣковой періодъ смотритъ какъ на
такую эпоху, когда на сцену появленія рода
является понятіи территории, какъ на эпоху пе-
рехода родового быта въ государственныя.

* Приводимъ подлинныя слова Байера:

„Allerdings war es ein alt-keltischer Boden und
lange ein Theil des Römischen Reichs, wo nun
die Salischen Franken sesshaft waren. Doch haben
sie eben dies Land zu einem deutschen gemacht.“

Die Römer, welche unter ihnen lebten, haben in
kleiner Weise ein Ueberwicht ausübt. Sie hat-
ten freien Grundbesitz; sie waren nicht ausgeschlos-
sen von den Ehren und Würden, die die Verbindung

„So erscheint das Leben fortwährend als das einfache
Landbauer. Vielleicht das einiges durch die Bekanntschaft
mit Römischer Pictur besser und bequemer geworden,
doch viel ist auch davon nicht wahrzunehmen. Dass
man Römische Münzen kannte und nach ihnen
rechnete erscheint als die bedeutendste Anlehnung an
fremde Verhältnisse. — “

„So sind nirgends die alten Grundlagen des rechtlichen und politischen Lebens verlassen, sei sind nur in anderer Weise gebunden eine einzelne Seite in eigenthümlicher Weise ausgebildet und damit die Möglichkeit weiterer Entwicklung gegeben. Aus deutschen Wurzeln mit eigenen Kräften ist eine Gewalt erwachsen, die eben dadurch, dass sie sich in den Mittelpunkt des Staates stellte und die Elemente desselben sich dienstbar zu machen wusste, zugleich die Fähigkeit gewann über die engeren Kreise, an die sie gebunden war hinauszugreifen und in größer

по сущности Вайца, отъ германскихъ наравъ.

При всей важности сочинения Вайца оно не свободно отъ ошибокъ. Такъ Вайцъ изъ опровергну-
таго немъ самимъ унверситетомъ Дилгорна одручинившихъ
государствъ схранить положение, что гаетъ Фран-
ковъ въ Галлии, подъ именемъ Remes находилась въ
особой зависимости отъ короля, положение, которое
много помешало ему при объясненіи феодальнаго
устройства. Еще пагубнее была другая ошибка
сметавши Дилгорна: Вайцъ остается при представ-
леніи, что у Германцевъ въ древнѣйшее время суще-
ствовало частное земельное владѣніе и что поземель-
ная собственность уже въ то давнее время была
становилась гражданскаго права. Могло быть,
кто обладалъ поземельной собственностью былъ обя-
занъ нести воинскую повинность, только онъ жилъ
исключ въ общинѣ. Вайцъ, по словамъ Гибана, пред-
ставляетъ себѣ Германцевъ временъ Мизанга та-
кими, какими были Вестфальскіе крестьяне въ эпо-
ху тридцатилѣтней войны.

ten Verhältnissen sich zu bewähren.

In der Bildung eines Königthums, wie es hier entge-
gentritt liegt eben die Möglichkeit zu der Gründung
eines grossen Reiches und einer Weiterbildung aller
politischen Verhältnisse. Das Königthum ist so auch
selbst gewachsen und fort geschritten, aber es ist nicht
indurch begründet, es hat vielmehr selbst in die wei-
tere Entwicklung eingegriffen, ja es hat dieselbe grös-
sentheils bestimmt, zum Theil geradezu veranlasst. —
„So bewahrten die Römer ihre Freiheit, ihren Grund-
besitz, dazu ihr privates Recht. Aber den politischen
Einrichtungen sind auch sie unterworfen, ihre Abhän-

Въ первыхъ изданияхъ своего труда Вагнеръ очень резко возмущался противъ тѣхъ, кто приписывалъ Германцамъ общинное землевладѣнiе; но впоследствии, когда дѣйствишельное научное развитiе доказало, что эта форма землевладѣнiя встрѣчается на зарѣ исторической жизни вѣсѣхъ народовъ Индо-европейскаго племени, а не есть, какъ думали некогда, исключительная особенность славянской сѣмьи, онъ знаменательно смѣнилъ свои первоначальныя взгляды. Теперь онъ уже не такъ резко отрицаетъ возможность существованiя у Германцевъ въ древнѣйшую пору этой формы поземельной собственности. Иными остатками оставленной теорiи свидѣтельствуетъ, не въ меньшей мѣрѣ, приписанъ, если изложенiи Вагнера иногда не достигаетъ ясности. Его сочиненiе все еще служитъ основой изслѣдованiй, но онъ вѣсѣхъ болѣе оживленiе въ эту область знанiя и такiе же образцы ещѣ его побуждаютъ тому, что изслѣдователи выжили за пределы его ученiя.

Решивъ главные задачи государства — это организациа его военной сѣмьи, время войны и управленiи правосудiя во время мира и въ древнѣйшее время едва ли государство и значить другiя задачи. Его устройство переносится главнымъ образомъ въ организациа воиновъ и въ право.

„Ziigkeit war in mancher Beziehung selbst eine stärkere als die der Franken; an persönlicher Würde sind sie fortwährend nicht den Freien nur den Leuten gleichgestellt. Nicht wie Theoderich in Italien hat Chlodowech gestrebt Römer und Deutsche zu einem Volke zu verbinden, um wenigstens Römischer Wesen zu allgemeiner Herrschaft zu bringen.“ — (Deut. Vorgesch. II pag 29-55 par.)

Второй аспект основана первая христианская община, среди главных образцов промышленности Малой Азии. Первый епископ Лионский — Ириней был также иностранец — Грек из Фригии.

Рядом с торговлей шелками, которая находилась в руках „Сериков“ — восточных купцов (образовка шелка в Европе началась только со времени Юстиниана) процветала в качестве турбемной отрасли промышленности производство шерстяных и льняных материй. В этой области особенно славившиеся гамские ткани из кампанов, которые проникли отсюда в Италию, и сами Северы получили прозвание „Каракаманы“ потому, что они распространились в Риме моду на этот костюм. Производство льна и шерсти процветало в особенности в городах Гурнау, Аграс, Лангрес, Сейнтес, в Средней Европе оно составляло славу Фландрии, но Лион скупил складочный инвентарь для торговли всеми городами Галлии.

Затем виноградные распространились в Галлии с римского времени. Лион также славился этим; он скупил складочный инвентарь и рынки и для этой отрасли промышленности. Галльский вина, предки нынешнего Бургонского, скоро вытеснили самые замечательные вина Шампи. Вывоз вина (он переправлялся не в мешках, как это обыкновенно делалось в древности, а в стеклянных бутылках) был огромной; он ценился очень высоко: так напр. бутылка особого приятного вина (vinum piscatum), которое возмуживалось около Везена, покупалась за 1000 сестерций. Лион еще славился торговлей стеклянной посудой, которая шла и в Британию.

Одним словом это был цветущий город в полном смысле слова. В числѣ его 200-тысячного

населения насчитывалось много богатых людей, а во время ежегодной ярмарки в Март месяца собира-
лась сюда еще масса иностранцев из самых от-
даленных концов земли. В городе можно было най-
ти все удобства цивилизованного быта. Были тут
гостиницы, сохранилась надпись (вероятно, вы-
веска), в которой содержится гостиничное загла-
вие приглашающих к себе: "Здесь Меркурий обеща-
ет прибыль, - говорится в надписи, - Аполлон - здоровье,
а Венера, Венусман, квартиру и попечение. Кто
остановится здесь, будет потом лучше чувство-
вать себя. Путника, посмотри на то место, перед
которым стоишь." Множество есть и других над-
писей подобного рода, которые свидетельствуют,
что Мюнх был город обширный, цивилизиро-
ванный, богатый и оживленный римского цивилизованного друида.

Из других общин Лугдунской Галлии назо-
вем Лутеция Паризиорум (Кельтск. назв. Lutetia;
латин. Paris). Город этот существовал уже в I в.
при Юлиере. К этому времени относится ран-
нее упомянутая надпись компании судосозвезд на
Сенно (Navis Parisiaca). Такие компании водные
были распространены. Была и в Мюнхе компания
судосозвезд на Ронн и Арарн, которая, как осо-
бенно полновесная корпорация пользовалась некото-
рыми привилегиями, напр. в Кельнзе она имела
в своем распоряжении 40 даровых иппов
в амфитеатре. Прозвание Лутеции началось
подруге в III и главным образом в IV вв., когда
город стал называться императорским Цезарей и осо-
бенно Юлиана (в 358 г.), но и тогда она оставалась
небольшим городом. Климат северной Галлии
был слишком суров для Римлянина, и Юлиан
сопровождал себя в Лутецию при помощи магов
и, как рассказывают, раз тут не умер от усталости,

но онъ привлекся къ этому городу, въ которомъ легионы оделили его въ императорскій пурпуръ, называя его „своею милою Лутециею“. Отъ древней Юлиана остается до сихъ поръ въ Парижѣ (прежн. на островахъ Сена, гдѣ теперь La Cité и на сѣ. лѣвомъ берегу, гдѣ Quartier Latin) довольно много развалинъ и надписей, напр. развалины доорца или термъ Юлиана и довольно обширна амфитеатра.

Переходимъ къ Аquitanii. Эта область была рано романизована, хотя тамъ долго не было большихъ городовъ. Съ теченіемъ вѣковъ тутъ возникли и значительные города, изъ которыхъ назовемъ три пункта: 1) Elimberis или Augusta Ausciorum, главный городъ племени Auscii (нын. Auch). 2) Главный городъ Арверновъ Augustonemetum (Clermont), городъ также, какъ и первый, вѣкъ богатый. Во времена Нерона онъ захватилъ огромную статую Меркурія и заплатилъ за нее около 30000 рублей. 3) Burdigala (Бордо), который уже при Августѣ занималъ важное положеніе, какъ торговый портъ на океанъ. Городъ этотъ прославился въ III и IV вв. Тамъ открыта была важная школа, воспитавшая Абоніевъ, бывшихъ тамъ въ числѣ преподавателей.туда собирались толпы учениковъ изъ Галліи и Британіи и тамъ господствовалъ прекрасный коммерціантскій духъ между преподавателями.

Третья провинція „Косматой Галліи“ — Belgica сравнительно съ Грими и въ особенности въ северной своей части гораздо меньше подвергалась римскому вліянію — тутъ меньше следовъ римскаго божества, меньше городскія общины, меньше надписей. Тутъ галльскія воинственныя, галльскій божество, галльскія религіи и культура оказалась наиболѣе галльскою и про-

значительное сопротивление Римлянам, изъ ору-
жия и губительная, а въ сѣверо-западной части ея,
въ Ариорикъ, кельтская національная стилия со-
хранилась и до сихъ поръ.

Впрочемъ, известная часть Бельгии, называе-
мая Швейцария (нынешняя французская),
была значительно романизована. Такъ возникли два
значительные каионы, Авентикум (Avenches) и Ав-
густа Раверисоум (Aud), и страна стала по-
манскою и потому, несмотря на завоевание Бур-
гундовъ, имела только какъ северная Швейцария,
завоеванная Алеманнами, приняла ярую герман-
скую окраску.

Существовали римские города и въ сѣверо-вост-
очной части провинции. Дурисортум, civitas
Реторум (Rheims), гдѣ было много школ и мно-
гочисленное население. Августа Триверорум (Trier).
Здесь выведена была римская колония при Клав-
дii, но главное значение городъ приобрѣлъ въ III в.
во время войны съ Германцами, какъ местопре-
бываніе главнокомандующаго и Цезарей. Располо-
женный въ долину Мозеля, въ прекрасной и живо-
писной сѣмь сѣмь въ военномъ отношеніи
мѣстности, притомъ близко отъ театра вой-
ны, городъ былъ самымъ природою предназначенъ
служить главнымъ квартирнымъ военнаго вѣдѣнія.
Такъ Триеръ выросъ до степени величественной
метрополии, которая оставила за собою все го-
рода Галліи и сравнялась съ Лионами. Максим-
ианъ и Констанцій, Константинъ и его сыновья
Валентинъ, Грацианъ и другіе императоры пре-
бывали все въ Триерѣ и украсили его величавымъ на-
мѣстомъ столичнаго города. Триеръ въ широкихъ
размѣрахъ развивалъ римская жизнь, что было
особенно важно для романизации обширной погра-

никой страной, где жили в нестройном смесении представители различных народов. И действительно римские нравы распространились между окрестным населением. Вдоль главных линий дорог остается до сих пор много памятников грандиозной римской работы военной и культурной.

Центральным пунктом этой страны является Трир, который Мела называет „urbem orientissimam“. Здесь была цветущая римская школа. Длина откопанной стоны заставляет предполагать, что в городе было не менее 60,000 жителей. При Септимии Севере город сильно пострадал от пожара, но потом отстроился с еще большим величием. Время самого пышного процветания города совпадает с царствованием Константина. Сохранилось много развалин: роскошный амфитеатр на 57000 мест, цирк, величественный дворца, термы, форум. Трирский амфитеатр замечателен тем, что здесь давались ^{пока} по времену кровавые, возмущающие душу и зрелища, и даже во время царствования Константина для потехи толпы бросались живые бруксеры на разтерзанное дикими зверями, в громадном издерганном привадином сюда из отдаленных стран внутренней Африки. Скоро, во последние века империи стали воздвигаться во Трире и христианские здания: например существующий до сих пор кафедральный собор во Трире начал строиться в IV веке при императоре Грациане. Доныне сохраняются еще развалины виллы, остатки мавольских полов, украшений и т. д.

Одним словом, это был обширный и богатый город, рядом с которым остальные города бы-

лихи выдрываютъ и отходятъ на задній планъ.

Во концу I в. после долгаго периода почти непрерывнаго мира и спокойнаго развитія населенія Галліи удвоилось, сравнительно съ тѣмъ, которое населило Галлію при Цезарѣ и Августѣ и къ 140 г. достигло до 20 милліоновъ, въ позднѣйшіе времена сумма населенія Франціи доходила до этой цифры только въ 1740 г. Галлія считалась второго Италіею и представляла одну изъ богатѣйшихъ и дающихъ наибольшіе доходы провинцій имперіи.^(*)

Германія.

Сообщимъ теперь поочередно основныя факты о двухъ примечательныхъ къ Галліи военныхъ округахъ — Верхней и Нижней Германіи.

Въ Нижней Германіи главнѣйшій пунктъ былъ oppidum Ubiorum, который въ 51 г. по Р. Хр. былъ разведенъ въ санъ колоніи и въ честь императрицы, Агриппины Младшей, названъ Colonia Agrippinensis (Cöln). Съ тѣхъ поръ Кельнъ считался римско-германскимъ городомъ. Убій переселенное на лѣвый берегъ Рейна должно было оситъ зорѣ и представляло собою римскую „Wacht am Rhein“ противъ своихъ же соплеменниковъ. Въ Кельнъ присоединились промышленные люди, привлеченные сюда изъ Италіи, и городъ сталъ расти и приобретать значеніе. Тутъ долго стояли два легиона, а остальное два (нижне-германскій корпусъ

^(*) Въ заключеніе обзора риманизованія Галліи укажемъ на небавшій, но примечательный статую Фригидера: L. Friedländer „Gallien und seine Cultur unter den Römern“, помѣщенную въ изданіи „Deutsche Rundschau“, 1877, Band XIII, December.

состоять изъ 4^х легионовъ) поминувшись въ Castra
Vehera, похлонило сиверные по Рейну. Этотъ посиль-
ный городъ приобрѣлъ военное значеніе, тогда какъ
Кельны развивался главнымъ образомъ, какъ центръ
жизни гражданскон.

Позднѣе при Траяновъ здѣсь основана была еще
Colonia Ulpia Trajana, одинъ изъ древнѣйшихъ по
происхожденію лагерныхъ городовъ.

Изъ городовъ Верхнегерманскаго военного окрѣ-
па наиболее замѣчательны: Vindonissa (Windisch),
Argentoracum (Strassburg), Moguntiacum (Mainz), Con-
fluentes (Coblenz). Военная часть находившихся тутъ
наименованій отъ римской эпохи говоритъ намъ
не только о гражданскон, сколько о военной жиз-
ни. Но благодаря всегдѣ одинаковому крѣпост-
ному дѣйствию легионовъ, распространились и
въ этой странѣ римскій языкъ, римская образо-
ванность, по крайней мѣрѣ, до некоторой степе-
ни. Наше государство была перенесена на восточ-
ный берегъ Рейна, когда основана была новая
провинція Германиа; и римскія военныя населенія
покрыли территорию между Дунаемъ, Неккаронъ
и Майномъ, гдѣ теперь расположены Баденъ,
Вюртембергъ и Баварія.

Для огражденія новой провинціи отъ варва-
ровъ предпринято было построеніе огромной линіи
укрѣпленій. Работы начаты были еще при Тибе-
ріи и Друзомъ, возобновлены и окончены при Домици-
аномъ, Траяномъ и Адрианомъ, когда оставленнымъ было
именемъ Августа о завоеваніи Германиа ставъ отъ
на очередь: этотъ граничный валъ (limes) начинав-
шийся отъ Рейна у Алфенбургимъ и идущій снача-
ла параллельно Рейну до Кобленца, тянулся длин-
ною извилистой линіею (отъ Кобленца до Регене-
бургъ около 490 верстъ) по направленію къ Дунаю, окан-

живался у Castra Regina (Регенсбург) на Дунае и составлял в своей северной части восточную границу Верхней германии, а в нижней — северную границу Рэции. От limes остались многочисленные следы, и он представляет собой целый стройный памятник искусства древних и неутомимой деятельности римских легионов. Заключавшийся между Рейна, Дуная и Неккара торговый образцов так называемый Десятинный край (Agri Decimati), который носил того, как Римляне выгнали отсюда или переселили на западный берег Рейна германское население, был колонизирован из Галлии, причем тут раздавались участки земли под условием уплаты в казну десятичной части от дохода. Здесь играли очень важное значение известные нам садоводство и посадочное население. Многие существующие здесь и теперь города Германии, в особенности те, которые извлекали минеральными купаньями ведут происхождение от римского времени. Напр. Aquae Arveliae (Баден-Баден), Aquae Mattiacae (Висбаден). В продолжение римского господства (около двух столетий), область эта находилась в цветущем состоянии и пользовалась благоприятными условиями культуры и гражданской жизни. На улицах городов остается множество развалин храмов, алтарей (римских и восточных богов), гостиниц, фабрик, театров, бань и т.д. Все это свидетельствует о довольно высокой степени культуры жителей зарейнской пограничной части империи.

Названный и описанный нами городские общины представляли также центры уездной жизни, главными фокусами, откуда распростра-

началась во все стороны по всей Галлии и заходила
в Германию римская образованность.

Относительно распространения ее в Галлии
Страбонъ замечаетъ, что во многихъ городахъ
были учителя, содержавшіе на счетъ муниципій,
что открывалась много школъ, въ которыхъ пре-
подавался латинскій языкъ, и въ которыхъ мно-
гие жители знакомились съ римскою наукою и
литературой. Галльская аристократія стала
учиться латинскому языку и усвоила римскіе
нравы. Это явилось строго необходимымъ для
всякаго, кто желалъ занять хоть сколько-ни-
будь видное мѣсто на томъ или другомъ поприщѣ
общественной дѣятельности. Но замѣчанію
Тацита Галлы, изучавшей римскую литературу,
свидѣались въ Римѣ. Особенно замѣчатель-
ны были школы въ Лионѣ (о значеніи Массилии
въ исторіи умственнаго развитія римскаго
міра мы уже говорили). Возникшая среди Галловъ
страсть къ римской литературѣ, вызвала необ-
ходимость открыть книжные лавки въ Лионѣ.
Въ одномъ изъ писемъ Плинія Младшаго мы
прямо читаемъ, что въ Лугдунскихъ книжныхъ
торговцахъ продавались очень дешево и бодро
расходившійся книги. Въ числе найденныхъ надписей да-
же сохранилась вывеска одной изъ этихъ книж-
ныхъ лавокъ. Благодаря тому, что Лугдунцы
были центромъ образованности въ Галліи, тутъ
устраивались литературныя состязанія въ гре-
чeskомъ и латинскомъ красноречіи преимуществен-
но въ царствованіе и подъ личнымъ руководствомъ
Камиллуса, протема единородной императоровъ
придумавъ впасть въ достойное его наказаніе для
провалившихся на этихъ словесныхъ турнирахъ
ораторовъ: каждаго изъ нихъ должны были со-

ственности атакують смущавать задранованная
миста своего произведений съ вощаной дощечки, на
которой оно было начертано, если не хотѣтъ, тогда
его, осыпая предварительнo палочными ударами,
втолкнути въ огонь.

Знаменитѣйшій иже изъ поэтовъ таинъ въ Вибрасте
или Augustodunum (Autun), caput gentis Aedunorum,
въ которыхъ уже во время Мидерія гроты мнѣш-
ныхъ аристократовъ обдурались, по словамъ Ма-
цума, римскими нахвами 1. Nobilissima Gallia-
rum suboles liberalibus studiis operata... Ann. III, 43.

Мѣста съ превосходными школами этого города
неуничтожила въ течение всего императорскаго перѣ-
ода, а во время Константина еще усиливается бла-
годаря риторы Эмелию, который читалъ тамъ
блестящія лекціи ораторскаго искусства. — Да-
лее мы имѣемъ несомнѣнные свѣдѣнія о су-
ществованіи школы въ Бурдигалы (въ год. въ IV в.),
Мелосе, Нарбонне, въ северной Галліи, въ Дур-
сортум (Akheim); этотъ послѣдній городъ даже
иногда назывался „Akhenae Durosourtum“.

Школы эти быстро двинули впередъ распро-
страненіе латинскаго языка въ Галліи, и по-
тому одличались необыкновенными способностя-
ми Галловъ къ красноречію, способностямъ,
которые подтверждаются и Лувій и Рувеній.
Знаменитѣйшій сатирикъ говоритъ, что Галлія вы-
стѣ съ Африкой, родиною адвокатовъ, явилась
школою ораторскаго искусства. Уже въ I в. мно-
гіе галльскіе и даже бретанскіе ораторы приобрѣ-
ли себѣ почетную известность въ самой Италіи.
Красноречіе было главнымъ родомъ латинско-галль-
ской литературы. Преобладаніе латинско-галльска-
го элемента въ литературу становится особен-
но замѣтнымъ и господствующимъ во второй

половина III в. Въ число известнейших ораторов этой эпохи одно из первых мест занимает Цицерон, покрытый императорским пурпуром — Постум и Фулериан. Въ IV в. почти все известные ораторы и писатели были Галлы; мы называли уже Емелю; къ этому числу важно еще присоединить Цицерона деуа Мамертинго, Аммиана, Аггелю, Клария, Дрепана, Фоката и многих других. Еще больше знаменитых профессоров мы найдемъ въ многочисленности школъ Галлии. Почти все позднейшее поколение империи были Галлы по происхождению. Таковы Рутилий Клавдий, Фулериан, Авзоний и др.

Итакъ наступаетъ блестящее время гражданской и умственной жизни въ Галлии.

Надпись доставляетъ намъ возможность видеть превосходство римскаго образования и сильное влияние его на культуру и религиозное воззрѣніе Галловъ.

Но самый любопытный фактъ — это весьма быстрое исчезновеніе въ Галлии кельтскаго языка, легко уступившаго свое место латинскому. Высшій сословія говорили римскимъ литературнымъ языкомъ, а средніе и низшіе классы стали говорить на такъ называемой народной латыни (*lingua latina vulgaris*), который, какъ уже известно, является прототипомъ первоначальнаго общеримскаго языка, изъ котораго вытекшими впоследствии все романскія нарѣчія; на долю этой латыни досталось въ Галлии преобладающее вліяніе, она приносила сюда легионами и торговцами и быстро распространялась въ массы.

Когда же совершилось это превращеніе? когда туремцы перестали говорить на своемъ родномъ кельтскомъ языкѣ? Когда народная латынь вы-

твенна кельтскіе говоры? на это существуютъ у различныхъ писателей различные отзывы.

Приведемъ нѣсколько только мнений блаженнаго Геронима (371-420), высказанное въ его комментаріяхъ на посланіе Апостола Павла къ Галатѣмъ. Онъ утверждаетъ, что Галаты говорили по-гречески, но что, кромѣ того, у нихъ существовалъ свой собственный языкъ, очень похожій на языкъ, который говорили и жители окрестностей Трира. Это извѣстіе очень любопытно, потому что указываетъ на существованіе кельтскаго языка и въ Галатіи и въ Европейской Галліи. Но извѣстно, что на себѣ весьма сомнительный характеръ, хотя, повидимому, блаженный Геронимъ могъ хорошо знать это: онъ самъ былъ въ Анкирѣ, столицѣ Галатіи. Но тутъ, какъ извѣстно, не было ничего галльскаго; жители города говорили все на греческомъ языкѣ, убоимъ греческую цивилизацію; Анкира называлась азіатскими Аоніанами. Въ виду этого свидѣтельство блаженнаго Геронима относительно Галатіи представляется неутраченнымъ. Все говоритъ въ пользу того, что въ Галатіи во времена Геронима уже не было никакихъ слѣдовъ кельтскаго языка. Также можно замечать относительно существованія галльскаго языка въ окрестностяхъ Трира; если она еще и существовала во времена Геронима, то только въ некоторыхъ частяхъ Северной Галліи въ отдаленныхъ мѣстахъ Арморикіи, куда не могло проникать такъ значительно римское вліяніе.

Будинискій прямо безъ опроверженія приводитъ свидѣтельство Геронима, повидимому доводя сего, но французскій ученый Реннотъ, посвятившій этому вопросу особую статью въ „Revue Celtique“, схи-

няется къ предполагаемому, что извѣстіе, сообщаемое Геродотомъ есть анахронизмъ, заимствованный имъ изъ какого-нибудь древняго источника, такъ какъ описываемый имъ фрактъ никакъ не могъ относиться къ IV и V вв., когда кельтскіе говоры явились почвѣ и заимствовали народную лексику.

Итакъ къ концу II и началу V в. дилій процессъ романизаціи Галліи были закончены. Правда, утверждаютъ, что не такъ легко это совершилось, что въ позднѣйшіе вѣдѣнія явилась народная, не разъ поднимавшаяся оппозиція. Действительно оппозиція иногда являлась, но она никогда не была оппозиціонональнымъ явленіемъ Галліи. Она велась только въ некоторыхъ углахъ Галліи и не привлекала на свою сторону всего населенія; легко и скоро примирившаяся съ римскимъ господствомъ.

IV Британія.

До времени Цезаря Британія была почти совершенно неизвестна Римлянамъ, хотя торговцы древняго міра давно уже пользовались ея произведеніями. Первое откровеніе острова, богатого рудниками и преимущественно оловомъ, было сделано Финикійцами изъ Тарса. Затѣмъ Гирардъ, Грекъ изъ Марсеи, посетилъ Британскіе острова и оставилъ ихъ описаніе. Торговля сподвигла воспользоваться металлическими богатствами Британіи; но купцы, проникавшие на Далекій северъ, являлись въ тайныя пути къ нему и всего меньше заботились о распространеніи сведений относительно этой страны, или посѣщавшей. Географическое познаніе Британіи ходило только темные слухи. Еще менѣе знали обитатели острова, они судились извѣстнаго образованному міру

только носить римского завоевания.

Британія была населена родственными съ Галлами народами Кельтского племени, которые, по словам Цезаря, во время завоевания Галлии оказывали Галламъ деятельную помощь противъ Римлянъ. Вотъ почему Юлій Цезарь нашелъ нужнымъ для обезпечения обладания Галліею предпринять походы и въ Британію. Впрочемъ, экспедиція, которую онъ совершилъ въ 55 и 54 годахъ, задумана была въ недавнейшемъ разсказахъ и не имела серьезнаго значенія. Изъ многочисленныхъ народовъ, населявшихъ Британію, вообще стоявшихъ на низкой степени развитія, Цезарь называетъ Кантійцевъ (Cantii), жившихъ въ юго-восточной части острова, между Ламаннскимъ и устьемъ Темзы, въ южн. графствѣ Кентерберійскомъ, самыми образованными.^(*)

Ближайшими ихъ соседями къ востоку были Регни (Regni), обитавшие въ южн. части Суссекса. На юго-западъ отъ Темзы и по берегу

(*) Вотъ что говоритъ Цезарь о грубомъ образѣ жизни народовъ Британіи: „Ex his omnibus longe sunt humanissimi qui Cantium incolunt, neque multum a Gallica differunt consuetudine. Interiores plerique frumenta non serunt, sed lacte et carne vivunt pellibusque sunt vestiti: omnes vero se Britanni vitro (храсувбуе расменіе) inficiunt, quod caeruleum efficit colorem atque hoc horridiores sunt in pugna aspectu; capilloque sunt promisso atque omni parte corporis rasa praeter caput et lobrum superius. Mores habent deni quodeni que inter se communes et maxime fratres cum fratribus parentesque cum liberis; sed qui sunt ex his nati eorum habentur, quo primum virgo quaeque deducta est.“ (B. g. V, 14).

Бристольскаго залива имени уже известнае Белги (Belgae). Далше по Шелзу имени Атребата (Atrebatii), которые распространяются и на материкъ по ту сторону Ламаанна (fretum Gallicum), также какъ и Белги, которыхъ находимъ и въ Британіи, и въ Галліи. Въ юнѣшнихъ Корнвалѣ и въ Девонѣ Диттони; къ северу отъ Шелза Триновантес и нѣсколько еще другихъ народовъ, изъ которыхъ подъ общимъ именемъ Сатувелланіи, изъ нихъ Северы имени въ Валлисѣ, а Бригантес въ Нартумберлендѣ.

Народа Шотландіи обозначаются у классическихъ писателей однимъ общимъ именемъ Каледоніанъ, а жители Ирландіи — общимъ именемъ Эхоттовъ или Шоттовъ. Много впоследствии Ирландскіе Кельты переселились въ северную часть острова Великобританіи и дали ей названіе

Примѣчаніе составителя.

В виду того, что записки Меморіи Среднихъ Вѣковъ в изданномъ году выходятъ болѣе подробными и занимаютъ гораздо большее число листовъ, чѣмъ, напримѣръ, прошлаго года, по тому же предмету, во издѣжаніе кощущихъ процойти недоразумѣній, считало нужнымъ разсѣлить, что помѣщаемыя мною дозволено часто в выноски внизу страницы въписки изъ сочиненій древнихъ авторовъ и новыхъ ученыхъ отыскать не имѣютъ обязательнаго характера. Въ томъ отношеніи взятъ изъ лучшихъ писателей древности и новыхъ времёнъ, напримѣръ, изъ Тацита, Цезаря, Тиверіи, Фростиль де-Купанжа, Юнга, и изъ Тацита и другихъ, и помѣщаются въ изданіи, изданный с разрѣшеніемъ и одобреніемъ Профессора В. Т. Васильевскаго только для желаній, какъ дополненій и исправленій и курь, противъ которыхъ — от души надеюсь — ничто изъ читаемыхъ ничего шить не будетъ.

Ив. Грѣбе.

Шотландии. Островъ же Ирландія назывался у Римлянъ Альбернія, а у Грековъ Терне.

Походами Цезаря не окончившись стремление покорить Британію — обладание ею Римляне продолжали считать деломъ очень важнымъ, и Августъ собиралъ туда экспедицію; въ 34 и 27 годахъ были окончены приготовления, но предприятие оказалось слишкомъ труднымъ, планъ завоеванія Британіи былъ оставленъ, и Августъ на надписи известнаго Монумента Августа, найденнаго въ Палатинскомъ городѣ Анхирѣ въ Малой Азии, на которомъ начертана жизнь императора, не упоминаетъ его подвиги, могъ похваляться только тѣмъ, что двое владѣвшихъ къ нему Британіи князя, искали его покровительства.

Ничего не менѣе утверждению римской власти посылкою сношенія римскихъ императоровъ съ различными британскими князьями. Такъ ко времени Августа и Тиберія относятся сношенія съ Курвеминномъ, героемъ, героемъ, героемъ и въ народныхъ преданіяхъ и въ позднѣйшей английской поэтической литературѣ (такъ Шекспиръ посвятилъ ему цѣлую трагедію — Цимбеллинъ).

Цезарь смотрѣлъ на занятіе Британіи, какъ на дело безусловно необходимое, но ему не удалось ему привести въ исполненіе его заветную мысль и это вышло на долю слабоумнаго императора Клавдія. Маркитъ находилъ это обстоятельство настолько остраннымъ, — онъ не могъ понять, какъ могъ выполнить великое дело ниспроверженія правды, что подстрекаетъ ему такое одиозное: судьба, которая натолкнула Клавдія на это предприятие, было вовсе не прославленіе самого императора; судьба хотѣла только дать тѣмъ

Литт. сообщеніи Шотл. Ирл. др. X. 28.

средство возвести свое имя даровитому покровителю Веспасиану, который действительно участвовал в экспедиции. Походы совершились в 43-41 г.г. по Р. Хр. Собрано было 4 легиона (II Augusta, IX Hispana, IX Valeria Victrix и XIV Marcia Victrix), которые составили ядро экспедиционного корпуса; к нему присоединилось множество вспомогательных войск - *auxiliaria* (по вычислению Губнера 24 *alae* и 40 *cohortes*), так что составила армия численности в 70000 человек^(*).

Высадка произошла на южном берегу острова. Сведений об этой экспедиции у писателей мало, но по надписям можно проследить ее ход, по крайней мере, в общих чертах. Прежде всего замечено было союз с князем Регием, который на одной надписи назван римским гражданином и легатом императора Клавдия. Он построил храм Венере и Минервы в честь императорского Дома, остатки которого до сих пор существуют в парке графов Ричмондов. Занята была небольшая часть острова, но достигшие победою произвели необыкновенный восторг в войсках; оно праздновало пышной триумф, и сам Клавдий явился на нем действит.

Потом армия была еще усилена двумя легионами, и война в Британии окончилась суровою, но прекрасною иконою для римских солдат и воинов. В Британии начал свое царство будущий император Веспасиан.

Первыми и главными опорными пунктами римской оккупации в южной Британии во время пред-

(*) См. Hubner „Eine Römische Annexion“ (Deutsche Rundschau).

вогнѣнства Веспасіана были городъ Venta Belgarum (нын. Winchester), на границѣ между областями Белговъ и Регнѣвъ, пунктъ, который позднее сдѣлался средоточіемъ римской власти и римскаго вліянія. Затѣмъ Веспасіану принадлежалъ его биографическое завоеваніе острова Vestis (нынѣшн. Wight). По берегамъ Британіи, примыкающимъ къ этому острову сосредоточились первый римскіе завоеванія. Упомъ въ царствованіи Клавдія граница и утверждена на Римомъ была южная часть острова до устья Тэмезиса на восточной сторонѣ и до устья Сабрина (Северна) на западной, и самый северный пунктъ, до котораго римскія войска дошли въ первый походъ была столица Кумодунумъ - Camulodunum (т.е. «домъ бога Camulus»), нѣсколько севернее устья Темзы.

Многъ воздвигнутъ былъ при Клавдіи жертвенникъ въ честь Римъ и Августа и поселена первая колонія ветерановъ - Colonia Victrix (нынѣшній Коувестеръ отъ словъ Colonia и castra). Это было въ 50г. по Р.др. Тогда же началась организація провинціи Британіи: „Кедаста, - говоритъ Тацитъ, - in formam provinciae proxima pars Britanniae, addita insuper veteranorum colonia“ (I. 14).

Какъ далеко простиралась граница этого перваго завоеванія въ Британіи на западъ, трудно опредѣлить. Но моя модель ехадать съ достовѣрностію, что уже при Клавдіи разрабатывались оловянные рудники въ нынѣшнемъ Коувестерѣ. Къ этому времени относятся и ведунъ начало этихъ рудниковъ всякаго рода памятники, очень интересное археологическое - свинцовые брусы сатинированны и надписями имени императора и года - такіе брусы Римляне обыкновенно употребляли при началѣ работъ въ каменныя новыя

рудникахъ. Уже найдено довольно много, и они хранятся въ Лондонскомъ музее. На древнейшемъ изъ нихъ, вѣсущемъ 169 фунтовъ, написано имя Британника и обозначенъ годъ, соответствующій 49 по Р.Х.

Позднѣе рудники подвинулись еще на западъ. Въ 44 г. Клавдій ищетъ въ Римѣ пылкой триумфъ надъ Британцами, въ память котораго воздвигнута была арка, сохранившаяся въ развалинахъ на Баринсфрахъ и до сих поръ смотрою лессонной, а на надписи сказано, что памятникъ поставленъ въ честь императора Клавдія, который первый перенесъ границы римской имперіи за океанъ. Въ своей лондонской рѣчѣ самъ Клавдій называетъ себя завоевателемъ Британіи.

Уже названныя выше опорные пункты распространялось завоеваніе дальше въ глубь острова. Приблизительно черезъ 10 лѣтъ окончился срокъ службы римскихъ легионеровъ въ Британіи. Они были здѣсь водворены на постоянное фронтальство и вместе съ тѣмъ началась романизация страны, совершенно таковыя же пути, какъ это совершалось въ Испаніи и Галліи.

Вскорѣ возникли новые пункты. Недалеко отъ устья Сауры (Северна) основанъ былъ Глевит (Glevum) (Glochester). Здѣсь былъ постоянный лагерь одного изъ легионовъ, и городъ этотъ скоро получилъ важное военное значеніе. Уже Глевитъ служилъ былъ первымъ пунктомъ для оккупации горной страны Силуровъ и Ордовиковъ (въ Валлисъ), и тутъ немедленно возникли опять новые пункты римскаго господства Venta Silurum (поздн. Caerwent, Caer-отъ castra) и Са (нын. Caerleon, т. е. Castra legionis), стоянка 2го легиона. Такимъ образомъ линия сатемленія Глевит-Глевитъ является первой границей римской оккупации. Светоній Павинъ, управлявшій Британіей

отъ 59 до 61 г. распространить завоеваніе Давки на северъ. На северной границѣ области Силуровъ и Ордовиковъ возникли Дева, стоянка 20го легіона (нын. Chester); на востокъ Линдид, позднѣйшая стоянка 2-го вспомогательнаго легіона, потомъ названной Colonia (нын. Линкальнъ). Такъ обр. завоеваніе подавлялось до линіи Дева-Линдид и занята была значительная часть Британіи. Светоній Плавинъ хотѣлъ довершить покореніе южной части Британіи истребленіемъ Дриидическаго гнѣзда на островѣ Мона (нын. Ангелси). Это походы описаны Плутархомъ въ III кн. Анналовъ. Плутъ выступалъ на сцену и Дриидеса.

Во время похода въ самой Британіи возникло восстаніе въ обширной уже странѣ, въ области Иценовъ и Тринобантовъ (нын. Норфолкъ и Суффолкъ). Царь Иценовъ, Ратисагусъ, умирая, объявилъ насильниками своихъ дочерей и римскаго императора. Римляне поспѣшили вмешаться въ дѣла управленія, стали отбирать земли и имуществъ у знатныхъ людей и оскорбили царичу Будикку или Боддицелю. Это обстоятельство послужило поводомъ страннаго восстанія (61 г.), которое, все расширяясь, распространилось на всю юго-восточную часть острова и войско иценгентовъ скоро дошло до численности 250,000 человекъ. Къ возмущившимся племенамъ примкнули скоро и Тринобанты и восстаніе стало грозить кровавою расправою римскимъ колонникамъ и главнѣйш. образомъ Камуллодуну, центру римскаго господства, расположенному въ области Тринобантовъ. Светоній дриденъ бѣжалъ спешить на поле дѣйствій, но уже не успѣлъ спасти Камуллодуну. Гарнизоны тамъ были ничтожны, городъ былъ мало укрѣп-

ленъ и пашъ въ руки враговъ носилъ безпрерывной осады. Подосланъ былъ на помощь молодой, даровитый, но легкомысленный легатъ, Петилий Церианисъ былъ разбитъ и отброшенъ назадъ; городъ сожженъ, население истреблено. Отъ этого погрому нанесъ сильный ударъ римской торговлѣ, которая уже утвердилась здѣсь вполне и съ тѣхъ поръ, что Римляне уже пускали въ оборотъ огромное капиталъ, чтобы эксплоатировать провинціальное население. Между прочими Сенека далъ миллионы денегъ торговцамъ кампаніями въ видѣ займа за огромное проценты, которые они съ лихвою вытѣлживали изъ средствъ Британцевъ. Это, конечно, подбавило горячаго матеріала въ возстаніе, и экспуататоры, естественно, пострадали первые. Вскорѣ послѣ паденія Камуллунурия подошелъ Светоній, собравшій уже довольно значительное войско. Въ наступившій во второй главный городъ области, Лондиніумъ (нын. Лондонъ), также важный торговый центръ, но не могъ удержаться тамъ и отступилъ. Часть гражданъ поспѣвовала за нимъ, а Лондиніумъ подвергся той же печальной участи, что и Камуллунурий. Вскорѣ затѣмъ былъ взятъ и разоренъ еще и третій римскій городъ Верulamіумъ. Инсуренты пролили страну съ огнемъ и мечемъ, распространяя на пути смерть и разрушеніе. По словамъ Тацита до 10,000 римскихъ гражданъ пало жертвою кроваваго мщенія Бриттовъ. Это извѣстіе ясно въ томъ отношеніи, что оно доказываетъ значительную степень дикавизаціи края, если тутъ могло

(*) Описание этого возстанія, равно какъ и предвѣщагого похода Светонія противъ Мона находится въ главахъ 29-39 XIV книги Анналовъ.

находится такое большое количество римских граб-
данъ (выпестъ съ убитыми или доведено было
быть до 100,000), въ числѣ которыхъ, разумеется, были
не только ветераны, но и туремцы союзники, по-
мрившие уже отъ завоевателей этотъ высокій гдъ
достоинъ.

Распространившийся такъ быстро римской
культуры и гражданственности гродила серьезная
опасность, и кто знаетъ, что стало бы съ заво-
вателями, если бы Светонію Павлину вместо
этого поводомъ надъ инсургентами было Каму-
модурина, после которой 80,000 труповъ Кембоджа
покрывало поле сраженія, не удалось подавить
восстание. Царица Бодикса, сама предводи-
тельница восстания и воодушевлявшая
войско своимъ присутствіемъ, приняла ядъ, сра-
на была замурена и господство Рима на остро-
ве спасено. После того Римляне уже спокойно
и уверенно стали распространять свое 지배
даже на северъ. Въ царствование Веспасіана
назначенный проконсуломъ Петій Це-
ріалісъ (71-74 г.), проникъ въ землю Бригантовъ
и счастливо сражамъ съ ними. Въ городѣ Лин-
дуиъ былъ устроенъ постоянный лагерь 2го вепо-
мощнаго легіона (Legio II adjutrix), прислан-
наго въ Британію Веспасіаномъ. После Цери-
аліса Юлій Фронтинъ (74-78) успешно сражал-
ся съ Силурами и линію Дева-Линдита была
закрѣплена при нифъ, какъ северная граница
римскаго завоеванія.

Затѣмъ слѣдуетъ длиннѣе (78-85) управ-
леніе Британіи Агриколлою. Ему предстояла дво-
якая задача — подвинуть впередъ замуреніе стра-
ны внутри и продолжать завоеваніе извне. Обѣ
задачи онъ преслѣдовалъ, но можно сказать, что

не прошилъ ни той, ни другой, и его походы, прослав-
ленное Магистратъ, не достигли прочныхъ результа-
товъ.

Сначала онъ усмиривъ восстание Ордовиковъ. За-
темъ предпринимъ зимній походъ на островъ
Мону и снова захватъ его римскими войсками, и
потомъ уже устремивъ свое внимание на северъ,
задался целью покорить Мотландию, такъ что
уже весь островъ находился въ рукахъ Римлянъ.
Въ 4^й годъ войны онъ съ значительными войсками
(до 35,000) двинулся впередъ и дошелъ до залива Клай-
да (Clota aestuarium, frith of Clyde) и Форты (Bo-
dota aestuarium, frith of Forth) т.е. до Мотлан-
дии, и новая линия — Clota-Bodotia (Edinburgh-
Glasgow) считалась самымъ севернымъ границею рим-
скаго завоеванія въ Британіи.

Много и подробнаго представлений о характе-
рѣ и обстоятельствахъ походовъ Агриппы и
Магистратъ мы не потерпимъ и Гиббертъ справед-
ливо предполагаетъ продолжать въ его рассказъ. Аг-
риппа не могъ бы рѣшиться на такое пред-
пріятіе такого далекаго похода, если бы террито-
рія между Дева-Линдунъ и Clota-Bodotia не бы-
ла обезпечена хотя однимъ сильнымъ, хорошо
настроеннымъ пунктомъ, потому что здѣсь разположена
была область Бригантовъ, самого воинственна-
го и упорнаго народа Британіи, который могъ
бы упрочить римской войску съ тылу. Назва-
ніе такого пункта, на который Агриппа де-
лалъ бы непреклонно опираться въ своемъ во-
енномъ предпріятіи, опущено у Магистратъ. Под-
робнее при Траяновѣ такое значеніе получилъ Евгва-
ситъ (чортъ), основанный, видно думать, еще при Аг-
риппѣ, куда перенесли бы стратегическій центръ
тяжести изъ Камулодуну, который уже поте-

рять первенствующее военное значение. Другіе писали и надписи неоднократно свидетельствуютъ объ этомъ, а Тацитъ очень легко могъ пропустить имя этого города, потому что не предвидѣлъ его будущаго значенія. Тутъ постоянно стояли 9^е и 10^е легионы. Castra (Chester) и Eborac (Йорк) считались главными военными пунктами. Постройки для лагерей, а также и граднища видѣнныя въ этихъ городахъ изъ выискиваемыхъ по туремнымъ способамъ куртушей, которые находятся и теперь, и на которыхъ выбѣло обыкновенно жилища легиона. Въ Йоркѣ перенесена была резиденція наместника и находилась praetorium съ греческою надписью: "τοῦς θεοῖς τοῦς τοῦ προτομῆς προτομῆς".

Въ 5^е годъ война Агриппы направились въ экспедицію въ Уриандию, но императоръ Дамианъ отказался прислать въ видѣ подкрѣпленія ^{къ} 3^е легиона, находившіяся въ распоряженіи Агриппы, четвертый, и походъ не состоялся. Уриандія осталась свободною.

Затѣмъ въ 6^е годъ война Агриппы направилъ свои силы въ Уотландию въ совершенно незнакомый мѣста, географическое описаніе котораго встрѣчается у Тацита, не даетъ намъ яснаго представленія о паисъ дѣйствій. Римляне дѣлающіе были выдерживать упорное сопротивленіе со стороны короля Salavus, соединившаго подъ своего вѣдѣніемъ всего Камедонію. Сначала была имъ очень плохо — девятый легионъ, захваченный въ расстройствѣ, еще на пути былъ истребленъ весь, и побѣда, одержанная въ 7^е годъ войны, не принесла суровѣйшей пользы. Тутъ возмущались еще германскіе когорты римскаго войска, утомленные тяжкими походами и не хотѣвшіе ни за что идти впередъ. Агри-

кола должны были отступить к Ебурану, а флоты его обсадили Каледоню кругом. (Это второй период острова кораблями образованного народа древнего мира: первый совершил Питей, о котором мы уже упоминали). Вскоре потом Агрикола был отозван.

Так кончился второй период завоевания Британии Римлянами, занятый деятельностью Агриколы. Результатом его было занятие ими всей южной Англии. Агрикола распространил завоевание далеко на север и положил основание укрепленным линии *Clota-Водограда*, которая должна была защищать римские владения от южных славян *Пиктов* и *Скотов*. Император *Адриан*, который вообще предпочитал далекие границы близкие, но более прочные, подавивши южно восстание *Каледонцев* (122-124), всецело возвративши часть отнятой территории и отодвинувши римский владения до линии между устьями *Тамзы* и *Самбзиса* залива (*Itina aestuarii*). Но его инициатива на этой линии была воздвигнута длинная цепь укреплений, „*limes*“, подобная той, которой отделили римские провинции *Германию* и *Регию* от варваров. Это было огражденное сооружение, простиравшееся от моря до моря, на пространстве в 80 римских миль (= 72 англ. миль) длины, возведенное руками легионеров: оно состояло из рвов, каменных стенов, множества башен, фортов и бастийонов, выдвинутых вперед. Эти укрепления получили название „*Vallum Hadriani*“, и оставшиеся до сих пор развалины свидетельствуют о громадности сооружения. На обломках начертано много мест надписей; целый ряд сочинений и расхожих изданий посвящен изучению и описанию этого вала.

Двадцать лет спустя (в 142 г.) при *Антонине* *Великом* снова занята южная территория к северу

отъ вала Адриана и сильно упрочена напущенная
еще Агриппиною муръ Clota-Водоотка, что и возмъ
"Vallum Antonini"; длиною въ 40 римскихъ миль и
по громадности сооруженія почти неуступающая
Адрианову валу. Наконецъ въ 208 г. императоръ Септи-
мій Северъ снова отодвинулъ границу на югъ въ Ад-
рианову валу, который и именовъ въ хельтскихъ
преданіяхъ подъ именемъ вала Севера^(*). Изъ этихъ
императоръ разделилъ Британію на две части —
Britannia Superior и *inferior*.

Позднѣе при Декиеміанѣ и Константинѣ изъ
Британіи составилось четыре провинціи — *Britan-*
nia prima (на югъ), *Britannia Secunda* (Валхуѣ), *Fla-*
via Caesariensis (отъ Менторъ до Бундеса) и *Maxima*
Caesariensis (отъ Бундеса до Адриан. вала). При Ва-
лентинѣ присоединена была пятая — *Valencia* (отъ
Адрианова до Антонинова вала).

Справдъ общій очеркъ исторіи завоеванія Брита-
ніи Римлянами и наиротнѣе главные пункты рим-
ской власти на островѣ, перечисливъ наидавше

(*) Damit Schloss die Zeit der großen Bauten ab, — wo-
punto Hubs, — die hohe technische Vollendung der Jahr-
hundreds in der Ausführung solcher Werke von den
kein Schriftsteller uns meldet, bezeugen allein die
Trümmer dieser Wälle. Ihm Schutze derselben und
ihrer Besatzung genoss die Bevölkerung Britanniens
zweihundert Jahre einer ruhigen von aussen nicht
gestörten Entwicklung. Am „limes“ aber entfaltete sich
das römische Soldatenleben in der Fülle seiner
Eigenthümlichkeit: die Hälfte aller in Britannien
gefundenen Inschriften gehört den Hadrianswall
an“ („Die Roman. Landesk.“, amp. 294).

замкательное центры мирной городской, муници-
пальной, внутренней жизни, которое в дальнейшем
случае совпадают в первом. На первом на-
м нужно представить Camulodunum, предположительно
муну Кунобеллина. В 57 г. здесь поселено было зна-
чительное число ветеранов и город получил
название — Colonia Victrix. Тацит говорит об
этом, что *colonia camulodunum deducitur in
agros captivos, subsidium adversus rebelles et im-
buendis sociis ad officia legum* (Ann. XII, 32). Но
еще в 68 году это уже был большой,
богатый и торговый город, и царя Боадичея
указывает на его цветущее состояние, как на
одно из проявлений нашествия Римлян, которое
отнимало у туземцев и землю, и население на
ней и на ней основывали свое благосостояние.
В этом городе утвердился культ императо-
ров, был возведен храм в честь Клавдия:
„*Templum divo Claudio constitutum*, говорит Та-
цит, — *quasi arx aeternae dominationis aspicieba-
tur* (Ann. XIV, 31). Выдвигались кресты, которые под
видом религии распространяли христиан-
ское влияние. Камулону не было окружено ст-
нами; но крайней мере, не сохранилось от него
развалин и сам Тацит говорит: „*Nec ardu-
um videbatur excindere coloniam nullis mun-
imentis munitam*“ (Ann. XIV, 31); и Римляне были о-
радоваться бедностью самих граждан
и ветеранов, так что слова „*arx dominationis*“
должны быть поняты скорее в переносном
нравственном или чувственном смысле, чем
в собственном. О храме в честь Клавдия идет
также речь в папирусах, направленных про-
тив этого императора и можно приписать
Сексу. Рядом с жидкой военной здесь

Быстро и деятельно развивалась муниципальная гражданская жизнь и ее надписей (помимо найденных в VIII т. Corp. inscr. Lat., под ред. Гибнера) прямо говорится о римских гражданских колониях Камулодунума. Тут же находят следы художественных произведений римской работы — мозаичные полы, бронзовые статуи Меркурия и Минервы, головы Силена и Кая Цезаря, монеты и римского времени и времена Купобеллина и т. д. Надписей найдено не очень много, может быть, потому, что впоследствии, после замурования официальных колоний эта утратила свое значение. Большая часть надписей принадлежит центурионам 20-го легиона. Между ними сохранилась очень хорошо сохранившаяся надгробная плита одного центуриона, относящаяся, судя по надписи, ко времени Нерона, с красивыми рельефными изображениями. Из надписей этих видно, что центурионами тут были главным образом люди из отдаленных провинций, напр. из Визигии. Это касается до Августалов, то о них мало слышно в Британии.

После Камулодунума следуют называть Лондиниум, город, который раньше всего других городов Британии достиг большого торгового значения. Это был центр торговых сношений с Галлией и Германией, постоянная стоянка римского флота, и сам Тацит говорит о нем: „*Londinium copiosius quidem colonia potius insigni, sed copia negotiatorum et commerciorum tamquam celsiore*“ (Ann. XII, 33). Во время восстания Боадикены, когда Лондиниум вместе с Камулодунумом и Веруламием был предан разрушению, это был уже значительный город. Он скоро оправился после несчастия и сохранил значе-

ние первого торгового центра провинции во все время римского владычества. Тутъ очень рано было распространено известное кулево Цевара, какъ и ния провинции, и Лондиниумъ уже въ первую эпоху завоевания могъ считаться второю столицею римской Британни. Сюда следились дороги со всехъ пунктовъ и съ юга и съ сѣвера, здѣсь находилась таможенная станція: на это послѣднее указываютъ надписи, въ которыхъ постоянно упоминается о лондонскихъ публиканатахъ, собирающихъ подати. Здѣсь въ числѣ другихъ поселенцевъ было много Грековъ и Евреевъ (встрѣчаются и греческія надписи), а также уроженцевъ востока. Многіе остатки богатыхъ зданій и произведеній искусства свидѣтельствуютъ о благосостояніи города.

Затѣмъ находимъ два пункта, въ которыхъ постоянно стояли два римскихъ легіона: Deva (Chester) и Eborac (Caerleon). Первый былъ на пересѣкѣ 20-го легіона, второй — 2-го Августова. Мало по малу вокругъ лагерей, какъ это часто бывало, выросли значительныя городскія общины, въ которыхъ, судя по находившимся развалинамъ, римская муниципальная жизнь достигла широкаго развитія и богатства. Уже давно найдено въ этихъ мѣстностяхъ и продолжаютъ открываться остатки стѣнъ, вратъ, дворцовъ, банъ, театровъ и водопроводовъ и эти остатки, а также и надписи свидѣтельствуютъ о пребываніи въ Девѣ и Эбурѣ большого корпуса ветерановъ.

Далѣе на сѣверъ на пути между Лондиниумомъ и Эбуракумомъ лежалъ Lindum (Lincoln). Городъ Эборотингенсис у Атолениса (исп. II в. по Р. Хр.) и у географа Равеннского, относимаго приблизительно къ VII в., но вѣроятно еще болѣе поздняго (исп. Ravennatis Anonymi Cosmographia ed. Pinder und Parthey Berol

1860. pag. 430. *Lindum colonia*). Изъ одной надписи, которую мы сейчас приведемъ, сдѣланной однимъ городскимъ декуріономъ въ честь своей жены, видно, что городъ этотъ представлялъ организованную, самоуправляющуюся колонию. Вотъ эта надпись: „*Volusia Faustina vivit annos xxvii, mensem i, dies xxvi. Aurelius Senecio decurio ob merita conjugis posuit.*“ (Corp. inscr. Lat. VII, N 189, Зибнера). Самое существованіе въ городѣ декуріоновъ свидѣтельствуетъ о разбитіи въ немъ муниципальной, общинной жизни.

Во II вѣкѣ главное значеніе переходитъ къ городу Еввакситъ, возникшему, по всей вѣроятности, при Агриколѣ. Изъ надписи (у Зибнера № 248) видно, что тутъ была учреждена колонія. По сохранившейся греческой надписи II в., приведенной раньше, видно, что тутъ были преторіицы, главная резиденція и дворецъ проконсула. Также какъ и Ебуракъ получивъ значеніе во II вѣкѣ, то мы естественно находимъ здѣсь развалины памятниковъ, напоминающихъ восточныя религиозныя върванія, напр. развалины храма египетскаго бога, Сераписа и персидскаго, Митры; въ это время среди легіонеровъ очень распространены были восточныя культы. Въ Ебуракумъ сохранилось много остатковъ отъ римской эпохи — утварь, мозаичные полы (о которыхъ говоритъ и Макарий), саркофаги, кирпичные гробы легіонеровъ и т. д.

Къ исходу римской эпохи было въ Британіи 28 городовъ, имена которыхъ перечисляютъ британскіе географы.

Кромѣ помпозованныхъ уже назовемъ еще нѣскольکو городскихъ центровъ, обладающихъ своимъ происхожденіемъ римскими легіонами, а также нѣкоторой президіи столица кельтскихъ князь

ковъ^(*). Viroconium (Wroaster), Ruturiae (Richborough), хорошая гавань, Durovernum, город Кантievъ (Canterbury), Verulamium, Eborac (York), Glevum (Gloucester), Aquae Sulis (нын. Bath). Любопытно, что послѣдній городъ Jorda уже славился, какъ и теперь Батъ, своими теплыми, целебными источниками (вѣдѣта Деридъ, какъ говоритъ Птолемей). Здѣсь находилась яраиъ богини Sulis-Minerva и эта мѣстность полна остатковъ римской жизни. Между прочимъ Марквардтъ въ своемъ сочиненіи „Частная жизнь Римлянъ“ говоритъ, что устроенныя здѣсь бани могутъ служить лучшимъ образцомъ для описанія римскихъ термъ вообще. Сюда стекались для пользованія теплыми ваннами не только жители острова, но собирались также очень много народу и съ материка, напр. изъ Грифа и Меча, какъ ясно видно изъ надписей. Вотъ главныя пункты римской осѣдлости, римской жизни и культуры въ Британіи.

Хотя нельзя сказать въ Британіи столько значительныхъ городскихъ центровъ, сколько ихъ было въ римскую эпоху въ Испаніи и Галліи, но все-таки нужно сказать, что римская культура привнесла живую струю на отдаленный островъ. Нельзя забывать, что римская культура пришла въ Британію не только въ завоеваніи страны, но и въ ея мирной внутренней организаціи. И действительно, римское господство въ Британіи не ограничилось военными занятиями острова;

^(*) Эти послѣдніе, впрочемъ, потеряли въ римскую эпоху свое значеніе; ихъ античные образцы можно легко узнать по тому, что ихъ названія обыкновенно оканчиваются на burgh, поздн. англ. bury.

не стало служить притягательного силою, ведущего
туземное население к усовершенствованию в умствен-
ных, нравственных, политических и социальных
отношениях.

Какъ весь древний Агрикола, это могъ сказать подроб-
но изъ расказа Тацита. Онъ во все вмешивался
лично, поощрялъ энергичныхъ людей, порицалъ и обо-
дрялъ нерадивыхъ и усталыхъ; затрогивалъ често-
любивъ и соревнованій туземцевъ, выставляя въ при-
мѣръ быстрые успѣхи восточной Галлии въ древней
цивилизаци и хозяйственнаго развитія. Этого упор-
ного неутомимаго деятельности онъ сильно под-
нималъ духъ Британцевъ, поселивъ въ нихъ удовле-
ствіе въ необходимости принять высшую римскую об-
разованность и лучший образъ жизни, и тѣхъ, кото-
рые прежде съ презрѣніемъ отворачивались отъ ла-
тинскаго языка, теперь стали ревностно изучать
его. Страна приняла свой видъ: поднялись кра-
сивые города съ портиками, форумами, храмами,
домами на итальянскій ладъ; жители стали до-
бавлять въ римскую тогу, стали привыкать къ рим-
скому образу жизни, сродняться съ римскими обы-
чаями. А вместе съ этими признаками цивили-
зации, прибавлялись Тацитъ, стали появляться и
ея отрицательныя спутницы роскошь и изысканность. Зна-
ные Британцы уже не могли жить безъ общесвен-
ныхъ великолѣпныхъ термъ; они стали предавать-
ся празднику жатвы по открытію рощахъ;
богатые и обильные пиршества и попойки сдѣлались
обыкновенными званіями и т.д. и т.д. Это посѣд-
нее замечаніе Тацита уже слишкомъ рѣзко и
преувеличено: какъ стоить, какъ человекъ, находив-
шійся въ постоянной и горячей оппозиціи правя-
тельству римскаго общества времени имперіи, онъ
не могъ сочувствовать распространенію пороковъ

римской комфортабельной жизни в провинциях.^(x)

Существовали в Британии в незначительном количестве и римские школы, куда знатные люди из среды кельтов посылали своих детей учиться латинскому языку и римскому красноречию. Латинский язык распространился в Британии. Об этом есть указания у римских писателей. Так Плутарх говорит, что красноречивая Галлия соединилась учителями суггестивных бриттов и Галлахом Тилем (Британией) уже поговаривалась о наемных риторов (преподавателей красноречия).^(xx) Автор многих анналов, Кассиодор, рассказывает, что его сотоварищи

(x) Выписывается для желающих это классическое место из Плутарха, в котором он характеризует ход риманизации в северных областях империи: „Sequens hiems saluberrimis consiliis absumpta; namque ut homines dispersi ac rudes eoque in bello faciles, quieti et otio per voluptates assuescerent. Hortari privatim, adjuvare publice, ut templa, fora, domos exstruerent laudando promptos et castigando segnes: ita honoris aemulatio pro necessitate erat. Jam vero principum filios liberalibus artibus erudire, et ingenia Britannorum studiis Gallorum anteferre, ut qui modo linguam Romanam abnuebant, eloquentiam concupiscerent. Inde etiam habitus nostri honor et frequens toga. Paulatim discessum ad delinimenta vitiorum, porticus et balinea et conviviorum elegantiam. Idque apud imperitios humanitas vocabatur, cum pars servitutis esset.“

(Agr. Cap. 21).

(xx) Gallia caustidicos docuit facunda Britannos
De conducendo loquitur jam rhetore Thyle.

(Juv. Sat. XV, III).

речей гитарахъ и наслаждаются или не только въ
самой столицѣ имперіи, но и ^{въ} военныхъ лагеряхъ
на Дунаѣ и въ Британіи^(*). Сличивъ далеко разо-
дуть въ предположеніяхъ о степени риманизаціи
Британіи мы не можемъ. Галльскіе шиканы были
действительно значительны, но шиканы Британіи
не пользовались известностью, и мы не можемъ
назвать авторовъ, способствовавшихъ разсрѣженію
римской литературы, которое были бы родомъ
изъ Британіи. Если есть некоторые римскіе пи-
сатели оттуда, то они принадлежатъ уже къ
христіанскому періоду. Изъ ихъ числа можно
назвать Неласія и его ученика Целестина, Пат-
рика, апостола Ирландіи, и Беду, которое зрѣли
и писали, когда латинскій языкъ былъ уже язы-
комъ мертвымъ. Это обстоятельство объясняетъ
и то, что римское господство не было здесь
очень продолжительно (тянулось около 400 лѣтъ) и
не проникло очень глубоко. Самое количество над-
писей Британіи несравненно меньше, чѣмъ, напри-
мѣръ, число испанскихъ. — Но съ другой стороны
нельзя согласиться и съ Буркингемскимъ, который
отрицаетъ всякое вліяніе латинскаго языка на
матеріальныя народныя. Онъ говоритъ, что латинскій
языкъ держался здѣсь только среди Римлянъ, и
что, когда въ самомъ началѣ 5 столѣтія (409 г.)
ядро римскаго населенія оставило Британію, языкъ
замѣнилъ на языкъ латинскій провъ. Укаже, продол-
-

(*)

Non urbana mea tantum Pimpleide gaudent
Otia, nec vacuis auribus ista domos
Sed meus in Jeticis ad Martia signa pruinis
A rigido feritur centurione liber
Dicitur et nostros cantare Britannia versus.
(Mart. Epigr. xi, 3)

длается онъ, нельзя было бы объявить, какими обра-
зами англосаксонское завоевание могло такъ быстро
вытеснить весь следъ римскаго вліянія, крѣпость
и языка и такъ полно германизировать страну,
тогда какъ подобнаго же рода завоеваніе Галліи
Франками не привело къ такому результату;
даже даже напротивъ, тамъ сарвары подни-
мались духовному вліянію романизованнаго на-
селенія. Это разсужденіе не вѣрно. Исчезновеніе
или подавленіе следовъ римскаго господства
и вліянія нужно приписать особенно жестоко-
му, истребительному характеру Англо-Саксонска-
го завоеванія. А съ другой стороны въ томъ же
постарѣ Британіи, гдѣ гудне центръ укрѣпился
латинскій языкъ и римская цивилизація, много
цѣнное внатѣхъ, напр. Шухардтъ, наводитъ ла-
тинскіе элементы въ сохранившіеся тамъ до сѣ-
годня кельтскіе говоры, и мы должны отдать
на эту сторону, такъ какъ это много носило
на себѣ печать болѣе научной достоверности.

Дунайскія провинціи.

Между великими государственными работа-
ми, которая были прервана внезапной, насильствен-
ной смертью Цезаря, оставалось неоконченнымъ
опредѣленіе, регулированіе и укрѣпленіе северной
границы Италіи, и Августъ взялъ на себя завер-
шеніе этой задачи. Какъ Цезарь утвердилъ за
Римомъ обладаніе мѣсто Рейна, такъ Августъ
предпринималъ распространеніе римскаго господства
въ областяхъ, лежащихъ въ бассейнѣ другой великой
европейской и всемірно-исторической рѣки — Дунай.
Плодомъ этого новаго завоеванія, послѣдній актъ
котораго разыгрался далеко послѣ смерти Августа,

явившей такъ называемой дунайской провинции римской империи. Это было именно такъ:

- 1.) Рация съ Винделицией (Rætia et Vindelicia) занимала юго-восточную Швейцарию, Тироля и часть Баварии.
- 2.) Норикъ (Noricum) расположенъ былъ на территории нынешнихъ австрийскихъ земель — Тироля, Каринтии, Верхней Австрии съ частью, на среднемъ течении Дуная.
- 3.) Паннония (Pannonia) — нынешняя Венгрия и часть австрийскихъ земель до Сава.
- 4.) Мезия (Moesia) — часть Сербии и Болгарии. Южная въ Далмацию, Фракию и Македонию римское господство и влияние распространено было и раньше, и мы въ этомъ много говорить не будемъ.
- 5.) Наконецъ послѣдняя на Востоке и позднѣе вѣкъ присоединенная къ Риму область была Дакія (Dacia), нынешняя Румынія.

Сделаемъ общее обзорное исторію завоеваній и романизации названныхъ провинцій.

Упомянемъ прежде всего объ этнографическомъ составѣ ихъ населенія. Придунайскія страна были населены народами, принадлежавшими къ различнымъ племеннымъ группамъ. Главную массу, населявшую Липовъ и вернее и среднее течение Дуная, составляли Кельты, родственные Бойямъ, которые жили въ Богеміи (Boiohaemum), проникши сюда, по всей вѣроятности, обративъ, завоевательныя движенія изъ Галліи. Мужественное и неистощимое население было ими истреблено завоевателями, или растворилось въ ихъ массу, оставивъ, впрочемъ, слѣды своего существованія въ некоторыхъ своеобразныхъ чертахъ быта Кельтовъ этой местности. Населеніе Норика также принадлежало по болѣе —

шей части къ Кельтскому племени. Истинно же горняк известностей Эллинов, носившее название Рав-
тиса принадлежало, по всей вероятности, къ пле-
мени родственному съ Этрусками, какъ думаютъ
древніе писатели, и что подтверждаютъ и новые
ураки. — Поэтому находимые до сихъ поръ въ горныхъ
аппенинскихъ странахъ памятники Этрускаго
искусства нужно приписывать не только торговому
вмешательству съ Этрусками, но и истинному про-
исхождению. — Истинно Паннонии также были Кель-
ты, которые покорили тутъ какое то первобыт-
ное население, принадлежавшее, вероятно, къ Илли-
рийской славяне, которая населяла восточную часть
Балканскаго полуострова, а раньше, нужно ду-
мать, распространилась далеко кругомъ и зани-
мала значительную часть Аврора.

Наконецъ образцы Римляне древности были
иногда даже здѣсь въ значительномъ числѣ народами,
не представлявшими одного обширнаго полити-
ческаго единства, распадавшимися на нескль-
ко большихъ группъ и множество мелкихъ, раз-
единенныхъ племенныхъ союзовъ, не имевшихъ
между собой тѣсной связи, а потому не бывшихъ
въ состояніи противопоставить Римскому за-
воеванію серьезной силы.

Далѣе въ странахъ на Югъ и на Северъ отъ
Дуная въ его нижнемъ теченіи жили еще дру-
гид племена, которыя, по многимъ новымъ уракамъ,
распадались на двѣ большія группы:

1) Иллирийское племя, состоявшее изъ многихъ
мелкихъ народцевъ, жившихъ по восточному берегу
Адриатическаго моря — въ нынѣшней Далмаціи,
Герцеговинѣ, большей части Боснии, части Кроа-
ции и Славоніи и говорившее на языкъ родствен-
ный съ нынѣшними албанскими нарѣчіями, кото-

рое въ свою очередь въ Бисконѣ преимущественно род-
ство съ старыми Пеласгическо-Диминскими го-
дорами. Это население жило также и въ Маке-
доніи и потому, очень похвально, подверглось грече-
скому вліянію.

2.) Оракійское племя, жившее во Фракіи и насе-
лявшее также подъ наваміеи Гетовъ и Дакій-
цевъ, местность въ северу отъ Балкановъ и оба
берега нижняго Дуная. Это племя говорило на сво-
емъ особомъ языкѣ, какъ предполагаютъ, близ-
къ языку Иранскимъ. Въ рассмотреніи расе-
ностей этого вопроса мы не будемъ входить, за-
помнимъ только, что древніе народы, населяв-
шіе самую восточную часть дунайскихъ провин-
цій римской имперіи, несомненно правильное
и научное.

Припомнимъ теперь въ общихъ чертахъ историю
утвержденія въ Дунайскихъ странахъ римскаго
господства. Какъ мы уже скажемъ, еще Цезарь
задумалъ опредѣлить и укрѣпить северную гра-
ницу Италіи. Это было необходимо: тогда одна-
днѣе Галліею было утверждено, нужно было обез-
печить сообщенія Италіи съ нею, а въ Альпахъ
между тѣмъ жили свободные еще народы, кото-
рые могли постоянно прерывать сношенія ме-
жду галльнѣйскою и предальпнѣйскою Галліею.

Послѣ смерти Цезаря планъ его началъ испол-
нять Августъ. Уже во время втораго триумвирата
погнута была часть Далматіи. Римскіе
легіоны утвердились на северныхъ склонахъ Дал-
матическихъ Альповъ; обезпечено было обладаніе го-
родами Tergeste и Aquileia. Основана была новая
колонія — Foia и Емона (поздн. слав. Любляна, или
Лайбахъ); отнята была у обитателей Панноніи

еционная Siscia (Sissen) и обращена въ главный военный опорный пунктъ противъ народовъ, живущихъ на лѣвѣ и на правомъ берегу нижняго Дуная. Это были первые шаги римскаго завоеванія. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ Августъ началъ приводить въ исполненіе свой планъ уже послѣ битвы при Акциумъ, когда монархическая власть династии Юліевъ была утверждена въ Римѣ. Годъ спустя послѣ побѣды Августа надъ Антоніемъ (въ 29 г. до Р. Хр.) М. Луцій Крассъ, наместникъ Македоніи, похоронилъ Медью, распространившуюся за пределы нынѣшней южной Россіи и до этихъ поръ остававшуюся вполне независимой отъ римской власти; а въ восточной ильнійской Италіи въ то же время были подавлены воинственные племена Салассовъ.

Особенно важны въ исторіи первыхъ годовъ завоеванія придунайскаго края 15^й г. до Р. Хр., когда постановлено было нанести альпійскимъ народамъ решительный ударъ при помощи двойнаго соединеннаго движенія двухъ императорскихъ примцевъ, Тиберія иъ Геміи и Друза иъ Италіи. Во время этого похода римскія войска Друза пролагали себѣ дорогу по дикимъ ущельямъ горнаго русла рѣки Eisack (Eisack), открыли и форсировали проходъ черезъ Альпы въ области Тиреновъ. Арміи обоихъ главнѣйшихъ дуноуницъ соединились у Боденскаго озера, послѣ цѣлаго ряда побѣдоносныхъ битвъ съ храбро сопротивлявшимся горнымъ народамъ и укрѣпившимся на Дунаѣ. Знаменитые походы Тиберія и Друза были воспои Горациемъ, а сенатъ и народъ воздвигли въ Римѣ въ честь Августа величественный памятникъ — Трофеумъ Алпийскій. Похоронная въ одинъ лѣтній походъ область, занимавшая нынѣшнюю

восточную Швейцарию, Тироли и южную Баварию, была обращена в провинцию и названа Рэция и в ней основаны были две крепости. Augusta Rauiacorum (Аукет), которую, впрочем, нужно скорее отнести к Галлии, и Augusta Vindelicorum (Аугсбург). Эти две укрепленные пункта защищали новую границу и скоро обратились в центры городской жизни в новых провинциях.

Рекорв потомки императора Норика, который отделился от Рэции притоком Дунай Иммавис (Immauis), добровольно отдалась во власть Римлянам.

Ранние кельтские население Норика находилось попеременно то во вражде, то во дружбе с Римлянами, но теперь терпящее с востока грозными соседями своими Саксами, Кельты Норика заключили вечный мир и союз с Римлянами, так что эта область первое время считалась как бы отдельным государством. Реднум Норикум, когда без царя, но потом обращена была в провинцию. В Норике возник город Сарнунтум (близ нынешней Вены), опорный пункт для дальнейших операций.

Через несколько лет предпринято было дальнейшее движение на восток по Саво и Эраво в Паннонии в связи с дружиной обширных предпринять, направленную к Галлии во внутреннюю Германию. Эти походы повели к началу распространения римского могущества до берегов Дуная и до Нижнего Дуная.

Начальником Паннонского похода должен был быть знаменитый Агриппа; но он скоро умер и командование экспедицией поручено было Мисеру. В два года (12^е и 11^е до Р. X.) Мисерий окончил свою задачу успешно и был даным кровопролития: он совершил великое дело как в

вооруженъ, такъ и въ административномъ отно-
шеніи и Августъ въ известномъ Monumentum An-
сугранит хвалился, что онъ раздвинулъ съ помощью
поддѣлъ своего насечка до Дунай границы римской
имперіи.^(*) Это было событіе первостепенной важности
и чрезвычайно странно, какъ оно осталось не
замеченнымъ большинствомъ писателей.

Затѣмъ происходила мирная передача, объ-
ясняемая политическими и даже семейными при-
чинами: Мидерій возбудилъ противъ себя тогда
нерасположеніе Августа и подругать главное нагла-
ство въ Германиі или Панноніи кому нибудь дру-
гому, какъ принципу крови, императоръ считалъ
неудобнымъ.

Въ этотъ промежутокъ и произошло доста-
вившее Римлянамъ много хлопотъ сосредоточе-
ніе, консолидированное силъ Германцевъ. Герман-
ское племя Маркоманновъ подъ предводительствомъ
знаменитого короля, Марбода, поднялось изъ своего
многоопредѣленія въ припайнскихъ странахъ, на-
правилось на Востокъ въ нынѣшнюю Богемію,
вытеснило оттуда Боиевъ, вскоре соединило подъ
своимъ господствомъ обширную территорию, про-
стиравшуюся отъ Эльбы до Вислы и отъ Дуная
до Балтійскаго моря и заняло грозное положе-
ніе по отношенію къ римской имперіи, границъ ко-
рой новая Маркоманская Террава касалась. —
Марбодъ, самъ членомъ римскаго образованія, ор-
ганизовалъ свое войско на римскій образецъ, такъ

(*) "Pannoniorum gentes, quas ante me principem po-
puli Romani exercitus nunquam adita devictas
per Ti. Neronem, qui tum erat privignus meus, impe-
rio populi Romani subjeci protulique finis Illyrici
ad ripam fluminis Danuvi."

что борьба съ Маркиманном представлялась очень серьезной и опасной для Рима вообще.

Занево Богемию, Марбоду как бы посылъ наперерывъ римскимъ планамъ захватить линии Дуная, обладание которого неминуемо было, какъ скоро Богемия попадалась въ чужие и сильная рука, и въ 6-ю году по Р. Хр. решено было снарядить противъ Марбоды ограниченную экспедицію. Наступление должно было начаться съ двухъ сторонъ, съ запада и юга, но главный удар Римляне готовились нанести изъ Норика. Въ Карнунтѣ собрана была легиона, и Тиберій, уже объявленной наследникомъ престола, назначенъ былъ опять главнокомандующимъ.

Когда римское войско готовилось уже переправиться на северный берегъ Дуная, вдругъ пришло известіе, что въ тайну, въ Панноніи и Далмации вспыхнуло сильнейшее восстание - нужно было немедленно отступить. Причиной восстания была невыносимая тяжесть римскаго владычества: это были всеобщій взрывъ недовольствъ поработенныхъ народовъ всей страны отъ Дуная до Адриатическаго моря. Опасность была великая. Счастливо, что Марбодъ согласился на миръ, но крайней мере, не поборный, и римскія войска успѣли навадо для подавленія восстания.

Видимость театра кровопролитія въ Римъ - въ десять дней неприятель нашъ явился предъ стѣнами всемирной столицы - еще увеличивая страхъ безоружной Италии и Августъ не скрываетъ опасности, а прямо говорить о ней въ сенатъ. Былъ предпринятъ крайній рядъ быстрыхъ и энергическихъ мѣръ: объявленъ былъ чрезвычайный налогъ, сформировывались новые легионы, учреждена была особая военная казна (*aerarium militare*). Сами престарѣлыя

императоръ отправился въ Арминию, чтобы лично тамъ распоряжаться военными приготовлениями и отправить своего зюка, молодого Германика, къ войску. — Военными дѣйствіями руководилъ Тиберій. Благодаря сему принятому мѣрѣ возстаніе было подавлено, но на это все таки понадобилось четыре года кровопролитной войны (отъ 6 до 9. по Р. Хр.) и странное напряженіе всего римскаго народа. Только лишь удалось достигнуть желаннаго результата, только лишь римское войско готовилось опять идти противъ Маркоманновъ, какъ разразился надъ имперіею новый страшный ударъ — произошла Мевобургская катастрофа. Понявшею было надобно предъять завоевательныя стремленія императоровъ. Римляне отступили изъ зарейскихъ странъ и дѣлая великая рѣка назначена окончательной границею имперіи въ той сторонѣ римскихъ владѣній. Определена была также граница и на Дунаѣ: все его теченіе даже до впаденія Дравы не было фактически занято при Августѣ; Римляне ограничили укрепленіемъ линіи Дунай на сѣверъ и условною границею *Liscia - Poetovio - Carnuntum* на востокъ. Августъ, разбитый разочарованіемъ и удрученною болезнью сошелъ въ могилу. Въ такомъ положеніи дѣла оставались тутъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Римляне стремились только къ обезпеченію новыхъ владѣній, не расширяя ихъ. Разобщенность германскихъ племенъ и скорое распаденіе Маркоманнскаго государства облегчало имъ эту задачу.

Только при императорѣ Домитіанѣ въ концѣ I в. прерванъ былъ миръ, начались столкновенія съ германцами и прежде всего опять съ Маркоманнами или Скевами. Домитіанъ возбуждалъ противъ нихъ народъ. — Маріевъ, живущій въ южной Силе-

зии. Маркоманна вторглись въ пределы имперіи и нанесли Римлянамъ серьезный ущербъ.

Въ это же самое время начался столкновение съ новыми и опасными врагами. — Даки, многочисленный народъ Оракийскаго края, занимавший юго-восточную Молдавию, Валахию, Трансильванию и часть Венгріи, представляли уже значительную силу и возбуждали опасенія Римлянъ во времена Цезаря и Августа. Съ тѣхъ поръ ихъ значеніе и сила все увеличивалась. Въ средѣ сакійскаго племени, начинавшаго было одно время страдать отъ различныхъ внутреннихъ хвѣвъ, совершалось своеобразное, религиозно-политическое возрожденіе. Религиозно-политическими реформаторами Даковъ явились гетскій царь, Буривиста и свѣщенникъ Декеней. Нов. теорія создавала государство, въ которомъ теократическая идея должна была уступить первенство абсолютно-монархической власти. Это могло дать царямъ Даковъ такое положеніе относительно ихъ подданныхъ, какое занимали раньше только позднѣе каліфы относительно Арабовъ.

„Народъ, — говоритъ Моисей, — доведенный безпримѣрными мученіями какъ до полнѣйшаго нравственнаго и государственнаго разпаденія, какъ бы совершенно преобразился подъ вліяніемъ новаго евангелія, проповѣдывавшаго гуманность и милосердіе; опираясь на свои, такъ сказать, пурифрански-дисциплинированные и вѣковенные отряды, царь Буривиста основалъ въ теченіе немногихъ лѣтъ могущественное государство, раскинувшееся по обоимъ берегамъ Дуная далеко вглубь Оракіи, Иллирій и Норика.“ — Непосредственнаго соприкосновенія съ Римлянами у него еще не было и никто не могъ сказать, что случилось съ имъ этого страннаго

государства, напоминая начало ислама, но оно можно было предсказать, не будучи пророком, а обладая простым здравым смыслом, что нужны были даровитые и энергичные руководители, чтобы бороться с Акарами и их воодушевленными предводителями.

Государство аракское еще больше усилилось, когда во главе его стали знаменитый Децебал (во времена Домициана, Нервы и Траяна), который высоко поднял национальное знамя аракских народов и объявил себя врагом Римлян. Император Акаров было многочисленное, находилось в родстве с аристократией Мизии и Фракии и заняло такое же положение, как и знаменитая Британия по отношению к Риму во время войны с Цезарем, поодиночке убивая дед изгнанников и эмигрантов и не имея никакого национального чувства, на которого от надежды обращались взоры всех желающих свободы патриотов, поработивших Риму аракских племен.

В 86 г. Децебал вторгся в первый раз в пределы римской империи, перейдя Дунай в двух местах — в Мизию и в Паннонию, направив свой грозный удар из горной Трансильвании, очень выгодного в стратегическом отношении опорного базиса, господствующего над Дунаем с двух сторон, как со стороны Мизии, так и со стороны Паннонии. Походы Домициана против Децебала были неудачны, и он заключил с ним в 91 г. невыгодный мир.

Эти обстоятельства привели римскую политику в дунайских провинциях. Император Траян стремился установить там более прочную организацию и занять все линии Дуная до впадения в него Дравы. Так еще ранее

при Веспасианѣ именовано было расположение легионовъ въ Паннонии: нѣко Ретовіо они выдвинуты были впередъ въ Сапинути, а нѣдкое при Траяанѣ основано было важной укрѣпленной пунктъ римскаго господства — Аквикумъ на Дунаѣ (нынѣшн. Офенъ).

Нѣкого и говоритъ, что Домиціанъ своими неудачными сраженіями противъ Даковъ и сими тебными миромъ, по которому не Римляне продаживали условія Децебалу, а чуть ли не онъ самъ наложилъ на нихъ контрибуцію, покрылъ себя позоромъ въ глазахъ Римлянъ. Поэто низложилъ этого императора и непродолжительнаго царствованія Нерва вступилъ на престолъ Траяанъ, который и основалъ основание новой полифактъ на Дунаѣ. Онъ рѣшилъ нанести ударъ грозному Дакамъ. Война съ этимъ племенемъ представляла большія трудности. Это не было варварскій, дикій народъ; Даки были знакомы съ греческой образованностью,^(х) къ нимъ проникали даже отчасти и римскіе культурные элементы. Разные вироцы и эмигранты изъ Паннонии и Мазии помогли Децебалу устроить свою армию по римскому образцу и она представляла внушительную силу.

Несмотря на это Траяанъ рѣшилъ во второй то онъ стало похитить въ Дакалии. 1го Марта 101 года отправился императоръ къ армии, а въ Римъ въ это время совершались торжественная жертва и возносились молитвы о счастливомъ окончаніи пред-

^(х) Это доказываютъ находимые въ южной Венгрии и Трансильваніи во множествѣ монеты, относящіяся ко времени Филиппа Македонскаго, Александра Великаго, Антонина Бракийскаго и др.

пріятія. Траянъ совершилъ два большихъ похода въ Дакію. Первый продолжался отъ 101 до 103 г. Походъ былъ труднымъ, но успѣхъ получилъ наградою за труды. Траянъ записавшись въ Децебалинъ мѣръ, по которому тотъ признавалъ себя клиентомъ и данникомъ Рима. Но Децебалъ того исполнить не захотѣлъ, и, оказавъ немалый другой походъ, который начался въ 105 г. и продолжался два года. Въ 107 году окончено было покореніе Дакіи. Децебалъ въ отчаяніи, закопавъ въ землю свои сокровища, пронзилъ себя мечемъ. Дакія обращена была въ римскую провинцію. Борода потребовала чрезвычайнаго на пряженія силъ. Нужно было много воиска, требовавшее большихъ средства на необходимыя военныя сооруженія. Напр. оказавшееся нужнымъ построить постоянной каменный мостъ черезъ Дунай, остатки котораго сохраняются до сихъ поръ у Турну-Северина — громадная постройка, которая названа была мостомъ Траяна, и которая возбуждала бы удивленіе и въ наши времена. Черезъ это достигнуто было необходимому для военныхъ цѣлей соединенію между Дакіей и Мезіей.

Римская власть распространилась далеко на востокъ до степей южной Россіи и здѣсь на восточной границѣ нынѣшней Бессарабіи между Днѣстромъ и Прутомъ возведена была при Траянѣ цѣль укрѣпленій, известная подъ именемъ Траянова вала. Онъ состоялъ изъ трехъ рядовъ укрѣпленій земляныхъ и каменныхъ. Первый рядъ идетъ отъ Аккермана на днѣстровскій лиманъ къ нижнему теченію Прута; второй — севернее: отъ Бендера на Днѣстръ до Леова на Прутѣ; наконецъ еще севернее — отъ верховья теченія Днѣстра идетъ третій валъ на Западъ Галиціи. Такой же рядъ вала возведенъ былъ въ северной части нынѣшней

Добруджи, которая всегда служила военною доро-
гою сѣверовосточныхъ варваровъ, когда они стреми-
лись на югъ; остатками этихъ укрѣпленій поль-
зовались Русскіе еще въ послѣднюю турецкую войну.

Блестящія победы Траяна торжественно пра-
зновались въ Римѣ. Вспрашивание 115-го дня дли-
лись публичные игры. Раскопные памятники,
зданій и произведенія искусства были воздвигну-
ты въ честь побѣдителя Даховъ. Въостроумъ былъ
сочиненъ Траяномъ въ Римѣ, на срединѣ которого
воздвигнута великолѣпная траянова колонна
съ рельефными изображеніями сценъ изъ похо-
да, дунайскихъ укрѣпленій и типовъ покоренныхъ
народовъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые иссле-
дователи указываютъ на славянскіе типы.

Память о Траяновѣ долго сохранялась посре-
ди тогдашнихъ племенъ, которая онъ покорилъ, и имя
его долго повторялось въ племенахъ даже славян-
скихъ народовъ. Существованіе Траяноваго похода
было присоединеніе къ римской территории огром-
ной провинціи и распространение на долѣхъ
Востокъ въ Трансильваніи и даже далѣе ея
римскихъ колоній, римской городской жизни и
ея особенностей. Время Траяна было послѣд-
нимъ разцвѣтаніемъ римскаго творческаго гения;
вскоре потомъ началось время упадка римска-
го могущества, и варвара уже стояли во воору-
женіи у раскинутыхъ на огромное простран-
ство, но тогда укрѣпленныхъ границъ всеобщей
имперіи.

На всей провинціи, исторію завоеваній которой
мы только что изложили, было распространено
общее названіе Иллирика, и страна была романи-
зована съ помощью тогда же общаго слова и

прислано, которые приняты были поштского интен-
данта и в сущности похоронены в могилы.
Прислано одних из главных органов римской
цели дунайских провинций были легiones, на ко-
торых нужно прежде всего обратить вни-
мание.

Съ самаго начала завоеванія при Уезахъ до по-
ходовъ Траяна въ Иллирию стояли огромныя
корпусы солдатъ, захваченныя въ себя 7 легионовъ,
такъ что общее число захваченныхъ здѣсь войскъ,
если считать въ расчетъ вспомогательныя войска,
достигало до 80,000 человекъ. Позднѣе въ началѣ I в.
при Траяна, когда римское господство распростра-
нилось и въ Дакию, число войскъ еще увеличилось,
и производились постоянныя передвиженія лагерей
отъ Запада на Востокъ. Въ этою время тутъ
находились уже 10, а во времена Марка Аврелія
даже 12 легионовъ, т. е. отъ 100 до 150 тысячъ, ко-
торые размѣщены были въ нѣсколько укреп-
ленныхъ лагерей и оставили въ нѣкоторыхъ вспомо-
натель о себѣ по берегамъ Дуная.

Мало по малу съ теченіемъ вѣковъ на мѣстахъ
лагерей выросли значительные города, въ распо-
ложеніи главныхъ улицъ которыхъ легко можно
узнать устройство римскаго лагеря; можно
указать, гдѣ находилась ставка полководца, какъ
направлены были главные дороги или улицы, кото-
рыя пересѣкались подѣ принявшихъ улицъ и ско-
нулись на главной площади.

Во время этого обильнаго и разнороднаго
въ вѣтъ провинцій вліянія легионовъ на образо-
ваніе городскихъ центровъ, возникшая особая въ ду-
найскихъ провинціяхъ представляла нѣкоторыя
особенныя черты, тутъ императоръ сталъ при-
менять нѣсколько новую систему. Ветераны,

которых по Дунаю были по сравнению больше,
 лишь в других провинциях, давались здесь земель-
ные наделы (*fundi*), участки земли, которые они
 должны были обживать и на которых посе-
 ляться на постоянное жительство. Эти наделы
 носили имя своего владельца (*Fundus Corneli-*
anus, Aurius, Aurelianus), и название многих
 из них сохранилось в топониме средних ве-
 ков, и поныне даже известно до сих пор.
 Таким образом возникли особый род военных,
 пограничных земель, во владении которых и богаты-
 рий. Вот оно ясно видно, как в особенности сво-
 бодной военной жизни римских легионеров вы-
 работали новую систему пограничных посе-
 лений. Ветеранам раздавали земельные участки
 по тем или иным условиям, чтобы из
 мужского потомства вступало также в ряды
 солдат расквартированных в провинции леги-
 онов. Таким образом солдаты, которые им-
 ели здесь свое собственное имущество, были ин-
 тересованы в его ограждении и защите.
 Они хорошо и стойко защищали границы. Они
 носили даже особое название: *militēs castella-*
nī или *imitānēi*. Во II в., когда *ведукс* стала
 прекращаться, были лагеря легионов, *ад ед а*
во, образовались особые мирные корпорации ве-
 теранов рядом с корпорацией купцов, так
 же во многих местах возникали еще. Из соображе-
 ний тех и других получалось впечатление, что
 это в роду *гильдий* с особыми начальниками
curatores velatores et civium romanorum, qui
consistunt ad curandas regiones illius. Таким об-
 разом образовались гражданские центры римской
 жизни во многих провинциях. *Радриан* основал
 "санат" трех военных лагерей на Дунае, которые

обратились въ значительные города: Carnuntum въ верхней Паннонии (Хаймбург), Aquincum въ нижней Паннонии (Офенъ или Буда-Пешт) и Viminacium въ верхней Мезии.

Многие провинции и въ Дакии. Самые первые въ одной пунктахъ развились иногда въ общинно-военная, другая гражданская. Городские центры существовали и въ других местностях. Въ нижней Мезии — Friesmis, на томъ месте, гдѣ Дунай раздвигается на рукава, получили права городской общины при Септимии Северѣ. Раньше Деокетіана получили подобныя же права епархиальные города по Дунаю: Vindobona (Вона) въ верхней Паннонии, Singidunum (Белград), Novae (Свиштова) и Durostorum (Симеория) — въ Мезии.

Въ то время, какъ совершалось развитие городской жизни въ лагеряхъ, расположенныхъ по окраинамъ Дунайскихъ провинцій, римское влияние проникало мирными путями и въглубь страны. И тамъ возникли города, получившіе муниципальное устройство и право избирать своихъ магистратовъ. За первыми поселенцами скоро последовали купцы, которыхъ привлекала сюда торговля и разработка богатыхъ золотыхъ приисковъ Дакии. Благодаря этимъ мирнымъ колонистамъ, римское влияние утвердилось прочно въ этихъ местностяхъ и отъ римскаго времени до сихъ поръ остаются здѣсь многочисленные слѣды.

Менее всего Дунайскихъ провинцій романизована была Дакія, потому что она по самой природѣ своей представляла горную недоступную страну, гдѣ легко могли сохраниться національные отличія туземцевъ, и куда римскому влиянію было трудно проникнуть. Местное население, родственное Иллирикамъ и Кельтамъ долго сохраняло здѣсь

свою оригинальную функцию, и тут же можно на-
считать много немецкого городского центрального рим-
ского образца: Augusta Rauricorum, которой ско-
рее относится к Gallia Belgica, Augusta Vinde-
licorum, Brigantium (Брегенц) и Camrodunum (Кеттер-
тен). Римское влияние и римское городское устрой-
ство (декурionato) проникло сюда в более значитель-
ной степени, как можно заключить из надпи-
сей, только в византийский период. Местные же ме-
стные римское господство оставило вечно следа
о себе и здесь. Так напр. Трисонс, жители
Коммун Траубингена в южн. Швейцарии, не
смотря на завоевание Алеманнов и Баваров,
и не смотря на долгое общение с германскими
племенами, до сих пор говорят на романском
нарождении.

О романском населении Рэции (Romani, Retia-
ni, Latini) мы имеем упоминание уже в па-
мятниках VII и VIII вв., в житиях христиан-
ских проповедников. Напр. автор жития св.
Тамма утверждает, что он говорил на диалекте
миссенских берегов Констанского озера. Какой
был этот миссенский говор, мы узнаем из
подлинных памятников IX в. В них гово-
рится, что это язык романский (Romanisch), на ко-
тором говорило туземное население, хотя и по-
коренное Германцами, но сохранившее свой на-
родный характер, а также и некото-
рые неопределенные национальные черты, напр. некото-
рые остатки презренного языка, сходного с
языком Итрусов.

В гораздо большей степени, чем в Рэции, под-
вергшись римскому влиянию Норик и Паннония.
Население Норика не было очень воинственно и
скоро ассимилировалось господствующему рим-

скому элементу. Еще во время республики въ Норикъ основаны были много мирных поселений купцовъ, привлеченныхъ сюда естественными обильными рудными богатствами края.

Почти тоже, хотя и не въ такой степени, можно сказать о Паннонии. Многие внутренняя степная часть ея долгие, какъ Норикъ, противилась римскому влиянію и не усвоивала римского городского быта; но впоследствии уже въ I в. по Р. др. по свидетельству Велика Патеркума, Паннонія была романизована; население ея говорило на латинскіе языки, и образованные паннонцы участвовали въ движеніи римской литературы.

Въ этихъ двухъ провинціяхъ было довольно много значительныхъ городскихъ пунктовъ, изъ которыхъ некоторые уже известны намъ: Carnuntum, Poetovio, Vindobona, Siscia (Sissex), Mukla (Esseg) на Дунае, Sirmium на Савре, позднее Aquincum. Много было такихъ городовъ въ южной части Паннонии близше къ Далмации.

На эти провинціи долго не останавливались и перешли къ следующей, къ Мезии, простиравшейся съ севера на югъ отъ Дуная до Балканскихъ горъ и граничившей съ областю греческаго вліянія. Не смотря на это послѣднее обстоятельство Мезія подчинилась не греческому, а римскому вліянію, благодаря деятельной работѣ легионовъ. Непроходимый естественный барьеръ Тимуса составилъ естественную географическую границу между областями вліянія двухъ великихъ націй античнаго міра.

Въ Мезіи основаны были целый рядъ римскихъ городовъ, изъ которыхъ некоторые уже названы раньше, распространившись сначала

по течению Дунай от запада на восток. Городъ въ II в. главнымъ образомъ при Траяновъ основано было много городовъ и внутри страны въ Нижней Мезии. — Назовемъ Ulpia Pannonia (древн. Паланка), Nicomolis ad Istrum (Нисур), Ulpia Oescus, Ulpiana, названная Justiniana, Scupi (Ускупъ), Remesiana (мечетар-Пана-Паланка). Другое Platunopolis, названный въ честь меча Траяна, Thymara, и Trajanopolis (в. Оракия), Marcianopolis, названный въ честь сестры Траяна, Marcum, Serdica (Сафия) и др. Главнѣе образовать, какъ видите, Мезия подверглась сильной романизации. Романизовано было не только население, сгруппированное вдоль береговъ Дуная, но и жители центральной, нижней Мезии.

Въ южной части Мезии, а также и въ северной Оракии по ту сторону Балканъ отъ южного Нисса и Сафии до Филиппополя и Родопскихъ горъ жили Бесса, принадлежавшие къ Оракийскому племени. Это были очень интересный народъ кочевая, пастушескаго образа жизни. Жили Бесса какъ разъ на границѣ между областями греческаго и римскаго вліянія, заходя и въ ту и въ другую. Но они остались подъ греческаго вліянія, между тѣмъ какъ позднее весьма сильно подчинились римскому. Римляне задались целью искоренить изъ образъ жизни, смягчить нравы и дать имъ правильное устройство. Бродячничество стало строго запрещаться Бессамъ, изъ нихъ набирались большое число новобранцевъ въ вспомогательный войска. Бесса оказывались хорошими солдатами и впоследствии часто получали званіе ветерановъ и права римскихъ гражданъ. получили особенное значеніе въ III и II в., когда

уже вполне походили на Римлян. Латинский яв. очень распространился среди них, так что существовавший у них также, как и большей части других народов Европы в древние времена, языческие праздники весны и осени стали называться латинскими именами — Robalia и Brumalia^(*). Еще позднее христианство, которое проповедовалось у них на латинском языке в соединении с нивелирующей государственною системою Деокетiana завершила дело романизации Бессовь, и имя этого народа водитъ, какъ видовое наименование въ родовое понятие Романи или Романисси. Нужно заметить, что были в Мезии некоторые пункты и греческого влияния. Общ. христианство скреплялось в южной Мезии, в Балканских горах. Мест есть и греческие надписи, хотя ихъ встречается гораздо меньше, чѣмъ латинскихъ, которыхъ находится очень много.

Такии образцы на Балканскомъ полуостровѣ образовались романское население, которое сохранило свой отличительный характеръ и свои романские говоры в течение всего Среднихъ вѣковъ. Также есть известіе, что во время нашей Аварь (570г.), когда разбитое византийское войско бѣжало отъ враговъ, ссылаясь, обнятое гресомъ, издавало отчаянные крики на романскомъ наречіи. ("Тана, тетона, брате!"), что показываетъ, что какого національнаго элемента составляла главная масса войско. Это свидѣтельство о существованіи многочисленнаго романскаго населенія в Мезии подтверждаетъ также существованіе и теперь такъ называемыхъ Среднихъ Валлоховъ.

(*) О нихъ есть специальное исследование греческаго Романисси.

(Влахи, Кузовлахи) въ низинной Валахии.

Мало въ западныхъ горныхъ известностяхъ, граничившихъ съ Фракіей, Македией и Иллиріей, удержали свою самостоятельность туремный Иллирийскій племена, которые носили надежды имперіи доджской были вытеснить или ассимилировать себя соседнія романизованныя племенные элементы. Хотя языкъ этихъ народовъ образовалось на южнѣе Албанское нарѣчіе, которое все таки, не смотря на свою отдаленность, носило значительные следы романскаго языка.

Скажемъ еще несколько словъ о крайней провинціи римской имперіи на востоцѣ, о Дакии. Процессъ романизаціи совершался здѣсь въ широкихъ рамахъ. Честъ покоренія Дакии и присоединенія ея страны къ римской имперіи всецѣло принадлежало императору Траяну. Онъ пустилъ въ ходъ въ Дакию все средства для утвержденія какъ военнаго, такъ главнѣе образомъ и мирнаго господства. Введенъ были центры, следуютъ призваны были къ цивилизаторской работѣ; проводились дороги, основывались города, разрабатывались горныя богатства. Кроме того открыта была обширная колонизація, которая носила здѣсь своеобразный характеръ. Ветерановъ, которые въ другія известности всегда составляли главную массу первыхъ колонистовъ вновь завоеванной страны, здѣсь мало поселили. Тутъ съ самаго начала поселились мирные колонисты — земледѣльцы и горные промышленники.

Первоначальное поселеніе Дакии было необходимо во время войны, и Траянъ вывелъ сюда безчисленные толпы поселенцевъ изъ разныхъ концовъ римскаго міра. Дакия едина была нѣсколько про-

Ванний, но и обширного колониза. По подписаниям (греческим и латинским — последние находят- ся здесь в большем количестве) легко назвать то население, откуда выехали сюда колонизаторы. Много народу выехало сюда из Иллирии и Дамасции, много было выехавших из Сирии и Малой Азии (Византии, Карии, Фригии и Галатии), которые заново были введены в Азию азиатские и египетские крестьяне Митры и Иова. Рядом с этой компактной массой колонизаторов из Иллирии и восточных стран встречались также имена только немногих уроженцев Италии, которая к тому времени уже была разорена и не могла смирить обильных потоков колонизации. Были здесь также переселенцы из Родоса, Хорика и Галии. Как видно, в Азии образовалось пестрое, разнообразное население. Но оно скоро слиялось, объединилось и римская культура и городской быт утвердился здесь гораздо быстрее и прочнее, чем в Британии, Галлии и даже Хорике.

Быть же возникло несколько важных центров римской жизни и просвещения. Прежде всего императорское Децебала — *Sarmizegetusa* при Траяне получила титул колонии (*Colonia Ulpia Trajana Augusta*), а в III в. стала ее столицей провинции и императорским наместником. Быть был алтарь в честь Юлиана и Августа с выдвинутым верховным жрецом (*Sacerdos auae Augusti nostri coronatus* — *Василием Траян — Траян была разорена на три части*), собиравший провинциальную сенату, издававший самостоятельные постановления и постановлявший статуи в честь хороших правителей, призывавший в эти декреты употребивших

всегда одна определенная форма: такъ какъ онъ (после имени проконсула) съ своего прихода и до ухода обращался со всеми и каждымъ со свойственнымъ ему благосклонностию.^(*)

Такихъ надписей много сохраняется въ Пештскомъ музее.

Муниципальная жизнь широко и полно развилась въ городъ. Расположенная въ префектурной области и достигнувъ высокой степени процветанія, Сармизегетуса обратилась въ одинъ изъ самыхъ обширныхъ и блестящихъ центровъ римской образованности въ Средней Европѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные развалины.

Другими римскими городами Дакии, также очень обширными и богатыми было военный центръ страны — Арилим, расположенный на среднемъ течении Мароша (гдѣ теперь Карлсбургъ), который развился изъ двухъ общинъ: военной колоніи (*Colonia Aurelia*) и гражданской муниципіи (*Municipium Aurelium*). Отъ этого города осталось также очень много развалинъ роскошныхъ зданій, съ многочисленными надписями, которыхъ найдено здѣсь даже больше, чѣмъ въ Сармизегетусѣ.

Кроме двухъ названныхъ главнѣйшихъ, наиболѣе значительныхъ городовъ было въ Дакии много и другихъ центровъ римской жизни, каковы — Навроса (*Klausenburg*), Дробетэ, Тибисум, Токлиссум и др., изъ которыхъ много получило отъ различныхъ императоровъ важные привилегіи.

(*) *Напр. кт 161 г. относился надписъ о проконсулѣ Р. Фирмиуса Сатурнина: „Quod a primo adventu suo... donec a provincia recederet ita singulos universosque benignitate sua tractaverit.“* С. I. L. III, 1412.

Наконец образованное население, что придумавших провинции подверглось неотрадиционному и сильному риманизирующему влиянию. Относительно Латинии мое внимание свидетельствует Вейсз Гатерхула, что ее жители вполне усвоили латинский язык и латинскую письменность. Есть много и других сведений у авторов, а также и эпиграфически памятников, подтверждающих это извещие и свидетельствующее о распространении римской культуры в придумавских областях. Оно было ирривако дорогими, по которым довольно распространено римское влияние, римская материальная и умственная культура.

В III в. при императоре Пробе (246-282) введено было здесь возделывание виноградной лозы. В римское же время произведено осушение болотистых берегов Платтенского озера (Lacus Felsi). Начала развиваться торговля, основывавшаяся римскими братства и промышленными кампаниями. В надписях встречаются и туремные имена — ясное доказательство, что варвары усвоили латинский язык.

В наиболее выдающихся пунктах, в Сармателетуме, Виллингии, Сингидунуме, Аквинкуме, Сермиуме развились роскошь и богатство, распространившееся привычное вкус и привычки римского образованного общества. С этой точки зрения сохранилась в Аквинкуме любопытная надпись, в которой говорится о существовании в этом городе труппы актеров (Collegium scaenicozum? — P. I. d. III, 3423). В начале IV в. один привозный актер давал здесь сценические представления (Gastvorstellungen). В одной раннеримской надписи упоминается о торговле помадой.

Найдены также надгробные надписи во честь друзей
отомывших собак. Все это украшает на преобра-
жение даже в мелочах комфорта римской
жизни в дунайских провинциях. Скоро возникли
здесь и школы. Существование одной из них в
городе Savaria в Паннонии доказывается двумя
мемориальными памятниками. Там же найдены
два куртика, на одном из которых начертаны
латинский алфавитъ уставного, прописного
курива, а на другом обыкновенный курива
два стиха:

Senem severum semper esse condeset.

Vene debet esse pueri qui discit vene.

Эти куртики ермими, конечно, прописаны в шко-
лах. — Далее из миселъ в надписях указание на
существование внешней школы в Эмоны (Лайбах).
О нем же L. Feltienus говорится, что онъ „natus Aque-
lie, edocatus Julia Емона“.

Отсюда, что латинский языкъ получил пре-
обладание в этих местностях, можно привести
свидетельство одного из „Scriptores historiae
Augustae“, Вониска, который рассказывает в био-
графии Аврелиана, что этот императоръ много
в Паннонии свидания со знаменитымъ худо-
ником Аполониемъ Милонским, причем Аполи-
ний обратился къ нему на латинскомъ языкъ,
чтобы, прибавляетъ Вониска, Аврелианъ, как уро-
женецъ Паннонии, могъ понимать его („Hanc lati-
ne, ut homo Pannonius intelligeret, dixisse“ Vop.
Aur. 24).

Такимъ образомъ значить латинский языкъ
былъ всеуниверситетнымъ в Паннонии. Это обо-
зительство и побудило между прочимъ позднейша-
го писателя христианскаго времени, св. Виктори-
на, епископа Автuvia писать свои сочинения на

латинского языка, хотя он сам был приро-
дн. Грек. Об этом сообщает блаженный Иеро-
ним в своем сочинении „De viris illustribus.“
Сам Иероним происходит из недавнего горо-
да Стридоня, расположенного на границе Панно-
нии и Далмации. Это единственный выдающийся
писатель, которого дали римской литературе
Дунайской провинции. Понятно, что тут все жа-
данные, только в других провинциях Дарма-
ния грубые нравы. Почва этой провинции бы-
ла очень благоприятна для развития наук и
искусств, только для выработки военной доблести
и для воспитания крепких, смелых и отваж-
ных. И в то время как Италия, уже склонив-
шаяся к падению жила и вооружившаяся толь-
ко картинными воинскими, воспоминаниями о
героизме стариков, в жилах пресвитерных
римского кривотурного жителей Паннонии текла
горячая кровь молодости, в союзах их кипела
страстная потребность энергической и доблест-
ной жизни. Замечательно, что это не римские
императоры III и IV вв., которые происходили
отсюда, каковы Аврелиан, Проб, Максимиан,
Валентиниан I, Трациан принадлежали к
числу лучших правителей в эту переходную для
империи эпоху.

О Далмации опять так мало мы знаем
фактов и тут много говорить. Скажем толь-
ко немножко, что и здесь найдены памят-
ники, свидетельствующие о несомненно пре-
обладании латинского языка. — При Адриатиче-
ском море тут много много городов: напр.
Salonae (Col. Julia Aelia), Narona, Scardona,
Tader (Zadar), Scodra (Скутари), Epidaurum (Даруар),
затем „opida civium Romanorum“ (по Плинию) —

— Ulcinium (Вулчунно), Acivium (Катарро), Deoslea (родина Деоклетіана) и многие другие.

Все это общины римского образца, и представляло латинский язык. Император Деоклетіанъ, по словам Константина Багрянородного, основал еще несколько новых городов. Во время нашествія Аваровъ и подруге, когда утвердился здесь славянский тип, города эти сохранили всетаки свой римский характер и поддерживали постоянные сношения съ Италией. Вследствие этой постоянной непосредственной связи съ центромъ латинизма, въ Далмации не образовалось своего романского наречія, и жители этихъ городовъ говорили на томъ же языке, на которомъ говорили Италиканцы.

Обращаясь далее къ Македонии и Фракии мы должны сказать, что эти две провинции, находившіяся уже давно въ сфере греческой цивилизации, мало подверглись римскому влиянію. Большая часть надписей, какъ говоритъ грекскій французскій путешественникъ Albert Dumont — тутъ греческія. Особенно сильно привилась здѣсь греческая цивилизація въ грамматикѣ и численно-стихъ. Около Матаз-Базарджика найденъ мраморный камень съ греческою надписью (это памятникъ официальный). Памятники поставленные въ Филиппополѣ въ честь построенія города носятъ надписи на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Даже эпитафии умершихъ во Фракии Римляно по большей части греческія.

Въ Родопскихъ и Балканскихъ горахъ Грекамъ не удалось утвердиться, тамъ довольно долго сохранился языкъ и обычаи иллірическаго Гетто-Фракиянской населенія, и всея только подруге измѣненію своему національному характеру, да и

тутъ подлиннымъ не греческому, а, какъ мы ви-
димъ, римскому влиянію.

О Мэзии мы уже говорили, что въ ней преобладаю
римское влияніе и только въ немногихъ городахъ
въ восточной ея части на южныхъ Дунаѣ и въ
нынешней южной Россіи удерживался греческій на-
ракторъ (хотя они и подчинились Риму) и находят-
ся греческія надписи вместе съ латинскими. Про-
витии Мэзии постоянно защищали эти греческіе
города (напр. Керсанесъ) отъ нападений варварскаго
народа Гоксоланъ, въ которыхъ некоторые греческіе
неосновательно видятъ Руссовъ. Въ этой области
греческаго влиянія въ последнее время найдено
много памятниковъ, и если бы осуществилось пред-
положеніе отправить туда греческую археологиче-
скую экспедицію, она принесла бы существенную
пользу наукѣ, такъ какъ памятники Мэзии еще
очень мало исследована.

Что касается до Дакіи, то мы должны сказать,
что съ новаго населенія, собравшагося „ex toto orbe Ро-
мано“, естественно должно было принести съ со-
бою латинскій языкъ и римскіе права, которые
и утвердились въ странѣ. Тутъ были края Ри-
ма и Августа и распространилось быстрое крѣпкое им-
ператоровъ. Очень много надписей относится къ
императорамъ. Въ нихъ часто упоминаются и авгу-
сты.

Особенно важныя надписи, которыя прямо свидѣ-
тельствуютъ въ доказательство жизни римскихъ гражданъ
въ Дакіи. Это такъ называемыя триптихи —
навоуценная деревянная дощечка, сдѣланная по три-
на подобіе листовъ книги. Такія таблички были
въ общій употребленіи въ древности, на нихъ пи-
сали какими ниб. острыми инструментами. Ихъ

сохранилось довольно много, благодаря благопр-
ятной случайности. Впрочем, во время опасно-
сти отъ ожидаемого нашествия какого-ниб. варвар-
ского народа, можно бытъ, Садзатовъ, когда на-
селеніе нынѣшней горной Трансильваніи собира-
лось бѣжать передъ врагами (можно думать, что
въ III в.), таблички эти были спрятаны въ ша-
тахъ золотарь пришековъ, въ горномъ убежищѣ,
чтобы потомъ, когда минуешь опасность, можно
было въ возвращеніи опять найти въ цѣлости
эти важные документы. Вероятно, не пришедъ,
и триптихъ остался погребеннымъ въ шахтѣ,
въ развалинахъ которыхъ онъ и найденъ теперь.
Многія изъ нихъ сохранились въ полной цѣ-
лости, таково на нѣкоторыхъ воскъ погирнѣлъ и
растрескался, такъ что трудно читать.

Содержание триптихъ очень любопытно. Одно изъ нихъ представляетъ торговые контракты; виденъ рядъ обь отдаленъ въ аренду приискъ, съ подробными означеніемъ цѣны и условій аренды. Другіе представляютъ купли на рабовъ, по которымъ легко опредѣлится, какъ высоко цѣнились тогда раба (Раба стоили 600 динаріевъ — около 180 рубль, рабыня 250 динар.) и т. п. Памятники эти очень любопытны, какъ съ филологической, такъ и съ географической, юридической и хозяйственной точки зрѣнія. Опись издана въ III томѣ Собр. Инск. Лат.

Важно еще другие древнегреческие надписи, в которых идет речь о коммерции, братствах, составившихся только римскими рабочими — ткачами (Centonarii), фабричными, судостроителями (navitae), сапожниками, мастерами и т. д. Это были корпорации, составляемые людьми низшего класса, занимавшимися одним ремеслом с целью взаимной

помощи. Во главе корпорации ставил патронъ, избранный изъ числа уважаемыхъ членовъ братства, его жена становилась патронессою, матерью цеха. Кроме его выбирались еще и другие старшины — magistri, defensores, въ некоторыхъ коллегияхъ были Decuriones (decuriones et principes). Кроме свѣды, образумной миссѣ членами одного братства общностью закладѣй, создавалась еще другая свѣдь, основъ свѣщавшая религіей, выбирались покровительствующее божество, которому приносились особенно частыя и торжественныя жертвы, въ честь которыхъ устраивались жертвенные пиры.

Эти практическія, релігиозныя братства представляли очень интересное, своеобразное и важное явление римской жизни, это были какъ бы предтечи позднѣйшихъ церковныхъ братствъ: тѣмъ, какъ и тамъ, есть и религіозная жизнь и взаимная помощь и благотворительность (какъ напр. погребеніе товарища на общій счетъ) и взаимныя религіозныя и нравственныя обязанности. Съ другой стороны въ нихъ есть много общаго и съ средне-вѣковыми цеховыми корпорациями. Въ этихъ коллегіяхъ много можно почерпнуть свѣдѣній изъ надписей Дакіи. Тамъ изъ нихъ можно узнать много подробностей о публичности религіозныхъ пирахъ братствъ. Сохранился счетъ отъ одного такого обѣда. Въ немъ перечислены яства: 5 аллиментъ и 1 поросенокъ, бѣлый виноградъ, сапандъ, чуксувъ, саибъ и мувъ. Потомъ въ счетъ поставлены ладонъ и пиата, на водку" (*impenda*). Всего на стоимость 166 ариаріевъ. Это была цѣна дорогая, такъ какъ ежегодный доходъ братствъ, состоявшійся изъ взносовъ членовъ, доходилъ только до 270 ариаріевъ. —

Подобного рода надписи — интересные и сами по себе — свидетельствуют кроме того — что особенно важно — о значительном распространении латинского языка вглубь Даким, так как они находят-ся на всем ее протяжении, свидетельствуют о том, что Даким считалась вполне римской страной, с римскими населением. Хотя что нынешние Румыны с гордостью называют себя потомками Римлянов или, по крайней мере, романизованных соплеменников Децебала. Нынешние греки, между ними Юнг и будинский, готовы поддерживать эти национальные притязания нынешних обитателей древней Даким, они настаивают на том, что романское население существовало в Даким непрерывно от римского времени до наших дней, что очень хорошо известно, что Даким оставалась в римских руках только с небольшим 150 лет. В 240 году император Аврелиан вывел оттуда все римское население, и край был совершенно опустошен от Римлян. Один писатель утверждает даже, что Аврелиан вывел не только коренных Римлян, поселившихся здесь, но и вообще все романское население. Сторонники теории непрерывности существования романского элемента в Даким отвергают даже возможность достоверности последнего известия. Они говорят, что выведены были только природные римские граждане, романизованная масса населения несомненно осталась на родной почве, и латинская образованность продолжала держаться и развиваться среди Дакимцев.

Против этой крайней и смелой теории есть много соображений возражений, которые могут сильно поколебать ее. Почему же, если правда,

что въ Дакии на северномъ берегу Дуная посиль 240 года продолжало жити романское население, почему же не написать мы о немъ никакихъ подробнѣе извѣстій вплоть до III и даже до IV в. тогда какъ на Романовъ Мозии мы встрѣчаемъ постоянныя упоминанія? Очевидно, что такое значительное романское население, о которомъ говорятъ сторонники теории непрерывности, должно было бы обратить на себя вниманіе писателей.

Далѣе мы знаемъ, какими ударами подвергалась страна во время многочисленныхъ нашествій восточныхъ варваровъ, ударами безпрестанными и срывавшими, которые не могли не раздвинуть, не уничтожить населенія. Все это заставляетъ насъ отвергнуть теорію непрерывности существованія романскаго населенія на северномъ берегу Дуная и выдвинуть впередъ другую, болѣе вѣроятную гипотезу о вторичномъ обратномъ переселеніи (Rückwanderung) романовъ (Влаховъ) въ Трансильванію и Румынію съ южнаго берега Дуная въ гораздо болѣе поздніе времена (IV в.). О существованіи Влаховъ на югѣ отъ Дуная въ IV вѣкѣ удалось найсти много упоминаній въ одной рукописи Московской Императорской Библиотекки, и по нашему мнѣнію гораздо справедливѣе вторая теорія, которая утверждаетъ, что романское населеніе въ Дакии не непрерывно, что оно исчезло послѣ Аврелиана, и затѣмъ тутъ утвердились Германцы и Славяне, и только около времени основанія второго Болгарскаго царства, переселившись сюда обратно предки нынешнихъ Румыновъ, действительно населили ранѣе пустынный берегъ Дуная.

Такого рода объясненія гораздо достовѣрнѣе и научнѣе. Мы не можемъ даже сомнѣваться въ сред-

нею, приирияющего теоріею, выставленнаго суж-
 ніи Момасека и поддерживаемаго двумя рѣ-
 шими истоводателями - Чепенскимъ („Образова-
 ніе втораго Болгарскаго царства“, Офесса. 1879 г.)
 и Бромомъ („Моравіе и Мадьяры“ С. П. б. 1881 г.) Эта
 теорія свмггаетъ крайности первой, старается
 доказать, что существовало непрерывно только
 весьма слабое романиское население въ одной Тран-
 сивваніи и что вторичное переселеніе Рамановъ
 въ Дакію произошло не въ III, а въ IV и даже въ
 V вѣкъ. Все это натяжки, несоотвѣтствующія
 дѣйствительности.

На этомъ мы остановились въ обзорѣи исфо-
 рии завоеванія и романизаціи новыя европейскія
 провинціи римской имперіи; скажемъ только еще
 несколько словъ объ Амменскій Востокъ, сдѣла-
 емъ общій выводъ о результатахъ великой дѣятель-
 ности римскаго народа въ провинціяхъ и тогда
 перейдемъ къ новому отдѣлу нашего курса.

Амменскій Востокъ и общіе выводы.

Изъ обзора европейскія и африканскія
 провинціи римской имперіи мы могли видѣть,
 какое удивительное, величественное явленіе пред-
 ставляетъ собою процессъ романизаціи завоеван-
 ныхъ Римомъ странъ, процессъ, который измѣ-
 нилъ фисіонамію какъ самыя мѣстности, такъ
 и народы, и въ населяющихъ процессъ, многочи-
 сленные и грандіозные сдѣла котораго заставля-
 ютъ насъ до сихъ поръ преклоняться передъ „ітре-
 нит et majestas populi Romani“, передъ могучею
 силой, завоевавшей міръ и ослѣпившей его свѣтлою
 высокою цивилизаціею, какими Римлянами замѣ-
 нились.

отвѣтственной отъ Фригскаго великаго народа Древности.

Бросимъ теперь только общій взглядъ на Азиатскій Востокъ, область предѣльных дикихъ и полудикихъ государствъ, потому что для исторіи средневѣковой Европа племенные элементы Востока очевидно не представляють такой важности, какъ племенной элементъ Западной Европы. На послѣднемъ замечается зданіе Западной христіанской цивилизаціи и потому для исторіи Западной Европы онъ имѣетъ интересъ особой важности, тогда какъ Востокъ представляетъ только посредственное вліяніе на всемірно историческія судьбы новой Европы.

Важная часть государствъ Малой Азіи ко времени послѣдняго вѣка до Р. Хр. подчинилась господству Римлянъ. Но римское вліяніе не могло распространиться такъ широко и всесторонне главнымъ образомъ потому, что еще гораздо раньше утвердилось здѣсь вліяніе греческое, была значителеная принятъ греческаго населенія, распространены были греческій языкъ, греческія формы быта и высоко развившаяся греческая цивилизація. То, что сформалось для европейскаго Запада Юлій Цезарь и Августъ, то уже гораздо раньше было сформировано для Азиатскаго Востока Александромъ и Македонскими. Греческая образованность общаго языка развилась по странамъ Малой Азіи, Вавилоніи и Египта; греческій языкъ былъ официально принятъ при дворѣ Птолемея и Селевкидовъ и сформировался не только разговорнымъ языкомъ высшихъ слоевъ общества, но и значительной массы населенія некоторыхъ городовъ. Греческій языкъ игра-

на Востоке ту же роль, что латинский на Западе: как последний — явился общепонятным языком для большей части населения всего запада от северных берегов Африки до Британии и от Испании до Индии, так первый распространил свое господство за пределы собственной Греции на Востоке до Евфрата и на юге до среднего течения Нила.

Во особенностях распространения были греческий язык среди населения египетской Александрии, которая была чисто греческим городом, и даже Евреи, которые вообще везде и всегда очень упорно держатся за свой язык и свои национальные отличия, принуждены были говорить по-гречески.

В Египте же во время царствования Птолемея Лаги (около 300 г. до Р. Хр.) предпринимать и исполнять было перевод на греческий язык еврейских книг ветхого Завета.

Область греческого влияния в Азии и Египте не ограничивалась прибрежною полосой Средиземного моря, она простиралась до Армении на Востоке и по берегу Красного моря, где было много греческих колоний, до Абиссинии на юге. Одним из аристократических царей Артабаса, живший во времена I в. до Р. Хр. был человек греческого образования; одним из царей Даионии, живший во конце I в. до Р. Хр., называется *Εὐκλείδης βασιλεὺς Ἑλληνιστὴς*.

И. в. восточная страна, подпавшая под власть Римлян, гораздо еще раньше достигла греческого цивилизации, которая достигла более высокой степени совершенства, чем того достигла цивилизация кельтская Римлян.

Что же скрывали здысь Римляне? Въ чемъ вы-
разилось это влияние на восточныя провинции?

Раньше насъ прибытія турокъ прочно утверди-
ся и цѣлко державшая языкъ выше цивилизо-
ваннаго народа. Попаденіе было необычное, пото-
му что римскіе военачальники привыкли встрѣ-
чаться въ своихъ походахъ съ племенами варварски-
ми и, если не покорившимися, то все же стоявшимъ
на несравненно болѣе низкой ступени развитія,
чѣмъ сами Римляне. Римская гордость не хо-
тела мириться съ превосходствомъ чуждаго
имъ языка и культуры, и есть указанія, что не-
которые императоры пытались игнорировать
господство греческаго языка на востоцѣ, а вве-
ли латинскій, какъ обязательный органъ всегдѣ
официальныя сношеній. Такъ императоръ Ти-
берій, который самъ прекрасно зналъ греческій
языкъ, никогда не позволялъ себѣ говорить публич-
но въ сенатѣ по-гречески, и строго запретилъ
дѣлать это кому бы то ни было. Императоръ
Клавдій, хотя и разѣ называлъ греческій своимъ
языкомъ, всетаки лишилъ одного уважаемаго уро-
женца Луція судебной должности и гражданскі-
хъ правъ за то, что тотъ не говорилъ по-ла-
тински, доказывая, что не можетъ быть римскимъ
гражданиномъ тотъ, кто не знаетъ римскаго
языка. — Поэтому то въ болѣе части городовъ
малой Азіи находились постоянныя переводчики,
которые облегчали дипломатическія и частнаго
населенія съ римскими правительствомъ, что бы-
ло тѣмъ болѣе необходимо потому, что даже въ
позднѣйшее время нѣкоторое изъ наиболѣе
восточныхъ провинцій говорили не-знали греческаго
языка. — Оцнвъ изъ писателей того времени, Валерій

Максимъ, звавши своихъ соотечественниковъ за суровое обращеніе съ Греками, за пренебреженіе къ ихъ языку, за то, что Римляне оберегали свою національную гордость, заставляя Грековъ говорить на латинскомъ языкѣ.

Въ виду этого обстоятельства можно было бы подумать, что Греки ревностно возмущались за изученіе латинскаго языка. Но на самомъ дѣлѣ этого не было. Греки нисколько не утратили своей пренесенной горделивой исключительности. Самихъ Римлянъ они считали не иначе, какъ за варваровъ. Латинскаго языка они не хотѣли знать, римскую литературу презирали. Укоренившееся мнѣніе между греческими учеными (между прочимъ у Страбона) было то, что изученіе римской литературы было совершенно бесполезно, такъ какъ все лучшее въ ней почерпнуто изъ греческихъ источниковъ.

Такое враждебное отношеніе двухъ сосѣднихъ культуръ между собою продолжалось, впрочемъ, не долго. Есть другія указанія, которыми свѣдѣтельствуется о томъ, что Римляне скоро оставили локую національную гордость, стали прилежно изучать греческій языкъ и онъ сталъ мало по малу, если и не официально признаваться языкомъ знаній, то несомненно разговорнымъ языкомъ образованнаго римскаго общества, и противоположеніе греческихъ вещей публично стало очень часто допускаться. Такъ еще при имп. Цицеронѣ, родоскій риторъ Аполлоній Меланионъ, присланный въ Римъ въ качествѣ посла въ 82 году до Р. X. первый говорилъ въ сенатѣ по-гречески. Знаменитый Луцій Крассъ, когда былъ наипокрѣпѣе въ Римѣ, считалъ даже неприличнымъ обращаться въ дрѣ-

ловить сношения съ иудеями въ провинціяхъ имъ провинцій инае, какъ на греческомъ языкѣ. Съ I в. по Р. Хр. при императорѣ всегда находились от- гречивные личные секретари „*ab epistolis latinis*“ и „*ab epistolis graecis*“, и послѣдніе сочинили для императоровъ на греческомъ языкѣ не только частныя писемъ къ лицамъ греческаго происхожденія, но даже и нѣкоторые оффиціальныя Документы.

Языкѣ юридическіе акты, касавшіеся восточныхъ провинцій гораздо раньше Юстиніана, сдѣланы греческій. Все попытки нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ и правителей дать болѣе правъ языку латинскому, правились: это было невозможно: латинскій языкъ склонился голову передъ греческимъ, во время года етъ образованности Римляне были греками, Грековъ, они переняли отъ Грековъ ихъ искусство, ихъ науку, ихъ философію и красноречіе, и языкъ древнихъ Римлянъ сталъ общепителнымъ языкомъ въ высшихъ классахъ римскаго общества, знаніе его стало считаться обязательнымъ для каждаго образованнаго римлянина. Въ муниципальныя школы Италіи и провинцій греческій языкъ постоянно преподавался, и человекъ, знавшій оба языка могъ путешествовать и въ концы въ концы по всей имперіи, не опасаясь, что его могутъ гдѣ-нибудь не понять. Императоръ Клавдій былъ вполнѣ правъ, когда, говоря о греческомъ и латинскомъ языкахъ, называлъ ихъ „оба наши языка“.

Впрочемъ, не смотря на значительное возвышеніе Римлянъ на Римѣ, нѣтъ сомнѣнія, что долготѣе господство Римлянъ на Востокахъ

не только бесспорно. Въ некоторых местах, благодаря присутствию енианского римского военного и гражданского колониального элемента, утвердилось употребление латинского языка. Съ III в. Римляне стали производить на Востоке видные особые характеры: тамъ распространено изучение права, въ разработку которого Римляне неоспоримо превзошли Грековъ. Въ Азии были открыты юридическія школы, особенно замѣчательная школа въ Византии для приготовления адвокатовъ. Каждый юристъ непременно долженъ былъ знать латинскій языкъ, и некоторые изъ более или менее известныхъ юристовъ III в. происходили съ Востока. —

Но все это только частное фактъ, не имѣющее общаго значенія, вообще же Римляне даже не стремились впоследствии распространять латинскій языкъ въ массы населенія Востока, какъ франки это на Западѣ, они, помня преданія Юлія Цезаря, уважали права греческаго языка и эллинистической культуры. Уваженіе къ греческой цивилизации и признаніе неприкосновенности ея правъ особенно усилилось во II в., когда лучшие императоры — Веспасіанъ, Антонинъ и Маркъ Аврелій сами преклонялись передъ эллинической философией и литературой и тутъ еще меньше, конечно, можно было ожидать стремленія распространить латинскій языкъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ Востока.

Мак. одр. огромная территория, подчиненная повелѣнію всемирной имперіи, распадалась на двѣ большія области: Эллинистическій Востокъ и Риманскій Западъ, а все населеніе имперіи представляло какъ бы одну великую греко-римскую

национальность, притом для образованных людей и той и другой половина роднитъ языкомъ быть какъ греческій, такъ и ~~римскій~~ ^{латинскій}; народный же масса Востока говорили по-гречески, масса Запада по-латыни.

Долгий процесс романизации и объединения мира подъ римскими господствами торжественно закончился въ концѣ III в. эдиктомъ Каракаллы, по которому права полного римскаго гражданства распространены на всѣхъ свободныхъ людей, населявшихъ территорию имперіи, безразлично, какъ на коренныхъ жителей Италіи, такъ и на провинціаловъ и названіе „Romania“ на все области греко-римскаго мира. Къ сожалѣнію у насъ мало сведений объ этомъ эдиктѣ, и трудно замечать, что мы имеемъ указанія на существованіе непоименованныхъ людей въ имперіи и въ позднѣйшіе времена. Члене объясняютъ это явленіе различно. Доказываютъ, что эдиктъ Каракаллы не распространены на колоннотупицниковъ, но это врядъ ли вѣрно. По всей вѣроятности и после обнародованія указа явились новые колоннотупицники, не получившіе всѣхъ правъ, а Момисенъ въ послѣдней книгѣхъ окурнала „Herмес“ говоритъ, что и кроме колоннотупицниковъ существовали еще и другіе низшіе непоименованные обыватели имперіи.

Такъ или иначе, но права римскаго гражданства распространены на всѣхъ провинціаловъ, такъ что жители Греціи и Малой Азіи долго, до самаго турецкаго нашествія называли себя Римляни (Рωμαῖοι). Этотъ законъ былъ данъ рукой одного изъ самыхъ дурныхъ императоровъ, но каковы бы ни были побужденія, руко-

живших Каракашского при его издании, законы, мо-
жет быть, полими самого воли виновника его
обнародования, полими великое историческое зна-
чение: лишь содвинулось единство, если не полими, то,
по крайней мере, вынужден, политическое во всем
образованности мир.

Сообразно с этим вынужден единства
во всем области является попытки со-
здать единство внутреннее, попытки, которые, впро-
чем, привели римскую империю не к духовному
объединению, а к падению. Эти новые идеи, под-
толкнувшие последние основания, на которых дер-
жалось древнее социальное здание древнего
мира, положили начало новой религии, новой нрав-
ственности, нового строя государственного и соци-
ального, новой христианской цивилизации.

В философии вводит в силу проводимая
на Стоицизме идея космополитизма, идея един-
ства всего рода человеческого. Одним из лучших пред-
ставителей этого философского направления в Риме,
Сенека, говорит, что „человек должен рассматри-
вать мир, как общее жилище рода человеческого.“
„Все, что вы видите, — продолжает он, — есть одно;
мы сами члены одного большого тела. Общество
похоже на каменный свод, который держится
взаимным свисом камней.“

Полный теплого чувства привязанности к
своей Кордубе, родному городу его предков, он не
ограничивается ее привязанностью к своей земле. „Non
sum mihi angulo natus, — восклицает он, — patria
mea totus est hic mundus“ (Epist. 38). „Roma velut
communis patria est.“

„Как чувствует человек со своими границами,
говорит Сенека в другом месте: Дахь не дахь

мелко пересодитъ Истра, Стримонъ пусть суриситъ
границею Оракийцу, Евфратъ приградою противъ Пар-
сидъ; Дунай будетъ отделять отъ Римской им-
періи Сарматовъ, Рейнъ будетъ ободначать нунъ,
перевъ который останется Германцы и т.д.
Если бы муравьямъ было данъ человеческій умъ, то
не разделили бы они на сто провинцій угодъ въ саду? —

Космополитическія идеи ведутъ Сенеку къ осу-
ждению войны, противной естественному поряд-
ку; онъ видитъ приложенье этого принципа въ на-
шихъ отношеніяхъ, которыхъ Римъ утвердилъ между
варварами. Римское господство есть пакъ Романа
римскій миръ. Имперія — это мартъ. Это велико-
лепное въраженіе повторяется у Ливіана Старша
и др. Платона, какъ Луканъ, воодушевленные
имперію, усвоили эту идею. Самые точные ске-
птические умы съ восторгомъ цвѣтовали въ эту
новую теорію мирового порядка. Ливіанъ Стар-
шій съ мудокимъ цвѣтомъ говоритъ объ inten-
sa Romanae pacis majestas; о неоглашаемомъ ве-
личіи римскаго мира, который единяетъ не толь-
ко нафѣ, но и моря, горы, все произведеніи приро-
ды. Онъ видитъ въ судьбѣ Италіи, въ ея всемірно-
исторической роли некоторое предназначеніе боже-
ственное: „Земля Италія, — говоритъ онъ, — избрана
божественнымъ промысломъ, тогда собранъ во ея
но разнородныхъ царства, еликихъ права, еликихъ
посредствъ взаимныхъ отношеній разнородные
говоря столкнуть враждующихъ и жестокихъ наро-
довъ, тогда данъ человеку админъ админъ и одну цвѣ-
либацию. („Ut colloquia et humanitatem homini da-
ret“) Кратко сказавъ, тогда станъ quis народовъ
всѣхъ всемірно единаемъ омериваемъ („Breviter una

cunctarum gentium in toto orbe patria fieret)."

На ту же тему распространяются и позднейшие писатели. Особенно замечательное похоторое мнѣ у Рутиния Намациана, писателя, жившаго въ началѣ VI в. Онъ говоритъ: „Мы (Римъ) доставимъ одно стеченіе разнымъ народамъ. Не только они покорились намъ; но подъ твоею властью нашимъ въ томъ свою пользу. Предлагаю вѣдѣ подвѣденнымъ общеніе (и покровительство) твоимъ законамъ, такъ сдѣлана одинъ городъ изъ того, что прежде было вселенною.“ („Cum offensa victis propriis consortia juris, orbem fecisti, quod prius orbis erat“).

Подъ Клавдіанъ, жившій въ послѣдній періодъ исторіи римской имперіи, сcribes намѣсамъ много хорошихъ смисловъ по поводу того же вопроса:

Huius pacificis debemus moribus omnes,
покоримъ мы въ адмисіи имѣемъ;

Quod veluti patriis regionibus utitur hospes,

Quod sedem mutare licet, quod cernere Thulem,

Rursus et horrendus penetrare necessus,

Quod bibimus passim Rhodanum, potamus Orontem,

Quod cuncti gens una sumus."

Даже христіанскіе писатели рассматриваютъ это единство, это политическое и социальное объединеніе, какъ переходный ступень къ распространенію христіанства. Известный отецъ восточной церкви, Оригенъ, въ своемъ сочиненіи противъ Целсу говоритъ: „Зачѣмъ Христосъ родился при Августѣ. Потому что онъ, такъ сказать, уравниваетъ подданныхъ царствовать многихъ на землѣ; если бы существовало на землѣ много имперій, то это было бы препятствіемъ къ распространенію ученія Христа.“

Особенно ясно выражена эта же мысль у Кристенія. Описывая объединеніе вселенной въ вѣрафскійхъ,

напоминательство приведенной нами отрывок из
Клавдиана, онъ прибавляется:

" Nam sanguine mixto
Texitur alternis ex gentibus una propago
Hoc actum est tantis successibus atque tri-
umphis
Romani imperii: Christi jam tunc venienti
Crede, parata via est "

Мак. обр. выводитъ съ своимъ обзрениемъ
всего подъ однимъ скипетромъ римскаго импе-
ратора, подъ формами единой цивилизации, вы-
стаетъ съ развитіемъ въ умахъ философовъ и лучшихъ
людей образованныхъ классовъ космополитическихъ
идей о единствѣ человеческого рода, явившаяся въ об-
щество еще смутно сознаваемая, но настоятельная
потребность и новой единой религии, которая уни-
фицировала бы все мірное языческое крѣпко, религия
человеческой, которая обращалась бы къ каждому
индивидууму не какъ къ гражданину только извѣст-
ной общины или государства, а какъ къ самостоя-
тельной свободной личности. Такою религіею ста-
лаось христіанство.

Къ характеристикѣ нравственнаго и правственна-
го состоянія римскаго общества времени импе-
рии мы теперь и приступимъ и постараемся изъ этого
обозрѣнія вывести причины появленія и быстра-
го и успешнаго распространенія Христовой веры
именно въ то время и опредѣлить условія, содей-
ствовавшія могущему, неоправданному вліянію ея ва-
сокаго и чистаго ученія на сердца тѣмнѣющаго нрав-
на человечества, содействовавшія обращенію „Orbis
Romanus" въ „Orbis Christianus". —

Отдѣлъ II.

Очеркъ умственного, нравственного и
религіознаго состоянія римскаго общества вре-
мени имперіи и распространеніе христіанства.

I.

Греко-римскій политизмъ и новая война.

Пособія.

Приступая къ ознакомленію съ религіозными, умственными и нравственными состояніями общества въ объединенной подъ покровомъ одной культуры и одного языка имперіи, нужно обратиться назадъ, назадъ и назадъ, обратитъ свои взоры на Востокъ. Превосходство образованности, философіи, науки, искусства Грековъ сдѣлало то, что они не только были признаны равноправными съ Римлянами, но даже естественно сдѣлались учителями завоевателей: отъ культуры соединились и до конца остались связанными между собой. Также и въ религіи философія Рима тѣсно связана съ философіей Греціи. Когда Римляне завоевали Грецію, Македонію и Востокъ, они убѣдились въ тождествѣ ихъ религіи съ своимъ дмитиновъ. Это и неудивительно, — отъ религіи возникли на общегреческой основѣ, а образовавшаяся потомъ единообразность объясняется равноразіемъ генія каждаго изъ этихъ народовъ, равноразіемъ обстоятельствъ и обстановки, среди которой имъ приходилось жить, равноразіемъ народныхъ настроеній.

Конечно, въ корни народной войны въ Италіи, какъ и въ Аппалачъ, говоритъ еллинизмъ, былъ тотъ же общій вкладъ символическаго и аллегорическаго содер-

заний природы, откуда и общая аналогия между
 римскими и греческими мифами богов и духов,
 которой в позднейшее время суджено было пре-
 образовать такое важное значение. Да и во мно-
 жестве отрывков представлений, в образах Зев-
 са-Диониса и Гестии-Весты, в идее святого ол-
 ста (τέμενος, templum), во многих жертвах и
 церемониях, два культа ветростились не сливая-
 но. Но не взирая на то, в Деметре, как и в Цита-
 ли, они разделились до такой степени националь-
 но и своеобразно, что даже и в общего их на-
 зва очень немного было сохранено в знакомом
 виде, да и то ими совсем утрачено значение,
 или приобрели противоположный. Иначе и быть не
 могло, ибо как в самих народах возмужавших
 те великие противоположности, которых греко-
 италийский период носил в себе еще неразви-
 тыми, так и в религии их развились идеи и
 образы, которые живые в духе обоех народов, к
 концу. Это древние земледельцы, видя, как гонят-
 ся по небу облака, — могли представлять себе, что
 это небесная борзая собирает в стадо разблудив-
 шихся с перепугу коров; но греки задумали, что
 корова туман собственно — облака и сформировали
 созданного с собою туманом сына божественной
 суки готового вообще на посмущи и расторопна-
 го похитителя и гонца богов. Греки же и греческие
 в горах, они видели Зевса, потрескающего мол-
 нием стрелы на вершине Олимпа; увидев-
 лось ли вновь гонимое небо, они смотрели в свет-
 лой очи дочери Зевса — Ламны, — и так поэма жи-
 ви были в его глазах созданные ими образы, что
 скоро они уже не видели в них ничего. Далее воз-
 можность и просветленные ешю природы людей,

которые он думал и представлял сообразна-
тельно с законами красоты. Соединил он, как
и не менее сильно высказывался задуманные чув-
ство религии у Итальянского писателя, которое
хотело держаться идеи и не терпело, чтобы она
затемнена была формой. Принимая жертву, Греко
возводит взор к небу, — Римлянин захватыва-
ет голову, ибо та молитва есть созерцание, фа-
милляр. Повсюду в природе Римлянин видит
духовное и всеобщее. Каждому существу, будь
то камень или дерево, государство или инди-
видуум, придают ему особенно свойственный, с
ним возникающий и с ним переходящий дух,
отпечаток вещественного в духовной сфере.

Как Греки все представляли не иначе, как
в конкретном, телесном образах, так Ри-
млянин удовлетворялся только абстрактным,
совершенно абстрактной формой, и если Греки
отбрасывали древний клад первобытных легенд
по той причине, что в его образах слишком
явно просвечивало еще понятие, то только ме-
нее склонен был его собирать Римлянин,
взиравший на него как на покров алого-
ризма каменья уже затеняющийся светом свя-
щенных идей. Даже от самых древних и
общих мифов, как от родного у Индий-
цев, Греков и даже Сикимцев рассказ об из-
менившемся потомстве общими родоначаль-
никами всего современного человечества, у Римлян
не сохранилось и следа. Боги их не могли все-
ничего и провидать думей, как боги Азии:
они не странствовали небрежно между людьми
и не нисходили в нектар. Но кто они, не
взирав на то, в своей духовности, которая

только тупому взгляду может казаться тупа, овладевающим сердцами глубоко, может быть и не, почти созданное по образу и подобию человека. Боги Деидады, о том же даже сама и могла по- рия, свидетельствует наш римский, по звуку и смыслу вовсе не Деидадское наименование вождя. „Religio“ т. е. обязанность вождя. Какъ Индус и Иранъ, иже обидно иже наследственного фран- мина, равнин — одна все роскошь формы священ- ныхъ полей, другой — все отвлеченія Зендавеста, такъ въ греческой мифологии властвовало лицо, въ римской — понятие, въ персидской — свобода, въ по- следней — необходимость.“ (Римск. Источ. т. I, стр. 23)

Жакобъ обращаетъ и Греки, и Римляне почита-
ли первоначальны силы природы, вредныя или
благородныя; притомъ живая, естественная,
синтетически-творческая фантазія Грековъ во-
плотила ихъ въ прекрасное, антропоморфиче-
скіе образы существъ разнаго пола, въ зани-
мательнѣйшіе отношенія и борьба которыхъ являет-
ся борьба элементовъ природы, а собою — вѣс-
ное плодородіе Земли. Прозаическій же, разсудок-
ный, аналитическій умъ Италианцевъ не въ силахъ
былъ представить своихъ боговъ въ живыхъ, под-
линныхъ образахъ: онъ создаетъ только голыя,
сухія, абстрактныя понятія, идеи боговъ; каждое
понятіе очень легко обращалось въ божество, но бо-
жество неопредѣленное, неимѣющее образа. По-
этому Римлянина у каждаго человека были
особые боги, охраняющіе его въ сиротности его
частной жизни. Подобно тому, какъ тонкое чутье
природы Грека для каждаго изъ членовъ въ при-
родѣ изобраило отдѣльное божественное существо,
такъ остро наблюдающій Римлянинъ открывалъ

такое же множество гениев, которое, впрочем, не были воплощены, как греческие боги, в ясные, конкретные человеческие образы, а представляли только безтелесную абстракцию аналитической работы ума. Отродившие боги заводятся чуть ли не каждым из нас в жизни Римлянина: бог Vaticanus помогает только что родившемуся ребенку издать первый крик, Fabulinus награждает его произнесением первого слова, боиня Edusa учит его петь, Polina — пить, Сива заставляет ребенка спокойно лежать в колыбели, четыре богини — Авеона, Адеона, Итердуса и Домидуса — награждают первое, капризующееся слово дитяти, Нумерия — учит его считать, Сателла — промывает и т.д. и т.д. Означать словами каждое полагание в жизни отродившего человека, семейство, рода, государства наводило под покровительством соответствующего бога; существовали даже такие боги, как Salus, Равор и Salus populi Romani, и можно распространить на все Италию, что Сатурний Петроний говорит о Кампаннии: она так была заселена богами, что легче было бы встретить там бога, чем человека.

Другая отличительная черта национальной религии Римляне в том, что они подобны с самого начала ставили свои боги в такое отношение к государству, подчиняли религию политике, тогда как Греки подчиняли ее только этике, приписывая первоначальным природным богам то или другое нравственное значение, первоначальное же этическое значение забывалось. И в позднейшее время, когда боги римлян жили в Риме, боги, возник-

ция въ области еще на почвѣ обще-арійскаго религиознаго сознанія приобрѣли государственное значеніе: Юпитеръ-Зевсъ явилъ олицетвореніемъ идеи римскаго господства, Веста-Гестія — римской женщины (матрону) и римскаго государственнаго очага.

Итакъ обр. итъ паралили между религіями двухъ великихъ народовъ древности мы выводимъ два основныя черты римской религіи — отвлеченность ея, безличность и скудость образовъ боговъ и подчиненіе идеи религіи идее государства. Что же слѣдуетъ изъ этихъ двухъ основнаго положеній?

Слѣдуетъ, во-первыхъ, то, что, когда Римляне познакомились съ греческою религіею, чудные, поэтические, созданные гениальными народами фантазіи даровитого народа образа олимпийскихъ боговъ цвели Римлянь; римские подтѣла быстро усвоили греческую мифологию, и масса очень легко сроднилась съ нею, такъ болѣе, что чувство первоначальнаго родства основнаго мотива религіознаго ворованія не было утеряно: греческіе боги вытѣснили совершенно римскіе гении. Съ другой стороны, во-вторыхъ, ясно, что римская религія, такъ тѣсно связанная съ государствомъ должна была раздѣлить и судьбу государства, т.е. какъ скоро пошатнулся первоначальный государственный строй, далеко были пошатнулись римскіе національные культы. Когда республика пала, потерявъ съ собою и самое святое значеніе и престоле всесильный Юпитеръ Капитолинусъ. Имперія выдвинула на первый планъ новаго бога — Солнце и Августъ, а прекрасная fides Romana стояла въ области преданій.

Но новые боги не спасли старой веры. Распространивъ свое господство на дельфинскій востокъ, Римляне, какъ мы видимъ, дали подпавши подъ духовное господство греческой цивилизаціи. Вмѣстѣ съ греческою религіею проникла въ Римъ и греческая философія, которая подточила по египетскіи основанія старой религіи, стараго, хотя и обновленнаго, какъ будто, въ видѣ новой греко-римской религіи, пошатнувшись. Старая религія неудовлетворяла уже никого, по крайней мѣрѣ, въ высшій слой общества; нѣкоторые проникли и въ массы, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовавшееся неудовольствіе стремилось найти точку опоры и успокоеніе въ новой вере и религіи, стремленіе, удовлетворитъ котораго страстно и восторженно стремились все, что было чуждаго въ римскіи мыслящемъ обществѣ перваго вѣка имперіи.

Умуднитъ главные моменты этой интересной и въ высшей степени важной эпохи въ исторіи цивилизаціи европейскаго общества, ставшаго тогда на рубежѣ двухъ великихъ периодовъ всемирной исторіи, мы теперь и попытаемъ въ виду. При этомъ мы обратимъ прежде всего вниманіе на попытки философской мысли среди людей образованнаго общества примирить успѣхи знаній съ умирающимъ греко-римскимъ политическимъ, возродитъ и возвыситъ эллинизмъ, чтобы оно могло стать въ уровень съ развивавшимся религіознымъ египетизмомъ. Затѣмъ мы охарактеризуемъ восточные культы, которые наводнили Римъ во времена послѣдняго періода республики и I вѣка имперіи и запомнимъ на время сердца массъ, ищущихъ новой веры, новыхъ боговъ, которые дали бы покой

и миръ истощившимся отъ самоотверженной борьбы. Укажемъ, какъ посреди этихъ страстей, подало безмяднатою попятною чловеческаго ума нати новую религию востануло учение, одавившее миръ новыми свѣтами, постаравшееся вынести прилики торжества христианства надъ всевозможными формами языческаго политическаго и иудейскаго монотеизма.

Прежде чѣмъ приступить къ самому изложению, наведемъ главные пособия, которые могутъ повнакомить знающихъ съ логотипическимъ, шибко интересными подробностями и частными новостями, равно какъ и съ общими фактами событий и явлений этого замечательнаго периода въ исторіи всемирной цивилизаціи.

Прежде всего, какъ на самой доступной, общій и недолгой по объему трудъ, укажемъ на лекціи В. В. Ешевскаго объ этомъ предметѣ, помещенныя въ I т. собранія его сочиненій подъ заглавіемъ „Очерки язычества и христианства“. Затѣмъ укажемъ на нѣкоторые новыя иностранныя сочиненія, которые излагаютъ исторію первыхъ вѣковъ христианства и остановившие преимущественно на томъ, надъ чѣмъ, которая рассматриваютъ ее въ связи съ развитіемъ политическаго и соціальнаго состоянія общества языческаго міра.

На первомъ планѣ поставимъ сочиненіе нѣмецкаго ученаго, профессора Гейдельбергскаго университета — Гаусмана: А. Harnack. „Neutestamentliche Zeitgeschichte.“ Это трудъ капитальный. Первый томъ его, охватывающій периодъ земной жизни Христа, вышелъ въ свѣтъ въ 1886г.; второй — относящійся ко времени проповѣди апо-

стоиловъ въ 1872 г.; третій, заключительный изложение далекоуходящаго периода истории христианства, во времена Нерона, Адриана, времена гонимій и возникновения первыхъ христианскихъ ересей, разсказаннаго въ свѣтъ съ указаніемъ событій политической жизни имперіи, способствовавшихъ распространенію христианства, названъ авторомъ временемъ мучениковъ (*die Zeit der Märtyrer*) и вышелъ въ 1874 г.

Сочиненіе это, не смотря на ^{заглавіе} ~~название~~, не можетъ быть названо богословскимъ. Предметомъ его, по опредѣленію самого автора, служитъ не личная деятельность Христа и его апостоловъ, не нравственная и религіозная процессъ образования христианства, а обстановка, среди которой оно образовалось, совокупность историческихъ условий, состоящихъ съ нимъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Задача Гаусрата — объяснить происхождение христианства въ связи съ религіозными движеніями Иудеевъ и христианскими движеніями въ средѣ эллинистическаго міра. По его воззрѣніямъ христианство произошло, какъ результатъ соприкосновенія (Италингъ) этихъ двухъ міровъ и идей, отъ соединенія восточнаго семитическаго, еврейскаго Духа съ западнымъ аріискимъ, греко-римскимъ чувственнымъ развитіемъ и религіознымъ сознаніемъ. Гаусратъ стремится къ результату положительнаго свойства, критика служитъ для него значеніе лишь, какъ средство для возстановленія истины, а не какъ полное отрицаніе, и критика его строго-научная, лишенная всякой страстности, одинаково далекая отъ робости передъ преданіемъ и высокомернаго отношенія къ нему.

По приемам исследования и по руководящим воззрениям Гаусратъ — приверженец Тюбингенской школы. Подъ этимъ именемъ разумеется такая группа ученых, составившая первоначально среди профессоров тюбингенского университета, основанная Бауромъ и Штраусомъ; эти ученые поставили себѣ задачей, приложить во всей строгости приема новой исторической критики къ изучению первыхъ источниковъ нашей эры и достигнуть такимъ путемъ научнаго историческаго понимания христианства и причинъ его возникновения и распространения. — Вопросъ это, конечно, капитальной важности и ученые тюбингенской школы сдѣлали въ этой области большой вкладъ въ историческую науку. Лучше всего подмечавшееся со взглядомъ и въ модно изъ статьи ученаго Целлера, „Тюбингенская школа“, помеченной въ собраніи его сочиненій. Ко взглядамъ тюбингенской школы присоединился и Гаусратъ. Написано его сочиненіе, полнимо всего его научныхъ достоинствъ, да еще съ вышней стороны очень хорошо.» Слова Гаусрата коротка, ясна и легка. Безъ утомительности, безъ пошлаго пафоса, безъ погони за эффектами, онъ производитъ иногда поразительное впечатлѣніе сильнымъ и образнымъ образомъ, въ который облекается у него оригинальная, свѣтлая мысль. — На русскій языкъ трудъ этотъ не переведенъ, но мы имѣемъ познакомиться съ нимъ изъ очень одиозной рецензій К. Арсеньева, изъ которой мы только что приведемъ выдержку (Восток. Евр. 1873, Ноябрь) и изъ статьи свѣдѣнника Смирнова (въ нѣкоторыхъ книжкахъ „Православнаго Востока“ за 1874 и 1875 гг.) которую послѣдній относитъ отрицательно къ выводамъ

Защита, но доказательствъ изъ него никакихъ выписки.

Далше укажемъ на сочинения знаменитого французскаго историка Эрнеста Ренана. Нап. на Histoire des origines du Christianisme; замѣчу Conférences d'Angleterre (Rome et le Christianisme. Marc Aurèle); нѣм. лекціи прочитаны имъ въ 1880 году въ Лондонѣ, въ ассоціаціи Гибберта, которая поставила себѣ целью излагать религіозное воззрѣніе и пригласяетъ каждый годъ какого-нибудь знаменитаго ученаго для прочтенія нѣсколькихъ лекцій по этому предмету. Это небольшое сочиненіе, замѣчательное по содержанию и художественности по языку, излагаетъ исторію христіанства въ Римѣ и объясняетъ вліяніе Римлянъ на развитіе христіанскаго ученія. — Поэтому слѣдуетъ указать на его послѣдній замѣчательный и обширный трудъ „Marc Aurèle“. Онъ доводитъ въ этомъ сочиненіи до второй половины III вѣка и ставитъ себѣ задачей объяснить причины упадка античнаго міра. Трудъ сей много въ высшей степени интересенъ фактами и выводами. Медленное, незначительное, неаффектное, безмолвное паденіе античнаго міра, его римскаго, политическаго и социальнаго строя, которое менѣе учено объясняется нѣкоторо, а другіе за отсутствіемъ достаточныхъ источниковъ историковъ отказываются объяснить, онъ объясняетъ распространеніемъ христіанства. Христіанство во II в. приобрѣло уже значительную силу, считало въ числѣ своихъ сподвижниковъ многихъ людей изъ высшихъ классовъ римскаго общества, отбѣкало муринъ, самую живую силу этого общества отъ алтаря Рима и Августа къ престолу единого Бога и своего Духовнаго

ного работного привело к явным обветшавшим, разрушающимся зданиям и т. п.

К известным сочинениям можно еще прибавить сочинение английского ученого Леску, переведенное на немецкий язык под заглавием „*Sittengeschichte Europas*“: — А на ряду с сочинением Гаусрата следует поставить превосходный труд французского историка *Gaston Boissier*: „*La religion romaine d'Auguste aux Antonins*“. 2 т. капитальные в научном отношении и чрезвычайно интересные. Оно переведено на русский язык Гастон Буассье. Римская религия. Перев. М. Корсаков. Москва. 1878 г. (цены 5 руб.)

На трудах Гаусрата и Буассье мы главным образом основываем свое изложение.

II.

Моноотеизм. Вера в загробную жизнь. Дуалистическое мировоззрение.

Чтобы понять религиозное настроение римского общества, его нравственные тенденции, мы не вернемся далеко назад, потому что идеи, распространившиеся в образованных классах и подготовившие религиозно-нравственную революцию в римском обществе того времени, которое нас занимает, ведут свое начало из Греции очень отдаленных времен Сократа, Платона и их последователей. Процесс разложения народной религии в Рим, можно связать с процессом развития философской мысли в Греции.

Гораздо раньше, чем потребность просвещения религиозных представлений проявилась в

народной массы, оторвавшие элементу Греции
спрашивали себя об основах и причинах мира
и бытия. С самого начала это исследование
не знало высшей задачи, как задача поставить
на место божественного еще естественную
причинную связь вещей. В сущности
древнегреческая атомистическая философия была физи-
ка, наука о природе, если только можно на-
зывать наукою умозрения о природе, не основан-
ный ни на точных наблюдениях, ни на опытах.
Греческие философы объявляли мир то из одне-
го, то из другого элемента, из которого он
должен был произойти то посредством сгу-
щения, то посредством разрежения или разво-
жения. Елеаты Ксенофрант в первый раз от-
влек от оторванных элементов и объявил
причину мира чистое бытие, безпредикатную
сущность, единое и всеобщее, не начинающее ни
начала, ни средину, ни конца.

Мало этой неопредмеченной, неподвижной
основы вещей принадлежит чистое бытие,
между тем как видимый мир есть только
обманчивый, ниспроверженный призрачок. Но это еди-
ное Ксенофрант называет богом. Это было посто-
яательно. Если не многие элементы суть при-
чина мира, то природа понимается в своей по-
стоянной сущности, как единство, то человек
чувствует себя в зависимости только от этой
единой всемирной причины. Если только одна
причина мира, то и один мировой бог. Такой
смысл имела посылка Ксенофранта против
антропоморфизма Греков. Его божество не че-
ловкоподобно; оно „все знает, все-рабует, все-учит; не-
подвижное, недвижимое, без усилия господствует“

нахъ своимъ мнѣніемъ, не полагая на людей ни виданъ, ни разуманъ." Мак. обр. еще въ классическій вѣкъ въ борьбѣ боговъ выступаетъ мысль моноотеизма противъ религіи природы и ее почитанія: "Устремивъ свой взоръ на міръ, къ чуждое, - говоритъ Аристотель, - всемогуще навсѣгда боговъ единое." Время Писнетрата, Анакреона, Дарія и Маркинія Кордого естественно не было еще довольно зрѣлымъ для такихъ воззрѣній. Однако и въ народномъ сознаніи были точки соприкосновенія, въ силу которыхъ слово, произнесенное великимъ Деятелемъ, не могло лишь совершено непонятымъ.

Указываемая опять связь вещей явилась и потребность твердаго нравственнаго міроваго порядка принуждала и вторяющихъ многоство своихъ боговъ религіозировать, какъ единство и съ болѣею энергіею, восставая противъ всеобщей анархіи Олимпа, ударять на монархическую власть Зевса или на высшій порядокъ, которому подчинены сами боги.

Мак. обр. мы видимъ, что у великихъ поэтовъ естествоиспытателей покровителей, Пиндара, Эсхила и Софокла, монотеистическая мысль Деятели продолжаетъ действовать, но крайней мѣрѣ, въ требованіи единого, согласнаго міроваго порядка, мировой монархіи. Именно у великихъ трагиковъ много боговъ суть бывшіе только представителями одного „богоса“ „богоса“, они подчинены всеобщему закону, и въ ихъ дѣятельности илліанъ произвольна и взаимная борьба, въ изображеніи которой Гомеръ находитъ такое удовольствіе. Софокль говоритъ:

„Зевесъ! кто изъ людей, надменнѣе силой,

твое могущество удержитъ?
 Или сонъ, смирительъ всякой твари,
 Или родъ время неумолимый
 На небесахъ его не остановитъ.
 Но не стареющей годины,
 Бессмертной властью оградимъ.
 Ты мучебной блещеши вишна."

(Авт. стихи 600-606
 Перев. В. Водовозова).

Но самое важное было то, что греческая философия стала по стопамъ Деятель, создала себѣ мирозерцаніе, внутренне-независимое отъ мифа, данного преданіемъ и самое близкое — она на только ту уступку народной верѣ, что называла свои отвлеченныя принципы мифическими именами. Такъ пифагорейскій изъ до-сократовскихъ философовъ, Бераклистъ Темный, свой философскій монизмъ призналъ, какъ религиозной монотеизмъ, называя творческую первоначальную силу міра — Зевсомъ, между прочимъ какъ Фригій для каждаго принципа умели подобрать какое-нибудь божественное имя.

Около половины V вѣка до Р. Хр. философскій духъ приобрѣлъ уже такъ много внутренней свободы, что предположенія его космологическихъ умозрѣній стали для него гораздо несомнѣннѣе, чѣмъ преданія религіи, и то просвѣтителское движеніе, предводителей котораго одобренно называли софистами, съ некоторого охвата цѣло выставили впередъ свое модное предположеніе: о богахъ мы ничего не можемъ сказать, существуютъ ли они или нѣтъ, потому что это было слишкомъ темное, а человеческая жизнь слишкомъ коротка, чтобы до глубины изслѣдовать

этот вопрос. Самая сильная глава этой книги, Арадикъ, высказываетъ прямо тайну естественной религии: „люди прошедшихъ временъ, — говоритъ онъ, — считали за боговъ солнце и луну, реки и источники и вообще все, что приноситъ пользу, подобно тому, какъ Египтяне — Нилъ. Поэтому и теперь почитается, какъ Деметра, вино, какъ Дионисъ, вода, какъ Посейдонъ, огонь, какъ Гефестъ“.

Есть ли рядомъ съ этими популярными представлениями объективно божественное, это вопросъ оставимъ нерешеннымъ, потому что они вообще отрицаютъ объективность человеческихъ познаний. Между темъ какъ умозрительные деатовъ мало проникли въ жизнь, софистика была въ собственномъ смысле популярною философией. Существенно настроенно, и властивости выходить и научному бродяжничеству эти популярности философовъ естественно самого благодарного темъ было величавъ боговъ: эти они удивляли толпу, эти возбуждали гротескныя поиски, — а црпъ было нтъ мидно, нтъ мрше наградо.

Во время Пелопоннесской войны считалось уже устарелымъ верить въ боговъ, по крайней мрѣ, въ городахъ. Даже серьезные и по природе религиозные люди, какъ Вукхидидъ, не допускали участия боговъ, какъ факторовъ, въ ходъ той или иной войны, а все объясняли нтъ простотъ, конечныхъ причинъ. У Еврипида Терахидъ, самый полюбый, размышляетъ, существуютъ ли боги, которое его преследуютъ, а Орестъ спрашиваетъ себя, является ли продуктъ его софистическаго воображенія.

Еврипидъ — сорисеть между трагиками, отменно
 понял свой вѣкъ и объ этомъ засвидетельствова-
 ли сами боги, которыхъ онъ отрицалъ: Глосия
 признала его болѣе мудрымъ, чѣмъ Софоклѣ.
 Еврипидъ напористо избралъ театръ, такъ какъ
 тамъ собирается еще болѣе народъ, чѣмъ на
 гимназю, гдѣ училъ Сократъ, избралъ, чтобы раз-
 ринуть свою задачу — «вывести Эллина, какъ
 говоритъ Платонъ, изъ сладкихъ сумерекъ мек-
 канской ограниченности на полный дневной
 светъ разума, просвѣщенія и субъективной
 свободы»: (Die Hellenen aus dem süßen Dämmerlicht
 der gläubiger Befangenheit in die volle Tageshelle
 des Bewußtseins, der Aufklärung, der subjectiven
 Freiheit hinauszuführen" II, 16). — Время Пелопон-
 несской войны было вообще время упадка греческа-
 го преданія, разлагавшагося подъ соединенными
 ударами сорисистики и демократии. Соверша-
 лась революція во всѣхъ областяхъ общественной
 жизни Грековъ, революція, которая въ своей со-
 вокупности представляется, какъ борьба за но-
 вое мироустройство. Философія просвѣщаетъ, ор-
 торская трибуна просвѣщаетъ... театръ, пер-
 воначальный обрядъ греческаго культа обраца-
 ется въ просвѣтительный органъ. Даже Аристо-
 фанъ, послѣдній представитель старой коме-
 діи, хотя и смѣивается Еврипида и сорисотовъ,
 но самъ является однимъ изъ выдающихся пред-
 ставителей просвѣщенія: и его непрестанный
 правописательный песс, выходящий съ его бо-
 жественной ортодоксіей представляютъ смѣлѣйшее
 доказательство всеобщей правительственной испорчен-
 ности, всеобщаго невѣрія, чѣмъ все ртчи, въ ко-
 торыхъ онъ и въ осуждается. Его строгая религі-

основать не имѣаетъ ему отъсѣваться о богачахъ
не только фамиллярно, но даже богачушно; онъ
въ видѣ насмѣшекъ высказываетъ такіе вещи,
которые заставляютъ невольно смѣиваться,
если не въ его адресъ, то по крайней мѣрѣ въ его
уваженіи къ богачамъ. На самовраніе Стрени-
ада, что молнія порошится въ рукахъ Зевса,
чтобы наказывать киднвопреступниковъ, Со-
хратъ (въ „Облакахъ“, стихъ 333 и слѣд.) у него отъ-
кается:

„Ахъ ты дуракъ, отсталой, старомодной
мудрецъ, расхаживаешь бабину скаротъ! Если
Зевсъ поразяетъ молніею киднвопреступни-
ковъ, то почему онъ не поразили его Симона,
Клеонима и Теора. Все они самые злые кид-
вопреступники? Вмѣсто того онъ поража-
етъ святыне и пниго еоземельныя храмовъ
и величайшіе дубы. Что они ему сдѣлали?
Развѣ дубы бывають киднвопреступниками?..“

Это отрицательное направленіе, которое на-
чалось во время Пелопоннесской войны, ко вре-
мени Александра Македонскаго достигло сво-
его апогея. Въ некакомъ похитѣнн совершилось
развитіе, которое вообще нудедалось бы въ сто-
лѣтія, чтобы достигнуть зрѣлости, и это
информативной процессъ только скорее вынесъ
уши въ леденящихъ оковъ традиціоннаго за-
стоя. Демократія создала кипучую ищущую
жизнь, которая всегда живое, нестроитъ и без-
порядочное работаетъ. Понедѣи этой оживлен-
ной безумной горекій смехъ Аристофана и много-
рочивая меланхолія Еврипида суть только въ
различіи одного и того же душевнаго чувствен-
наго разрыва и разладненія. И можетъ кажда-

ся удивительным, что война с Богом еще шедь
вперед управляема массами. Но отрицание ста-
рой войны совершается всегда быстро, почти вы-
работка нового религиозного мировоззрения, и
нужно много иотъ, много покалываний, чтобы
оно вошло въ сознание массъ, а тогда только
и можетъ оно произвести громадное действие.

Это отрицательное направление религии не
осталось безъ последствий для последующихъ
временъ. Изъ хаотическаго брожения въ вѣкъ
просвѣщенія въ Греціи выработались два рели-
гиозныхъ теченій: одно прогрессивное, исходив-
шее изъ принциповъ сократовой школы и раз-
вившееся подъ вѣдомствомъ философа (Deistis-
religion), и реакціонное, искавшее въ первоисточ-
никахъ формъ старина и въ глубинахъ натураль-
ныхъ хуевъ Востока удовлетворенія, кото-
раго не находило больше на Олимпѣ, разру-
шенномъ философию и осмѣленнымъ ритори-
ками и сарказмами. Но и это второе напри-
вление безсознательно, невольно приспособилось
обществу къ принятымъ принципамъ сократо-
вой школы, которое въ IV в. достигало общаго
удовлетворенія образованныхъ людей.

И время пелопоннесской войны исполнило сво-
его миссію. Это былъ тотъ человекъ, котораго
считали Аристофанъ, и котораго судъ созо-
ка приговорилъ къ смертной казни. Сократъ
съ точки зрѣнія своей практической фило-
софіи, единственнымъ предметомъ котораго
было исследование вопроса о добродѣтели, не
занимался умозрѣніями о бытіи божества и
о основаніи міра и природы, но какъ одинъ
изъ первыхъ физикотеологовъ, онъ наводилъ

возможности определить качества и свойства божества изъ изучения мирового строя: и этот последний своего правильности и величия вынудил ему понятие о божестве, какъ о всемогущемъ, всеблагомъ, премудромъ и всеблудущемъ существе. „Богъ есть разумъ этого мира, и во сколько разъ миръ больше нашего тела, во столько разъ и этотъ божественный мировой разумъ больше, чѣмъ наше разумъ.“ (Дем. „Мет. I, 4, 17). — Въ сущности это учение есть монотеизмъ, хотя Сократъ никогда и нигде не высказывался противъ почитанія оффициальныхъ боговъ и противъ оффициальной веры. Но введенное имъ философо-теологическое мировоззрѣніе и понимание божества, какъ всеперваго разума шло къ устраниенію почитанія. Гармонія творенія приводитъ къ принятію не многихъ боговъ, а единого, вседѣйствующаго и всеблудущаго божества. Оттого-то видныи мнѣ, что послѣсократовскія философскія школы приняли — одна, Уиническая, къ намѣренію, что богъ единъ, и что множество боговъ произошло отъ многихъ народовъ, а другія, Киренская и Мегарская къ равнодущію софистовъ касательно вопроса о божестве.

Понятіе о единомъ божестве нашло себѣ дальнейшее развитіе въ философіи Платона. Платонъ, стоя на точкѣ зрѣнія сократовой теоріи познанія, далъ о божестве такое воззрѣніе, высота и чистота котораго никогда не была теоретически не были превзойдена, и которое не потеряло своего значенія даже и послѣ того, какъ религіозной гений Христа на место теоретическаго отвѣщенія поставилъ живое опытно-

ное познание божественного. Платонъ понималъ божество въ противоположности съ матеріей, его учение о богѣ нарождается въ тѣсной связи съ теоріей Диалектическимъ мироустройствомъ, которое было господствующимъ въ периодъ появления Христианства, и которое во многомъ обусловило его развитие. (Тарсер. II, 20)

Остановившись на Платонѣ и посмотревъ, какъ онъ пришелъ къ представлению о Диализмѣ. Начало этого учения кроется въ Диалектикѣ прошлого. Однимъ изъ результатовъ Аристотелевской школы было отрицание объективности мира явлений. Къ понятию чистаго бытія, безпредикатной причины всего принадлежатъ то, что оно въ себя не изливается, что ничто въ немъ не происходитъ, ничего не проходитъ, короче, отрицание движения. Разными соображеніями они доказывали, что движение есть только субъективное представление человеческого духа, что оно не идетъ къ абсолютному. Это приводитъ Аристотелевскую школу къ отрицанию всякаго объективнаго познания. Это отрицание въ IV в. выражается въ полюбившемся схолизмѣ: „Вещи существуютъ, какъ онѣ являются субъекту.“ Если даже то, что нашими глазами такъ кажется невидимымъ, движение, основывается на обманѣ нашей субъективной организации, то нѣтъ вообще объективныхъ познаний, нѣтъ истины. Для ощущающаго субъекта истинно только то, что онъ чувствуетъ, но такъ какъ каждый чувствуетъ различно и каждый отдѣльно, то такъ, то иначе, то все есть дано только субъективнаго представления, мнения, произвола. Человѣкъ есть мнра всѣхъ вещей. Если нѣтъ объек-

тивной истины, то есть и объективного долга, объективности, закона, правды. Все это существует только настолько, насколько касается человека необходимому: хорошо только то, чему можно приискать субъективное основание, причину. И отыскание этих оснований для всего было делом софистов. Они утратили афинское чувство искусства думать, больше слабое основание больше елицились; они утратили спорить, рассуждать, полемизировать, аспирвать, сбивать с толку: почти больше ничего твердого, мира существует так, какъ я его вижу, позволю все, что мне нравится. Вотъ каково было состояние Душевной жизни, когда выскелъ на арену общественной деятельности великий реформаторъ, отъ имени которого ведется начало однимъ изъ наиболее богатыхъ последствиемъ переворотовъ въ царствѣ макед.

Задача Сократа была все та же: „Есть ли знание?“ „Я знаю только то, что ничего не знаю.“ — вотъ исходная точка его философской работы. Но его серьезнейшая цель — знать, найти истинное познание. Изъ мира явлений вывести объективности нашего познания. Вопросъ скорее заключается въ томъ, есть ли такіе знания, въ которыхъ скрывается необходимо все разумно-мыслящее, есть ли такіе понятия, которые присущи каждому Душе, закона макед, которые для всего имеютъ значение? Если такъ, то существуютъ истины, независимыя отъ произвола софистовъ. Поэтому, чтобы решить вопросъ, Сократъ ищетъ не вновинный миръ, а свою и друзей способность мыслить. Исходя отъ самыхъ тривиальныхъ, ежедневныхъ

явлений, сравнивая между собой отдельные, они
выдвигают все случайное и привходящее и находят
понятие, которое обнимает все представление,
истину, которую все признают, правило, ко-
торому никто не противоречит.

Эти понятия Сократъ представляет, какъ
исходная, собственная душой категории, через
которые онъ познаетъ существо вещей. Душа
принимаетъ истину во вещи, — и его понятия им-
еютъ такую объективность, что Платонъ Сок-
ратъ считаетъ ихъ вечными существами. По-
сегодняшнее едва ли верно, но во всякомъ случае
Сократъ опровергъ своимъ учениемъ о познании
положение древней натуралистической философии, что
актъ нашего познания есть естественный, фи-
зический процесс, результатомъ которого есть само
объективное. Сократъ первый самодумалъ, почув-
ствовавъ въ себѣ нечто иное, актъ повторения
идеи въ внешнемъ и въ ставъ глубокій смыслъ
его словъ: „Познай самого себя.“ Независимо отъ
природы и ее процессовъ открыть онъ свою спо-
собность познать, открыть въ груди человека
новый миръ и все разделить на две категории.
Душу и тело, материю и форму, природу и духъ,
живое и мертвое, небо и землю, то и то
миръ и то и нарушить спокойное, естественное,
натуральное единство анимического мировозз-
рения. (x)

(x) „Noch ist nur in des Menschen Brust, — vorurtheil
tauschend, — die geistige Welt entdeckt, bald aber geht
in Leib und Seele, in Stoff und Form, in Natur
und Geist, in Diesseits und Jenseits die ganze Welt
auseinander. Das war ein Gegensatz, von dem die glück-

Платон продолжает развивать идеи Со-
крата, но обладав высоким поэтическим гением,
он излагает мнение этих философов задан-
и вопросов в поэтической, художественной форме,
под покровом мифа: Диалектическое движение ми-
слей облекается в форму распада, массы в
образы, а не расумие в понятия.

Подобно понятию, которое Сократ открыл
в душе, остается и для Платона принципом
познания, но он понимает нас, как отдален-
ные существа, реально объективно существую-
щие над чувственным миром. Если на этих
понятиях, идеях основывается единственно воз-
можность знания, то мы не можем дать мысль
через нас и для нас, но мы должны призна-
вать реальность. Макс. одр. он существовать, но

liche alte Welt nichts gewusst hatte. Ihr war
Götter und Menschen, Natur und Geist, Leben und
Denken, Himmel und Erde zur harmonischen Einheit
verbunden, und erst die Vertiefung des Innern, die
Autonomie des Geistes, die Antithese des Sittlichen und
Natürlichen, die Sokrates aussprach, war der Anfang
des Bruchs, durch den die plastische Einheit des antiken
Lebens in zwei spang. Das Stadium des naiven Unmit-
telbarkeits trat zurück. Die Natur sich ausleben zu
lassen, das Natürliche in schönen Formen zu thun,
das war die antike Sittlichkeit. Jetzt sollte ohne
Reflexion nichts mehr gethan werden und nur
das im Licht des Bewusstseins vollzogene Handeln
hat Werth und Sittlichen Inhalt. An die Stelle
der objectiven Ethik, der überlieferten Sittlichkeit,
tritt die persönlich bewusste Moral."
(Neutest. Zeitg. II, 23).

Платону, отделив во всемирном идеальном, в котором лежат все истины, что живут в Боге и незаметною душой, наслаждаясь созерцанием этих идей. Так придают дуализм чувственного и духовного мира. Материя, как нечто длинное до бесконечности, неопределимая масса не имеет действительности, она постоянно изменяется, обрабатывается, проходит, но она не существует. Поэтому она называется несущей. На ней наше познание не может основываться, потому что не может быть знания о чем-то постоянно текущем. Но в этом смысле есть одно — верно, постоянно остающееся, существенное — это родовой понятие. В смысле элементов чувственного мира, только общий понятия твердого и текучего, живого и мертвого, родов и видов, свойства доброго, прекрасного и отвратительного; только они и суть постоянно и прочно существующие и потому настоящая основа мира. Земные вещи в своем смысле суть только отображения, т.е. и образы только всеобщих понятий, которая в области или странности истины остаются вечно себя равными, насколько не тронуты изменениями того, что составляет их часть. Идея есть так обр. действительное в явлении, без нея явление — ничто. Все свое существование мир явления замещает от мира идей, замещающего в него.

До сотворения мира существовали два царства в абсолютной противоположности: мир идей, вечно себя равный, как вечно первообраз в самом себе покоящийся, и материальная, безформенная, вечно текущая масса, непостоянная при-

обращает форму и потому истинное существование. Если вечная красота и вечная ясность мира идей создали себя слабе отображении в атомистическом мире, то это случилось с помощью души. — От соображений бога, демиурга, творца мира, создать его в то время, как сам неподвижно смотрит на мир идей. Он расширяет мировую душу, недвижимый, динамический принцип строя и движения мира, мировую схему как отображение вечной идеи, на подобие концентрической сферы вокруг всего пространства, которое должно будет наполнить чувственным миром. Потому он разделяет это пространство на два круга — круг звездного (неподвижного звёзд) и планетного неба, даёт атомистическую массу существования, разделяет ее на 4 элемента. Из них он потом образует, все смотрит на идеи и по их образу, органический мир, в котором живет душа мира, как принцип жизни, потому мир называется также душевным, животным.

Также и он обладает челоушеского духа бросает Платон вопросы, на которые мог бы ответить только поэт, но не философ.

Как произошло, что душа, которую подслушивает Сократ и признает за существо чуждого, иного рода, вошла в это чувственное тело?

Платон формулирует этот вопрос гипотезы о предсуществовании души. После того как демиург создаст здание мира и богов (неподвижных звёзд) он приказывает атлантам богам сотворить смертных существ. Так. обр. боги образовали челоушеское тело и смертного часть души, а он сам приготовил ей бессмертную часть. Такими

бессмертных Душъ онъ создаетъ стайко, сколько
 есть звездъ и посадить на каждую звезду по де-
 ти Душъ, чтобы она могла отсюда разсматри-
 вать мировое устройство и помочь быть насоеден-
 ного въ человеческомъ тѣлѣ. Сначала души вер-
 наются въ миръ въ высшей человеческой фазисъ
 существованія, какъ мужчины, потому, если
 въ этой первой фазисъ существованія Душа
 подгадитъ чувственность, то онѣ въ возвра-
 щая на звезду къ блаженной жизни, если же
 то переходитъ въ тѣло женщины и наконецъ со-
 образно съ увеличивающимся знаніемъ, сообразно
 со все болѣе и болѣе погруженіемъ въ
 чувственность, въ тѣло животного. Еще ближе,
 въ "Разрѣзъ", Душа обрѣтаетъ заключеніе Ду-
 ши въ тѣло, какъ наказаніе за предѣльное упо-
 паденіе. Колесница Души окрещена двумя коня-
 ми - несущимъ вверхъ мысль и стре-
 млящая внизъ почвою. Эти кони носятъ ко-
 лесницу Души по нисходящему истинѣ, сначала вѣ-
 стъ въ богами, колесница которыхъ катятъ
 рядомъ въ колесницею Велла во главу. Душа
 видитъ существенное, истинное божіе, она ви-
 дитъ справедливость, умѣренность, знаніе; она
 живетъ жизнью боговъ. Но не все души остаются
 въ этомъ чистомъ, блаженномъ состояніи.
 Души, увлеченныя "почвою", низвергаются въ
 небесахъ пространства, перестаютъ содержать
 истину, коридоръ тѣло только низше мѣстѣ, на-
 даются на землю и вселяются въ земныя тѣла.
 Но у падшей Души остается воспоминаніе о
 предѣльномъ блаженномъ существованіи, остае-
 ся страстная тоска (Sehnsucht) по небесной
 родинѣ. При воспоминаніи о томъ, что она ког-

да-то видела и знала, Душа приходитъ въ ан-
тибязи, въ восторженное состояніе, какъ ско-
ро она видитъ на земли что-нибудь чистое,
истинное, прекрасное. Такъ обр. философствованіе
Души есть только вспоминаніе (ἀνάμνησις), при-
поминаніе идей, которыхъ она когда-то видела
на нѣбѣ истинны. Когда телесный нѣбъ предста-
вляетъ восходитъ къ общимъ понятіямъ, тогда
его Душа содержитъ идеи. Поэтому ἀνάμνησις,
припоминаніе есть Ариаднина нить, посред-
ствомъ которой Душа въ конце концовъ нахо-
дитъ обратный путь въ область истинны.
Если же она погружается глубже въ незнаніе,
теряетъ всякое воспоминаніе о вѣчной истин-
ности, она погибаетъ въ чувственности. После
смерти подверженная наказанію тѣлесности
но тѣла, она должна избрать новое тѣло,
и только после того какъ она изберетъ три
раза призваніе философа, возвратится она
въ тѣ Душевные поля, которыхъ были ея родиной,
прежде чѣмъ она спустилась въ этотъ міръ.

Такъ обр. напечатанный путь, по которому по-
шли существовавшіе за Платоновы покаяніи.
Вся жизнь, весь свѣтъ, все чистота перене-
на въ другой міръ, здѣсь въ этотъ-только тѣлѣ,
призракъ и смерть. Тамъ идеи, здѣсь тѣлѣ
идей, тамъ блаженство, здѣсь страданіе, здѣсь
нѣтъ души въ тѣлесныхъ оковахъ, тамъ бже-
ство, которое формируетъ насъ счастливыми,
здѣсь матерія все глубже похищаетъ насъ въ
своего тѣла. Роковой дуализмъ, который Сократъ
внесъ въ греческую мысль, не ограничился опредѣ-
леніемъ противоположности мѣждоу душевнѣ и
тѣлеснѣ, этотъ дуализмъ раздвоилъ бездонно

пропастью весь мир на две половины. Мало по малу вытекает из распространения в среде ижеющего общества идеи платоновой философии, выработавшей из нее определенную основную воззрительную естественной религии, основанную на принципах которой являются монотеизм, дуализм, вера в бессмертие души и загробную жизнь.

О загробной жизни говорили еще и раньше Сократ и даже Платон; но это были неопределенные, неясные догадки и общие выражения. Платон же выработал ясное и стройное представление о жизни души после смерти, проводящее через всю его мировую систему: „Души после разлучения с телом, — говорит он в диалоге „Государственное устройство“, — приходят в место, где они должны быть судимы; отсюда праведные идут на право, на небо, неправедные на левую, под землю. Там и другие души в виде десятикратного воздаяния за их грехи, совершают тысячекратные страдания, которое для последних полно страданий, для первых — блаженного содержания и только величайшие грешники тогда же подвергаются в тартар.“

После Платона это учение о бессмертии души и о земной жизни, как о времени пытки и страдания для нее, становится очень распространено. Оно проникает в Рим, о нем говорят Цицерон (в „de re publica“) и Сенека. Этим последним, как стоял, не давалось быть за так рассуждать, но тем не менее и он находил в подлинном влиянии Платона, и даже по христиански, что и послужило поводом к предполо-

жизни о его будущих знаменствах от Анастоланд
Павловъ — описываетъ земную, временную жизнь
только, какъ приготовление къ лучшей, т.е. какъ
временное мотопребывание духа, ибо, какъ его
истинное отечество. Девъ смерти онъ называетъ
днемъ рожденья для вѣчности, и такъ говоритъ
о свободѣ и блаженствѣ небесной жизни, что
невольно заставляетъ пригласить себя къ триста-
нашѣ. Если мы найдемъ дальше, въ III в., если обра-
тимъ вниманіе, напр. на Амвросія, то увидимъ,
что онъ прямо называетъ себя последователемъ
Платона и популяризируетъ его ученье среди Ри-
млянъ. Больше всего онъ ставитъ верховнаго Бога, ка-
кимъ онъ является въ „Тимее“ Платона, „Бога
единого, который — весь Духъ, который живетъ вне
міра, онъ есть отецъ и архитекторъ вселенной.“
Онъ настолько выше насъ, что намъ невозмож-
но себя его представить: слово человеческое не мо-
жетъ его описать, умъ — не можетъ постигнуть.
„Едва только самымъ мудрымъ, т.е. теми, которые
съ помощью чуждого духа могутъ иногда освобод-
иться отъ тѣла, удалась на мгновенье увидѣть
его, какъ мы видимъ блескъ быстроты мысли,
которая равняется телесной тупу.“ Къ этому
возвратимъ мы еще вернемся познѣе, а теперь
ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что
идеи Платона проникли въ Римъ и въ раз-
витіе мы находимъ въ сочиненіи Цицерона, Се-
неки, Амвросія и другихъ.

Итакъ — 1) въ единого, всеомереннаго Бо-
га, 2) въ безсмертіе души и 3) въ воздаяніе за жизнь
по смерти — существенные принципы теологии,
религіозности возростній Платона. Эти новыя воз-
зрѣнія могли лучше удовлетворить умы, чѣмъ

отомивающий, потерявший силу почитения. Но надо было, чтобы эти идеи нашли себе приложение, чтобы они прошли через долгий процесс разработки и усвоения в массах, чтобы они сорвались с достоянием доблести, только тогда новая религия могла произвести сильное, действительное, серьезное, широкое, всеобщее влияние.

III.

Субъективная мораль и развитие сознания греховности. Римляне.

Умная монументальность, дуализм и страх вечного бессмертия души — вот что возбуждало Римлянов своим притяжением и притеснением. Миссия и страсти переносятся все более и более в другой мир, в сравнении с которым земная — царство тьмы и смерти. Человек не сознает бытия своего единства с природой; он чувствует себя сгущением, пришедшим из другого мира, к которому и сводится все задачи его земной жизни. Нарастание с развитием этого нового мировоззрения, обремененного пока в философскую форму, совершается еще более важной переверткой в жизни и понятиях о нравственности. В древней Греции целое преобладало над частным, государство над личностью, гражданство орудествовало для государства и считалось ему ветвью обзаведенным, государство гражданину — ничто. Обязанностей по отношению к себе Древний Грек, помощником государства, не знал; эфика имелаась с политикой, подобно тому, как личность имелаась с государством, дух — с при-

родой. Давать простоту и чистоту природы, облекать производимое ею в изящные формы — этимъ не перывалась вся нравственность древности, на сколько она не касалась обязанностей гражданина.

Сократъ проводилъ: „Познай самого себя“. Познай самого себя за принужденъ нравственности, поставилъ закона своего внутреннего мира выше правилъ мира внешнего. Со времени Сократа этика, основанная на преданіи, начинаетъ уступать мѣсто субъективной морали, морали которой — внутреннее сознание человека. Въ это время смещается революция, проведенная великими философами въ истории развитія древней мысли. Конечного цѣлью человека становится личная его добродѣтель, а не благосостояніе государства. Уже Антистратъ, непосредственной предшественникъ Сократа и основатель цинической школы, имя которой произошло отъ цинизма, совершенно не обращаетъ никакого вниманія на общественную жизнь и идетъ къ добродѣтели кратчайшимъ путемъ, руководствуясь только внутренними силами. По учению другого философа того же времени, Аристиппа, человекъ долженъ подчинять себя обстоятельствамъ, а не подчиняться имъ; единственного цѣлью его философа есть наслажденіе. Само собою разумеется, что распространеніе подобныхъ взглядовъ способствовало сначала упадку государственной жизни въ Греціи, но имѣло совершенно ея прекращеніе. Государство Александра Македонскаго, монархіи диадоховъ, римская республика и имперія были искусственно созданными политическими тѣлами, не соединенными

внутреннего связано с какою-нибудь своей целью. Деспотизм римских императоров доказывает окончательно невозможность участия во общественной жизни государства отрывного мифа и доверия к нему сосредоточение человека в самом себе. Только во внутреннем мире можно еще найти закона справедливости, правдивости, добра, исчезающие из общественной жизни. Отсюда проистекает тот философский кризис, средоточием которого является личность человека — некая, предметом — добродетель и счастье отрывного человека, к какому бы народу, к какому бы государству он не принадлежал — идеи субъективной правдивости, признания к личности человеческой личности вне границ национальности, времени и места, вполне соответствующие духу века и универсальному знанию римской империи, собравшей в одно воедино все народы земные.

И вот именно между Филиппом Македонским и энохом, которому мы и посвящаем, представляется время процветания сократовских идей, которых ничуть не было у греков, а доказательством предположения философствования счастья и добродетели отрывного человека. Задача мудрого — поставить и привести себя в такое положение, чтобы ничто не вторгалось в его волю, ничто не нарушало его покоя, его душевного мира: Аутаркия (самодовольствие, самостоятельность), атараксия (спокойствие духа, безотрадность) и апатия (безразличие) — становятся логическими словами у последователей новейших идей. Весь мир эллинистический обращен к отрывному человеку. Таких же учений было

два главныя (ма опускаемъ екхтизиуизмъ): Стоицизмъ и Эпикуреизмъ. Общая имъ черта — стремление къ спокойствію, къ свободѣ духа; различны только средства, предлагаемыя ими для достиженія одной цѣли. Стоицизмъ требуетъ отроченія отъ всякаго удовольствія, чуждѣя довлѣяемости самими собою, въ себѣ самому находить оплотъ противъ всякаго зла и страданій. Его послѣднее слово — добродѣтель, но добродѣтель заключена въ самомъ себѣ, издѣлающая бороду, отказывающаяся отъ всякой попытки исправленія друзей и чужаковъ общества. Эпикуреизмъ такъ же проповѣдуетъ добродѣтель, потому что безъ добродѣтели нѣтъ счастья ("Clamat Epicurus non posse jucunde vivi, nisi sapienter, honeste iusteque vivatur." Cic. de Fin. 1, 18), но главная цѣль его — наслажденіе; мудрость его заключается въ искусствѣ избѣгать болѣзненныхъ страстихъ и въ умѣннѣе миромъ, въ наслажденіи и сравненіи между собою пріятнаго и непріятнаго ощущенія, осмѣлающа отъ извѣстнаго дѣйствія, и предпринимать это дѣйствіе, если душа первая превышаетъ души послѣднюю, отказывающа отъ него, если душа послѣдняя превозмощаетъ души первую.

Стоическія воззрѣнія сформировались общими теченіями философскихъ разсужденій, особенно распространеннаго и въ сочиненіяхъ, и въ вѣсѣхъ философовъ. Это обстоятельство особенно важно для насъ потому, что сторонники стоическаго ученія въ Римѣ въ вѣхъ литературы не ограничивались теоретической разработкой своихъ идей, но дѣятельно стремились распространить ихъ въ изобразительное общество. Объ этомъ подробно говорить

Гастонъ Буассе въ первой главѣ второго тома своего труда. Сначала римскіе поклонники идей, развивавшихся философии послѣсократовскихъ школы доиспытывались тѣмъ, что собирали во-кругъ себя небольшое число образованныхъ людей, собирали изъ нихъ достойнѣйшихъ и образова-вали так. обр. кадры своей небольшой кружки мыслящихъ людей, которыми они руководили, ко-торый направляли въ философскія занятія. Въ эти занятия, сходясь, наводившихся въ томъ "занятіяхъ" (*umbrales studia*) философы изоблачили тайны, изоблачили блестящія слова и пренебрегали красноречіемъ, доиспытывались тѣмъ, что давали избраннымъ думать стро-гое и научное образование.

Но рано на этомъ не остановились. Филосо-фия вышла изъ тѣни и тени кабинета, про-никла въ школы риторовъ, вырвалась на пло-щадь, въ народъ и, конечно, получила была нехудо-го ироническій характеръ. Тутъ уже немудрено бы-ло держаться на строго-научной почвѣ — тутъ нужно было прилагаться къ развитію неподго-товленной толпы, нужно было популяризовать философскія идеи, указывать на ихъ практичес-кое значеніе, при томъ действовать на грубо, разнообразныхъ и малоразвитыхъ слушателей. Много красноречиваго и убедительнаго слова. И все же имѣли и недостатки, что такіе публичные чтенія, такіе философскія проповѣди были рас-пространены въ Римѣ даже во время Мидеріи, и проповѣдники философов, риторы, адвокаты — имѣли огромную успѣхъ и привлекали много численныхъ слушателей. Фабіана сурини, гово-ряща о Сенека объ одномъ изъ такихъ проповѣдниковъ

ковъ, жившихъ во время царствования Августа, — съ почти исключительнымъ вниманіемъ; но подъ масъ апол-
торій, увлеченная высотой идеи, разражалась
криками восторга и удивленія. Такъ обл. фи-
лософскія идеи распространились въ средѣ спо-
собахъ — направленіемъ, руководителствомъ
(direction) и проповѣдью (predication), и въ движе-
ніи участвовали все философы міама, стои-
ки, какъ эпикурейцы. Эпикурейцы не имѣли та-
кого значительнаго вліянія на умы, какъ стои-
ки, но ихъ цѣль была та же — доставить сча-
стіе отрывавшемуся человеку. Отискивая путь
къ счастью они указывали его въ наслажденіи,
но не матеріальнаго, а вѣчнаго, духовнаго.
Удовольствій тѣлесныхъ, говорили они, коротки,
преходящи, какъ сама жизнь. Удовольствія ду-
ховныя обнимаютъ собою и прошедшее и буду-
щее. Высочайшее благо заключается не въ ли-
чностномъ удовольствіи, а въ продолжающемъ
ся, постоянномъ, въ счастливомъ спокойствіи, гу-
бокаго мира и совершенной удовлетворенности.
Поэтому, по ихъ мнѣнію, всегда слѣдуетъ избо-
гать излишествъ, держаться умеренности
изъ опасенія, чтобы излишества въ удовольствіи
не вызвали своей противоположности — стра-
данія. Въ Римѣ эпикурейскія идеи были нека-
женна и унизены въ иудейской практикѣ.

Итакъ и стоики, и эпикурейцы направле-
ли свои усилія къ тому, чтобы найти твердую
опору для каждаго отрывнаго субъекта, оты-
скать центръ тяжести для личнаго „я“ каж-
даго, въ которомъ каждый могъ бы найти миръ,
покой, и счастье, дать личности то твердое, ве-
ное, определенное помощеніе, которое она по-
-

зовалась прежде величайшее того, что была за-
 кинута въ государство и которое теперь при из-
 менившихся круто воспринимать потеряла. Бро-
 саясь безпокойно изъ стороны въ сторону ищущъ
 философовъ новой школы, новаго мира, новаго ста-
 тья и не находятъ его. Черезъ все ихъ дедукции,
 черезъ все повидимому твердыя и страстные
 утверждения о необходимости внутреннего мира
 и о необходимомъ пути къ достижению ми-
 раго счастья, проходитъ все видъ и тѣнь — не-
 печальной, меканроническій тонъ, который го-
 казывается, что атараксія и апатія, счастье и
 наслаждение, о которыхъ такъ много говорили,
 не существовали на самомъ дѣлѣ. Когда мно-
 гимъ много говорятъ о примиреніи своего
 внутреннего „я“ съ внешнимъ действительностью —
 ясно дѣло, что нѣтъ этого примиренія, нѣтъ
 спокойствія, нѣтъ счастья; только тѣ, которые
 обладаютъ счастьемъ, которые ничего не создаютъ
 о немъ. Да и какое можетъ найти счастье че-
 ловѣкъ, погружающій себя въ себя, забывающій
 окружающаго, о человеческомъ, заботясь только
 о личномъ удовольствіи? „Кто хочетъ душу
 свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, говоритъ Спа-
 ситель, а кто потеряетъ душу свою ради меня,
 тотъ обрѣтетъ ее.“ Это замѣчательный сло-
 ва: въ годъ тѣлесныхъ уисственностей, праведно-
 ности, религиозности и социальнаго кризиса, не
 можетъ человекъ воспріять счастье, думая
 только объ одномъ себѣ, все отное къ своему
 личному „я“; онъ долженъ напротивъ того за-
 ботъ о себѣ, погрузиться во всеобщее, смирять
 человеческое и возвысить подлинное самоот-
 верженія снова — завоевать потерянную жизнь.

Также случилось и здесь: Стоицизм, самоудовольствие и эпикурейский эгоизм, уединенная добродетель и уединенное наслаждение привели к одному отрицательному результату, что человек слишком слаб существо, чтобы бороться с миром. Оби школы давали подробные правила о том, как поступать во всяком отдельном случае, чтобы быть счастливым, а на деле всегда обнаруживалась несостоятельность этих правил. Как стоики, так и эпикурейцы утверждали, что как человек ни старался с одной стороны подвигаться и презирать свои чувства и страсти, чтобы быть свободным, деятельным, добродетельным, как бы с другой усердно ни искал приятного и избегать неприятного, все равно личное счастье оставалось недостижимым и прославленная невозмутимость души пустого меготы. Стоицизм сознается во конце концов, что человек слишком слаб для того, чтобы быть счастливым, эпикуреизм — что мир слишком испорчен, чтобы дать счастье. Стоицизм и эпикуреизм боролись с миром, чтобы победить его, а теперь видят, что его сила непобедима. Погрязают в отчаянии, нудно искать всегда, а то строгий фатализм невозможен. Что же находят, наконец, эти люди, так действительно искавшие счастья, чтобы спасти себя от отчаяния? *Ultima ratio* — и тогда и других — самоудовольствие, удаление из мира, в котором нет личного счастья и в котором совершенно не стоит жить. И самоудовольствие было действительно обыкновенным явлением

въ Римѣ, въ первой эпохѣ имперіи. Въ міръ ищущаго
многого счастья, говоритъ Сенека, но мудрейше не
моденъ быть несчастливъ, и въ ономъ всегда
моденъ удить себя. „*Pacet exilis*“, восклицаетъ
онъ: смирительно возмущенная подвѣда надъ міромъ,
состоитъ въ отлученіи отъ него, въ удаленіи отъ
міра, спасеніе, возвышеніе своего „я“ въ самоугни-
жденіи. Особенно много имѣетъ, въ которыхъ
высказывается этотъ мрачный взглядъ на міръ,
модно выписать изъ Сенеки, найдите ярка-
го представителя стоицизма въ Римѣ. „Ви-
дѣшь ты, — восклицаетъ Сенека въ своемъ сочи-
неніи „*De ira*“, — этотъ крутой утѣсь? Въ со-
вершенномъ идетъ дорога къ свободѣ. Видѣшь
ли ты море, ртуть, колодезь? Тамъ внизу, въ
глубинахъ обитаетъ свобода. Видѣшь ли ты
это нѣжное, засохшее дерево? На немъ виситъ
свобода. Видѣшь ли ты твое горло, твое сер-
дце? Это средства спасенія, утѣшница отъ раб-
ства.“ (*De ira*, III, 15). О самоудійствѣ вообще
много разсуждали и писали тогда филосо-
фы рабствующихъ направленій. Они говорили, что
смерть не есть несчастіе, не есть страданіе,
потому что мы не моденъ находиться отъ него
въ долготу сопряженіи: когда мы существу-
емъ, ея нѣтъ, когда же пришла смерть, насъ
уже нѣтъ. Поэтому мы въ состояніи пролить
нѣтъ на то, что не представляетъ несчастія,
то, что доставляетъ намъ невыносимое стра-
даніе т.е. откажемся отъ жизни.

Въ этомъ находитъ выходъ ясно выража-
ющая несостоятельность стоицизма и этикуре-
низма, такъ какъ нѣльзя же считать самоудій-
ство добродѣтелью, ни тогда менѣе удовлетвореніемъ.

Это не подпада субъективнаго духа („я“), но его
 полное поражение. Въ то время какъ мынае
 стремились опереться на себя самое, все оно
 изъ находящееся стало для нас предметомъ не-
 счастья, привычного гнѣба. Конечно это не могло
 удовлетворить себя, трудно было, чтобы все
 общество признало самозабвѣнство за „ultima
 ratio“ человеческой жизни и гражданственности.
 Философы пришли къ убѣжденію, что есть
 болѣе общая причина того, что даже мудрецы
 не могутъ достигнуть идеала добра и сча-
 стья, и стали искать эту причину человече-
 скихъ добродѣтей. И вотъ греко-римскій міръ
 пришелъ къ тому, изъ чего вышелъ міръ іудей-
 скій: стоики и въ особенности Сенека стали
 говорить о злоковности этого міра, о томъ,
 что плоть, матерія есть причина несчастій
 людей, есть вѣчное препятствіе между жела-
 ніемъ и его исполненіемъ. „Это только, говоритъ
 Сенека, есть бремя и наказание для духа. Оно
 только давитъ на него и держитъ его въ оха-
 локъ.“ (Epist. 65) Мах. обр. есаиова, котораго про-
 изнесло еврейское сознание еще на зарѣ исо-
 рической жизни, сформалось въ египетской
 ассирийской философіи.

„Что, что видимъ, говоритъ Сенека, — эти камен-
 ные обитыя жилища и нагроможденная на насъ тяжесть
 и много, и суровый шумъ и все прочее, во что
 мы обвержены, все это убо и затемняетъ духа.
 Духъ атмится подавляемъ, помирается, за-
 раждается, отравляется отъ того, что истинно
 и свойственно ей и отвергается въ заблужденіе.
 Безъ борьбы съ этой давящей ее плотью со-
 стоить въ томъ, чтобы не быть събитымъ отъ не-

ти посподнимъ (заблудженіемъ) и удержаніемъ при первомъ (истинномъ). Она стремится туда, откуда отпущена. Житье доискиваетъ изъ вѣчное спокойствіе, гдѣ она можетъ смертнаго и темнаго созерцать чистое и ясное: (Ad Martiam, 24)

Жизнь этого можно думать, что Сенека создававши грѣха ищетъ только въ тѣхъ и тѣхъ вѣдѣніяхъ въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ восклицаетъ весьма патетически: „Я болѣе и дѣл. болѣе рожденъ, чѣмъ для того, чтобы быть рабомъ своего тѣла, на которое смотрю не иначе, какъ на какія-то цѣпи, наложенныя на мою свободу. Я предоставлю его естественной судьбѣ, и рана ему нанесенная, менѣе не достигаютъ.“ (Epist. 65). Разладъ въ немъ является здѣсь только, что въ самой природѣ теловѣческой лежитъ необходимость борьбы между тѣломъ и душой. Однако философъ пишетъ минуты болѣе проникательности и признаетъ, что грѣхъ ищетъ создавши свое гораздо глубже, въ самой душѣ и что такъ и о се. ишиной свободѣ, которыми онъ себя утѣшаетъ, которые представляютъ точку отправленія стоической философіи, — именно такого тѣла, пустой грѣхъ. И въ этомъ тѣлошесіи у него встрѣчается много ищетъ, который прямо наполняютъ ижема изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. Приведенъ изъ нихъ нѣсколько отрывковъ.

„Мы все рабы грѣха; все различіе между нами въ томъ, что кто одинъ думаетъ, другіе — короче, что мудрецъ старается и сбросить, а безумецъ приковываетъ себя къ ней еще крепче“ (De vita beata, 16, 19).

Еще более поразительно в этой точке зрения
свидетельство моего извещения „De Clementia“, ко-
торое прямо напоминает известный пассаж:
„Много ли есть судей, не подмасающих наказа-
ний того же закона, по которому они судят?
Многие ли из обвиняемых сами исты от ви-
ны? И я не знаю никого суровее в присуждении
наказания, чем тот, кто часто засиживает
самое наказание. Вот моя грешная. Одни согре-
шими снисходе, другие-сладче, одни-наочно, дру-
гие побужденные суровее или снисхождече ку-
сались распутствоваться. Иные же из нас недо-
статочно были тверды в кораче наших
ниже и потеряли невинность противъ вам,
посягъ злобы. Моя не только что грешна, но
и будетъ грешна до глубокой старости (до
смертного часа)“ (De Clem. I, 6).

„Наши предки, — говоритъ еще въ другомъ мѣ-
стѣ Сенека, сохранившие надъ испорченностью
правды, наказавшись на то, что царствуетъ
распутство, что падаютъ все доброе и святое;
Моя наказуясь на то же и на то же самое бу-
дутъ наказываться наши потомки. Малоко же
есть и будетъ всегда то же самое. Малоко отъ
времени до времени будетъ оно каменаться то
въ одну, то въ другую сторону, какъ волны, ко-
ротъ гонитъ все давшее и давшее надрываго-
ущий приливъ, а отливъ держитъ глубже въ
береговитъ границахъ... Пороки не остаются
на одномъ мѣстѣ; но постоянно движутся,
валяются, борются между собою, то торжеству-
ютъ другъ надъ другомъ, то обращаются другъ
друга въ божество. — Въ концы концовъ моя все-
гда должна будетъ сказать про себя то же и то же

ми злы, мы были злы и, сь горести прибудемъ,
останемся злы и сь будущицею". (Ceterum idem sem-
per de nobis pronuntiare debemus, malos esse nos,
malos fuisse, invitus adiciam, et futuros esse." de
Beuf. I, 10).

Такихъ мнѣнье можно было бы много вы-
писать изъ сочинений Сенеки. Мнѣ безумно, безгражданно и отчаянно смотрѣть на настоящее
и будущее современника Нерона. Стремление
къ покаянью овладѣло миромъ и его мыслите-
лями, насилье того какъ они напрасно добива-
лись найти себѣ покой и утѣху въ неспо-
койствѣ восточнаго мира. Отчаяніе и мироточе-
скость — знаменія того времени; но это сиб-
новъ скорбь не надломленная, здороваго покоя-
нія, а не безнадѣнная впечатлительность и изнемо-
женіе души. Въ первый разъ явственнѣе привидѣно
человѣческую натуру грѣшную, а этотъ миръ
— дошлаго скорби и слезъ.

Но вместе съ установленіемъ этого удобо-
дѣіи возникаетъ въ умѣ мысль новая во-
просъ: откуда зло въ мирѣ и человекъ, когда
они сотворены совершенными, всемогущими, свя-
тыми богами, какъ это учили и стоики и
Платонъ? Это казалося противорѣчіемъ и воз-
салимъ выдвигавшей изъ мыслителей I в. — Плу-
тартъ, хотя и не принадлежавшій прямо къ
последователямъ Платона, но раздѣлявшій
многихъ изъ платоновцевъ и особенно стои-
ческихъ воззрѣній, пытается разрѣшить этотъ
вопросъ.

Онъ приходитъ къ сознанію необходимости
прислать особый принципъ зла, такъ какъ
невозможно, чтобы совершенный богъ былъ

творецъ такого нехорошаго мира. Не могу же я представить себѣ бога, - говоритъ онъ, - какъ шинкарь, который наливаетъ изъ одного сосуда хорошее вино, изъ другаго дурное, но я все-таки предполагаю рѣшить въ принципахъ добра, съ богами, принципъ зла, справедливый богъ. "Все должно имѣть причину, а такъ какъ доброе не можетъ быть причиной зла, то зло, подобно добру, должно имѣть свое свободное происхождение."

Плутархъ признаетъ два начала (элемента) - бога добра и бога зла и утверждаетъ, что эта вселенная раздѣляется многими и мнѣніями философовъ, и это начало уравнивающихъ народовъ называется равнымъ, у другихъ Аристовъ, у другихъ Мидроновъ, у третьихъ Аристотель или Тадеосъ и т. д. При этомъ Плутархъ прямо приписываетъ Платону воззрѣніе, что рѣшительное добро и дурное мира существуетъ и знаетъ. Такъ обр. причиной зла является уже не матерія, не плоть, но свободное свое начало, свой духъ, которое создаетъ несчастія и бѣдствія.

Внѣ привиденное и подобнае мнѣ по едвардисанію отрывки изъ Сенеки, въ которыхъ онъ развиваетъ тему о грѣховности человѣческой природы, много новыхъ ученій потому сопоставляемъ съ другими, въ которыхъ высказываются идеи о необходимости покаянія и такъ обр. возмѣнено мнѣніе довольно распространенное, что Сенека былъ выразителемъ отчасти и христіанскаго ученія, что онъ былъ близко знакомъ съ апостоломъ Павломъ и отъ него почерпнулъ часть своихъ философско-религіозныхъ убѣжденій.

Это воззрение основывается между прочим на том, что известной отец Церкви, Меркулин анб, говорит о немъ въ одно из писемъ: "Seneca saepe noster est"; а христианский писатель IV в. бл. Геронимъ въ "de viris illustribus" утверждаетъ, что онъ знает перенеску Сенеки от Ап. Павла, потому и помещаетъ первого въ catalogus Sanctorum. Но эти свидетельства недостоверны и писемъ, о которыхъ говоритъ Геронимъ, и которыхъ сохранились до нашихъ дней, настолько ничтожны, что не соответствуютъ своему содержанию ни философскому гению Сенеки, ни глубинѣ воззрений Ап. Павла и даже быть признакомъ чрезвычайнаго нехудожественного подделкой. На которое изъ новыхъ ученыхъ, напр. французскій историкъ Шампаньи (въ своемъ сочинении "Les Césars") весьма дерзается мнить о значительномъ влиянии апостола Павла и христианскаго учения на Сенеку, но Тасманъ Бюассе, который подробно рассматриваетъ этотъ вопросъ во II томе своего сочинения "La religion Romaine" (стр. 46-92), утверждаетъ, что этотъ взглядъ не доказанъ и совершенно не имѣетъ нискогда предполагать какое-либо христианское влияние. Въ противоположную крайность впадаетъ радикальный, нискогда прославившийся и въ нашей литературѣ нашъ писатель Бруно Бауръ (*) въ своемъ новомъ сочинении (Christus und Caesaren. 1877, и затемъ - Das Urwangelium 1880) доказывающій, что на оборотъ, ~~всѣ~~ все специально христианскіе

(*) Онъ не имеетъ ничего общаго съ Бауромъ, основателемъ теодицеицистской школы.

идеи и въ частности то учение, которое развѣ-
 стая въ Павловыхъ наставленіяхъ, заимствованной
 сочиненій Сенеки и Филона. Бауэръ, который вообще
 отрицаетъ достоверность первоначальной исто-
 ріи христіанства, говоритъ, что христіанское
 ученіе возникло вовсе не въ Иудее и не вслѣдствіе
 проповѣди Христа, а въ Римѣ, и вышло изъ него
 изъ кружка Сенеки. Конечно, это послѣднее воз-
 зрѣніе преувеличено, но трудно, впрочемъ, сомне-
 вать, что, дѣйствительно, изъ которыхъ идеи,
 которыхъ вошли въ христіанское ученіе, какъ
 основныя истины, составляли уже ранѣе
 достояніе греко-римской философіи.

IV.

Потребность искупленія. Ново-пиа-
 горейцы. Аполоній Тианскій. Ученіе о
 „демонахъ“ и о „Вѣрѣ“. Попытки при-
 миренія старой религіи съ новой филосо-
 фіей. —

Безплодныя попытки практической филосо-
 фіи найти въ собственной силѣ условія, необ-
 ходимыя для „блаженной жизни“ (vita beata),
 привели къ сознанию потребности объективна-
 го искупленія. Стоицизмъ и эпикуризмъ, на-
 стоящее же ученіе, которое такъ сильно проникло въ эту
 эпоху, были плодами ученическаго самонаблю-
 денія, которыми занимались стоики, эпику-
 рейцы и скептики. Но нельзя отрицать, что
 съ началомъ имперіи и самая тѣлесность, са-
 мый гнетъ времени способствовали много тому,
 чтобы изощрить это жгучее самонаблюденіе. Цело-

вместо было истощено напрежением великого
нашего забвения и мимолетной войной, обесме-
но пороками, которые не сдерживали больше
страсть передь богами, пороками водворения ти-
рании, отдавшей нас в руки франции, в ко-
торой безумие было наследственным законом.
Все это могло только содействовать тому, что
бы привело к явному сознанию чувств пол-
ного банкротства философии субъективного, а
дикуриуса признали мир злом, стоики чело-
вечья греховность: история каждого для под-
тверждения это признание. Так обр. была фило-
софия времени империи ограничена скоро од-
ной задачей: освободить человека от страстей
современности и греховности его собственного
сердца. Философствовать, по дикуриусу, который
жил и писал во времена Нерона, значит
уметь, чего следует желать и чего избегать.
Начало философии есть сознание собственной
слабости и безпомощности. Кто хочет смирить
ее добротой, дающим предсе удовольствия, кто от-
зывает. Философия есть врач, к которому прихо-
дят не здоровые, а больные; он не учит, а
врадует, его первая задача - привести учеников
к сознанию нас безумия и неведения.

Прекрасна уверенность в нашей природе фи-
лософов стоических была до такой степени
поколеблена, что быть мудрым уже стало зна-
чить не быть согласно в природе, но не по-
нять природу, учить и, следовательно, возможно
сглаживать ее недостатки. Стоическое всегда-
шество потрясено глубоко и неизлечимо. Не-
уверенность нравственности - больного человека - теперь
главная задача философии, и с душевными

рвеніемъ совершенно другого рода, а именно во время
Зенона и Эпикура приходится попомощею къ учи-
телю съ просьбою: „Избави насъ отъ зла!“ Въ
одноимъ только отголоски коней исторической
судьбы школы совпадаютъ съ ее началомъ. Фило-
софы дѣлаются опять циниками, врачевате-
лями души, какъ это было и во время Сократа.
Философія по принципу отрицается нрав-
ственнымъ загадками и намереніе учителя сѣ-
зучиваніе отдаленнаго человека. Какъ стои-
ская школа образовалась изъ цинической, такъ
въ началѣ имперіи возникаетъ опять иная и
обычай цинической школы. Мы видимъ много-
численные апостолы нестяжанія (свобода отъ
потребностей), врачей души и, какъ выражались
Сократъ, акушеровъ добродетели. Они проповѣ-
дуютъ только начала учения, утвержденія
и собираютъ вокругъ себя толпы для
слушанія практическихъ курсовъ. Проповѣд-
ники нравственности по речесу и нравственно
надзираютъ надъ другими; они идутъ навстрѣ-
чу широко распространенной настоятель-
ной потребности излеченья. Въ высшей сте-
пени достойные люди, какъ Диогенъ, другъ
Сенеки, пытаются поднять нравственно опу-
стившійся вѣкъ новыми идеалами нестяжа-
нія, свободной отъ потребности жизни.

Но времена Сократа навсегда миновали. „Фи-
лософія улицы“ скоро обратилась въ публичный
соблазнъ. Своего набожества, безстыдства,
хвастливости и цинизма — эти новые циники
скоро лишили всякаго кредита все дѣло про-
повѣди добродетели, такъ что циникъ временъ
Луциана представлялъ собою ничто иное, какъ

то, что представляет теперь существующий монахъ.

Но рядомъ съ этими философскими бреднями существовать старая школа все таки продолжала существовать и пустота общественной жизни приводела насъ только болѣе многихъ учениковъ; но ни истина уже, ни теорія познания, а освобождение отъ зла является настоящимъ заданіемъ, надъ разрѣшеніемъ которой трудятся лучшие изъ насъ последователей.

Стоицкая и эпикурѣйская школа стара-лись еще найти спасительную руку не како-го нѣбъ предметовъ даннаго міра. Если онѣмъ-ной желать смириться съ нѣмъ, чтобы сохра-нить правильное устройство жизни нѣбъ себя самого, то для того существовать другъ, учи-тель, мудрый, по его образу можно правильно поставить собственную жизнь. „Моя дѣлкая, говоритъ Эпикуръ у Сенеки, отвѣкаетъ какого-л. благороднаго человека, котораго можно бы нѣбъ постоянно переѣзжать глазами, чтобы жить такъ, какъ будто онъ смотритъ на насъ, и всегда принимать такъ, какъ будто онъ насъ видитъ, потому что magna pars recatorum tollitur, si recatoris testes adsint.“ (Sen. Epist. II). Но такъ какъ онѣмъ, окружающей насъ друга, смириться много благодаритъ и необходимо насъ-нетъ тогда печальной часъ, когда мы узнаемъ, что другомъ не смиримъ насъ самихъ, то стои-цкая школа указываетъ на героев древности или на идеальнаго мудреца, о которомъ стоики учили такъ много говорить. „Пусть будетъ у твоей души, пишетъ Сенека къ Луцилю, кто-нибудь, кого ты она боишься (стыдится) и благо-

ствие великое которого даме тайну свою фига-
на да еще более священно. Счастливъ тотъ, кто
производитъ исправляющее действие не только
когда на него смотрятъ, но даже когда о немъ
думаютъ. Счастливъ тотъ, кто имеетъ такъ
отвѣдаться кого-нибудь, что при одномъ воспомина-
нии о немъ воздерживается и приводитъ се-
бя въ порядокъ. »

«Избери себѣ Кипона, или если онъ покажет-
ся тебѣ слишкомъ суровымъ, избери Рамия, му-
же более мягкаго; избери кого-нибудь, чья жизнь
и чье слово (чья речь) тебѣ нравится, и наса предъ-
собого (въ воображеніи) его образъ и фигуру, предста-
вляй его себѣ столько, какъ страшенъ и какъ об-
разецъ. Я говорю тебѣ, необходимъ намъ кто-нибудь,
по примѣру котораго вырабатывался бы нашъ
характеръ. Иначе, какъ по правиламъ, не испра-
вится Фурнаго? (*Nisi ad regulam, prava non cor-
riges.* Sen. Epist. XI).

И действительного философа достаточно
потребуемъ насъ пріисканіемъ такихъ геро-
евъ-образцовъ. Честолюбивъ Аристидъ, слава Сими-
стокла, доблесть Эпименида, суровость Ка-
фона — все это были никогда недопываемыя до
конца повести риторскихъ школъ, и Плутархъ по-
святивъ всю свою жизнь на то, чтобы дать ко-
нечности цѣлую галерею героевъ. Но самое это
богатство примѣровъ вредило; издѣтокъ образ-
цовъ велъ къ безконечнымъ спорамъ о томъ, кото-
рый изъ нихъ лучше, выше, чище, совершеннее, а
въ этихъ спорахъ безпомядно обнаруживались
недостатки каждаго отдѣльнаго героя. Споръ
о томъ, который изъ героевъ самый великій, да-
валъ изъ себя малюхи и Диогенъ уже кажется

уменьшают не बढ़ावत, इनमिन्दो не खाद्वरित,
 कानो समिकावत मां कानोवत. Со истори-
 ческими идеалами производило то же, что и с
 живыми, оказавшись в конце концов, что и му-
 дре, и герои — только люди.

Так. обр. в заключение, изобретившись в своих
 собственных силах, надо было искать не зем-
 ной помощи, чтобы выйти из состояния сла-
 бости и неудовлетворенности, так горько ощу-
 щаемой. Потребность некупленной справедливости
 законодательно религиозного. В это теорети-
 ческое понятие истинная школа всего былого
 стояла к силе, что только примерной
 с божеством человек может найти прили-
 чие к миру. Это признание было для нас
 близко потому, что она частично и в нас опре-
 делена, как и в нас вогнана в природу, и
 с другой стороны понимала самого бога, как
 внутри мира находящегося, как движущий при-
 чина природы. Так как Аристотель слова
 заговорил мир идеи Платона в нашем инди-
 видуальном мире и отказать идею в самостоя-
 тельности божии, то отсюда следовало с не-
 ходимостью, что высшая идея — бог — так же де-
 ятельна быть отнесена в мир. Так. образ-
 зительно отождествили бога с душою мира, бог
 = мировой Душой. Бог есть деятельная и обра-
 зующая сила материи, разум вещей и при-
 чина движений, почему он и называется први-
на, Бог или Дух. В этом Клеант по-
 ся: „Ничего не происходит на земле без него,
 с оном, ни в аэриальных высотах неба, ни в
 морях краем того, что зовут громадами в своем
 собственном неразрыве?“

Въ составѣ съ нимъ, съ разумомъ, съ добромъ, съ
демонами мира и человѣческая жизнь дѣлается
тѣмъ блаженнѣе обрабатывается. Мало одинъ добръ
во всемъ, который всегда существуетъ, которая
го богуетъ тѣмъ, которое между смертными при-
надлежитъ къ живымъ. Несчастны^{ми}, которые, от-
рицаясь отъ облагораживающаго добра, не видятъ все-
общаго божественнаго закона и не ощущаютъ его,
между тѣмъ какъ, подвигаясь ему разумомъ,
они могли бы имѣть хорошаго жизни. И такъ
спасение — быть за одно съ добромъ. — Это можно видѣть
уже въ христіанскихъ ученияхъ о „Словѣ“. Еще
ближе къ христіанскому понятію о Богѣ под-
ходитъ Ремекс, когда онъ описываетъ это
неличностное разумъ, какъ божественное
проникновеніе, когда онъ говоритъ о божествѣ, что
оно любитъ насъ, какъ отецъ и требуетъ не толь-
ко страха къ себѣ, но и любви съ нашей сторо-
ны. Съ этой точки зрѣнія „сообразная съ при-
родою жизни“, въ которой старѣе стоики иска-
ли счастье, здѣсь обращается въ поклоненіе бо-
жеству, подчиненіе его воли, въ жизнь въ бога.
Особенно много говорится у младшаго гевре-
йскаго философа Эпикурата о томъ, что на-
ша жизнь должна быть настоящимъ владѣ-
ніемъ жизнью Богу. Божество наша помощь
и образецъ, и если мы будемъ исполнять его во-
лю, мы будемъ счастливы.

Правда для стоиковъ божество и устрой-
ство, порядокъ природы одно и то же, но они имѣ-
ютъ такое религіозное представленіе объ этихъ
міровыхъ порядкахъ, что, можно сказать, въ этихъ
пониманіи отношенія божественнаго и чело-
вѣческаго могла быть найдена обходительная опора,

которой некаль духъ. Стоики совершенно совнава-
ли эту новую идею объ имманентности божес-
тва, разнмтавъ по всей вселенной и близкавъ
къ человеку. „Философское богословіе стоиковъ,
говоритъ Ешевскій, — можетъ по преимуществу
назваться пантеизмомъ. Божество простираетъ
повсюду и все заключаетъ въ себя. Понятіе о все-
ленной не заключаетъ въ себя всего понятіе
о божестве. Вселенная не есть божество въ пол-
ности сущности, но она составляетъ часть божес-
тва, она — божество въ проявленіи (божество
есть по преимуществу сила). Сила въ напря-
женіи является вселенною, сила сосредоточе-
ная сама въ себѣ является божественною ду-
шою). Божество стоиковъ не управляетъ мі-
ромъ въ недоступныхъ высотахъ: оно простира-
ется во всю природу, соотвѣщаетъ ее своимъ пла-
менемъ, оживляетъ ее собою. Ветъ сила, Гайсѣ
поція въ природѣ, суть проявленія одной и той-
же божественной силы, различнаго форма
одной и тойже божественной жизни.“ („Вчер-
ки атеизма и христіанства“ т. I, стр. 312). Осо-
бенно ярко высказывается это новое ученіе о
божестве у Ренки. Въ Эднелъ и въ писемъ сво-
ихъ къ Луцилію онъ говоритъ: „Не должно воз-
двигать руки къ небу, и не слѣдуетъ просить
вниманія крама, что-бы онъ допустилъ насъ
до зрѣнія изобразенія бога, какъ будто бы тог-
да онъ имъ насъ удостоитъ (*). Говъ бмъ
тебѣ, онъ съ тобою, онъ внутри тебя. И такъ а
говорю, Луцилій, въ насъ живетъ святой духъ,

(*) Далее идутъ слова очень сходныя съ Вимъ отъ
руководитъ изъ ан. Павла.

отрасте и надвигаются на нас, буре и буре.
(Prope est a te deus, tecum est, intus est. Ita dico, Lucili, sacer intra nos spiritus sedet, malorum bonorumque nostrorum observator et custos.) Как же
 мы обращаемся к нему, так и он обращает
 ся к нам. Божь Бог никто не бывает коро-
 мисью человека. *(Bonus vir sine deo nemo est.)*
 Разве может кто-нибудь подняться выше сво-
 бо, если ему не помогает Бог? Бог дает нам
 и возвышенные советы. (Кто такой Бог —
 неизвестно), но в каждом человеке живет
 Бог. Если мы видим роу со старыми и пре-
 восходящими обыкновенного высоты деревьями,
 часто постигающим и захватывающим вид на не-
 бо, пустотой восточной, перпендикулярной между со-
 бою, она возмужала ила, маневренность
 и удивительная тень, такая чуждая и непре-
 рывная погребу открытого света, возбужда-
 етъ в медь воду в божество. Или если мы ви-
 дим пещеру... не естественные человеческими
 руками, а выделенную так просто при-
 родными, естественными причинами и как
 бы своею пустотой подвигавшую воду, разве
 она не потрясла бы твоего духа какими-то пред-
 угаданием, предвещанием религии (антим те-
 um quadam religionis suspitione percussit.)? ⁹
 и т. д. (Epist. III). Философы указывают на
 существование божества в маневренности
 и поразительных явлениях природы, содержа-
 ние этих явлений возбуждает религиозное чув-
 ство: божество быть над и без него мы ничего
 не можем сделать, оно наша опора против
 слабости и греховности. Это отнюдь не бож-
 зости Бога, в сознании взаимного прозрения

Божественного и земного мучили люди времени
могли бы, может быть, найти внутреннее при-
мирение, к которому стремились. Но бывши-
ство людей, толпа не собрана еще для такого
мироосознания, не доросла до мысли об универ-
сальности божественного. Аристотель оста-
лся непонятным и представителем стоической шко-
лы сами все больше и больше возвращались под
влияние и подчинялись власти платоновского
дуализма. Даже Платон не разграничивал в бож-
естве разности бога и мира, материи и духа,
как это делает тот же Сократ в проти-
воречии с тем, что приведенным своим
он возражением (это видно из всех прочих
писаний к Платону особенно из 65го). Другой
мир, небесное отечество слова противоположа-
ются всему земному и тем более земле в
мрачной времена деспотизма цезарей пово-
тывают на себя и земного, тем более божес-
твенного и всемогущего представляются они себе
красоту небесного царства. Но тем более
увеличивалось таинственное исцеление припри-
ния, от небесного. Мало в непосредственности
соприкосновения с божеством надвигались на
покупание, освобождение от "этого мира печа-
ли и смерти".

Вот таинственно исцеление непосредственного
соприкосновения души с богом и вместе того,
чтобы нехотеть его в себе самим или в мире,
нашим двух путей, какими образами этого
и тем же миром могут подать друг другу руку.
Или божественный посредник должен про-
тянуть свою руку человечеству сверху, или на-
оборот человечество должно довести до

того, чтобы быть способным непосредственно
содержать божественное. Такое содержание уми-
стив Задача философского умозрения, это уже
непосредственное соприкосновение души с абсолют-
ным, это уже религия, это процесс религи-
озной жизни, который является перед нами под
маской философии: философия обращается в
богослужение, философ в иерофанта.

этот последний путь приближения к бо-
жеству, когда человек сам должен быть воз-
внесен до религиозного единения с божеством,
видне, что первый шаг к икнам прак-
тической мудрости: такие свобода, блаженство
и непоколебимость, которых были главными
элементами и стимулами; теперь философ
должен достигнуть помощью религиозного еди-
нения с божеством. Но так как божество,
далекое, живущее в другом мире, недоступно
для разума, то новые мыслители стремятся
достигнуть цели не посредством умозре-
ния, но всевозможными внутренними и внешними
средствами — освящения, очищения, просветления ду-
ши, по их мнению, созидать душу достойную
непосредственного познания божества. Мисти-
ческое воззрение. Душа в форме аскета, эн-
тузиаста должна вознести мудреца на небо,
чтобы он сам обнял абсолютное. Переносит-
ся субъект в это возвышенное состояние по-
блуда духа над плотью, посредством аскета,
посредством особых внешних действий, на-
правленных к умозрению плоти посредством
аскетизма. Это учение, которое возникло среди
пифагорейской школы и даже приписывалось
Пифагору, который будто бы сам проповедывал

необходимость особого рода мистического воздер-
жания, особого рода упражнения для достиже-
ния возвышеннаго, чистаго состоянія, заключаю-
щаго вобладалахъ непосредственное общеніе съ божес-
твами. Но конечно Платонъ тутъ не пріучилъ,
силъ съ его ученьемъ давно уже была порвана
и родителю этой новой теоріи была не Греція,
а Востокъ, и именно тотъ городъ, гдѣ востокъ
граничилъ съ западомъ, гдѣ, какъ въ фокусѣ
восточнаго духа сливается съ западнымъ: восточ-
ная религія и философія съ религіею и филосо-
фіею Запада. Въ Александріи появилась ново-
платоническая школа, подѣ несомненною
вліяніемъ еврейскаго ученья объ откровеніи, оу-
щелье, особомъ священномъ гнѣствіи, при по-
мощи котораго достигается общеніе съ божес-
твами. (*)

(*) „Hier, wo das Judenthum, - vorpunkt Tausende,
seiner Beiträge zur griechischen Weltanschauung
geliefert hatte, waren auch die Philosophenschulen
mit den Glauben an unmittelbare göttliche Mit-
theilungen vertraut geworden und hatten sich
der Praxis des späteren Judenthums genähert, sol-
che prophetisch-ekstatische Offenbarungen durch
gesteigerte Askese herbeizuführen. Das Zutrauen,
durch Forschen zur Wahrheit zu gelangen, war
dahin. Eine wissenschaftliche Ermäßigung war
eingetreten, deren resignierter Ausdruck die Skep-
sis war. So waren die Hellenen Alexandriens reif
der jüdischen Lehre von einer unmittelbaren Of-
fenbarung sich zuzuwenden. Da die Wissenschaft
sie betrogen, warfen sie sich dem Glauben um so in-
brünstiger in die Arme.“ (Neut. Zeitg. II, 47).

Но такъ какъ Греки не хотѣли считать себя
ничтою обаянными Евреями, то все эти очи-
щенія, ашерованія, охропшенія, помазанія бѣлками
одежды, возмужденія священнаго расовъ, страхи
передъ прикосновеніемъ къ трупику и къ рече-
нику, воздержаніе отъ животнаго рода пищи,
короче сказать всевозможная самая подробная
предписанія, регулировавшие образъ жизни и по-
сильшія несомнѣнно пера въ восточнаго про-
свѣщенія, которыхъ стали выдѣлять необходи-
мыми для единенія съ божествомъ, стали
приписывать Платону, который будто бы
уже за много столѣтій передъ тѣмъ такъ
ли средствомъ соединить своихъ последовате-
лей да въ единство и пророчества. Для того,
чтобы уничтожить великое сомнѣніе въ этомъ,
ново-платоническая школа стала выпускать
въ свѣтъ цѣлый рядъ подложныхъ сочиненій
и приписывать ихъ или самому Платону,
или набожно выдуманнымъ изъ его первыхъ уче-
нникамъ.

„Отъ Александрии, — говоритъ Емилевскій, — гдѣ сби-
живались и жили рядомъ люди восточной и
греко-римской цивилизаціи, гдѣ всего сильнее
было единеніе Востока съ Европой, ученіе Пла-
тона было какъ бы нейтральное средоточіе, гдѣ
можно проходить умственное единеніе двухъ
этихъ разнородныхъ народностей. Оно не осталось
безъ влияния на восточное мышленіе: полное, а
тѣмъ более быстрого слиянія въоединости от-
вѣтственнаго мышленія выдѣлать было необходи-
мо; но единеніе и взаимодѣйствіе было необ-
ходимо и естественно. Уничтожить Платона
единеніемъ съ миссионерствомъ Востока и резуль-

татомъ этого свмиселія было множество иде-
ально-мистическихъ учений, удовлетворявшихъ
возникшей потребности опредѣлить отноше-
нія человека къ божеству о природѣ, возмаш-
ся до познанія о божествѣ, въ которыхъ много
бы примирялись національныя, болѣе или ме-
нѣе чуждыя и нехитроуловимыя воззрѣнія. Какъ
бы ни были разнообразны эти ученія, во всѣхъ
ихъ можно однако видѣть общее основаніе;
потому что все они возникли изъ одной потреб-
ности. Во всемъ ихъ мы находимъ, наприимѣръ,
разграниченіе между духовнымъ и матеріальнымъ,
оно же во всемъ ученіяхъ проведено съ одинако-
вою рѣзкостью. Все они отмигиваютъ идеально-
мистическимъ направленіемъ („Очерки экзот. и
христ.“ Соин. томъ I, стр. 395)."

Много сличая по себѣ нѣсколько религиозно-фре-
стремлений, но много и обмана и еще болѣе
низкихъ принциповъ скрывавась подъ покровомъ
тайнаго слова ново-пифагорейцевъ. Еще Уин-
стонъ описываетъ покаянаго ново-пифагорейца P. Ni-
ridius Figulus, какъ религиознаго и философска-
го реформатора, а про Фругасо-Р. Vatinius
говорить, что онъ совершаетъ равныя тайныя,
отвратительныя дѣла, покрывая себя маскою
пифагорейца. Позднѣе ново-пифагорейскія догма-
ты значительно распространились. Къ числу
ихъ последователей принадлежалъ Александръ
суть-Сотіонъ, наставникъ Селевки, который на-
училъ его воздерживаться отъ мяса, приучилъ
къ посту и къ употребленію одной бездрожжевой
(растительной) пищи. И Селевка даже въ позд-
нѣйшіе годы говоритъ, что онъ никогда не чув-
ствовалъ на себѣ тяжести гнета матеріи, что

въ то время, когда поднимался аскетический
 правилникъ ново-пифагорейской школы. Эдиктъ
 Мидерия, направленный противъ этой школы,
 на которую правильно смотрели, какъ на тай-
 ную религиозную секту, побудилъ ее последова-
 телей скрываться во мракахъ; преследование про-
 тивъ ново-пифагорейцевъ продолжалось и при
 Неронѣ. Ихъ очень легко можно было смѣшать
 съ друидами гадателями или магами, кото-
 рымъ нестерпимо римское правительство, такъ
 какъ отъ нихъ имели дѣйствовать и проповѣ-
 дывали повсемѣстно различные прорица-
 ния и шарлатаны, которые обратили пифаго-
 рово учение о числахъ въ суеверную каббалу,
 и вѣстались тѣмъ, что своего святаго жизни
 достигли общенія съ друидами мира и удосто-
 ны божественныхъ откровеній и виденій. Ма-
 гы и астрологи производятъ гаданія надъ ги-
 слами и объясняютъ волю божества, аскеты
 учить, какъ умиротворить его, какъ съ нимъ по-
 мириться. Воодушевленной религиозности экста-
 зовъ и снота пифагорейцевъ, въ бѣлой
 одеждѣ, съ длинно отпущенными, спускающимися
 на плечи волосами, длинною бородою и мрач-
 но-блещущими глазами является героофрагментъ
 и наставникъ этого времени, за которымъ
 слѣдуютъ толпы поклонниковъ и особенно жен-
 щинъ. Магъ дѣлается какъ бы идеальнѣе вѣка,
 философъ обращается въ шарлатана. Нечего,
 правда, признавать, что ново-пифагорейскіе «святые»
 стремились провести въ жизнь стоическій иде-
 алъ добродѣтели, такъ какъ они стремились
 сорваться дурными и подвижными божества
 не только путемъ аскезы, но и путемъ добродѣтели

ной, святой жизни. Но много было между ними и обманщиков и шарлатанов. Они вставляли себе первобытным образом мотовтесфа, налага-ли на своих учеников обречь долготелого молчания, трудной приготовления, тогда в конце концов в виде кнута ко всем тайнам сообщать лишь известную формулу (в роде того убеждения, напр., что то водворение на-боине угрожающее, которое выливается из сосуда через его ушко, потому что этого мот-ти никогда не касались греховная мотовтесфа губы) давая какой-нибудь родной амулет или научить ничего не знающему, глупому народному. Случай из замечательных представ-лений этих странствующих учителей ново-павлоградской школы является знаме-нитый Аполлоний Милетский, родившийся в Малой Азии и живший во время великого еврей-ского восстания при Веспасиане, Титусе и До-мициане. Лицо Аполлония Милетского представ-ляется нам во многом темным и загадоч-ным. Его жизнь рано стала предметом по-пулистических скабаний, как и жизнь всякого исторического лица, рано выходящего из ряду обыкновенных и темных людей порабоща-го народного воображения. Живнотисания Апол-лония, написанные людьми близкими к нему по времени и знавшим его лично, напр. био-графии Дамиса и Тирокиса, не дошли до нас или сохранились в незначительных отрыв-ках. До нас дошло только живнотисание его, составленное Филостратом в конце II в., пишущее, впрочем, в виду не столько биографичес-кого исторического лица, сколько идеальное изобра-

описание добродетельного человека, любимого бо-
гами. Филостратъ изображалъ въ своемъ повѣсѣ-
ваніи историческія черты съ вымысломъ своего
воображенія и тѣмъ набросалъ тѣмъ самыя
нѣтъ и на то, что взятъ изъ действительности.
Но на всѣмъ на основаніи съ моделью опре-
дѣлить главный чертъ его дѣятельности и основ-
ное пункта его ученія.

Аполлоній родился въ Мисанѣ, небольшомъ го-
родѣ Каппадокіи въ 4 в. до Р. до н. э. и умеръ въ 97
нашей эры. Членъ 44 лѣтъ его поработилъ правителю
того города, послѣ чего онъ получилъ образованіе, и
онъ не могъ оставаться въ немъ. Сопоставивъ при-
сущую пилагорейскаго ученія, онъ поставилъ
себѣ задачей исканіе мудрости и очищеніе народ-
ныхъ ворованій. Согласно съ ученіемъ ново-пи-
лагорейцевъ, онъ подвергалъ себя разнаго рода
лишеніямъ, предавался суровому аскетизму. Такъ,
рассказываютъ о немъ Филостратъ, — онъ нико-
гда не точилъ ножа, прошивъ животнаго, ни-
когда не пилъ одушевленнаго, одержавъ изъ шерсти
приготовилъ шить, не идущій отъ животного,
и шилъ себѣ обувь изъ кожи древесной; его голо-
ва, послѣ ласки нечеловѣческихъ чувствъ, откуда
исходятъ все божественное звуки и голоса, и слова
толкователь души, никогда не прикасались ко-
жи, а напротивъ онъ строгий волоса, какъ
Спартакъ, онъ не оскорблялъ божества крова-
вого исертвато и не носилъ въ крахмалъ животнаго; —
за что онъ сначала получилъ естественное чувство
дѣлать собственную душу, потому что она стояла
приносилъ ему истинное представленіе и нахо-
дилъ онъ стоять знатъ все только похвалю под-
ниме, чужды боги, онъ получилъ даръ творить ду-

философии на христианство и доказавъ мысль, что чувственное движение, содержащееся въ Трехъ и Римъ подготовили христианство. Въ Апокалипсисъ была написана особенная диссертация на златую медаль Д. И. Писаревъ въ 1848 году въ Петербургскій Университетъ.

Очевидно Филостратъ имѣлъ цѣлью противопоставить язычество христианству, какъ средство для искупленія рода человеческого. Апокалипсисъ является у него высшимъ учениемъ, проповѣдникомъ добра и истины. Большую часть жизни онъ провелъ въ путешествіяхъ, бывъ въ Персіи, Египтѣ, поспѣвши даже, говорить, Индію. Повсюду знакомился съ религіозными вѣрованіями и вступилъ въ отчаянную борьбу съ суетою. Его проповѣди имѣли огромной цѣль. Въ Римъ, куда онъ явился за грѣшныи помыслами, что за зовъ тиранъ, онъ обратилъ на себя вниманіе и правительства, и высшего общества, не говоря о народѣ, съ изумленіемъ слушавшемъ его проповѣди и пророчество. Гласы о его предсказаніяхъ и чудесахъ очень напоминаютъ евангельскіе рассказы о земной жизни Христа. Упомянемъ одинъ примѣръ о некоторомъ чудесѣ, совершенномъ будто бы имъ въ Египтѣ. Онъ предсказалъ, что будетъ въ городѣ моровая язва и когда его стали умолять удержать ее, онъ указавъ на отбратительнаго человека, стоявшаго подлѣ храма и велѣвъ поднять его камнями, когда это было сдѣлано и камни сняты съ трупа убитого, то удивленный народъ увидѣлъ окровавленное тѣло не человека, а чудовища нечеловѣческаго, — это, объясняетъ биографъ, было образъ

бавлялись. Филостратъ прибавляетъ, что Аппо-
лоній могъ видѣть то, чего не видѣть другіе
не потому, что онъ былъ каудъ, гародъ,
а потому, что владѣніе бжествѣи къ божес-
ству, владѣніе животн души былъ даромъ
своиственно провидѣнію. Такъ разъ, когда
онъ ушелъ толпу въ Ефесъ, онъ вдругъ уста-
новился посреди реки, сорвалъ прохладко
матовъ впередъ и захрипѣлъ: „Смерть тира-
ну!“ Филостратъ объясняетъ, что это онъ
видѣлъ въ дѣлѣ убійствъ Дамаскіана. Въ Ди-
мѣ онъ дѣлалъ своимъ воскресенію гдѣ-
то-разскалъ очень напоминаетъ евангельскій
разскалъ о воскресеніи гдѣ-то Тавра, и Фи-
лостратъ объясняетъ, что Апполоній либо
начиналъ въ умиршей какъ будто нехру потому
что живъ, либо самъ ее возбуждалъ.

Апполоній былъ бжественно челоукашъ при-
дворъ Веспасіана и Тита, но не пользовался
достоинствъ Дамаскіана, который даже захи-
милъ его въ тюрьму. Разскалъ о пребываніи
его въ тюрьмѣ очень напоминаетъ разскалъ
о заключеніи апостола Петра. Тутъ онъ
разъ наказалъ своимъ претникамъ, что если
захочетъ, можетъ свободѣтъ себя отъ утѣн.
Послѣ сѣднато заведенія онъ вдругъ исчезъ
и очутился немедленно въ Пустошахъ, откуда
дѣла Апполонія и много подробностей, разска-
занный Филостратомъ о его жизни, напоми-
наютъ Христа и его высокую правдивую
гдѣ-то, но Апполоній всетаки состоитъ
учителемъ похвалъ истинныхъ добротъ. Муд-
рость онъ заимствовалъ не прямо отъ Платона;

рядились съ покровителями пифагорейска учения
 были идеи, почерпнутыя изъ восточныхъ веро-
 ваний, съ которыми онъ поднакамлился въ сво-
 ихъ путешествіяхъ по Персіи и Египту и осо-
 бенно изъ върований индійскихъ философско-
 браминскихъ, гимно-софистовъ. Аполлоній са-
 мое учение Пифагора выводитъ изъ Индии, от-
 куда оно, по его мнению, перешло первоначаль-
 но въ Египетъ. Но въ сущности онъ посвятилъ
 ватилъ ново-пифагорейскихъ доктринъ со-
 ветами ихъ увлеченіями, аскетизмомъ, поста-
 ми, омиженіями, таинственными дѣйствіа-
 ми. У Филострата онъ изображается, какъ
 хлыщескій Христосъ, и о немъ писанъ въ
 ный озаглавить свою статью о немъ: „Ein
 Christusbild im Heidenthum“. Сочиненіе Фи-
 лострата очень доступно въ изданіи De-
 dot (серія греческихъ писателей). Современ-
 ныхъ Аполлонія Мидаскаго Плутарха, въ-
 работавъ полную теорію субъективнаго
 условія божественнаго откровенія, въ кото-
 рой дѣйствіе и значеніе преподаваемыхъ пи-
 фагорейцами средствъ, доводящихъ человека
 до состоянія экстаза давалось рациональ-
 ное объясненіе. Подобно написаннымъ эпику-
 рейцами говоритъ Херонейскій мудрецъ
 о высшихъ чувствахъ, о тайной силѣ, которая
 скрыта въ души человека, какъ въ почкѣ
 растенія, но подъ влияніемъ нравственныхъ
 очистительныхъ священнаго дѣйствій про-
 является внаружу, напр. въсновисрѣніи, ког-
 да тѣло находится въ чистотѣ и приведе-
 но въ надлежащее сообразіе. „Тогда въ душѣ
 происходитъ то, что мы называемъ экстазомъ“,

и можно принять, что величество распространяющейся по всему телу теплоты открыва-
ется въ немъ извѣстный поръ, черезъ кото-
рый входятъ въ душу картины будущаго." Практическимъ плодомъ этихъ мистиче-
ски-глубокихъ умозрѣній было самое грубое
существо; чародейство, кабалистическая фор-
мула, все это давлено было открывать путь
туда, куда отказывалось идти умозрѣние.
Въра въ чудесное и презрѣніе къ природѣ
— вотъ характерныя черты мистическаго
движенія I-го и II-го вѣковъ. Это было время
широкаго господства мистицизма, аске-
тики и суевѣрія.

Стремленіе человека придвинуться къ бо-
жеству неизбежно давлено было возбужденіемъ
въ немъ, что и божество съ своей стороны
готово помочь въ этомъ человѣчеству, при-
ближаясь къ людямъ, подаетъ имъ руку
спасенія, перекинуть мостъ черезъ бездну-
ющую пропасть, раздѣлившую видимый міръ отъ
невидимаго. И вотъ на ряду съ направле-
ніемъ, которое думало, что человекъ можетъ
достигнуть соединенія съ божествомъ пу-
темъ собственнаго одухотворенія, появи-
лось другое, которое утверждало, что боже-
ство само можетъ спуститься до челове-
чества, подаетъ руку спасенія и свободы отъ
всего грѣбнаго и плотскаго изстрадавше-
муся человечеству. Правда, со времени Пла-
тона божество представлялось слишкомъ ги-
стическимъ, высокимъ, святымъ для непосред-
ственнаго соприкосновенія съ человекомъ; но

самъ же Платонъ создаетъ представление о среднемъ существе (демиурге), черезъ котораго божество сотворило и поддерживаетъ вселенную, и которое является посредникомъ между всевышнимъ Богомъ и испорченнымъ человекомъ.

У Плутарха это среднее существо существуетъ въ образѣ демоновъ, которые совмѣщаютъ въ себѣ природныя свойства свѣтлыхъ и темныхъ божествъ. Они облегчаютъ сношенія между богами и людьми. „Если бы кто заботился, — говоритъ Плутархъ, — уничтожить востухъ, находящійся между луною и солнцемъ, то было бы нарушено матеріальное единство міра, если же уничтожить демоновъ, то будетъ нарушена связь между Духомъ и матеріей, между божествами и людьми.“ „А же, — продолжаетъ онъ, — не могу слушать тѣхъ, которые отрицаютъ великое участие божества въ трагическіе и комическіе дѣйствія, настолько же, насколько не могу отрицать тѣмъ, что божество само дѣйствуетъ среди видимого міра; я напротивъ представляю эти дѣла (т. е. управление этими мірами и посредствующія отношенія съ божествами) помощниками боговъ, которыхъ называю демонами.“

Плутархъ часть величайшей того времени пришла къ сознанию о необходимости существованія посредника между богами и людьми, признанію, которому суждено было получить широкое развитіе въ средѣ философовъ ново-платоновской школы. Оно привнесло понятіе объ единствѣ Бога съ многобожествомъ,

утверждается, ^{что} безъ единого божества патека-
ло бы многочисленныя посредники, которыми
прислужили бы, какъ боговъ: божественная си-
ла одна, но проявленій ^{есть} многообразная
(демонны).

Но еще раньше, когда Платонъ показывалъ
младшимъ путь отъ мира природы въ миръ
боговъ по светилу мира демоновъ, александрийскій еврей Филонъ (въ 1^ю половину I^{го} в.
по Р. Хр.) на границахъ между идеализма и ма-
тиализма, создалъ систему, которая при-
няла въ себя и платоновскій дуализмъ и
вытекаетъ съ тѣмъ подлиннымъ его чуждою о по-
средствующихъ между богами и людьми су-
ществъ.

Есть посредникъ между богами и людьми,
говоритъ Филонъ, — это есть „слово“ (логосъ), о
которомъ уже стоики говорили то какъ
о миге, то какъ объ отвлеченномъ предметѣ,
о мировомъ устройствѣ, точно также, какъ
Платонъ о мировой душѣ. Филонъ понималъ
первоначальную мировую мысль, логосъ, какъ
лицо, какъ первоуродное существо, происшедшее
изъ божества, черезъ которое и въ которомъ
держится миръ: онъ таковъ образами вселен-
ной формирующъ, которая соединила оба ми-
ра, и далекаго бога Фалана ближе близкий.
Логосъ — личное и живое божество. Въ своемъ
безконечномъ блаженствѣ богъ не вступаетъ
самъ въ соприкосновеніе съ грубою мате-
ріею. Но есть среднія существа, которыя
изъ него происходятъ, — онъ не творитъ ихъ, а
рождаетъ. Это высшій крикъ, свѣтлѣющійся
вокругъ его величія. Его образъ отпечатывается

на пустой, безформенной материи. Ближай-
 ший отблеск и поэтому соответствующий равно-
 образъ Бога есть Слово, посредствомъ котора-
 го первообразъ мира, содержащийся въ божес-
 твенной массе, получаетъ окончательное суще-
 ствование. Это первородный сынъ Божий — «Дру-
 гой Богъ». Онъ теперь есть существо, черезъ
 которое Богъ, не теряя своей божности, неиз-
 менимой, ясности и святого величия, однако
 участвуетъ въ создании и сохранении этого
 мира. «Слово» сотворило миръ, и ~~всё~~ до сего
 поръ кормило, посредствомъ котораго Богъ
 лишь управляетъ. Слово было также аркан-
 номъ, черезъ котораго Богъ въ божестве заво-
 тивъ возвестилъ свои законы, Святой духъ
 пророчества, но онъ есть также принципъ
 мудрости и добродетели въ душахъ велико-
 мучимыхъ людей. Такъ. сдв. онъ передаетъ Ду-
 шамъ умопостижимое божественное запове-
 ду. Онъ также первосвященникъ, который
 истолковываетъ Богу желания людей, а мо-
 дернъ также Божество. Съ его помощию мудрый
 Слово освобождается отъ материи, постои-
 тельности. Когда человекъ въ близкомъ союзе
 съ Слово освобождаетъ себя отъ того, что въ немъ
 земного и склонится подъ его законы, тогда
 его душа сподобна войти въ неопредѣленную
 восторгъ единого высшего Бога и такъ. сдв.
 мудрый можетъ переступить черезъ пропасть,
 которая разделяетъ временное и вечное.

Самъ же предметъ единения съ Богомъ и знание
 и познание приобщения можно быть достигну-
 тель путей утешения, то утешение и Слово
 можно бы принять загару. Въ принятии духа-

измѣнить этия побужденія. Но истинное
убѣжденіе, что Богъ, примиряющій міръ и
Богъ, существуетъ, чувство, что мы на самомъ
дѣлѣ фактически черезъ этого посредника ^{исходитъ}
Богъ, не могла было водвориться путемъ ин-
стин. Только когда александрійскіе христіане
объявили міру, что „Слово плоть бжесть“, когда
они могли указать на одного человека, о
которомъ можно было утверждать такую
необходимую, только тогда для вторичнаго
закрѣпленія пропастъ, раздѣлявшая бжесть
и человечество.

Но и искусство искало этого воплощеннаго
Богъ, который совершилъ бы примиреніе ме-
жду этия и темъ міромъ. Теркуэль и
Аполонъ были первоначально солнечными
божествами, но идеализирующіе мифологи
временъ имперіи приписали имъ задачу
искупленія міра; этия искупительными
дѣлами объявлялись все міръ отъ унижен-
наго, равнаго помощенію этия „Богъ“,
первой у Еврисея, второй у Аполлона. Та-
кое же значеніе „Братства дѣла“ получили
и Декуманъ, которому поклонился и Аполло-
ній Миланскій.

Такъ обр. въ предѣлахъ разившемуся поня-
тію объ единствѣ Богъ и о вѣчности души,
къ исканію человеческого идеала мудреца,
Филонъ присоединилъ вѣру въ бжественна-
го посредника между этия и темъ міромъ,
воплощенное „Слово“, искупителя человечества.
Такъ обр. данное для новой религіи были
богатые, почва для нея была подготовлена
вѣковой работой этической философіей и

сли; все это действовало только было, чтобы по-
лучить действительную силу, сосредоточить-
ся, кристаллизоваться около одного пункта
Философии. В течение вековъ выработана
мировоззрѣніе, на основаніи котораго могла
быть построена религія новая и способная
удовлетворить исканіе и ищущіе правды
ума ^{людей} (греко-римскаго общества).

Прежде чѣмъ приступитъ къ разсмѣ-
тронію мистерій и восточныхъ культовъ,
попытавшись освѣтить распространеніе
въ народныхъ массахъ во времена имперіи,
основанныя посылкою на попыткахъ, ко-
торыхъ принимались философиями для спасе-
нія умирившихъ въ народѣ въдованій въ ста-
рыхъ боговъ. Эта деятельность императоровъ,
направленной къ возрожденію національ-
ной религіи не удавалась не буди — это со-
ставляетъ главную часть сочиненія пер-
ваго тома трида Буассе — но самый фактъ
подобнаго рода уже свидетельствуетъ о томъ,
что для національной въра. обстояло не-
благополучно, что пришелъ ей конецъ. — Гораздо
интереснее попытки философовъ.

Религиозная жизнь всегда представля-
етъ одну изъ наиболѣе драматическихъ мо-
тивовъ у здоровыхъ народовъ, но еще сильнѣе
побуждаетъ къ значенію въ века безвѣрія, по-
знается и въ той цѣлоти, которую ей рази-
женіе оставляетъ въ народной жизни. Этотъ
прежде всего другаго объясняется безконечная
тоска и озабоченность, съ которою филосо-
фы и богословы времени ищутъ религіозную

жизнь таинъ, гдѣ ее никогда и не было, это са-
ма себя осмысливающая безпокойная работа, ко-
торая начиниваетъ запястья ридать съ дурно
роствѣ колюща, гдѣ нѣтъ воды и напоимель
мнѣ шумный обсурденіемъ вопросовъ, ко-
рое здѣсь давно потеряли великій смыслъ и со-
держание.

Мнѣ и здѣсь — сознание века переросло по-
литическое, а философиствующіе богословы и
богословствующіе философы были, какъ разва-
ды лѣтъ, тогда выработаны примиреній ме-
жду владѣющимъ въ сознание многихъ монотеиз-
момъ и политическимъ народной верой.

Особенно интересны попытки соединить
новую философию съ старымъ мифологическимъ ис-
ходомъ въ средѣ Эпикурейцевъ и стоиковъ.

Изъ чисто философскаго міросозерцанія эпи-
курейцевъ естественно вытекало отрицаніе
какого бы то ни было божественнаго провидѣ-
нія. Но Эпикуръ никогда не отрицалъ боговъ.
Напротивъ боги должны существовать, по-
тому что вера въ нихъ распространена
повсюду. Но сенсуалистической теоріи познава-
нія Эпикура, по которой все нами предста-
вленное рождается непременно отъ чувствен-
наго воспріятія отъ внешнего представленія,
эти представленія о богахъ могли произойти
только оттого, что боги действительно су-
ществуютъ, и что они въ древнія времена по-
казывались людямъ, какъ они являлись и те-
перь иногда въ сновидѣніяхъ. Но господство и
торжество сна на землѣ показываетъ, что
боги не только живутъ вне міра, но и мало
заботятся о немъ; ~~но~~ не потому, что они

зуби, а потому, что владыкою, и заботы о та-
 кимъ пропитаніи міръ, вѣдомствѣство въ до-
 ла Земли людей нарушило бы ихъ владычное
 состояніе. Такъ адр-трицатилетняя Геометрія Эпику-
 ра отделила вѣру отъ вѣдѣній, религію отъ на-
 уки, философіи, какъ въ совершенно различныхъ
 областяхъ. Не уступая ни одного слова въ своемъ
 фидеистическомъ мировоззрѣніи, Эпикурѣйцы вѣроу-
 въ толь не трогали ни одного волоска ста-
 рымъ богамъ, и, оставивъ образъ боговъ такимъ,
 какими они владычили въ народномъ пред-
 ставленіи, представляли имъ бѣтъ старыми
 и молодыми, мужичинами и девицами, эпи-
 курейцы могли еще вѣстаться периферіе стои-
 ками своимъ увѣреніемъ къ національной
 религіи, своею ортодоксіей, говоря, что они при-
 знають боговъ такими, какими представля-
 етъ ихъ народъ, и какими описываютъ ихъ
 древніе поэты (Гомеръ), а стоики приравни-
 ваютъ ихъ къ природнымъ субстанціямъ, ко-
 торыя никогда не могутъ быть богами. Эпи-
 курейцы въ этой точкѣ спротивились нашимъ едѣ
 послѣдователямъ въ вѣдѣніи о религіи
 поэтовъ, Лукреціи Каръ (живѣ въ I в. до .р. Зр.),
 измѣнивъшею ученіе Эпикура въ своей поэмѣ
 „De rerum natura“.

Строки въ I и II в. имперіи также непремѣн-
 но хотѣли спасти національную вѣру посред-
 ствомъ примиренія ея съ философскими идея-
 ми, такъ какъ они считали религію необходи-
 мымъ для народа покровомъ истины. Въ уче-
 ніе представлено для этой цѣли немало
 удобствъ. Мировоззрѣніе ихъ было вѣдѣніе рели-
 гіозное. Исходною точкою ихъ теоріи міра бы-

на идея о мировой Душе, божественная сила ко-
торой создает, одушевляет и духотворяет
все конечные, смертные существа на Земле?
Очень легко было приравнять мировую душу божес-
тву и потому примирить стоический панте-
изм с политеизмом народных религий. Въ
содетвенности смысле стоики могли признавать
божественное только одну верховную силу, миро-
вую Душу, но отчего же не назвать божествен-
ными ее подразделения? отчего не назвать бо-
гами главные правящие силы мировой Души?
Такъ прежде всего назывались у стоиковъ бо-
гами Зевс и Солосдиз, такъ какъ онъ, какъ
творецъ творения, естественно больше всего при-
частен божественного разума, онъ высшее ду-
шевное существо (такъ говорили еще Платонъ
и некоторые восточные мыслители). Со-
мненьем можно признать и первоначальныя
элементы мира — огонь, землю, воздухъ, воду — какъ
высшие силы мировой Души. Божественное на-
чалом можно признать и въ растенияхъ и неод-
ушевленныхъ для человека предметахъ, въ которыхъ
особенно проявляется благодать высшего божес-
тва, такъ отчего же не назвать богами кувш-
ники и т. д.? Посредствомъ такого рода рассу-
ждений можно было стоять целый рядъ боговъ
высшихъ, а также и второстепенныхъ, стра-
тъ которыхъ представляла основание народной
религии. Сохранить было Зевсъ, какъ единое, пер-
воначальное существо, сотворившее миръ и дру-
гихъ боговъ и объединяющее все въ себя. Но это
уже не пантеистический Зевсъ грамматический, это ми-
ровое единство, первоначальный огонь, воздухъ,
мировой духъ, всемирный разумъ и всеобщий

законъ. Затѣмъ различные обнаруженія себя въ мірѣ являютъ въ видѣ различныхъ боговъ. Воздухъ въ своемъ высшемъ элементѣ — это Гера, воздухъ въ низшихъ элементахъ — Аидъ, огонь — Гефестъ, вода — Посейдонъ, земля — Деметра и Гестія. Вотъ какими символическими толкованіями питались стоики сопоставлять Древняго религію съ своими философскими идеями о происхожденіи и строѣ міра и спасти ее существованіе.

Далѣе и другаго рода представленіе могли служить такими же примирительными членами. Если признавать за боговъ создателей элементовъ, полезныхъ для чловѣка предметовъ, то отчего же нельзя обоготворить проявленія силы верховнаго бога — Зевса, въ великихъ людяхъ, отчего не поклоняться героямъ, которые оказали нечеловѣчeskіе цѣли и подвиги, потребовали мести и дикихъ кудовищъ, перебили разбойниковъ, помогли началу чловѣческому обществу? Такъ обр. найдемъ было разумное основаніе кумб-ту Геркулеса, Моисея, Бакха, Гамула и другихъ героев — полубоговъ. Наконецъ эти среднія существа, представляющія переходъ отъ божественнаго духа къ чловѣческому, Демоны, такъ же легко обращались въ боговъ. Если есть на землѣ и въ водѣ божественныя существа, то и въ болѣе чистомъ воздухѣ и въ еще болѣе чистомъ эфирѣ должны существовать такіе же. Алъ боги воздуха — создатели, боги воздуха — демоны. Представленіе о демонахъ было еще съ другою точки зрѣнія удобно для чужей толковки. На счетъ этихъ среднихъ существъ, которыми не была свойственна во всей полнотѣ божественная

чистота все непривлекательное грязное раз-
сказа о богах древней мифологии и поэзии.
Такъ стоики утверждали, что демоны потре-
бовали отъ Агамемнона принесения Ифигении
въ жертву, потому что какъ же могъ богъ
потребовать такой жестокости? На нихъ сфор-
мисались также и все несовершенныя черты
разсказа о любовныхъ происшествіяхъ боговъ. За-
тѣмъ только для почитанія демоновъ требу-
ются въ некоторыхъ тайныхъ богослуженіяхъ
такія священнодѣйствія, при которыхъ люди
должны раздарапывать себѣ лицо, плакать,
рыдать, дѣлать непрестанныя томодвиженія
и произносить грязное слова, потому что та-
кимъ богами не можетъ быть приятно та-
кое грубое почитаніе. Если предсказанія ораку-
ловъ часто неисполняются, то это только по-
тому, что черезъ нихъ отъягали не боги, а
демонаы.

Вотъ какими толкованіями старались
стоики примирить религію съ философійю.
Конечно такимъ путемъ въра въ боговъ ба-
ла спасена только въ принципѣ, но во мно-
гихъ случаяхъ новый толкователь при-
ходилось становиться въ тупикъ.

Приходилось искать даже съ такими
мифологическими разсказами, которая пред-
полагаетъ въ богахъ совершенно челоѣкопо-
добныя существа. Объясненія такого рода раз-
сказа, стоики или прямо отвергали ихъ, го-
воря, что древніе поэты только отчасти гово-
рили о богахъ правду (они посвящали на Улиссѣ
и Одиссеей — эту библію Грековъ), или находили
въ нихъ глубокий смыслъ, аллегорическое

значение, осмысление процессов физического
 и нравственного мира. Если вь одно время
 говорится, что Зевс былъ Закованъ другими
 богами, то тутъ идетъ речь о мировомъ поряд-
 кѣ, основанномъ на взаимномъ дѣйствіи и
 противодействіи элементовъ природы. Возни-
 кновеніе и последовательнасть элементовъ,
 и въ іерархическое помѣщеніе — осмыслывается
 въ смыслѣ о помѣщеніи Зера Зевсомъ въ водру-
 жѣ. Смыслъ о самооскопленіи трона доидеи
 представлятъ намъ похвѣе о мировой Душѣ,
 которая для воспроизведенія бытій не нуждается
 въ половой способностѣ. Разсказъ о томъ,
 что Уранъ похищаетъ своихъ дѣтей, выража-
 етъ ту идею, что природа не терпитъ безгра-
 ничнаго плодородія элементовъ (это мѣсто
 въ родѣ закона Моисея, только въ обрат-
 номъ смыслѣ). Такъ обр. въ антич. рассужде-
 ніяхъ стоики проводили идею о зависимости
 человека отъ физическихъ процессовъ природы,
 которые изображались въ народной религіи
 въ лицахъ боговъ. Въ то время было серьез-
 ное основаніе; стоики возвратились къ перво-
 бытному мировоззрѣнію, когда люди покло-
 нялись силамъ природы, какъ богамъ, которые
 въполнѣнствіи советовъ и указаній изъ народ-
 наго сознанія, сформировались изъ природы, а боги
 одушевились и приняли человѣческое формъ.
 Такими средствами стоики спасали боговъ,
 старались дать вѣдѣмость философу и др.
 въ идѣи краить вниманіе къ телу. Стоики
 утверждали, что не слѣдуетъ имѣть народ-
 наго старичья вопрошанія, пока не возмѣстятъ
 его до своихъ собственнаго понятій. Очень мо-

мистъ быть, что не смотря на все толки объ угрожающей, суровой и непреклонной добродетели мудреца, многими изъ нихъ тѣло было стѣснено, а душа одинокая, дающая отъ тѣла, и смиривъ съ нѣмъ опять въ единство было, ^инастраиваясь о немъ.

Само собою разумеется, что стремление все объяснить въ старой религии съ точки зрѣнія здраваго смысла, да еще то, что ему прямо противоположно, — всегда установитъ естественную связь между событиями даже самыми неестественными, да и само было при вести къ некоторымъ результатамъ. Въ государственной религии существовали особые священнодѣйствія, которымъ придавалось значение, но которыхъ стоики никакъ не могли объяснить и осмыслить подобно со своимъ философскимъ взглядомъ: это были разнаго рода гаданія по полету птицъ, по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и т. д. Народная верованіе признавали, что въ этихъ таинственныхъ чудесахъ дѣйствуютъ боги и священные люди въ видѣ извѣстныхъ знаменій. Философу — стоику такъ разсудить невозможно, потому что онъ не признавалъ никакихъ особенныхъ таинственныхъ силъ, кромѣ законовъ природы и естественнаго порядка вещей. Но кто уже разъ пошелъ по египетскому пути египетскости, социальности и примиреній, всегда найдетъ средство, какое бы оно ни было, соединить необъяснимое помыслимъ и отрицаемое въ началѣ признать въ концѣ. Такъ и здѣсь — школа, зацепившаяся идею строго опредѣленнаго мирового порядка,

въ концу концовъ стала зацѣплять суетваріе
авгуровъ и гаруспексовъ. Вместе того, что
высказать съ дикурійцами сказать, что возне-
ство, которое они понимали, какъ душу мі-
ра, и силу котораго приравнивали къ Тіеѣвѣ
законовъ природы, не имѣетъ ничего общаго
съ гаданіями, стоики стали говорить о ка-
кихъ-то неизвѣстныхъ еще законахъ природы,
съ помощью которыхъ будущее можетъ от-
крываться людямъ въ известнаго рода зна-
меніяхъ, и которые должны открыты и из-
сѣдывать старательное наблюдение.

Въ этомъ отношеніи любопытно сочине-
ніе Сенеки — „*Naturales quaestiones*“. Тамъ пред-
ставляется возмѣсто египетскихъ мало санктій,
говоритъ въ этомъ сочиненіи Сенека, обраща-
ясь къ египтянъ, если думаетъ, что оно само на-
правляетъ крошечныя птицы и располагаетъ вну-
тренности животныхъ въ гаданіяхъ. Но вместе
того, что совершенно отвергнуть эту
логическую критику онъ продолжаетъ: „Но всякій
рядъ событий посвящаетъ впередъ свое пред-
знаменованіе“. Прелесть думамъ, что извест-
ное событие совершается потому, что оно бы-
ло предсказано гаданіями. Но этого не думаетъ
Сенека, — а думаетъ, что такъ
какъ должно совершиться въ будущемъ какое-
нибудь важное событие, то вместе съ нимъ
ему предшествуетъ и должно непременно со-
вершиться другое менее важное (гадательный
признакъ) въ силу того же мірового порядка.
„Но который изъ этихъ предшествующихъ собы-
тій намъ ясенъ, другихъ же мы не понимаемъ.
Значеніе пяти звездъ объяснили наблюдатели

астрологовъ, но и въ этомъ не слѣдуетъ, что оспойбныя ея отношенія безусловно, такъ какъ и въ нѣ-одного мнимаго существа, которое своими движеніями или ветроуголомъ не предсказывало (предшествовало) чего-нибудь. Такъ обр. стоики создали посто въ родѣ представленной гармоніи, признавъ одно явленіе тѣсно связанно съ другимъ и непременно, по заранее уста-новленному порядку, ему предшествуетъ. Но-которое изъ этихъ признаковъ будущаго из-вестна людямъ, какъ-которые не представля-ютъ еще неизученные законы природы; и сѣ-рки дошли до признанія всевозможныхъ га-даній, по которымъ узнается будущее.

Такъ обр. стоики не достигли результата въ своей попыткѣ спасти народную веру, придавъ ей рациональный смыслъ, примиря-вшеи бы ее съ наукою. Да и невозможно это было: что дальнѣе были думать челоуко-подобные древніе боги посреди механической си-стемы фидикескаго мировоззрѣнія? Тѣ, ко-торые вѣрили еще въ боговъ, вѣрили въ „мощ-ную гору“ Артемиду, въ „прекрасноудраго“ Апол-лона, „милейнораменную“ Гери, какъ воепова-ли ихъ пафосъ, а не въ бездѣльныхъ духовъ и не въ мировую Душу. Тѣ же, которые потеря-ли эту веру, не были склонны затѣмнѣть свою науку мистическими туманами.

Но извѣстная часть римскаго общества удовлетворилась попытками стоицизма и поддерживала ихъ, которое массажи-мощи выступали въ защиту народной рели-гии, объясняемой въ точкахъ зрѣнія стоицизма. Между ними были императоры, какъ Маркъ

Аспектъ поггепсубаиу асоресмо, какъ неод-
хожимый элементъ нравственной души, ко-
торый гонимо охраняетъ всему средству,
нока не наденетъ нуреро нобаро, что можно въ ео
заимствуе. (*)

20. 60. 100. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

(*) " Wenn es dem Stoicismus somit nicht gelang,
der monotheistischen Auflösung der bestehen-
den Religion zu steuern, wie hätte da gar von
einer Glaubenserneuerung durch ihn die Rede
sein können? Damit daß man die Ueberlieferung
vor dem Vorwurf der Lächerlichkeit und Unsitt-
lichkeit schützte, indem man ihr allerlei Tief-
sinn unterschoß, war der Glaube an sie nicht
wieder hergestellt. Dieser Glaube an die Götter,
das religiöse Abhängigkeitsgefühl, war nicht da-
rum dahin, weil die Dichter diese Götter verhöha-
ten, sondern die Dichter verhöhten sie, weil das
Bewusstsein zu vor sich von der polytheistischen
Vorstellung abgelöst hatte. Selbst aber, wenn
es der Philosophie gelungen wäre, der Menge zu
beweisen, daß die Gestalten bedeuteten, was sie
niemals bedeutet haben, Uranos den Aether, und
Zeus das Centralfeuer, selbst wenn das Volk
diese Mythologie als geheimnisvolle Hierogly-
phen anschauen lernte, das Gefühl der Abhän-
gigkeit war damit nicht her gestellt, denn ein
Volk ist darum noch nicht fromm weil es sich
über seine Heiligthümer nicht lustig macht. So
erfuhr die Menschheit zum ersten Mal mit Be-
wusstsein, dass Philosophie und Religion, wie
oft sie auch miteinander verwechselt werden,
doch sehr verschiedene Dinge sind und dass, wenn
ein Volk sich nicht mehr abhängig fühlt von den

Мистерии. Иностранные культы.

Итакъ національные культы римской эллистической религии были покаяннымъ навеселемъ; сра-
жалъ въра не могла удовлетворить не только
ко потребности образованнаго общества, но
даже и религиознымъ запросамъ массы. По-
пытки эпикурейцевъ и стоиковъ окончились
полнымъ неудачею: Греко-римскій пантеонъ
оказался неспособнымъ къ развитію. А между
темъ народная масса не могла остано-
виться на бездари, на отрицаніи религии.
Подобное отрицаніе можетъ быть только
развѣ только безначальнаго мѣншиства въ
обществе. Народная масса, болѣе всего мо-
жетъ перемѣнить предмета своего покло-
ненія, но въ ней живетъ потребность въ что-
нибудь вопить. Человѣку, представленному
самому себѣ, становится страшно своей без-
помощности, и только нѣмной могутъ на-
ходить въ самихъ себѣ болѣе или менѣе
надежную точку опоры. Утративъ въру въ
божества древняго римскаго культа, римскій
народъ съ жаждою бросился на поклоне-
ніе божествъ, привнесенныхъ съ Востока,
и въра въ послѣднихъ соединилась съ остатка-
ми привычнаго поклоненія божествъ народ-

Gewalt, sie es vordem verehrte, keine Beweisfüh-
rung und kein Raisonnement im Stande ist,
ihm dieses Abhängigkeitsgefühl durch Gründe
aufzureden und anzudemonstrieren." —

(Neutest. Zeitgesch. II, 84)

ныиъ. Для массы скорее возможно всеваріе (самхристисмъ), чѣмъ совершенное безваріе: самыя противоположныя религиозныя представленіе могутъ соединиться, перепутаться въ нѣзъ понятіяхъ и удовлетворять насъ болѣе, чѣмъ метафизическіе отвѣченности, какъ бы высоки и чисты они ни были. Масса скорее безъ имени и абсурденіе преклоняется передъ всѣмъ нѣмъ въ нѣмъ предметомъ, чѣмъ останавливается на одномъ отрицаніи.

Способными къ развитію параллельно съ развитіемъ религиознаго воззрѣнія, способными отвѣтить на мучительное душевное Запросъ времени казались мистеріи и во-сточныя культы, которые нами теперь предстоитъ разсматривать.

Мистеріи въ Греціи приобрѣли значеніе съ того времени, когда опра въ догавъ государства стала колебаться. Эти мистеріи были первоначально такими же догосударственными дѣйствіями, какъ и все Греціе, съ тѣмъ только отличіемъ, что онѣ не были публичными, во-первыхъ потому, что онѣ были от-ношеніе къ нѣмъ нѣмъ сообразно, родились, сложились, и во-вторыхъ потому, что хри-стическій (подземный) догосударства, въ гестъ ко-торыхъ совершались мистеріи, требовали такого тайнаго свѣщенія. Но съ теченіемъ времени тайное культы, сохранивъ ста-ринную форму, и общественная религія такъ разошлись, что между ними образо-валось отношеніе противоположности. За-мистеріи устанавливалась репутація болѣе почтенной древности, образовалось представленіе

что они даютъ более достойное и действительное религиозное обаяние, чѣмъ общественный культъ. Въ самомъ древнѣйшемъ мистеріи египетскихъ боговъ поередствомъ стоило подвизавшейся доны египетской соеетной областью былого темнымъ областями религиозной жизни. Неоспоримо, что при этомъ обитавшихъ и египетскихъ влиятель, такъ что Деметру и Дионису свѣдѣвали съ Исидами и Визисомъ.

У Египтянъ нѣтъ мифа о въ Озирисѣ развлелось подробное учение о судьбахъ души послѣ смерти. Природа — Озирисъ, умирающая подъ знойнымъ дыханіемъ Тифона, продолжаетъ свое существо въ темнотѣ, продолжая подвизавъ подземного мира, т. е. подземный миръ. Сама Озирисъ господствуетъ надъ миромъ умершихъ. Эта продолжающаяся жизнь творческой, производящей силы природы въ подземномъ пространствѣ родила соответствующее представление о продолжающейся жизни умершихъ, а потомъ отсюда развилось научное учение о жизни за пределами зримого мира. Подобнымъ образомъ и какъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, Геродотъ, величайшее египетское влиятель у Грековъ учение о бессмертіи было первоначально связано съ культомъ Египетской Деметры. Богъ Деметра, Кара, первоначально исчезающее, владеющее украшеніе почвы, была помысла, какъ царица царства мертвыхъ и ее собственное праздники, которые первоначально изображали въ богослужебныхъ действияхъ умирающее и воскрешеніе природы, сформировавшись теперь симво-

лаша вара въ безсмертіе. Также же превраще-
ніе совершается съ Дионисо-орфическими ми-
стеріями, въ которыхъ первоначально кествова-
лась таже самая жизнь природы, земного уни-
рающая, и кофашъ опять воскресающая (но
таже кествовавшись болѣе грубо и правдивѣе
носило болѣе оргастическій характеръ), и кото-
рые пофашъ стали изображать фантасти-
ческое ученіе о переселеніи души и о возродѣ-
ніи души за земной дула поелъ смерти.

Перетолкованіе мифа, перенесеніе его
отъ природы на человѣка, приложеніе за-
коновъ растительности къ жизни души ка-
жется очень простымъ; но чтобы найти въ
мифѣ этотъ новый смыслъ, нужно было, что-
бы умъ и сердце давно были заняты вара
въ продолженіе существованія души. Более
живое сознаніе самостоятельности духа
выражается въ томъ, что теперь не хотѣли
довольствоваться продолженіемъ существова-
нія въ видѣ травы. На мифѣ того явилось те-
перь таинство, что какъ у Дементра съ Зев-
сомъ было заключено договоръ, по которому
посвященная Жора (Персефона) должна была
обращаться на землю каждыи годъ, то
но такъ надлежитъ быть заключенъ извѣстный
договоръ со смертяю, по которому посвящен-
ной въ Елевдинскія таинства должно неког-
да вступить въ новую и непреложную жизнь.
Итакъ подобно съ этими уже просими ми-
лостіи Дементра не только для произраста-
нія и урожая въреннаго земли посѣва, но раз-
личныи связанное съ этими мистеріями об-
тѣваніе въ томъ смыслѣ, что миста (посвященные)

после смерти своей будутъ въ ближайшемъ
соприкосновеніи съ подземными богами, между
тѣмъ какъ непосвященные будутъ низвержены
въ болото и тину. Такъ о.в. арицы предста-
вители Египетскихъ мистерій, описывая кно-
ми къ Емисирну, и Сафокитъ въ „Триптолитъ“
уже наставляетъ, трижды Владиславскимъ тѣмъ,
„которые снисходятъ къ Аиду после того, какъ
видѣли эти священнодействія, ибо имъ од-
нимъ дано жить, а другимъ предстоитъ
только одна печаль.“

Соответственно такому общему условію
допущенія къ мистеріямъ становились слож-
ные и суровые. Многочисленные очищенія, раз-
наго рода воздержанія предшествовали свя-
щенному таинству и оно совершалось постепен-
но. Оно состояло не столько въ словахъ, сколь-
ко въ символахъ и, какъ кажется, въ сцени-
ческихъ представленіяхъ и мистическихъ дѣ-
ствіяхъ, которыя совершались надъ самимъ
несокрѣпимъ. Ясныхъ и подробныхъ извѣстій
оъ этихъ таинствахъ у насъ нѣтъ, такъ какъ
запрещено было посвященнымъ о нихъ расхва-
ливать, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что
мистеріи посредство сценическаго представле-
нія мифа о Деметрѣ и Персефонѣ символа-
чески давали объясненіе нѣк. будущей судьбы
послѣ смерти. Какъ-какія своданія могутъ
быть почерпнуты изъ Плутарха, который такъ
описываетъ таинства въ своемъ сочиненіи
„De anima“: „Сначала выискиваніе и утомле-
тельное круговое блужданіе, потомъ тѣлесныя
и безотрадные странствованія въ некоторой
исвѣтлой темнотѣ. Потомъ предъ самимъ

посвященіи въ великіе ужасы, трепетъ, потъ и удивленіе. Но потому что встѣпаетъ на правительный свѣтъ, они встѣпаютъ на преступныя пространства и мѣра, напѣвъ голосовъ, короवादовъ и почтенныхъ священниковъ и явленій. Здрѣвъ посвященнои и сѣлавишейся свободными ходитъ кругомъ, тогда существуетъ удивланной цвѣташи въ сообществѣ свѣтлыхъ и чистыхъ мѣдней, смотрѣя сверху на непосвященную тайну живущихъ, которое движется въ гряди и туманѣ тои еднѣи и давятъ другъ друга и въ страхѣ передъ смертью гднѣтъ въ бѣдствіяхъ и упорствуютъ въ невѣріи въ здрѣніе блага? Мѣх. здр. Это тѣлесное бдѣдѣніе посвященнаго въ тайну на тонкой и схематической почвѣ, отпѣвающей тѣлесности каждой шагъ и потѣи неожиданный переходъ изъ растѣлѣнія дрожи и трепета, страха и пота въ свѣтлѣи мѣръ, живѣишнѣи коровадами тѣмнѣици и гднѣиши голосами погнѣици — движѣио было представѣиѣи противоположности мѣднѣи этого бѣдѣио тѣлесного оживѣио и бдѣицими бдѣиствѣиѣи.

Но же содержаніе, тѣ же мысли, что страданіи этой оживѣи не стѣиѣи бдѣициаго бдѣиствѣи, мѣиѣи и мѣиѣиѣиѣи драма, которая представѣиѣи, какъ Деметра, отѣиѣиѣи Корѣ, обѣиѣиѣи весь мѣиѣи, и мѣиѣи, и земли, спускается въ дракѣиѣи въ подземное царствѣи, наконецъ находитъ дѣиѣи и жѣиѣиѣи мѣиѣиѣи. Въ страданіиѣи и уѣиѣиѣи несчастной матери движѣиѣи бдѣиѣи гѣиѣиѣи видѣиѣи свои собственныя страданіиѣи

и будущей жизни, мист, первоначально они
 представляли физический процесс природы, не
 имея бытия на судне человечества. О том
 как глубоко проникает этот культ в се-
 ре, мы имеем многократные свидетельства.
 Они одних напоминают человека о си-
 лах, которыми человек подвластен, о смерти
 и воздаянии, и оттого то стали придавать
 посвящению в Елевзинский таинства та-
 кое серьезное значение; посвящение это дава-
 ло мистам более ясное представление о
 будущей жизни, давало уверенность в бла-
 женстве за гробом, тогда как оставшееся
 непосвященное должно было поглядывать в
 тьму мучений. Елевзинский таинства
 представляли собой живую часть религии, при-
 влекли к себе множество неофитов из
 разных классов общества, которые, как каза-
 лось, находили в них полное отвлечение на му-
 чившие их религиозные запросы. Значение ми-
 стерию получили весьма большое. Платон Фе-
 доном говорит, что мист всего, что обаяла
 человеческая жизнь мистам, самое му-
 жное — мистерию; они научают не только
 жить радостно, но и умерать со мужеством
 надеждою. И Плутарх прославляет нрав-
 ственное действие, которое они производили
 на общество: „Сначала, говорит он, мисты
 выдают беспокойные и мучимые, но вступив
 в число посвященных, принимают другой
 характер, становятся тихи и кротки, послуш-
 ны в отношении к законам, справедливы и
 правдивы.“ И другие писатели позднейша-
 го времени, напр. оратор Аристид, сосре-

менникъ Марка Авреліея, высказавается въ томъ же смысле; онъ съ гнѣвомъ утверждаетъ бесполезность о чужихъ несчастливенныхъ по- кающіхся мужскихъ и женскихъ, которыхъ на- шимъ въ этой скарѣ и въ орудіи культа своего отрады и свое знаменство; и имѣетъ въ нѣмъ краснорѣчиво говорить тоже самое видѣнны безрелигиознаго множенства надгробныхъ памят- никовъ и саркофаговъ, предназначенныхъ ми- рахъ, посвященныхъ въ Евевинскій таинство.

Когда римскіе императоры стали заба- тиваться о возрожденіи религіи, они нашимъ удобнымъ пересадили мистеріи на италян- скую почву. Еще Августъ заботился о нѣмъ под- держаніи и распространеніи, а Клавдій пря- мо высказывалъ желаніе перенести Евевинскій таинство изъ Антихи въ Римъ, а во времена Вульгана некоторые эгалескіе реформаторы пытались снова приваивать таинство къ эгалеству при помощи подобнаго же рода мистическаго священнодѣйствія.

Во всякомъ случаѣ Евевинскій мистеріи высказали большую индивидуальную силу и упор- ная борьба противъ нѣмъ отъ христіан- ской церкви основывается именно на томъ, что онъ проповѣдывали то же время обуду- щей жизни и о приготовленіи къ ней, что и новая церковь проповѣдывали въ эгалеской формѣ и темъ стремились удовлетворить для не потребности, что и христіанство.

Когда мы говоримъ объ этомъ широкомъ рас- пространеніи, которое получили мистеріи, не- вѣдомо приходитъ на умъ вопросъ: почему не суредено нѣмъ было обратиться въ новую веру

ство, сдерживаясь новыми религиозными инсти-
тутами? Зародыши же этого были во Египет-
ских таинствах: серьезная борьба со будущим
жизнью и со справедливым воздаянием, глубокий
исречения о Зевсе, нагаль, средний и конец вещей
вещей - свидетелемствуют о жизни чистых
и высоких образах и представляющих до-
гмы, которые тогда, которые признавались от-
крытыми, публиковались кувтоль. Вознесение
здесь было гораздо ближе к человеку, оно под-
нимало мысли природы, оно страдало, уми-
рается, снова возрождается и тогда умирает
и человека гораздо понятнее и симпатич-
нее. Наконец глубокий нравственный момент
сильно выступал в него наружу. А всетаки
кувты таинства были еще слишком несо-
вершенными выражением настоящего духов-
ного мироощущения и во оргастических обря-
дах мистерий слишком еще сильно были пережиты
старой естественной религии. Не забывалось
на этих празднествах, во остальных отно-
шениях таких чистых, что Деиетра, божи-
ца плодородия, излучение символов которых
носились криком во время мистических про-
цессий, и посвященные шепотом на них, про-
касались к ним руками и ногами. Во-
всех этих сторонах кувты, ясно напо-
минающая религия природы, не бросалась во
глаза своим грубым и грязным старым, но
попытки были озадачить ума светом истины и
просветления, только были эти обряды и сим-
волы казались отбрасываемыми и забыва-
емыми умом отворачивались от мистерий.
Еще яснее обнаружилось сознание, что тут

новое вино вино было от старое мочи по-
му, что Емвзирский мистерин впоследствии счи-
тались еще от друмины, в которых органи-
ческий характер естественного, фидиического
курбта природы выражался еще грубо и раз-
но, напр. в мистерии Диониса.

Наша основная идея, которая господству-
ет в курбте Одируса, Адониса и Антиса
в Египте, Финикии и Малой Азии, т.е. празд-
нование природы умирающей и опять оживаю-
щей, проходила в более мягкой форме в
греческом курбте Деметры, в более грубой
органической в курбте Диониса. И здесь счи-
тающийся судья жизни природы оделся в
историю страданий и жизни бога и находит
подробно в курбте (основание которого при-
писывается скакотному повелу Орфея) Оракий-
ского бога Диониса Захрей или Бахха. Здесь
выступает на первый план мрачная сто-
рона мира, страдание бога. Царя преследует
непримиримого независимого сына Зевса и Се-
меля, Диониса. Возбужденное его титаном раз-
рывают его в куски; но его еще болющего серд-
це спасает Афина и дает ему новое божествен-
ное тело, между тем как титанов пора-
жает истинная магия Зевса. "Мать, го-
ворит Захрей, оцепанная и однасельная
землины бурей виноградная лоза в муче
своего бога сжата в обрамление кельовеской
жизни". Ежегодно, в Эмвзрах, ночью, при свече
факелов, воспыхивающих и корениющих бога
калами и купами новорожденного ребенка и
праздновали таким образом день рождения
бога. Тогда земит участие и любовь возмущающих

приведенный въ восторженное состояніе экстаза (меланха) богамъ кричалъ въ ивстурмен-
наиъ состояніи, носилъ въ собоѣ куски сыраго
кроваваго мяса, куски ихъ, рваны и тѣмъ при-
водилъ на память страдальческую жизнь бо-
га и его мученическую смерть. Въ концы концовъ
Дионисъ былъ погребенъ Аполлономъ въ свя-
тую могилу, сдѣлался покровителемъ богамъ
и первымъ символомъ челоуеческаго безсмертія.

Такъ обр. символъ мѣсяца ясенъ. Мы видимъ,
что уже и этотъ открытый, публичный
культъ Диониса носитъ резко очерченный ха-
рактеръ, дикій, ивстурменный характеръ; это уже
уже не могло привлечь къ нему сердца сколько-
нибудь просвѣщенныхъ людей. Что каса-
ется до тайнаго культа этого бога, до ми-
стерій Диониса, то тутъ плотскій, чувствен-
ный элементъ челоуеческой природы пражде-
ваетъ свой триумфъ; тутъ ивстурменное со-
стояніе восторгующе и дерзко доходитъ до
высшихъ степеней, преступаю предѣлы чи-
стоты и нравственности и обращается въ ди-
кій разгулъ, самыя низмыя и животныя
страсти. Отсюда то и самыя слова „оргіи“
и „Бакханаліи“, первоначально означавшія жив-
ко „богослуженіе въ честь Бакха“, получили то
значеніе, которое сохранили и до сихъ поръ.
Несмотря на свой грубый, граничающій почти
съ развратомъ характеръ, культъ Диониса
все-таки привлекалъ къ себѣ поклонниковъ.
Исторія даетъ намъ не одинъ примѣръ того,
что въ тѣ темныя времена всеобщаго раз-
лаженія, когда ивстурта все старое и чуждое,
потеряло старую форму, порвало связи съ про-

живый, а нового ни настоящего, ни будущего
еще нетъ, — тотъ погружается человекъ въ
самоблудие, тотъ предается экстазу и из-
ступлению, которое даетъ ему возможность
забыть, сбросить въ себя невыносимый гнетъ
настоящего и его пустоты.

Культа Диониса проникъ въ Римъ во II в.
до Р. Хр., когда после завоевания восточныхъ
странъ вместе съ обильного добытого привезено
было въ Италию и испорченные нравы Восто-
ка. Мистерии Диониса распространились
въ Италию. Въ роуры Стимисары (т.е. Селавы
по словамъ Диона Кассия, да сего потомъ и
во апокрифы друиды и жрецы стали со-
вершать ужасные вещи: тамъ подверга-
лись жестокимъ и дикимъ насилиямъ не толь-
ко посвященные и приведенные въ изступле-
ние женщины, но и совершенно постороннія,
которые заблуждались въ таинственный ро-
ури, и огуленные, приведенные въ безумствен-
ное состояние фанатическое, подвергались по-
рушаніямъ и мертво находившихъ мертвыми
на снѣдующій день.

Все бывшее и бывшее распространение без-
правственного культа разбудило вниманіе
правительства. Въ 100 г. до Р. Хр. консулъ
Амблий издалъ суровый указъ противъ воз-
мутительной секты и ее последователей (*Sa-
natuconsultum de Bacchanalibus*). Мисте-
рии Диониса были строго запрещены, а скла-
дочные и въ числа посвященныхъ 7000 мужчинъ
и женщинъ либо казнены, либо наказаны вѣ-
чного ссылки или поживевши въ заключе-
ніи.

Диний указавъ нанесенъ былъ серьезной
ударъ распространению тайного культа Ди-
ониса въ Умании. Но неужели скажемъ, что онъ
былъ вновь уничтоженъ. Мы слышимъ о его
существовании и въ эпоху империи. Такъ Та-
цитъ рассказываетъ, что развратная и жесто-
кая Мессалина сама праздновала импе-
рии Диониса въ своемъ дворцѣ: „Виноградные
тиски трепачи, рассказываетъ великій ис-
торикъ, обильно текъ потокъ виноградного
сока; женщины, одетой въ заторопенный мехъ,
плясали, какъ жертвоприношеніи и всемогущими
сахарками. Сама императрица съ распушен-
ными волосами потрещала тиреамъ (Mes-
salina non alias solutio luxu, adulta autem
no simulacrum vindemiae per domum celebra-
bat. Urquere prela, fluere lacus; et feminae pel-
libus accinctae adsaltabant ut sacrificantes
vel insanientes Bacchae; ipsa crine fluxo thyrs-
sum quatens, juxta Silius hedera vinculus, ge-
nere cothurnos, jacere caput, strepente circum
privaci choro.“ — Ann. XI, 31). Такъ о.р. культъ
Диониса возродился и поелъ республиканскаго
адреса, но онъ находилъ приверженцевъ толь-
ко въ незнатныхъ кружкахъ. Онъ сливалъ
вался кассъ съ культами Евбейской Деметры,
что значительно способствовало тому, что им-
перии скоро же потеряли то значение, которое
скоро было ^{ими} (продолжили, перестали удовлетворять
настоятельнымъ религиознымъ потребностямъ
эпохи, не могли обратиться въ открытый и
народный культъ.

Потребность возреть, неудовлетворяемая распад-

ствующего религіоза, вызвала странное явление. Иудейско-столятии къ ряду греко-римскихъ почитаемыхъ распространился съ запада на востокъ, оттаскивая и подрывая азіатскіе культы. Въ первый столетіи до Р. Хр. начинается обратное теченіе: восточныя богоустройства находятъ все болѣе и болѣе почитаемыхъ на западѣ. Причиной этого переворота, причина, по которой живые святыя образы олимпийскихъ боговъ уступаютъ место неопредѣленнымъ, абстрактнымъ тѣмъ богамъ восточныхъ, египетскихъ и малоазіатскихъ, заключалась въ томъ, что божества восточныя не были такъ опредѣленны, конкретны, какъ божества греко-римскія, они легче уживались съ отвлеченіями, внесенными философіею въ сферу религіознаго міросозерцанія, они по самой сущности своей соответствовали стремленію времени превратить конкретныя божества въ общіе принципы.

Но было въ этомъ переворотѣ и другой моментъ: неудовлетворенный своимъ собственнымъ духовнымъ содержаніемъ греко-римскій міръ въ себя ищетъ авторитетовъ. Люди того времени хватаются за старое и новое. Древность религіи кажется рудиментомъ за ее нецѣлостность. Если новое люди отдалились отъ боговъ и боги или похищены, то древніе боги ихъ любимицами и знаменами ихъ жизни. Съ другой стороны какою рать играли и отдаленность мекки. Въ мірѣ западномъ не живутъ болѣе боги и нужно искать настоящее богопочитаніе на отдаленномъ Востокѣ. Однимъ изъ страннѣй-

симптомы неудовлетворительности религи-
озной потребности было то, что в данное вре-
мя известной кривой считался только бытие
устойчивый ядра, а также отдаленные были
страна, из которой он происходил. Это
из смертного, который хотел говорить о
божестве, непременно должен был под-
дать, как Аполлоний Тианский, либо у Иди-
сов - эпикуреизм, либо за водонаданием
Нилла, или прикрывать свои сочинения авто-
ритетом Платона, Орфея и др. И действительно
появилось много подделанных сочи-
нений, приписываемых великим и почитае-
мым умом мудрой древности. Отсюда про-
изошли и легенды, которые заставили видеть
мудрецов и законодателей путешествующих
на Восток. Восток признавался единствен-
ным источником мудрости. Египет давно
считался страной самой древней мудрости
и самым отдаленным преданием. Вспомните
только рассказ Геродота о беседе его с
жрецом Сауса, который указывал ему
на древность египетских гробниц и говорил,
что Греки хотели еще новые люди сравни-
тельно с египтянами и могут считать
их детьми. С такими же притивани-
ем выступил на Запад и жрец Изида
и только удовлетворил самонадеянной потреб-
ности, самым лучшим религиозным и нрав-
ственным запросам времени. Если внима-
тельно ближе, то мы увидим, что особен-
ное значение получили египетские кривые
Осириса и Изида потому, что в них от-
крыто было освященное отношение к вопросам

о посмертном существовании человека. С другой стороны самое то, что это чувство по характеру своему представляется мрачным, полным меланхолии, давало ему некую привлекательность. Греки были религиозны для счастья, теперь же наступило время мрака, задумчивых богов Египта, потому что в противоположность светлому и ясному миру Олимпийцев, Египетские боги полны недомыслия, речной тоски, паники, печали и горя, и в них — длинная история убийства, печали и безконечных странствований. Раньше Ксенофан говорил об Египтянах: „Если это существа, которыми все поклоняется, боги, то неважно, кто отожествляет; если же они заслуживают поклонения, то неважно, кем поклоняется“. Теперь же времена были другие, люди уже понимали значение скорби и печали для религии. История страданий Осириса гремевшим голосом говорила человеческому сердцу, в истории страданий бога человек находил свое собственное искупление. Египетские мифы, в которых так много отдавалось мифа несчастия и горя, были ближе к миро-созерцанию современного человека, чем раз-

(*) „Das Eigenthümliche der ägyptischen Religion, worumt das Traurige, war nun aber die Reflexion auf das Uebel, das dem Menschen aus der Natur entspringt. Der Druck der ägyptischen Hitze, die verschmachtete Erde, die zahlreiche Thierplagen hatten dem Abhängigkeitsgefühl

сказа о всемоу, легкомыслинной жизни Сева
и его многомыслинной сими на Олимпѣ.

Многъ обѣ Усуѣ и Озирису, который опи-
сываетъ круговой ходъ зарождения, произраста-
ния и умирающа въ природѣ, смертного сил-
ну растительности, олицетворяетъ глав-
нымъ образомъ мрачную, печальную сторо-
ну этихъ природныхъ явлений.

Озирисъ, плодотворная сила Египта, оли-
цетворение священной реки, Нила, умер-
ившись своимъ смертельнымъ врагомъ, Ти-
ффономъ, олицетворяетъ глѣбного несог-
ласна сына Ливійской пустыни, палящаго
жара. Сестра и супруга Озириса, Уста-зе-
ми Египта, молится въ его отсутствіи
и плачетъ онемодотвореніи. Носитъ Озирисъ

diese Wendung gegeben. Auch führte das heiße
Klima dazu, den Göttern zu würdigen Wohnun-
gen schattige Grotten, weitläufige Felsentempel
auszuköhlen, deren dunkle Räume mit ihren
halberleuchteten Riesenpfeilern den Cultus vol-
lends mit Schauern füllten. Auf allen Gesich-
tern dieser riesigen Monolithe von schwarzem Ba-
salt liegt der gedrückte, melancholische Zug,
den das drückende Klima den Söhnen von Kemi
selbst aufgeprägt hat. So verweilt der Mythos
von Isis und Osiris, der seinerseits gleichfalls
den Kreislauf des Entstehens und Vergehens,
den jährlichen Wechsel der Vegetation be-
schreibt, vornehmlich bei der schmerzlichen
Secte dieser Erscheinungen." (Neutest. Zeitg.
II, 78).

поисковъ и странствій съ своимъ пасыкомъ, Амудисомъ, бошня находитъ наконецъ растерзаннаго на части тѣло супруга. Изъ да съ горестью собираетъ ихъ, плачетъ ищетъ и предаетъ погребенію. Во всемъ содержаніи этого мифа, какъ видите, преобладаютъ изображеніе страданій бошни. Но оказывается, что Амудисъ не умираетъ, онъ живъ; онъ является царемъ подземнаго мира и судитъ умершихъ людей. Такъ обр. этотъ мифъ, олицетворявшій собою первоначально годовую кругъ зарожденія и угасанія растений, земной природы, соединился съ представленіемъ о загробной жизни, о судѣ надъ умершими и о воздаяніи каждому за дѣла. Если вспомнить о религиозномъ направленіи въѣха, то намъ не покажется удивительнымъ, что поклоненіе Амудисъ затронуло чувство въ греко-римскомъ мірѣ. Мало помалу мифъ оъ Амудисъ такъ расширился, что она нѣтъ представителница земнаго плодородія и физическаго порядка природы обратилась въ символъ первоисточника всѣхъ вещей, какъ говоритъ одна сардская надпись, посвященная этой боини: „Я есмь настоящее, будущее и прошедшее. Никто не скрываетъ моего покрывала. Дитя, которое я родила, есть солнце.“ Сообразно съ этимъ расширеніемъ и обобщеніемъ своего значенія, Амуда легко могла слиться въ понятіяхъ современниковъ съ идеею божества вообще, крѣпче Амудисъ могъ служить монотеистическимъ интересамъ времени и это легко объясняетъ причину его распространенія.

„Я природа, мать вещей вещей, повелительница вещей вещей, таких слова впадают в уста богини Аурели: я движущие начало воков, верховное божество, царящая духом, первая мать обитателей неба, мать вещей богов и богинь. Много повиновений свотокарным богам неба, воинов моря, мрачное безмолвие подземного царства. Я единственное божество; но меня чтит мир под различными образами, во различных обрядах, под различными именами.“

Поклонение Уиуду проникло из Египта сначала в Грецию, потом разошлось по всем концам римского государства в последние годы республики и особенно в первые время империи. Мракъ врагов, мистическая глубина мифа, механические обряды культа, монотеистическая струя в самомъ понятии этого божества — все это содействовало тому, чтобы поклонение новой богине увлекло массы.

Али идя къ инастраннымъ культамъ римское государство не старалось ограничить столько, но однако вездѣ, во вѣсьхъ скелко нибудь значительныхъ городахъ повсюду воздѣлились оковы, боящиеся сабля врагов и часовни этой богини; вездѣ можно было видѣть совершавшіяся въ честь ней процессіи. Однѣмъ въ божествѣ, прихотливѣмъ поклонимъ описывать девицы, въ зеркалахъ на этомъ, — резко раздающіеся звуки свистковъ, мурлыканья, потрескающіе металлические погремушки, чтобы отогнать Мифона, змея съ коротко обстриженными волосами,

съ карабидравными лапками, павлиньи-
 ми хвостами, змеевидными змеями, ко-
 нями и источающими молоко золотыми
 сосцами въ рукахъ; тутъ же двигающіяся
 фигуры, лица которыхъ закроютъ собачье-
 ловыми и птичьеголовыми масками боговъ,
 наконецъ сама богиня съ луннымъ дискомъ
 на головѣ, вотъ общая картина процессіи
 богини Исиды. Римская республика относи-
 лась къ этому непристойному и потому
 опасному кувту съ большимъ предубежде-
 ніемъ, часто запрещала его, но все напрасно.
 разрушаемое время снова возстановлялось.
 Во времена Цезаря разрушено было покло-
 неніе Исиды за чертою городовъ ^{и второе} ~~приуменьше~~
 къ великой радо-
 сти народа воздвигли храмы въ кестъ еги-
 петской богини въ самомъ Римѣ, и кувтъ
 былъ признанъ оффициально. После этого
 Римъ кишитъ Египтянами, которые явля-
 ютъ себѣ суетворы грабителей вѣчнаго города,
 играли роль слотопокателей и предсказа-
 телей будущаго, и, провъ милостыню для боги-
 ни, обирали дома Римлянъ. Свободы распро-
 страненіе получивши египетскіе кувты сре-
 ди низшихъ слоевъ народа и такими обра-
 зомъ среди плебеевъ. Защитники древне-
 римскихъ преданій вставали противъ но-
 выхъ, стоивъ мало сходной съ воровскими
 и обиральными предковъ. Они видѣли въ еги-
 петскихъ асрицахъ пособниковъ тайнаго раз-
 врата, нарушителей семейнаго мира, обман-
 щиковъ, выманивающихъ только золото и
 духъ легководныхъ грековъ съ восторгомъ

отдававшимся заманивавшим своего подвижного и подвижного кувшту.

Обидий, Мидий, Проперций, все вообще поэты августовской эпохи жалуются, что египетские иереев отнимают у них их возлюбленных: "разве тебе недовольно египетских дочерей Сипфа, говорит Проперций, обращаешь к Усиу? Зачем предпринимала такой долгий путь и пришла в Рим? И что тебе за поезда в томе, что одиноко сидеть в гостинице? Возвращайся скорее назад, или ты, несчастная, жестоко будешь изгнана из города. Никогда не было дружба у Мидия с Клеопатрой." (Елег. 2, 33).

Август неслучайно стеснил распро-
страненнейший египетский кувшту, а при Ма-
берии разравился надъ асирцами Усиу сиб-
ный ударъ, который заданъ такъ же и Евре-
евъ. Поводомъ къ катастрофѣ послужило
случившееся обстоятельство. Одинъ римский
всадникъ, долго безуспешно добивавшийся бра-
косклонности знатной дамы, прибегнулъ
къ помощи иереевъ Усиу. Они завлекли се-
бя въ храмъ, воспользовавшись ея сивного вторго
въ богиню, и, утверждая, что это Амудисъ
почитаетъ ея своего любовника, отдали се въ
руки нехотенъ. Это по томъ разгласилось
и дошло до ушей императора. Всадникъ от-
гонимый изгнаніемъ, но иереевъ ^{были} спасены на
крестъ, храмъ ихъ разрушенъ и сравненъ съ
землею, а изображение богини брошено въ Тибръ.
4000 Египтянъ и Евреевъ, которые были сив-
таны съ первыми во время этого гоненія, бы-
ли отправлены солдатами въ Сардинію. Вско-

отъ потопъ наступила реакція; культъ божества
снова возстановленъ, вошелъ въ моду и рас-
пространился далеко за пределами Италіи,
въ Британіи, въ Реймъ и Гунатъ. Египтяне
не имѣли покровителей во всѣхъ классахъ
общества. Луріи императора изъ дома
Флавіевъ и ~~друзья~~ самъ Маркъ Аврелій не
только покровительствовали ему, но даже
принимали въ немъ участіе. Писатели, на-
пріотомъ, сторонники старо-латинской жи-
зни съ тою же бодростью горячностью нападали
на безнравственный по ихъ мнѣнію культъ.
Платъ напр. Ювеналъ говоритъ: „Кто не зна-
етъ, что за созданія почитаются за боговъ у
луповъ Египтян? одни почитаютъ рогатого
завра, другіе молотъ подписавшему змею
Ибису; золотомъ блистаетъ изображение хвостатой
священной обезьяны. Платъ, гортъ треснувшая
голова Мемнона издаетъ вальсѣдныя звуки,
и гортъ лежатъ старцы, стовратомъ Вива,
кошкамъ воздаютъ въ городахъ почитаніе,
рыбаютъ или собакамъ, но только не Артемидѣ.“
(Чув. Зап. 6).

Но едва ли все упреки писателей, привер-
женцевъ старина, справедливы. Не чувствен-
ность, но таинственная древность и мисти-
ческая глубина обрядовъ, ихъ отношеніе къ
другому міру, вотъ магнитъ, который првле-
калъ массы къ свѣтлымъ храмамъ Юпите-
ра въ темной сумракъ египетскихъ святи-
лищъ. Очень модно было, что подъ покровомъ
храма совершалось въ темныхъ храмахъ еги-
петской богини не одно модное свиданіе,
не разъ нарушались священные чре брака

и истинность чуждому, но что самый кривиз
быть безграбительства, это не доказано и потому
противоречит тот факт, что Флавий, сам
строгий блюститель истинности нравов, взял
его под свое покровительство.

Но не истинность масса, а ясное выраже-
ние истинности людей признает вопрос
о пригодности кривиз. И для них то кривиз
египетской богини, несмотря на великий Еги-
петский переработки мифа, оставался гру-
бым фидеическим кривизом и его влияние
продолжалось только до тех пор, пока
новая религия не дала более соответствую-
щего выражение всего в единую соединяющую
силу и в субъективное безмерие людей.

Почти одновременно с египетскими во-
рождениями в Греции и Италии распростра-
няется и кривиз малоазиатской богини
Кибелы, фригийской матери богов. Стремле-
ние к непосредственному соприкосновению
души с богами, стремление к непосред-
ственному воздействию и к вторично-
нашему откровению — составило содержание
кривизы этой богини. Кривиз Кибелы
распространилась во Фракию во время Куни-
тских войн. Кибела, главное святынище
которой находилось в Галатском городе
Пессинунт, олицетворяла первоначальную
воплощенную, рождящую силу природы,
земное плодородие и потому изображалась
часто в образе женщины, все тело кото-
рой покрыто сосцами. С таким значением
она перешла и в греко-римскую мифологию,
но с тем же значением в римской мифологии

нилась, сообразно съ общимъ стремленіемъ къ монотеизму; она какъ и египетская Изидеа, стала означать первоисточное единство вещей — „мать боговъ“ и сличалась съ греческою Деею. Стало быть такое значеніе матери боговъ, общаго начала, объединяющаго и подчиняющаго себѣ все остальное божество соответствовало потребностямъ времени.

Но раньше Кибела, также, какъ и Рея, она цѣлостно олицетворяла жизнь природы, и фригийскій, натураленный культъ составилъ необходимую принадлежность почитанія матери боговъ. Это основывалось на мнѣніи о подвижномъ Кибелѣ, Аттисѣ, который былъ злодейски подвергнутъ страшной операціи асконіенія со стороны темной, злой природы, дуча зла. Отсюда и весь своеобразіе культа Кибелы. Жрецы богини въ особую оргіастическую, дико-фанатическую до послѣдней степени изступленія дѣйствіемъ вспоминали и оплакивали печальную судьбу бога. Подъ оглушительные звуки цимбала, трубы, свистковъ и роговъ предавались переизъясненію фанатической пляски, съ разтрепанными волосами, съ смѣющимися фанатическими въ рукахъ носились они по горамъ и долинамъ, ошаташая воздухъ безумными криками, раны себѣ ногъ и руки. Дикое изступленіе ихъ доходило до того, что они сами подвергали себя асконіенію и вместе символическаго изображенія Фаллоса носили въ дикой процессіи самые окровавленные предметы символа.

Въ 204 г. по указанію Сивиллинныхъ книгъ священной камень богини перевезенъ въ

изъ Пессингута въ Римъ, а Фригийские око-
пленные персы Кибелы въ длинную манті-
ю въ первое появившееся среди франкизовъ и
весталовъ. Они стали страждовать по
всему провинциальнѣ имперіи, въ осведомленности
по селамъ и закоулкамъ и находили много
зрителей и приверженцевъ обрядовъ своего
культа. Несмотря на свой грубый харак-
теръ, культъ Кибелы получилъ довольно ши-
рокое распространение (о чемъ свидѣтельству-
ютъ надписи). Идея о приближеніи къ богос-
тву посредствомъ приведенія себя въ безсо-
знательное иступленное состояніе соотвѣ-
ствовала духу времени и очень естественно
могла временно увлечь массы.

Большого почетомъ, болѣе возвышенно-
стію отличался культъ персидскаго бога
Митры, занесенный въ Римъ морскими раз-
бойниками, взятый въ плѣнъ Помпеемъ ^{в имперіи}
и получившій широкое распространение (во
II и III вв. по Р. Хр. ~~и имперіи~~). Въ Персіи это
былъ первоначально одинъ изъ второстепен-
ныхъ боговъ Зороастровской религіи, но посто-
янно приобрѣлъ значеніе верховнаго бога, ставъ на-
чальникомъ солнечнаго мѣся, источника
света, солнечнаго божества. Потому
культъ его получилъ и другое значеніе, кото-
рое главнымъ образомъ и было усвоено въ
Римѣ. Митра является у насъ устройте-
лемъ нравственнаго порядка, устройте-
лемъ мира, борцомъ противъ телснаго напаста,
Аримана, борцомъ энергичнымъ, неустаннымъ.
Такими же дашены быть и почитатели
Митры, такими они и бывали въ действитель-
ности.

темности. Поклонники Мисора составили
особое братство. Для вступления въ это братство
были необходимы особые приготовления, раз-
ного рода воздержания, лишения и таинствен-
ные дѣйствія. Самое принятіе сопровождало-
лось различными таинственными, симво-
лическими обрядами. Посвященной должно
было пройти сквозь огонь, прахъ и калѣдо,
сквозь обнаженное мечи, долго оставался
въ темной пещерной пещерѣ и только ко-
гда исполнилъ все необходимое, его вводили
на светъ, давали, мехъ, хитъ и гачу и про-
возглашали борзашъ за светлое начало,
за добро, правду и справедливость. Весь этот
обрядъ очень напоминаетъ позднѣйшія мас-
онскіе тайные дѣйствія.

Восточный культъ бога Мисора, культъ
гораздо болѣе чистой, чистъ культъ Ишуда и
Кибелы, соперничать съ ними въ имперіи и
естественно одерживать верхъ, люди благомы-
слящіе и развитые съ уваженіемъ могли оу-
чусь къ почитанію чистого, светлаго бо-
га. Культъ Мисора получилъ широкое распро-
страненіе и среди племенъ. Въ Британіи,
Нижней Германіи, Ирландіи, Швейцаріи, вообще
во всѣхъ известностяхъ, гдѣ располагалась бо-
ли болѣе или менѣе долгое время римскія
войска, находится много надписей, свидѣтельствующихъ о распространѣніи этого культа.
Мисора, цѣломудренной, вѣчно юной и бодр-
ствующей богъ света, побѣдителей злаго на-
чала, былъ опаснымъ соперникомъ для гру-
быхъ шиммерскихъ боговъ, тѣмъ болѣе еще,
что персидскій дуализмъ имѣлъ много общаго

съ дуадами и митрами. И действительно
онъ покорилъ себѣ много сердецъ; одно время ка-
завось даже, что не христіанство, а культъ
Митры становится господствующею религіею.
„Сходство культа Митры съ христіанствомъ,
говоритъ Е. Ренау (Mars, Avril, p. 576), было такъ
порабительно, что св. Вустинъ и Тертуліанъ
видѣли въ немъ какой-то сатанинскій пла-
нъ.... Въ немъ было и крещеніе, и свари-
етія, и обіи ^(салабѣ) вечерни, и покаяніе, и искуше-
ніе профовъ. Пасовни Митры походили на ма-
ленькій церковь, культъ создавалъ между по-
священными свѣтъ братства“ и т.д. Есть же-
данія, что сайтъ Константинъ Великій былъ
до изданія Миланскаго эдикта ревностнымъ
поклонникомъ Митры, и все его посвященіе
„Sol i invicto comiti“ относился къ Митрѣ.
Культъ этотъ потому и интересенъ для насъ,
что онъ нѣкоторое время соперничалъ съ хри-
стіанствомъ. Но въ концѣ концовъ его победи-
ла все таки та же власть, которая постигла
все остальные языческіе культы.

Культъ Митры не могъ соперничать сохрѣвъ
себя всѣхъ тѣхъ, которое культивовали пофред-
ность въ новой вѣрѣ. Все восточное религіи
были основаны на поклоненіи природѣ, а чело-
вѣкъ началъ создавать себя культъ—то отдѣлив-
шись отъ природы, противопоставивъ себя
всему міру. Восточное культа не былъ дальше
политеизма, а индусы понимали вели-
кую, какъ нѣкогда единое, предполагающее одина-
го бога. Они были религіями національными,
а между гражданами римской имперіи пре-
обладали космополитизмъ. Они содержали въ

себя значительную долю ответственности, а от не-
стараясь отропщившей человека, тяжотимой
сознавши своей греховности. Они придавали
гражданную цену внешним обрядам, омове-
ниям, воздержанию от известной пищи, а ве-
клонимось къ таинству, чтобы выдвинуть на пер-
вый план внутреннюю чистоту сердца и помы-
сли. Стремлением эпохи могла удовлетво-
рять не передуманная и перетолкованная въ
смысле поместная религия, а религия по са-
мому существу и происхождению монотеисти-
ческая (*).

Такая религия существовала издавна;
еврейские пророки и апостолы провозглашали божес-
тво да тысячу именъ передъ темъ, единого
Бога, рядомъ съ которыми именъ другихъ бо-
говъ. Если хулятъ Идоловъ, Мидовъ, Матери Боговъ,
начиши себя последователями въ греко-римскомъ
миръ, то темъ менее могла остаться безъ
влияния на него религия Евреевъ.

VI.

Значение еврейской „Диаспоры“. Греко- иудейская симбиозия въ Александрии

Разселие Евреевъ по лицу тогдашняго обра-
зованнаго міра началось гораздо раньше па-
дений Иерусалима. На вопросъ о вавилонскомъ иже

(*) О восточныхъ хультахъ можно найти более
подробный сводникъ, краемъ Таусрата, еще у
Ремана (Marc Aurèle) и Гастона Буассе („La
religion Romaine" т. I, стр. 335-403 — превосход-
но написанный очеркъ), а также въ очеркахъ
Ешевскаго.

политическомъ, социальномъ и культурно-историческомъ значеніи на оставившіе теперь на сколько наше вниманіе. Уже во II в. до Р. Х. не было почти ни одного большого города, въ которомъ не жила бы большая или меньшая значительная колонія Евреевъ. Плодородіе почвы въ Палестинѣ не соответствовало быстротѣ, съ которою размножались ея жители; отсюда постоянная эмиграція изъ Палестины, тогда довольно сильная, что торговая предприимчивость Евреевъ была того велика, что въ дальнія страны. Подтвержденіе этого мы можемъ найти у Страбона, Иосифа Флавія и Филона (*). Для Евреевъ, живущихъ вне Палестины, издавна выработалось даже общее названіе Діаспора (Діаспора), что означаетъ разсеяніе (dispersion). Но самымъ подробнымъ образомъ охвѣтъ иудейской Діаспора описывается въ письмѣ Адриана къ императору Калпурію, сохранившемъ у Филона. „Священнымъ городъ Иерусалимъ, нинѣшній Адриппа, — столица не одной только Иудеи, но и множества еврейскихъ колоній во соседнихъ странахъ: въ Египтѣ, Финикіи, Сиріи, именно въ Келесиріи, Памфилиіи и Киликии; въ большей части областей Малой Азіи, до самой Византии и отдаленнѣйшихъ урочищъ Понта; а въ Европе и Вессаліи, Тесотіи, Македоніи, Итоніи, Ат-

(*) Страбонъ напр., отнесъ свои слова ко времени Суллы (85 г.), говоритъ: „Εἰς πάσαν πᾶντι ἔθνη παρῆλθοντες, οὐ καὶ τόπον οὐκ ἔστι φάσις εὐρεῖν τῆς οἰκονομίας, ὅς οὐ παραδέχεται τὸν τοῦ φύλου μῆνός ἐπικρατεῖται ἐν αὐτοῖς.“ Подобранныя же выраженія есть и у Иосифа Флавія, и у Филона.

тихъ, Аргосъ, Коринтъ, въ болышей и лучшей части Пелопоннеса. Не только твердая земля пошла иудейскими поселеніями, но и значительнѣйшіе острова: Евбея, Кипръ, Критъ. Я упоминаю о земляхъ по ту сторону Евфрата, потому что все это за исключеніемъ мало-вазальной части, Вавилонъ и тѣ страны, которыя обнимаютъ лежащую кругомъ по-дорожную землю, имѣютъ иудейскихъ обитателей" (*Legatio ad Caesarem* § 36).

Въ частности въ Вавилонъ и въ страны по ту сторону Евфрата жили масса-и, если не шимеоны евреевъ (*μωσαϊκὴ ἀποικία καὶ ἀριστερὴ γυνὴ Ἰσραὴλ καὶ δεξιὴν αὐτοῦ*, по словамъ Иосифа Флавія. *Antiquitates* II, 5). Сила ихъ была такъ значительна, что римскій легатъ Петроній въ 40 г. посѣтъ Р. Ар. считалъ опаснымъ возбуждать въ нихъ непріятельное расположеніе къ Риму (*Leg. ad. Caesarem* § 31). По словамъ того же Иосифа Флавія въ I в. по Р. Ар. уже не было ни одного греческаго города, гдѣ бы часть жителей не была предана еврейскому закону. Упоминаніе обращеній иногда заразе въ иудейство. Въ Римѣ, Александріи, Антиохіи, Дамаскѣ число еврейскихъ прозелитовъ, ново-обращенныхъ, было столь же значительно, какъ и число самихъ евреевъ. Особенно восприимчивыми къ новому ученію оказались египтяне. Сирію Иосифъ Флавій обозначаетъ, какъ такую землю, которая имѣла наиболѣе процвѣтъ еврейскихъ жителей и особенно въ этомъ отношеніи брассалась въ глаза Антиохія, главнѣйшій городъ Сиріи. (*Bell. Jud.* VII, 33). Но и въ другихъ городахъ Сиріи еврейскіе

жителям сирамисъ тмеманам; мать въ Дамаскѣ во время войны за одинъ разъ было убито до 10 тысячъ Евреевъ (Юс. Флавій). — Можно также о Сиріи и объ Ассіи Филонъ сообщаетъ, что тамъ въ каждомъ городѣ живутъ Евреи въ большомъ числѣ (Legatio ad Caj.). Еще Антioxъ Великій переселилъ изъ Месопотаміи и Вавилона въ Фригію и Лудію 2000 еврейскихъ семействъ (Antiquitates Юсифа Флавія, II, 3, 4). Не говоря о прочемъ уже исторія апостола Павла показываетъ, въ какомъ большомъ числѣ было распространено въ Малой Ассіи еврейство. Это найденная въ Крону грехо-еврейскія надписи служатъ доказательствами того, что еврейскія поселенія простирались даже до северныхъ береговъ Чернаго моря (Αχρη τῶν βοτ. πόρων πρῶτον).

Всего важнѣе въ культурно-историческомъ отношеніи еврейская діаспора въ Египтѣ и прежде всего въ Александріи. Филонъ считаетъ еврейское населеніе своего времени въ Египтѣ въ одинъ миллионъ человекъ (1/4 часть всего населенія). Въ столицѣ Евреи были поселены еще Александромъ Македонскимъ. После его

(*) Надписи на греческомъ языкѣ. См. Воескр, Corpus inser. graec. II p. 1005 и Stephani Bulletin de l'Académie de S. Pétersbourg, 1860, и на еврейскомъ см. Хвольсонъ — Восемнадцать еврейскихъ надписей въ Крону. Одна изъ греческихъ надписей найдена въ Пантиканетѣ, относящаяся къ 81 г. до Р. Хр., другая — въ Акантѣ — 42 по Р. Хр. Кроме того изъ 18 еврейскихъ надписей изъ Кроны, содѣянныхъ Хвольсономъ, древнѣйшая относит-

смерти въ Александрію снова переселились го-
лая тысяча Евреевъ; ища удовольствія отъ воен-
ныхъ смятеній на родинѣ. Имя такое было
отведена особенная часть города для жи-
тельства, тогда они могли, какъ замѣчаетъ Тосид
Флавій, вести чистую жизнь и не смѣшивались
съ туземцами. Но раздѣленіе не соблюда-
лось строго. По свидѣтельству Филона еврей-
скіе молитвенные дома находились во всѣхъ
частяхъ города. Въ пяти кварталахъ Алек-
сандріи два были преимущественно населены
Евреями, хотя и въ другихъ трехъ они были
равнѣяны не въ маломъ количествѣ. Въ Ви-
пта діаспора проникла далеко на Западъ,
именно была весьма значительна въ Кире-
наикѣ. Уже Птоломей Лаг восхвалялъ муд-
рость еврейскихъ законодательствъ. По Страбону, цитиру-
емому Флавіемъ, жители города Кирена во
время Суры распадались на четыре класса
— граждане, земледѣльцы, ремесленники и Евреи. Лу-
кций долженъ былъ бороться съ возстаніемъ
Евреевъ въ Киренаикѣ, потому что извѣстное
возстаніе при Веспасіанѣ и Тирахѣ.

Въ Греціи апостолъ Павелъ найдетъ сина-
гоги въ Солунѣ, Афинахъ и Коринѣ, также
на островахъ Архипелага, на Евбей, Кипрѣ
и Критѣ (см. вышеприведенное письмо Адриа-
на).

Диаспора рано появилась въ Италіи. Фри-
дендеръ (Friedländer) въ своемъ сочиненіи „Dar-
stellungen aus der Sittengeschichte Roms“ (III, 510).

съ 6-мъ году по Р. Хр.

(*) Этотъ текстъ переведенъ на русскій языкъ:

находитъ первое указаніе на присутствіе Евреевъ въ запискахъ о введеніи почитанія Юпитера Сабазія (Sabazius) однимъ преторомъ въ 139 году до Р. др., принимая Сабазія за Саваава; но такое отождествленіе едва-ли основательно. Но несомненно то, что Юпитей прибылъ въ Римъ значительное число пионировъ Евреевъ-рабовъ, которые скоро были отпущены на волю господами. Съ тѣхъ поръ затихшая самая бедная и грязная тогда часть города (гдѣ теперь Ватиканъ) была заселена преимущественно Евреями. При Августѣ въ Римѣ было уже несколько тысячъ Евреевъ: 8000 принадлежавшихъ тогда къ децемвиріи, присланной къ императору изъ Капсѣры. При Тиберіи (въ 18 г.) Евреи были смѣшаны съ поселователями египетскихъ курьтовъ и 4000 ихъ (впрочемъ не только Евреевъ, а также и Египтянъ) были сосланы, но не надолго. Императоръ Клавдій снова изгналъ Евреевъ изъ города, но когда прибылъ въ Римъ пиониръ апостоль Павелъ въ 61 г. тамъ опять уже существовала еврейская община. Вообще сколько можно судить по найденнымъ въ Римѣ и въ другихъ городахъ Италіи еврейскимъ надписямъ въ мавзоляхъ, гдѣ находились кладбища Евреевъ, родъ этотъ, часто подвергавшійся притѣвленіямъ и сохраненію, оказался очень живучимъ и поселенію, каждаго поколѣнія въоставъ еще сильное и многочисленное.

Всего, гдѣ только Евреи ни поселились, они вод-

Фридрихъ. Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ.
Переводъ Надежды Бюшарской. 4 т. Спб. 121. (6р.)

Бурисадам ненависть туземного населения; но
 центральное правительство было къ нимъ рас-
 покладено, потому что они ему служили съ без-
 граничного ревностію. Местной власти отню-
 сившись къ нимъ не такъ дружески, но все-
 мѣхъ безпрестаннохъ и настойчивыхъ асамо-
 къ которосиъ они прибѣгали при всякомъ, да-
 же пустомъ, иногда даже множествѣ наруше-
 ній ихъ правъ. Они крѣпко держались одинъ
 за другаго и составили при всякомъ сопря-
 женовении съ асавниками одно сплоченное цѣло,
 что, конечно, какъ нельзя болѣе увеличивало
 ихъ силу. Конкурировать съ ними въ торгов-
 лѣ было чрезвычайно трудно; они всегда захва-
 тывали въ свои руки большую часть коммер-
 ческихъ дѣлъ и приобретали такимъ образомъ
 значительное вліяніе на своихъ соплеменниковъ. Они
 пользовались въ особенности сравнительно съ
 другими классами населения римской импе-
 ріи, большимъ доверіемъ самостоятельности. Импера-
 тора имперіи весьма недовольно на орга-
 низованной обществѣ всякаго рода, постоянно
 опасаясь, чтобы они не обратились въ разсѣ-
 ныхъ политическхъ договоровъ; законъ опре-
 дѣливъ со всею точностію условія, при кото-
 рыхъ подобная обществѣ могутъ быть тер-
 пимы, число ихъ членовъ, время ихъ собраний
 количество денежныхъ взносовъ, поступающихъ
 въ ихъ пользу. Исключеніе изъ этого общаго
 закона было допущено только для Евреевъ. Иеру-
 салимскіе сдѣлались центрами корпоратив-
 ной жизни, составлявшими рядъ конгрессовъ
 со всеми окружающими. Начальники синаго-
 ги были вместе съ тѣмъ и судьями, облечен-

не только право разбирать гражданские
 споры, но и карательную власть. Дисциплина
 внутри еврейских обществ была такъ вели-
 ка, что никто изъ Евреевъ не смелъ обраца-
 ться въ дѣло съ соотечественниками къ римско-
 му суду; все обсуждалось и решалось внутри
 синагоги. Такъ. обр. мы видимъ, что еврейскіе
 общины въ римской имперіи составляли по-
 то въ родѣ маленькаго государства въ боль-
 шомъ государствѣ. Они пользовались нѣкото-
 рыми особыми привилегіями: освобождены
 были отъ военной службы, не облаганы были яв-
 ляться въ субботу передъ римскими судьями;
 когда императоръ по существовавшему тогда
 обычаю раздавалъ народу подарки, если это
 случалось въ субботу, для Евреевъ назначался
 другой день. Въ Римѣ было пять или шесть
 синагогъ, имена которыхъ мы знаемъ изъ
 надписей. Синагога была мѣсто религіоз-
 ныхъ бесѣдъ и преній, позволявшихъ Евреямъ
 смотрѣть свысока на греческую агору, съ ее
 вѣчными спорами о вопросахъ театра и
 цирка. Еврейскій законъ допускалъ приме-
 не диспутъ только въ іерусалимскихъ кра-
 мѣхъ; въ немъ сосредоточивались все наче-
 церемоніи и народныя празднества, все рос-
 кошь, все оживленіе еврейскаго культа. Въ
 гонимыхъ стѣнахъ синагоги богослуженіе огра-
 ничивалось только молитвой, чтеніемъ и
 объясненіемъ священническихъ книгъ. Этотъ чисто
 духовный характеръ его соотвѣтствовалъ уси-
 ленію контраста между еврейскими моноте-
 измомъ и греко-римскими язычествами, кон-
 траста, созданіе котораго наполняло гондосою

сердца Евреевъ. Воспоминаніе о славной бою Махкабеевъ поддерживало эту гордость, и вѣровало въ него надежду на суровѣе будущее. Въ то время, когда друіе народы видѣли далеко позади себя златой вѣкъ своей религіи, Евреи основали съ увѣренностью скорого его наступленія.

Высокое мнѣніе Евреевъ о самихъ себѣ, о своей вѣрѣ естественно должно было привести ихъ къ религіозной пропагандѣ, хотя она вообще и чужда духу еврейскаго народа. Палестинскіе Евреи, замкнутое въ самихъ себѣ, полное обращеніе ко всему иудейскому, сохраняли болѣе отрицательное отношеніе къ другимъ культамъ, но Евреи Діаспоры, поставленные лицомъ къ лицу съ греко-римскими мірами, не могли устоять противъ желанія угождать его въ превосходствѣ иудейства. Ихъ побуждало къ тому самое предубіеніе, съ которымъ Греки и Римляне относились къ еврейской вѣдѣ и національности. Важное значеніе имеетъ здѣсь греко-еврейская литература особеннаго характера, о которой мы скажемъ ниже нѣскольکو словъ.

Для распространенія христіанства очень важна была еврейскія община. Ответственно, разбросанная по всей имперіи, усвоившая греческій языкъ, на которомъ у нихъ совершалось богослуженіе, Евреи Діаспоры считались главными проводниками христіанства, когда новое ученіе распространилось въ средѣ ихъ общины, и приобрѣли себѣ гораздо болѣе пріятельствъ, чѣмъ того можно было ожидать, судя по насмѣшкамъ и презрѣнію, съ которыми относились къ гуржевинскимъ вѣроу-

цать граждане всемирной империи. Это стремление к пропаганде доходило иногда до крайности и вынуждало мотивации не всегда чистыми, об этом сохранилось свидетельство в Евангелии от Матфея: „Горе вам, книжники, фарисеи, иудеи, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, говорите его сыном геенны, чтобы судить вас.“ (Глава XXIII, ст. 15).

Поразительнейшей чертой является ревность Иудеев к обращению в свою секту:

... ac veluti se
Iudaei cogemus in hanc concedere turbam
(Sat. I, 4, 142).

По словам Иосифа Флавия в греческих переводах в I в. по Р. Хр. это стремление было еще сильнее: не было ни одного города, где бы не праздновалась суббота, не соблюдались посты и воздержание сатанинских. Речка прямо говорит, что Евреи, подвигнувшись одною отношением, являются подвигателями в другом. Эти интересные и важные слова философа приведены у Блаженного Августина: „между тем же грехом (привычки) этого презренного народа получила такую силу, что принятые уже во всех землях и Евреи подвигнутые доми подвигателями свои законы. Но они все-таки знают высь своего богословия, а большая часть народа сроду не принимает, не понимая, для чего она это делает.“ (Dion. Cassius (XXXVII, 17) также

*) „Cum interim usque eo sceleratissimae gentis consuetudo convaluit, ut per omnes jam terras

заключаетъ, что названіе *Евреи* и *Еврейство* отно-
сится не только къ известной странѣ и пле-
мени, но и къ другимъ людямъ, которые соблю-
даютъ ихъ законы и обычаи, будучи сами ино-
земцами. Этими онъ указываетъ на то, что
одна иудейская воѣра отвечала на религіо-
зные запросы, занимавшие умы ислѣдующихъ лю-
дей. Съ особенною гордостью *Госиоръ Флавій*
говоритъ объ обращеніи къ иудейству владѣ-
тельнаго царскаго дома *Изата Агриагенскаго*
(во времена *Клавдія*), который находился въ
вассальныхъ отношеніяхъ къ *Римскому*
царству.

Важная отличительная черта еврейской
воѣры состояла въ томъ, что, тогда какъ все
другіе иностранное кумбты, въ томъ числѣ
и *Диевдинскія* таинства, и все вообще эа-
рестскія религіи обращали свои воѣры назадъ,
искали идеаловъ въ далекомъ прошломъ, въ-
рши въ существованіе раѣ въ незапамятныхъ
временахъ стдгой и глубокой древности, еврейская
религія первая восторженно указала на бу-
дущее, обратила впередъ воѣры мурмаго со-
мнѣніями челоѣчества, дала ему надежду,
вселила въ сердца твердую и свѣтлую воѣру
въ грядущее блаженное царство *Мессіи*. Этими
объясняется отчасти значительный успѣхъ
пропаганды Евреевъ *Діаспоры*, поставившей
лицомъ къ лицу съ греко-римскими мірами.
Проникнутое непоколебимымъ сознаніемъ

recepta est, victi victoribus leges dederunt. Illi ta-
men causas rectus sui noverint, sed major pars po-
puli facit, quod eae faciat, ignorat. (de civitate dei,
VI, 11)

единоспасателем высоты своей втора, они не
могут устоять против искушения обратитъ въ
нее и другіе и первое доказательство маѣ на веру
ру языческихъ культами греко-римскаго мира, пер-
вое потахоты сдѣлать свое учение съ греко-
римскою религіею и философіей

Во отношеніяхъ Евреевъ къ проселитамъ
обыкновенный иудейскій фанатизмъ является смя-
теннымъ знаменителнаго Давида терпимости. Древ-
ній еврейскій законъ повелѣлъ иноплеменнымъ жидъ
высѣсть съ Евреями подѣ тѣми же условіями, что
бы они соблюдали субботу, ятили лишь Господу,
не употребляли въ пищу ни мяса задушеннаго
животнаго, ни крови и вообще избѣгали все-
го нечистаго Израиле. Основываясь на
этихъ повелѣніяхъ, Евреи не требовали отъ про-
селитовъ подчиненія своимъ правиламъ, соблю-
денія всего обряда еврейскаго закона. Без-
условно обязательными для проселитовъ ста-
тались, съ I в. до Р. Хр., семь заповѣдей, запре-
щавшихъ лишь богоуцѣство, поклоненіе идоламъ,
убійство, противобратственное пороки, почи-
щеніе курьей собственности, употребленіе въ
пищу крови и неповиновеніе властямъ. Но эти
мало рабвиновъ эти заповѣди даны были бо-
гомъ Ного и имѣютъ одинаковую силу для
всѣхъ народовъ (такъ какъ они все прочее
даны отъ Ного), въ противоположность запо-
вѣдей, данныхъ лишь для сыновъ Авраама,
т. е. для еврейскаго народа. Сверхъ того просели-
та дожили Давида, и въ уваженіе къ религіозна-
му чувству Евреевъ, соблюдать субботу, неупо-
треблять въ пищу мяса животного, принесен-
наго въ жертву языческимъ богамъ и т. д.

Въ иерусалимскихъ храмахъ были алтари, предъ которыми проеимство могли приносить свои жертвы. Въ синагоги проеимство допускалось, сколько известно, безъ степеней. Это были такъ называемые проеимства воровъ. Но возможно было и верное присоединение къ иудейству, формальное вступленіе въ эту теократическую общину. Для этого обязательна были три условия: 1) обращение, 2) крещеніе и 3) жертва. Особенно интересенъ второй обрядъ крещенія: его нѣкоторое сопоставленіе съ упоминаемымъ въ Священномъ Писаніи крещеніемъ Іоанна. Вопросъ о древности протестантскаго крещенія черезъ погруженіе въ воду нѣмцы считаютъ совершенно рѣшеннымъ. Главнымъ препятствіемъ къ обращенію проеимство въ полноправнаго и полноправнаго Еврея было отращеніе Грековъ и Римлянъ къ обращенію, казавшемуся имъ снотного и унизительнаго операціею. Имъ объясняется, почему было, отчасти и то обстоятельство, что полное обращеніе въ еврейство женщинъ совершалось легче и чаще, чѣмъ полное обращеніе мужскихъ. Но свидѣтельствомъ многихъ классическихъ писателей женскаго дѣйствительно были очень восприимчивы и падки къ новому ученію. Какъ, напр. известная Поппея, молодница Нерона, принадлежала къ числу тайныхъ почитательницъ еврейскаго закона. Овидій совѣтуетъ молодымъ людямъ, желающимъ видѣть городскихъ красавицъ, подстерегать ихъ у входа въ синагоги. Влеченіе къ иудейству имѣло тогда еще источникъ, какъ и обаяніе мистерій и восточнаго виро-

важней — потребность въ религии, говорящей сердцу, рисующей утешительную картину будущаго, далекой отъ фанатизма вымершихъ народовъ и кривотовъ. Это было ясное, не требующее дальнейшего подробнаго истолкованія. Понятно также, что религія, усвоившая себѣ монотеизмъ Евреевъ безъ его чуждой и часто отталкивающей обрядности, должна была найти многочисленныхъ почитателей среди еврейскихъ прозелитовъ. Эта среда была особенно предрасположена къ принятію христіанства.

Раньше еще мы упоминали о другой попыткѣ Евреевъ сдвинуться съ греко-римской цивилизаціей въ области философскаго мышленія; мы упоминали о томъ, что возникла чуждая особая греко-еврейская литература. Остановимся теперь на этомъ въ высшей степени интересномъ явленіи.

Предубежденіе противъ Евреевъ было настолько сильно въ особенности въ первое время посылки ихъ разселенія по имперіи, что защитниковъ ученія, идущаго отъ нихъ салишь, немногіе стали бы слушать. Поэтому Евреи прибѣгали къ средству, весьма популярному въ то время и раньше принявшемуся съ успѣхомъ Ново-Платоническими. Они стали фальсифицировать апологетическія сочиненія на греческомъ языкѣ и распространять ихъ подъ фирмой древнихъ философскихъ писателей, прикрываясь ихъ авторитетомъ, доказывая, что ихъ догматы тождественны съ идеями извѣстныхъ умовъ древней Греціи, заимствовавшими или изъ еврейскихъ книгъ. Всѣмъ этимъ подготовлено было двоякаго

рода: съ одной стороны онъ вносилъ въ египет-
ский миръ, неизлечимо для него самого, чуждый
идеѣ представлений, свойственныхъ иудейству,
съ другой стороны — возбуждалъ интересъ къ
иудейству, означеніи поднакопиться съ нимъ
подвижне и смущеніи такъ обр. одними изъ ко-
венныхъ путей еврейской пропаганды.

Особенно богаты подобными продуктами
II вѣкъ до Р. Хр. Местомъ ихъ появленія была
по большей части Александрія, убогая сра-
ница диаспоры, главная точка соприкоснове-
нія ея съ Римомъ. Въ одной изъ книгъ,
приписываемой Орфею, Моисей выставленъ
ся единственнымъ изъ смертныхъ, видевшимъ
Бога, и принесшимъ на землю его законъ, на-
писанный на двухъ скрижаляхъ. Въ другой
Фоклидѣ, полумифическій подѣтъ Древней Гре-
ціи, проповѣдуетъ мораль, заимствованную от-
части изъ Аристотеля, отчасти изъ Моисе-
ева пятикнижія. Позже въ I вѣ до Р. Хр. по-
являются въ Ефесѣ мнимая писмена Геракли-
та, въ которыхъ извѣстной Еврей подѣ иас-
кой древняго ефесскаго философа осматриваетъ
идеальство и выставляетъ на видъ все припи-
сства еврейскаго закона. Александрійскій
Еврей, Артапанъ, старается доказать торже-
ство Моисея съ мифическими мифами, кото-
раго Греки считали своимъ древнѣйшимъ
подѣтомъ; Моисея же онъ приписываетъ изго-
бреніи писмена и распространіи его ме-
жду всеми народами. Особеннымъ уважені-
емъ Грековъ и Римлянъ пользовались такъ
называемыя предсказанія Сивиллы; къ этимъ
предсказаніямъ Евреи прибавляютъ чуждый

рядъ новыхъ пророчествъ, такъ искусно перемешавъ одни съ другими, что обманъ не былъ разгаданъ ни эврейскими писателями, ни иудеями. У Вергилия, напр. мы находимъ ссылку на такіе предсказания Сивиллы, которая несомненно принадлежитъ къ числу тенденціозныхъ еврейскихъ добавокъ. Въ этихъ добавкахъ Уранъ отождествляется съ Иосифъ, Сатурнъ, Митра и Япетъ съ Силомъ, Нимомъ и Тарфетомъ; низверженіе Митрановъ приписывается Богу Авраама. Однимъ словомъ еврейскій монахишескій плетъ и находитъ для себя искусственные точки опоры въ многообразныхъ сказаніяхъ, переработанныхъ и перетолкованныхъ на заранее заданную тему. Подделки эти были явленіемъ обыкновеннымъ, ежедневнымъ и никому изъ насъ авторовъ не пришло въ голову, что это обманъ или подлость. Во время этихъ подложныхъ сочиненій говорится о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, воскалываетъ твердая надежда на скорое пришествіе Мессіи, на утвержденіе новаго, лучшаго порядка на землѣ. Если общеніе Евреевъ съ язычниками не могло остаться безъ вліянія на поведеніе, то ставъ же неспособнымъ было и обратное дѣйствіе его. Соприкосновеніе съ греческой цивилизаціей отразилось на умственномъ движеніи діаспоры и создано особымъ типъ еврей-инициала. Переводъ Библии на греческій языкъ не даромъ возбуждалъ недовольство безчисленныхъ поклонниковъ старина среди Палестинскихъ Евреевъ. Но моткомъ израильскаго раввина. Сильно не могло остаться пренебреженъ съ такой поръ, какъ сталъ говорить на языкъ Тарфета.

Языки еврейский и греческий такъ туже другъ другу, что при переводѣ перваго на послѣдній многое должно было быть передано несовсѣмъ точно въ во-размѣнѣ, замѣстивающае изъ еврейской лите-ратуры и вносящее незамѣтно новый смыслъ въ старое изреченіе. Это было только первой шаго къ внутренней переработкѣ іудейскаго. На-катавъ переводчикъ Библии, она была довершена знаками Евреевъ съ Греческой философій. Книга Теракифа, Платона, стоиковъ, Еврей-змислитель видѣлъ въ нихъ много общаго съ вѣровавшими синагоги. Ученіе Платона о па-деніи души напоминало ему библейское ново-ствование о грѣхѣ перваго человека; махада стоиковъ на испорченность человѣческой при-роды казались ему отголоскомъ еврейскихъ про-роковъ и псалмопѣвцевъ. Представленія фи-лософовъ о божествѣ единомъ, безконечно возво-мощающа нашь міръ, совпадало въ его гла-захъ съ еврейскими чреченіемъ о Богѣ. Мы видѣ-ли уже, что въ еврейскихъ сферахъ этого вре-мени преобладаало стремленіе согласить нѣжны-амеогорическаго толкованія старыхъ религіозныхъ преданій съ новыми философскими взглядами; такое же стремленіе наблюдается и въ средѣ Евреевъ діаспоры, въ особенности въ средѣ александ-рійскихъ писателей — философовъ. Они стара-ются доказать, что единственнаго источника истинной мудрости является еврей-скій книги ветхаго Завета. Съ это целью они во-первыхъ, какъ мы говорили, издають чуждыя книги въ духѣ еврейскаго Закона, приписывая ихъ уважаемымъ писателямъ греческой древно-сти, или, по крайней мѣрѣ, очень искусно пере-дѣ-

мываютъ въ этомъ духѣ некоторые мнѣта
изъ подлинныхъ сочиненій; въ вторыхъ пишутъ
апокрифическія еврейскія книги, сближая въ нихъ
еврейское ученіе съ греческой философіей, утвер-
ждая, что Гомеръ, Гесиодъ, Платонъ, Аристотель
и другіе пернали свое мудрость изъ закона
Моисея. Такого рода апокрифическаго проис-
хожденія, напр. книга о „Премудрости Соломо-
новой“ и Четвертая Маккавейская книга, оза-
главленная „О царствѣ мудрости“^{онъ}
написаны ученими Евреевъ, усвоившими пла-
тоновскія и стоическія понятія и старавшимися
сблизить ихъ съ еврейскими догматами.
Такъ обр. возникло въ трудахъ философски обра-
зованныхъ Евреевъ такое особое теософическое
ученіе.

Такъ Аристобулъ, александрійскій философъ
Еврей, современникъ сорока семи толковниковъ,
называетъ Бога не творцемъ, а образователемъ
вселенной; принималъ такъ обр. къ ученію Пла-
тона о матеріи, существовавшей отвъ вѣка.
Анаръ именемъ руки Божіей создается, по сло-
вамъ Аристобула, понимая Божественную
силу, анаръ именемъ руки Божіей — дѣйствіе
абсолютной причины. Премудрость (σοφία) она
создательство, какъ отдаленное, самостоятель-
ное существо (премудрость ипостасируется), со-
ставляющее переходъ отъ Бога къ міру; въ изо-
браженіи ея входятъ многія черты, заимство-
ванныя изъ стоическаго ученія о Логосѣ, о ду-
шѣ вселенной (Соφία = Логосъ). На премудрость
переносится много чертъ самого Бога: говорится,
что она дѣлаетъ (ἀγρίς) сила Божіей, чистое
истеченіе (ἀπόρροια) всемогущей славы, отдаленъ

(ἀναβύβρα) высшего света, что она знает
 весь духа Иосифа, присутствовала при со-
 творении мира, сама ведет править и все возво-
 дит. Вообще у Аристотеля замечательно сильное
 стремление к упорядочиванию Премудрости,
 что благодаря поэтическому или, скорее, ри-
 торическому характеру его выражений, много
 кажется несовсем ясным. Но выражений, ко-
 торыми он побуждается для описания деятель-
 ности премудрости в мире и особенно указа-
 ние на четыре главные добродетели (φρόνησις,
 σωφροσύνη, δικαιοσύνη и ἀνδρεία) прямо напоми-
 нают формулы стоической школы, а вре-
 ние о предсуществовании души и о том, как
 теленный духа заимствована из Платона.
 Но классический представитель иудейско-
 эллинистической философии был Филон,
 современник Иисуса Христа.

По Иосифу Флавия он был брат Алабара
 Александра, сына александрийского еврей-
 ства, человека извещного своим богатством
 и значением во всем римском мире, и сего-
 довательно принадлежал к одной из знат-
 нийших фамилий. Вторым и несомненным
 фактом из его биографии — это его участие в по-
 собстве Евреев к Калпурius в 40 г. по Р. Хр.,
 когда он уже был в преклонных летах,
 а родился он около 20 лет до Р. Хр. Его фило-
 софский взгляд и прием тот же, что и у Ари-
 стотеля. Моисеев патристизм составляет
 единственный источник мудрости. Все, что
 в нем написано, внушено Богом и каждое
 слово имеет значение. Вот Моисеев закон
 и у греческих философов находят много

моменты истины, напр. у Платона, у Писагора (которых он называет священными мечами), Аристотеля, стоиков; но все, что он гордится греческая философия, весь результат греческой мысли — только отголосок, повторение или умножение того высшего учения, которое записано в Законах и книгах Евреев. Для доказательства своего взгляда на законы Моисея, как на единственный источник истины, на самого Моисея, как на Спасителя мира он прибегает к приему аллегорического объяснения текста птоломеев. Для этого он старается все, что ему правится в греческой философии указать прежде всего посредственно глубокого и аллегорического толкования в еврейских (Hieisinteregration) и доказать уже просто доказывает, что высшая истина, провозвущенная только или другим философам, очевидно заимствована из Моисея. Филон — главный притан иудейско-христианской философии. Формально он держится иудейского принципа откровения и всеми философскими построениями старается зацепить только отеческую веру. Но этикет главным стремлением еврейской александрийской школы не исчерпывается ее характер. Рядом с ним действительно было единение с идеями греческой философии, который не замедлил оказать свое влияние. И Филон до того проникся учением Платона, так что можно развить и конкретизировать его основные положения, что он и говорит: „Либо Платон философов, либо Филон платонизует (Aut Plato philosophat, aut Philo platonizat).“

Система по представляет еликое теософическое здание, построенное на разнообразных фундаментах еврейской теологии и греческой, Платоновой, Аристотелевой, Стоической и Пифагорейской философии.

Въ учении Платона о Боге, какъ нежная мысль, господствуетъ дуализмъ, противоположность Бога съ миромъ. Божество есть смы. Оно не имеетъ ни меры, потому что не имеетъ свойствъ, и если мы приписываемъ ему извѣстные свойства, то лишь по слабости человеческого ума. Богъ выше всякой добродетели и всякаго совершенства. Онъ лучше блага, лучше единства, прекраснее красоты. Богъ непостижимъ, человеческий разумъ не можетъ возвыситься до полного понимания Бога.

Какъ же такой совершенный Богъ можетъ вступить въ соприкосновение съ матеріей, съ несовершеннымъ миромъ и грехами, слабостями человеческими? Непосредственное соприкосновение могло бы осквернить чистое божество. Поэтому оно можетъ действовать въ миръ только при помощи посредствующихъ причинъ, при помощи смы, который возманиваетъ связь между Богомъ и миромъ. Для ближайшаго опредѣленія этихъ посредниковъ между Богомъ и миромъ Платону можно указать четыре представленія: идеи Платона, действующие причины стоиковъ, иудейскіе ангелы и греческіе демоны.

Въ этихъ различныхъ представленіяхъ мы вспоминаемъ, но въ особенности стоическіе учения о словахъ.

. Прежде сотворенія чувствительнаго мира Богъ

создать духовные первообразы всяких вещей. Эти первообразы или идеи нужно понимать иначе, чем то, как, каковы сущности, которыми управляют (управляют) безблудную материю. Посредством этих сущностей Бог действует во мире. Это его силы и наставники, посланники и посредники между Богом и конечными вещами, второй или части всеобщего разума. У Моисея они называются ангелами, у Грехов — демонами.

Но особенно важное место у Филона занимает учение о Слове Божием. Можно сказать, что здесь сосредоточивается все содержание александрийской еврейской школы; но здесь же всего яснее обнаруживается и двойственность почти насильственно соединенных направлений и результатов их, неустойчивость, нестойкость учения Филона. Александрийский иеромонах хотел соединить воедино ветхого Завета с идеальным учением Платона. Филон представляет Слово (Логос), как первую манифестацию Божественной силы. Слово находится во Боге; во нем соединяются понятия о сущности и преемственности. Оно есть первоначальное слово, первый архангел Бога. По его образу сотворены чиноначальники, и во этом смысле оно называется совершенным чиноначальником, небесным Адамом. Бог сотворил мир, но посредством своего Слова. С другой стороны, следуя идеальному учению Платона, Филон усиливает объяснение Слова первоначальными идеями Платона. Он называет его высшими единствами идей или первоначальными формами, типами, по которым создано все творение, идею идей, идею красоты,

истины и блага. А подъ влияніемъ стоицизма Слово явится у него душою всемірной. Отноше-
ніе Слова къ Богу Филонъ выражаетъ сравненіемъ
его мыслию внутреннею и мыслию, высказанною
въ словесахъ. Какъ слово есть проявленіе Бога,
его орудіе, такъ ангелы суть орудіе слова, испол-
нители его воли, посланники Бога. Слово яв-
ляется посредникомъ между Богомъ и міромъ,
но и обратно, между міромъ и Богомъ: онъ
первосвященникъ, приносящій Богу кадматейро
за міръ. Можно сказать вообще, что миссія
у Филона не проявилась такъ сильно, какъ
никогда его мыслью задана, какъ въ ученіи о
Слове. Самое значеніе Слова — Логосъ у него двой-
ственное. Это оно Слово, то Разумъ, смотря
потому, беретъ ли вера въ его совнаніи ветхій
Завѣтъ или Новаго. Еще въ сдѣлывающъ ученіи
объ ангелахъ хорошо обнаруживается его силь-
ная попытка соединить иудейство съ греческою
философіей. Подъ именемъ ангеловъ Филонъ ра-
зумаетъ и идеи, и силы, посредствомъ кото-
рыхъ онъ осуществляютъ. Ангелы различны.
Самое Слово, какъ манифестация, какъ орудіе
Бога, называется первымъ верховнымъ арханге-
ломъ. Силы, посредствомъ которыхъ Слово осу-
ществляетъ идеи, въ немъ заключаются, такъ
же ангелы, Ангелы, наконецъ, вѣстники божес-
веннаго Слова.

Несравненно ближе ученіе Филона о Духѣ, пото-
му что Духъ онъ не выходитъ изъ круга вѣт-
хозавѣтнаго воззрѣнія и ничего не заимству-
етъ изъ философскихъ системъ Греции. Духъ
является у него, какъ начало жизни для міра
и начало премудрости для человека. Онъ — приципъ

раствъ Божия, открывающаяся въ твореніи. Онъ-
 дышаніе, наполняющее и проникающее все созда-
 ніе. Филонъ, почти впервые, поднакопиль языческое
 словотворство съ ученіемъ священныя книги еврей-
 скаго народа о единомъ Богѣ, его Слово и Духъ,
 передаетъ это учене на языкъ Платона, достига-
 ный велику греко-римскому обществу и темъ
 подготовилъ умъ къ принятію христіанства.
 Филонъ первый поставилъ определенное уче-
 ніе о среднѣ между Богомъ и міромъ суще-
 ствѣ, учене, загадки, котораго находимъ и
 въ еврейской теологіи и въ греческой филосо-
 фіи. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ уче-
 ніи Филона о миротвореніи и мироуправленіи.
 Все сущее не можетъ быть производимо отъ
 Бога, потому что злое, несовершенное не можетъ
 имѣть своего принципа въ Богѣ даже посред-
 ственно. Оно происходитъ отъ втораго прин-
 ципа, изъ матеріи (ΰλη = стоическій ὀὐσία).
 Это масса безкачественная, безформенная,
 безсмысленная, неподвижная и неупорядоченная,
 изъ которой Богъ, посредствомъ Слова и бо-
 жественной силы образовалъ міръ. Только
 объ образованіи, а не о твореніи въ собственномъ
 смыслѣ можетъ быть рѣчь у Филона, ибо
 матерія не имѣетъ своего принципа въ Бо-
 ге, но ставится рядомъ, какъ Другой принципъ.
 Какъ мирозданіе, такъ и миродержаніе
 совершается посредствомъ Слова и божествен-
 ной силы. Второе есть только продолженіе
 перваго, то, что мы называемъ естественными
 законами есть только совокупность правилъ-
 ныхъ божественная дѣятельности.

Въ антропологии Филонъ вводитъ премуд-

существенно Платону, тутъ выступают на
 видъ дуалистическая основа системы. Филонъ
 выходитъ изъ предположенія, что все воздуже-
 нное пространство наполнено душами. Тутъ
 изъ нифъ, которыхъ живутъ выше - суть ангела-
 ми демона, посредничающие при отноше-
 нияхъ между мірами и Богомъ. Тутъ, которое
 ниже, привлекается чувственностью и поселя-
 ются въ человеческія тѣла. Душа человека
 поэтому есть нифъ иное, какъ одна изъ тѣхъ
 божественныхъ силъ, тѣхъ истечений божества,
 которыхъ въ первоначальномъ состояніи на-
 зываются ангелами или демонами. Тѣло
 питающая и чувствующая душа происхо-
 дитъ отъ Захатія (эфирическое рожденіе), на-
 противъ разумъ приходитъ къ человеку изъ
 вышъ. Человѣческое - нѣгма есть истечение бо-
 жества. Тѣло-животная часть человека, не-
 точныйъ великаго зла, тѣлница духа, ее грѣхъ.
 Цѣль вѣчнаго существованія - ее освобожденіе
 изъ этой тѣлницы тѣла и вознесеніе
 ее въ высшія области послѣ периода мученій.
 Такъ какъ чувственность сама по себѣ - зло,
 то грѣхъ производитъ человека. Никто не мо-
 жетъ освободиться отъ грѣха, хотя бы на-
 одинъ день. Понятіе Филона о нравственной
 свободѣ человека несовѣтливъ ясно; онъ гово-
 ритъ, что человекъ находится въ постоян-
 номъ колебаніи между добромъ и зломъ, ду-
 хомъ и матеріею. Когда быть добрымъ, чело-
 вѣку недостаточно собственнаго силъ, всякій
 добродѣтель идетъ отъ Бога, истинная нрав-
 ственность есть подражаніе божеству. Сред-
 ство приближиться къ божеству и отринуться

отъ гнета матеріи — аскетизмъ, экстазъ, анту-
зіазмъ.

Филоновъ является наиболее выразительный
представителемъ учений, въ которыхъ соверши-
лось соединеніе выводовъ западной и восточной
философской мысли. Нурно было смѣсь Филона
двухъ великихъ теченій исторіи религіозно-
нравственнаго развитія человечества. Такъ, обр.
далеко расширился умственный кругозоръ греко-
римскаго міра, въ сознание котораго втѣснѣ-
лось много новыхъ понятій. Этотъ міръ, знахо-
дившійся въ содержаніи священныхъ книгъ еврей-
скаго народа, привыкая смотрѣть на нуръ
съ уваженіемъ, невольно воспринималъ и много
идей каинъ и върованій Евреевъ, подготовлен-
ныя къ принятію христіанства. Все религіозное
развитіе Евреевъ было подготовлено къ хри-
стіанству.

Изъ этого смѣся значеніе Филона въ исто-
ріи религіозно-философскаго развитія древ-
няго человечества необходимо велико, и неудо-
влетительно, что къ нему примыкаетъ очень мно-
го системъ и на востокъ и на западъ (разно-
троніе которыхъ изъ за недостатка времени
должно оставить), въ которыхъ видны также
попытки дойти до раскрытія тайнъ божес-
тва и творенія и согласить въ Роканъ об-
щественныя ученія все предшествовавшее философскія
направленія.

Все это содействовало объединенію нравственна-
го, нравственнаго и религіознаго запаса вещей
прошлаго вѣка, содействовало въ значительной ст-
пени созданію, выработкѣ и торжеству новой, ва-
сской, всемірной религіи.

Христиане въ Римѣ. Отношеніе къ нимъ римскаго правительства. Тоненія.

Итакъ мы уже видели, что въ ограниченной совокупности племенъ, которая составляла имперію, существовали очень разнородныя потребности религіозныя, истинный нравственный прогрессъ, который побуждалъ людей искать кумира и стаго, безъ суетныхъ обрядовъ, безъ кровавыхъ жертвъ, существовало стремленіе къ монотеизму, которое приводило къ признанію всенародно многихъ расказовъ священныхъ и непонятныхъ; существовало всеобщее чувство симпатіи и любви, которое возбуждало желаніе общенія, необходимость единенія, чтобы не лишиться взаимности, чтобы поддерживать и утѣшать другъ друга. Въ Малой Азіи, Греціи, Сиріи и Египтѣ было множество добрыхъ и смиранныхъ, но жесткихъ и высококонравенныхъ людей, возмущенныхъ картиною владычества римской аристократіи, полныхъ невыразимаго ужаса передъ кровавыми зрелищами, дававшимися на аренѣ римскихъ амфитеатровъ, въ которыхъ Римъ изъ мученій сдѣлалъ удовольствіе. Подымались громкіи и страшный протесты нравственнаго возмущенія челоушества, и не было сереца для его нетолкованія, не было бога, который бы спасалъ насъ отъ стоианій несчастнаго страдающаго челоушества. Рабство вопреки гласу философовъ оставалось непоколебимымъ.

Да и какъ можно было ожидать, чтобы эти бездушные боги, загатыя радостью и первоисточного фантазіи, нашими лѣкарствомъ противъ та-

кихъ указывать благодней? - Нѣтъ, лучшие люди отыскивали небеснаго отца, который за оутѣшительнѣйшій челоука и поощрять ему награду, жила ли страстно будущаго царства правда, въ которомъ земли принадлежала за славы и добродѣтели; хотѣли добиться увѣренности, что, если челоукъ страдаетъ, это для него не убытокъ, а что за пределами этихъ печальныхъ горизонтовъ, которые заволакиваютъ ^амы, есть блаженныя поля, на которыхъ челоукъ найдетъ когда нибудь утѣшеніе въ своихъ страданіяхъ. Новая религія была необходима и она вышла изъ лона иудаизма.

Теперь намъ следовало бы обратиться къ исторіи распространенія христіанства въ римской имперіи, но на этотъ вопросъ долго останавливаться не приходится: подробное изложеніе его въ, вѣроятно, услышите въ другой лекціи, и мы ограничимся только самыми необходимыми замѣчаніями, поставивъ два три основныя замѣчанія и обративъ затѣмъ къ разсмотрѣнію другихъ главныхъ элементовъ ново-европейской цивилизаціи.

Чтобы поставить ясно на ясную почву и ближе опредѣлить его гущину, выставимъ прежде всего вопросъ: въ какомъ положеніи находились христіане въ римской имперіи, каковы были опредѣлялись къ юридическіе отношенія къ римскому государству и обществу, кака была причина и какой характеръ гоненій, воздвигавшихся противъ нихъ даже лучшими императорами? Затѣмъ, когда мы ответимъ на этотъ вопросъ и дойдемъ до констатированія факта несомнѣннаго торжества христіанства, намъ останется

только сказать несколько словъ о елпидевитѣ
великой подвѣда новой религии, подвѣда, имѣю-
щей глубокое всемірно-историческое значеніе.

Относительно перваго вопроса о юридическомъ
положеніи Христіанъ въ Римѣ мы уже нѣко-
гда дали отвѣтъ раньше, говоря о распростра-
неніи и значеніи еврейской діаспоры. Мы видѣ-
ли, что въ Римѣ существовала еврейская общи-
на довольно значительная, было нѣсколько сина-
гоговъ на правомъ берегу Тибра. Мѣсто, гдѣ нахо-
дилась римская гавань, гдѣ выгружались то-
вары, привозимые изъ Остии, было все заселено Ев-
реями и Сирійцами, занимавшимися главнымъ
образомъ ремеслами и мелкою торговлею. Чи-
сло ихъ все увеличивалось новыми переселенца-
ми. Евреи, какъ и прежде, пользовались защи-
того правительствомъ, ихъ законъ и религія не
преслѣдовались. Съ другой стороны благодаръ
презрѣнію, съ которымъ относились къ нимъ
люди высшихъ слоевъ римскаго общества и ко-
торое заставляло этихъ людей драгаться отъ
Евреевъ, эти послѣдніе могли свободно и спокой-
но жить въ отведенномъ имъ углу города, жить
своею жизнью, своею религіею, своимъ мировоззрѣ-
ніемъ. Угловой мѣръ и дѣйствительно на рим-
ской набережной, гдѣ сваливались въ куру то-
вары со всего міра, и гдѣ собирались много-
численные переселенцы изъ дальняго Востока.
Но эти новыя, пришлые идеи, которые по-
дбивали основы римскаго государственнаго
и общественнаго строя, терялись въ негнущае-
момъ шуме большого города, и горделивой
римской патриціи, который во время своихъ про-
гулокъ по Авентину бросалъ небрежный взглядъ

на ту сторону Тибра, и не подозревая, что
целое будущее готовится въ бѣдныхъ киди-
нахъ, спящихъ у подножія Акикура.

Очень естественно, что въ римскую общину Евреевъ, около 50 года по Р. Хр. прибыли нѣсколь-ко Сирійскиѣ Евреевъ, уже утвердивши въ дру-ста и сообщении вѣру, которая нѣмъ ослѣплен-на, своимъ товарищамъ и свѣдѣтелямъ. Тамъ въ средѣ Евреевъ образовалась зерно кри-стіанской общины въ Римѣ; но въ то время никто не предполагалъ, что основатели новой имперіи, новые Римляне живутъ въ гравинахъ и убогихъ осимингахъ еврейскаго квартала. Новые христіане не отличались Римлянами отъ Евреевъ и подѣл прикрѣпленъ этого сѣв-ненія долго раздѣляли въ Еврейскихъ покровитель-ство законовъ и изъбавили гоненій.

Такое помянутое, впрочем, не могло ^{продолжиться} продолжаться. Въ это время въ савинныхъ ^{вѣкахъ} основаніи христіанства, въ савинныхъ ^{вѣкахъ} вѣкахъ еврейско-христіанскихъ общинъ гуд-
божій несогласіе раздѣлило новыя поспѣдова-
тели христа. Образовалось два направле-
нія, которыя находились между собой въ борь-
бѣ: Иерусалимская церковь, во главѣ которой
стояли апостолы Петръ и главный образователь
Яковъ, упрямно привѣщавшая къ иудейству, ко-
торая во что бы то ни стало сохраняла ев-
рейскую исключительность и отказывалась
отъ всякаго общенія съ язычниками, нехотѣв-
шими подчиниться всѣмъ строгостямъ обря-
довъ еврейскаго закона. Другое направленіе,
направленіе Павла, апостола язычниковъ,
утверждало, что держаться буквѣ еврейскаго

закона значитъ оскорблять или Христа, такъ какъ так. обр. явилось предположение, что то или другое дѣйствіе, то ли или другой обрядъ въ древн. еврейскаго закона можетъ спасти вѣрующаго по-мимо заслугъ Христа. Первая партія была стро-го консервативная, вторая можетъ быть назва-на прогрессивною.

Борьба между этими двумя партіями - іудей-ствующими христианами и христианами изъ адептовъ, ученые Тюбингенской школы придаютъ весьма важное значеніе и на ней строятъ все выводы въ изслѣдованіи исторіи перваго века христианства. Борьба привелъ къ тому заклю-ченію, что въ саивших древнихъ и несомненно по подлиннымъ памятникамъ христианской письменности до насъ дошла сифасное письмо по-сланія апостола Павла (къ Римлянамъ, къ Ко-ринѳянамъ, два къ Галатамъ), такъ какъ у насъ первыхъ отцевъ церкви вѣтрѣаются указанія на нихъ. Но въ этихъ посланіяхъ ап. Павелъ по-мимидируетъ противъ іудейскаго направленія въ христианскихъ адептахъ, поимидируетъ съ Петромъ, который находился во главѣ мѣр, со-звѣщающаго за сохраненіе еврейской Ветхозавѣт-ной обрядности. Выставляя впередъ и формули-руя саившихъ родкии образамъ эту тенден-цію, основателю тѣодина. школы помѣраетъ точ-ку опоры для проверки и критики другихъ ис-точниковъ. Онъ разсуждаетъ, что если при жизни Павла эта борьба существовала, то она дол-жна была естественно отразиться на всѣхъ со-временныхъ памятникахъ. Если же не было от-крытѣ сифасовъ этой борьбы въ томъ или другомъ сочиненіи, то слѣдуетъ заключать, что оно отно-

сится въ Фругану позднѣйшему времени. Среднее
мнѣно занимаютъ такіе приводенія, какъ въ
нѣ апостоловъ, гдѣ съ одной стороны остаются
еще довольно ясныя указанія на существовав-
шія противоположности, а съ другой замѣчают-
ся стремленіе сгладить и затуманить гдѣ. Че-
твертое евангеліе, несправедливо приписываемое
апостолу Франку, въ которомъ уже почти ника-
кихъ слѣдовъ іудействующаго направленія; будѣтъ
очевидно самымъ позднимъ изъ евангелій. По сво-
ей точкѣ отправления критика молодина. нко-
ла называется Гепдох-критикъ, критическою тен-
денціею.

Итакъ цѣлѣю дѣли сдѣланъ со стороны іу-
действующихъ христіанъ, и въ роли примирите-
ля выступаетъ апостолъ Петръ, который самъ,
говоритъ, придѣвъ въ Римъ и началъ проповѣд-
вать христіанство между язычниками.

Углубляясь въ подробности этого вопроса я
не буду; упомянуть о немъ мнѣ нѣтъ было
только для того, чтобы ввести васъ въ вопросъ
объ отношеніи римскаго правительства къ хри-
стіанамъ. Когда восторжествовало направле-
ніе Павла, когда взошелъ съ нимъ и въ Римъ
(первоначальная община тамъ придерживалась
сначала направленія іудействующихъ христіанъ)
стало распространяться между не Евреями, нѣтъ
взаимное различіе не только довольно было
обнаружиться. Римское правительство должно
было замѣтить это различіе, и тогда вопросъ
о томъ, какъ отнесется власть къ новой религіи
долженъ былъ немедленно стать на очередь. Осо-
бенно содѣйствовало обнаруженію различія и да-
же противоположности между двумя цреліями

событія римско-еврейской борьбы 70го года по Р. Ар.
при Воспасаіанѣ и Титѣ. Римскіе христіане, въ
числѣ которыхъ уже гораздо больше было
обращенныхъ изъ язычниковъ, естественно относи-
лись къ борьбѣ съ гораздо менѣею горячностью,
чѣмъ Евреи, и многіе даже, уже вродѣбы отхо-
дившіеся къ сужающему, видѣли въ несчастіяхъ ев-
рейскаго народа, въ разрушеніи Иерусалима по-
полненіе ветхозаветныхъ пророчествъ, видѣли
какую Божію кару Евреямъ за христичью смерть
Христа. Когда же при Адрианѣ (117-138 г.) преи-
мный Иерусалимъ обращенъ былъ въ римскую ко-
лонію, Aelia Capitolina, тамъ отрывкомъ отъ
еврейско-христіанской общины образовалась об-
щина христіанъ изъ язычниковъ, противопо-
ложность уже прямо бросилась въ глаза. Такъ
опр. во II в. христіане разлучены были римскими
правительствами отъ Евреевъ. Но которое дѣ-
лаютъ противъ этого возвращенія возраженія
съ перваго взгляда довольно серьезное. Они ут-
верждаютъ, что противоположность между дву-
мя ученіями — Моисеевымъ и Христовымъ — из-
вѣстна была и раньше еврейскаго восстанія
и, какъ доказательство, выставляютъ фактъ из-
менія противъ христіанъ, подвигнута Иеронимъ,
во время котораго, какъ думаютъ, погибли и
апостола Петръ и Павелъ. — Но это противоре-
читъ съ вѣрававшими нами взглядами толь-
ко казующеся. — Гониміе Иеронима не было спец-
альнымъ преслѣдованіемъ христіанъ, оно на-
правлено было противъ Евреевъ.

Припомнимъ обстоятельства гонимія и то-
ло выдвинута само собою. — 19-го Іюня 64 года
выпыхнуто въ Римъ страшный пожаръ. Онъ

начался в той части города, где находились Св. ел Максимъ. В этой квартале было много деревянных лавок, полных легко воспламеняющегося материала, и огонь распространялся с поразительною быстротою. Оттуда онъ обогнулъ Палатинъ, опустошивъ Веладръ, Форумъ, Карина, поднялся на холмы, сильно затронувъ Палатинъ, опять спустился в нижнюю часть города, нахирая в продолжении вѣн и Тирей холмы квартала густо застроеннаго легко сгорающими жилищами. Энергичный императоръ остановился было накаръ. Геронъ в это время былъ в Анциумъ. Онъ явился в Римъ только тогда, когда услышалъ, что огонь приближается къ его собственному жилищу. Дворецъ императора со всеми судьями действительно сгорѣлъ, и Геронъ, повидимому, немедленно заботился о его спасеніи. Грандиозный, возмущающій ужасъ зрѣлища приводилъ его въ восторгъ. Про него разсказывали повсюду, что онъ взобрался на высокую башню, любовался пожаромъ и оттуда въ одеждѣ актера съ широко въ рукахъ воспоявалъ разрушеніе Мисона.

Само собою разумеется, что это легенда, но общественные мнѣнія действительно подогревало Герона въ томъ, что онъ поджегъ Римъ. Были люди, которые мнѣли тушить огонь, свѣдѣла на то, что это запрещено властями. Конечно это были простое грабители, хотѣвшіе воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ, чтобы наловить рыбы въ мутной водѣ, но раздраженное населеніе приписывало имъ за клевету Герона.

Подозрѣніе утвердилось еще, когда спустя нѣсколько дней пожаръ возобновился въ саду

Милеминна, приближенного Нерона, и продолжался с свиряного шума еще три дня. Когда разрушающее действие огня было остановлено и пожар потушен, из 14 частей города три были окончательно ^{обращены} в пепел, семь других представляли полуразрушенные, похеривший развалины и только 4 были поцарапаны пламенем.

Криво Нерона общее подозрение в отношении поджогов города направилось на восточных людей, в частности на ветви ненавидимых Евреев. Евреи и особенно христиане среди них сами подавали к тому повод. Около того времени, некая ико ико позже (в 68) появился в Ефесе „Апокалипсис“, в котором мы находим очевидные намеки на пожар. Нерон, разумеется, тут под именем антихриста, Рим-Вавилонской блудницы, и все сочинение проникнуто злорадным торжеством по поводу гибели всемирной блудницы. Нужно отметить, что подобное же настроение в самого начала обнаружилось и в Риме, что в среде иудействующих христиан, бывших свидетелями пожара, раздавались речи такого же характера, припоминались еврейские пророчества о пришествии Мессии, его суда и будущего еврейского всемирного царства, о котором Евреи не переставали толковать, вместе с твердыми и нескрываемыми христианами убеждением, что мир скоро поглотит от огня — довершили дело и окончательно раздражили народ против Евреев и христиан.

Этот взрыв народной ярости против ненавидимых людей был на руку Нерону — он отвращал подозрения от него. Подливало горение, которое Нерон отнюдь не поддерживал.

Flammas compaues kassu, oquo locummanarie o
komopueto ugerumto omto yuaca. (*)

(*) „ Ces supplices, - rokopunt Penant, - furent quel-
que chose d'effrayable. On n'avait jamais vu de pa-
reils raffinements de cruauté. Presque tous les chré-
tiens arrêtés étaient des humiliore, des gens, de rien.
Le supplice de ces malheureux, quand il s'agissait
de lèse-majesté ou de sacrilège, consistait à être
livrés aux bêtes ou brûlés vifs dans l'amphithéâtre.
Un des traits les plus hideux des moeurs romaines
était d'avoir fait du supplice une fête, un jeu public.
Les amphithéâtres étaient devenu des lieux d'exé-
cution, les tribunaux fournissaient l'arène. Les condam-
nés du monde entier étaient acheminés sur Rome
pour l'approvisionnement du cirque et l'amusement
du peuple. - A la barbarie des supplices, cette fois, on
ajouta la derision. Les victimes furent gardées
pour une fête, à laquelle on donna sans doute
un caractère expiatoire. Le „ jeu du matin „ consacré
au combat d'animaux, vit un défilé inoui. Les conda-
mnés, couverts de peaux de bêtes fauves, furent lancés
dans l'arène, ou on les fit déchirer par des chiens;
d'autres furent crucifiés; d'autres enfin, revêtus de
surniques trempées dans l'huile, la poix ou la ré-
sine, se virent attachés à des poteaux et réservés
pour éclairer la fête de nuit. Quand le jour baissa,
on alluma des flambeaux vivants. Néron offrit
pour le spectacle les magnifiques jardins qu'il
possédait au delà du Tibre, et qui occupaient l'em-
placement actuel de Borgo, de la place et de l'église
de St. Pierre. Il s'y trouvait un cirque, commencé
par Caligula; un obélisque tiré d'Héliopolis (qui
figure de nos jours au centre de la place de St. Pierre)

Но только не меряя это приспособление, не смотря на его жестокость, во-первых не было специально направлено противъ христіанъ, а во-вторыхъ оно носило иносмыслный характеръ и за предвзвѣдѣн Римъ не заходило.

Все, что потамилъ сдѣлать новое цреное для того, чтобы опровергнуть этотъ взглядъ и доказать, что гониміе Нерона было обиде христіанскимъ гониміемъ - недостаточно. Евреи отъ христіанъ еще не отмирали, знали только, что есть между Евреями какая-то новая сехта, которую ненавидимъ, какъ ест. "субверсія"

marquait le milieu de la spina. Cet endroit avait déjà vu des massacres aux flammes. Caligula en se promenant, y fit décapiter à la lueur des torches un certain nombre de personnages consulaires, de sénateurs et de dames romaines. L'idée de remplacer les falots par des corps humains imprégnés de substances inflammables put paraître ingénieuse à Néron. Comme supplice cette façon de brûler vif n'était pas neuve; l'était la peine ordinaire des incendiaires; mais on n'en avait jamais fait un système d'illumination. A la chute de ces hideuses torches, Néron, qui avait mis à la mode les ~~les~~ courses du soir, se montra dans l'arène, tantôt mêlé au peuple en habit de cocher, tantôt conduisant son char et recherchant les applaudissements. Des femmes, des vierges furent mêlés à ces jeux terribles. On se fit une fête des indignités sans nom qu'elles souffrirent." (Renan. "Conférences d'Angleterre." p. 86).

(superstitiones), но общегосударственной опасности они еще не сознавали.

Вопрос этот подробно рассмотрен в сочинении немецкого историка Шмидера (Herman Schiller. — "Geschichte des römischen Kaiserthums unter der Regierung des Nero." Berlin. 1872). Такое же точно можно сказать замечание о втором гонении при Домициане. Император руководился тут, по всей вероятности, только личными, семейными отношениями и чувствами. Христианство уже распространилось тогда во всеобщих слоях римского общества и насчитывало представителей и в самом Домициане (напр. известный Флавий Клеменс, родственник Домициана, был христианин), и гонение Домициана было только направлено на "христианскую секту" как на проявление жестокости одного из самых злых из императоров, от которого страдали не одни христиане. И это гонение не представляло также угрозы общему имперскому, предпринимавшему для унификации или подавления прений, признанного опасным для правительства и общества. Христиане все-таки в то время были еще мало и мало.

Так. обр. мы доходим до II века, когда не только развился, но и вражда между иудеями и христианами резко обозначилась, дошла была до бросившей в глаза римскому правительству, и тут же немедленно должна была определиться та политика, которая прибудет римской власти относительно новой религии, начинавшей уже завоевывать святость. Когда римские высшие сановники, пораженные

определившимися различіемъ новаго ученія отъ
иудейской религіи и съ быстротою распростране-
ніемъ между язычниками, невольно сдѣлались "хри-
стіанскую секту" предметомъ своего особеннаго
вниманія, они оцѣнили мучимъ къ мучу въ
ученіемъ, равнившимъ все свѣтъ съ древнимъ го-
сударствомъ и древнею нравственностію, дол-
жны были поставить себѣ задачу, какъ опредѣ-
литъ юридическія отношенія государства къ хри-
стіанамъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія и колебаній
римское правительство открыто объявило се-
бѣ врагомъ христіанъ.

Для выясненія этого факта у насъ есть под-
руками предвѣстныя неподготовленныя оофициальныя
документы: два писема римскихъ государствен-
ныхъ дѣятелей II вѣка: писмо Плинія Млад-
шаго къ императору Траяну, Другое — писмо
самого Траяна въ отвѣтъ Плинію. — Припоми-
нимъ содержаніе этихъ писемъ для рѣшенія
нашего вопроса документовъ.

Въ 107 годъ царствованія Траяна, Плиній Млад-
шій, занимавшій тогда (111—113) постъ импе-
раторскаго наместника въ Визиніи, при-
соединяя ему письменной отвѣтъ о помянутомъ
ввѣренной ему провинціи, говоритъ въ немъ о
новой странной и удивительной христіанской
сектѣ. Онъ начинаетъ съ откровеннаго призна-
нія затруднительности своего помянутого. Онъ ни-
когда не былъ прежде процессомъ противъ христі-
анъ и не знаетъ, какъ поступать съ ними.
Поэтому онъ желаетъ знать, чѣмъ нужно ру-
ководствоваться при разсѣдованіи оныхъ: нуж-
но ли обращать вниманіе на возрастъ обвиняе-

мифъ, домысливъ имъ бѣтъ раскаявшіеся освобождае-
 ма отъ наказанія, нудимо имъ наказывать при-
 сѣдѣвъ, какъ таковыхъ, или только за извѣстный
 преступленіе (*Noten ipsum, si flagitiis careat, an
 flagitia cohaerentia potius puniuntur*). Превари-
 тельно онъ поступаетъ такъ, что упреждающе
 въ исповѣданіи христіанской религіи пригова-
 риваетъ къ смерти, и если приговоренное сожа-
 лелось римскими гражданами, отселемъ онъ
 чрезъ утвержденіе приговора въ Римѣ, такъ
 какъ ему всетаки казалося, что стойкое упор-
 ство (*peritencia et inflexibilis obstinatio*) заслу-
 живало строгое наказаніе. Но онъ попу-
 сѣваетъ все болѣе и болѣе выдающееся значеніе
 и требуетъ исполнить опредѣленной постановки.
 Въ судѣ были доставлены анонимной доносо-
 въ длинный списокъ лицъ, будто бы грабятъ
 въ христіанской сектѣ. Изъ выдан-
 ныхъ одни отрицаютъ свою принадлежность
 къ сектѣ, впрочемъ даже поклоненіе богамъ
 и изображенію императора и отказались отъ
 Христа: это все вѣры, замѣчаютъ Плиній, на
 который никогда не согласился бы истинный
 христіанинъ. Многие изъ нихъ сознавались,
 что они раньше были христіанами, но позже
 возвратились къ языческимъ культамъ. Отъ
 этихъ провинныхъ христіанъ Плиній узналъ,
 что обряды этой секты исполняютъ безвѣрныя, о
 чемъ онъ и доноситъ императору. Чтобы еще
 болѣе проникнуть въ суть дѣла, онъ подвер-
 нуть двухъ рабовъ, которыхъ ему назвали
 диаконами (*ministri*), поткавъ, но пось
 всего этого не узнавъ все таки ничего болѣе,
 какъ то, что это только лодные и неумеренные

суетности (prava et immodica supersticio), и потому откладывает окончательное решение до того времени, пока усмирится лихое и мотовило самого императора. Но даже это спешное, заключающее Плиний свое письмо: множество мужиков и женщин всего въ возрастовъ и сословій уже заражены суетностию или угрожаются имъ. Горю еще можно помочь, и уже почти опустевшіе храмы снова наполнятся молящимися, и много жертвенныхъ животныхъ, которое все время не раскупается на рынокъ, снова найдутъ покупателей.

Письмо — чрезвычайно интересное, замечательное и поучительное. Изъ него открывается ясно, что въ началѣ II в. христіанская секта была известна римскому правительству, къ совершенно отрицательному и самостоятельному решению — о Евреяхъ Плиний советуетъ и не упоминаетъ въ своемъ донесеніи —, что уже бывали и раньше процессы противъ христіанъ, но государство еще не объявило себя ни за, ни противъ новаго учения; ведомствъ его чиновники и помощники не знали, что имъ думать, особенно въ виду многочисленныхъ и злобныхъ доносовъ, скопившихся на голову христіанъ и быстрого распространения христіанскихъ прозелитовъ, которое не могло не заставить призадуматься мудрыхъ провинциальныхъ правителей Траянова царствования.

Что же отвѣчать императоръ на Запросъ своего Визингскаго наместника, въ лицо котораго онъ всегда виднѣлъ и любилъ друга и котораго дорожилъ, какъ даровитѣльнѣйшаго совѣтника? „Любезный Секундъ, пишетъ Траянъ

Плиний: тот держался правильного образа действий въ сужденіи противъ толпы людей, которые были тогда выдава за христіанъ. Въ этомъ дѣлѣ дѣйствительно трудно дать общее и определенное предписаніе (законоположеніе). Хотѣло предпринимать розыскы противъ этихъ людей. Будутъ они богачи и изобиліе, тогда случится имъ наказаніе; но такъ, чтобы тотъ, кто покажетъ, что онъ не христіанинъ и подтвердитъ это на дѣлѣ, т.е. обратится съ молитвою къ нашимъ богамъ, за свое раскаяніе, чтобъ для насъ и оставленъ былъ въ пощаду относительно прошлаго, пощущеніе прощенья. Безчисленные же доносы, которые будутъ доставляться, отъ насъ не должны приниматься въ расчетъ во время сужденій. такъ какъ это очень дурной примѣръ и совѣтъ не подходитъ къ нашему вѣку."

Эти два документа, особенно второй, представляютъ собою истинно первостепенной важности, что многими понималось совершенно неверно. Христіанскіе писатели-апологеты, какъ Лактанцій, Тертуліанъ и др., доказывали на основаніи фрескрипта императора, что этотъ императоръ покровительствовалъ христіанамъ и прекратилъ гоненія. — Но что имъ было дальше далекаго отъ истины, какъ это мыслъ. Съ одной только стороны онъ ограждалъ христіанъ отъ преслѣдованія: съ благороднаго гордества, которого проникнуто вообще правленіе Траяна, императоръ признаетъ недостойнымъ части римскаго государства осуждать христіанъ на основаніи безчисленныхъ доносовъ. Въ виду же все это объявилъ

христианъ врагами государства и постано-
вить неприменно и строго наказывать ущем-
ленъ въ исповѣданіи запрещенной религіи не
только за предусмотренныя закономъ въ та-
кихъ случаяхъ преступленія (владѣнія), но и за
самую принадлежность къ противозаконной
сектѣ (попел ирвиг). Им. о. одиѣ изъ лучшихъ
императоровъ признаѣтъ христианъ, какъ та-
ковыхъ, достойными наказанія и первый
опредѣлилъ закономъ это враждебное отно-
шеніе государства къ новому ученію; и защи-
та христианъ съ его стороны, о которой такъ
много кричали, состояла только въ томъ, что
онъ запретилъ толпѣ и кикловникамъ само-
вольно раздѣливать съ ними, а поставилъ
ихъ преслѣдованіе на законную, судебную почву.
Эта точка зрѣнія хорошо разъяснена въ сочи-
неніяхъ многихъ новыхъ ученыхъ. Позднѣйшіе
лучшіе императоры второго вѣка, Адрианъ, Ан-
тонинъ и Маркъ Аврелій своими эдиктами
только поддерживали враждебной впервые Тра-
яновъ взглядъ и христианскіе писатели напрас-
но видѣли въ нихъ защитниковъ христианства,
и при нихъ продолжались преслѣдованія и каз-
ни послѣдователей враждебнаго государству
ученія.

Разношерца сущность отношеній римскаго
государства къ христианамъ, мы дѣлится под-
раздѣлимъ всю исторію на три рѣзко разлі-
чныхъ періода:

I. Въ первый вѣкъ послѣ Р.Хр. римское пра-
вительство еще мало знаетъ христианъ и
преслѣдованія противъ нихъ носятъ харак-
теръ случайный, мѣстный: общегосударствен-

ныя гонимыя еще нѣтъ, а возникающія преслѣдованія представляють только всплывши народнои ярости или жестокости императора (Нерона, Домициана) по тому или другому частному случаю. Христиане еще сличиваются съ Евреями: ихъ ненавидятъ масса, но ихъ покровительствуетъ законъ.

II. Во второй разъ, когда христианъ сжали ясно отличать отъ Евреевъ, когда число ихъ стало быстро увеличиваться, цезарь ихъ признало общегосударственнымъ и христианъ преслѣдуютъ на основаніи общегосударственного закона. (Времена Траяна, Адриана и Антониновъ).

III. Въ III в. римское государство погубило уже смертельную опасность, которую угрожало христианство его существованію и вышего преданнаго законнаго преслѣдованія христианъ, какъ посягательства на запрещенной секты наказывается борьба на жизнь и на смерть, поднятая съ цѣлью истребить христианъ всего до одного, какъ смертельныхъ враговъ имперіи (Гонимы Децій и Диоклетиана).

Итакъ во времена Траяна слово „христианинъ“ сдѣлалось синонимомъ слова „преступникъ“. Самая принадлежность къ христианству, какъ къ противозаконному тайному обществу, которая не терпѣла правительскаго сличенія уже преступленіемъ и виновности сдѣлалась по закону одъ оскорбленіи величества (*Lex Julia majestatis*), подъ которой погубились какъ то, которое оскорбленіи представителей

верховной власти нечестивыми словами (*verbis impiis*, *injuratiōe contra felicitatem tempo-
rum*), такъ и тѣ, которые принуждены къ вос-
препятствованію законовъ ассоціаціи (*illicita
collegia*) и позвали себя собираться на тай-
ныя сходки (*coetus nocturnus, coetio clandestina*).
Лица, нарушавшія этотъ законъ — а следовательно
и христіане — подвергались разнороднѣмъ, но всѣмъ
строгимъ наказаніямъ. Мнози низвержены клас-
совъ, какъ говорится въ текствѣ закона, бросающъ
на свѣдѣніе злѣраи или подвергались камене-
нію на костръ (*Humiliores bestis obiciuntur
vel vivi exurantur*); мнози высвержены классовъ подер-
гались смертной казни черезъ обезглавленіе (*Ho-
nestiores capite puniuntur*).

Христіане, какъ узнаемъ изъ свидѣтель-
ства Тертуліана, судились не только по за-
кону объ оскорбленіи величества, но и по другому
закону, преследовавшему святотатство (*Sacri-
legium*), оскорбленіе государственной религіи.
А преступленіемъ противъ этого закона признава-
ли привилегіи свободнаго людей, и христіа-
не, обвиненные въ святотатствѣ, подвергались
платкамъ (*Mortena*), которыми подвергались
обыкновенно только раба. Потому то и казни
назначались имъ жестокия, рабскія — арена,
крестъ или сожигеніе. Суровое закона это при-
менялось къ христіанамъ безъ всякой жалости,
лучше императора не отменявши, а подтвер-
ждая и въ, (приморавъ тому можетъ служить
жестокое Мокское гониміе Марка Аврелія)
и въ нѣгда, распространенное повѣрившимъ имъ
христіанскими апологетами, подтверждаясь
некоторыми современными учеными, что они

были покровителями христианства, преувели-
ченная и очевидно тенденциозная.

Существуют некоторые документы (наприм.
эдикты Антонина Велического и Марка
Аврелия), которые, по видимому, противостоят
нашему взгляду, доказывая, как будто, то
обстоятельство, что названные императоры
запрещали преследование христиан. Но сопоста-
вив эти эдикты с другими постановления-
ми тех же самых императоров и приня-
вше противоречащими, мы должны или от-
вергнуть их подлинность или объявить их
не сочувствием к христианам, их угрозы
и решим, но совершенно неподходящими причина-
ми, имевшими связь с некоторыми римски-
ми обычаями, которыми христиане считали
прикрывався и о которых речь впереди. Кри-
стическую оценку эдиктов в пользу христи-
анов, приписываемую императорам втора-
го века христианскими апологетами, мож-
но найти у Овербека (Franz Overbeck) в его со-
чинении — "Studien zur Geschichte der alten Kir-
che". В числе этого рода документов важное
место занимает (лирическое) послание импе-
ра Аврелия к сенату, в котором он говорит
о поводе, одобренной им благодарности моит-
ва христиан и ради этой заслуги отменя-
ет все против них направленные законы
и провозглашает терпимость. Тут импер-
ся в виду один случай из времени Маркомани-
ской войны. Раз в ^{время} продолжение этого продол-
жительного и опасного предприятия в при-
дунайских странах, отряд римского войска
находясь в очень затруднительном положении:

солдаты, истощенные огромными переходами и блуждая по безводной пустынной местности, изнемогали отъ жажды. Вдругъ въ эту самую критическую минуту, когда все готовилось умирать, блеснула молния, разразилась гроза, которая ударила въ неприятелей, и полилъ дождь, который далъ возможность солдатамъ умыть жажду и спастись отъ смерти. По этому случаю между христіанами сложилась легенда, что вода съ неба была вызвана молитвами христіанъ, которыхъ было много въ дунайской армии Марка Аврелія, такъ что даже цинный легионъ, составлявший часть кудесно спасеннаго отряда и называвшийся *legio fulminatrix* или *fulminata* (кѣсавторѣзъ), весь состоялъ изъ христіанъ. Это кудо, которому повторить будто бы самъ императоръ, вызвано всецело милостивый эдиктъ, признававший за христіанами свободу вероисповѣданія и грозивший даже сожженіемъ донощикамъ противъ нихъ изъ среды язычниковъ. Легенда эта явилась очень рано (у христіанскихъ писателей III в.) и потому стала часто повторяться. — Но она очень сомнительна: этого легиона, какъ доказываютъ некоторые источники, даже не было въ то время на Дунаѣ, онъ былъ въ Египтѣ; въ среднѣ вѣковыхъ писателяхъ образовалась отъ этого нѣчто другое сказаніе, которое приписываетъ спасеніе войска помощи Юпитера. Это воззрѣніе и было признано официально, какъ отъ этого свѣдѣтельствуютъ изобразженія на колоннѣ Антониновой, увековѣчившей память о событіи, и вѣковые писатели. (На колоннѣ Ант. предста- вленъ *Jupiter Pluvius* въ видѣ крылатого старца

ка; съ бороды, руки и волосы его течетъ руби́ный
 вода, собираемая Римлянами въ свои каски и
 щиты, между тѣмъ какъ варвара падаютъ на
 землю, пораженные молніей. Капитолій, а
 въ сѣнѣхъ за нимъ Клавдіанъ и Олимпій при-
 нисаваютъ худо молитвъ императора. Со-
 вершенно ясно, что Маркъ Аврелій не могъ въ
 оффиціальныхъ же посланіяхъ къ сенату принасо-
 вать своего побѣду христіанамъ; а вместе съ
 тѣмъ и самый эдиктъ оказывается соми-
 тельнымъ. Действительно мы должны ска-
 зать, что поощреніе христіанъ, признанаго рим-
 скимъ Законодательствомъ за политическій
 преступниковъ не всегда и не вездѣ было одина-
 ково тѣплено; гоненія были не всегда одинаково
 сильны и жестоки: ревность правительства
 въ преслѣдованіи иногда ослабѣла подъ влія-
 ніемъ гуманнохъ принциповъ и мягкаго харак-
 тера некоторыхъ императоровъ, и для христі-
 анъ открывалась, если не вполне мирное, то
 всетаки хотъ отчасти спокойное существова-
 ніе. Но эти передышки продолжались недол-
 го; ничего не гарантировало мирности христіанъ
 отъ внезапнаго возбужденія ярости въ толпѣ
 и отъ провѣла кого-нибудь подъ правителей. До-
 статочно было иногда одного грознаго крика:
 "христіанъ на арену?" тогда забуривали кро-
 вавое истиннѣе, разгорались животный стра-
 сти, и тогда распространилось жестокое го-
 неніе по всему пространству великой импе-
 ріи.

Наконецъ, какъ было сказано, время гоненій за-
 вершилось страшнымъ преслѣдованіемъ хри-
 стіанъ во времена Деція и Валентіана, борь-

бога на жизнь и на смерть античного общества съ новымъ врагомъ, сила котораго вдругъ дама-ся поучествовать, и котораго необходимо было истребить, унижать, что-то спасти себя. Кровь христіанъ полилась обильною рѣкою, но подви-гъ остался за ними.

VIII.

Христіане позднего Рима.

Когда внимательный взглядъ человека, ин-ресующагося всемірно-историческими судьбами человечества и задумывающагося надъ поучитель-ными и поражающими фактъ и воображеніе великими событіями прошлаго останавлива-ется на тяжелѣхъ и страшныхъ годахъ, замыш-ленныхъ противъ христіанъ, въ голову его невольно зарождаются вопросы: каковы образы слабаго секта, отделившагося отъ еврейской религіи, лишившагося покровительства власти, поставленнаго вне закона, не была раздавлена обрушившемся на нее емою народной ненави-сти? Какъ могли въ теченіи II и III вѣковъ хри-стіанскій община не только что не быть уни-чтоженными, стертными съ лица земли, какъ могли они развиваться, расширяться, умно-жаться, выработать прочную внутреннюю ор-ганизацию, приобрести значительную собствен-ность, которую они употребили на дома бла-готворительности? Этотъ важный вопросъ вводитъ насъ въ новую и очень оригинальную об-ласть въ исторіи вѣта христіанъ первыхъ вѣ-ковъ нашей эры въ предѣлахъ римской имперіи.

Мы должны будемъ сказать несколько словъ о римскихъ законахъ, касающихся развѣ-

нырь тайныхъ обществъ и дозволенныхъ ассоціа-
цій, особенно погребальныхъ коллегій. А когда
мы коснемся этого вопроса въ законодатель-
ствѣ римскихъ императоровъ, этия постано-
вленія, игравшія очень важную роль въ жиз-
ни первыхъ христіанскихъ общинъ, обезпечи-
вши такъ или иначе возможность ихъ суще-
ствованія, мы должны будемъ спуститься
въ римскія катакомбы, обширный подземный
кладбище, броситъ взглядъ на жизнь христіанъ
подземнаго Рима.

Вопросъ о катакомбахъ, не такъ давно по-
ставленный на очередь науки, составилъ я
во отчасти новую отрасль археологіи и вызвалъ
появление нѣсколько замѣчательныхъ, въ высшей
степени интересныхъ изслѣдованій. — Назовемъ
главнѣйшій изъ нихъ.

Основателемъ систематическаго изуре-
нія катакомбъ — этой важной и обширной
ветви археологической науки, является та-
лантливейшій итальянскій ученый — Гiovanni
Battista de Rossi. Онъ поставилъ этотъ вопросъ
на научное основаніе, употребилъ массу тру-
да на изслѣдованіе катакомбъ и предпринялъ
монументальное изданіе своихъ изслѣдованій,
снабженное роскошными, превосходными ри-
сунками, которое теперь и выходитъ подъ за-
главіемъ: "Roma Sotterranea" (вышло 2 изданій
тома).

Результаты первоначальныхъ изслѣдованій
о катакомбахъ въ Россіи и друіяя изложенъ
въ англійскомъ сочиненіи Спенсера-Норткотта
и Бровнлоу (Spencer Northcote and Brownlow).
"Roma Sotterranea". Къ этому прибавляется

вопросъ о томъ, какъ могли возникнуть вокругъ Рима христiанскiя катакомбы, на какiе средства они воевались, описываются находящiйся въ нибъ памятники древняго христiанскаго искусства и т. д. Мрудъ этотъ существуетъ во французской переработкѣ Allard'a и немецкой Крауса. Особенно интересна послѣдняя, такъ Краусъ значительно дополняетъ изслѣдованiя англiйскихъ ученыхъ на основанiи вновь добытыхъ свѣдѣнiй (книжка вышла въ 1872 г.).

Въ самое последнее время появилось французское сочиненiе Koller'a, ^{Рей} Salasombes de Rome (2 vol., Paris 1881 г.). Есть также очень хорошее, но къ сожалѣнiю мало замѣченное изслѣдованiе русскаго ученаго Фонъ-Фрихена — „Римскiя катакомбы“. О другихъ вопросахъ, связанныхъ съ возникновенiемъ катакомбъ можно познакомиться въ диссертации нашего профессора И. В. Помяловскаго — „Эпиграфическiе памятники въ изслѣдованiи „Римскихъ камузарiй““ (*).

Это вообще очень важный и интересный вопросъ, проливающий яркiй и совершенно новый свѣтъ на исторiю первыхъ христiанскихъ общинъ и христiанское искусство; многие ученые ревностно и энергично имъ занимаются. За недостаткомъ времени намъ нельзя будетъ подробно останавливаться на немъ, намъ придется ограничиться сообщенiемъ только

(*) „Камузарiи“ назывались подземными погребальными комнатами съ нишами въ стѣнахъ со всехъ сторонъ куда ставились урны съ прахомъ усопшихъ тѣлъ умершихъ членовъ какой-нибудь цѣлой фамилии, названной такъ по нѣкоторому свѣдѣнiю съ голубитнею.

похоронных главных фактов, имеющих в се-
бе объяснение выше поставленного нами вопроса.
Какъ было сказано выше, римские законы про-
тивъ тайныхъ обществъ были очень суровы и на-
прямую, обличенные в соучастіи въ нихъ подвергались
жестокимъ казнямъ, какъ нарушители закона
о величествѣ. Но этотъ законъ получалъ значитель-
ное смягченіе, благодаря укоренившемуся уваже-
нію къ обряду погребенія у Римлянъ. Если запре-
щено было учреждать какія бы то ни было дружныя
общества, то ассоціаціи, имѣвшія въ виду пестро-
ваніе умершихъ, пользовались покровительствомъ
закона. Христиане погребали умершихъ обычно-
венно черезъ Заратіе въ землю, а не такъ, какъ
Римляне черезъ сожженіе; но и они могли учре-
ждать погребальныя коллегии, и это дало имъ
возможность соорудить въ окрестностяхъ Рима
погребальныя катакомбы на продолженіи нѣсколь-
кихъ миль, въ которыхъ они погребали тѣла
умершихъ, какъ евангелики поминали
трупъ съ прахомъ сожженныхъ труповъ. Извѣст-
но каковыя уваженія пользовались у Римлянъ,
какъ и у всѣхъ народовъ древности, мѣста погре-
бенья: каждое мѣсто, на которомъ погребены были
трупъ умершаго, или по одному этому счита-
лось священнымъ (*locus sacer, religiosus*). Суще-
ствовали для такихъ мѣстъ особый постано-
вленія, они были изъяты изъ сферы дѣйствія
закона о куплѣ и продажѣ (*commercium*): ког-
да при продажѣ или другачъ какою-то особымъ
отчужденіемъ земли и переходѣ ее отъ одного вл-
дѣльца къ другому вступалъ во вѣдѣ другое соб-
ственностію къ ней принадлежащему; находя-
щаяся подъ землей фамиліонная катакомба

оставались въ рукахъ прежняго собственника. Неотвѣстность собственности можетъ погребенія, которыхъ независимо ни отъ какихъ случайностей не должны были выходить изъ владѣній франклин, объясняющая постоянно находившей на надгробныхъ надписяхъ во главѣ другія слово начальной буквы: "Н. М. Н. Ех. Т. Н. С." Это значитъ: "nos testamentum habentes ex testamento ne deficiamus", т. е. если мы по забыванию переводили въ другой родъ, новый владѣтель не могъ читать при чтеніи на погребальныхъ катакомбахъ.

Это общее уваженіе къ мѣстамъ погребенія и исключительной закоу, покровительствомъ вавилій мѣст, распространялся и на могилы христіанъ. Ужъ саміхъ ненавидѣли и аламу, но ужъ могилы оставались неприкосновенными.

Римское правительство не противилось даже погребенію труповъ казненныхъ преступниковъ: если кто предвѣдѣлъ тѣла изъ для погребенія, они безпретѣственно ему выдавались. Такъ христіане получали возможность предавать погребенію тѣла своихъ мучениковъ, это удавалось имъ за очень немногими исключеніями, когда разъяренная толпа не соглашалась дать остававшимся въ живыхъ вторично этого утѣшенія и возставала противъ выдачи тѣлъ.

Такихъ катакомбъ — конуларіевъ алаксскихъ и христіанскихъ множество было въ окрестностяхъ Рима.^(*) Они имѣли значеніе

(*) Подвѣдено сѣбѣ выписано изъ Завѣса для желающихъ описаніе конуларіевъ, взятое изъ сочиненія По-

не обзирать кладбище, а отделившись отъединившись
(соотвѣтствіе - корруція) для кеновъ какой-нибудь бога-
той графини, которые погребались здѣсь часто
вместѣ со своими рабами и евреями (Berulstra
familia). Какою-нибудь богатой кеной римскаго

милловскаго „Эмиграционные этюды“

„Для уясненія външняго вида конуларія
просили читателя именно перенестись въ Ві-
на Садіні и поспѣдовать за нами въ самую
близкую къ конуларію, который можно при-
нять за образецъ подобнаго построекъ. Ма оста-
навливаясь передъ неважною негареугольничавъ
зданіемъ, которое не имѣетъ ничего древняго, оно
вмѣстѣ съ цѣлостью предохраняетъ внутренность
успокоившись отъ солнца и дожде и окружена
узкою дорожкой, въсаждающей его во всея стороны
и обнесенного неважною стѣною. Пространство
между поспѣднимъ и самимъ зданіемъ кону-
ларія звалось алей. Вдоль въ успокоившую на-
дѣля на северной боковой стѣнѣ стѣны и
принадлежитъ древности. Переступая порогъ, мы
видимъ въ стѣнѣ, которая въ ступеняхъ спу-
скается внизъ, въ темную квадратную кам-
нату. Ступени каменныя до того высоки и
круты, что заставили одного французскаго пи-
сателя сказать, что древніе Римляне не знали
головокруженія. Она не была какою-нибудь отдѣ-
льной отъ зданія, но составляла часть стѣны, въ-
дающейся внутрь зданія; это необходимо замѣтить
для того, что многіе интересные памятники
находятся какъ бы подъ каменными въ двухъ
одна выше другой расположенныхъ нишахъ (sub-
scavones). Ступившись по каменному, мы вступаемъ

общества покупает участки земли (арса), въ канавѣ поделенной ходъ въ видѣ корридора съ нѣсколькими комнатами направо или налево. Въ этихъ комнатахъ держались ниши, входъ по которому каждаго погребенія замуровывался. Тутъ

въ четырехугольную, слабо-освѣщенную сверху комнату, ширину 6,65 метровъ въ ширину и 7,50 метровъ въ длину. Въ стѣнахъ, сложенных изъ толстыхъ, но весьма прочныхъ кирпичей, представляется сетуродаон — здание, напоминающее постройка, въ которой, какъ въ данномъ случаѣ, въ массѣ тугра, тогда какъ веревка сложена изъ кирпичей или изъ камней; не безинтересно замѣтить, что большинство камушварей въ предметѣ указанную постройку. Стѣны нашего камушвария покрыты стукками, представляющими мифическими рисунки алфредо, мифическими лотками украшенія. Въ 4 стѣнахъ, въ которыхъ сюда и пространство подъ лестницей, занято небывшими нишами, широкими фресками и великому отверстію обожженной русской печи. Эти ниши, расположенныя въ каждой изъ 3-хъ стѣнъ въ 9 рядовъ въ длину и въ болѣе длинной по 11, а въ двухъ болѣе короткихъ по 8 въ длину, закрываютъ каждая въ своей нишѣ каменныя два углубленія, закрытыя глиняными крышками простой, но изысканной формы. Приподнявъ одну изъ нихъ, вы находите подъ нею углубленіе, въ которое вѣтви довольно обильнаго горючего, наполненной земли, каменны и пепла. Эти горючки носятъ названіе оллае и содержатъ остатки усопшихъ, а ниши — солитварія. Нѣкоторые ниши украшены богатымъ орнаментальнымъ

хорошими рождественскими и рожд. — family в об-
ширном смысле. — Также откопаны колунарии
Ливии, супруги Августа, называвшейся спеси-
ально при ее рожд. и вельготтисцианской. Ко-
лунарии это огромные, — в нем до 500 нм, в
в каждой нм по 2 урны, а в каждой мог
помещаться прах отъ соединенной труповъ
нескольких умерших. Это даетъ понятие о

и заключаютъ краешъ олов, мраморный урны,
мнѣющія то вѣсть ваза, то видъ мунка (урна,
сарфа, mortuaria). Подъ каждым нм находил-
ся надпись, начертанная или краскою на стуккѣ,
или, что всего чаще, вырубанная на мраморной
табличкѣ. Все это только что перечисленные нами
особенности, общие всѣмъ колунариямъ; слѣдую-
щія, находящіяся въ немъ, вѣтрогонятся не во
всеобщ. Въ серединѣ усопавшица возвышается
массивный неправильной формы, представляющій
на док. неравною половинѣ; верхняя и припадъ
меньшая занята въ 4-хъ сторонѣ рисунками ал-
легорей, представляющими различнаго птицъ и
животныхъ, нижняя представляетъ въ основаніи
се вѣсть 4-хъ сторонъ по одному большому приуд-
ленію въ видѣ нм, которое въ свою очередь
содержитъ вѣстующий приудрѣ, более малень-
кнѣ нм, съ олов, въ которыхъ и въ нмъ со-
хотъ вѣсть посредственной работы. Углы вѣв-
шими нмиди идутъ опѣ въ нмѣ каю рядовъ
востли. Вотъ въ видѣ черта устройство древ-
няго колунария. (стр. 70).

Более подробное описание катакомбъ мела-
нхъ могутъ найти въ названномъ сочиненіи Крауса.

большинство каменщиков работъ Ливии, и о пригодности самого сооружения. Мы привыкли думать, что первая христианская община состояла неким числом изъ бедныхъ людей, которые не могли устраивать себя отъ обычныхъ кондугариевъ, но перъ катакомбъ и много памятники, находящия въ нѣрѣ, опровергаютъ это воззрѣніе. При всахъ новыхъ открытіяхъ подтверждается нѣкоторыхъ и прежнихъ извѣстій о томъ, что въ Туво II стояла въ римскихъ христианскихъ общинахъ участвовали и люди изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, которые могли приобретать въ окрестностяхъ Рима цѣлыя обширныя территории для погребеній умершихъ собратій, членовъ христианской общины. Изъ нѣрѣ особенно извѣстны два имени — имя Пампоніи Трацины и Клавдіи Клеменсы. О Пампоніи Трацинѣ рассказываетъ мавъ Трацитъ. Въ 58 г., говоритъ онъ (Ann. III, 32), эта знатная римская дама была обвинена въ соучастіи въ „инновационныхъ свѣдѣніяхъ“ (superstitionis externae causa) и предана по старому постановленію суду нунха и фамиліи, но признана невиною. Потому она жила еще долго и въ постоянной грусти (continua tristitia). Такъ прожила она 40 лѣтъ, жила совершенно свободною, обрабатывая земли — черезъ все жила въ проходима меланрофическаго струга (non culti nisi viginti, non alio nisi melle), и при Клавдіи Трацинѣ составило даме въ славу. Упомянутое объ „externa superstitione“ въ этомъ имѣетъ мацита несомненно, но давольно бѣтъ отнесено къ христианству, хотя которое это спориваютъ: еще развѣе найдены были два надписи, въ которыхъ есть упоминаніе на то, что Помпоніи Траци — другая мать той-же

фамилии — сформались христианами, а позорные
 же — России напомнить въ христианской усыновившей
 еще новую греческую надпись съ именемъ Порфи-
рия Готтиса, родственника Наимона Гречина,
 который рано принялъ христианство. — Затѣмъ
 существуютъ несомнѣнные указанія на гоне-
 ния, воздвигнутое Дамаскианомъ противъ хри-
 стянъ и преимущественно противъ своихъ собратъ
 родственниковъ, заранею же узнанныхъ, сущи-
 ренныхъ; онъ между прочимъ казнилъ своего пле-
 менника, консула Флавия Клеменса, а жену
 его, также происшедшую изъ дома импера-
 тора, Фавию Домитиллу заточилъ на островъ
Понтий (съ имя каждаго упоминается на над-
 писяхъ въ катакомбахъ). Все это доказываетъ,
 что люди богатые и знатные очень рано ста-
 ли присоединяться къ римскимъ иудейско-хри-
 стианскимъ общинамъ, даже когда гонимые хри-
 стияне были еще равноточны римскимъ пра-
 вительствомъ отъ гонимыхъ Мусей. Можно за-
 привести еще много интересныхъ доказательствъ
 и указаний, но и сказанного достаточно, что-
 бы доказать возможность возникновения хри-
 стианскихъ катакомбъ, соорудившихся для
 общаго блага на средства частной лицы, что
 бы служить общими усыновившими для умер-
 шихъ или христианъ.

Но особенно важно было для христиан то об-
 стоятельство, что разрозненные дома и существо-
 вали въ Римѣ даже особенныя ассоціаціи для
 той же цели.

Мы видимъ, что всякія сообщества пресъ-
 доваемыя государственными императорами,
 но отличающіяся исключеніемъ для религиознаго общества,

устраиваемых съ целью благотворительности и особенно для специально погребальных ассоциаций (*collegia funeraticia*). Такие ассоциации образовывались обыкновенно богатыми людьми (*collegia feniocum*), связанными между собою единством зачатий и устройством каменного, священного помяновения какому-либо одному особенному боженству, съ целью способствовать местному погребению товарищей после их смерти. Эти коллегии пользовались покровительством законов и ихъ, какъ *фениоцев*, какъ люди въ высшемъ кругу сущаго происходившие изъ знатной и видной классы, могли устраивать и христиане. Они пользовались этимъ случаемъ, стали постоянно устраивать погребальные коллегии и темъ получали возможность соединяться въ общину, имѣть своего кассу, покупать участки земли для устройства колумбария, въ известное для собирався въ садахъ катакомбахъ и при всемъ этомъ пользоваться покровительствомъ римскихъ законовъ.

О погребальныхъ коллегияхъ много свидѣній сообщаетъ Н. В. Помяловскій въ своемъ «эпиграфическомъ этюдахъ»: „Коллегии погребальныхъ (*collegia funeraticia*), — говоритъ онъ, — имѣютъ много общаго съ коллежиями религиозными: съ такими, какъ послѣднія, подъ покровительствомъ известного боженства, они не лишены религиознаго характера; устройство ихъ было почти одно и то же — разница была единственно въ главномъ мотивѣ, возвавшемъ корпорацію. тогда какъ въ обыкновенныхъ религиозныхъ коллежияхъ, общее званіе, священный членовъ, было имъ крѣпко известно боженства, или общее участіе

въ религиозныхъ церемоніяхъ, и общность мнѣя
 погребеній вродила только какъ нечто побочное,
 несущественное, *collegia funerales* только и
 существовали съ тѣмъ, чтобы торжества на об-
 щественной землѣ и на общественныя дѣла
 свои мѣновъ. Сообразно съ этимъ и обязан-
 ности мѣновъ коммунъ того и другаго рода
 были различны. Въ первыхъ они вращались не-
 сколько больше въ сферѣ понятій религиозно обря-
 довыхъ, а послѣднихъ же были ближе мирской
 характеръ, состояли главнымъ образомъ изъ де-
 нежныхъ взносовъ. *Collegia funerales* возни-
 кли изъ двухъ мотивовъ: 1) изъ недостатка,
 а слѣдов. изъ дороговизны мнѣя погребенія
 и изъ заботы большинства людей средня-
 го класса, отпущенниковъ и рабовъ — *libertini*.
 Оба мотива были настолько настоятельны,
 что принудили правительство, относившееся
 всегда подозрительно ко всякаго рода корпора-
 ціямъ, не только терпѣть, но и узаконить эти
 мѣновъ образовавшіеся коммунъ. Римскіе Цезари
 имѣли свои основанія неодобриво смотрѣть
 на все т. н. товарищества (*sodalicia*), потому
 что они служили предлогомъ для всякаго по-
 лифическаго партій; но для этихъ коммунъ они
 должны были содѣлать исключеніе: погребаль-
 ныя коммунъ могли существовать постоянно
 съ разрѣшенія сената и императора, но съ
 извѣстными ограниченіями (Mandatis prin-
 cipalibus praecipitur praesidibus provinciarum
 ne patiantur esse collegia sodalicia neve mi-
 lites collegia in castris habeant. Sed permitti-
 tur seniores decem mensuram conferre
 dum tamen semel in mense coeant ne sub prae-

sexti huiusmodi illicitum collegium sociat. Подъ
эти посябления погрехомъ еолл. funer., и, бла-
годаря имъ, существовали во все время империи.
(стр. 87 и след.). Найдемъ и разобрано теперь очень
много любопытныхъ надписей, относящихся къ
этимъ коллегиямъ. Изъ одной ~~Эдмундской~~ надпи-
си, найденной въ Ланувии мы узнаемъ интерес-
ные подробности. Эта надпись найдена въ ка-
такомъ-то одной коллегии, составленной „въ честь
Дианы и Антинной и для кесованія и погребе-
ній умершихъ“. При вступленіи въ корпорацию ну-
жно было внести 100 сестерцій (около 5 руб.) и
платить еженедельно по 5 ассовъ. Когда умираетъ
членъ корпорации, товарищи возмещаютъ для его
погребенія 400 сестерцій. Въ извѣстное дни устраи-
вались священное пиршество на общій счетъ и вооб-
ще товарищество вырабатало чинной подробной
уставъ.

Такия коллегіи бѣднѣе людей для погребенія
своихъ собратьевъ (collegia deuiorum funeraticia)
не запрещалось учреждать и христіанамъ. Они
получили возможность устраивать въ ката-
комбахъ подъ видомъ религіознаго аскетиче-
скихъ трапезъ свои обыкновенныя „вечери любви“,
собиравъ для правдоуванія друзей кончины сво-
ихъ мучениковъ, которые они называли друзьями
рожденія въ мучиго жизни („Natalicia“), обдуше-
влять при этомъ свои грѣха, собирать взносы,
приобрѣтати собственность, селовавати подъ
покровомъ обрядовъ, покрывъ на эгоистиче. по
внѣшнему виду, первоначальную церковь.

Христіане хорошо сумѣли воспользоваться
этимъ бѣстолѣбствіемъ, этою замучено, кото-
рую правительствомъ оказывало погребальнымъ

коллегии и под иѣ прикрѣиѣ епиминиѣ,
 охранни, сорганизовалиѣ, получили силу и про-
 ное поимѣние первыѣ христіанскіѣ общины. По-
 преваиваѣ ассоціаціи обѣяемлюѣ наѣ тай-
 ну того страннаго явленія, что корпораціи,
 осужденныѣ государственныѣ и уголовныѣ
 законодѣ, наѣ признание на почвѣ граде-
 данскаго права. Благодаря римскимъ законамъ
 о коллегахъ христіане III века могли имѣѣ
 коллективное имущество во всѣхъ концахъ им-
 періи. Множество греческихъ и латинскихъ над-
 писей, открываѣ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, сви-
 дѣтельствуютъ о действительномъ существо-
 ваніи такихъ общинъ, владѣвшихъ и распоря-
 жавшихся весьма значительнымъ имуществомъ.
 Ужасно при этомъ замѣтитъ, что не было ника-
 кой необходимости прикрывать действительность
 какими ниб. фикціями въ родѣ тѣхъ, къ какимъ
 прибѣгаютъ теперь въ Европѣ религіозные орде-
 на, записывая правительство, — не нужно
 было скрывать общинной собственности подъ
 видомъ частной, принадлежащей одному лицу.
 Корпоративный характеръ владѣнія выставленъ
 открыто и явно и въ такомъ смѣслѣ быѣ
 признаваѣ самымъ государственнымъ владѣніемъ.
 Мы знаемъ, что въ видѣ исключенія эта собствен-
 ность иногда была конфискуема; но способъ
 возвращенія христіанамъ (независимо) и су-
 ществъ приѣмѣ доказательствъ того, что
 мы сейчасъ скажемъ. Когда въ 257 году окончилось
 гониміе Валеріана, то не какіе-нибудь простые
 граждане, а именно епископы, вероисповѣдники
 представители общинъ, получали иѣ рукъ им-
 ператора Галлиена отобранныѣ у христіанъ

усыпальницы (coemeteria) и места собраний. Тогда самое говорител о возвращении имущества христианским общинам (collegia funeraticia) в Миланском эдикте Константина В. (314). Император знает, что у христиан издавна существовала собственность и она, после того как христианская религия была объявлена господствующей, обязательно должна быть возвращена им (Christiani non ea loca tantum, ad quae convenire solebant, sed etiam alia habuisse noscuntur ad jus corporis eorum id est ecclesiarum, non hominum singulorum pertinet).

Так. обр. изучение истории римских катакомб и многих данных, почерпнутое из изысканий памятников, в них находящихся, дает нам ответ на вопрос, поставленный в самом начале этой главы: как могли христианские общины существовать, развиваться и процветать в первое время империи, несмотря на жестокие гонения? — Римские законы о погребениях ассоциаций зачисляли христиан, римские императоры, сами того не сознавая, под своим покровительством или протекцией, укрывали врага.

Объ этом красноречиво свидетельствуют катакомбы, об этом громко говорит подавляющая своим величием картина подземного Рима, жившего тогда совершенно своею жизнью, жизнью надежды, жизнью будущего. Вопрос о катакомбах еще недостаточно исследован, но, благодаря всемирно-историческому интересу доставляемому ими введением, привлекает серьезное внимание и энергическую работу историков и археологов.

Этими данными моя задача ограничивается.

и, отнѣсивъ еще одинъ важный пунктъ, котораго никакъ нельзя оставить безъ вниманія при разсмотрѣнїи исторіи отношеній язычества и христіанства, перейти къ изложенію слѣдующаго отдѣла нашего курса.

IX.

Христіанская нравственность и античное міросозерцаніе.

Говоря о распространеніи христіанства, его значеніи и вліяніи на римское общество, слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе новаго ученія къ гуманнымъ идеямъ, которыя все болѣе и болѣе распространились въ имперіи, проповѣдываемыя языческими филосогами и моралистами и обнаруживавшими все болѣе и болѣе сильное дѣйствіе на римское законодательство и на права римскаго общества.

Второй вѣкъ нашей эры въ Римѣ ознаменованъ, какъ извѣстно, царствованіемъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ императоровъ — Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелія — личностей высоко даровитыхъ и проникнутыхъ гуманными идеями. Въ это время и въ законодательствѣ замѣчается явное стремленіе смягчить нравъ упрямый и безправный классовъ общества, улучшить положеніе рабовъ, слабыхъ и больныхъ; замѣчается значительное измѣненіе въ отношеніяхъ внутри семьи, мѣра къ снѣдъ, отъца къ дѣтямъ, взрослыхъ дѣтей къ престарѣлымъ родителямъ и т. д. Неважно рождается въ головѣ

вопросъ, откуда появилось это несомненное и
сильное гуманизирующее течение? Есть ли это непо-
средственное влияние христіанства, или это яви-
ніе имѣетъ свое отдаленное существованіе?

Некоторые ученые полагаютъ, что эти явленія,
какъ въ бытіи общественномъ, государствен-
номъ и юридическомъ, такъ и въ гражданскомъ
миръ идей произошло подъ влияніемъ все болѣе
и болѣе распространявшагося христіанскаго
ученія. Прямое влияніе христіанскихъ идей
на аполитическій строй жизни доказано невопрос-
но: замещеніемъ принциповъ не было, но нѣко-
торые считаютъ впрямую Вогаду, что импе-
раторы нѣ разнѣннѣ апологетическій еогини-
ній, знакомившіе съ духомъ христіанства, про-
никшимъ нѣ и сообразно съ его идеями прова-
дили новое Законъ. Не отрицая вполнѣ косвенна-
го влиянія христіанства на распространеніе въ
обществѣ римскомъ II вѣка гуманныхъ идей,
мы однако не должны забывать христі-
анство, какъ причину этой всесторонне-гуман-
ной струи, охватившей умъ мыслящихъ людей:
гораздо акронтное и естественное будетъ раз-
снать эти два явленія, какъ теченія
одновременныя, параллельныя, представившія
совершенно независимо другъ отъ друга только
благопрійтное условіе для развитія каждаго,
подготовившія неважно почву, на которой и то
и другое всего лучше могло бы прорасти здоровое
и крѣпкіе ростки.

Мысль о томъ, что христіанство имѣло
несомненное косвенное влияніе на распростра-
неніе гуманныхъ идей въ римскомъ обществѣ,
развиваетъ бывшій страсбургскій профессоръ—

Шумидт в своем сочинении — Essai historique sur la société civile dans le monde romain et sur sa transformation par le christianisme. 1854, и в своем сочинении О. В. Ешевский в своем „Очерк истории общества и христианства“. Хотя это по-своему высказывает взгляд несколько про-свещенный: в одном месте он допускает влияние христианства на распространение гуман-ности идей, а в другом напротив признает, что распространение явилось самостоятель-ным, независимым от христианства. (Сравни-те соч. Ешевского, т. I, стр. 1) 497 и 2) 523).

Всего естественнее будет признать, что эти два сочинения между собой течения, не на-ходясь в зависимости друг от друга, исходя-ли из одного источника и поддерживались общим настроением, господствовавшим во II веке, отличавшимся, по словам Ренана, не обыкновенною мягкостью, кротостью, кротостью, гуманностью. Если обратим внимание на мнѣ-ние самого Ренана, то увидим, что он так же считает эти два течения совершенно незави-симыми. Он указывает на то, что во II веке римское законодательство, как и вообще все общество, находилось под сильнейшим влиянием стоической философии и утверждает, что с-ли бы и в III в. в мир идей и в сущность прав-ления императоров продолжалось такое тече-ние, то языческая империя была бы всякого содей-ствия христианства дошла бы до уничтожения рабства. Об этом вопросе можно найти сво-дение в сочинении Лекки „История правствен-ности“ и особенно в замечательном труде Heim „Rom und Christenthum“, изследовании да-

же более строго, почти иже догматизм Ренана. Этот ученый прямо говорит, что невозможно объяснить гуманный строг в римской морали и в римском законодательстве II стол. влиянием христианства, что это значит несправедливо и насильственно разрывает историю: Вь известность, как и во всяком другом учении, есть и свет и тьма; не следует отбрасывать все ~~дурное~~ на его счет, забирая на сторону христианства все хорошее. Движение философской мысли от Сократа к стоицизму и затем проникновение из гуманными в области нравственной и общественной, юридической жизни общества представляет естественный, неразрывный исторический процесс, начавшийся и развивавшийся ранее появления христианства, поэтому нечего приписывать в него совершенно постороннего и особенного христианского влияния. Христианство внесло в Рим лишь гуманный совершенствования вместе с прекращением ряда замечательных императоров - философов только воспользовалось уже распространенным в обществе идеями, оно приняло и усвоило много из того, что оно воспользовалось тем, как орудием: учение, которое напечатало на своем значении высокие слова любви, свободы и братства, должно было итти в будущее в общество, которое жило, мыслило и увлекалось стоическими идеями. —

Это мысли совершенно вторичны и так должны к ним присоединиться.

Вь частности сущность движения в римской

законодательства и отношение его к христианству наиб. видные обнаруживаются в вопросе о рабстве, в рассмотрении тех же вопросов, которыми были предприняты римскими законодателями для улучшения положения этого безправного сословия.

Подробно останавливаться на этом вопросе и в высшей степени важным вопросом мы не имеем времени; желающим ознакомиться с ним подробнее отсылаем к "Очеркам" Ешевского, в которых есть много прекрасных страниц об этом вопросе, затем к последней главе "Studien zur Geschichte der alten Kirche", Овербека (Erstes Heft) и к брошюре Цана (Th. Zahn), "Sklaverei und Christenthum in der alten Welt."

Мы же должны ограничиться только несколькими словами.

Древнее государство не могло существовать без рабства, без раба не мыслим гражданин, на рабство, как основание, возведено все здание античного экономического строя. Как бы то ни было, очевидно, говорит Аристотель, что одни люди свободны по своей природе, другие — рабы тоже по самой природе, для последних рабство — состояние столь же полезное, сколько и справедливое. Если Греция признавала только что приведенное, научное, философское оправдание рабства, то Рим в подробности выработал его юридическое определение. В Риме рабство развилось до своих крайних результатов, раскрылось во всевозможные безобразия. Скажем два слова о положении рабов в Риме, посмотрим, как

они определялись сначала законами, потом обычаями и правами.

Рабъ есть полная собственность господина (mancipium), онъ не имеетъ никакой человеческой личности (Nullum caput liberum), рабъ — вещь въ полномъ смысле этого слова. Въ сельскомъ хозяйствѣ рабъ прежде всего — хозяйственное орудіе: „Все хозяйственное орудіе, говоритъ Варронъ, можно разделить на три рода: орудіе, даренный голосомъ, словомъ (instrumentum vocale), орудіе наученное и неученое. Первая — это раба, вторая — скотъ рабочей, третья — пчелы и т. п.“ Можно также смотрѣть на вещь Канта: „Благоразумный хозяинъ, если хочетъ сдѣлать его содѣлать, пусть продаетъ старое платье, старую обувь, шерсть, кожу, старую ткань, старую подкову, старую и добрую раба, одишь словомъ все неученое.“ Въ хозяйствѣ рабъ является затраченнымъ капиталомъ, который долженъ возвратиться, вознаграждаетъ издержки за его содержание и приноситъ барышъ. Рождественный и брачный отпущеніи между рабами, конечно, не допускается. Союзъ между помани. Допускается единственно въ видѣ экономическаго прилада, а сдѣлать экономическимъ доходомъ (доходъ, по шотландскому Кану, предметъ, который достаточный доходъ съ рабами). Помощь этимъ сельскимъ рабамъ (familia rustica) было запрещено. Они работали съ утра до ночи на поляхъ, въ ^{иногда} оковахъ. Рабъ — капиталъ, требующій ежегоднаго ремонта и дополняющій приноситъ чистый доходъ. Чемъ меньше будетъ стоить его содержание, и чѣмъ больше будетъ получаться отъ него труда, тѣмъ раз-

ливается; скорее вернется затраченный первоначально капитал, темъ более получитъ чистаго барыша. На содержание рабовъ и на средства заставить ихъ работать, какъ можно больше устремлено все внимание такихъ сельскихъ хозяевъ, какъ Катонъ Старшій. Для отдыха рабочихъ воиновъ были особые праздники; для сельскихъ рабовъ ихъ не было. — Ожилищная работа нечего и говорить. Особенно ужасны были такъ называемыя *сгастила*, подзвонки, сирачные и другие жилища, куда затирались на ночь рабы. Положение рабовъ въ Римъ было несравненно хуже положенія крепостныхъ позднѣйшаго времени: возвращеніе на нихъ сельскихъ хозяевъ представляеть разительное сходство съ возвращеніемъ Американскихъ плантаторовъ новыя времена на ихъ чернокожихъ невольниковъ.

Жилилищныя лучше было помѣщеніе домашнихъ, городскихъ рабовъ (*familia urbana*). Ихъ было, по всей справедливости, гораздо больше, чѣмъ рабовъ сельскихъ; и потребности на нихъ были не искусственныя, условныя и могли мѣняться до безконечности. Занятія городскихъ рабовъ были самыя разнообразныя. Они раздѣлялись на многочисленные декуріи. Они исполняли обязанности домашней прислуги, прислуги при баняхъ, медиковъ, прислуги столовыхъ и кухонныхъ, свиты господина при въездахъ и т.д. Затѣмъ идетъ "мелкій міръ" рабовъ (*mundus vilis*). Тутъ были воспитанники, руководители, слуги и т.д. Коинваріумъ Ливіа, о краяхъ ихъ работы упоминаемъ, даетъ намъ указаніе, какая масса рабовъ могла принадлежать одному знатному лицу въ Римѣ. Оно даетъ понятіе о разно-

образного рода деятельности этого дурного мира привилегированных рабов, среди которых мы даже находим раскрашивателя Ливия (Livius colorator). Распространение в Риме образованности было прихвотью образования нового класса — ученых рабов (servi litterati) и артистов самых разнообразных оттенков. Но, которые из них пользовались уважением и знанием, но смотрели на них всетаки с презрением и городской раб оставался всею, не милое и обращение в них часто было самое возмущительное. Для ознакомления с положением городских рабов лучше обратиться к римским сатирикам и комикам, которые брали содержание своих сочинений прямо из современной действительности. Признание человеческого порока раба вертелось на негодовании и считалось безумием. Деспотический произвол господина был общим правилом. Нам не покажется превеликим и хладнокровный отврат раба; в комедии Плавта, на угрозу распять его. „Не угрозы, и без того знаю, что крест будет мой могилой! Так умерли и предки мои: отец, дядя, прадед, пращур“, когда мы знаем, что в Риме во времена Августа богатый отпущенник Ветий Терцион, откармливал раб в своих садах рабами. — Крест, смерть под ударом палки, бросание в перь, в колодезь, прогонимый, мучительные наказания — вот что грозило рабу при первой вспышке гнева владыка. Для раба не было никакого спасения.

Первый протест против рабства, как против состояния неестественного, высказан

быть грешко Сенекою. Гражданам античных государств привыкли соединять требования политической свободы для самих себя с полными домашними деспотизмом. Являясь горячими поборниками свободных учреждений на агоры и форум, Гаришадями и Брутами, они не признавали во своем величии и относительно своих рабов никаких ограничений своему произволу. Сенека указывает на это противоречие: "ты приходишь в негодование, говоришь ох, если твой раб, или вольноотпущенник, или жена, или клиент осмелится водрабить тебя, потопить, изгнать совершенно всякую свободу из твоего имущества, ты мечтаешь, что она изгнана из государства?" — Одним из главных признаков римской эпохи, Сенека также смотрит на рабство, как на состояние нравственной неволи. В душе замирает источник свободы. Это не влечет к рабству. "Милейшее рабство — умение себя сажать." С этой точки зрения умиляются социальные различия: "Свободный дух может быть и в римском владении, и в отпущеннике, и в рабе. Что такое римский владение, отпущенник, раб, как не жена, созданная из повиновения и насилия."

Но Сенека не останавливается на одном определении древней свободы и рабства. Выходит и рабство гражданского, и этим уже выходит за пределы предания возмущения стоицизма. В его словах о рабах уже слышны новые идеи, рождаются древней философии и во многом он уже почти не принадлежит древнему миру. "Матерьяльная, говорит он, заключает в себя и богов и людей и все"

члены великаго цѣлаго. Природа создала насъ
 всѣхъ родными, потому что образовала насъ
 изъ одинаковыхъ элементовъ и для одинаковой
 участи. Она ввела насъ въ любовь другъ къ
 другу и сдѣлала для насъ необходимымъ жизньъ
 въ обществѣ. Пусть же етъ: А человекъ, и
ничто человеческое не останется безъ мѣры
дѣла, будетъ во всѣхъ сердцахъ, какъ находимъ
онъ на устахъ у каждаго. . . . Пока мы жи-
 вемъ между людьми, будемъ действовать по че-
 ловѣчески. . . . Во всѣхъ насъ одни и тѣ же нача-
 ла, одно и тѣ же происхожденіе. Никто не зна-
 етъ больше другаго, если онъ не одаренъ болѣе
 умомъ и образованіемъ. . . . Природа создала
 насъ, чтобы быть нашими братьями, будущи-
 ми то свободными или рабами, природное гражда-
 не или отщепенцы, освобожденное передъ вы-
 стѣми или передъ друзьями. Поверю, что есть
 человекъ, есть и возможность быть добрымъ.
 „Я узнаю съ радостью, пишетъ Сенека къ
 Луцилю, какъ хорошо живешь ты съ своими
 рабами. Это правильно и твоему уму, и твое-
 му образованію. Развѣ это раба? Нѣтъ, это
 люди. Рабы? Нѣтъ, это наши содѣтели. Ра-
 бы? Нѣтъ, это скорѣе наши друзья. Раба?
 Нѣтъ, это скорѣе наши товарищи въ обществѣ
 рабствѣ, когда подумаешь, что судьба нѣтъ
 етъ одинаковую власть надъ рабами и гос-
 динами.“ Поверю у Сенеки встрѣчаешь мое
 призваніе человѣческой природы и человеке-
 скихъ правъ раба. Его нравственное ученіе объ
 отношеніи господина къ рабу заимается
 въ стократныхъ правилахъ, пропитанныхъ
 душой неантичной цивилизаціи.“ Поступай

съ своими подчиненными такъ, какъ бы ты сже-
наль, чтобы обращаясь съ тобой твою нарав-
нень. И когда ты думаешь о томъ, что позво-
лительно тебе относительно твоего раба, вепо-
мни, что тебе самое позволительно и относитель-
но тебе самого со стороны человека, и что
царя власть надъ тобой. Пусть раба больше
уважаетъ тебя, чѣмъ божество. Но, возражать,
ты приобретаешь раба къ свободе и по добрымъ
правиламъ отнимаешь у господина всякую
власть! Уважать господина больше, чѣмъ бож-
ество его, это, безъ сомнѣнія, значить уважать го-
сподина только такъ, какъ уважаетъ его
клиентъ и домашнее! Что же? Неужели для
господина мало того, чѣмъ удовлетворяется са-
мо божество, мало почтенія и любви?»

Этимъ признаніемъ человеческихъ правъ ра-
ба, этого симпатіею къ угнетенному разко-
лывается Сенека отъ предшествующихъ
массиней и моралистовъ. Достаточно сра-
вить, напр. то, что говоритъ онъ о магистратахъ,
съ темъ, что сказано о нихъ Цицерономъ, кото-
раго никто, конечно, не обвинитъ въ лихаче-
востяхъ. Вотъ слова Цицерона: „Нѣ-
которые думаютъ, что дитва магистратовъ
бессмысленна, и я не знаю, не имѣетъ ли она
на своей сторонѣ справедливости, говоря о дит-
вахъ такъ, какъ онъ происходилъ въ настоя-
щее время. Но когда въ этихъ дѣлахъ сража-
лись только преступники. . . . тогда ни одно
зрѣлище не могло такъ содѣйствовать укрѣ-
пленію души противъ страданій и страха
смерти.“ А вотъ что говоритъ о томъ же Се-
нека: „Человѣкъ, этотъ священный предметъ

(res sacra) предлагается смерти для потехи и зрелища. . . . Безъ страха и мнѣва, для просла-
го препровождения времени, человекъ убиваетъ
человѣка, и агонія умирающаго составляетъ
примесь зрелища." Опровергаю возраженіе, при-
водимое въ защиту битвъ гладиаторовъ, Се-
нека замѣчаетъ съ негодованіемъ: "Положимъ,
гладиаторы заслужили смерть; но какое же
преступленіе совершили вы, осужденные быть
зрелищемъ убійства? . . . По закону природы,
убить человека равносильно считатьъ бавшимъ
несчастіемъ, а не въ саможу потернѣть смерть."

Эти измѣнившіеся воззрѣнія философовъ
на право грашкѣ провозглашались Сенекою
и его почитателями, Диктемомъ, Маркомъ
Аврелиемъ, и тѣмъ по тѣмъ проникали въ за-
конодательство, которое стало заботиться объ
улучшеніи положенія рабовъ. Эти измѣненія,
которые совершались еще до распространенія
и торжества христіанства, служатъ лучшимъ
доказательствомъ почитательнаго, органи-
ческаго процесса измѣненія въ направленіи,
которое совершалось въ философскомъ созна-
ніи и которое изъ области идей проникло въ
закона, а не должно быть выводимо изъ пред-
положенія о прямомъ вліяніи христіанства
на римскій нравственный и юридическій строй.

Приведемъ еще нѣсколько фактовъ, сви-
дѣтельствующихъ о значительномъ измѣненіи
духа римскаго законодательства; укажемъ на
выразившееся въ законахъ и оторальныхъ импе-
раторскихъ эдиктахъ стремленіе смягчить
положеніе рабовъ. Укажемъ на эти измѣненія
въ періодъ времени отъ прекращенія династіи

ста до Константина Великого.

Римское законодательство не любило безъ крайней необходимости отступать отъ древнихъ постановлений; но, сохранивъ старый текстъ законовъ, оно допускало свободу толкования и даже требовало его. Припомнимъ, что рабъ или ражда-
ются, или становятся таковыми (Servi nascuntur aut fiunt). Рабство по рождению подвергнуто было весьма многимъ ограничениямъ. По закону Антонина, ребенокъ, зачатый матерью рабой, но рожденной, когда она получила свободу, былъ также свободнымъ. Право отца на жизнь и смерть его детей было уничтожено и представление ихъ детямъ какъ угрозы (expositio) было приравнено ^{къ} убийству. Эдиктъ Каракаллы призналъ „бесчестнымъ и беззаконнымъ“ продажу детей родителемъ и строго наказывалъ заглавца, который осмеливался принимать ихъ въ обеспечение долга. Про-
клетіемъ повторилъ запрещеніе продажи детей. Онъ же запретилъ свободному человеку самому отдаваться въ рабство, не смотря на его волю, скупленную формальнымъ актомъ. Свободный гражданинъ, женившийся на иностранной рабѣ, призналъ былъ свободнымъ, вопреки пред-
писанію законодательства (закономъ Александра Севера). Эдиктъ Проклтіана спасъ отъ обращения въ рабство неостоятельныхъ даисени-
ховъ. Такъ обр. нѣтъ источниковъ рабства осуж-
давшихъ только война и торговля.

Императорское законодательство едрогало так-
же нѣсколько ограниченийъ и исключеній относи-
тельно самого положенія раба, хотя и затѣсь оно
не отступило прямо отъ древнихъ опредѣленій, а

обоимъ ирѣ.

Особенно много сформалъ для рабовъ Антонинъ
Бл. и Маркъ Аврелій. Изъ вѣдѣннѣй-
шихъ вопрошаній постановлений относительно
рабства были исправлены. Прежде хозяину
разрѣшались вселескія несправедливости по от-
ношенію къ рабамъ; по новому законодатель-
ству правша о телесной наказаніи^х точно
опредѣлены. Убийство раба уже считается пре-
ступленіемъ. Обращаться съ нимъ съ чрезвычай-
ного жестокостью считается проступкомъ, кото-
рый влечетъ за собою для хозяина необходимость
продать² раба несчастнаго, котораго онъ под-
вергалъ пытаніямъ. Наконецъ рабъ получаетъ
право являться съ жалобами передъ трибуна-
ломъ, и тогда ~~отбавля~~^ется личностно, членомъ го-
сударства. Онъ признается собственникомъ сво-
его peculium; у него уже есть семейство; его не-
льзя продавать отдѣльно отъ жена и друзей.
Примѣненіе пытокъ къ лицамъ рабскаго сообра-
женія значительно стѣснено. Хозяинъ не имѣетъ
права, за нехотѣніемъ некоемъ или немо-
гомъ случаемъ, продавать своихъ рабовъ для
быть создателями на аморитеатрахъ. Рабъ,
проданный подъ условіемъ „ne prodatiatur“ огра-
ждается закономъ отъ насильнаго помѣщенія
въ lupanar. Въ новыхъ законахъ существуютъ
цѣлый рядъ пунктовъ, известныхъ подъ име-
немъ favor libertatis, которое примѣняется
въ сомнительныхъ случаяхъ и всегда съ толкова-
ніемъ самымъ благоприятнымъ для свободраб-
ца. Судятъ во имя гуманности противъ бук-
вы закона, часто даже противъ подписаннаго
выраженія завѣщанія.

Въ сущности со времени Августа, юриконсул-
ты, проникнутые идеями стоицизма, смотрятъ
на рабство, какъ на нарушение естественнаго пра-
ва: „*Quod ad ius naturale attinet*“, говоритъ им-
ператорское законодательство, признавая раба,
согласно съ правами публикони, собственностью
хозяина, „*omnes homines aequales sunt*“. Они при-
мекиваютъ всевозможныя толкованія и изво-
та, чтобы ограничить его, и отпущенія на волю
поощряются великимъ сподобаніемъ. Маркъ Аврелій
идетъ еще дальше и признаетъ въ известной
границахъ права раба на собственность до-
зема. Если никто не является за получениемъ
наслѣдства по завѣщанію, раба и разро-
щенія требуютъ, чтобы ихъ ввели во владѣніе
земли умершаго хозяина и разорили по-
томъ шестію мѣсяцу собою. Волею отпущен-
никъ побуждается также покровительствомъ
законовъ, направленная противъ рабства, ко-
торое вслѣдствіе старалось снова затѣнуть
его въ свои сѣти.

Так. обр. мы видимъ, что при имперіи им-
ператора Траяна, затѣнуть особенно во II, и от-
части даже въ III в. все въ ходъ развитія рим-
скаго законодательства и помини крестьян-
ства шло къ тому, чтобы пролить лучъ про-
свѣщенія и гуманности въ человѣческія отно-
шенія, провести въ жизнь и распространить
на рабовъ великую идею — „*Homini res vas-
ca est*“. Въ заключеніе скажемъ еще два слова
о томъ, что же создало христианство въ томъ
же направленіи? Для рѣшенія этого вопроса
обратимся къ Ренану, который глубоко вѣрно
понимаетъ его, и въ концѣ и прекрасный от-

рившись изъ его замѣчательнаго сочиненія „*Marx
Aurèle*“ закончили нашу очеркъ чувственнаго,
нравственнаго и религіознаго состоянія рим-
скаго общества времени имперіи.

„Училище христіанства, — говоритъ знаменитый французскій историкъ-мыслитель, — не было ни въ какомъ случаѣ ни усовершенствованіе человеческого общества, ни увеличеніе счастій отдельныхъ людей. Человѣкъ хлопочетъ о возможности менѣе худшаго устройства своего на землѣ, когда онъ смотритъ серьезно на Землю и на тѣ нѣсколько районовъ, которое онъ на ней проводитъ. Но когда ему говорятъ, что Земля скоро прекратитъ свое существованіе, что жизнь есть только однодневное испытаніе, незначительное предисловіе вѣчнаго идеала, — тогда забывъ украшать ее? не стараются ли украшать и дѣлать удобною жизнь, въ которой останавливаются на одну минуту остановки. Въ отношеніи христіанства къ рабству это обнаружилось съ особенною очевидностію. Христіанство много содѣйствовало тому, чтобы уничтожить раба, сдѣлать его участъ чужимъ; но оно не старалось принять въ образованіе объ уничтоженіи рабства. Мы видимъ, что великая школа законовѣдѣвъ, вышедшая отъ Апу-линовъ, вся занята ~~этимъ~~ идеєю, что рабство есть злоупотребленіе, что его слѣдуетъ поти-ху уничтожать. Христіанство никогда не говорило: „рабство есть злоупотребленіе.“ Только не менѣе своимъ возвышеннымъ идеализмомъ оно послужило и философскою тенденціею, съ давняго времени существовавшейся и въ законахъ, и въ правахъ.

Первоначальное христианство было движе-
ние существенно религиозное. Все, что во обще-
ственной организации того времени не было пря-
мо связано с идеалами христианства, казалось ему
подлежащим сохранению и удержанию. Христи-
анские учителя никогда не приходило им
в голову протестовать против установленного,
практически существующего рабства. Это
было бы революционный способ действий, совер-
шенно противный его духу. Право человека —
это вовсе не христианская вещь. Св. Павел впе-
няет признавать законность власти на сторо-
ну господина. Во всей древней литературе
христианской нет ни одного слова, которое
бы проповедовало рабу возмущение, которое бы
советовало господину отпустить рабов на
волю или даже возбуждало вопрос о публич-
ности прав, у нас возбуждавший рабство.

Милко опасное сектаторы, как карно-
краты, говорили об унизительности различия
между людьми. Православные допускают аб-
солютную ответственность, имеют ли она сво-
ими объектами человека или вещь. Чуждая
господу раба далеко не трогает нас столько,
сколько нас. При нескольких часах, во про-
двинутое которое дается человеческая жизнь —
какую важность имеет нам положение челове-
ка? „Если ты призван рабом, не заботься,
если ты можешь освободить себя, воспользуй-
ся... Раб есть воинствующий Господь,
свободный есть раб Христа... Во Христа
нет ни Грека, ни Еврея, ни раба, ни свобод-
ного, ни иудея, ни жидовина.“

Слова servus и liber чрезвычайно редки

на христ.іанскій гробница. Рабъ и человекъ
 свободный — одинаково *servus Dei*, какъ солдатъ
 есть *miles Christi*. Рабъ съ другой стороны гро-
 ко провозглашаетъ себя вольноотпущенникомъ
 Христа. Покорность и соответствая привязан-
 ность раба къ господину, кротость и братское
 отношение со стороны господина — эти въ огра-
 ниваются на практикѣ мораль первоначаль-
 наго христ.іанства относительно этого душпа-
 наго пункта. Число рабовъ и вольноотпущен-
 никовъ было очень значительно въ церкви. Она
 никогда не советовала христ.іанину рабовла-
 дѣльцу освободить своихъ христ.іанскихъ
 рабовъ, она не запрещала телесныхъ нака-
 заний, составляющихъ почти неизбежное по-
 слѣдствіе рабства. При Константинѣ *favor*
libertatis, повидимому, пошелъ назадъ. Если
 бы движение, идущее отъ Антониновъ, продол-
 жалось во второй половинѣ III вѣка и въ IV
 вѣкѣ уничтоженіе рабства осуществилось бы
 въ видѣ легальной торговли и передѣлки въ
 купна. Маденіе либеральной политики и не-
 участіе арменіи заставили потерять всю ту
 почву, которая была уже приобретена. Отъ
 церкви говорятъ о позорѣ рабства и о низо-
 сти рабовъ въ томъ же выраженіи, какъ и
 язычники. Иоаннъ Златоустъ въ IV вѣкѣ похри-
 ст.іанской церкви, который советуетъ
 формально господину освобожденіе его ра-
 ба, какъ доброе дѣло. Молитвы церкви въ
 на раба и обращалась съ нимъ, какъ и въ,
 т. е. довольно сурово. Положение раба церковнаго
 даже ухудшалось однимъ обстоятельствомъ,
 т. е. невозможностью отпущенія церковнаго

имущества. Кто знает его владельцев? Кто
может его освободить? пугать на волю? Труд-
ность решения вопроса увяковчивала рабство
церковное и привело к тому странному резуль-
тату, что Церковь, на самом деле так много
сделавшая для раба, оказалась последним
рабовладельцем. Отпуски на волю соверша-
лись обыкновенно посредством завоуачия; а
церкви не приходилось давать завоуачия. Воле-
ноотпущенный церковный оставался под па-
тронажем господина, которая не умирала.

Христианство сильно содействовало умень-
шению количества раба и более скорому уни-
чтожению рабства не прямо, путем силедей
(par voie de conséquence). Дело христианства в
вопросе о рабстве была раба просвещенна-
го консерватора, который елисит реакция
своему своим принципам, хотя и держит
очень реакционную роль. Выставив раба
способным к добродетели, героизму в мире
нечестия, равным господину и, быть может,
даже вышшим перед ним в точки зрения
царства Божия, новая форма раба
невозможна. Признать нравственное до-
стоинство за раба значит уничтожить
рабство. одни церковные соборы сами по
себе были бы достаточны для того, чтобы
разрушить это жестокое учреждение. Бред-
ность сохранения рабства, только нежелание
раба от грехов в патристических кул-
та. Если бы они приносили жертвы вместе
с своим господином, они бы поднялись мо-
рально. Поставив церкви было самым со-
вершенным уроком религиозного равенства.

Етареже сказати оъ свѣдѣніи, о мученичествѣ,
сообща видѣннѣмъ. Въ той минутѣ, какъ
рабѣ шлеть ту же религію, какъ и его госпо-
динѣ, шлеть въ адъ въ нѣмъ храмѣ, раб-
ство близко къ концу. Цувѣтва Владимира и
"ея господи по плоти" (*) суть цувѣтва мате-
ри и дочери. Въ церкви господи и рабѣ назо-
вались братъями. Даже въ самомъ франка-
мъ вопросъ, въ вопросъ о бракѣ можно бы-
ло видѣть чудо: некоторые отпущенники
женились на знатныхъ госпожахъ (*feminae*
clarissimae).

Какъ естественно предполагать, христиан-
скій господинъ всего чаще приводилъ и рабѣ
къ своей вѣрѣ, недопуская, однако, той несто-
ятельности, которая наполнила въ церковь не-
достойными людьми. Считалось добрымъ де-
ломъ — пойти на вседневный рынокъ и, от-
давшись водительство благодати, водить
какое-нибудь бѣдное твореніе (*ecceps à vendre*)
для того, чтобы обезпечить его спасеніе. Ку-
пить раба, — это значитъ приобрести душу;
— бѣднѣе приѣхавъ какъ продающій предположить
судается фаданю пословицъ. Одинъ рабъ про-
звѣстился, бѣжалъ однокровенный и еще бѣжалъ
законоу, состоялъ въ принятіи похищенныхъ
дѣтей, которыхъ тогда держали христиан-
скими плотни. Иногда нѣкоторые церкви
выкупали на свой счетъ одного изъ своихъ че-
ловѣкъ рабаго состоянія. Это сильно возбуждало
злѣаніе несчастнаго мента благопріятельства.

(*) Тутъ говорится оъ адмѣ адмѣ Лион-
скаго гоненія при Маркѣ Авреліи.

Православные учителя не поощряли та-
ких опасных притязаний. Пусть они проща-
ют быть рабами во славу Божию, дабы им
могли получить отъ Бога лучшую свободу. Рабъ,
или скорое самоотпущенникъ достигаетъ са-
мыхъ важныхъ церковныхъ достоинствъ, если
только его патронъ или его господинъ тому
не противился.

Христианство основало равенство передъ Богомъ.
Кишинъ Александрійскій, Иоаннъ Златоустъ никогда
не опускаютъ смрадъ угнетеннаго раба, провозгла-
сая его братомъ человека свободного и так-
же благороднаго, какъ и этотъ послѣдній,
если онъ только примирится со своимъ положе-
ніемъ и будетъ служить ради Бога охотно
и отъ сердца. Въ литургіи была молитва за
того, "котораго мучатъ въ горькомъ рабствѣ".
Уже издавна относительно этого предмета
исповѣдывали правила сравнительно гуман-
ныя. Они открывали, сколько возможно шире,
двери для отпущенія на волю. Рабство у Евре-
въ было очень смягчено. Ессениане и терапевты
пошли дальше. Они проводили рабство про-
тивъ естественному праву и обходились
совсѣмъ безъ рабскаго труда. Христианство,
менее радикальное, не уничтожило рабства,
но оно уничтожило рабскіе права. Рабство
основывается на отсутствіи идеи братства
между людьми; идея братства его разруша-
етъ. Начиная съ V вѣка отпущеніе на волю,
выкупъ плѣнныхъ были двойственными явленіями,
наиболѣе рекомендуемыми Церковью. Кто боролъ
въ христианствѣ революціонное ученіе
о правахъ человека и въ Христѣ предшественника

Плуссэнь Лувртура, тотъ вполне ошибся. Хри-
стианство не вдохновляло никого Спартака.
Честный христианинъ не бунтуетъ, но - по-
спешивъ скакать - не Спартакъ знаменитъ
равство, скорее это была Эмануила, и въ осо-
бенности падение греко-римскаго міра?

Отдѣлъ третій - Варвары и Римъ.

I. Германскій или варварскій міръ.

1. Тацитъ. - Общій характеръ социаль- наго быта Германцевъ.

Приступая къ статьѣ о Германцахъ, начи-
ная разсмотрѣніе этого составнаго элемента
новой цивилизаціи, мы должны прежде всего
остановиться на главномъ источникѣ, изъ ко-
тораго мы черпаемъ наши свѣдѣнія о пер-
воначальномъ бытѣ „варваровъ“ - на недѣлимомъ,
но замѣчательномъ сочиненіи Тацита „De
origine, situ, moribus ac populis Germanorum“,
познакомимся съ содержаніемъ и характеромъ
этого лучшаго и драгоценнѣйшаго источника,
дающаго намъ подробное и неограниченъ сво-
боднѣ для знакомства съ первоначальнымъ стро-
еніемъ общественной и государственной жизни
германскихъ племенъ.

„Germania“ Тацита заключается въ себѣ все-
го 46 главъ, изъ которыхъ первая 24 составляетъ
общую часть, а послѣднія 19 посвящена описанію

отраженных германских народов, их образа жизни и этнографических особенностей.

Прежде чем передавать сведения, оставленные нами Тацитом о германцах, скажем несколько слов о степени достоверности этих сведений. Вопрос этот необходимо должен быть разъяснен, так как существует много различных воззрений на это сочинение, не согласные ни между собой, ни с тем воззрением, которое по нашему мнению, должно быть принято, как более безпристрастное и точное.

Некоторое время во первых считалось, что германцы "никого" имели, как политический император, имевший право отбирать императора. Правда от предполагаемого им завоевания этой страны и указав ему на все непреодолимые трудности опасного предприятия. Многие это очевидно несостоятельно, так как нельзя было более доказать, что в 92 г. по Р. Хр. - год появления "Германий" и видеть восшествие на престол траяна - император имел в виду так называемых варваров.

Второе мнение, очень распространенное, говорит, что сочинен Тацитом - намеренная сатира на римские нравы. Проникнутой глубокой уязвимости к идею о лучшей гражданской доблести Римлян, полный недовольства к современному ему падению нравов в империи, он хотел Remedial и еще вставить пороки современников, но не прямо проповедью, а посредством противопоставления их добродетелям германского народа, который был

возводитъ въ идеалъ. Такъ что въ сущности Ма-
цитъ шипитъ въ виду не столько изображение бы-
ти германскихъ варваровъ, сколько одижение кра-
вотъ Римлянъ. — Действительно нужно ска-
зать, что во многихъ чертахъ происхождение Мацу-
та есть зеркало, въ которомъ отражается фи-
зический императорскаго Рима. Настоящи-
востъ, съ которой онъ констатируетъ у Герман-
цевъ отсутствие извѣстныхъ пороковъ и на-
личность извѣстныхъ добродѣтелей, показываетъ,
что при каждомъ такомъ случае мысль его
переносится къ его отечеству. Каждый его по-
хвала Германцамъ содержитъ въ себѣ болѣе
или менее скрытое одижение, болѣе или менее
явную, но всегда горькую перлау и въ тоже вре-
мя серьезное предостереженіе гордаго патріо-
та, обращеніе къ почитающимъ, летящимъ
впередъ головою въ бездонную пропасть порока
Римлянамъ.

Въ 17, 18 и 19 главахъ Мацутъ съ особенной
похвалою останавливается на добротѣ кра-
вотъ Германцевъ, кротости и святости у-
ничъ брачныхъ и семейныхъ узъ. "Никто тамъ
не смѣется надъ пороками, говоритъ Мацутъ,
и соблазнить и быть соблазненной не счита-
ется тамъ святостью" (*). Въ той же главѣ
онъ говоритъ, что "Германскія женщины живутъ
одеждами своими добродѣтельными, безъ злѣ-
мицъ, которыхъ въ развращеніи нѣтъ, безъ пороковъ,
возбуждающихъ чувственность" (**). Очевидно, что

(*) "Nemo illis vitia ridet, nec corrumpere et corrumpi
sacculum vocatur" (cap. 17.).

(**) "Ergo sacra pudicitia agunt, nullis spurca-

когда онъ говоритъ такими образами, нельзя
не подумать, что передъ нами рисуетъ проти-
воположная описываемой ностальгической
картина угодка правовъ Римлянъ и бедствий
различныхъ законодательныхъ мѣръ, которыхъ во
время республики и въ первый вѣкъ имперіи такъ
тщательно старались остановить зло. — И въ су-
щество, если мы примемъ въ расчетъ устрой-
ство германскихъ городовъ (или вообще поселеній)
и первобытной стройной общественной жизни,
то окажется весьма естественнымъ, что герман-
скія женщины не были склонны къ зрелищамъ
и играмъ уже потому, что не знали ихъ со-
всѣмъ и ставили имъ это въ засаду. Тацитъ
много только съ намереніемъ показавъ проти-
воположность между правами германскими
и римскими. „Ихъ вѣсть варваровъ, замораде-
нъ тацитъ, одни только германцы не имѣ-
ютъ обычая многоженства, за исключеніемъ
только очень немногихъ, которое не влечетъ
грубой чувственности, а влечетъ благород-
ства и чистоты по некоему сему.“^(x) „Итакъ
одно тѣло и одну душу, говоритъ онъ въ другомъ
мѣстѣ, — женщина должна имѣть только од-
ну одного только мужа и любить въ немъ су-
щество гораздо болѣе, чѣмъ супруга.“^(xx) И въ

*culorum inlecebris, nullis conviviorum iritationibus
corruptae“ (cap. xlv).*

^(x) „Nam prope soli barbarorum singulis uxoribus
contenti sunt (cap. xlv).“

^(xx) Melius quidem adhuc eae civitates, in quibus
tantum virgines nubunt et cum spe votoque uxoris
semel transigunt sic unum accipiunt maritum quo

этой чертой германского народа, выдающей та-
кую похвалу Мацита франка мы видим еще
такой намек на легкость разводов, на распущен-
ность нравов Римлян. Мы можем найти мно-
го намеков и у других римских писателей того
времени, у Ювенала, Горация и даже Овидия, ко-
торые могут служить комментарием к тому,
что приведенным видерским изречением Мацита.

Подобных имеет, очевидно представляющих
сатиру на римские нравы, много можно выи-
скать и в Мацита, они считают за престу-
пление ограничивать число детей *Eximium
liberorum finire flagitium habetur, plus ibi vo-
ne mores valent, quam alibi bonae leges*, говорит
он в 10 главе. Это явный намек на безгра-
жданность возмущительной, укоренившейся сре-
ду римских жеманов, обычной выправленности мо-
да, который естественно и в голову не мог
прийти Германцам. Плохо все рода то мо-
ета, что Мацит восторгается Германцев за
то, что они не удивляются гротей, и гротей не ро-
дотвенники насмехаются ищущества отцов весь
веського дурного завоужания. Понятно, что не
мог и думать иже у них обычной умеренности
новорожденнаго — дозволено распространения
в древности обычной отбрайтительной, профуд
которого советавало и законодательство, и по-
том христианство. А завоужаний у них быть
не могло уже потому, что письменность тогда
вообще была мало распространена. Но это

*modo unum corpus unamque vitam, ne ulla cogitatio
ultra, ne longior cupiditas, ne tamquam maritum
sed tamquam matrimonium ament* (cap. XXV)

последнее замечание получает значение, если мы обратим внимание на дальнейший текст: „*ulla civitatis recta*“: толастяки не живут в Германии никакой ценой, тогда как в Риме бедноты старики представляли лакомый кусочек, что окружала постоянно ценой толпа истребителей, паразитов, которые, как манна небесная, всегда для себя какой-нибудь крошки в их духовном загнивании. Это явление часто описывали римские сатирики (см. Гораций, Sat. II, 5; Ювенал, Sat. VI, 595).

Конечно не без намерения автор „Германий“ выводит в своей книге такие разительные контрасты. Очевидно, что описывая у паразитов, подмывающих его наблюдению, возмущающая хорошая черта, что необходимо делается для обращения в обратном направлении, к своему отечеству и с прилежанием видеть там обычай и право, далеко уступающие по чистоте обычаям и правам варваров. Так. обр. мы должны признать несомненное существование обличительного сатирического элемента в „Германии“, но тем не менее мы не должны забывать, что это сочинение, как исключительно сатирическое. Цель Тацита была не только наблюдательная, она имела в виду не только представить картину римского общества, только перефразированного, как говорится в некоторых местах, но заданная также целью описать точно и правильно бытие Германцев и с этой точки зрения сочинение его имеет научное значение. Это географическому и географическому описанию Германии, очень обстоятельному и подробному по сравнению с остальной частью его сочинения (19 последних глав). —

Съ болѣею достоверностью можно предпо-
ложить, что Мацигъ много намерение совершен-
но объективно представить картину германскаго
быта, но будучи ликуетъ съ тѣмъ протиснуть
чувствомъ шудскаго патриотизма, онъ не могъ
равнодушно отнестись къ порокамъ и упадку
современнаго ему общества, и неизбежно иногда
тѣмъ его описанія звучитъ горькой Ironie и
искренней скорбью.

Наконецъ есть еще уренъ, которое держатъ
въ третьего и несколько различнаго отъ второго
мнѣнія о содержаніи и значеніи „Германиа“. Они
говорятъ, что это сочиненіе нѣчто иное, какъ
романтическая утопія, риторическое произве-
деніе, сентиментальное описаніе идеальнаго,
несуществующаго общества первобытнаго и не-
испорченнаго, съ простыми обычаями и до-
бродетельными въ противоположность римско-
му упадку нравовъ. Въ Германцахъ Мацига
мы не должны видѣть, будто бы, именно Герман-
цевъ, но варваровъ вообще, до которыхъ не ко-
снулась еще растлѣвающая рука цивилизаціи,
и которыхъ Мацигъ выставилъ какъ идеаль-
ный народъ, а бытъ ихъ, какъ идеальной ботѣ.
Такъ обр. Мацигу приписывается тенденція,
очень распространенная между романтически-
ми писателями XVIII и XIX вѣка напр. у Руссо
и Морис-Зандъ: какъ Мацигъ выставилъ въ
разовомъ урѣтѣ Германцевъ, которые, немо-
тѣ на которую суровость и дикость, энергію,
прямотою ума, простотою сердца стоятъ го-
раздо выше Римлянъ, такъ эти послѣдніе поста-
вили краснорѣчивъ Индѣйцевъ, какъ идеаль-
наго совершенства. Сомаено этому видѣ-

ду мы не должны считать действительными и реальными — ни отдаленные черты, очевидно назначенные для жизни ровного выставления контраста, ни всю картину. — Взгляды эти вь обидеть одностороненъ, хотъ действитель- но можно замечать, что не только Тацитъ, но и другие римскіе писатели были проникну- ты убѣжденіемъ, что заматой вѣкъ несутъ да- леко позади насъ, въ глубокой древности, въ тогда- шнюю младенческую эпоху народной жизни и сообразно съ этимъ взглядомъ выставили первоначальную пицмена и варварскій бытъ за образецъ для печальнаго настоящаго. Выраженіе этого взгляда мы находимъ также въ одномъ отрывкѣ изъ *Анналовъ*: „Первоначальные люди, го- воритъ таинъ Тацитъ, еще свободные отъ без- порядочныхъ страстей, или жадности къ день- гамъ, или тщеславію, не знали ни поощреній, ни наказаній; награды также ни въ не были необо- димы, такъ какъ они были добродѣтельными сами того не сознавая: и такъ какъ ни чего не ме- лали противъ обычае, то никто не запрещалось имъ подѣ страсно (наказанія). Но послѣ того какъ равенство исчезло, вѣсто злостности и честности воцарилось честолюбіе и снмъ, образова- ные монархія.“⁽¹⁾ Можно также въ этомъ вырази-

⁽¹⁾ *Vetustissimi mortalium, nulla adhuc mala li- bidine, sine probo, scelere eoque sine poena aut coercionibus agebant. Neque praemiis opus erat, cum honesta suapte ingenio peterentur; et ubi nihil contra morem superent, nihil per metum vetabantur. At postquam exui aequalitas et pro- modestia ac pudore ambitio et vis incedebat, provenire do- minationes multosque apud populos aeternae mansere* (Ann. III, 26)

ниях последней главы „Германий“, которыми заканчивается описание бедного и грязного быта Феннов (Финнов), Маццитъ говоритъ объ ихъ грубой жизни, недостаточности земледелии, полной безпечности относительно будущего, равнодушии къ лишениямъ великаго рода, даже къ недостатку въ пище и одежде и прибавляетъ, что они думали того, что всего труднее достать — а именно того, что не имеютъ нужды даже въ земляхъ. (xx)

Но все же мы не должны забывать, что по добного рода взгляды и выражений выступаютъ въ трудъ Маццита на первый планъ, составляютъ его главный характеръ. Целый сочиненіе всетаки остается научная, а вышеприведенныя особенности представляютъ только окраску, необходимую вытекающую изъ его личнаго воззрѣнія, какъ мыслителя — стоянка, какъ гражданина и человека.

Так. обр. нужно признать въ „Германий“ и сатирический элементъ, направленный къ обличенію римскихъ нравовъ и связаннаго съ дружелюбною идеализаціо чертъ жизни первобытнаго племени, обличеніе простоты и всема естественнаго въ варварскомъ быту явленій высшими идеями и чувствами: наприим., отъводя брачные обряды Германцевъ, авторъ находитъ въ нихъ глубокий нравственный смыслъ, который едва ли могли сознавать и понимать сами Германцы. — Все это нужно, конечно, имѣть

(xx) *Securi adversus homines, securi adversus deos rem difficillimam adsecuti sunt, ut illis ne voto quidem opus esset.* (Germ. cap. 46).

въ виду, пользуясь данными изъ „Германий“, но
 доходить до отрицаний исторического значе-
 ния этой маленькой, но великодушнѣйшей книжечки,
 было бы излишнее и несправедливое крайнее,
 и книжки основательно гордятся тѣмъ, что
 лишь выпало на долю счастья найти въ такой
 древности такого самобытнаго писателя,
 который такъ подробно, толково и талант-
 ливо описалъ изъ первоисточниковъ строй. Если
 бы не было Тацита, замѣчаетъ Вайтцъ,
 пришлось бы начинать историю Германцевъ
 на 500 лѣтъ позже, только съ тѣхъ поръ, какъ
 появились сочиненія Эрихона турекаго и др.,
 и какъ написано было въ первый разъ свѣдѣ-
 ній о правахъ у Франковъ Салическихъ.
 И по многимъ книжечкамъ уренокъ извѣстна
 Тацита настолько опредѣленно и точно
 указываютъ на истинныя свойства герман-
 скаго народа, обличаютъ такое близкое зна-
 комство автора со страной и съ обитате-
 лями, что однимъ изъ комментаторовъ утвер-
 ждается, что Тацитъ долженъ былъ самъ
 путешествовать по Германіи, чтобы знать
 тѣ много тѣлесскіе выраженія, тѣ касты-
 лости и тонкости быта, которыхъ онъ при-
 водитъ. Это много, вооразно, преувеличен-
 но, но тѣмъ не менее ясно, что Тацитъ по-
 нимае свѣдѣнія о Германіи очень точныя изъ
 первыхъ рукъ.

Периодъ теперь къ изображенію главнѣйшихъ чертъ
 германскаго быта по Тациту. Подробное озна-
 комленіе съ этими вопросами очень важно и са-
 мо по себѣ и въ особенности для сравнительнаго

изучения первоначального быта и друиных европейских народов. Тутъ нужно обратиться, какъ къ превосходному пособию къ указанному нами во введении заимствованному сочинению Вайтца. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. Erster Band. Сочинение это признается классическимъ во всей Европе. Въ 1880 году вышло третье издание, значительно дополненное и исправленное на основании новыхъ трудовъ по вопросу объ исследовании первоначального германскаго права, которые даются находятся въ оппозиции въ соображении Вайтца. Этихъ послѣднихъ изданий и нужно пользоваться.

Изъ друиыхъ сочинений, занимающихся разборомъ Магнуса и изучениемъ древне-германскаго быта по Магнусу, укажемъ на следующие:

- 1) Ehrhardt. „Älteste Germanische Staatenbildung.“ Leipzig. 1879.
- 2) Sickel. „Geschichte der deutschen Staatsverfassung.“ Halle, 1879.

Это сочинение во многомъ противоречитъ взглядамъ Вайтца, но врядъ ли можно сказать, что исследование Зиккеля представляетъ прогрессъ въ наукѣ. Онъ считаетъ возможнымъ „конструировать“ древне-германскій бытъ на основании соображений по аналогии съ бытомъ позднѣйшимъ и въ этой области даетъ слишкомъ много свободы своей фантазии и уже теперь не можетъ быть отказываться отъ многихъ ранее высказанныхъ взглядовъ.

- 3) По Вайтцу написана глава о бытѣ древнихъ германцевъ въ наведенномъ во введении сочинении Кауфмана: „Deutsche Geschichte bis auf Karl den Großen.“ 1880.

4) Кроме того интересно труд Зибера - Sybel - „die Entstehung des deutschen Königthums“, явившийся в 1881 году вторым изданием (с переработанным видом). Зибель доказывает существование родового быта у древних Германцев и ссылаясь на древнейшие законы признает влияние римского права, доказывает, что королевская власть образовалась и развилась не внутри Германского народа, но вследствие внешнего римского воздействия.

Влияние Зибеля во многом противоположно во взглядах Вайтца и еще в 40-е годы между ними возникла горячая и правая полемика по вопросу о степени культуры древних германцев, причем Зибель, как сторонник родовой теории, доказывает, что предки Номинцев во времена Тацита стояли на очень низкой ступени развития, Вайтц же утверждает, что они достигли уже довольно высокого государственного и общественного развития и дошли в силу упрямого спора до того, что стали обвинять Зибеля в отступлении патристизма. Но потому оба расходившиеся упрямые принципа, о чем сам Вайтц заявляет в первом томе вышедшего третьим изданием в 1880 г. своего труда. Родовая теория Зибеля отмирает от некоторой искусственности в построении. В русской литературе она отразилась в известной статье М. Н. Грановскаго - „О родовом быте у древних Германцев“ (помещенной в 1 т. его сочинений) и принята была в русской науке в труд профессора Варшавскаго Университета А. В. Никитскаго - „Очерк внутренней истории Пола“. СПб. 1873.

5.) Затруднительно и важно сочинение Баухматарха: Baumstark. „Urdeutsche Staatsalterthümer. Zur schützenden Erklärung der Tacitus Germania“. Он много занимался надъ изысканіемъ и объясненіемъ Мацумовской Германии и издалъ обширное сочинение, критически рассматривающее все сообщаемыя мацумовъ сведения, причемъ не слѣдуетъ по порядку изложенія Мацума, а располагаетъ данныя въ своей системѣ. Это сочинение важное и замѣчательное, хотя немцы ученые очень упрекаютъ Баухматарха за его неумеренно рѣзкую посылку. После его смерти трудъ его былъ изданъ въ издѣніи видѣ, въ видѣ послѣдовательнаго объясненія „Германиі“ по порядку одной главы за другою, какъ одной, такъ этнографическо-географической части.

6.) Другое изданіе Мацумовой „Германиі“ принадлежитъ Мюленгоффу, который помѣстилъ также и выдержки изъ другихъ древнихъ авторовъ, сообщавшихъ извѣстія о древнихъ Германцахъ, могущія служить дополненіемъ и комментариемъ къ Мацуму.

7.) Изъ французскихъ сочиненій объ этомъ вопросѣ назовемъ только Жерроу. „Rome et les barbares Etude sur la Germanie de Tacite“, редъ профессора лекцій, читаннаго въ „Collège de France“.

Перейдемъ теперь къ описанію главнѣйшихъ чертъ Германскаго социальнаго быта, каковыя его рисуетъ намъ Мацумъ. При изреченіи Германии Мацума, мы пойдемъ сверху внизъ; рассмотримъ сначала, что свѣдѣвало Германцевъ въ одну общую націю, затѣмъ спустимся къ меньшимъ подраздѣленіямъ націй, потомъ къ свѣдѣнію обобщенному

быти и наконецъ въ мирному повоинному отдѣль-
наго повоинка.

При описаніи Перманскихъ племенъ Тацитъ раз-
мываетъ 1) Нацио, 2) племена и колена и 3) поли-
тическія единицы, государства, которыхъ нѣ по-
добно Цезарю называетъ civitates. Очевидно, что
въ точномъ значеніи Перманская нація во вре-
мена Тацита не существовала, такъ какъ от-
дельная колена не имели никакого единства.
Самое слово „Германи“ не принадлежитъ Немецѣмъ;
первоначально имѣли название ир Гал-
лы, а потомъ Римляне, и такъ это слово и сохра-
нилось за предками нѣмецкихъ Немецѣмъ, са-
ми же Перманцы не сохраняли своего націо-
нальнаго единства и не создали на своемъ эле-
ктъ общаго племеннаго родоваго названія; это
единство прежде ир примысли ир сосѣди и
враги Галлы. ~~Вѣдѣ~~ ^{то} ~~Они~~ ^{то} ~~начала~~ и окрестили
племена Германи сосѣди съ ними и касто на-
падавшие на нихъ. племя тюрговъ, въ которыхъ
это названіе распространилось на все родство
и нѣ племена. Существоютъ различныя тол-
кованія слова „Германи“. По мнѣнію однихъ фи-
лологовъ это слово значитъ „громкоговорящіе“,
„хорошіе крикуны“, другіе же переводятъ его словомъ
„сосѣди“. Нѣмцы думаютъ, что второе толкова-
ніе гораздо достовернѣе. Сами Перманцы, какъ
сказано, не называли себя никакими обще-
племенными племенами. Слово „deutsch“ позднѣйшаго
происхожденія; оно вошло въ употребленіе не
ранѣе IX вѣка и происходитъ отъ прилагат.
„theotisc“, „theutisc“, „deutisc“. Первоначально это при-
лагательное употреблялось только для обозна-
ченія языка (deutissa lingua) и только потому

стало присоединяться и къ слову „народъ“. Оно, въ
 разнѣ, находится въ связи съ готскими словами
 „ѳрода“ (народъ). Что же касается до названія ѳе-
 тоновъ, то Римляне обозначали имъ сначала толь-
 ко одну въѣвъ обширной германской расы, имен-
 но толь necessarily многочисленный, который
 вытѣлъ въ Кимбрию навѣтъ никогда еще во
 времена Марія такой страхъ на Италию. Въо-
 слѣдствіи имъ это соотвѣствовало въ римской литера-
 турѣ книжному названію для обозначенія всей
 германской расы (Гентонисъ приравнивалось къ Гер-
 танисъ), но никогда не было народнымъ, т.е. рас-
 пространеннымъ въ средѣ самихъ германскихъ пле-
 менъ; оно вовсе не стоитъ даже въ связи съ при-
 лагательнымъ ѳриктисъ. Что касается до тепе-
 ршняго употребленія словъ „германскій“ и „нѣмцу-
 кій“ (deutsche), то нужно замѣтить, что первое
 понятіе обширнѣе втораго. Но въ имени Нѣм-
 цевъ, разумеется только граждане образовав-
 шее въ материковой части средней Европы го-
 сударство, въ понятіи же Германцевъ входятъ
 кромѣ того и народы Скандинавскаго свѣта —
Шведы, Норвежцы и Данцы, а также и Англи-
 кане. Изъ которыхъ нѣкоторые чужды счита-
 ютъ нужнымъ считать всю германскую расу
 на двѣ бѣвшія половины — на Германцевъ Восточ-
 ныхъ, къ числу которыхъ они относятъ Скандинавовъ
 и Готовъ, и Германцевъ Западныхъ, къ которымъ
 причисляются остальныя многочисленные бѣв-
 шія и малыя племена. Эта новая терминологія
 является совершенно излишней, такъ какъ
 придумана для выраженія отношеній, не суще-
 ствовавшихъ въ действительности. — Въ сущности
 германская нація не имѣла въ древнѣйшія вре-
 -мена

ни федеративного, ни какого-либо другого единства. Магистры указывают только на некоторую связь, бывшую между отделившимися коленами, была преимущественно религиозная, выражавшаяся в избрании общих и папавших священников для отправления равных религиозных обрядов. Но это не было единство политическое, и германская раса в этом отношении представляла только множество разрозненных единиц, отделившихся общин, обозначаемых Магистры римскими именами civitates, но гораздо скорее характеризующихся немецким словом Völkerschaft.

Самая территория, которую занимала германская раса, была ограничена только еще предположениями, какие мы встречаем и в настоящее время: Германцы населяли пространство между Рейном, Вислой, Дунаем, Немецким и Балтийскими морями. Там на юг они дошли до Дуная только по долинам, придунайским землям, как мы видели раньше, зайдя были Нейталь, а Германцы дошли только до р. Майна. Южная гористая часть Германии покрыта была лесами, такими густыми, непрерывными и безконечными, что по древне-немецкой поговорке, была "пробита по семи милям, перепрыгивая с дерева на дерево". Не такую картину представляла северная Германия. Это была низменная пустыня, покрытая многочисленными и обширными болотами. От множества ивовых и березовых кустов были суровы, туманы и облака закрывали самую близкую часть года; все реки замерзали зимою, всегда водились дикие звери; пахоты было мало, лугов гораздо больше. Тогда

были многочисленны, но плохой породы. Тит, говорит Тацит, по благосклонности или по глупости отказали Германцам в Золоте и серебре, хотя и трудно утверждать, тогда в земли их не было золотых или серебряных руд, но, вероятно, они не умели извлекать из них драгоценные металлы, да и не знали в том искусства." (Герм. 5).

Но и тогда не менее почва Германии была и тогда довольно плодородна и Германы, по свидетельству некоторых древних писателей, должны были быть очень населенного страны. Указания на многочисленность населения Германии существуют еще от времени раньше Тацита. Так Цезарь говорит, что одни Сегов (Салтты) около 50 годов могли выставить до 200,000 человек, способных носить оружие; цифра эта предполагает общую численность этого племени не менее, какъ ^{до} 800,000 человек. Население Менктеров и Убинетов, упоминаемых также у Цезаря, простиралось до 400,000 жителей. Хотя Цезарь, конечно, указывает некоторые подразделения превеличавая, но его показания в данном случае совпадают и с другими известиями. Амины Марцеллы довольно подробно приводит в рассказе передо неумеренно увеличен, не смотря на неоднократные войны и жестокия поражения; массах Бургундов, Готтов и Аллеманнов. Изъ этого получается понятие, почему Римляне держали столь великую армию на Рейнской границе для защиты ее отъ Дилов Германцев. Варвары одними численности превосходили своего населения, простиравшаяся до некоей

миллионов, ^{могли} раздавить окончательно даже несправедливо суровое вооруженное и дискриминированное римские легионы.

Но это было уже позднее, а пока благодаря тому, что Германцы распадалась, как было сказано, на многочисленные группы, политически разединенные и постоянно враждовавшие между собою, не имевшие ясного представления о племени, единстве и его выгодах, еще не могли выразить Риму неминуемой опасности. — Только в саге о Манне (Mann), первом кельтском и его трех сыновьях, рассказанной Магистром (Герм. I), родоначальниками трех больших подразделений германских племен или племен (Ульенов (селившиеся вблизи от Океана), Германов (в Средн. Герм.) и Метевонов (в южной) выражается некоторое смутное представление о единстве происхождения и о том, что изветная группа многочисленных народов была родственна между собою, как потомки одного и того же из сыновей Манна. Скорее всего, впрочем, значит, что это короткое наименование саги о происхождении всего рода кельтского от одного лица, имеет сходство племенного единства Германской расы, и что уже во времена Магистра это тройное деление не имело никакого практического значения и даже римские писатели не в состоянии были сказать ничего определенного о том, какие племена принадлежали к тому или другому отряду.

Не менее того остается темным и сомнительным, какого и какие племена существуют различать в историческом периоде, со-

времени Мацита. Мы знаем, что Вестготы и Остготы, Гепиды, Майероры и Вандалы были близко родственные друзья с другами и представляли отрывки группы. Подобными же образом можно было бы составить еще несколько групп, но не имея определенных сведений, приходится переводить скоро в область догадок.

Настараемсь теперь представить приближенную картину германского быта, выражающую вольно или невольно и поспешно или сознательно, в которой выразились бы все взаимные племенные, религиозные, политические, семейные отношения, которые должны были существовать, выливаясь в ту или другую, конечно, очень несовершенную форму.

Прежде всего, если мы поставим на очередь вопрос о Германской расе, то должно немедленно ответить, что и в настоящем смысле, в народном самосознании, в смысле организованного социального или политического тана не существовало вовсе во времена Мацита. Единственным светом, объединявшим расу естественно, безосновательно, неслучайно для нас Германцев были общий язык.

Затем если от общего родового понятия Германской расы спустимся к более частным видовым понятиям племени или колену, то увидим, что кроме языка уже и другую свет, единство религиозное. Хотя в нашей истории не было такого, тогда старый племена или колено, свет которых основывался на общности происхождения, прекращали свой слабый и неопределенный союз в

союзъ государственной такъ, чтобы вместе отбѣ-
 наръ маленькихъ народцевъ, носителей почти
 лесной жизни сдѣлались племя или нація (Въ
 этомъ отношеніи они представляють полную ана-
 логію со славянскими племенами, населявшими
 древнюю Галлію). Сет-и Вестгота, Вандавы и
 въ время оставались совершенно отдаленными
 государствами, пока не вступили съ другими,
 кельтскими племенами. Даже мелкія народна-
 сти вступили, вступили въ связь и соединеніе съ
 кельтскими составными частями; на ихъ мѣсто фа-
 рия, постепенно явились новые племена,
 новой народности. — Этотъ ходъ немецкой исфа-
 ры соответствовалъ тому, что старое раздѣле-
 ніе на племена или коиты было забыто. Но
 и въ первоначальное время почти не было пре-
 ждѣній, въ которыхъ бы племенное родство на-
 ходило болѣе явное и определенное выраже-
 ніе. Народцы, связанные между собой племен-
 ными родствами, такъ часто боролись между
 собой, какъ и съ чуждыми племенами. Если
 ственной объединяющей связью некоторыхъ изъ
 этихъ племенъ было, какъ сказано, религиозное
 крѣпкое. Отъ тацита напр. мы имѣемъ свѣдѣ-
 нія, что Марсы (Марксы) имѣли общій храмъ въ
 лѣсѣ богини Тамбраны; въ этомъ храмѣ
 они собирались вместе для отправленія рели-
 гioзныхъ обрядовъ и принесенія жертвъ („Celeber-
 ritum illis gentibus templum, quod Tambranæ
 vocant.“ Tacit. Ann. I, 51). Въ другомъ мѣстѣ
 своихъ сочиненій Тацитъ приводитъ еще три
 подобныя примѣра.

1) Амскомо племя, перечисленнаго имъ (Residig-
 ni, Aviones, Anguii, Varini, Endoses, Naitones и др.)

ишким общиѣ живуть богиши Nerthus (Герм. сравн. жѣ)-матери земли, святилище которой находи-
лось на одномъ изъ острововъ Балтійскаго моря
неподалеку отъ береговъ Дании или Голландии,
вопреки, Прогнозъ.^(*)

2) Семноне (Semnones), занимавшие нижнюю
Лаузицъ (нар. Упрее), Бранденбургъ и Саксонію
и родственныя имъ народности приносили жертвы
и отправляли ежегодно торжества въ честь Lis
или Lis (this), бога войны (Герм. 39).

3) Народы, наименованные Магнотами и входив-
шие въ составъ Ругиевъ (Harii, Helvesonae, Ma-
niti, Elisii, Nakanarvali), жившие въ континентѣ Са-
везіи, приносили общую жертву Кастроу и Раму-
ксы, которыхъ называли Alci (отсюда, вопреки,
Алукунды)^(**)

^(*) „Necquidquam notabile in singulis, nisi quod in commu-
ne Nerthum, id est, Terram matrem colunt eamque interve-
nire rebus hominum, invchi populis arbitrantur. Est in
insula Oceani castum nemus, dicatumque in eo vehicu-
lum, veste contectum; attingere uni sacerdoti concessum.
Is adesse penetrati deam intellegit vectamque bubus femi-
nis multa cum veneratione prosequitur. Lacte tunc dies,
festa loca, quaecumque adventu hospitioque dignatur.
Non bella ineunt, clausunt omne ferrum; pax et quies tunc
tantum immota, tantum amata, donec idem sacerdos sa-
tiatione conversatione mortalium deam templo reddat.
Max vehiculum et vestes, et si credere velis, numen ipsum
secreto lacu abluitur. Servi ministrant, quos statim idem
lacus haurit. Arcanus hinc terror sancta ignorantia,
quid sit illud quod tantum perituri vident. (Герм. 40).

^(**) . . . Antiquae religionis locus ostenditur. Praesi-
det sacerdos muliebri ornatu, sed deos interpretatione

Судя по этимъ примѣрамъ нѣкоторыя *civitates* соотвѣтствовали между собой нѣкоторую племенную единицу, породившую выраженіе въ общности религіознаго культа. Къ какому-нибудь храму какого-нибудь общепочитаемаго божества восходили для отправления культа представители отъ каждаго изъ племенъ народа; это было нѣчто въ родѣ греческаго *амфиктіоніи*, въ составѣ котораго входили народная единица одного племени, имѣвшая свой культъ боговъ. Въ эти религіозныя союзы не было исключительности: божество одного племени находило доступъ и къ другимъ племенамъ. Но несомненно, что если существовало замкнутость религіознаго союза, то было противоположное, т. е. много соплеменные народы не имѣли общаго культа, и постоянно, опредѣленной и прочной связи между племенами или клановыми германской расы не было.

Идемъ дальше, все ниже спускаясь къ более частнымъ подраздѣленіямъ германской націи — обратимся къ такъ называемымъ *civitates* (*Völkerschaften*). Здесь уже мы замечаемъ признаки политической жизни и единства.

Так. обр. носителями политической жизни въ первобытной Германіи были не племена, которые постоянно имѣли свою общину, то соединяясь воедино, то распадаясь на еще болѣе мелкія подраздѣленія, а ирѣкты — *civitates*, *Völkerschaften*. Ихъ было очень много и Тацитъ перечисляетъ ирѣ во 2^ю части Германіи. Назовемъ

Romana Castrorum Pollucemque memorant. Ea vis numini,
nomen Alcib. Nulla simulacra, nullae peregrinae supersti-
tionis vestigium, ut fratres tamen, ut juvenes venerantur. (Germ. 43).

важнейшими из них, группируя их по последовательности по известу оскутства.

Во Скандинавии древни Suiones (общее название) и Gothi.

На островах Балтийского моря (Mare Suebicum) и полуостровов Ютландии: Dani, Juti, Hermuli, Anglii, Saxones, Eudoses.

Между Рейном, Дуною и Сааром:

1) По берегам Немецкого моря (Oceanus Germanicus): Batavi, населили страну, называемую insula Batavorum между Рейном и Адальем Frisi — между Рейном и Дуном. Chauci — между Дуном и Дуною.

2) На юге от них — Usipii, Tencteri и Sigambri на Рейне, Bructeri в треугольнике между Дуном и Липпе, потом Angriarii и Cherusci по Везере, граница на восток с народностями Дуном.

3) Еще далее на юг: Matiaci (в нем. Нассау), Chatti (до Везера, в нем. Тессен). К юго-востоку Hermunduri на вершинах Майна; на восток и юг они простирались до Богемского леса, Дуная и римского пограничного лагера. К востоку от них в Богемии — Marcomanni, в Моравии — Quadi.

На север Германдуры граничили с Germaniis, жившими по р. Шпрее, на запад до средней Дуны, на восток до р. Одера.

Во Силезии Lugii и Buri, к которым при надлежали также Vandali.

Во Польше и Пруссии Burgundiones, Gothones и др.

На берегу Балт. моря — Audii (между Одером и Вислой), по нижней Дуной — Langobardi.

Вотъ главная *civitates*, на которую распадалась во времена Магиста Германская раса. Кроме того остаются непонятными еще много именъ, которые должны быть приписаны къ мелкимъ подразделениямъ вышеописанныхъ. Определить точной границей между областями, занятыми каждымъ изъ названныхъ родовъ почти невозможно; можно только сказать, что границами не служили во все время селения. Намъ известно, наприм., что Меркелли жили по обоимъ сторонамъ Везера, Бруктеги по обоимъ сторонамъ Риппе, Лангобарды по обоимъ сторонамъ Эльбы и т.д.

Между всеми этими племенами развѣдалась государственная жизнь, но развивалась отрывочно въ каждомъ. Большая часть тогдашнихъ родовъ, которыхъ непонятно настоящее государство или были воеводы независимыхъ Германцевъ, или же непонимавъ не государствами, а селеньями, франкскими, родовыми. Поэтому говорить, что до поселения на римской почвѣ Германцы не знали настоящаго государства, но знали въ исключительномъ родовомъ бытѣ, знали только государство родовое, т.е. совокупность семей, соединенныхъ въ формѣ одной франклин. Органомъ власти въ этихъ отрывочныхъ маленькихъ *civitates* (*Völkerschaften*) были воты (*concilia*).

Указавъ еще на нѣкую схему, на подразделения *civitates*, на такъ называемую сотною, радиъ, по-нѣмецки Ган (къ слову отъ греч. γῆ), по русски волость. Это нѣкое подразделение государства, имѣвшее значеніе не политическое, а только судебное.

Мак. обр. поситдовательная схема формъ гер-

манского быта представляется въ слѣдующемъ видѣ:

- I. Германская раса — сознательнаго единства не существуетъ, естественное единство — языкъ.
- II. Племена или коленна — свѣсть неопредѣленная, непостоянная и только религиозная (общіе кушты).
- III. Народы (civitates) — свѣсть и жизнь политическая, органъ власти — вождь.
- IV. Власти или сотни (rati, gane) — судебныя сходы.

Далѣе идутъ уже V. села
и VI. дворы.

Если мы сопоставимъ Германскій бытъ съ бытомъ славянскимъ, то понятіе „германцевъ“ будетъ соответствовать понятію „славянъ вообще“, понятіе „племя“ или „колено“ будутъ соответствовать такому же понятію, какъ „славяне русскіе“, „славяне ляхитскіе“ и т. д. Названіе civitates можно было бы приложить къ полянцамъ, древлянамъ и др., а названіе rati русскимъ волостямъ.

Теперь посмотримъ, что же представляло собою древне-германское государство (ставя въ вопросъ или дѣйствительно ли въ виду только civitates, такъ какъ они ины были носителями или политической жизни)?

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе, можно ли утвердительно доказывать существованіе родового государства въ отдаленнѣйшихъ германскихъ племенахъ? — Сторонники теоріи родового быта доказываютъ, что государство въ Германіи имѣло очень ограниченное число функций, большую часть государственныхъ задачъ не-

понимать родъ. Древне-германская община есть нечто иное, какъ родъ, говоритъ Грановскій, популяризируя въ своей статьѣ «О родовой бытѣ у древнихъ Германцевъ» взглядъ Зиделя: члены рода живутъ сообща въ деревнѣ, или отдаленномъ дворѣ на общей землѣ, маркѣ, обнесенной со всехъ сторонъ лесомъ, болотомъ или другого природного границею. Это граница рода: на нее положено заклиять. Ее охраняютъ являющиеся боги (являющиеся демонами после введенія христианства) и бездумно жестокаго постановленія исключительнаго родовой общины. Смерть ожидаетъ инородца, самовольно переступающаго заветный рубежъ. — Не собственность, а происхождение, принадлежность къ роду опредѣляетъ значеніе лица въ такой общинѣ. Инородцу не было въ ней места. Но родовой связи заключались не въ одной кровной родствѣ: родъ увеличивался не черезъ народонаселеніе только. Въ составъ его можно было вступать извне, посредствомъ усыновленія или брака. Вообще меншина суровыми часто посредниками и примирительниками родовъ, сличая ихъ наравную исключительность. Англо-саксонская поэзія не даромъ называетъ меншину феодовевве, тѣхущую миръ. Этотъ превосходный эпитетъ показываетъ ее значеніе въ основанномъ на родовой отношеній обществѣ. Провожденной посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чуждой ему группѣ общинъ, инородцы становились ее родичами, потому какъ въ родоначальника. Вмѣстѣ менше, нехусяженое родство (родовая функция) замупало иже то кровнаго" (Грановск. Соч. т. I, стр. 140, 141 и 142).

Изъ отдаленныхъ кельтскихъ такое родовое государство не имѣетъ никакого дѣла; оно знаетъ

его только въ совокупности членовъ того или друга-
го рода; т. е. группы франкий, соединенной въ одно
целое въ форму рода; всякій членъ рода диндичай-
нство или, лучше сказать, единственного владѣн-
наго собою признаетъ родоначальника; къ этому
последнему обращается съ приказаниями, тре-
бованиями, и государством, передъ которымъ онъ
несетъ всю ответственность за членовъ своей
франклин.

Таковъ общій характеръ родового государства.
Теперь если обратимся къ Германіи мацтов-
скихъ временъ, то увидимъ, что она къ тому вре-
мени уже вышла изъ подобнаго строя обществен-
ной жизни, перешла пору исключительнаго ро-
дового быта. — Докажемъ это только что выска-
занной нами мысли немало можно найти у
самого Мацта. Укажемъ на некоторыя изъ
нихъ. Во-первыхъ самое подразделение государства
(*civitas*) на сотни (*pagi*) основывается не на ро-
дство, а на членъ (*germ. 12*). Во-вторыхъ *principes* —
старшина, мунданъ, глава племени избираются
на народномъ волеи не изъ какой-нибудь одной фран-
клин, а свободно, и по некоторымъ даннымъ мож-
но думать, что члены одного и того же рода от-
лаиваются по избранію въ одно время ставили надъ
различными волостями — сотнями. Они предста-
вители волостей, но избираются на общій волеи,
а не на родовомъ сходкѣ, не въ роетатѣ изъ ро-
довыхъ отношеній. (*evident*). Все это есть явный
фактъ, можетъ служить вѣрнымъ доказатель-
ствомъ того, что родовое начало не преобладало
въ бытъ древнихъ Германцевъ въ историческое
время. — Но есть и еще указанія на то, что Гер-
манцы уже вышли изъ той рабы родовыхъ

отношений еще до столкновений с Римлянами. Маццубе прямо говорит, напр., что юноша, достигший известного возраста, способный носить оружие, должен отвечать собственностью государства ("Pars publicae". Germ. 13). Потому, когда являлась необходимость в воинах, братья собирались на совет, и тогда государство передавало свои требования вступавшим в ряды воинов или вообще всем на волю, совершающим поступки и не через родоначальников и князей, а прямо и непосредственно. Явившийся на совет или не ставший в ряды воинов сам был ответствен за себя и сам терпел наказание. Это очень важная черта, она доказывает, что отдельное лицо лично тогда уже прямое отношение к государству.

Во введении от позднейшего времени (от VII в. до н. э.) мы видим, что государственная власть простирается уже и на то, что до того пор состояло исключительно под властью главы рода, т. е. на женщин. Так Теодор Веллих в указе от одной знатной женщины, нанесшей тяжкое оскорбление другой, повелевает, чтобы и наказан род, семья; если же это не будет исполнено, то государство возмещает на себя эту обязанность. — Далее в одном Лангбардском законе говорится, что женщина, вступившая в брак с рабом, должна быть казнена смертию, и исполнение этого закона лежит на ее роде; если же род уклонится от этого, то государство зачисляет ее в число свободных. — Во время Маццубе несовершеннолетние и женщины стояли еще под властью старших рода, что доказывается обычаями на-

казанія за нарушение супружеской верности.^(x)

Так. одр. нѣ всего вышеокааннаго слѣдуетъ, что въ Германіи, хотя и сохранились нѣкоторыя остатки древняго родового быта, но государственное устройство уже существовало въ отдаленнѣйшіе племена и во время Магита, такъ какъ государственной власти была подчинена значительная часть населения — все совершенно-мѣтныя, свободныя люди.

Органами государственной власти были сеоры (consilium) — всегда и князья (principes) у некоторыхъ народовъ.

2. Сословія.

Прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ этихъ двухъ органовъ государственной власти, остановимся на вопросѣ о сословіяхъ, на которыхъ раздѣлялись древне-германскія общины.

Германская нація, какою она является въ описаніи Магита, не была соединеніемъ равноправныхъ, различающихся другъ отъ друга только нѣкоторыми качествами/индивидуальностью. Въ ней существовало раздѣленіе на сословія. Но эти сословія не были тѣсно замкнутыми кастами и не задерживали свободнаго теченія жизни; они не основывались также на различіи происхожденія, національности, а выработались внутри народа, или это были чуждые элементы, принятыя въ

^(x) "Paucissima in tam numerosa gente adulteria, quorum poena praesens et maritis permissa: abscisis exinibus, nudatam, coram propinquis expellit domo maritus ac per omnem vicum verberare agit." (Serm. 19.)

тѣмъ рабовъ заковывали въ цѣпи, дѣли имъ при-
нуждани рабства черезъ силу („Verberare servum
ac vinculis et opere coercere carum.“ Сар. 25). Но
тѣмъ не менее, прибавляетъ онъ, каждаго воен-
наго въ минуту гнѣва могъ убить своего раба
даже съ измѣнами, и это всегда происходило
безнаказанно („Occidere solent non disciplina et
severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod
impune est.“ Ibid.). — Затѣмъ Магистръ повѣствуетъ о
самостоятельности, помянутомъ который не мно-
гими отмираетъ отъ помянутой рабства за неимѣ-
ніемъ никакихъ освободительныхъ случаевъ, когда на-
ступая въ трудную борьбу, воевали до ве-
ншихъ степеней силы въ государствѣ. — Магистръ,
очевидно, не достаетъ слова; терминъ. и онъ въ са-
момъ понятіи servi смысляетъ различныя сте-
пени зависимости отъ отношений, смысляетъ миты
(liti, laeti, lazzi) — полусвободныя (Hörige) съ насту-
павшими рабскими — невольниками (Knechte, Knecht).

Первые происходили, вероятно, отъ потомковъ
первобытныхъ обитателей средней Европы — Кель-
товъ или народовъ туранско-финическаго корня,
которые Германцы частью вытѣснили оттуда
своими напорами, частью поработили, привеши
въ зависимое состояніе. Это покоренное народи-
заннѣе рабское помянутое среди завоевателей
видно и въ ~~такихъ~~, выработавшихся у него
терминахъ германскихъ народовъ словъ для обозна-
ченія понятія „рабъ“; напр. у Немецевъ въ позднѣй-
шемъ языкѣ — „Slave“ т. е. Славяне (Славянинъ), у дру-
гихъ — „vealer“ т. е. Волыне и т. д.

Много спорили въ наукѣ о правахъ митовъ, бы-
ли ли они свободными или нѣтъ. Но можно ска-
зать, что они не были ни тѣми, ни другими. Они

составляли особенное сословие, которое имело особые права и занимало особенное положение в общине. Они разлагаются отъ рабовъ. Они не право вещь; править личной неприкосновенности они пользуются, въ этомъ они походятъ на римскихъ вольноотпущенниковъ и нѣтъ чуждо увеличиваются черезъ отпущение рабовъ на волю. Они владеютъ землею не свободно, но отъ имени какого-нибудь хозяина, которому они обязаны ответственными службами и повинностями. У нихъ не было законныхъ брачныхъ отношений (римск. соппитумъ) съ людьми свободными. На народное сходство, когда было нѣкогда о нѣкоторыхъ правахъ, они сами могли являться, къ истцу и ответчику; но въ политическомъ отношеніи они не имели никакого участія. - Это касается до вторыхъ - до настоящихъ рабовъ - холоповъ (кнесты), то они были вполне безправны, происшедши отъ военнопленныхъ, отъ людей, потерявшихъ свою свободу въ азартныхъ играхъ (Гелл. 24) или какими-нибудь другими способами. Впрочемъ и въ, по всей вероятности, было немало; масса населения состояла изъ свободныхъ.

Перейдемъ теперь къ дворянству.

Это касается до того сословия благородныхъ (децимловъ, nobiles patritia), нѣкогда замѣтнѣе, что объ этомъ поднималось много споровъ въ учебной исторіи. Прежде и естественно всего думать было возникнутъ вопросы: какими образомъ появились у германцевъ въ ихъ первобытномъ общественномъ устройствѣ этотъ первенствующій классъ, и какое онъ могъ имѣть значеніе? Въ прежнее время сословію этому дѣйствительно придавали первенствующее значеніе давшее и

въ политическомъ отношеніи, но такое мнѣніе никакъ не можетъ быть основано, по крайней мѣрѣ, на словахъ Мацута. Если обратъ, разобравъ и сравнивъ весь текстъ, въ которомъ Мацута говоритъ о *nobilitas*, то обнаружится тотъ фактъ, что, по мнѣнію великаго историка, это сословіе получившееся скорее почетомъ и уваженіемъ, чѣмъ какого-нибудь особеннаго владѣнія, какими-нибудь выдѣленными политическими полномочіями. „Германцы избираютъ своихъ королей между самыми благородными, военачальниковъ между самыми храбрыми. Власть этихъ королей ^{не}неограниченная и не самовластная, что же касается до военачальниковъ, то они повелеваютъ скорее приказать, чѣмъ владѣть“ (*Reges ex nobilitate, Duces ex virtute sumunt*“ и т. д. Герм. 7). — „Когда все въ полномъ сборѣ (на войнѣ), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, король или старшина (магистръ) смотря по мѣстамъ и по благородству происхожденія держитъ рѣчь къ народу и заставляя слушать себя скорее силою убѣжденія, чѣмъ своею властью („*Mox rex vel princeps, prout aetas emipue, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur, auctoritate suadendi magis, quam iubendi potestate*“, Герм. 11).

Изъ только что приведеннаго, а также изъ многихъ другихъ подобныхъ мѣстъ „Германи“ можно заключить, что дворянство получившее почетомъ, уваженіемъ, авторитетомъ, но только не политическою властью, на которую имѣть и намека. „Благородство радишенія, заслуги предковъ могутъ заставить уваженіе, вниманіе со стороны военачальника даже и тогда.“ („*Insignis nobilitas aut magna patrum merita*

principis dignationem etiam adolescentulis assignant. Germ. 13). Изъ этого видно, что заслуги предковъ и благородство происхождения доставляли уважение даже воевода, но именно уважение, а не власть. Преисде Савиньи и теперь Зукхель доказываютъ именно власть благородныхъ, приравнивая другъ другу выражений maius principes и nobiles, но это возражение невторое и Вайтцъ убедительно опровергаетъ его.

Обращаясь къ позднѣйшимъ извѣстиямъ X^{го} и XI^{го} вѣковъ, мы находимъ тамъ только указанія на высокое общественное положеніе дворянства, на то уваженіе, которому оно пользовалось. Въ одномъ Саксонскомъ законѣ говорится, что за убійство шимпелъ Эдмунга платится такая же вѣра, какъ за убійство простаго свободнаго человека. У нѣкоторыхъ германскихъ племенъ вѣра за убійство Эдмунга полагалась вдвое и втрое болѣе, чѣмъ вѣра за убійство простаго вѣдана. Обычай свидѣтельскихъ показаній на судѣ также имѣли въ доказательство преимуществъ дворянства: свидѣтельское показаніе Эдмунга имѣло болѣе веса, чѣмъ показаніе простаго вѣдана. Эдмундъ могъ говорить самъ за себя и судѣ довалялся этимъ, между тѣмъ какъ простой свободный человекъ непремѣнно обязанъ былъ для подтвержденія своего слова представлять нѣсколько соприсяжниковъ (conjuratores), которые предъ нимъ были клятвенно подтверждаютъ его показаніе.

Изъ всего этого истощниковъ и свидѣтелей можно вывести ясно и послѣдовательно поставленное нами выше положеніе, что германское дворянство (nobilitas) пользовалось только преимуществами почета и уваженія своихъ соплеменниковъ.

и что не было никаких политических прав и привилегий, которые были бы специально при своем этихъ состоянии и которыми бы оно наследственно пользовалось. Нужно помнить, что этотъ почетъ былъ закрѣпленъ за благородными еще въ глубокой древности. Эдлинги — это старое родо, изъ которыхъ выбиравшсь обыкновенно короли, потому что на нихъ племя привыкло смотрѣть, какъ на лучшихъ носителей своихъ интересовъ, такъ какъ ихъ предки въ отдаленный времена, еще во времена великихъ первоначальныхъ переселеній были владыками народа, сжали во главѣ отдѣльныхъ племенъ или частей племенъ еще тогда оказали племенъ великія услуги. Происхождение такихъ родовъ обыкновенно бываетъ даже облечено въ форму мифическихъ разсказовъ. Это древнее германское дворянство, основывавшее свои привилегіи на чистоту нравственныхъ фундаментовъ, отнюдь не безъ снѣживать съ позднѣйшими славянскими германскими дворянствами.

Почетное и численность знатныхъ дворянскихъ родовъ была неодинакова у различныхъ германскихъ племенъ. У однихъ ихъ было довольно много, но по большей части число благородныхъ было незначительно, а у некоторыхъ племенъ даже совсемъ не упоминается о нихъ. Такъ напр. у Баваровъ было только 5 знатныхъ родовъ кроми герцогскаго рода Агилфриновъ. Въ то же время Франки, кроми рода короля, совсемъ не имѣли Эдлинговъ въ историческое время. У Готтовъ было два дворянскихъ рода: Амалы и Остготы и Баиты и Вестготы. У Саксовъ, у которыхъ совсемъ не было королевской власти, упоминается

о довольно значительномъ числѣ знатнаго рода. Это последнее фактъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ противъ возранныхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что эллинистическо племя королевскаго рода. Такое предположеніе рѣшительно не выдерживаетъ критики. Составленіе королевскаго рода эллинистическо невозможно, потому что на встрѣчу постоянныя указанія на существованіе дворянскаго племени, гдѣ нѣтъ корей. Возраженіе, которое дѣлается на это, что будто бы у такихъ племенъ, какъ Саксы, прежде существовала королевская власть, но потомъ исчезла, а потомки королевскаго рода обратились въ эллинистовъ, также недостаточно. еще Магизъ, первоначальный источникъ, указываетъ на то, что были племена, у которыхъ и въ его время не было корей.^(*)

(*) „Die Annahme scheint wohl berechtigt, vornehmlich Baumeister, — dass in den Anfängen staatlicher Entwicklung sich der Einfluss bestimmter Familien geltend machte, unter deren Führung das Volk, vielleicht einst in die neue Heimath einzog, aus denen er seine Vorsteher, Richter und Heerführer nahm; erhielt sich ihr Ansehen und befestigte sich zu regelmässiger Herrschaft, so entwickelte sich einfach und naturgemäss was den Deutschen Königthum heisst, während anderswo Zustände eintraten die ein solches ausschliessliches Recht bestimmter Geschlechter in den Hintergrund drängten. Aber auch dann behielten diese eine Stellung ausgezeichnet vor dem übrigen Volk, und bildeten so einen Stand für sich, eben das was als Adel bezeichnet wird.“

Тогда общ. сословіе дворянъ въ германскихъ бытъ существовало, но не имѣло привилегированнаго политическаго значенія преимущественно передъ свободными простомышленниками.

Древне-германскій бытъ былъ по преимуществу демократическій. Ни въ первоначальной Германіи, ни впоследствии въ XVI вѣкѣ не видѣтъ мѣстности, гдѣ одно сословіе присвоивало себѣ исключительныя права, гдѣ одинъ классъ политически преобладалъ надъ всеми остальными. Даже право носить оружіе, какъ известно, это былъ признакъ благороднаго происхожденія въ средніе вѣка, — въ первоначальной Германіи не принадлежало одному отдѣльному классу. На вѣсѣхъ согражданъ ^{Германцы} ~~они~~ все присутствующее вооруженными. Они не обидѣются, говорятъ Магистры, — никакого

Zu voller Sicherheit ist nicht zu gelangen. Aber das Wesentliche lässt sich erkennen: die Bedeutung des Adels ist eine historische: er wurzelt in der Vergangenheit, vielleicht, einer ferneren Vergangenheit des Volkes. Er besteht aus einzelnen Geschlechtern, die von Alters her ein besonderes Ansehen haben, die das Volk höher ehren, als die übrigen Genossen, die Volk mit bestimmten Namen bezeichnet werden, deren Ursprung aber im Dunkeln liegt, wie der Ursprung des Volkes und seiner Gliederung, des Staats und seiner Ordnung selbst. Mit diesem scheint er entsprungen: er erzeugt sich nicht neu aus dem Leben der Gegenwart, ausser wenn die Herrschaft längere Zeit einem Geschlecht verbleibt, das noch nicht zum Adel gehörte, dadurch aber in seine Reihen eintritt."

("Deutsche Verfassungsgeschichte", I, 189. — dritte Auflage).

обязательного или частного дѣла иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. (Герм. XIII). Право являться на народный сходъ вооруженными принадлежало всему свободному. Оно сохранялось долго въ видѣ обычая въ латинскіе кантоны Швейцаріи (Швицъ, Ури, Унтервалденъ и Люцернъ), и тамъ собирались односельчане или жители одной общины, одного округа до послѣднихъ временъ для обсужденія общаго дѣла непременно въ своихъ старинныхъ, зарисавшихъ оружіемъ въ рукахъ.

Между вооруженнымъ собраниемъ и ополчениемъ не было даже особеннаго различія, что видно изъ того, что право носить оружіе, которое простой крестьянинъ носитъ наравнѣ съ знатнѣйшимъ. Въ случаѣ необходимости, войско составлялось изъ всего свободнаго совершеннолетняго племени общины. Слѣдуетъ замѣтить, что въ устройствѣ и расположеніи рядовъ этого войска родовыя свѣдѣнія имѣли еще болѣе значеніе: родичи обыкновенно располагались вместе и составляли отрядъ. „Бояже всего возбуждаетъ насъ храбрость, — говоритъ Тацитъ, — составъ отрядовъ войска, которое не представляютъ случайнаго набора случайныхъ друзей друзей людей: они собраны изъ племени одной фамиліи и родственныхъ.“ (x).

Кромѣ этой общей массы войска, германскіе конунги, старшины и князья (главары) имѣли еще своего дружинника и наконецъ сверхъ всего этого, каждое войско имѣло еще избранный отрядъ,

(x) „Quodque praecipuum fortitudinis incitamentum est, non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates.“ (Герм. VII).

который даже у народовъ, обыкновенно сражавшихся поочини, составились изъ конниковъ. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ близкаго и разстояннаго товарища похотища и такъ обр. отрядъ этотъ, въ численности равнявшийся 100 человекъ, становился впереди войска, какъ его надежда, его главный отрядъ. Въ рядахъ этого войска выдвигались и стояли другъ противъ друга самыя знатныя аристократы и богатѣйшіе простомысли.

Эта равноправность словесъ, этотъ неслитно демократическій социальный строй объясняется отчасти самыми экономическими бытами древняго Германцевъ.

Рассмотримъ теперь насколько подробно эту сторону Германской жизни.

3. Экономическій бытъ. Землевлaдѣніе.

Ни въ одномъ изъ вопросовъ древнегерманскаго быта не поднималось ни прежде, ни отчасти даже теперь еще столько споровъ въ германской науке, какъ въ аграрныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ среди Германскихъ племенъ: какъ племена относились къ Землевлaдѣнію, какъ смотрѣли на землевлaдѣніе, въ какія формы оно у нихъ вошло, какое значеніе оно имѣло для жизни племенъ? Все это вопроса чрезвычайно важныя. На первыхъ ступеняхъ экономическаго развитія народовъ главнымъ и мощнѣйшимъ двигателемъ хозяйственной жизни представляется сила природы, въ особенности Земля. Отсюда права на Землю, распредѣленіе поземельнаго владѣнія между членами общества обуславливаются

общественную, а за нею и политическую организацию народа. Такъ это на правильномъ понимании сущности этихъ вопросовъ основываются въ значительной степени вторые выводы о степени культуры и о государственной и общественной строгости народа.

Еще гораздо раньше, говоря о поселенческихъ отношениях, существовавшихъ между Кельтами, ясными слѣдами которыхъ exprаmимес въ законахъ брегонновъ, мы указывали на то, что современная наука пришла къ результату, что у сеговъ рогимено народомъ Арийской семьи на той или другой болѣе или менѣе отдаленной ступени развитія, непременно существовало, какъ явление общее и характерное, общинное землевладѣние. На основаніи египетской и вполне научной аналогіи съ другими племенами, мы могли смѣло утверждать, что эта форма поселенческихъ отношений когда-нибудь непременно существовала и у Германцевъ. Разрѣшивъ теперь вопросъ, существовало ли у нихъ еще общинное землевладѣние въ то время, когда съ ними впервые познакомились Римляне? Обсуждая этотъ вопросъ, мы должны были отправиться отъ известій Цезаря и Тацита, какъ отъ лучшихъ, древнѣйшихъ и единственныхъ источниковъ. Другихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ рогимено не имѣть. Свѣдѣнія на памятники, возникшія впоследствии, въ эпоху переселенія народовъ и образованія новыхъ государствъ, не должны быть допускаемы, потому что петагетическая эпоха съ Римомъ не могла не имѣть вліянія на Германию и не производить въ бытъ ея населения значительныхъ переменъ.

Къ содѣланію выраженія Цезаря и Тацита, особенно почитнаго, показались не совѣстныя явленіи, и цѣлое разнорѣчіе лагерей толкованій и вскрыть и въскъ, одни — подтверждая, другіе — упорно отрицая существованіе у Германцевъ Грѣхъ времени общиннаго земельнаго владѣнія.

Еще гонимая прежде всего выкапывать свое мнѣніе, что прѣдшое, нехудоустроенное пониманіе слово Тацита при своей широкой и протнѣ аналогій, добити въ сравнительнаго излеченіе первоначальнаго бѣта другихъ народовъ. Индійцевъ, Кельтовъ, Славянъ, а также и не-аріи-цевъ, доказываетъ наше существованіе въ Германіи тацитовскихъ времени общиннаго земельного строя съ отсутствіемъ частной, личной собственности.

Прекрасные исследователи, особенно Вайтцъ, увлеченные отчасти „національными“, „патріотическими“ стремленіями, упорно утверждали, что нельзя доказать полного отсутствія бѣта совершенной фразы подомельной отношеній у древнихъ Германцевъ, что при остаткахъ общиннаго земельного владѣнія (Feldgemeinschaft) у нихъ существовало уже и, подкапывая, даже преобладающее земельнаго владѣнія частнаго, личной собственности (Privateigentum).

Въ настоящее время много замѣчательные ученые, вопреки мнѣнію Вайтца, охоту прямо проводятъ аналогію между древне-германскими и нынѣшними русскими общинными вѣдѣніями. — Въ общинномъ земельномъ владѣніи въ Германіи и вообще у первоначальныхъ народовъ много писано. Укажемъ на нѣсколько выдающихся сочиненій по этому вопросу.

Прелюбо всео охватывает название труда знаменитого ученого Маурера: „Einleitung in die Geschichte der Marx-Hof-Loth-und Stadtverfassung.“ Переведенъ на русский языкъ В. Коршомъ: „Геогра Людвига Маурера“. Введение въ историю общинного, погостного, селскаго и городского устройства“. Москва. 1880). Замѣчу также сочинение французскаго ученаго Laveleye: „La propriete primitive“. 1874, которое существуетъ въ немецкой переработкѣ Брокера въ дополненіи (E. de Laveleye. „das Eigentum“. Deutsche Ausgabe von K. Bacher). На эту послѣднюю переработку существуетъ чрезвычайно интересная рецензія Нассе, переведенная на русский языкъ. Помимо напечатанъ еще недовѣдѣно, но очень интересную русскую книжку — Н. Нелидова — „Обзоръ некоторыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древне-германскому государственному устройству“. Казань. 1868, въ которой подробно и обстоятельно излагаются и критически разсматриваются взгляды различныхъ ученыхъ на экономическое положеніе древней Германіи. — Указаніемъ на эти сочиненія мы и ограничимся, хотя можно было бы назвать довольно много еще другихъ выдающихся трудовъ, разрабатывающихъ этотъ чрезвычайно важный социалогическій вопросъ.

Итакъ возвращаемся къ извѣстнымъ двумъ вышеозначеннымъ римскимъ историкамъ.

Цезарь два раза упоминаетъ о поселеніи общинной собственности у древнихъ Германцевъ. Въ первой главѣ четвертой книги комментаріевъ о Галльской войнѣ онъ говоритъ о племени Севобовъ: „Privati ac separati agri apud eos

nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. Neque nullum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt in vacationibus "т.е. у нихъ много волее пастной, раздѣленной мѣсяцами подвѣшенной содѣлственности; они не остаются долгое время на одномъ мѣстѣ для обработки своихъ полей. Хотя употребляютъ маисъ, а большею частью питаются молокомъ и мясомъ скота своихъ; много также промышляютъ охотой.

Во другихъ мѣстахъ Цезарь говоритъ уже о вермахъ Германцевъ, при сравненіи ихъ съ Галлами: „Agriculturae non student: majorque pars victus eorum in lacte, caseo, carne consistit: neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprias: sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui amicosierint, quantum ex quo loco visum est, agri attribuent atque anno post alio transire cogunt.“ (B. G. VII, 22), т.е. Земледѣліе не занимаютъ; ни у кого нѣтъ преимущественно состоятъ нѣтъ молока, скота и мяса; ни у кого нѣтъ нѣтъ нѣтъ опредѣленныхъ, отведенныхъ участковъ земли; начальники и старшины водѣляютъ ежегодно землю, опредѣляя по содѣлственному употребленію мѣсто и количество отдѣльных родовъ и семействъ, живущихъ вмѣстѣ. Черезъ годъ они заставляютъ мѣнять участки.

Разсмотрѣвъ выше эти слова Цезаря. Magistratus и principes производятъ границы земли, они назначаютъ какому роду его участки, они же совершаютъ ежегодный переделъ. Эти высшіе магистраты, старшины не могутъ быть приняты за главъ цѣлаго государства или народа,

писании, потому что самъ же Цезарь говоритъ, что въ мирное время политическая германская община вообще не имела ни одного начальника (*nullum magistratum communem habent*). Следовательно эти люди (*magistratus et principes*) могутъ быть рассматриваемы только какъ выборные старшины каждой отгонной волостной сотни (*pagus*), изъ которыхъ слагался малый народъ (*civitas*). Производство посемельного дѣлаема этими старшинами даетъ право предполагать, что земля рассматривалась, какъ собственность всей волости и обрабатывалась родами, входящими въ составъ волостной общины, такъ что определенное пространство земли отводилось въ годичное пахотное не отдельному лицу, а цѣлому роду, причѣмъ родъ только на этотъ одинъ годъ и селился тутъ на отведенномъ угодьѣ.

Поэтому то и разрывъ земли производился теми лицами, которые стояли во главѣ коллективной единицы, называемой Цезаремъ и Тацитомъ — *pagus* (волость). Ежегодный переѣздъ съ мѣста на мѣсто указываетъ на обширность территории, принадлежавшей общинѣ, и стоявшее на низкой степени развитія народное хозяйство. Поля очевидно не удобрялись и плохо приготовлялись къ посѣву. Ежегодно подымались и распаивались новы, а возманины въ году поле оставалась до следующей очереди подъ паромъ. Очевидно, что и внутри сотенной волостной не существовало точныхъ посемель, и что въ то время были близки къ пастушескому.

Так. обр. мы можемъ сказать, что во время Цезаря личной посемельной собственности не

существовало; землемладина устная власть, и члены ее были поучаствующи живы, ежегодно переселясь от места на место; постоянный деревень или селъ съ определенными пашнями не было войска марки (Markgenossenschaft) ^(*) совпадавший съ предками устной властью.

Такого рода представление можно вывести изъ словъ Цезаря и оно предполагаетъ аналогію съ русскими общинными бытами. Это соответствуетъ прежней русской не деревенской, а волостной общинѣ, сохранившейся на самомъ северѣ Россіи (въ Олонецкой губерніи) и очевидно представляющей наиболѣе древнюю архаическую форму землемладина общиннаго. Съ этимъ можно подробно и хорошо познакомиться изъ двухъ изслѣдованій Н. Соколовскаго: 1) „Очеркъ исторіи волостной общины на северѣ Россіи“ С. П. б. 1877. и 2) „Экономическій бытъ землемладинаго населения Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостными правами“ (см. стр. 115 и passim) С. П. б. 1878.

Такой порядокъ землемладина существовалъ при Цезарѣ и съ этой точки зрѣнія онъ описанъ даровитымъ писателемъ вполне вѣроятно и

(*) Слово марка имѣетъ нѣсколько значеній. Собственно оно означаетъ границу, *limes*. Но сверхъ того подъ нимъ разумѣются: а) выдѣленіе границы, находящейся въ обществѣ владѣній лѣса и муга, б) совокупность земель, принадлежащихъ общинѣ и наконецъ в) самая община, которой члена называютъ потому сотмаркханами“ (Слова Градовскаго. Изъ его сочиненій, стр. 136).

близко к истине, благодаря тонкой наблюдательности его проникательного ума. Отчетливо понятое при своем общегерманском аналогии описание Цезаря дает полную возможность сопоставить древне-германскую общину с древнеславянской волостной общиной, занимавшей обширную территорию, внутри которой каждая отдельная родо-племенная группа земледельцев, где ему было угодно и удобно, переходя с места на место; необходимости в правильной передислокации еще не было, они стали являться только подвижной.

Спустя полтора столетия другой великий историк древности, Тацит, дает нам следующее понятие о состоянии землевладения у германских племен:

"Agri pro numero cultorum ab universis in vires occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partendi camporum spatia praebent. Arva per annos mutant, et superest ager." (Герм. XIV-VI).

В устройстве германской общины, описанной в этих строках, замечается значительная перемена сравнительно с тем, которую изображает Цезарь. Частная земельная собственность по прежнему не существует, но крайней мере в общинном смысле слова, землевладение по прежнему остается общинным, но существенная разница состоит в том, что коллективного единства, собственников общинной территории является уже не волость (рагис), а меньшая единица — род или племя (веса): каждая община уже существует, и ежегодная

сильная участливость совершается во всем узкой сфере. Годы - прекрасные временные владения земли, теперь прочно устоявшие на своих местах, построили постоянная жилища, перестали вести бродячую, пастушескую жизнь, приняли участие в работах и в делах селских общин: и в одной большой волеостной общине обособились, выделились несколько меньших - сельских, из которых каждая представляет совокупность семей одного рода. Между всеми дворами или домами каждого такого села и происходит семейный переход нафатной земли, если только этот обязан по преданию сохранился: союз марки (Markgenossenschaft) теперь совпадает с сельскими союзом, сельского маркою (Dorfmark). Но воле и марка остаются еще ответственными всем общине или волеости и для распоряжений или недостаточности согласия одного села.

Так обр. каждая отдельная семья является членом двух общин - сельской и волеостной по своему праву на участок нафатной земли при семейном разделе, и волеостной - по своему праву участия с другими соседями и жителями других сел общины навоза, общинных выгонов, пастбищ и т. п.

Кроме того во время тацита является еще зародившаяся частной подземельной содержимости: это принадлежащие каждой семье отдельно - двор, двор вокруг, ближайшая садовая земля или огород, вообще то мы теперь назвали бы усадебной землей.

Различая все сказанное нами для объяснения слова Тацита, мы найдем, что полтора

вотка ступень посылъ Цезаря германскіе роды
владѣть уже известной, хотя недавней расф-
ной собственностью, имѣть право на ежегод-
ную дань селеской пахатной земли и на поав-
зование вѣнство съ другими волеотными угодь-
ями - выгонять и пастись.

Необходимо прибавить, что такой бытъ со-
францисъ въ Германіи довольно долго: только
въ II и VI вѣкахъ начала разлагаться общинная
поселенная собственность и принимать форм-
лу отгонимыхъ частей хозяйства. При зна-
комствѣ съ способами землевладѣнія необсо-
димо должно еще возникнуть вопросъ: отиш-
лись ли тогда нѣкоторые адеминги отъ простолю-
диновъ, имѣли ли они право на бѣльшия и му-
ршіе участки земли? Отвѣтъ на это мы мо-
жемъ отчасти найти въ той же 26^й главѣ
„Германіи“ Мацита. Упоминая о земельной
надаѣ, онъ говоритъ, что участки были раз-
дѣлены сообразно значенію и достоинству
(secundum dignationem partitionis). На основаніи
этихъ словъ можно заключить, что имѣла-
на наиболѣе знатныхъ родовъ поучали или
бѣльшия участки, или два вѣнсто одного. Но
и здѣсь, впрочемъ, дворянское сословіе не пользо-
валось исключительными преимуществами,
такъ какъ бывало, что простой крестьянинъ,
имѣвший бѣльшия скота, рабовъ, бывший въ сое-
заніи обрабатывать значительный кусокъ земли,
точно также, какъ и самые знатные адемин-
ги, поучалъ вдвое.

Мы постараемся найти самое простое объяс-
неніе первоначальнаго поселеннаго строя Гер-
маніи, каковыя онъ представляется намъ изъ

слово *Мацита*, понятным просто и истолкованным при своем весьма близком аналогич. Нехотось ли самых известных немецких ученых, отправляясь от предвзятых и логических взглядов о несомнительности такой варварской и грубой формы землевладения, как общинная, с исключительным удовлетворением германского духа к принципу собственности и началам права, до сих пор не решились остановиться на таком наиболее простом и наиболее естественном толковании. Знаменитый автор „Истории немецкого государственного устройства“, Вайтц, в позднейшем издании своего сочинения хотя уже и не защищает с предисланным жаром господства частной и личной собственности у древних германцев по отношению к земле, все-таки не соглашается называть быта чисто общинным. — Мы считаем полезным ближе познакомиться с его толкованием слова *мацита*, которое, к сожалению, никак нельзя назвать вполне ясным.

Вайтц подробно разбирает слова *мацита* в главе о землевладении в своей „*Deutsche Verfassungsgeschichte*“ (т I, 3^е изд. стр. 108). Ни значение вышеозначенного слова *мацита*, ни значение его слов, думает Вайтц, не знала вполне. Всеволодский и самые разнообразные взгляды опираются на него. В этих словах в том виде, как они обыкновенно читаются, говорится о двойном раздѣлѣ земли (*in vices* и „*arva per annos tribant*“). Во-первыхъ все совокупность земледельцевъ (*universi*), большая собирательная единица переходитъ нами, т. е. переходитъ съ одного лица на другое. Какъ часто происхо-

дуть, и лишь регулируется такая сила, что, прямо не указано. Если бы мы поняли это так, что известные племенные группы производно перекожевываются от моста на мост, как придется, то получили бы представление о битве еще более грубого, чем тот, который описывает Цезарь: и он даже говорит об участии власти в разрыве, следов. о некоем порядке. Поэтому слова эти объясняются так, что обрабатывались попеременно то одни, то другие поля и в разных местах, которые принадлежали общине. Но и это объяснение, по мнению Вайтца, неправдоподобно. Он утверждает, что римский историк говорит здесь об единичном, а не о правильно повторяющемся действии, что видно из следующих слов: *hoc inters se.....* "сейчас же" это выражение явно указывает на однократность действия, которое можно, конечно, повторить когда ниб. не скоро, в далеком будущем, но оно не должно было повториться постоянно и правильно. Такое толкование имеет заставляет Вайтца признать за более правильное другое чтение текста, по которому вместо слов "ab universis in vices" (всеми племенами попеременно) ставится "ab universis vices" т. е. своими силами, так только объясняется, кто же были те, которые сообща принимали участие во владении и в разрыве земли. Мак. обр. Мацитт говорит здесь только о первоначальном занятии земель и устройстве деревень или поселений. Такого рода переселения должны были случаться и во времена тациты и еще долгое время спустя, когда какое нибудь племя захватывало силой новую область

и начинало ее воздвигивать, или когда оно засе-
яно широкими образами прежде пустынной и по-
лости, расчищено тамъ леса и сделано землю
годного къ посеву.

Второе предположение Мацута, въ которомъ
говорится о второмъ раздѣлѣ, продолжаетъ
Вайтцъ, подвергается также различнымъ тол-
кованіямъ, смотря потому, какъ кто думаетъ
о томъ, говорится ли здѣсь о перемѣнѣ во вла-
дѣніи или способѣ воздвигиванія, воздвигиванія
полей. Нѣкоторые думаютъ, что отдѣльное ме-
сто общины ежегодно имѣли участки, кото-
рое доставали имъ при раздѣлѣ. Это пово-
женіе свѣдѣваютъ въ публичномъ Уездѣ. Но Вайтцъ
не находитъ ничего подобнаго у насъ, а счита-
етъ болѣе правившимъ отнестись слова Ма-
цута къ перемѣнѣ въ воздвигиваніи, употребле-
ніи или заготовкѣ полей. Онъ думаетъ - будто
римскій историкъ хотѣлъ сказать, что поля
относительно посева ежегодно мѣнялись и въ
видѣ обзавѣдыванія прибавили, что земли для этого
было достаточно. Отсюда можно было бы вы-
вести, что Мацутъ намекалъ на трехпольную
систему (*Dreifelderwirtschaft*) земледѣлія (попе-
речное воздвигиваніе и въ годъ въ годъ на одну и
на то же еще поле осеннего посева, ярового и па-
ра), которая потому вошла въ общее употребле-
ніе въ Германіи; но Вайтцъ, иная въ виду аз-
судованія другихъ ученыхъ, не рѣшается этого
утверждать положительнымъ, а допускаетъ видѣть
въ словахъ историка указаніе и на другія сис-
темы, которыми могли практиковаться у Гер-
манцевъ эпохи Мацута (*Zweifelderwirtschaft*,
Feldgraswirtschaft). Впрочемъ система заготовляемыхъ

полей т.е. переходъ съ одного поля на другое, можетъ быть дозволенъ какъ отгнаннымъ ширь, такъ и совокупности ширь, цѣлаго общества; въ послѣднемъ случаѣ право отгнаннаго лица подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ — отведенной участкѣ (in vicem) дѣлается непостояннымъ. Полагаятъ, что это-то и имѣетъ въ виду Магистръ.

Далѣе Вайтцъ говоритъ о способахъ поселянъ у Германцевъ. Онъ говоритъ, что они въ видѣ исключеній — вслѣдствіе случайнаго только обстоятельствомъ — селились отгнанными дворами, окруженными каждаго своимъ участкомъ поля, пастбища и муга. Обыкновенно же они были селами; хозяйство и земледѣліе управляемо всеми отношеніями, они все и привели къ необходимости строить села.

Люди, которые были свѣданы между собою въ тѣсномъ союзѣ, вслѣдствіе родства или какого другаго обстоятельства, занимали болѣе или менѣе большую полосу земли. Въ одноѣ какимъ-нибудь селѣ они строили селѣ или муга, но не сплоченными улицами, а каждое на свободномъ пространствѣ, какъ какому отгнанному лицу нравилось. Каждому дѣлу принадлежалъ участокъ усадебной земли (Hof-stätte, въ сѣверной Германіи — Wirth, на скандинавскій языкъ — Tuft). Затѣмъ въ прилегающей территоріи полевой земли образуются соборныя клочки или участки — копы (Gewanne), при чемъ берутся въ расчетъ и одинаковаго качества почвы, и одинаковое разстояніе отъ села. Каждый членъ селской общины получалъ (часть по справедливости) участокъ въ каждаго изъ ширь — и въ хорошеѣ и въ дурноѣ, и въ близкой,

и въ отдаленности. Такъ общ. число угодковъ въ
каждомъ концѣ равняется числу меновъ общины.
Целью этого устройства было достигнуть воз-
можности уравнительнаго и справедливаго раз-
дѣла. Въ каждомъ концѣ каждой полукаты оди-
нково равную дано, величина которой коле-
балась, смотря по качеству земли и по разнымъ
другимъ обстоятельствамъ. — Когда вошла въ обы-
чай система трехпольнаго хозяйства, то вся
пахотная земля, т. е. все ея концы раздѣлились
на три болѣе или менѣе (Felden) — осимое, яровое
поле и парк. Все говоритъ, утверждаетъ Вайтцъ,
о древности этой организаціи. Но и раньше, ко-
гда было болѣе простору въ системѣ возделывае-
мой территории, приемы попеременно одни поля
распахивались, другіе отгораживали и обрабатывали
въ настѣвца, видимо были существовать та-
же общія правила при обработкѣ. Такого ро-
да посемейный отъношеніе Вайтцъ называетъ
Feldgemeinschaft или Flurzwang. (Неполная
форма общиннаго землевладѣнія). Feldgemein-
schaft можетъ быть такого рода, что доли въ
поляхъ или концы не распределяются между
отдѣльными лицами разъ навсегда, но всякій
разъ какъ приходитъ очередь до извѣстнаго по-
ля, снова производится раздѣлъ (не передѣлъ): такъ
къ общему качеству всего участка одинаково,
то для полукаты безразлично, дѣлается ли
ему тотъ же участокъ, или другой, одинаковый
по величинѣ. Это — строгая Feldgemeinschaft.
Указанія на такую посемейную организацію ма-
встрѣчаются и поздне, но даже извѣстія Цедер-
рей и Мацута не подтверждаютъ, что и въ извѣ-
стныя время вездѣ распространено было это полное

общинное землевладение; по всей вероятности существовало оно только в неполном виде (Flurzwang), т. е. в необходимости для каждого отдельного хозяина соотнобразиться в своих хозяйственных действиях с действиями остальных жителей деревни, оставлять под паром известную часть своего участка и выгонять свой скот в известное поле-выгонять со всеми дружинами.

Макс обр. Вайтц, который прежде совершенно отвергал существование у Германцев общинного землевладения, потому что считал их некоторыми уступки, убежденный замечательными исследованиями других ученых, и стал склоняться к признанию его хотя в неполном, уже различающемся виде.

По мнению Маурера марковское устройство деревень Германцев представляет переход от быта кочевых к оседлой земледельческой жизни, в состоянии которого находились Германцы, современное Царство и Маджары. Поэтому первый устремлений Германцев при поселении были рассчитаны на скотоводство и необходимые для него pastушки и носили на себе характер союзов, обществ. Это замечание, по словам Маурера, должно быть отнесено не только к поселениям кочевых деревень, но и к отдельным дворам. Первоначально многие из них составили союзы, общины. У них в общине владелись народились неразделенный мир, выгона и леса. При устройстве первоначальной деревни каждый участник союза получал известное пространство для дома и двора, затем ему выделялся участок земли (Loos) в паромный пол и давались права

пользование въ неразделенныхъ общинныхъ земляхъ. Участіе клена союба во всѣхъ составныхъ частяхъ полевой марки сначала было чисто идеальное, и это не только въ лесахъ, пастбищахъ и лугахъ, но и въ наделахъ пахотной земли. Это существовало въ ежегодной переписки владѣній и ежегодно вновь предпринимаемого отвода отдѣльныхъ участковъ земли, какъ это происходило во времена Цезаря. Эта система сохранилась и во время Магиста и кое-гдѣ уцѣлила въ Германии до позднѣйшаго времени.

Во вѣнхей части страны это древнее устройство не удерживалось въ своей первоначальной чистотѣ. Участки, нашедшіеся въ пользованіи, мало по малу перешли въ отдѣльную собственность, подобно тому, какъ продолжительная аренда переходитъ въ наследственную. Мауреръ думаетъ, что въ Германии этотъ переходъ совершился около времени переселенія народовъ. Но въ отдѣльную собственность были обращены по-всюду только участки пахотной земли и угодья; леса и луга, вместе съ водными и дорогами, остались въ общинѣ владѣній. Даже относительно полей община удерживала за собою право определять способъ пользованія землею. Въ приведенныхъ строкахъ заключается сущность мнѣнія Маурера. Онъ не допускаетъ существованія отдѣльной повсемѣстной собственности у германскихъ племенъ въ эпоху Цезаря и Магиста. Надобно замѣтить, что сводомъ, соображеннымъ однимъ писателемъ древности не противорѣчатъ мнѣнію Маурера.

Конечно, древне-германская *Feldgemeinschaft* не можетъ быть подведена къ понятію о по-

ной поселенческой общины, какай, напр., существу-
етъ теперь у русскихъ крестьянъ; и писавшій из-
скадователемъ Нассе (авторъ труда „Исторія сѣ-
довъ общиннаго устройства въ Англіи“) въ своей
рецензіи на Бюхеровскую переработку книги Ла-
велла вооружается противъ отождествленія древ-
не-германскаго общиннаго быта съ русскимъ.

Намъ кажется, говорить объ, что Лавелл не-
достаточно указалъ на различіе между разви-
тіемъ аграрныхъ отношений въ Россіи и среди
Германскихъ племенъ. Нынешняя русская сель-
ская община представляется ему повидимому
живой картиной древне-германскаго общинна-
го землевладѣнія и потому то русская община
стоитъ на первомъ планѣ въ его построении. Но
основная мысль этого послѣдняго устройства
признаніе равнаго права всего совершеннолѣт-
ныхъ жителей на равное участіе въ землѣ,
составляющей сельскую общину, никакимъ об-
разомъ не можетъ быть доказана въ герман-
скихъ источникахъ историческое время. Можно
считать въразумнымъ, что съ той поры какъ
Германия прочно утѣлила на известномъ по-
стоянствѣ, всякій взрослый членъ союза получивъ
свое участіе въ общинной землѣ, но послѣ того,
какъ раздѣлы были совершены и каждый полу-
чилъ свою соху (Hufe)^(х), при возрастаніи на-
селенія безземельный (на долю котораго не ста-
ло участковъ), долженъ былъ разсчитываться

(х) Нufe — идеальная единица, выражающая право
участія отдѣльнаго лица на всю сумму земель-
ной и полевой земли. На нифѣ заложили збогъ терминовъ
лучше всего переводить словомъ соха.

только на свой труд для других или на обра-
ботку неводоупотребленной земли, какъ на жизненный
аредства, передана им не производилось. Пусту-
ющая земля, которой было еще много, конечно, долго
избавлена новым поколением свободныхъ поселенъ
при возрастающемъ населении отъ безземелья,
при этомъ или части принадлежавшей къ об-
ществу государственной земли раздѣлившись на но-
выя селѣ при старомъ селѣ, или на ней обра-
зовались новыя, младшія селѣ. Часто также
при увеличившемся населении нѣсколько семействъ
обрабатывали одну усадьбу, одну соту или
отъ до трехъ погъ, впрочемъ, пока только по-
томъ въ болѣе части Германіи естественное
раздѣленіе (die Naturaltheilung) сдѣлалось общи-
распространеннымъ. Но о правѣ безземельныхъ
требовать новаго передѣла земли съ цѣлью уве-
личенія числа сотъ чрезъ уменьшеніе величина
предѣловъ, сколько известно Нассе, не находит-
ся никакихъ слѣдовъ въ нѣмецкой исторіи.

Такъ обр. Нассе отвергаетъ существованіе
у Германцевъ такой общины, которая бы осно-
влялась на периодически повторявшемся пере-
дѣлѣ пахотной земли. При этомъ Нассе въ
концѣ прибавляетъ, что и въ древне-русскихъ
поземельныхъ стрѣхъ нѣсколько стойлѣй до
настоящаго времени, періодическіе передѣлы не
составляли необходимости. Это послѣднее за-
мѣчаніе должно быть признано весьма осново-
полагающимъ; оно свидѣтельствуетъ о хорошемъ
знакомствѣ Нассе съ новейшими изслѣдова-
ніями русскихъ ученыхъ. Но аттѣхъ изслѣдова-
ніи существованіе передѣловъ до прихода крест-
ьянъ къ землѣ оказывается весьма сомни-

тепловыми; только съ развитиемъ крестьянскаго права деревенская община, ограниченная известною территоріей, должна была въ случаѣ нарушения равенства подвергнуть участковъ (отъ неравномернаго измѣненія въ составѣ ея членовъ) придать „къ новому способу“ для уравненія зрѣлыхъ участковъ, — къ передѣлу земли, который, при полной свободѣ измѣненія, составилъ развѣ только незначительное явленіе (см. Соколовскій „чертъ исторіи сельской общины на северо Россіи“ стр. 86-93.).

Приведеннымъ свѣдѣніемъ о землевладѣніи у древнихъ Германцевъ мы далеко будемъ ограничены. Какъ бы то ни было, но мы должны сказать, что и въ двухъ главныхъ видахъ владѣнія землею: общиннаго и частной собственности, во всякомъ случаѣ тогдашнее германское владѣніе гораздо ближе подходитъ къ первому.

4. Дружина.

Своеобразное место въ ряду учрежденій, изъ которыхъ сложился образъ жизни древнихъ Германцевъ — занимаетъ дружина (тацитовское comitatus, нем. das Gefolge^(*)).

Прежде всего замѣтимъ, что Германская дружина далеко не имѣла такого всеобъемлющаго значенія, каковое придать ей по некоторымъ преданіямъ, между ними Гизо, помогающій, что было бы и немыслимо господство на римской

(*) Не слѣдуетъ употребить довольно распространеннаго, ни никогда не существовавшаго и придуманнаго выраженія — Leit.

почва было основано Дружинами. Какъ увидѣвъ
ниже, ничего подобнаго не было; но во всякомъ
случаѣ въ социальномъ отношеніи дружина
имѣла важное значеніе въ Германіи.

Дружина представляетъ общество свобод-
ныхъ людей, собравшихся добровольно вооружъ сво-
его вождя. Они не теряли своей личной незави-
симости и обязаны были повиноваться вождю
только какъ своему военному начальнику. Дру-
жинники жили обихованно въ домахъ вождя,
вместо платы имъ давалъ пищу, одежду,
оружіе, коня, устраивалъ обильные пиршества, раз-
давалъ роскошные подарки изъ военной добы-
чи. *Exigunt enim a principis sui liberalitate
illum bellatorem equum, illam scientiam vic-
tricem frameam*^(*). Намъ ералае et quamquam
incompti, largi tamen apparatus pro stipendio
cedunt. Materia munificentiae per bella et cap-
tus". *Герм. XIV*). Они имѣли полное право выйти
изъ Дружины одного вождя и перейти къ дру-
гому.

Связь между ними и вождемъ была не чисто
материально-правовая; отъличительной чертой
этой связи была добровольная верность (*Freue*),
а не обязательное подчиненіе. Для дружинни-
ковъ считалось великимъ позоромъ и сты-
домъ возвратиться живыми съ поля сраже-
нія, въ которомъ убитъ былъ ихъ вождь, за него
и съ ними должны они были умирать. Они
раньше похивались защищать его и посвящать
своею храбростію его славу: воевали сражаясь

(*) *Franea* — родъ короткаго коня, смрившаго
высверъ съ жмъ и мѣдальонныя оружіе.

для победы, друженники держатся за вождя. (Satis vero infame in omnem vitam ac probrosum supersisterem principi suo ex acie recessisse: illum defendere, suam quoque foetida facta gloriae ejus adsignare praecipuum sacramentum est: principes pro victoria pugnant, comites pro principe." Ibid.). Если бы князь конунг или князь и мундаль князь престола, то они могли бы покинуть его и служить за ним по велению. Очевидно, что учреждение это было важное и интересное, но только не имеет ли в нем доминирующая роль в основном начале разложения Перманентных государств, образовавшихся на развалинах римской империи. Друженники уже потому не могли основать и, что вообще были немногочисленны. Подтверждение этого мы имеем в свидетельствах многих писателей. Так Аммиан Марцелин, перечисляя ополчения, сражавшиеся в битве Аренторакунт (Страбур) против Юлиана Отступника, отмечает и численность дружины. У конунга Аммианов дружина состояла из 300 человек, что составляло весьма незначительный процент в сравнении с остальными ополчениями Аммианов. Из позднейших источников мы знаем, что Норвежский король имел дружину в 120 человек и когда заботился удвоить ее, народ возрота.

Во всяком случае дружина составляла опору вождя, его славу и почет во время мира, его защиту во время войны, она была основой той силы, с которой соперничавшие между собой князья вели борьбу. (Hanc dignitas, hanc vires, magno semper electorum juvenum globo circum-

dari, in pace decus, in bello praesidium." Germ. *XLIII*).
 Дружина замкнута конунгами недостатком
 постоянного войска и кимовниковъ. Съ другой сто-
 роны укрепление это давало возможность от-
 дѣльнымъ лицамъ удовлетворять потребности
 идеалами своего сердца. Удачная и тревожная,
 но бодрая и веселая, куветрующая издымакъ ми-
 нной ея молодая дружина постоянно ста-
 ралась найти примѣненіе этой силѣ, и въ су-
 ровомъ дождя мѣся въ своей землѣ предлагала
 часто свои услуги другимъ воюющимъ пле-
 мямъ ("Si civitas, in qua orbi sunt, longo pace et
 obio torquent, plerique nobilium adolescentium re-
 sunt ultio eas nationes, quae sunt bellum aliquod
 gerunt." Germ. *XLV*). Укрепление это, впрочемъ, не уде-
 ржалось навсегда въ своей первоначальной крѣп-
 сти свободныхъ отношеній дружинниковъ къ
 своему вождю. Пока господствовала неприкосне-
 венность общиннаго землевладѣнія, и оно сохра-
 няло свой первоначальный характеръ. Но когда
 явились постоянные налоги, когда участки об-
 щинной земли обратились въ частную по-
 личную собственность отдѣльных лицъ и ко-
 гда вместе съ тѣмъ естественно явились
 свободные безземельные люди, искавшіе себѣ про-
 питанія службой — укрепление это существенно
 изменилось. Дружинникъ является уже не
 волевымъ товарищемъ вождя, а волевымъ наем-
 никомъ. У Англо-Саксовъ и Саксонцевъ Герман-
 цевъ въ позднѣйшее времяна нѣтъ даже юри-
 дическаго разиція въ понятіяхъ: "волевымъ ра-
 ботникъ крестьянина" и "дружинникъ короля".
 Тотъ и другой называются у Скандинавовъ
Huskarl (Hauskerl), у Англо-Саксовъ — *thegn, gesidh*

(послед. немецкое - Gesinde - челядь). Крестьянину
позанимать и кончить по отношению к работнику
и дружиннику одинаково именуются hlāford^(x).
Какъ дружинникъ служитъ оруженъ королю,
такъ и „hanskerle“ Gesinde „долженъ былъ помо-
гать крестьянину оруженъ, если у него случалась
ссора (fehde) съ дружиной.

Вообще челядь (Gesinde) въ которую входила
первоначальная дружина свободныхъ ратниковъ
товарищей воеводы, состояла тогда изъ разныхъ
нравъ и характеровъ. Въ нее вступали во-первыхъ
люди, не любившие труда, искавшие веселой охоты
или, во-вторыхъ, пировъ и общества военныхъ то-
варищей, во-вторыхъ - малодушие люди иль бога-
тыль франкской, когда у нихъ продавалась
отвага и сила, иногда славы и воинства
подвиговъ, и въ-третьихъ добрые, несостоятель-
ные люди, или же такие, которые вынуждены
были искать удовольствия. Крестьянские hanskerle
пополнялись, разумеется, только изъ людей 3^{ей}
группы, въ дружинахъ каролингскихъ наемниковъ
попадались представители каждой изъ трехъ.

Изменение характера дружинного быта
всего лучше рисуетъ намъ древняя англо-саксон-
ская поэма - о Беовульфе^(xx), происхождение ко-
торой относится къ VIII вѣку. Изъ ветрочаго
цикла въ ней описаній видно, что дружинники
короля должны были исполнять даже разные

^(x) hlāford (хранилище) отъ англосакс. hlāf (= котелъ,
hlāfde = хлебъ) и weard (?) - охранять.

^(xx) hlāfdige = ладъ

^(xx) „Beowulf“ - немецкий переводъ - Frein „Dichtun-
gen der Angelsachsen“ I Band.

нискія смурисы. Блестящего представляется нам
жизнь, когда они представлены въ своемъ вели-
чайшемъ вооружении и шумомъ на коро-
левскомъ пиру повѣя; является тутъ и коро-
ва, говоритъ почтенныя слова, раздаетъ подарки
золотыя запястья и кобца, шлемы и гривны
(Halsbeschmuck). Но всетаки однихъ изъ товарищей
двигаетъ во время пира смурисы презирающаго
и тамъ комната, въ которой пируютъ днемъ,
смурисы ночью дружины маетовъ сна.

Также хорошо описывается дружинной
жизнью въ расказахъ о короле Фрото, напоминаю-
щемъ расказы нашего народного эпоса князя
Владимира Краснаго Солнышника и его дружины
дружинники. Фрото двинулся быть жемчужной, такъ
как его дружинники (сотивехнаес) пообещали
и некому было почитать ихъ изорвавшагося
платья (Saxo Grammat. hist. dan. p. 68; Kemble,
Saxons, I, 163).

Дружинники со времени измѣненія характе-
ра ихъ жизни, исполнили различныя полевые
и домашнія работы; доказательствомъ этого
смурисы расказы о короле Сигурде. Правда,
что когда во время работы на поле онъ попро-
силъ сына своего, Олафа, оседлать ему коня,
то юноша рассердился и не исполнилъ просьбу
отца (въ виду злой насмѣшки оседлать ему
коня вместо коня), но изъ этого ясно только,
что молодое поколение, къ которому онъ принадле-
жалъ, считало такія услуги уже уничиже-
тельными для свободнаго и благороднаго человека.
Что прежде такія услуги были обычны, объ этомъ
свидѣтельствуютъ названія разныхъ придвор-
ныхъ должностей, исполнявшихъ прежде дружинни-
= камъ.

какъ напр. maréchal (маршалъ) - отъ marre - помасть,
и schalk - слуга (Кнехт). Изъ Гевульдра ясно, какъ
мне, что дружинники получили плату, чего не су-
ществовало прежде. - Формула присяги, сохраненная
у Аншо-Саксовъ, говоритъ, что дружинникъ
обязанъ, дать вернымъ и ни словомъ, ни дѣ-
ломъ не совершать ничего такого, что было бы
оскорбительно для господина, подъ условіемъ,
что господинъ будетъ держать его, какъ онъ то-
го будетъ заслуживать, и что онъ исполнитъ
все, что требуется въ договоръ, заключенный
между ними, когда онъ ему подчинился и при-
знать его власть..."

Изъ которыхъ противоблескъ обязанности
послушанія является возможность и право
дружинника всегда оставить своего hlāforda,
кроме только того времени, когда ему гласитъ
серьезная опасность. Впоследствии къ этому
присоединяется еще новое существенное измѣ-
неніе - являются дружинники, не живущіе при
дворѣ короля и сами ищущіе дружины. Такъ
Гевульдръ, дружинникъ короля, поселился на
своемъ наслѣдственномъ участкѣ и все таки
оставался тамъ (хнедн, деден) его. Датскій
начальникъ береговой стражи въ повѣсти о Гев-
ульдрѣ является также дружинникомъ коро-
ля, но и самъ ищетъ дружинниковъ подѣ-
лочно.

Важно еще обратить вниманіе на вопросъ,
кто же имѣетъ право держать дружину?
Прежніе писатели, которые вообще придавали
дружинѣ въ высшей степени важное, первенствующее
значеніе въ судѣбѣ Пермонскихъ племенъ,
предполагали, что дружиной могъ окружать

себя каждый, принадлежавший къ сословію земледельцев (nobiles). Но это мнение опровергнуто изысканіями Вайтца и других ученых и въ настоящее время почти никто уже не считает возможным его держаться. Оказывается, что таково главарь (principes) — старшими административно-политическими отрядами нации (civitates), а вовсе не все административные производили эти права. — Съ этой точки зрения представляется совершенно яснымъ, почему дружина не представляла самостоятельнаго и отбывающаго начала въ первоначально-германскомъ общественномъ организмѣ, настолько сильнаго, чтобы оно могло оказаться въ состояніи произвести такой громадный переворотъ, какъ разрушеніе цѣлостной римской имперіи.

Такихъ предпріятій, какъ походы Аншо и Сиховъ, какъ странное нападеніе Ариовиса на Римляно и нашествіе Бардаса ^{на Италию} никакъ не могли быть выполнены дружинами. Въ такихъ движеніяхъ дѣйствовали вѣдѣтъ самые разнообразныя элементы. Иногда отгонныя, несвязанныя между собою племенные родства толпы, иногда все цѣлое недавнее племя (Völkerschaften) приходятъ въ движеніе и предпринимаютъ походы на чужія страны. Возглавляетъ ихъ явится король, или простой предводитель (герцогъ). Часто нѣсколько племенъ или нѣсколько частей различныхъ племенъ соединяются подъ начальствомъ непримѣнно одного вождя. Часто враждебно съ оружіемъ въ рукахъ наступаютъ они на Римлянъ и силою пытаются захватить себѣ новыя земли на территории провинцій имперіи. Нередко также получаютъ они

отъ римскаго правительства плату или землю и за это обязываются исполнять военную службу въ интересах имперіи и принимать въ составъ римскаго государства, которое думается воспользоваться ими, какъ новыми силами, но само того не сознавая, вбираетъ въ себя элементъ, который тутъ же начнетъ работать для разложения обветшалаго здания.

Слишкомъ разнообразна и богата историческая жизнь, чтобы можно было подвести ее къ проявленію подъ одно какое-нб. определенное правило, подъ дѣйствіе одной только силы, и дружинный строй въ освоенности не можетъ быть названъ того сущаго Германскаго быта, которая разрушила Восточную имперію, разорвала ее на части, овладевъ одною за другою ее различными провинціями. Дружина представляетъ, повторяетъ, оригинальную черту древне-германскаго общественнаго устройства, она выдвигается въ известные моменты впередъ, но не выходитъ изъ рамокъ общаго строя и ее значеніе остается ограниченнымъ.

5. Государственный бытъ.

Мы уже раньше упоминали, что Германскія племена не составили одного цѣлаго государства, а раздѣлялись на множество отдельныхъ политическихъ группъ (civitates), въ свою очередь распавшихся еще на воюсты, сотни. — Характеристическою чертою государственнаго быта всѣхъ этихъ племенъ Германии служитъ непрочнось связей, соединявшихъ общины въ государства, эти связи легко могли быть разорваны и такъ же ле-

ко вновь восстановлена. Если народъ былъ силенъ какою многочисленъ, такъ что не могъ собираться на одною войну, если возникала сильная и долгая распря, если было несколько племенъ королевскаго дома или же несколько муржей, владѣвшихъ силою и славой и могущихъ поддерживать притязанія на роль вождей; если часть народа при военномъ походе находилась впереди, которая ей больше нравилась, государство распадалось на части, на удѣлы, причемъ вслѣдствіе благоприятныхъ обстоятельствъ всегда могло послѣдовать новое соединеніе.

Въ начальный эпоху политическаго развитія народовъ отдѣльныя вѣтви государственной власти, которыя вполнѣдствіи являлись самостоятельными, въ рѣзко-очерченномъ кругѣ дѣйствій своихъ органовъ, обыкновенно еще не ясно выделяются другъ изъ друга, накладываются въ почти безразличномъ смѣшеніи, законодательство, управление и судъ являются функциями, которыя отправляются въ большей части случаевъ однимъ и тѣмъ же органомъ. — Государственная власть у древнихъ германцевъ въ эпоху таути принадлежала народу; народное вече (у таути concilium), состоявшее изъ всѣхъ свободныхъ племенъ государственной общины, распоряжавшееся территоріей и рѣшавшее все важнѣйшее дѣло, было главнымъ и общимъ вѣщимъ германскимъ государствомъ политическимъ органомъ. Правильно это было настоящимъ общимъ, что по собранію на одною войну или мажоритъ судить о принадлежности племенъ къ одному государ-

ответному толку. Удобно думать, что первоначально были только одного рода собрания, именно собрания марокъ. Впоследствии при разномоселении населения, когда марки стали подразделяться, марковья собрания стали собраниями црской народности (*civitas*) - собраниями свободных людей всего государства, собственно государственным собраниями; а рядомъ съ ними возникли собрания волостей государства (*centeni, radi - Hundertschaften, Danc, Zentenen, Hardon*).

Взаимное отношение этихъ двухъ видовъ собраний составитъ важнейшую черту въ древне-германскомъ государственномъ устройствѣ. Крупъ дѣль, подлежащихъ веденію одного рода собраний въ двухъ пунктахъ однороденъ. Въ обоихъ рѣшались судебные споры и тѣмъ, и оба имели право распоряжаться надѣломъ собственнаго или области (марковой) территории, на которое простиралась компетенція каждаго изъ двухъ собраний, важность и количество каждой свободной группы дѣль, поступающихъ на рассмотрение того и другого, были различны, но оба собрания вѣдали судебный дѣла и распоряжались землею, это были *Gerichtsversammlungen* и *Markversammlungen* (*Markdinge*), хотя въ большинстве случаевъ судебный дѣла рѣшались въ высшемъ властномъ собраніи, такъ какъ они обыкновенно стояли ближе къ самому дѣлу, лучше могли рассмотреть сущность тѣмъ.

Государственная марка первоначально доставляла земельную или государственную службу немного феодалъ, такъ какъ эту марку тогда составляла только во-первыхъ - погра-

ничная, иногда очень обширная, но оставленная
внутрь пояса Земли, которую не обрабатыва-
ли, не уничтожали на ней ивовые для безопас-
ности отъ набеговъ састей, и во-вторыхъ
вновь завоеванныя, незаселенныя Земли^(х). Въ
этой области графъ, конечно, было очень немного.
Все управление государственнаго марко состо-
яло въ запрещеніи на ней вселиться или въ из-
вѣстномъ случаѣ въ разрѣшеніи занять ту
или другую часть пустующей общегосударствен-
ной Земли.

Остаточная же территорія делилась между
отдельными сотнями, и общинно-подельно-
ная графа этихъ властей или сотенъ и ихъ
собранія были гораздо многочисленнее.

Во время Цезаря весь земли общинно-па-
латный помѣ, мѣра и мѣръ состояли подъ
непосредственнымъ владѣніемъ сотеннаго или
властнаго собранія. Во время Магиста ко-
личество этихъ подвѣдомственныхъ ему земель
становится гораздо меньше, такъ какъ пофот-
ная земля уже была распределена между сель-
скими общинами, и все вопросы, касающіеся
производства его, уже не касались сотни и сотен-
ной ссодки; но ивовъ и пастбища оставались
еще въ большей частію общинно-владѣніемъ сотни
или власти и состояли подъ ея управленіемъ.

Далѣе, въ третіемъ пунктѣ, функции обо-
ихъ видовъ собраній расходятся, области

(х) Это послѣднее особенно важно для объясне-
ній англо-саксонскаго народнаго помѣ (Volksland),
подъ которымъ и разумеется эта государ-
ственная марка.

нств компетенции различна. Малою земская община; только общегосударственное воее решает о войне и мире; оно одно дает право гражданства невольникам; в ней монахи объявлялись совершеннолетними; наконец только в ней избираются principes — вожди, старшина, главари, судьи отгнанных воевостей. Это последнее обстоятельство дает отношение между воевыми собраниями разных видов наместных общин. Сотня не имеет никаких политических прав и полномочий: она не представляет отгнанных государства в государство, а только часть, подразделения государства; она находится в подчиненном отношении к земскому воеву, к землю, как к главному. Если бы нужно было обозначить оба собрания — земское и сотенное — по главному характеру подвладственности или друге, — то пришлось бы сказать, что сотня имеет судебную среду, землю — политическое воее.

Организация обоих собраний также как организация земли и воевостей различна. Во воевостях или сотнях невольники — судья, старшина, главари (principes); во главе земли и земского воевостного собрания конура может быть и не быть. Еще существенное отличие устройства земли — это особый совет старшин, старшин, лучших людей.

„De minoribus rebus, говорит мауи, principes consultant, de majoribus omnes, ita tamen, ut ea quorum reser plerum arbitrium est, apud principes retractentur.“ (Germ. II) т. е. менее важные дела эти старшина решали (лучшие люди). самостоятельно, более важные, по крайней мере,

подготавливали къ решению въ народномъ собраніи. Нѣкоторое ученіе утверждали, что этотъ советъ старшинъ состоялъ преимущественно изъ знатныхъ людей, адеминговъ, но это совершенно несправедливо. Мы не имеемъ точнаго опредѣленія, кто имѣлъ право участвовать въ этомъ советѣ; вѣроятно, что такого опредѣленія вообще и не было. На основаніи словъ Магита, впрочемъ, мы можемъ заключить очень ясно, что едва ли это право принадлежало исключительно знатымъ людямъ. Когда Цубишесъ задумалъ свое восстаніе противъ Римлянъ, онъ собралъ на советъ „*primores gentis et promptissimos vulgi*“ (Тас. Hist. II, 14), т. е. знатныхъ людей племени (дворянство) и наиболѣе способныхъ изъ простомыя. Такъ, конечно, бывало и въ другихъ случаяхъ. Знатное происхожденіе значително не достатокъ личнаго способностей и заслугъ; мужество, смѣла, опытность, старость давали и свободному простомыя, много и вліяній въ советѣ. Такъ это было и послѣ въ продолженіи среднихъ вѣковъ. У Фризовъ, напр. до XV^{го} столѣтія кромѣ общаго собранія (вотка) существовалъ советъ изъ 48 выборныхъ лицъ изъ старшинъ и друженства. Квадри оправдывались предъ императоромъ Валентіаномъ въ набѣгахъ на римскую территорию, говоря, что это дѣлаютъ всеобщее ршшеніе вѣтчановъ („*Ex consensu tantum prosecunt gentes*“ Амт. Макс. 30, 5).

Народныя собранія древнихъ Германцевъ, по рассказу Магита, были обыкновенныя и чрезвычайныя. Первые составлялись въ обыкновенныя дни, во время новолунія или полнолунія. Магитъ замѣчаетъ (Герм. II), что свобода Германцевъ

вредитъ до некоторой степени скорому ходу дѣлъ въ ихъ собраніяхъ, потому что они собираются не все сразу и продолжаютъ несколько дней прежде, когда все сойдется. Германцы свободнымъ для совѣщанія подымаютъ открытѣйшія недѣли, на высотахъ или долинахъ, прилежно и особенно въ зимы, когда совершалось поклонение богамъ. Свободные люди, составлявшіе собраніе, являлись туда вооруженными. Ношеніе оружія было священнымъ правомъ свободного Германина и составляло принакъ его свободы. Невѣдѣніемъ безъ уважительной причины подвергали наказаніямъ. Что касается до самаго хода собранія, то можно думать, что не только право прошающего голоса, но и право предначинанія признаваемо всеми. Магистъ формулируетъ это съ ясною: „*Mox rex, vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate.*“ (Germ. II), т. е. не только человекъ знатнаго происхожденія, конунгъ или вождь, но и человекъ по имени опытный, или извѣстный своею храбростію, или даже только красноречіемъ, можетъ вѣщать прѣдъ народомъ. Сговореніе, удовольствіе, принятіе предначинанія выражалось потрясеніемъ оружія, неодобреніе — прямо шумомъ. Самихъ почетное выраженіе согласия состояло въ апплодисментахъ оруженосцевъ („*Si displicuit sententia, premittitur aspernatio, sin placuit, frondeas concutiunt. honorabilissimum ad sensus genus est armis laudare.*“ (Germ. II). — Такъ обр. давно прошаемое балетмейстеромъ голосовъ, если и не правильною похвалою, то, по крайней мѣрѣ, судя по общему впечатлѣнію.

На ряду съ воеводъ иногда являются у Гривнахъ Германцевъ короли, кониунги (у тауита герес въ отиличіи отъ principes)^(*) Изъ сводковъ сообщаемыхъ нами Тауитомъ, видно, что некоторые племена имѣли королей, другіе же нѣтъ, хотя при этомъ онъ упоминаетъ всегда о существованіи королевскаго рода, изъ чего можно заключить, что монархическая власть не составляла особенной отграниченности племенъ, такъ почти у всѣхъ ихъ въ разное время замѣчается существованіе королевскаго правленія и безъ королевскаго правленія исключительно воеводства. Но гдѣ только существовалъ король, тамъ онъ являлся носителемъ и представителемъ государственной власти. Рѣшительно, говоря о войнахъ съ Германцами, упоминаютъ, что иногда король объявлялъ войну, иногда же народъ; изъ этого мы видимъ, что тамъ, гдѣ существовала власть короля, тамъ именно онъ являлся лицомъ, представляющимъ весь важный вопросъ. Онъ же былъ представителемъ своего народа передъ богами, т. е. верховнымъ жрецомъ, онъ же былъ верховнымъ судьей т. е. председателемъ на общенародныхъ собраніяхъ и предводителемъ на войнахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ равенъ герцогу (Heergog) — военачальнику; происшествіе этого сходства изъ коегогого времени выводили королевскую власть изъ герцогской, исключительно военной, говорили, что во время общей опасности выбирали верховный воевода, который, когда опасность

^(*) Слово конунг (König), какъ по значенію, такъ и по звуковому составу представляетъ полное соответствіе славянскому кѣназь и находится въ связи съ лат. genus и греч. γενος — родъ, колѣно.

минована, не слагаетъ съ себя власть, а ставитъ
 за собою и даже передаетъ потомству, такъ обр.
 первоначально избранный герцогъ обращается въ
 насильственный конунга. Но это время имъ опре-
 ведено. „*Reges ex nobilitate, Duces ex virtute su-
 munt*“, говоритъ Магистъ (Germ. VII) а Цезарь ука-
 зываетъ на то, что у Германцевъ „*In pace nullus
 est communis magistratus, sed principes regionum
 et pagorum jus inter suos dicunt et controversias
 terminant*.“ (B. G. VI, 22). А на время войны избира-
 етъ Дух или Дух король. За и воодуше. Магистъ
 постоянно различаетъ и правильно употребляетъ
 слова rex и Dux и нашь издавна существенно
 разливше конунга отъ герцога. Въ мирное вре-
 мя герцогъ обязанъ быть слагать свою власть,
 тогда какъ власть конунга прочная и по пре-
 имуществу мирная.

Германцы, не смотря на свою воинствен-
 ность, все таки сифали нормальными помысли-
 ешь жизни страны и народа миръ, а не войну,
 поэтому то и власть конунга — глава народа во
 время мира — постоянная. Аппенцель сати часто
 даже прославляютъ королей, которые мирно
 сидятъ у себя дома, пославъ на войну своихъ
 богатей; королевская честь вовсе не требова-
 ла того, чтобы онъ самъ ходилъ въ битву во гла-
 во своего войска. Онъ является хранителемъ ми-
 ра по преимуществу. Этотъ миръ — честь короля
 Кто нарушаетъ миръ, начинаетъ раздоръ и вра-
 жбу, тотъ оскорбляетъ короля и обязанъ заплатить
 „мировыя деньги“ — пеню, также какъ господина
 дома оскорбляетъ тотъ, кто у него обидитъ дру-
 гого словами, или погрозитъ на него оружиемъ.

Короли избирались „*ex nobilitate*“, какъ говоритъ

Многие въ томо что приведенныя слова, и въ среди благородныхъ франкнй, и какиадефенности въ строгомъ смысле не было, хотя по шир-ти король избраніе обыкновенно ограничивалось однимъ изъ племенъ его же франкнй. Очевидно, что это избраніе совершалось по установленнымъ обычаямъ обрядовъ.

Сначала проводималось имя кандидата, потомъ его поднимали на щитъ и три раза обносили вокругъ соборія, чтобы показать народу (у Скандинавовъ его ставили на камень). Если предлагаемый кандидатъ былъ угоденъ народу, то одобрение выражалось обычнымъ грашомъ оружей, замкнувшимъ подару голосовъ. Затѣмъ новоизбранному королю давали въ руки копье, которое суржино сшивалось власти и начиналась народная приела въ второстепи.

Король также, какъ и судьи и старшнне, выбирался на всю жизнь. Король былъ един-ственнымъ чиновникомъ государства, такъ какъ бюрократіи, очевидно, не существовало у древнихъ Германцевъ; въ управленіи ему помогали только его дружинники. Королевская власть имѣла весьма важное значеніе, такъ какъ король явля-ся представителемъ народнаго единства. Государственный союзъ былъ крайне тѣмъ, гдѣ во-лава его стоялъ конунгъ. Народъ, который не имѣлъ короля и вюралъ свое единство только въ вюрелъ или вюрелъ соборіахъ, повторѣ-ишрел въ дѣльмѣхъ государствахъ перелъ неопре-дѣленное и дѣльмѣхъ времени, не сознавалъ своего единства такъ ясно, какъ созна-валось оно тогда, когда было воплощено въ одномъ-мѣхъ, въ одной франкнй, возвышавшейся надъ всѣми,

въ однихъ домахъ, который для всѣхъ, даже са-
мимъ отдаленнымъ, былъ обиталищемъ права,
удовлетворяющимъ отъ насилия. Часто случалось, что
королевская власть возмущала сельскаго недоу-
дливости, являлась противобольшею мейсгоусоб-
нымъ распръ въ странѣ. Иногда два какихъ-ни-
будь знатные рода начинали борьбу и мало по малу
втягивали въ нее всю страну, жители которой
являлись сторонниками того или другого чело-
вѣка, членами его партии. Для прекращения
мейсгоусобий, для водворенія мира избирались
короли. Основой королевской власти было преимуще-
ство то всеобщее уваженіе, которое народъ пи-
талъ къ конунгу, а также и его материальное
богатство. Ему давался двойной участокъ зем-
ли, въ его пользу шла половина „мировыхъ“ де-
негъ. Магнаты упоминаютъ также о натураль-
ной повинности, которую платили королю;
наконецъ огромное значеніе въ жизни народа
имѣло такъ называемое сокровище короля
(Schatz) т. е. то драгоцѣнное украшеніе — запя-
сть, колѣца, ожерелья и т. п., который доста-
вались ему въ добычу во время счастливыхъ войнъ
и потомъ переходили изъ рода въ родъ, увеличи-
ваясь все новыми вкладами, и это королевское
сокровище играетъ важную роль въ древне-
германскихъ народныхъ преданіяхъ.

Скажемъ теперь еще несколько словъ о
другомъ — третъ важнѣйшимъ сторонамъ древне-
германскаго государственнаго быта.

Прежде всего обратимъ вниманіе на кон-
ституціонскій принципъ, отнѣсясь къ судебному устрой-
ству. Въ этой области у древнихъ Германцевъ
важную роль играло право самосуда, самоулаженія,

право кровной, родовой мести. Об этом учрежде-
нии много и подробно говорит Вайтц. Но он
увлекается, по обыкновенно староев доказав,
что Германцы в древности Мизита не были варва-
рами и утверждая, что право кровной мести
не могло уже иметь у них большого и самостоя-
тельного значения. Отчасти против него ^{выказываются} Гримм
в "Сравнительной поэтике" (русск. пер. Н. М. Корку-
нова, стр. VII и след.) и Тиллор (Перводитная
культура). Право кровной мести в древней Гер-
мании не сходно было с средневековым правом
частной войны (Fehdegeschäft), по которому тай-
но дворянство имело возможность личной рас-
правы с врагом. В древней же Германии как
каждый свободный человек пользовался правом
нести оружие, так и каждый свободный
мог отомстить за себя или родственника. Мо-
жет ли множество указаний на существование этого
обычая: в Гиммтингии и Скании он упомина-
ется в 1400 году; далее от XVI и XVII столетий
сохранились договоры, основанные на праве кров-
ной мести; точно также в Швейцарии сохра-
нились обычай, что в случае убийства только
законные члены фамилии приносят жалобу в
суд, тогда за мургинами остается неприкос-
новенным право на мсть, которое теряется
в случае обращения к покровительству суда.
Право кровной мести первоначально было даже
обязательным и долго сохранило этот харак-
тер. Так в Скандинавской саге рассказывается,
что одна мать дала пощечину своему сыну, ко-
торый не отомстил за обиду, и когда после
этого он еще медлил, она лично явилась
ему камнем. Подобные факты встречаются

всёма много. Въ другомъ имаетъ на видѣть, что отецъ отказывается выйти изъ горящаго дома, гдѣ уже погибши его сальовъ, такъ какъ онъ слишкомъ старъ и слабъ и не въ силахъ отойти за нѣть.

Но опасность безконечнаго продолженія кровомщений, выдвигавшихъ одно другое, уже съ самаго ранниаго поръ приводитъ къ стремленію ограничить обычай, бывшій строго и узко опредѣленъ тѣмъ, которое имѣли право мести, а также и тѣмъ, которое могли ей подвергаться. Право это почитается даваться только сыну, брату, самому близкому родственнику убитаго; мести подлежатъ тогда только самого виновнаго убійцы его ближайшіе родственники.

Въ законѣ Франковъ Салическихъ, въ „Салической Правдѣ“ предполагается, что родители убитаго должны представить виновнаго на судъ и удовлетворяться присужденной имъ вирой. Только въ случаѣ, если виновный оказывался не въ состояніи заплатить виры, судъ вѣдавалъ его головою обвинять, и тогда сынъ убитаго могъ думать съ нимъ, что хотѣла. Насмѣренное, никакими побужденіями не оправдываемое убійство вело за собою наказаніе смертью; только въ случаѣ всякаго сомнѣнія сторуи и убійца такой категоріи могъ откупаться пеней, виры (сотродити), но только съ ограниченіемъ, а именно, что велѣ^{ока} въ давнишней^{ока} случаѣ очень высокая, должна быть выплачена виновнымъ изъ собственныхъ средствъ; родственникамъ при этомъ запрещалось помогать убійцу. — Такъ обр. у Франковъ Салическихъ кровавая месть уже въ VI вѣкѣ была подчинена опре-

применялись. Закона. Въ этомъ отношеніи Зако-
нодательство Франковъ опередило другихъ. Въ дру-
гихъ государствахъ, напр. у Англо-Саксовъ, даже
въ Хвотк ограниченія не были такъ далеки. Въ
Законохъ короля Джунда говорится, что родичи
убитого имѣютъ право мщенія, но только въ
отношеніи убійцы, а не его родни; они могутъ
его преслѣдовать, пока онъ не предложитъ за-
коннымъ порядкомъ уплату виры, родичи ви-
новнаго при этомъ, какъ имъ угодно, могутъ
помогать или нѣтъ виновнику въ уплатѣ
выкупа. Но даже и принять выкупъ считалось
иногда стоить постыднымъ, что у Датчанъ, напр.
было правило, что родственники виновнаго
должна были похлестаться родственниками
пострадавшаго, что и они принесли бы виру,
если бы напались въ такомъ ^{пре}можденіи.
Все это происходило для того, чтобы тѣ, кото-
рые, по выраженію того времени, соглашались
насилъ своего сына въ кошелекъ, не должны
были бы очень стѣсниться своего поступка.
Отнимъ мотивировались также и обычаи, что
бы предостереженіе виры не было благосло въ пре-
небрежительной формѣ?

Право личной мести въ древнѣйшіе време-
на существовало, конечно, еще безъ той огра-
неченности, какія явились въ позднѣйшій періодъ.
Судебный процессъ также много представ-
ляетъ личной инициативы каждаго человека,
хотя судъ происходилъ въ волости (рагив) и
разбирался при помощи всей общины. Мнѣ
нельзя трудно разобрать смыслъ одного неясна-
го мѣста изъ Магнаты, которое можетъ быть по-
нато неверно и потому возбуждаетъ недоразумѣнія.

Въ III^м главѣ „Германинъ“ отъ союзовъ: „Elegantur in
 iisdem conciliis (т. е. на общихъ земскихъ и германскихъ) et
 principes, qui jura per pagos etcosque reddunt, centeni singulis
 ex plebe comites consilium simul et auctoritas ut sunt.“ — Это
 устройство довольно странное. Магистръ повиновенъ ему пред-
 полагаетъ, что на судѣ, который производится, пер па-
 gos etcosque (въ волостяхъ) присутствуютъ присутствующи
 100 лицъ „Волостныхъ“, изъ плебе. Но оно должно быть пона-
 то иначе: — Выбранные въ народныхъ древнихъ собрані-
 яхъ магистры или судьи избираютъ судъ и исправу въ отделе-
 ныхъ сотенныхъ волостяхъ и селѣхъ. Буквальный же
 смыслъ словъ магистра о 100 волостныхъ лицахъ, коимъ
 ихъ германскихъ представлений писаны, былъ бы не-
 естественнымъ, несообразнымъ съ волею и дисцип-
 линой стрелы писани. Эта неясность магистра
 легко объясняется тѣмъ, что онъ, зная о германскомъ
 названіи пола — сотни, несоветно пошелъ своимъ тер-
 миномъ, и считая въ словѣ centeni — количество о предста-
 вительхъ всей волости (principes — магистры, судьи), съ по-
 нятіемъ о волостныхъ изъ самой волости ста лицъ,
 которое играли роль судей. — Судъ производится
 на волостныхъ сотенныхъ сходахъ, который тѣмъ
 и отличался отъ общихъ, земскихъ, что имѣли судей-
 ную функцію, тогда какъ первый исполняли политиче-
 скій. Для разбирательства въ присутствіи и при по-
 мощи всей сотни, но, какъ сказано, судебный процессъ
 представляли довольно широкое поле деятельности
 личной инициативы.

Обвинитель самъ приводилъ обвиняемаго въ
 судъ. Для этого существовала особая форма, которая
 производилась истцомъ передъ ответчикомъ, ука-
 завшій е, долженъ былъ непременно явиться на
 судъ, иначе процессъ въ сущности невольно непременно раз-
 махался не въ его пользу. Обвинитель самъ доставлялъ

Въ III^м главѣ „Германинъ“ отъ союзовъ: „Elegantur in iisdem conciliis (т. е. на общихъ земскихъ и германскихъ) et principes, qui jura per pagos etcosque reddunt, centeni singulis ex plebe comites consilium simul et auctoritas ut sunt.“ — Это устройство довольно странное. Магистръ повиновенъ ему пред- полагаетъ, что на судѣ, который производится, пер па- gos etcosque (въ волостяхъ) присутствуютъ присутствующи 100 лицъ „Волостныхъ“, изъ плебе. Но оно должно быть пона- то иначе: — Выбранные въ народныхъ древнихъ собрані- яхъ магистры или судьи избираютъ судъ и исправу въ отделе- ныхъ сотенныхъ волостяхъ и селѣхъ. Буквальный же смыслъ словъ магистра о 100 волостныхъ лицахъ, коимъ ихъ германскихъ представлений писаны, былъ бы не- естественнымъ, несообразнымъ съ волею и дисцип- линой стрелы писани. Эта неясность магистра легко объясняется тѣмъ, что онъ, зная о германскомъ названіи пола — сотни, несоветно пошелъ своимъ тер- миномъ, и считая въ словѣ centeni — количество о предста- вительхъ всей волости (principes — магистры, судьи), съ по- нятіемъ о волостныхъ изъ самой волости ста лицъ,
 которое играли роль судей. — Судъ производится на волостныхъ сотенныхъ сходахъ, который тѣмъ и отличался отъ общихъ, земскихъ, что имѣли судей- ную функцію, тогда какъ первый исполняли политиче- скій. Для разбирательства въ присутствіи и при по- мощи всей сотни, но, какъ сказано, судебный процессъ представляли довольно широкое поле деятельности личной инициативы.

обвиняемому, и, что если стороны, он сам, а не судья, имел власть принудить обвиняемого ответить. Эта власть или она заключалась в известной форме, определенно поставленном вопросе. Кто не отвечал на вопрос, поставленный в такой форме, тот сам виноват проиграв процесс. Ответ должен был точно соответствовать вопросу. Уклонение от данного ответа было для себя опасно проиграть дело. После того как обвинитель еще раз отозвался со своей стороны, один из ответчиков, знающий людей, судей ("шеф-судей") выразивший мнение всей предстоящей общины, произносил приговор. Приговор этот не содержал в себе заключения, кто прав, кто виноват, а только производил решение о том, кто имеет право, сам та или другая из указавшихся в приговоре двух сторон подтвердит свое показание известными процессуальными действиями.

Так образ приговора был условный: смотря по тому, будет ли или нет представлено требуемое доказательство, он решал дело в пользу той или другой стороны. Процессуальные действия, посредники которых доказательство могло быть представлено, были: клятвенная присяга присяжников и судя Боний посредником посредника (пола).

Присяжники назывались также свидетелями, но при присяге были совершенно отчуждены от той, к которой принадлежат обыкновенно свидетели теперь. Присяжники не клялись во том, что они вообще будут говорить правду, и не рассказывали того, что ими известно из обстоятельств, предшествовавших делу и сопровождавших его; они клятвенно давали верность только одному заранее формулированное положение, от соблюдения которого приговор поставлен было в зависимости решение суда. Советник не спр...

милалось, многим ^мсвидетели или иныя ^{составить} отплатить еще какия-либо
показанія, которые помогли бы суду ^{составить} ~~суду~~ о правн или
виновности стороны, это было неважно. Вот задача была в
томъ, чтобы решить дело сообразно съ обвѣдами, тѣмъ
1) которая сторона обвѣдана будетъ представить доказа-
тельства и 2) принесена ли клятва, какъ слышится,
съ тѣмъ же именемъ и словомъ соприсяжниковъ. Судителю
постому пригласившись только тогда, когда приговору
уже былъ произнесенъ: А. выигралъ дело, если онъ при-
судитъ въ томъ то, со столькимъ то (обыкновенно 12^ю)
соприсяжниками - вотъ постановленіе суда.

Соприсяжниками (*conjuratores*) бывали обыкновенно род-
ни обвиняемаго, если же, по ихъ желанию, клятву въ его
невинности нельзя было произнести, они старались у-
держать его даже отъ начала процесса.

Сперва всегда можно подуматъ, что такая про-
цедура процесса не давала возможности оправдать пра-
вого человека; но необходимо помнить, что клятва
считалась у древнихъ Германцевъ тѣмъ же свиде-
тельствомъ, и кроме того можно было порицать при-
говоръ, произнесенный шедфеномъ (*schēfer*), и тогда
дело рѣшалось шедфеномъ недоуловляема съ шедф-
еномъ. Форма вѣсело состояла въ томъ, что ш-
едф, проигравшій процессъ, по нежеланию подчинитъ-
ся несправедливому рѣшенію, втыкало въ землю
у дери своего дома обнаженный мечъ. М. о. судья,
приведши для исполненія приговора, увидѣвъ, что
этотъ вѣселъ, возмущаясь насадъ и домини въ
назначить поше.

Такъ рѣшались у Германцевъ дела о собственности,
о дѣлахъ, о ранахъ, словесныхъ оскорбленіяхъ, на-
силственныхъ убійствахъ и т. п. Наказанія, назнача-
емые въ судъ, въ большинствѣ случаевъ ограничивались
денежнымъ пенемъ. Свободный человекъ былъ пошл ^{изъ}

Завоев
 отъ тѣхъ же наказаній, которое принималось
 въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Величайшее то, что налага-
 лось пеня какъ наказание за большую часть преступле-
 ній и проступковъ, вполнѣ естественна у Англо-Саксовъ и
 восточнаго и тѣхъ тарифовъ за убытокъ. Особенно любопы-
 ны штрафы Кентскаго графства. Такъ напр. за пре-
 ступленіе похищенія наемъ налагалась пеня въ 12 шиллинговъ,
 за похищеніе, отъ которыхъ пострадавшій получилъ ущербъ
 18 шиллинговъ, за вторичное уро-20 шиллинговъ и т.п.
 (подобнаго же рода примѣры мы часто встрѣчаемъ
 и въ древне-русскомъ правѣ). Часть этихъ штрафовъ
 „мировыхъ“ денегъ шла въ пользу короля, если же его не
 было, то мировые деньги обыкновенно раздавались;
 устраивался туръ, часто подававшій поводъ ^к новымъ
 дракамъ, новымъ убыткамъ и новымъ пенямъ. Толь-
 ко испина, трусость и противоестественные пороки,
 по словамъ Магистра, наказывались смертию.^(*)

Этими законодательными или волевыми ограниченіями при-
 стижіи государственная дѣла древне-германскаго пле-
 мени.

6 Семейный бытъ и религиозный бытъ.

Пока отдаленные роды древне-германскихъ племенъ
 почти утѣлись на своихъ мѣстахъ, когда соединившая
 въ общинные союзы, тогда начали устраиваться и семей-
 ные поселенія — селы, деревни. Устройство жилищъ у
^{древнихъ} германцевъ было первобытное и незамыс-
 ливое. Страны до сихъ поръ строились изъ бѣлыхъ дерева,
 частію изъ плетня, обмазаннаго глиною, покрывав-
 шимъ или сапеномъ, отвертисъ изъ пропущенъ дуба.

(*) „Proditores et transfugas arboribus suspendunt; ignavos et intolles-
 et corpore infames caeno ac palude, infecta insuper crade, mergunt. Avera-
 sitas supplicii illuc respicit, tamquam scelere ostendi oporteat,
 dum puniuntur flogitra abscondi (germ. III).“

нат света и был выведен весьма были одни и те же. Миллины
были проведены и рассчитаны на удовлетворение только са-
мим насуздавая потребности. - Надпись стала уступать
называя Клинт - Тинг (у Бургундов сегена, франц. сеген,
русск. сеген), которая помещалась внизу под землей
и для поддержки тепла зимою покрывалась соломой.
Деловы для скота устраивались одноклободно рядом
с жилищами, иногда под одной крышей.

Германцы не были горбаты, а жили селами и рощ-
ко только отдаленными деревнями (Einöden). - Входит
в подробности описания жилища Германцев, и, в
прочих, не считая в виду, а потому в этой главе
обратит внимание на главный, характерный
черт их домашней жизни, к чему которая при-
надлежит прежде всего подозрение женщины. Ма-
кит, главным образом в III и IV главах, "Гер-
манцы" дает нам подробное указание для решения
этого вопроса. Он говорит тут о положении
женщины в семье, описывает обряды заключения
брака, упоминает о приданном, которое, по его
словам, вопреки римскому обычаю, приносил не
невеста мужу, а муж невесте ("Вот по-
нот marito sed uxori maritus offert, III). В некоторых
фрагментах тут - как уже указано нами раньше - иде-
ализирован Мацит, и, в жилищах представля-
ются греху противоположность и, в нравствен-
ности и просвещении обитателей варваров и
испорченных нравах римлян, хотя это не-
сколько не мешает нам пользоваться известия-
ми Мацита, как достоверными: достоверная,
фактическая, а не идеальная сторона обряда у него опи-
сана почти всегда верно, только объяснения не-
достаточны. Это придало приписывать женщинам не-
врот, продавая римский патриарх, состо-

или не изгуляемых принадлежностей правящихся женщин и не из народов; жену предлагали паре долов, помиды сь ебры, ирты, мери и дрессиро (Минири по ад дебу-
 das mulieres quavis nec quibus nova nupta comatur, sed to-
 vas et prenatum equum et sentum cum prima gladioque
 XVIII). У. зони подарки, по мнению Жакина, обозначают,
 что супруги и жену должны иметь одного сына, умереть
 одною смертию, что жена должна иметь свою долю
 в работи и опасностях, которыми подвергается муж.

Объяснение Жакина, конечно неслучайное. Гораздо вероятнее
 будет предположить, что эта пара долов, помиды и оружие
 представляли купно иже, как покупную цену невесты.
 броне. В древности, как известно, монеты не существо-
 вало и вместо купного скупивши скот. Сидит отню
 остававшиеся и позднее в руках: долгое время слово фэ
 (Fieh, горское Faihu) употреблялось в значении монеты,
 по прямому свидетельству Жакина (герм. Fieh), и веро-
 ятн убиты или употреблялись в качестве купного
 слова скота.

Легко можно было бы, что эта покупная цена (фэ)
 выставлялась женою родителю невесты, воевод-
 ству возвращалась или в дарь новобрачным, что и подавало
 Жакину повод назвать это приданым (дор); но в старом
 сыган первоначальный смысл этих даров был именно
 такой, как мы только что видели — это была по-
 купная цена за невесту (Бранткау), существовавшая
 не только у Ферманцев но и у всех первоначаль-
 ных народов.

(*) „Hoc maximum vinculum, haec arcana sacra, hos conjugales deus
 arbitrantur. Ne se mulier extra virtutum cogitationis extra bellorum
 suo putet ipsi incipientis matrimonii auspiciis admonetur venire se be-
 totem periculumque sociam, item in pace in proelio passuram amaram
 que: hoc juncti bovis, hoc paratus equus, hoc data arma denuntiunt, sic
 viventium, sic periclitantium, accipere se quae literis inviolata ac digna

Судя этой покупке сохранившейся и во позднейшее время.
 Бранию предшествовала покупка земли. Эта производилась
 ивотомскими жителями, королю и жителям, как и при восток
 джунгары покупка. Но эта покупка отличалась от дру-
 гих тем, что земля ей принадлежала не евреям и пред-
 ложением, а обитателям, обитаям требовал, чтобы уличена
 была евреями вир за будто бы похищенную землю
 (вторую), и зависела от евреями, к которому
 она принадлежала.

Невзема также дарит евреям это ниско из ору-
 жия, и это обозначает, по мнению Мацута (Заксан-
 ному во только что описанном отрывке), абсолют-
 ная символически значимая вещь на всю жизнь. Оди-
 нение отныне - так и идеализированное и тенденциозное.
 В сущности это оружие, по своему составу, шире, ври-
 стит жемчуг не сама невзема, а ее отец или старший ро-
 дик. Вообще тот, кто имеет над ней власть, право
 опеки - типтин (Восток), подобно тому, как в древние
 годы король означал передачу верховной власти из-
 бранным евреям, так это передача невзема
 оружием евреям, означала передачу власти над ней в
 будущему еврею.

Простолюдины имели обыкновенно одну землю,
 князь и знатные имели при прозе несколько. У
 некоторых племен после смерти мужа жена
 не могла выдать за мужа во второй раз.
 у Герулов, напр., воле ^{даже} ~~бывали~~ при гробу мужа. Не-
 взирая на то, что ивотомские евреи свободны и вину
 наказывались жестокими способами, но равными обра-
 зом и наказанием, совершенное евреями над свободными
 евреями. Хотя один закон позднейшего времени
 определял, что такому еврею должно быть дано
 в сердце дубовой колы, и это означала еврейка
 колот, quae nunc accipiant missum ad nepotes peregrinos. (Gen. VIII).

должна была при этой мученической казни ^{скажем} (при первой ударе) строго наказанию посылать даже тот, кто неукротимо и грубо касаясь груди и волею свободно рознутой души.

Но Макиавелли, хотя и идеализировал вообще бытие Германцев, не скрыл однако другой, менее идеальной стороны их сенильной души.

На сенилизм, говорит он, ищут славы и тщеславия и домашних работ, ищут предности восточного праздничного и веселого души, проводят время на охоту, в садах, пире и попойках, на которых они в огромном количестве употребляют свой изобильный напиток - пиво, которое они, по выражению Макиавелли, "портуют" из зерна и ячменя ("Potui hunc ex hordeo aut frumento, in quantam similitudinem vini comparatus Герм. XIII)

Если по этим указаниям Макиавелли и других можно подумать, что сенилизм принимал участие в дельных войнах. Так Макиавелли говорит в III главе "Германии", что рассказав о в Германии, как недавно отступавшие, славянские враги войска, снова вооружившись сражением, благодаря мужеству и энергии сенилизма. Затим Флор. Кассий (LXXI, 3) рассказывает, что во время нападения Германцев на Рим при императоре Марке Аврелии на том сражении между турпани найдено было много вооруженных сениликов. Флавий Юлиан (в сочр. Аврелиано) говорит о сениликах вооруженных и предводителе в сенильское войско. Флавий Юлиан в книге о восточных войнах. В Макиавелли рабство пришло к припадкам у сениликов у Сако Грамматичес Schiltmaude у сениликов короля Фрото.

Но все это указания частного характера, и они не дают нам права выводить общее сенильство. Сени-

Жизнь не упоминает о деятельной участи меншиков в битвах; он говорит только (в VII кн.), что менши да же тогда сиротами обихованно за сиротскими и отица-ми во время походов, выросшим в битвах ерадикавшимся, поощряли их своими криками, перевязывали раны, при-носили им пищу и питье. В этом и состоит их великое мужество: не только древние Терманы, но и все первобытные народы, отправляясь в походы, брали с со-бою семью и все домашний скарб; все это перевозилось на воинов-телегов, из которых составлялось нечто вроде обоза (Wagenburg) сиротовавшего на некоторых расстояниях за войсками. В этом вагенбурге и находились жена, матери, сестры и дти воинов, заботясь о них по своему усмотрению обремененности маршмантов и сестер милосердия, и своею собственною энергиею часто поддерживали ослабевший воинский дух мужичины. Иногда случалось, что они с помощью сторожевых собак, всегда при соприкосновении, выдерживали нападе-ния врагов. — Подобно меншикам пользовалась у Терман-цев и женщина: „Iussu quidam etiam sanctum aliquod et providum pulant, volunt. Namque, nec aut consilia ei- rum (т.е. feminarum) aspernantur aut responsa negligunt“ (Герм. VIII). —

Жизнь теперь несколько слов о положении дитяти у Терманцев. Малолеток считали самостоятельными до 12-13 лет. Когда они достигали этого возраста, его приводили в общее народное собрание и торже-ственно вручали ему копье (дралко). Таким образом (Wehrhaftmachung) его признавали способным носить оружие: юноша, получив возможность саму заступать свое право в суд, мог участвовать в военной опло-ти, платить выкуп и поимать часть из, если убивали мина его рода, мог жениться и быть почитаемым (Vogtmund) другом. Но фактически после этого перва-

его признания совершенно истинно он, разумеется, еще не мог пользоваться всеми этими правами и вносить распорядиться собой. Такие юнгоши часто отдавались насау (Mund) какого-нибудь взрослого и значительного лица, которому служили в виду оруженосцев, чтобы пригнаться к военному делу и выказать свою храбрость. Эта школа, которую юнгоши надо было пройти для достижения полноправия, иногда была весьма тяжела, очень часто с неохотой обращались к ней. Так у Герулов он должен был сражаться без оборонительного оружия — щита до тех пор, пока не докажет в юности своей храбрости; у герулов такие юнгоши не могли носить волос на голове, не иметь бороды, и не носить земляного колоса. признака совершенно истинно — по руке до тех пор, пока не убит не придет. (Герулы II). Когда юнгоша достаточно ясно доказал свою храбрость, ему брали жизнь, и тогда он отлучался со службы и становился полноправным членом государства.

Признания полноправности можно было достичь не только на войне, но и выказав свою храбрость на охоте. Это бывало то же в том смысле, в котором, в котором совершалось sacrifice в совершенно истинно ^{или} смысле о выходе юнгоши из детского возраста, полагалось вступить основание к аристократическому служебному отношению его к дружиннику в виду оруженосца (Knappen). Именно об этом говорится, чтобы при Wehrhaftmachung не сам отец давал оружие сыну, а дружинник юнгошине его охоты оружие. Тогда этот акт представлял собой не только эмансипацию, но и адопцию. Юнгоша совершенно выступал из под власти отца и вступал "под руку" (мундшт) того, кто совершал

наз нимъ обрядъ. Въ этомъ обрядѣ Wehrhaftmachung ишъ
по сущности нѣкоторыхъ членовъ, свой германскій рогазскій
обрядъ посвященій, и что справедливо. Слѣдуетъ только
замѣтить, что, можетъ быть, обрядъ ударенія мечомъ
(Hotterschlag) при посвященіи въ ризади скорее соот-
вѣствуетъ второму брѣженію оружія, въ частности
щита, о которомъ было говорено выше.

Упомянемъ еще о погребальныхъ обрядахъ герман-
скихъ племенъ и затѣмъ упомянемъ въ самыхъ общихъ
чертахъ и въ народный въровазія. Способы погребенія
у Германцевъ были двойскіе — они или сожигали трупъ
своего умершаго или предавали его земле. Нельзя
сказать, чтобы распространеніе того или другого спо-
соба было различитъ хронологически или этнографиче-
ски. Раскопки доказываютъ, что они существовали
беспримѣнно и одновременно ~~существовали~~ у разны-
хъ племенъ, такъ какъ часто въ одной курганѣ
находились и пепелъ въ сосудѣ и остовъ погребеннаго
человѣка. Покойникъ предавался погребенію въ своей
одеждѣ, если позволимъ семейныя средства, съ умер-
шимъ сожигалось и тѣло его оружіе и различная
домашняя утварь. Въ могилахъ, которыхъ раздѣла-
ются теперь въ изобиліе, часто находятъ на
рукахъ, на ногахъ, на пальцахъ и на шее остатки
колецъ золотыхъ и бронзовыхъ, медныхъ и серебряныхъ,
подъ и нѣтъ обыкновенно лежатъ пряжки, ножи и дру-
гія украшенія, етеклы и иглы, елины и коест-
ныя и др. — Отсюда видно, что слова Мацита о по-
гребальныхъ обрядахъ, а особенно объ отягченіи въ
нихъ всякой пышности (tumultu nulla ambitio) — то-
есть что они не кладутъ на коестъ ни дорогихъ матерій,
ни драгоценнѣйшихъ тканей. Напротивъ при
созданіи костюма украшали оружіемъ и платили
умершаго (объ этомъ, впрочемъ, какъ бы въ проти-

вопросам себе же упоминает и таинств, *Ген. Хлвн*,
убавая при коотрх ея коня, его охотниче птицу
летела, а иногда и еще како-нибудь птицу.
Наконец умерившая себя истреба и жена, которая
хотела съездить за мужем в царство смерти
была, или ея любимый супруга. Так, наприм., в
Эдде разсказывается, что когда умерла Брунни-
да, то выпетъ ея пил Глими сородичей в ея супруга-
нохъ и одинъ супруга. - У древскаго писателя про-
па сего также указаний на факты подобнаго
рода.

Этотъ обзоръ, каковыиъсь нами вераема сущест-
ности, Глими описана съ сурового религіею & Германцевъ,
краткій очеркъ главныя основаній которыхъ мы теперь
и оспрашиваем въ заключеніе нашего общаго изслѣданія
сторону быта Гудуизма раздѣлитъ римской им-
періи. Да и нужно сказать, что вопросъ этотъ, за-
еще не хорошо и не достаточно изслѣдованъ, такъ
что трудно было бы изложить его вполнѣ основа-
тельно. Обратимъ къ свидѣтельству таинствъ, мы
видимъ, что онъ называетъ Германскіе боги тѣ-
ми же римскими, сатанинскими именами,
которыми Цезарь, какъ мы въ свое время говорили,
называлъ боговъ Галльскихъ.

«*Deorum tantum Mercurium solum, vocantur rimi-
exii поторихъ, cui sexis diebus humanis quoque hos-
tis lotari fas habent*» *Ген. 12*

Подъ этимъ Меркуріемъ мы, по всей вѣроятности,
^{должны} разумѣть особенно почитавшагося у многихъ Гер-
манцевъ имени (Сахотъ, Данотъ, Сиготъ) Одина-
или Водана (*Wotan, Wodan*). Замеченіе это можетъ
быть вѣдѣно посредствомъ сличенія названій Германскихъ
дней и нѣтъ отъ сатанинскихъ. Въ нѣ Германцевъ приняты
этѣ сваянъ сородиъ. Которыя сваянъ называютъ они подлин-

поминалих боговъ, подставляю, конечно, на место имени
 стир, имени своего соотечественнаго, соотносимому до
 имени. Такими образом въ сохранившемся до наше-
 го времени англійскомъ названіи Среды - Wednesday.
 мы ясно видимъ видныи слѣды имени Одина.
 Въ датскомъ языкѣ средой это сохранилось еще
 яснѣе: среда называется у нихъ Onsdag - очевидно
 сокращеніе отъ Odinsdag. Имя Одина было погубле-
 но на счетъ римскаго Меркурія, уже усвоеннаго
 Кельтами, и имя Крото сохранилось во фран-
 цузскомъ названіи - Mercredi.

Тотъ же умершій, въ сопровожденіи котораго
 Огунъ, богъ грозы и силъ природы, бури и молнии,
 представляется воображеніемъ Германаго, подаемъ
 поводъ приравнять его къ Гермесу. Меркурію, какъ
 известно, проводившему въ подземный міръ тѣхъ
 умершихъ. Другой богъ, упоминаемый Магистами, -
Mars („*Marten concessit animalibus placam*“: IX), мо-
 жетъ быть приравненъ къ германскому - Tiu или
Thio, преимущественно почитавшемуся у Свевовъ,
 Гаттовъ, которые сами прежде назывались Tiuv-
vari, т.е. слугами, почитателями Tiu. Слѣды этого
 имени мы видимъ въдротъ въ англійскомъ назва-
 ніи Вторника - Tuesday, англосаксонскаго - Tiwes-
dag, ивадскаго и даварскаго - Tiesdag, нѣмецкаго -
dienstag (это слово очевидно не происходитъ отъ
dienst - служба).

Третій богъ, составившій элементъ четвертаго
 первичнаго германскаго триады былъ Thor (Thor), богъ
 грома, соотвѣствующій у Магистовъ съ Гермесомъ,
 и, развѣ, по сходству атрибутовъ, приписыва-
 вшихся одинаково германскому богу и греко-римскому
 герою - панику и молоту. И его имя сохранилось въ
 англійскомъ названіи Четверга - Thursday, саксонскаго -

Торсдаг, и немецкомъ. Donners Tag. Исландскими богами
упомянутъ Фрею, имя которой такое и дано
соотвѣтствующее въ немецкомъ названіи Фрей-
Tag.

Остальные боги не представляютъ особенной ва-
жности и интереса. Торасъ болѣе значимъ для опредѣленія
степени культи Фрианцевъ и имѣетъ упоминаніе о
примосильныхъ этимъ богамъ и особенно Оди, чело-
вѣкъ жертвуетъ.

Германская религія имѣла по преимуществу харак-
теръ мрачный, суровый, не смирительный даже культи
боине милка въ свѣтѣхъ доимъ, подобны чамъ въ
деае matres (дѣвъ blanches). Боги Фрианцевъ
являются кровожадными, жестокими силами,
требовавшими для своего поклоненія и умиротворе-
нія челоѣческихъ жертвъ. Эти жертвы ставили
ся обыкновенно въ особенно рѣзкій упрекъ Германской
религіи, которую даже называютъ „религіею крови“.
Упрекъ это, впрочемъ, совершенно безосновательный
челоѣческихъ жертвъ составилъ обиходъ ^{народовъ} въ
первобытныхъ религіозныхъ культахъ Фрею
скаго культа. Разница состояла только въ томъ,
что у другихъ народовъ, подъ вліяніемъ боине мил-
каго характера, иныхъ обиходныхъ условий, жерт-
вы эти перешли гораздо раньше, чѣмъ это было у
Фрианцевъ, которые сохранили этотъ кровавый
обычай довольно долгое время. Мы имѣемъ свидѣ-
нствъ, что даже въ VIII столѣтіи Фрианцы уже
приняли христіанство, продавали своихъ соот-
родичей, еще живыхъ, рабовъ для жертвъ. Въ
томъ обиходѣ упоминается Св. Бонифаций, апостолъ
Германи. — Саксы, которые въ IX столѣтіи на-
пали съ вѣрною Фрею Талии и подобно поддѣ-
лихъ Норманнамъ вторглись въ самую внут-

женности страны, носить повязь приносимы богамъ въ жертву десятиго или пятидесятиго. Въ болонскомъ сирачевъ динъ этой урны служили рабы и военнопленные, но иногда и свободные люди и даже царскіе чиновники.

Въ одномъ памятнике острова Ботландъ говорится, что весьма долго сохранялась обычай приносить въ жертву сыновей и дочерей.

Древнимъ оставшимся намъ ужасающимъ описаніемъ этихъ жертвоприношеній у Кинбровъ и Мевтеновъ, а въ исполнителяхъ кроваваго обряда явились престарелый жезуитъ. Въ старыхъ легендахъ, перешедшихъ изъ метаморфозъ, обильно жезуитскимъ, въ распухшемъ по плечамъ рожкомъ пришедши съдыръ волосъ, съ бѣлыми тогами, съ кошелькомъ въ рукахъ, вступили суровый суровый метаморфозъ, подвели его къ громадному метаморфозскому котлу, который считался великого народного святилищемъ. Она изъ низа встала на скамью, наклонилась ко рту несчастной жертвы, поднятой высоко вверхъ, надъ краемъ котла и разрывала горло обреченному на смерть жезуиту. Ватеканская быстро струя изъ рта крови служила средствомъ для гаданій обудущемъ.

Суровый жезуитъ древнегерманской религии въ известной степени соответствовали и суровые нравы, съ которыми мы и познакомились были, подробно и ясно при изученіи самого жезуита, при изложеніи исторіи стоицизма въ варварскомъ мірѣ съ міромъ римскимъ. Свести сразу концы концы обреченнаго на смерть жезуита и хороший и дурной жезуитъ. Жена Фермацьева довольно трудно; мы постараемся въ своемъ изложеніи осветить основныя моменты жизни, съ которыхъ должно рассматриваться

вопрос о социальном и государственном строе Германцев, и пока должны ограничиться сказанным, но нам придется вернуться еще раз к этим вопросам, когда мы будем говорить о владычествах в двух мирах - варварского и римского, когда они придут в соприкосновение, когда мы ближе познакомимся с чертами их уже описанного быта и описаний Григория Турецкого и других. Указанная здесь черта не следует упускать из виду. Такая известность наших Германий, таким образом, изображает характер и жизнь их населения в описании древнего историка древности. Многие еще не развиты в быту племена, многое еще сурово и дико, но что уже сдвинуто, являясь уже первоначальным, своеобразной формой социального организма, который, как известно, не только дается каждому первоначальному народу, переживающему долгие и темные годы своего младенчества, но который уже сумел ему пролить и широкое и широкое будущее, и изучение которого представляет важную для познания социологических законов вообще и для познания быта других народов в частности.

II. Борьба двух миров и возрождение

1. Маркоманнская война и первый период Великого Переселения Народов.

Познакомившись в главнейших чертах с Германиями, их бытом, правами и строем жизни, перенесем теперь на римскую почву, представим в ее главнейших элементах историю столкновения варваров с Римлянами, столкновения, которое закончилось для последних разгромом, смертельным ударом, уничтожившим последнего императора.

жизни в империю так недавно еще всемирной всемирной империи.

Не будем говорить о многочисленных, мелких, разнообразных и утомительных подробностях первоначальной борьбы Римлян с Германами до Августа во время его царствования и вскоре после, а остановим наш взгляд только на том периоде борьбы, которая начинается со времени марка Аврелия и открывается с первого после Фивобурской катастрофы, видный события в отношении Римлян с Германами.

Европейскую границу Римской империи составляли Рейн и Дунай. На этой границе для защиты территорий империи от нападений германских варваров была расположена огромная армия, состоявшая из войск регулярных - легитимных - и иррегулярных - союзников - племенного во 100 тысяч человек и разделенная на два корпуса - южный и северный. Главной (главной) Римской квартирой северной части корпуса, Кельны (Colonia Agrippinensis) - главной квартирой южной части корпуса. Но так того как проведет был знаменитый пограничный вал от Кельна (Kehlheim) близ Рейна (Kehlheim) на Дунай через Прамбурх, Милтенберг, Гиссен, Гамбург, Амстердам до Кельна на Рейн, на границе оставлено было только 50,000 воинов.

Укреплений на этой линии тогда были, как бы помнит еще при Фрун и Мисии. Фронт в 97-99 годах приказали насыпать громадный вал, который был дополнен и укреплен с обеих сторон и отчасти сохранился в развалинах до наших дней. На протяжении 60 римских миль (420 верст) известное количество миль от миль

отъ рѣки Рейна до Дунай. Римляне называли его limes, palus, vallum; отъ palus произошло германское Pfahl, сохранившееся во множестве городов и местечек (Pfahlbrunn, Pfahlheim, Pfahldorf); вельва у позднейшихъ германцевъ носитъ название Pfahlgraben или просто Pfahl или Teufelsmauer (чертова стѣна). Восточную половину вала составляетъ высокая мура, или римская военная дорога, на несколько футовъ возвышающаяся надъ остальной поверхностью и защищенная сторожевыми башнями, расположенными на небольшомъ расстоянии другъ отъ друга. Западная половина, отъ Рейна, Майна и Рейны, представляла одностороннюю муру вѣдущую въ 16 футовъ вышины. Впереди вала былъ широкій ровъ, въ промежуткахъ, при подножьи вала - стѣна или острогъ изъ кирпича или камня (заостренные сверху, склоченные въ землю бревна). Позади вала также находились укрѣпленныя сторожевыя башни, по одной на каждую милю. Простирался на такое большое пространство, вѣдущий не представлялъ непреодолимой твердости, не могъ быть безъ труда форсированъ сапѣрами и вооруженными силами преграды для вторженія варваровъ; но все-таки онъ служилъ весьма полезной линіей. Религиозно сторожевою линіею.

*) Если кто желаетъ подробно ознакомиться съ устройствомъ этой сапѣрной линіи противодѣйствію римской военной строительной искусства, то онъ можетъ обратиться къ спеціальному сочиненію, посвященному описанію Рейно-Дунайской лѣнии пограничнаго:

H. Heßner, „Der römische Grenzwall in Deutschland“ (Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunde in Rheinlande. Heft 63. Bonn. 1868).

2) Hirschfeld, „Die Verwaltung der Rheingrenze“.

Римляне удерживали нас за собою до конца III^{го} века. Как. образ. Впродолжение двухсот летъ огражденная сими территория принадлежала къ римской империи и до сих поръ населена остатками римской культуры. Население, жившее здесь, какъ толмече, было вполне романизовано: это была область, занимаемая ныне Вюртембергъ и Баденъ и носившая въ римское время название Децимнатъ (Agri Decimatis).

Для насъ важно не столько военное, сколько культурное значение римского пограничного края и утратившей его сими провинции. Мы уже раньше, когда говорили о добродетели отдаленныхъ провинцій римской империи, подробно говорили объ этомъ, и потому теперь не распространяемся. Вспомнимъ только, что римскій провинция являлся носителемъ культуры (Kulturträger) въ завоеванныхъ странахъ въ первый century столетия нашей эры, какъ позднее передавалъ эту миссию средневековымъ монашескимъ орденамъ. Ванавы при постоянныхъ налетахъ римскихъ легионовъ, обращались въ святилища, божества и торговые селения и наконецъ въ центральные городские центры. Кроме того приноски калонии, при императорскомъ содействии создавались виллы, но виллы, а также предприятия, моды въ катедрали и школы, напавшие пограничные миссии при военныхъ дорогахъ и внутри вела центральные народонаселения. Бавария, Вюртембергъ и Баденъ украсились римскими городами, селами, виллами. Территория была романизована, виллы осуждены, и все прорытими дорогами и проходами, открывались каменоломни и рудники.

Виллы, храмы, гостиницы, грабни, театры

только во определенных и определенных местах и во определенных
нае время. Малою Гермунду, составивши союзничество, и
предпочтительно перед всеми другими племена-
ми дозволялось вступать далее в Лужица Гунд-
сигит.

Иногда между соседними племенами происходили ссоры и
столкновения и ссоры. Римские отряды гнали, хор-
и небольшие походы на племенную повар, но круп-
ных столкновений не было до известной Маджарской
первой войны, которою нанесен был первый удар
Дунайской границе и вместе с тем отпали все рим-
ской пограничной защиты.

Маркоманнская война (165-180?) была дол-
гими наступательными движением германских
племен на римскую империю. Название это, соб-
ственно говоря, неточно, так как кроме марко-
маннов, сидевших на север Дуная приблизительно
от Рассан до Марс, в Богемии, Моравии,
устье Влтавы, жившие за маркоманнами
в Богемии, Моравии и Верхней Силезии, и другие ссо-
родисленные народы: Гермунды, Бур, Визиготы,
Кандавы, и даже племена не германская племена,
как напр. Ави. Сарматское племя, жившее
в низменной равнине Дуная и Тиссы.

Медия войны была пограничной Австрия, Мед-
ри и Верхняя и Земля Венгрия. От Римской
до самой устья Дуная сторожевая римская си-
ла была угрожаема впадением вояжи и войн
массами варваров во неодолимой еще до Рим
поры коснулись. Между ними не было твердого
единства и постоянного союза: то один, то дру-
гой народ вступал в борьбу с Римом, а ино-
гда и несколько племен заключали временный
союз для борьбы против империи, тогда

такие периды сугубо и наоборот, что часть
варваров вступала в союзы с римлянами
и боролась против своих предшественников
и соотечественников. Так как Ави и Буря,
заключая мир с царем Аврелием поставили
непреклонные условия, чтобы Рим продолжал
войну против Кватов и Маркоманнов. Нандай,
Асциты предлагали свой союз и готовность ве-
сти войну против других германцев, если Рим
уже отведет им за то земли для поселений.
Надобно отметить сугубо, что не была
одна римская война, а ряд войн, которыми нахди-
лось только в германской сфере между собой.
Один какой-то народ нападая, война была
удачна, и счастливое центральное, предпри-
нимали в свою очередь победить ее народ.

Маркоманнская война началась в 165 г. напа-
дением Маркоманнов и Кватов, которые втор-
глись в римскую территорию, осадили Аквилею
и доводили погн до нижних Мелен. Провинции
Донна, Норика, Паннония, Чимия страшно постра-
дали, при заключении мира было введено в рабство до
200,000 римлян. Сам Рим был в вели-
кой тревоге. Император царь Аврелий собрал
жрецов и садателей, стали совершать таинствен-
ные обряды и жертвоприношения для умиротворе-
ния богов. В виду опасности возбуждены были даже
сладотворя и рабы. При этом сряду от 171 до 174
сам император провёл на театре войны в
стране Кватов. Город Саминтат (нынешнее
название Ватна по Дунаю) был его главной
квартирой. Во время зимних кампаний на бере-
гах Трава, среди монотонных равнин Неприн он
писал свои знаменитые «Размышления».

Въ это время отпущены отряды врагов все прибывали и
 прибывали. 1874 годъ былъ особенно sanguinarius. Марк
 Аврелий и его войско окружены врагами въ безднанных
 степяхъ въ Верхней Германии къ западу отъ р. Рена, терпя
 страшный недостатокъ въ воор. Въ минуту покаяна из-
 немощенія волею, вдругъ подвигаясь буря, пошелъ дождь,
 и освѣщенный и утешенный акадѣмическимъ сообщеніемъ.
 Они извѣстны, и съ полнымъ изнеможеніемъ напали на
 Кладовъ и въиграли битву, которая имѣла хоужу крѣ-
 пкой войны. На основаніи этого событія, какъ мы уже
 разсказывали, создались двѣ легенды: языческая и христі-
 анская, на которыхъ различнае ученіе совершенно напрас-
 но отирается въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ объ отно-
 шеніи Марка Аврелия къ христіанству. Рядъ дѣлъ совсѣмъ
 разбитъ и замуренъ. Намъ самымъ стало просить ми-
 ра и другихъ писемъ. О событіи и описаніи событія между
 ними было много. Кавидъ велъ переговоры самъ въ
 акт. Условія были сходны, но однако въ частности не
 одни и те же. Такъ однимъ изъ договоромъ свои подвиги
 черезъ римскую провинцію Дакия вести переговоры съ Рок-
 сопанамъ (народомъ, жившимъ въ юго-восточной Буховинѣ),
 въ которыхъ нѣкоторое ученіе ^{неправильно} (видитъ Руссо): это было
 удале контики отъ берега въ восточной части, которые
 были полевой образъ жизни и по характеру совсѣмъ не
 подобны были на Славянъ, о которыхъ самъ такъ много
 говорилъ, что они были постоянны и жилища и
 всегда жилища были земледѣльцы. Однимъ изъ условий
 да было также разграниченіе варваровъ считаясь въ
 и сѣвернаго берега Дунай, на пограничной террито-
 ріи, но съ различными ограниченіями: жилища ^{и жилища}
 не были находились на разстояніи семи верстъ отъ
 берега, острова не должны были занимать, судовъ стро-
 ить также не дозволялось. Для торговли назначены бы-
 ли также опредѣленные пункты, кроме того много

искусством крепостей и гарнизонов поставили на границах
и внутри ^{на территории} (самых) варваров.

Эти гарнизоны были причиной возобновившейся войны. Квенты, не желая вносить притеснений, попытались воссоединиться с Септимианом (Септимиусом), — путь лежал им по направлению к южной части Транса, — но были остановлены. Тогда эти влиятельные маркомманы приехали жаловаться императору, и когда она обратилась к сенатам, вскоре, в 178 г. возобновилась война. Марк Аврелий отправился на Дунай, боролся с центрами против разбитого племени, но в 180 г. умер в Винограде.

Сын его, Коммод, продолжил борьбу, но в то же время центры склонились на свою сторону и несколько племен денотами и тахирами вразумили, что удалось в том же 180 г. заключить мир на предложенных условиях, т. е. на условиях 175 г., но от того отменили, что римляне отказались от укрепления и места в землях варваров, а маркомманы дали обещание не совершать набегов более одного раза в год и не определяли системы под надзором римских чиновников.

Маркомманинская война послужила, прологом к тому великому событию мирового, который положил конец существованию великой империи древнего мира, послужив которой выступают в характере движущих сил на расширяющуюся сцену всемирно-исторической драмы новые германские и романские, а позднее и славянские народы. Это событие чрезвычайно важно в истории Великого переселения народов.

Прежде чем приступить к изложению самой истории Великого переселения, укажем на главные пособия, из которых мы знаем сведения об этом периоде.

Первым из них труды одного бывшего военного

Германа, Витеррейна; это основан классическим образом, который начинается историей этого интересного периода и, войдя в отставку, издаст в своем результате своих занятий. Заглавие его труда: Witersheim. u. Geschichte der Völkerwanderung. 4 Bände.

Первые два тома, посвященные изложению судьбы римской империи, написаны слабо и не имеют ничего от изложения к своему предмету. Но последние два составляют отборно и имеют большое значение.

Справедливый отзывка известного научного знания труда ^{Витеррейна} (подвинула известную арену Фридриха Дана (Dahn), следуя примеру автора исторического романа "Борьба за Рим", переработать его, восполнить богатством материалов, заключенных в сочинении Витеррейна и придать его труду вполне научную форму. Это предположение Дана сочинение Витеррейна вошло в 1880. в двух томах, и представляет чрезвычайно интересный исторический труд, занимающий собой довольно значительный период времени.

Потому указываю на труд Панниана: Fallmann. u. Geschichte der Völkerwanderung. 2 Bände. Сочинение это имеет более специальный характер, автор преимущественно занимается Томаном. Первый том посвящен Томану, второй - народам Томской области - Германам и др., жившим в Италии от Одрона.

Кроме названного сочинения можно указать еще на некоторые статьи, развращающие этот вопрос, например, на статью Платнера:

Platner. „Ueber der deutschen Völkerzuge zur Zeit der Wanderung“. (Forsch. zur deutsch. Gesch. XII. 167.)

Указание на эти сочинения еще пока и ограничено, более подробные еще указания на литературу

ны были иметь возможность думать также по этому, как были иными отдаленные галльские Веллхого Переселения народов.

2. Первый период Великого Переселения Народов.

Маркоманнская война была предвестием наступающего постоянного напора Германцев на границы империи. Движение Германцев на юг началось еще гораздо раньше, потому что и на время, и Маркоманнская война представляет первый фазис, свидетельствующий о возобновлении этого движения после большого перерыва со времени Августа. Таким образом эта война находится в связи с тем огромным движением Германских племен, наводившим в течение III и IV столетий пограничные провинции империи, а в V в. проникшим наконец в самые отдаленные уделы и образовавшим там новобуд государства, которое и называется Великим Переселением Народов. Поэтому можно думать, что этот фазис переселения тех, которых Германские племена, тесно связаны с передвижениями других народов, живущих к северу от Маркоманов, и Шагудуриков утверждает, что Маркоманнская война явилась следствием напора на эти племена народов Славянских. Знаменитый славянский ученый отирается на известие не особенно выдающееся галльского писателя Капурнина в его биографии Марка Аврелия (свидетель о Маркоманнской войне упоминает вообще мало, и он самостован не пишет "Scriptores historiae Augustae"), который прямо говорит, что Маркоманские Квяды движутся на Римские границы только потому, что их теснили другие народы с Севера. По мнению Шагудуриков — эти народы были Славяне. Но он

двуми прав, онъ слишкомъ широко понимаетъ распро-
странение Славянскаго племени. Скорее маюрг. Готы, дви-
жение которыхъ отъ Балтийскаго моря въ Германию долже-
но было начаться около 150го года отъ началъ въ Маркоман-
ноской войнѣ. Это предположение дѣлается темъ болѣе
вѣроятнымъ потому, что известно, что отъ которыхъ
племени Готская группа, напр., Вандалы, приислы-
лись къ Готской землѣ на основаніи приимого свиде-
тельства Проклуса, участвовали въ войнѣ. Вандалы яв-
лись съ Роснока, — это были передовой отрядъ готскаго
переселенія, и если предположимъ тутъ вообще Сла-
вянское движение, то его несомненно можно ставить
на задній планъ, и маркоманноскую войну отложить,
какъ отпаденіе друиныхъ передвиженій, которыхъ уже то-
гда совершались въ странахъ болѣе северныхъ, въ имперію
тогдашнюю Германскую имперію, въ нынѣшней Рос-
сін и Польшѣ. — И дѣйствительно несколько десятилетій
послѣ этой войны мы уже замѣчаемъ постепен-
ный напоръ Германцевъ на римскія границы. Такъ то
исторія Великаго Переселенія Варотовъ отнюдь не ак-
центируетъ нахлѣвъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ въ общеразс-
пространенныхъ учебникахъ, съ 375 г. съ нашествіемъ Готовъ;
первый періодъ его начался гораздо раньше, оно открылось
съ начала третьяго вѣка, вскоре послѣ Маркоманнской
войны.

— Дѣло наше, конечно, важно сначала вдуматься
въ причину переселенія — Völkerwanderung.

Примѣ всего нужно замѣтить, что самое по-
чтеніе — „Völkerwanderung“ можетъ возбуждать недоразу-
мѣнія, оно вызываетъ представленіе о какомъ то бурномъ
движеніи, косяніи полудикаго племени, по этому, конечно, въ
немъ много. Германцы и въ отдаленіи такъ же явля-
ются пародами, оседлыми, и странствованіе или кося-
ніе никакъ не могло представлять характерной чер-

ты германского быта.

Известие ученые, напр. Гизо, обличением германских „Wanderungen“ отнеймительными сердцами дружинника быта: это удачные дружины, утверждались они, подвига-лись со своих мест, устремлялись в новые стра-ны, по дороге увеличивались в численность, обрешивали новые дружинные народы и основывали новые госу-дарства. — Теперь этого взгляда вполне опровергнуто, у нас есть целый ряд доказательств, что дружины во пер-вую не были многочисленны, а во вторую не выходили из обычных рамок германской общественной жи-зни. — С другой стороны кроме того мы имеем воп-рос указания на то, что германские племена, с их землями и долами, со своим домашним скотом, со скотом, охотой и всеми видами животноводства иногда вдруг поднимались со своих мест и отпра-влялись в путь искать новых земель. Иногда отдели-лись народы (Sevitas - Völkerschaft) при этом распа-даясь, связь между вождями (Häupt) его утрачивалась: одни из них оставались, дружины поднимались вои-ны, собирали все имущество и уходили в новые места. Это совершенно было свойственно, по мнению Маттера, Кантауэра.

Таким образом в только что описанном явлении мы наблюдаем весьма своеобразное про-тиворечие: с одной стороны видим, что племя живет вечно на определенных местах, с определенными традициями, в постоянном жилище и с постоян-ной организацией, с другой стороны замечаем, что вре-менами это племя поднимается все и отправляется в-ред, неизвестно куда, отбывая новую отечества.

Как же объяснить это с первого взгляда непонят-ное явление? —

Для этого мы обратимся к теории Вана (Wahn)

которая сначала может показаться парадоксальной, но на самом деле этот прекрасно обоснованный вопрос. Она изложена в обширной статье его в сборнике: „Bausteine Gesamtheit kleine Schriften“ Berlin 1889 и потом повторена во введении к переработанному изданию труда Витерсгейма.

Большое Переселение Народов, думается дан, есть последний шаг, законченное старое развитие, последние колебание волны в движении продолжавшейся столетия. Не в Европе началось оно, а в Азии. Большое Переселение Германцев из Центральной Азии через Кавказ и вверх по Дунаю временно и на несколько поколений приостановилось, после того как оно уперлось на юге при Дунае и на западе при Рейне в сильную стену римского могущества. Пока плотина оставалась крепкой и не поднималась внутри, она исполняла свою службу, и дикий поток был неподвижен. Но как скоро сила сопротивления ослабла и постепенно вытесняясь внутренним напором, сколько столетий вытесняемой порги, волны опять пришли в движение, затопили предгорья, проникли внутрь империи, и понадобилось триста лет, чтобы все еще пришли в порядок.

Далее утверждается, что одновременно с нагавившимся упадком внутри Римской империи, нагавившаяся и другая причина внутри. Германские племена, теснившиеся у пограничных вала между Дунаем и Рейном: немцы в промежуток времени, застойной остановки движения Германцев на римских границах, совершили в их среде переход к преобладанию земледельческой жизни, к оседлости земледельца. Вот критический момент еще в незапамятные времена когда они еще были кочевниками в средней и верхней Азии удерживали

составляя абсолютной степени культуры. Они были преимущественно скотоводством и охотой, хотя были уже были известны зачатки поверхностная, первобытная, беззащитная и неопытная слепоты. После установления своего порядка и установления для них на этих пространствах, где они обитали, они легко считали своим. Без сознательной и без горести они расставались с поселившимися и с полем, на обработку которых не было потрачено большого труда, свираси они свои земли и детей, невольной домашней охоты, похитили, и всякого легкого и редкого и много или палатки и в дубовых кустах, похищая все это на многократных, закрывающих волнами и отпробованных из вперед, куда масса людей, по направлению, которое указывалось полетом птиц, много несомненно знаками, или все определялось необходимостью отступления перед наступающим по полету птиц сильным состоянием. Таким образом земли стояли без определенной ирригации, от одной области к другой, от одного населения к другому двигались Ферманцы, только в крымском направлении все более и более усилившееся на запад: обратное движение было закрыто надвигающимися с Востока массами другов именов (- Готовы, Сильные и Мокшанцы)

Германцы астанавіліся перад прыгарадам Рымскага
ахрышчэння і мястонах, пака яшчэ не прасоўваліся. У
ва гэтым то прысуджанае вяртэнні, калі Рымскі
не впершыню пазнакоміліся з імі, і калі гаворка
ніз дэрта ахрышчэння імі сёння мастацкім апіс
ніз ^{васіліяна} (Гелары і Паўліна, совершана в ахрышчэнні пер
сёння з пераходнага імя імя іх асабліва і не
следствію пасля гэтага абнавіліся неабходна

сильный, прогрессирующий прираст населения. Данс утверждает, что эти два явления — переход народа к земледельческому быту и быстрое увеличение населения тесно связаны природно, как кризиса и сыпавшиеся, и соответствующий закон (он говорит об этом в примечании, но ^{по} сноточно было бы проверить этот закон на примере других народов?).

Устаи земледелия, продолжает Данс развивать свою теорию, не только одни паразитическое увеличение населения, но и то, что было слишком мало для того, чтобы прокармливать молодое многочисленное поколение, и различные указания на которых писатели того времени (как Жюльен) на посылку имеют полное основание. — Вопрос о том, как плодородная земля, которая прокармливается все менее народа большим количеством земледельческого населения, не только тогда есть средство к выживанию для сравнительно меньшей коалиции народа, Данс ставит в связи с изменением характера тогдашнего хозяйства, тогдашней обработки земли.

Касаясь туниса, владения земли, как древние Германцы и другие было всецело много земли, значительная часть которой не обрабатывалась со землей — это широкая пограничная полоса моря, покрытая саванной или пустыней, которая не имеет значительной части не засаживалась, а засаживалась одичавшей землей (Алленде) — в основном, муравьями и насекомыми, и только сравнительно незначительная часть земли, разданная отдельным лицам (Данс признает отдельную личную собственность на частную землю), засаживалась и обрабатывалась землей не только так, чтобы плодородия ее усиливалось, число семян сеялось росло, она и губительная негодная

тоже в семен. Сначала можно было попомнить о
том недостатке расчетной части сена - и осу-
шенным болотом - но это было при первоначальной
состоянии обработки подвигавшей вперед трудно и
медленно и тратится очень долго в Германии

оно думается в течение всего среднего года, и тогда
тут же принимается подполье - монахи и монашеские
негерманскими крестьянами, заготовкой можно было
отрывать части от общинной земли и т.д.
увеличивать наполье асептикой и т.д., но при
этом явилось другое затруднение - по поводу
производства спонсорства земельной собственности
земель с правами общины

Таким образом. Если приходится к окова-
тельному труду, то в то время при переходе
Германцев к оседлому земледелию, вступают с
которыми обнаруживается острая потребность в семенях,
за которыми у себя земледельцы не могли получить,
о чем легко можно сказать недостаток в семенях
и появляются первые признаки голода, и это то
было главным движущим фактором, подвигавшим Герман-
цев с насильственных уже отчасти ^{и заставлявших} ~~идти~~
путем опыта вудного воюющего на восток и на запад.

Многие факты можно привести в пользу
того, что находим оправдание в большинстве
случаев, подтверждающих частыми упоминаниями
писателей о том, что Германцы постоянно про-
шли Римские империи угасли на их террито-
рии, на которых они могли бы поселиться, и готови-
лись при этом вести весьма значительные подин-
ности. - Вудно отменяет только оговорку о том
также не вполне верно, что факты на основании кото-
рой земельная собственность у Германцев не
имела; впрочем это очевидное явление в данном

случае не важно, оно не нарушает правильности теории, и недостаточность данных при увеличении народонаселения, которую Давид объясняет бесконечным дроблением участков, могла почувствоваться и при общинной землевладении, особенно если оно не сопровождалось периодическими переделами общинной земли. При общинной землевладении Новгородца-командировании север России, при общинной землевладении поместно начало распространения русского племени в Сибирь. Это от чего состоит по мнению Давида, к которому мы относим присоединяемая, главная причина Великого Переселения. Давид не отвергает и другой причина, часто высказывавшейся историками, как главной, именно напора германского племени и между ними славянские с востока, который и представлял угрожавшая опасность в Средней Европе племена обрушившаяся на римскую империю. Это явление несомненно существовало и весь мир, охваченный германцами, угрожавшим на юг, занимавшим другие племена, напавшими на юг с северо-востока. Так когда сие-мис с юга племени, напавший первоначально пространство между Вислой и Эльбой, эти охваченные земли во VII и VIII вв. ока-зываются уже занятыми славянами. Это обстоятельство имеет по значению, что мы имеем возможность германцев вернуться назад и оставив единственный путь - прорвать плотину римских пограничных укреплений. Точно потрясая орудиями, толпами германцев на римский границах, угрожая им поглотить они сначала просили мирного пути.

у Римлянъ дати имъ земли и готовъ были теперь силой завоевать новую территорию; Далъ со славянского силой удерживали ихъ римскіе легионы, но разлагавшее римское государство въ концы концовъ потерявши энергію владычествующихъ легионовъ, прорвана была линія укреплений, и толпы варваровъ наводнили римскую территорию.

Вотъ каковы были причина и характеръ Великаго Переселенія Народовъ.

Движеніе шло изъ первоначально только изъ племени, которое жили къ востоку отъ Альпъ. Оно увеличилось сначала недалеко отъ прежней родины — въ соседній прикарпатскій и придунайскій страны. Оторвавшись отъ своего отечества, некоторые изъ племенныхъ клановъ, правда, шло туда и сюда въ безпокойство ища для себя станищъ и разбилось на множество мелкихъ обрывковъ. Некоторые совершили переходы, напр. Готы, Свиры, готы снова сплотились подъ начальствомъ царей, ихъ воисдей въ крѣпкое ядро новаго народа — Вестготовъ, Визиготовъ, Вандаловъ. Совершенно неправильно представленіе, основанное на аналогіи съ судьбами этихъ народовъ, что общій безпокойный переходившій весь припалатскій племень въ течение столѣтій. Даже не все племена, жившія на востокъ отъ Альпъ, испытали подобную Готамъ судьбу: Антимары, Маркаманы, Гепиды и Бургунды двигались въ более темномъ кругу и съ болѣею устойчивостію на родномъ мѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ это было грандиознѣйшее переселеніе народовъ, которое существенно отличалось отъ прежнихъ,

происходивших во времена Цезаря и позднее, когда только части, обломки племени уходили из старинных жилищ искать нового отечества. Так мы знаем, что Лангобарды во время голода разделились обыкновенно на 3 части и брали переды, которой трети оставили земли и ушли на новое место. Подобное явление сопровождало и у других племен - Кельтов и Греко-Италийцев в первоначальной куватурной период (примечание к древнейшей Италийской одаге - *ver sacrum*). Такие движения были и у Германцев, живших к западу от Эльбы, но масса населения оставалась здесь на месте и земли оставались немецкими. Напротив переселение III^{го} и IV^{го} веков отчасти такое, что здесь находилось в то время целый масса населения, земли между Эльбой и Вислой были заняты Германами и их племенами, как сказано, заняты Аварами, и все это совершалось в течение двух главнейших фазисов определенной эволюции: перехода племен к оседлому земледелию и все прогрессирующего напора других племен с северо-востока^(*)

(*) См. Wendt, „die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken“ 1874.

Plattner, „die Spuren deutscher Bevölkerung zur Zeit der Slavischen Herrschaft“ („Forschungen zur deutsch. Gesch.“ VII, 409).

Meitzen, „die Ausbreitung der Deutschen in Deutschland“ (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik XXXII, 1879).

Движения, направленные въ области между реками Вислой и Эльбой совершались въ двухъ направленияхъ:

- 1) Аллеманновъ шли на югъ и юго-западъ; за ними следовали Бургундовъ, Франки, и въ V вѣкѣ Вандалы.
- 2) Готы — на югъ и юго-востокъ; за ними Герулы, Гепиды и Лангобарды.

Обратимся теперь къ описанію частей по подробностей исторіи этихъ двухъ движеній, составляющихъ первый періодъ Великаго Переселенія народовъ.

Первое движеніе.

Имя Аллеманновъ въ первый разъ упоминается историками въ 213 г., когда императоръ Каракала боролся съ ними на веренихъ Майна. Но наиболѣе интересное изслѣдованіе имени это то, совершено съ Симнонами Плауна, которое на своемъ предметѣ императорства, въ маркѣ Бранденбургской въ послѣдній разъ упоминается въ 180 году. Кладъ тогда котили найду у нихъ убѣдились. Всюду за тѣмъ имя ихъ исчезаетъ, и на мѣсто его появляется имя прежне имущественнаго народа Аллеманновъ, живущихъ въ весьма близкомъ соседствѣ на югъ отъ нихъ прежняго обиталища. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроподобно именно потому, что имя ветрогонныхъ ихъ впервые къ югу отъ прежней территории Симноновъ и застаетъ ихъ въ состояніи, безпокойнаго движенія. Имя же предположеніе можно объяснить и самое главное имя имя: — Алакманн — иоде святилища (Alah — heilig), такъ какъ по указанію Плауна у Симноновъ былъ святой Градь — центръ національной жизни. Но Вассманн (Vassmann, Forsch.

zur deutsch. Gesch., III, 1876) говоритъ, что ни одного изъ германскихъ племенъ „алам“ не зовутъ „свещенной роща“, и что название Аламманно, Аллеманно (Allemannen) есть другое название, такъ могли происходить изъ племени ¹²⁾ (это объяснение очень древнее; оно встречается у одного византийскаго писателя Агасия, въ сочиненіи на латинскаго писателя Авинія Квадрата^(*)). Но ни то, ни другое объясненіе не приходитъ теоріи, отождествляющей Аламманновъ съ Семнонами Тлазита. — Въ одной позднѣйшей словесности они называются Linnari (т. е. поклонники бога Уиз). Сами же себя они называли Снави и являлись так. обр. предками почитавшихъ Швадовъ. Мелершмидъ обидкой отписавъ Аллеманновъ Бадена, Альбаса и восточной Швейцаріи отъ Швадовъ Вертемберг и Баваріи совершенно происходитъ и не имеетъ никакого историко-этнографическаго основанія.

Итакъ Аламманно такое Семноно, только подвижнѣе, такъ какъ на то въ.

Они разпадались на двѣ двѣ — двѣ двѣ маменки народцевъ (Виссенованкен, Сентіентес, Тубинген и др.), которые дѣйствовали по дѣлшней части вѣдь, часто ссорились и боролись между собой. Старая свѣдѣніи религіозной африкционіи — почитаніи Уиз — порвала поелъ разлуки въ родинѣ.

Особенно страшными дѣлаются они въ по-

¹²⁾ διὰ τῶν Ἀλαμανοῦ - ζωνήν τοῦ εἰς ἀνδράσιν καὶ γυναῖκες, καὶ τοῦτο δὲν ἀντὶ τοῦ ἡ ἐκωνορία: Agath ed. Dindorf (Histor. graeci minores) pag. 149.

ловини III^{го} века. В 259 году они проникли до самой Италии, но Римляне успели тогда удержать и обуздать их. В 270 г. они переправились через Дунай, прошли Вуцию, перевалили через Альпы и ограбили верную Италию.

Император Аврелиан приобрел борзого против них бывшего славу и даже титул «восстановитель империи» (restitutor imperii), но после его смерти они возобновили свое нападение, направив 270 году уже на запад. Пограничный вал был прорван; Готтинский полк захвачен и наводнен варварами. Аламанны перешли Рейн, вторглись в Галлию и взяли 70 городов. Энергичный император Аурелиан выгнал их оттуда, отнял захваченные города, освободил готтинский край и восстановил прежнее границу. 400,000 Германцев пало в битвах.

Но это было последнее усилие падающего Рима. Вскоре после смерти Аурелиана (282 г.) Аламанны прочно утвердились в агри дециматес. Границу между римскими и германскими землями составил теперь Рейн от Майна до Боденского озера. Премии крохотны в ногу от вала, который был заброшен, пока вал мог служить защитой, теперь снова были возобновлены.

В старинном обиталища Аламманов на берегах Майна и Рейна теперь выдвинулись Бургунды, которые и прежде были восточными соседями Септимия в Паданье (на Альпах и Висуб) и почти в одно и то же время двинулись на юг. В IV веке римские

как суровый уже границе Ама. анновъ съ
Бургундами, которые часто, впрочемъ, ссорились
между собой изъ-за земляныхъ участков при на-
ходящемъ Кассингенѣ. Римъ, конечно, обращалъ
эти ссоры въ свою пользу и соединился съ сое-
дями своихъ враговъ, чтобы одновременно
вести войну.

Во время борьбы Констанція и Констан-
ция Аммиана перешли Рейна, опустошили
Паммиса вдовъ и поперекъ и заняли простран-
ство на левомъ берегу Рейна — около 60 верстъ
въ ширину — въ свои владения, т. е. Рибзакъ,
область реки Шомель и Пфальцъ. Тогда же
явился со своими войсками знаменитый
Юлианъ Отступникъ и въ 357 г. произошло из-
вестное сражение при Аренторакунт (Сраже-
ние Бурго), подробно описанное Аммианомъ Мар-
цианомъ. (XVI, 10, 11, 12). Аммиановъ были из-
гнаны изъ Галлии; но переворотъ Римлянъ
былъ недолговременной. Несмотря на пора-
женія, нанесенныя имъ въ предыдущие года
въ последнее время, новый племя вар-
варовъ продолжали наводнять территорию
римской империи; одни народы были раз-
биты, на место его явился другой, третий;
они, по выражению Аммиана Марциана
вырастали почти каждымъ поражениемъ въ
новомъ громадномъ количестве.

Въ 370 году перешелъ все аммиановскую зем-
лю проникло Бургундское войско на помощь
Валентиниану противъ Аммиановъ. Вален-
тинъ не явился на условный мѣсто.

Мак. одр. ма увидя, что Великие Переселен-
ия Народовъ началось гораздо раньше 375 года,

когда открылось движение Гомо-Вандальское:
это началось в третьем веке.

Оборот на границах Галии от самого
начала принимают участие народы, обитав-
шие на среднем Рейне и в его низовьях,
современные соседи Аламандов. От III века они
начинают называться Франками. Имя
это некоторое производное от старого-не-
мецкого фрах (нин. frich) - "сильный, дерзкий", но
вернее производит его от Галийского уран
- "милноваловый". Но в сущности это тако-
е новое наименование для некогда дав-
но известной народности, образовавшей те-
перь союз или федерацию. Наряду с этим
обычные наименования удерживаются впа-
дывание III^{го} и V^{го} века и прежних район-
ных названий: Аламанды, Сугамбры, Салии, Хатту-
арии, Бруктеры, Амсиварии. Существует и
другая теория о происхождении Франков,
проводимая Рихардом Шрёдером (Richard
Schröder, "die Franken und ihre Recht" Weimar.
1881). Он говорит, что ядро франкского пле-
мени составили Хаттары (позже. Тессар), пле-
мя чисто-германское; Хаттары отсюда
за передвижением Хаттаров в области
Рейна на север и доказывают, что Хатту-
арии - кельты Хаттаров, а Аламанды и некоторы-
е друг. только их враги. Это основывается на
исследовании названий племенностей и наро-
дов в странах нижнего Рейна. Впрочем,
теория эта не вполне, кажется, удовлетвори-
тельна, потому что отвергается лучшим зна-
током древне-немецкого языка, Мюллером.

Къ этой теории мы еще вернемся: она многое может объяснить въ вопросе о приходахъ такого большого значенія и распространенія Франковъ. Во всякомъ случаѣ несомненно, что это название новое и своимъ возникновениемъ указываетъ на новый фактъ въ исторіи германскаго племени — объединеніе отготианскаго народа съ въ фредеративномъ союзе — это явленіе совершенно новое, и оно свидѣтельствуетъ о производеніи со знаніемъ племеннаго единства.

Множко назвѣ Людвигъ старшій названія исчезаютъ и на восточномъ Франковъ уже постоянно подъ этимъ именемъ, только съ подраздѣленіемъ на Салискки и Рипуарскіе. Остается совершенно неизвестнымъ, что побудило разбавленіемъ племени къ образованію союза и въ чемъ онъ выразился; но повидимому союзъ не былъ заключенъ для борьбы съ Римомъ. Свѣтъ первоначально была слабая. Каждое племя или даже каждое маленькое государство, на которое распались племена, имѣло свою политику, какъ у Аламаниновъ. Въ то время какъ одни гротини римскіе владѣнія, другіе поставили вѣдомства римскаго императора; отготианскіе лица и царицы толпы поступали на римскую службу и даже достигли высокихъ должностей (напр. Сильванъ въ 354 г. Арбогастъ при императорѣ Валентиніанѣ въ 389 г.).

Въ первый разъ имя Франковъ встрѣчается въ источникахъ около 240-го года по Р. Хр. Меланхъ перешелъ Рейнъ и послѣ долговременнаго разбойничьихъ походовъ въ Галлію была разбита на обратномъ пути около Майнца.

Въ 264 году отрядъ Франковъ прошелъ черезъ все
Галлію, перешелъ Пиренеи, вѣнулъ Марракону
и достигъ долины Аррники. Потомъ они были
также разбиты Гимеднами, и часть пехо-
тнковаго войска послана на берега Чернаго моря,
но успѣла въспомоществовать передрабѣе отсюда
въ Средиземное и возвратиться на родину къ бе-
регамъ Рейна. Около 280 года Франки Салин-
скіе утвердились на островахъ между двумя усть-
ями Рейна въ области романизованныхъ бата-
вовъ (insula Batavorum). Отецъ Константина
Великаго — Констанцій Хлоръ, самъ Констан-
тинъ и его сынъ, а также и Юлианъ императоръ
съ ними и съ другими Франками постоянныхъ
отъѣздовъ, наносили имъ сильное ударъ,
захватывая много пленныхъ, которыхъ бро-
сали на съжиганіе загорѣвъ на аренѣ моди-
наго трирского цирка Константина Вели-
каго, или же сѣлили въ видѣ военнаго каю-
нествовъ на отдаленныхъ поляхъ, или же про-
сто заставляли служить въ войскахъ. Но со-
гнать ихъ совершенно съ савартаго мѣста было
невозможно. Около 350 года Салинскіе Франки
сидѣли уже къ тому отъ Мааса, хотѣвъ въ дру-
гую сторону, вверхъ по Рейну, римская гра-
ница оставалась по прежнему не тронутой
(только Кельнъ два раза подвергся разоренію).

Послѣ смерти Валентіана (въ 362 г.) опекуна
императора Валентіана, Этихенъ, живъ въ Гал-
ліи въ 402 г. и устроилъ дружескія отношенія съ
Франками, принявши совершенно дружескій
характеръ. Въ виду опасности, угрожающей
Италіи, защита рейнской границы бы-
ла поручена Франкамъ. Въ добротѣ на нихъ

отвѣтъ германскихъ племени на Галлію въ члвѣ.
 Франки сначала ретиво исполнили свою задану;
 но потомъ, не успѣвъ удержать напора враговъ,
 сами отъѣхали грабить вѣнеты отъ нихъ.
 Этотъ грабѣжъ и разореніе Галліи продолжал-
 ись три года. Германцы воспользовавшись смут-
 ными вѣстоимѣствами сегодущаго года
 (410, 411) для прочнаго утвержденія въ предѣлахъ
 Галліи. Саксонскіе Франки расширили свою во-
 ластъ на югъ отъ Мааса до Мозеля, а Ри-
 нурские заняли широкую полосу по лѣвому бе-
 регу Рейна вверхъ до города Майнца. Около
 428 года они были еще разъ изгнаны оттуда,
 но не надолго, и все таки удержали за собою
 землю и даже германизировали ее.

За Франками сдѣлалъ шагъ впередъ и Бур-
 гунды. Въ 413 году ими была отвѣдена часть ле-
 вого рейнскаго берега по формальному дого-
 вору. Условія договора точно неизвестны;
 повидимому Бургунды отказались отъ под-
 держки узурпатора - Говарна; съ другой сторо-
 ны они приняли обязательство, подобно Фран-
 камъ, защищать Галлію отъ другихъ герман-
 цевъ. Какъ бы то ни было, но это было поселе-
 ніе, непослужное на все предвѣдѣ.

Бургунды остались самостоятельнымъ народомъ,
 удержавъ и старыя свои жилища на правомъ
 берегу Рейна. Это было знаменитое Бургунд-
 ское царство, со столицею въ Вормсѣ, такъ ко-
 роче известное и въ саги о Риддимунахъ. На-
 стоящая исторія знаетъ объ этомъ царствѣ
 только то, что оно было разрушено въ 437 году.

Въ это же время была потеряна Римлянами
 и рейнская граница вѣнны Майнца и Вормса;

т. е. даются на юг. Но Аламманна, прочно утвердившийся в *agri decumates*, захватили еще Дубазу и Восточную Швейцарию, что и теперь остается за ними. Труд этого события несомненно, но следуют заметить, что в отличие от Бургундов, здесь не было договора с Римлянами. Дубазу и Швейцарию были насильственно захвачены, это была не уступка со стороны Римлян, а простое завоевание части их территории.

Уже видно, только что разсказанный события видно, как трудно было Римлянам справиться от постоянного напора многочисленных Перманских сил, со всех сторон неудержимо проквашивая и наводнявшая когда то сильную, великую монархию.

Второе движение. Готы.

В заключение краткого очерка истории первого Великого Переселения народов разскажем вкратце черты о главных фактах другого переселения, начавшегося на северо-востоке Германии о переселении Готов ^(*).

Народы Гото-Вандальской группы, которых некоторые ученые считают уже чисто германским племенем (*deutsche Stämme*), а другие считают только в большей обширную группу родовую (*Germanische Stämme*), занимали большое пространство на материке в Полабии и соседней Пруссии, граница с Бургундами и Лангобардами; принадлежавшие к этой группе Вандали жили

(*) См. статью проф. В. Т. Васильевского: „Русско-византийские отрывки. VII. Жизнь Иоанна Готского“ (ж. М. Н. пр. 1888, январь.).

въ Силезіи; тогда Готы жили, модо. ботъ, и по-
ту сторону Балтійскаго моря - въ Скандинавіи
(хотя этотъ послѣдній вопросъ составляетъ и
теперь предметъ споровъ). Но вслѣдствіе смута
мы далеко не имѣемъ въ виду, что исторія засѣ-
ла въ первоначальномъ именно въ Поламии, Прус-
сіи и даже нашихъ восточныхъ провинціяхъ,
гдѣ они жили по соседству со Славянами и
въ тѣсномъ соприкосновеніи съ Финнами. Но
ислѣдованіи урениръ, (напр. томосна) о явномъ
Финновъ оказало, что курьезныя слова фин-
скаго языка въ балтійскихъ смутахъ зами-
шествованы отъ языка Готскаго. Это - то и были,
по всей вѣроятности, первый являющіеся смуты
въ Европѣ и скоро отсюда перебралась
часть ихъ на северные берега Балтійскаго
моря - на островъ Готландъ и Скандинавскій
полуостровъ. Векотъ послѣ 150 года, по саямъ, ко-
торая разсказана въ сочиненіи поборника
историка Готтъ - Торманда, Готъ материка,
модо. ботъ, владыки толчка, сообщеннаго
Готами Скандинавскими, высадившись ^{вмѣстѣ} на юж-
ные берега Балтійскаго моря, ^{принимъ въ обиду} съ ними модо при-
нятъ за впаины достовѣрные покаяніе Тор-
манда, который не всегда точенъ, но это дви-
женіе стояло въ связи съ маркоманскими
движеніями.

Около 170 года часть Франковъ явилась
на Дунаѣ, между у Римлянъ земли для по-
селенія. Вскорѣ и другія племена, боровшіе-
ся съ Римомъ во время Маркоманской войны,
принимъ въ движеніе владыки распростране-
нія Готтъ. Но сами Готы въ продолженіи этого
покажутъ послѣ Маркоманской войны

оставались на старомъ мѣстѣ; и только въ началѣ III вѣка начинается ихъ общее переселеніе. Потомъ массахи поднимаются съ береговъ Балтійскаго моря и идутъ на юго-востокъ, по направлению къ степнымъ и пустыннымъ частямъ Россіи.

Торнадъ говоритъ между прочимъ, что на пути у Эвфра Тоты встрѣтили какой-то мифическій народъ — Брелі: одни утверждаютъ, что это были Поляне, другіе сравниваютъ нашествіе Славянъ съ Инополомани; о которыхъ разсказывались такіе мифическіе преданія.

Поднаканивъсь бѣдѣ отъ подробностей. Тотскаго переселенія можно и въ наставленіи выше сочиненія Витерсгейма. Онъ предполагаетъ (I т. стр. 150) слѣдующій маршрутъ ихъ: изъ мѣста Вислы, въ пересѣченіи поперекъ ея бѣгущаго сѣвернаго вѣтра, черезъ Польшу, мимо Варшавы, и оттуда черезъ Люблинъ къ Кракову и Львову и къ Карпатамъ (путь въ 80-85 миль) и потомъ къ Черному морю. Здѣсь они заняли обширную степную область отъ Эвфра до Дона. Въ 214 г. Потомъ въ первый разъ появились въ на сѣверномъ берегу Чернаго моря и выступили въ походъ съ Финнскими въ направленіи къ Дакіи. Вслѣдъ за ними и подъ ихъ руководствомъ и другіе соседніе народы начинаютъ грабить уже Азіатскіе берега Чернаго моря и совершаютъ целый рядъ смелыхъ набѣговъ, напоминаящихъ намъ своими чертами и позднѣйшіе походы Руссовъ и еще болѣе удачныя предпріятія казаковъ (въ XVII в.), когда они напали на набѣды отъ праведныхъ и въ устьѣ Дона, ариводили въ трепетъ Константинополь, достигали до Симоны и Трапезунта.

Морские порожы Готы особенно интересны нам
насть потому, что имеют отношение и к рус-
ской истории.

Около 250 года Готы утвердились в южной
России и частью Диаспора распространились на се-
вер: восточную - Грейтуголь (подр. вост. Готы)
и западную - Тервинголь (подр. вост. Готы). На-
звание Тервинголь сопоставляется с называнием
Тиверцево. Название Грейтуголь или Грейтуголь
(у древних писателей Гродуноль = Guthungi,
Гродуноль) напоминает позднейшее шведское
Гредуноль и Гредуноль - Hredgot: так же некото-
рые поитийские Готы в восточной (Еще в VIII в. в.
Финские Готы назывались у Саксов (в Англии)
Hredas и Hredh-gota и в германской Эрихараф
Hredh-guning (Гунны)). Предполагается, что пера-
датель славянского имени, соответствующая пера-
датель или же Готская форма Hredhs, нахо-
дится в связи с позднейшим названием славяно-
слав Русь, Рос (перв. Rhodhs). Во все-
х случаях мы должны сказать, что зна-
чение славянского пребывания Готы в России было
то, что мы привели предположить. И если
обращение ветрополющих у Константина
Багрянородного названий ветрополющих порожов,
неполющих к славянскому славянскому, не
удовлетворительно в точки зрения теории
Норманистов, то эти названия можно было
бы, вероятно, отнести к Готским славянским.
Если легенда о приходе кнзей - Варягов от-
брасывается, как несостоятельная, и можно бы-
ло бы сопоставить с разбавленной у Торнанди
легендой о Готах и их поселении на Сканди-
навии. Это все вопросы очень интересные, но пре-

ные пока не приими въ шифъ къ прочнымъ реду-
татамъ.

Важное значение имеютъ исторіи морскихъ
наблгоговъ Готовъ. О шифъ писана цѣлая исслѣдо-
ваніе (см. новое изданіе Витерсгейма и мно-
гостранно „Жизніе Ганса Готскаго“) въ Журн. Мин.
Нар. просв. 1878 г., статью Врука „слова долговре-
меннаго пребыванія Готовъ въ южной Россіи
(въ сборникѣ Черноморск. Одесса 1880); и въ сочиненіи
М. Соколова „Изъ древней исторіи Болгаръ“ и т.д.
Эти порога имѣютъ некоторое отношеніе къ
русской исторіи. 1.) Они напоминаютъ намъ о
существованіи мореходства на Черномъ морѣ
въ промежуточный періодъ между упадкомъ Гре-
ческаго мореплаванія и русскими морскими
походами 18го вѣка. Обыкновенно говорятъ, что
морскіе походы начались въ русской исторіи на-
Византию несомненно указываютъ на какой-
то переворотъ въ жизни Славянъ, страдавшихъ
до того времени, да и послѣ, ~~заболевшихъ~~, на по-
явленіи среди нихъ предприимчиваго, смѣлаго и зна-
комаго съ моремъ и морскими дѣлами (сканди-
навскаго) племени. Но если уже Славяне въ самомъ
дѣлѣ изгнаны въ устье, тогда отлучиться
отъ ~~заболевшихъ~~, то почему такими ~~наставни-~~
ками не могли быть Готы? Очень вероятно,
что не только на южномъ берегу Крыма, но и
въ южной Россіи между Днѣпромъ и Днѣстромъ
Готскія поселенія долго оставались и послѣ упадка
Вост.-Готской массы. Существованіе таверическихъ
Готовъ въ предѣлахъ вост. средняго Волкова
завидно установлено цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ
источниковъ; въ VIII вѣкѣ относятся жизни и дѣ-
ятельность Ганса, епископа Эммеръ Готовъ (см. нов.

торые. *Scriptores historiae Augustae*, изъ Зосима
 Григорія Неокесарійскаго и др. Такъ напр. епископъ
 Григорій Неокесарійскій говоритъ, что Роты распр
 махавшимъ помошъ даже въ самыхъ фронтальныхъ
 городовъ, которые они грабили. Неговоръ о томъ,
 что прежде захваченные Ротами пленныхъ
 явились теперь грабителями и руководителя
 ми набѣга, но даже тогда въ нѣкоторыхъ
 враговъ многие Ротами воспользовались въ
 снѣ согражданъ и сосѣдей въ интересахъ са
 го гнѣнаго корабельства, иные принимавъ на
 шимъ удерживали въ неволю спасшихся и
 многа еднотѣнниками, другіе наливши об
 разовъ захватывали чужое имущество на
 основаніи, что они потеряли свое во время на
 шествія.

О значеніи этого послѣдняго разряда Григорій
 отзывается такъ: „отъ Ворада и Гора постра
 давшие, Ворады и Гора бѣжили дружины свои“
 Названіе Ворада — это одно изъ именъ гот
 скихъ племей — должно быть сопоставлено съ
 встрѣчающимся у Зосима словомъ „Ворана“,
 и даваемое сопоставленіе Ворада и Ворана
 съ Варягами, которое дѣлается Заблужденіемъ,
 очень вѣроятно.

Во второй разъ (въ 268 г.) точкою отправле
 нія Готовъ было избрано устье рѣки Дунаѣ,
 гдѣ варвары построили 6000 лодокъ однопере
 селъ. Морская экспедиція сопровождалась су
 хопутными дивизіями: по берегу моря шли одѣ
 съ жемчугами и драгмами и сухопутное войско.
 Прибрежья Чернаго моря около Костендриси
 и Варны, Промантида, Кибикъ, Силепополисъ,
 Аванскій полуостровъ, Салуръ видѣли передъ

собой эту флотилию; сусопутная сила Готовъ
пошла по реке Савы къ городу Софии и была
таишь разбита на голову императоромъ Клав-
діемъ (Claudius Gothicus) въ сраженіи на берегахъ
Моравы въ 270 г. Около 300,000 человекъ Готовъ
было убито. Количество взятыхъ въ пленъ гот-
скихъ племени было такъ велико, что превос-
ходило въ два раза количество римскихъ легіоне-
ровъ. Мочно такъ же неудачно кончилась и мор-
ская часть экспедиціи — 2000 судовъ было пото-
плено; впрочемъ, остатки эскадры еще и после
того грабили берега Греціи и Малой Азіи.

Въ слѣдующемъ году императоръ Аврелианъ,
побѣдѣ своимъ блистательнымъ военнымъ
успѣхамъ (между прочимъ побѣдою надъ
Паннонскою царичей, Зеновией, которая была
взата иль въ пленъ и составила починное
украшеніе его торжественнаго триумфа), въпер-
трудность противодѣйствій варварскому дви-
женію, съ такою силой обрушившемся въ та-
хъ громадной массой на имперію, рѣшилъ от-
кажаться отъ Дакии иступить ее Готамъ.

Она перестала быть римскою провинціею,
стала называться Готіей (Gothia), и съ этого
времени прекращается здѣсь господство рим-
скаго языка и культуры. Замѣчательно, что
на эту сторону рѣшился именно Аврелианъ, ге-
стическій имперіи, герой Паннонской войны. Это
свидѣтельствуетъ о новѣмъ ^{императоромъ} доказательствѣ ^{о томъ, что}
какъ трудно было (противодѣйствовать) напору варва-
ровъ и удерживать тогдашнюю провинцію въ
своей власти. Несмотря на нанесенныя имъ
пораженія Готы были опасными противника-
ми. Дакия является назвѣ Десятичного Края

второго провинция, уступившая Римской империи. Римский бог Терминус вопреки исконному святилищу обитая отступилъ назадъ, а въ Дакію поселился Тотъ и дини заросъ въ широту въ имперію около 100 миль до нашествия Гунновъ, хотя и упоминается въ некоторых источникахъ отъ имени во время царствования Диоклетиана и Константина. Вытесненъ съ тѣмъ и на западъ въ прирейнскія страны Аламанны и Франки также постоянно угрожали Римлянамъ войною.

Между тѣмъ въ имперіи въ теченіи этихъ 100 миль начинается цѣлый рядъ мероприятий, вызванныхъ внешнею опасностью и отсрочившихъ на некоторое время паденіе имперіи и торжество Германовъ. Третье столѣтіе представляетъ моментъ страшнаго кризиса въ исторіи Рима: оно наполнено борьбою съ варварскими силами, который высшего и бурного волнообразнаго переживания черезъ сыновья вершина Альбовъ, нападаютъ на границу, вторгаются въ глубь римской территоріи. А въ имперіи въ это время уже достигли высшей степени разложения все основы прекраснейшей государственной силы, всей начала античной жизни. Третье столѣтіе не скажетъ ужасную картину представляема имперіи. Уже были невозможны, оно усилывалось различными крайними бедствиями — голодомъ, моровыми повстаніями, и энергичный, хотя и не радикальный и потому мало эффективный реформы Диоклетиана и Константина только на некоторое время могли отсрочить смертной казнь погибающаго организма имперіи.

3. Экономическое состояние рим- ского общества и признаки упадка империи

Обратимъ теперь наше вниманіе на внутрен-
нее состояніе имперіи въ промежутокъ време-
ни, начиная приблизительно съ половины III^{го}
вѣка и въ продолженіи всего IV^{го}; при первомъ
оцѣ взглядѣ намъ бросается въ глаза страща-
ющая экономическая бѣда, полное паденіе
общаго матеріальнаго благосостоянія и въ-
звѣзвущее его развитіе огромнаго богатства въ
рукахъ немногихъ съ одной стороны и подавля-
ющей растетъ нищета пролетаріата съ дру-
гой.

Прежде всего признаки упадка обнаружи-
лись въ распаденіи муниципальной жизни и
городскаго самоуправленія въ общинахъ Ита-
ліи и провинцій, въ распаденіи еднороднаго
страха, составившаго долгое время цѣлотѣ,
силу, славу и блескъ имперіи. При наблюденіи
этого печальнаго, но несомнѣннаго факта
паденія муниципальной страхи въ имперіи
несомнѣнно и настоятельно встаетъ вопросъ
о причинахъ этого страннаго явленія. — Объ-
ясняется оно различнымъ. Указываютъ между про-
чимъ на развитіе государственной системы
бюрократіи и централизаціи, завершившееся
въ политическіе реформы Децимiana
и Константина, но начавшееся еще со времени
Адриана, системы, которая, помянутое уже,
должна была убить начала общинной сво-
боды въ городахъ, парализовать дѣятельность
выборныхъ властей и посадить на ихъ мѣсто

императорских чиновников (кураторов). Но
этими взглядами нельзя вполне согласиться:
он много не объясняет. Воодуше вопрос это
тепличный, потому что историки того времени
писали, чиновников не было, а надписи стали
только недавно изгнаны.

Лучше Фруа, — настолько хорошо, насколько
это возможно при современных условиях не-
точности — объясняет причину упадка муници-
пальной жизни, составлявшей залог сил
и крепости империи, Фруа — де-Куранж, ко-
торый посвятил этому вопросу несколько
глав в конце первого тома своего труда
„Les institutions politiques de l'ancienne France”.
Он рассматривает упадок муниципальной
жизни в империи в связи с ослаблением
правительственной и общественной части населения
и уничтожением свободного земледелия и ме-
стного землевладения.

Римские императоры, по мнению знаменито-
го французского историка, вовсе не стреми-
лись уничтожить основные отличия, напротив
они признавали и поддерживали это раздво-
ление, основывавшееся почти исключительно
на целях: муниципальная развилась опреде-
ленной принадлежностью всего людей к тому
или другому сословию.

Общество в то время распадалось на следую-
щие классы или сословия:

1) Самое низшее имело название классе пуб-
лике (plebs), городское население, составлявшие кор-
порации ремесленников и торговцев.

2) Классе куріаловъ, мелких землевладельцев
и разданных на простейших куріаловъ

и принципаловъ (*principales*).

3.) Верхнюю ступень сословной иерархии занима-
ли римские сенаторы — крупные землевладельцы,
получившие право присутствія въ верховномъ
римскомъ центральномъ учрежденіи. Они
не должны были непременно засѣдать въ рим-
скомъ сенатѣ, а должны были только удовле-
творять двумъ условіямъ — владѣть имуще-
ствомъ въ 400,000 сестерцій (около 70 тысячъ
рублей) и пройти предварительно всю имѣнную
муниципальную обязанность въ своемъ городѣ.
Въ ихъ руки мало по малу перешла вся земля,
которая раньше составляла собственность сред-
няго сословія.

Наконецъ въ этотъ классъ въ самомъ низу
народились рабы и вольноотпущенники.

Классы были резко отбѣлены другъ отъ друга
и неперемѣнны. Каждый по происхожденію
праву вступалъ въ ряды сословія, къ которому
принадлежалъ его отецъ. Но могъ онъ и перейти въ
нижній классъ тогда, кто оказался бѣднымъ, а
тотъ, кто приобрѣталъ все болѣе и болѣе бо-
гачемъ, могъ напрогнѣть подниматься по ступе-
нямъ сословной иерархіи: и это послѣднее сто-
илось предметомъ желаній для всего энергич-
наго люда. Правительство не противилось
любовному восхожденію на высшіе ступени
представителей населенія и въ самого низ-
каго, даже рабскаго происхожденія, до самого выс-
шаго, оно только недопускало, чтобы одинъ чело-
вѣкъ въ теченіи своей жизни возвысился выше,
чѣмъ на одну ступень.

Такъ обр. каждое сословіе, уменьшаемое посто-
янно частью поднимающихся вверхъ своихъ членовъ,

постоянно же и возрастало снизу: плебей вос-
павшимся рабами, куріала плебеями и т.д. —
Когда весь муниципальный карьера была пройдена,
человек, после того как отличился на
римской службе, награждался императорским
званием римского сенатора, и этот почет-
ный титул захватывал за его родом на
вечный времена.

И вот наиболее характерным явлением
во внутренней истории римской империи III^{го} в.
ка оказывается то обстоятельство, что класс
аристократии постепенно вырождается и сходит
наконец всемогущий, между тем как
средние классы впади мало по малу в нищету
и рабство. Это явление, говорит Фюстель-де-
Куранж, не есть следствие деспотизма, не
политического гнета налогов или привилегий,
как думают некоторые — преобладание земель-
ной аристократии и уничтожение класса сред-
них, мелких собственников (куріалов) — факт,
тесно между собою связанный и объясняющийся
естественно правами и социальным строем
государства.

Мы видели, что римское общество раздели-
лось на три класса — сенаторов, куріалов и
плебеев: и в плебеев можно было проникнуть
из городской курии, из городской курии в рим-
ский сенат. Так постоянно и происходило, и
к началу III^{го} века уже все плебейские куріалы,
даже бывшая его часть возвысилась до сена-
торского достоинства, вступила в ряды не
провинциальной, не городской, а имперской ари-
стократии. Это обстоятельство само по себе не
равнодушно, не разорило бы плебейские куріалы,

если бы оно предполагало поугатъ снизу все, что от-
нимали у него высшие классы общества. предохра-
вивъ себя это пострадало, но медленное восстано-
вление изъ основанъ въ основаніе, которое составило
общее социальное правило во всей имперіи. Не-
привидѣльно, что это явленіе было могущимъ сти-
муломъ для труда, источникомъ благососто-
янія въ теченіи трехъ вѣковъ. Пока пледен могли
подниматься до степеней куріановъ, какъ самое
богатое куріанъ уродитъ въ число сенаторовъ,
до того поръ совершалось правильное водово-
зненіе материала во верхъ класса. Но къ IV
столѣтію дало перемѣненіе.

Трудъ замедлился и ослабѣлъ во всей импе-
ріи. Ремесленникъ и торговый каменіи разоря-
лись, и развитіе класса пледенъ прекратилось.
Это и было то зло, которое подточило корни
городскихъ курій. Классъ куріановъ видимо раз-
лагался: лучшие члены его уродились въверхъ, эта
потеря не могла восполняться снизу, такъ какъ
ослабѣвшіе и обтоптанные пледен не могли снѣ-
подниматься до степеней куріановъ, внутри со-
словій образовалась пустота, классъ, немогущій
сверху и не подкрѣпимый снизу все болѣе
и болѣе уменьшался, и численно, и благосо-
стояніемъ, не смотря на энергическія мѣры пра-
вительства воспрепятствовать этому явленію.

Равновѣсіе между сословіями исчезло. Курі-
анъ, на который лежала вся тяжесть му-
ниципальной службы изъ году въ годъ все меньше
и меньше были способны выносить эту тяжесть
и стремились бѣжать изъ своего сословія, и такъ
обр. одитъ изъ главнѣйшихъ, наиболѣе необходимыхъ
органовъ муниципальной жизни было порождено

богатство и сиротство.

Состав общества видоизменяется, и если мы бросим на него взгляд накануне Германского нашествия в самый конец IV^{го} века, то картина, которая представится следующая: в городах живут всеобщие нищие, которые пользуются свободой, но вот уже в продолжении 5-6 поколений бедность и нищета. В деревнях живут два многочисленных класса: рабов (servi) и зависимых людей (tributarii, coloni — о них речь впереди), признаваемых лично свободными, но прикрепленными к земле и вполне закабаленными феодалами. Поверьте этой толпе несчастных и обездоленных, если не считайте очень немногих состоящих еще мелких собственников, возмущается только один не-большой по числу, но всемогущий по влиянию класс крупных земельных собственников, магнатов, которые все имеют название римских сенаторов.

"Latifundia perdidit Italiam, jam vero et provincias", говорит Ливий Старший. Действительно ужасно было положение государства, в котором незначительное число магнатов захватило в свои руки во-первых всю землю (купить или купить, за долги или, или просто насильственным захватом) и весь капитал и факт. держали большинство населения в экономическом рабстве, а во-вторых, как римские сенаторы и как Defensores, занимавшие во второй период истории провинциальной жизни предки декурiones и дуумвиров и игравшие преобладающее значение и в курии, и в провинциальных сенатах, и в императорском совете.

право на власть политическую.^(*) У нас должно сказать, что, характеризуя наши тем-но что падение класса мелких земельных собственников и городского самоуправления — это Загатковъ экономического благосостояния и политической свободы отдаленных общин империи и поощрение этих благотворительных учреждений имперского земельного, капиталистического и политического (судебного) аристократического римского сенаторов, магнатов, да-жеко быть поставлено в ряду самых важных причин падения всемирной империи.

Обращаясь к данному вопросу исследования причин падения римской империи, мы должны остановиться еще раз на христианстве и опре-делить его участие в историческом процессе распада античного общества. Этот поверхностный взгляд на историческое до-мо христианства, который был высказан Гиббо-ном, взглядом легкомысленным и бросающим в-которую тень на замечательный и капиталь-ный труд высокодаровитого историка, конеч-но, должно быть оставлен нами; мы должны признать, что самое зарождение новой религии диаметрально противоположно всему античному не только нравственному, но и социальному строю, и усилия первых христиан сами по себе подрывали основы муниципального порядка, послед-ней оплотненной силе империи. Это ясно и прекра-

(*) Мастерское описание жизни этих магнатов, владущих империальными землями можно найти в книге Ф. де-Кристана на стр. 300-306.

ено одобрено у Фростен де Куланова и у Ренана ("Mars Aurèle").

Въ III^м и IV^м стол., говоритъ Фростен де Кулановъ, замѣчается упадокъ муниципальнаго строя. Но нужно искать его причины не въ юрисконсультской центральной власти, которая не виновна въ дѣлѣ, постигшей городское самоуправление, а въ другомъ явленіи. Нужно помнить, что въ эту эпоху совершилась религиозная революція, которая дѣйствительно была посылъъ въ жизнь въ муниципальную жизнь. Какъ известно, въ первое вѣка имперіи каждый городъ имѣлъ свое особенное божество, избирали для исправленія богослуженія своего жреца, точно также, какъ избирали и своихъ ежегодныхъ магистратовъ. Управление общинного соединено было съ религиознымъ. Общественныя торжества — были религиозными церемоніями. Игры цирка и театральныя представленія составили часть культа. Самыя муниципальныя должностныя декуріоны были до известной степени связаны съ нереческимъ достояніемъ (des sacerdotés): они представляли и участвовали на религиозныхъ празднествахъ; они давали бѣднымъ подаянія въ пользу крамовъ и для поддержанія культа.

Въ третью вѣка христіанство стало быстро распространяться и особенно между средними классами общества, между мелкими землевладѣльцами, изъ которыхъ и составлялся классъ куріоновъ. Естественно, что новая религія запретила своимъ последователямъ испаніи языческихъ обрядовъ, а запретила приносить жертвы богамъ. Значимо то, что запретило быть декуріонами и вообще исправлять

какую бы то ни было муниципальную должность. Мы имеем довольно много папских постановлений, очень древних, которые отлучали от церкви дуклировъ на тотъ годъ, когда они исполняли эту должность.

„Nemo clericus, — nescit постановление папы Симввестра, — vel diaconus, vel presbyter... intret in curiam, quoniam omnis curia a cruore dicitur et immolatio simulacrorum est.“ Имелось церковное сопоставление словъ curia и смерь, конечно, рискованно, но эти слова показываютъ, къ какимъ отношеніямъ къ муниципальному строю христианскіе епископы.

Такъ обр. христианами необходимо было вытиснаться въ муниципальную жизнь: городская община была являлась и церковью объявляла ей войну. Что изъ этого вышло, легко отгадать. Христианами сначала отказались отъ исполнения муниципальных обязанностей, потому отказались отъ званія декуріона. Этого оставалось христианамъ, отъ которыхъ было перестать быть гражданами. Тогда устранившее правитель-ство стало издавать суровое законы, стало возвращать богачей въ курии, определило, какъ обязанность, что каждый собственникъ въ городѣ долженъ быть курианиномъ. Христианами продали своего земли, отдали ее въ пользу церкви, сдѣлались богачами; закона воспретили эту продажу и эти подертвования. Они приговаривали, пеняли какъ курии, они принуждали быть всѣмъ магистратами по очереди. Тутъ то и потеряли силу муниципальный строй. Наконецъ, въ которомъ число христианъ все увеличивалось, все больше и больше отъ него отставало.

Муниципальная обязанность, какъ невыносимая тяжесть, давила не только материальный средства, но и совесть. Ихъ возобновляемъ, ихъ прижимаемъ. Страстное сочувствіе обращено было къ церкви, курія вынуждена только обращеніе. Смертный приговоръ муниципальному строю въ его предельный видъ было произнесено и тут погибъ, несмотря на строгія мѣры императорскаго правительтва, направленные къ его поддержанію.

Мак. обр. Фостель-де-Кулансъ наглядно объясняетъ связь между распространеніемъ христіанства и паденіемъ муниципального строя.

Еще лучше, яснее, глубже и художественнее изображаетъ этотъ интересный процессъ внутренней, социальной жизни имперіи Ремакъ. Большой отрывокъ изъ его послѣдняго сочиненія „Mars Arrière“ мы позволимъ себѣ привести частью въ переводѣ, частью въ извѣщеніи.

„Но скоро того, какъ римская имперія приподняла въ упадокъ, христіанство поднималось. Въ предвѣщеніи III^{го} вѣка христіанство восстало, какъ вампиръ, древнее общество, подрываетъ все его силы и приводитъ его къ тѣмъ общему разладу (épervement général), противъ котораго напрасно борются патристическіе императоры. Христіанству неважно было нападать открытою силой: достаточно было только запереться въ своихъ церквяхъ. Оно истощало все себя, переставая служить государству, ибо оно удешевляло почти для одного себя основанія (принципы), безъ которыхъ государство не можетъ процвѣтать. Это та самая великая война, которую ведутъ противъ государства наши консерваторы. Арабскіе, магистратура,

идеальный мир и идеальную жизнь в идеальном количестве сервильных и честных элементов. Когда классы, которые могли бы доставить эту сервильность и эту честность, замкнутся в водворении, страдает все тело.

Церковь в III^м веке, заставив в свою пользу все, истощает гражданское общество, отнимает у него кровь, водворяет в него пустоту. Монахи (христианские) обличают убийцы войн (римские) общество. Античная жизнь, жизнь впадения. Многожизнь, божественная, жизнь, проявившаяся в военной славе, героизме и извращении, жизнь форума, театра, гимназии — подвиги жизни сурового, житейского, антивоинского, молодого тела, житейского людей благородных, сущих в аперти. Политика не предполагает людей слишком оторвавшихся от земли. Когда человек рожается искал только неба, он не имеет здесь отечества. Нацию составляют не монахи или аскеты; неазиат и предание к свету не готовит к борьбе с жизнью. Греция, которая и в аперти известна страной наиболее погруженная в аскетизм, представила в незапамятные времена землю открытую для аперти завоевателей. Также самое в некоторых отношениях было в Египте. Необходимое последствие аскетизма есть то, что он заставляет рассматривать все не относящееся к религии ничтожным и пошлым. Воин, повелитель в сравнении с священником — грубое существо; гражданский порядок является только гнетущим тиранизмом. Христианство утратило права древнего мира, но с точки зрения военной и патристической оно разрушило древний мир. Гражданская община и государство

могли впоследствии существовать рядом с христианством, лишь только заставив его подвергнуться самым глубоким изменениям.

„Они живут на земле, — говорит автор письма к Диогнету, — но в действительности их отечество не здесь“. Их самым глубоким колом у муреника спрашивают о его отечестве, он отвечает, — „я христианин“. Отечество и гражданские законы — вот что Клименту Александрийскому тот отец и мать, которые должны предвзирать настоящую личность, чтобы стать одесною Бога. Христианин затруднен и неспособен, когда речь идет о мирских делах („*Infructuosi in negotiis dicuntur*.“ Tertull.). евангелие обращает вогнанных, а не граждан. Это не самое было и в исламе, и в буддизме. Зосимовство этих двух всеобщих религий покоится на старом идеале отечества. Не было больше ни римлянина, ни латинянина; были только христиане, мусульманине, буддисты. Вперед люди будут распределяться по их кувиту, а не по их отечеству; их будут разделять ереси, а не вопросы национальности.^(х)

Вот что видит ясно Марк Аврелий и его сроднило его так мало благосклонный к христианству. „Лагерь благочестия, эта новая система отечества, основанная на божественном совести“ („*Ὁ λαὸς ἀγαθότητος ἐβερρεῖας... ἡμῶν βούτρη πατρίδος κτῆδεν λόγῳ θεοῦ*.“ Origen) не имеет ничего общего с римскими лагерями, кресты никак не

^(х) Эту позитивную мысль Ренана нельзя не считать преувеличенной, потому что и самое водникование и разделение ересей часто определялось национальными противоположностями.

помысливъ приготовить своихъ гражданъ къ
къ небу. Церковь въ самомъ дѣлѣ признаетъ себя
совершеннѣйшимъ и полнѣйшимъ обществомъ, высшимъ
первымъ обществомъ гражданскимъ; папѣ и еписко-
памъ болѣе значенія, чѣмъ магистратѣ.

Отношеніе христіанства-церкви какъ отношеніе
еврей-синагога; христіанство и еврей живутъ
въ томъ странѣ, гдѣ они находятся, какъ
иностранные... Христіанство едва даже имѣетъ
отца и мать. Оно не родилось въ области
имперіи, а имперія ему обязана своимъ, ибо
только присутствіе въ ней, населеніе ея
въ римскомъ мірѣ, восстанавливаетъ его въ не-
бесной и спасаетъ имперію отъ разруше-
нія. Христіанство не радуется подданству импе-
ріи; общественный долгъ каждаго ему
подтвержденіемъ пророчества, спасающаго міръ
на глѣбѣ отъ огня и варваровъ. Космичес-
твенное отношеніе также имѣетъ свое опасно-
сти; но порождая любовь къ цивилизации и хри-
стской крѣпости естественнаго противобольнаго изми-
щеніемъ и въ отрешенности (aux excès de l'écarts
de l'attachement?).

Во многихъ отношеніяхъ христіане были ко-
нечно, вѣрными подданными. Они никогда не
бунтовали; они молились за своихъ гонителей;
несмотря на свои неудовольствія противъ Мар-
ка Аврелія, они не приняли участія въ возму-
щеніи Авидія Кассія. Они выставили на
видъ принципа самого абсолютнаго легити-
мизма. Тако какъ Богъ даетъ власть тому,
кому Ему угодно, то слѣдуетъ безъ всякаго не-
пофранія повиноваться тому, кто властвуетъ
его оффиціально. Но эта видимость политическая

ортодоксия была в сущности только кулаком
успеха. „Между нами не было никогда партиза-
новъ Людвига, приверженцевъ Нигера“, говорятъ съ
порывомъ Фертумлианъ, въ царствование Септи-
мий Севера. Но по правде — кто Септимий Северъ
былъ больше законнымъ государемъ, чѣмъ Любимъ
или Песчаный Нигеръ? Они имѣли больше успѣха,
чѣмъ они — вотъ и все. Христианскій принципъ —
„нужно признавать того, кто держитъ въ своихъ
рукахъ власть“ — давленъ былъ содействовать
содержанию культа содерисивилуевъ фактовъ,
т. е. преклоненія передъ силой. Либеральная по-
литика нигилизмъ не одолеваетъ и никогда нигилизмъ
не будетъ одолеваетъ христианство. („Tolerare
Christi famuli jubentur.... eorum, si ita necesse
est, flagitiosissimamque rempublicam“ Augustin)
Идеи представительнаго правительства про-
тивоположна той, которую прямо проповѣды-
вали Иисусъ, Св. Павелъ, Св. Петръ, Климентъ Ке-
лсий. (x)

Самую важную изъ гражданскихъ обязанностей
стей, военную службу, христиане не могли не
эти. Эта служба кроме необходимости про-
ливаетъ кровь, что экзальтированнымъ кара-
нось преступникомъ, соединена была въ таинство

(x) Это много мѣшаетъ выдвигать серьезные вопро-
сы. Идеи представительнаго правительства
не была чужда церкви и выражалась главнымъ
образомъ въ соборахъ, кромѣ имѣвшихъ съ самимъ пер-
вымъ вѣкомъ такое важное значеніе и представле-
ли нѣчто иное, къ соборамъ уполномоченныхъ отъ общины
епископовъ или другихъ уважаемыхъ людей. Во время ре-
формаціоннаго движенія новѣе времени это особенно видно.

дѣйствіями, которыя для бывшей совѣсти
кажись идеопоклонническими (х)

Безъ сомнѣнія было много христіанъ-солдатъ
до II^м вѣка; но очень скоро несовѣстимость
двухъ призваній сдѣлалась явной, и солдаты
~~становились оруженосцами~~
~~по-прежнему~~ или дралась мурениками.
Антипатія была полная — кто дрался хри-
стіанинами, покидалъ армию. „Кельза сурисъ
двуиъ господиъ“ было прищипъ, безпрестанно
повторяемый. Уобразовать изъ нихъ мѣхъ
на перстнѣ было филомъ запрещеннѣйшѣ —
„ни достаточно сражаемся за императора,
говоримъ христіане, если молились за него.“

Большой упадокъ римскаго войска, заим-
авшій къ концу II вѣка и вседенно ярко обна-
ружившійся въ III^м имѣетъ свою причину въ
христіанствѣ. Целью заимавшій здѣсь иети-
му съ удивительною проникательностію. Воен-
ная храбрость, которая по возвращенію Верман-
ца одна только и открываетъ Валгану не
есть даже добродѣтель въ мазахъ христіани-
на. Если она употребляется на службу дѣлу
хорошему — въ доброй часъ; если нѣтъ — это не
больше, какъ варварство. Конечно, человекъ очень
храбрый на войну можетъ быть человекомъ
очень посредственной нравственности; но об-
щина совершенно была въ такъ слаба. За-
то, что онъ былъ слишкомъ последователенъ,
христіанскій востокъ потерялъ великую военную

(х) Существуютъ любопытныя свидѣтельства объ
уклоненіи христіанъ отъ военной службы; они собра-
ны Ле-Бланкомъ: въ Ахатѣ мурениковъ постоянно повто-
рялось слово: „Nolo militare, christianus sum.“

силу. Усматривъ этимъ воспользовался и давъ ме-
ру печальное зрелище этого вѣчнаго восточнаго
христианина — всаго въ одинъ и тотъ же. Не
смотря на различіе расъ, вѣчно обитавшей,
вѣчно издѣваемой, несподобной пошлостью
прямю въ лицо военному человеку, вѣчно под-
ставляющей своею шеею подъ саблю, жертва на-
поинтересная, потому что она не водитъ себя
и не умѣетъ держатъ оружія даже тогда,
когда его кладутъ ему въ руки.

Христианинъ боится также гражданскія
дѣлоспособностей, общественныя обязанности, гра-
жданскія почести. Добиваются эти поче-
сти, ищутъ эти дѣлоспособности или даются
ко принимаютъ ихъ — это значило давать
нахъ врага въ такой миръ, который по при-
нцу считали осужденнымъ, который въ осно-
вѣ былъ запятанъ идеосинкретизмомъ (те-
музианъ, de pallio). Законъ Септимія Севера
позволялъ, приверженцамъ иудейскаго званія
целостность почестей, въ возмездіе ихъ отъ обяза-
ностей, противоречащихъ ихъ вѣрованіямъ.
Христиане, конечно, могли воспользоваться эти-
ми разрѣшеніями; они этого не сдѣлали.
Укрѣпство вѣнками своего двора при обзаведеніи
оной торжества, принимаютъ участіе въ увесе-
леніяхъ, въ общественныхъ удовольствіяхъ — было
отступничествомъ. Море запрещеній по отно-
шенію къ трибуналамъ. Христиане никогда
не должны были обращаться къ нимъ со сво-
ими процессами; они должны были обращаться
къ третейскому суду своихъ пастырей. Не-
возможность епитимійныхъ браковъ оконча-
тельно водворяла непреодолимую преграду

между церковью и обществом. Вторично за-
прещено было прогуливаться по улицам, вы-
шиваться в общественные разговоры; они да-
же были вынуждены только дружить с друзьями.
Даже госпитальеры не могли быть одиными; во
время путешествия христиане приходили в
церковь и здесь участвовали в аганакс, по-
лучали пищу при раздаче остатков от свя-
щеннических приношений.

Даже Ренанс говорит, что христианство
имело влияние на искусство. Скульптура и
живопись считались гражданскими науками. От-
сюда происходят сдвиги в искусстве поработив-
шей франции и сдвиги в искусстве в пер-
вой половине III^{го} века. Но слова Ренана
христианство сразу ударило активное искусство.
Более медленное, хотя и не менее роковое
порабощение нанесено или богатству. Хри-
стианство во многом отношении явилось не-
обычайной экономической революцией. Римская
империя, унифицировавшая родовую привилегию,
расширила напротив индивидуальность.
Не установив настоящего равенства между
гражданами, она создала глубокое разделение
между богатыми и бедными: honestiores
и humiliores или humiliores. Ошибочный взгляд
Эрков, превращающий христианина в рабо-
таго, нашел здесь свое полное выражение.
Первоначально и христианство не сформиро-
вало христианства: оно даже повредило сель-
скому населению установлением епископства,
выдавая которое воспеивали только
одни города. Но христианство имело огром-
ное влияние на поднятие (réhabilitation) ра-

рабочего. Одна изъ заповедей, съ которыми цер-
ковь обращается къ рабочему, состоитъ въ томъ, что
бы онъ исполняя свое ремесло со вкусомъ и приме-
няеми (Constitutions apost.) Слово *operarius* вво-
дится въ текстъ. Въ своихъ надгробныхъ надпи-
сяхъ рабочихъ и работниковъ христіане похвалю-
тся за то, что были хорошими трудящи-
ками (Амацій рапрегоит ет *operaria; laborant*
austrii). Ведущій частную жизнь, снискива-
ющій честными трудами ежедневное пропита-
ніе, рабочий именно и есть идеальный христіа-
нинъ. Скупость — высшее преступление въ глазахъ
христіанина. Милостыня считалась священнымъ
деломъ обязанностію для каждаго. Богатъ, не даю-
щій своего имени неимущимъ, признается
похитителемъ чуждаго добра. Самая церковь
дремала въ благотворительныхъ учрежденіяхъ,
где народили кровь и питали бедное и стран-
ствующее. Богатого всегда приносили въ жерт-
ву. Немногіе изъ богатыхъ вступали сна-
ча въ монахи. Ихъ попомъ было од-
нимъ изъ самыхъ трудныхъ. Бодное, гордое,
высшее евангельскими добродетелями, трети-
ровали богатыхъ съ такими видами, край-
него показывая высокомеріемъ. Богатый
долженъ былъ заслужить прощенье своему ба-
гатству (*le riche devait se faire pardonner sa*
fortune), отрицающему духъ христіанства.
Общности не существовало, если только
она когда существовала. То, что именно
было „апостольскою ошибкою“, т. е. идеаль-
первоначальной жизни Христа, оставалось
мертвымъ, потеряннымъ вдали; но ответственность
второго только на половину ему принадлежала,

и въ действительности Церковь превращалась на-
ше такіе уже права, какъ и самъ владыка съ
своими.

Вотъ очень интересные, глубоки, возвышенны, да-
же иногда парадоксальныя и превеличавыя
положенія великаго французскаго историка-мы-
слителя, въ которыхъ онъ опредѣленно и прямо
высказывалъ вслѣдствіе, что ~~она~~ новая сила, возро-
стающая въ человѣческомъ обществѣ на зако-
нахъ древней имперіи, не могла не подорвать окон-
чательно основъ древняго государства и обще-
ства.

4. Реформы Диокетіана и Констан- тина. — Происхождение колониата.

Установилъ ли вѣдѣніе, что положеніе имперіи въ
III^{мъ} вѣкѣ было критическое, что нужно были
коренныя и всестороннія мѣры для того, что-
бы обновить разрушающееся зданіе, возстановить
силы разлагающаго организма, иначе ката-
строфа гласиса была неминуемо разразилась.
Прежде всего нужно было отравить варваровъ,
остановить ихъ землевѣдѣніе. И дѣйстви-
тельно цѣлый рядъ энергическихъ императоровъ
Мавриіанскаго дома, какъ Клавдій Готскій, Ав-
релианъ, Пробъ и др. такъ упорно и успешно
сражались съ германскими племенами, что
принудили германцевъ временно приостановить
свое наступательное движеніе въ предѣлахъ им-
періи. А послѣдующіе императоры — Диокеті-
анъ (284—305) и Константинъ (325—335), примиривъ-
шись съ христіанствомъ после послѣдней неудач-
ной борьбы на жизнь и на смерть и искусно
использовавшись ~~этимъ~~ великою новою силою,

цессного системного посредства. Император реформировал приданное государству новый вид, поставил императора на ноги и на несколько времени отсрочил ее падение, а восточной ее части дал возможность просуществовать еще тысяч 11 тысяч. Состояли же подробности на реформы Диоклетиана и Константина за него-статками времени мы не будем и ограничимся тем, что отметили только главные пункты, очертив только основы нового здания бюрократической монархии с строго централизованным управлением и самодержавием, освобожденном от всего ограничивающего фактора власти императора во главе.

Прежде всего Диоклетиан, приравниваясь к требованиям времени и понимая одну из причин, существовавших не раз в продолжение III^{го} века стремление провинций, особенно западных, к самостоятельности и отлучности, а также невозможность для одного императора управлять с таким обширным, растянутым на огромные пространствами государством, как римская империя, особенно в виду опасности, угрожавшей целости империи на северных и восточных границах, избрав, уже скоро после вступления на престол, себе в соправители друга своего Максимиана, дал ему особый почетный титул Цезаря. Но уже греша некоем образом после этого (в 293 г.) Диоклетиан, бывший наместник еще двух цезарей — опытных полководцев, Галерия и Констанция Клары. Сами же Диоклетиан и Максимиан присвоили себе и распространили на Максимиана титулы Августов. Управление государством было раздвинуто

между этими четырьмя лицами сходящийся образцов: Восток и Враню Диоклетианъ оставилъ себя, Италию и Африку отдалъ Максимиану, Константию и Египет получилъ Цезарю, Галлию и Британію, Галерію - Цезарю Македоніи и Брегіей. Такая система верховнаго управления должна была поддерживаться всегда, при чемъ четыре верховныхъ правителя - оба Августы и оба Цезаря - составили почти въ родъ искусственной династіи: каждый августъ, вступая въ управление своей высокой обязанности, усыновляетъ одного изъ цезарей, который и считается наследникомъ его сана и власти. Но истеченіи двадцатилетняго срока оба августа отказываются отъ власти въ пользу своихъ цезарей, кромѣ, принимая титулъ августовъ, назначаютъ и усыновляютъ себя двухъ новыхъ цезарей; эти последние, по истеченіи того же срока, должны заступить и въ свою очередь въ качествѣ августовъ и т. д. въ томъ же порядкѣ.

Эта идея равномернаго распределенія власти въ римской имперіи покоемъ времени была осуществлена: во главѣ ее мы видимъ, впрочемъ, недолгое время - четыре лица. Несмотря на такую систему, мысль о единствѣ власти не исчезала, такъ какъ одинъ изъ августовъ носилъ название главнаго римскаго императора, и ему принадлежало право надлежалъ первенство, т. е. римскому народу въ вопросахъ управления и избраніи цезарей. Максимъ пупилъ Диоклетианъ надлежалъ предотвратитъ происшествіе ислонковъ при избраніи новаго императора, создать прочный и опре-

гражданской законности престолонаследия, обезпечить для империи способных правителей, облегчить защиту отдаленных провинций. Сами Диокетианы остались вверять своему племени и по усердию до него во вступлении на престол сложив от себя императорское достоинство и возвратились к частной жизни.

Сущность этого учреждения была очень скоро отвергнута, так как явилось соперничество между отдаленными правителями, но некоторые частности его удержались. Так сохранились порядки областного управления: из четырех провинций, наводившихся под власть августов и цесарей, образовались четыре префектуры: 1) Восток (orientis), 2) Иллирии, 3) Италия с Африкой, 4) Галлия с Британией и Испанией. Во главе управления этими префектурами стояли гражданские чиновники — praefecti praetorio. Первоначально такое название носили чиновники военные, начальники преторианского когорты, императорской гвардии (какова напр. известная Мигиминь и Адриан Бурр при Нероне), теперь все они сосредоточивались в своем руках только гражданскую власть. На их рассмотрение шло судебная дела высшего порядка, дела, выехавшие за собою высший денежный штраф; им же было предоставлено право помилования приговоренных к смерти преступников. Военная же власть была вполне отлучена от них и получила самостоятельную организацию: во главе ее стояли magistri peditum, magistri equitum и др. Это разделение было сделано для того, чтобы император возмозженности отдаленных правителей усилить свою власть до равновесия, опасаясь

для центрального правительства. При такомъ положении вещей можно было надеяться на безопасность имперіи со стороны нестолбовыхъ элементовъ: всенародныхъ чиновниковъ, такъ какъ безъ денегъ не могли ничего предпринять военные правители провинцій, а безъ войска — гражданскіе. Префектуры подразделялись на диоцезы (*dioceses*), которыхъ было всего 15, Диоцеза на провинціи (всего 116), такъ же имевшія свое собственное самоуправленіе. Такъ. окр. вокругъ префекторовъ и другихъ правителей собирается целый штатъ чиновниковъ, comites, саміе ранжируются наименованій. Лактанцій, авторъ сочиненія „*de mortibus persecutorum*“ (главный источникъ для исторіи гоненій, особенно послѣднихъ, Фоксметіанова) съ негодованіемъ говоритъ объ этомъ увеличеніи должностныхъ лицъ. — Эта система естественно оказывалась вредною и для муниципальнаго строя: послѣдніе болѣе или менѣе сподобные люди покидали куріи, чтобы занять какое-нибудь болѣе выгодное (всѣмъ слѣдуетъ въ куріяхъ только раздорамъ) мѣсто въ рядахъ императорской бюрократіи — это съ одной стороны; а съ другой служившіе центральному управленію Диоцезовъ, которые стояли къ городскимъ общинамъ какъ чужой провинціи гораздо ближе, чѣмъ прежде гражданское и почти независимое центральное учрежденіе — римскій сенатъ, гораздо болѣе вмешивались въ дѣла общинъ, стѣсняя ихъ самоуправленіемъ, и вслѣдствіе этого разлагавшему муниципальному строю наносился послѣдній ударъ. Дѣленіе имперіи на провинціи въ послѣдствіи имѣло значеніе въ управленіи кри-

стѣанской церкви: провинціи создавали тогда
въ епархіяхъ, діоцеза — въ метрополіяхъ. Діа-
кны, епископы и финансовыя канцеляріи
такие особыя центральныя учрежденія въ
романскихъ канцеляріяхъ, отчасти сходная
съ нашими министерствами.

Такъ обр. представляется Диоклетіанъ при-
вела къ созданию бюрократическаго строя въ
имперіи. Въ этомъ отношеніи Римъ еще разъ
и на этотъ разъ вѣрѣи къ полнѣйшему послѣдствію
образуя для новѣйшихъ государствъ Европы.

Благодаря реформамъ Диоклетіана вса-
бывшая было уже советная имперія, востано-
вляя нѣсколько свои силы, спланивается въ
еще болѣе хрупкую, хотя искусственную (и по-
тому непрочную, подверженную случайнымъ
сдвѣгамъ, поддерживаемую цѣлою арміею римовѣ-
нства, востроенною и распределенною по ету-
пенной дѣлной, расходящейся во все стороны ^{всѣхъ}
но ведущей впередъ къ одному центру — импера-
тору, іерархической иерархіи. Работается,
недостатки новаго строя свалились всемо-
яко, бюрократизмъ и централизція дали
только временный отдувъ имперіи, они не спа-
сли ее отъ гибели, а только отсрочили ея смер-
тѣи часъ, хотя, правда, при восточной по-
люви имперіи-нашего.

Для той же цѣли объединенія имперіи при-
данъ послѣдующими реформами новый и
высокій блескъ императорской власти. Мно-
гіе атрибуты этой власти были заимство-
ваны въ Востока: званіе диадемы, царскія
одежды и т. д. Установлены придворный эти-
кетъ и церемоніаль, адорація, кантопрехмоне-

ний, земобитие, укрощение руки, чего прежде и в
помысли не было. Император научается всео-
кий титулъ „Dominus“, тогда какъ прежде онъ, не
смотря на всю фактическую высоту своего об-
щественнаго положенія, довольствовался звані-
емъ „принсепс сенатус“ и въ частной жизни ни-
какъ не отличался отъ обыкновенныхъ сен-
аторовъ и другихъ состоятельныхъ, помножавъ
гражданъ. Регалии императорской
власти Гима сдѣлались въполнѣмъ необро-
димымъ принадлежаніемъ власти государей
въ образовавшихся на территоріи имперіи
монархіяхъ.

Велюдь за явилъ въ правленіи Константі-
на въ пользу римской имперіи во всемирной
исторіи совершившейся новый важный фактъ:
императоръ и имперія получили поддержку
въ христіанствѣ, въ таинъ самый христіан-
ство, которое до сѣхъ поръ упорно и страстно
преследовалось римскими правительствомъ.

Многіе, объясняя мотивъ, побуждавшій Кон-
стантина принять христіанство, объясняютъ
его равноправіемъ съ религіями языческими
въ предѣлахъ своего государства, — утвержда-
ютъ, что не одна была правительственная удобде-
ннѣ самого императора въ преимуществѣ
новой веры надъ старыми кувтами заста-
вили его обнародовать Миланскій эдиктъ,
говорятъ даже, что это было далеко не глав-
нымъ побужденіемъ для этой важной госу-
дарственной мѣры, что цѣль Константина
преследовалъ политическую, что его глубокий
и тонкій государственный умъ понималъ неодо-
димую силу христіанской общины и, конечно,

лучше поднимать и мить христианъ въ числѣ за-
щитниковъ государства, чѣмъ въ числѣ его вра-
говъ и для того принимать ихъ въ ору, за которую
они жили такъ храбро стоятъ, подъ покрови-
тельствомъ Закона. (x)

Этотъ взглядъ нельзя не признавать правиль-
нымъ. Действительно христиане, хотя не имѣ-
вшие численнаго перевеса въ римскомъ государ-
ствѣ, хотя и составлявшие еще меньшинство
населенія, представляли тогда не менее силь-
ную общественную организацию. Между ихъ об-
щинами существовалъ храбрый союзъ; всего бо-
лее действительная сила государства отходила
къ христианскому обществу. Эту-то силу об-
щину и понималъ Константинъ и искалъ
въ христианствѣ точки опоры для своей вла-
сти. Вступивъ же въ союзъ съ христианами,
которые уже имѣли свою храбрую организацию,
императоръ долженъ былъ признать его въ томъ
видѣ, въ какомъ оно уже утвердилось. Такъ обр.
государство не могло преобразовать уже утвер-
дившихся порядковъ церкви, а потому и отно-
шеніе между светскою властью и церковью въ
Римѣ должно было принять иной видъ, чѣмъ имѣ-
лъ въ еврейской землѣ — родинѣ христианства.

Перенесеніи столицы имперіи изъ Западнаго
Рима въ восточную Византию, край съ этого
времени начинаетъ называться Константинополемъ,

(x) Jr. Brieger. „Constantin der Grosse, als Religions-
politiker.“ („Zeitschrift für Kirchengesch.“ Band
IV, 1884, 1881).

Lahn. „Constantin der Grosse und die Kirche.“ Han-
nover. 1876.

также и много свое важное значение. Пошироко всего проглаго, фактъ перенесенія столицы показывается, что римская имперія въ сознании Рима была уже не свывивалась въ одинъ только Римъ; не ограничивалась однимъ Восточнымъ городомъ, но что все уже были удостовѣнены, что всѣхъ Римъ, гдѣ римская монархія.

Мы охарактеризовали въ самомъ общемъ черта административныхъ реформъ Диоклетіана и Константина. Но наиболѣе интересно и важно для изученія реформы финансовъ, податный, экономическій, который наиболѣе слѣдуетъ теперь отмѣтить и рассмотреть въ связи съ этимъ вопросомъ первостепенной историко-экономической важности, вопросъ о происхожденіи казначейства.

Прежде всего опредѣлимъ, какія подати существовали въ римской имперіи. — Отличительная черта податной римской системы, по мнѣнію римскаго экономиста Ротбертуса, еще съ республиканскихъ временъ вплоть до эпохи Диоклетіана есть единство подати, и въ стремленіи облагать не отдѣльные виды дохода или промысла, а все хозяйство гражданъ. Въ древнемъ мірѣ вообще, и въ римскомъ въ особенности, приняты подати платились первоначально не на земельный доход, или состояніе (англ. терса-богит), даже не на доходъ, а на все имущество лица — такая подать называлась трибут. Облагались хозяйство, въ которое почти неразрѣзливо входили и земельныя, и промысловыя, и торговые элементы. Начиная съ эпохи Августа единство древняго хозяйства начина-

ство разрушается, а вместе с тем и подар-
-дубится. При Деокетіане известны уже не-
сколько видов податей, поземельная, подуш-
ная, промысловая, торговая и т.д. Главнымъ
мѣръ является двѣ: - 1) поземельная (*capitatio*
terrena или *jugatio*) и 2) подушная (*capitatio*
humana).

Особенное значение имѣетъ податъ поземель-
ная. Какъ она распределялась? Что составля-
ло единицу обложения (*jugum*)? - Со времени по-
датной реформы Деокетіана и Константина
на слово *jugum*⁽²⁾ означало земельный наделъ,
служившій основаніемъ для раскладки позе-
мельнаго налога - это единица распределения
подаръ и *jugum* вполне соответствуетъ древ-
не-русской соха. Благодаря недавно найден-
ному и только что изданному сирійскому
отрывку, содержащему въ себѣ переведенный
съ греческаго абрѣвѣ законовъ IV в. по Р. Хр.,
въ настоящее время нѣтъ уже сомнѣнія, что
римская соха (*jugum*) или голова (*caput*) не
есть отвѣтная, идеальная, фиктивная еди-
ница или величина плодотворной почвы, съ
которой вѣдѣется известная монета, какъ
думали прежде, а совершенно реальная еди-
ница измѣренія полей и земель, установлен-
ная закономъ въ соответствии съ различною
качествомъ земли въ различныхъ мѣстахъ и
потому не вѣдоу однородная по величинѣ.

(2) Оно естественно сближается съ греч. *ζυγόν* - пара-
валовъ, и можно думать, что такъ называвшаяся
земельная единица, участокъ, который мѣсто
обрабатывался однимъ плугомъ.

Вотъ важные факты, которые теперь подѣлываются сирійскими. Законодатель и могутъ считаться ~~важными~~ несомненными. При Диоклетианѣ совершено было всеобщее истребленіе недвижимыхъ имуществъ въ имперіи, — введенъ былъ кадастръ, составлены писцовыя книги, возмѣнствовавшія подлѣкамъ пересмотру черезъ каждыя 15 лѣтъ. Правда, существуютъ указанія на то, что общій перепись производился и раньше, даже во времена Августа. Таакъ евангелистъ Лука говоритъ: „Въ тоѣ дни было повелѣніе отъ Кесаря Августа сдѣлать перепись по всей землѣ. Сіи перепись была первая во время правленія Квиринія Сиріею. И пошли все записываться каждыи въ свой городъ.“ (Лук. II, 1-3). Но истребленіе это было общаго характера; въ тоѣ времена общій перепись не было, а было только частный учетъ сирійскихъ имуществъ. Таакіе кадастры должны были по первоначальному предначертанію повторяться периодически и по пришествіи каждаго періода, смотръ по собраніямъ сведенийъ погати должны были уменьшаться или увеличиваться. Это распределение погати называлось индиктацией (indictio). Отсюда произошло въ римской имперіи счисленіе по индиктационѣ т. е. по кадастровымъ 15-лѣтнимъ (начиная съ 312 г.) по 15-лѣтнимъ періодамъ.

При кадастрахъ единицей истребленія служилъ югеръ (только $\frac{1}{4}$ десятины). Но погати величина погатищегося земельному налогу, единицы распределения его — считалась соха-жидит или саритъ, которая состояла не всегда изъ одного и того же количества югеровъ, а заключала и въ себя завѣны или мелочи, смотръ потому, къ какому изъ

Учетъ Средн. Востокъ. Стр. 6. Юг. 1932

земли, определенности законовъ классовъ земли принадлежалъ участокъ. Въ Сиріи, напр., существовала такая норма для возделанной земли (по мнѣнію пастбищу):

Сокх	равняется	5	сотерамъ	земли	подъ виноградниками
"	==	20	"	"	перваго класса
"	==	40	"	"	второго или худшаго
"	==	60	"	"	третьего
"	==	225	деревянныхъ	масличной или оливковой плантаціи	1 ^{го} класса.
"	==	450	деревянныхъ	масличной плантаціи	2 ^{го} класса.

Так. обр. если мы оставимъ въ сторонѣ виноградный и масличный насажденія, то уже въ римской имперіи земли по качеству почвы раздѣлялись на три разряда, точно такъ, какъ это было повсюду въ Византійской имперіи, а затѣмъ и въ Московскомъ государствѣ. Въ послѣднемъ при опредѣленіи величины софит. е. при опредѣленіи количества податей на ту или другую имѣнность принималось въ соображеніе качество почвы, раздѣлявшейся въ формѣ отношеній на худую, среднюю и добрую. Вообще способъ распредѣленія налоговъ, употребившійся въ Московскомъ Государствѣ, едва ли слѣдуетъ считать совершенно оригинальнымъ, какъ это думаетъ Соколовскій.

„Податная система древней Россіи, говорить онъ, — представляетъ въ высшей степени своеобразное явленіе.... Подати налагались въ древней Россіи не на имущество, а на личность. Такъ какъ имущество состояло главнымъ образомъ въ землѣ, то она и была преимущественнымъ предметомъ обложенія. Для распредѣленія податей —

нашъ налогъ употребился весьма оригиналь-
ный способъ. Вся занятая земля московскаго го-
сударства раздѣлялась на участки, называе-
мые софами, такими образомъ, что каждыи
изъ этихъ участковъ по плодородности былъ ра-
венъ другимъ и могъ быть обложенъ въ оди-
наковыя раздѣлы съ другими. Понятно,
что при различномъ достоинствѣ земли, со-
фа не могла представлять какой-нибудь опредѣ-
ленной величины и измѣнялась по времени и
мѣстнымъ условіямъ. Вникая въ сущность си-
стемы, върнѣе было бы сказать, что делилась
не земля, а сумма налога раздѣлялась на
опредѣленные, равныя доли, которая потомъ и
разлагалась по землѣ, причемъ равноправность
обложения не могла быть иначе достигнута,
какъ только пропорціональнымъ измѣненіемъ
величины участка. При опредѣленіи величины
софы, т. е. при опредѣленіи количества подат-
ей на ту или другую мѣстность, принималось
въ соображеніе, во-первыхъ, качество почвы, раз-
дѣлявшейся въ этомъ отношеніи на худую,
среднюю и добрую. Первой полагалось на соху
большее, второй меньше, третьей еще меньше: такъ
если въ соху доброй земли полагалось 800 крѣ-
пей, то средней земли только 1000, худой 1200 и т. д.
(П. А. Соколовскій, „Экон. бытъ земледѣльч. насе-
ній Россіи предъ крѣп. правомъ.“ С. П. б. 1878).

Изъ сказаннаго только что нами о податной
системѣ римской имперіи послѣдняго періода
видно, что Соколовскій неправъ, приписывая
податной системѣ московскаго государства
такую полную оригинальность. ^(*)

(*) Более подробное объясненіе этого вопроса

Итакъ въ цѣль было правильнаго сбора по-
датей существовалъ кадастръ, существовали
податныя книги. Мы не знаемъ точно, какъ бы-
ла составлена опись, но только известно, что она
простиралась на все римскія владѣнія. Соеди-
нить ее, конечно, было трудно, это была очень важ-
ная и сложная операція, которая притомъ
должна была постоянно повторяться, такъ какъ
численность быстро увеличивалась, количества по уве-
личивались, то уменьшались числомъ, владѣн-
ями постоянно увеличивались и т. д. Но
и, повиднаго повторенія кадастра не было, про-
изводились только частныя переписи. Писцовыя
книги (πολίτεια, βίβλος, τὰ δημόσια βιβλία) велись
аккуратно; есть сходство между римскими
и византійскими порядкомъ и въ веденіи и рус-
скими, такъ что гораздо правильнее предпо-
лагать заимствование этой системы въ Мо-
номахъ государства изъ Византіи, чѣмъ отъ
Матеріи. Самая сложность системы пред-
полагаетъ необходимость многочисленныхъ по-
новниковъ, которые составили, вели и прово-
дили книги. Бреческія навація этихъ поновни-
ковъ сходна съ русскими — додорцики (ἐπο-
ταί), справцики (ἐξιστοί, διοδοταί и т. д.). Те-
перь, когда было известно, сколько слѣдовало
податей съ известнаго количества земли опре-
дѣленнаго качества, сколько такой земли на-
ходится въ каждой провинціи и общинѣ, яв-
лялась возможность правильнаго раздѣленія

см. въ статьѣ проф. В. З. Васильева. „Ма-
териалы для внутренней исторіи византійскаго госу-
дарства“ (Ж. М. Н. пр. 1879. Опртисская книжка).

податей. Так. обр. если въ известной годъ импе-
 раторъ решитъ, что сегоднешъ обратъ таковы-
 то суммъ на государственныя потребности,
 то эту суммъ распредѣлитъ сначала на про-
 винции, потомъ на городскія общины, на куріи
 и наконецъ сообразно въ количествѣ и каче-
 ствѣ земли между ~~и~~ между отграниченными зе-
 млепосѣдателями. Обычай цѣнры государствен-
 наго бюджета подвергалась частнымъ коле-
 баніямъ, а следовательно и цѣнрилась и ве-
 личина налоговъ. Принимъ примѣръ того
 какимъ ограниченныя колебанія могли под-
 вергаться подати въ провинціяхъ, сличимъ
 распоряженіе Юлиана-Отступника, понизивъ
~~его~~ въ Галліи суммъ податей со 100 при-
 ближительно милліоновъ руб. до 28 милліоновъ.
 Hinc maxime claret, ^{содержитъ об этомъ Рим. Марцилли} ~~quod~~ *primis partibus eas*
 (т. е. Галліи) *ingressus pro capitibus singulis*
tributi nomine vicenos quinque aureos reperit
Flagitari, viscedens vero septenos tantum mun-
da universa complentes. (Ammian. XVI, 6, 14 ed.
 Sordthaus 1, 83). Отсюда опредѣляется при-
 ближительное количество Галліи по земель-
 ной подати. Услъ одного мѣсяца по земельной по-
 ри Константину неволеетнаго римора (Bae-
 kers, *II Panegyrici latini* pag. 189 cap. 21) мы
 знаемъ, что кельо ~~содѣ~~ въ одной землѣ ~~дѣлѣ~~
 простиралось до 25 тысячъ (или не до 32); такъ
 какъ землѣ ~~дѣлѣ~~, по расчету Гиббона = $\frac{1}{48}$
 всей Галліи (Франціи), то мы можемъ при-
 нять въ ~~этой~~ послѣдней 1,200,000 тысячъ или соот-
 вѣстной времени Константина какъ-нибудь ме-
 нее 4^е руб., значить при 25 золотыхъ съ сахи
 получимъ всей подати до 100 милліоновъ, а при

семи — 28 м. (Ср. Savigny, Vermischte Schriften II, 138-143.)

Раскладка податей по новой системе была легка и удобна и совершалась съ аккуратностью и быстротой. Прежде всего подати лежали на Земле, и государству, определивъ общій бюджетъ и части его на отдельные провинции, представляло раскладку податей между отдельными землевладельцами куріями, которые иными свои собственные писцовыя книги и хорошо знали состояние земельных имуществъ въ общинѣ. Полнимо заботливаго распределения податей на земельных имущества гражданъ община, на членовъ куріи возложена была и курсовая порука въ правильномъ внесеніи податей т.е. если одинъ или несколько изъ куріановъ не уплачивали своего, то въ мирѣ налога, все остальное должно было отвѣчать за него.

Это повелѣніе: обязательство тягело от зывалось на положеніи сословія куріановъ, слабяннаго уже значительно влияніемъ христианства. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ и времени, нашествій варваровъ и другихъ бѣдствій, государство постоянно увеличивало налоги, которые все падали на куріановъ; вслѣдствіе этого многие изъ оставшихся членовъ сословія спышались выйти изъ него, а оставшіеся дѣлались покладистыми и неспособными въ пониманіи всехъ обязательствъ: они все готовы были, забывъ о привилегіяхъ своего почетнаго званія, навсегда откадаться отъ положенія, которое дѣлалось всемогущимъ, и сословіе прежде богатое, сословіе, на которомъ правились

главнымъ образомъ основывало свой доходъ, на
которое оно возлагало обязанность уполнчивать
главную массу податнаго налога, могло же
его переизуять. Понятно, что правительствомъ
могло допустить этого, оно прибавило къ прину-
дительной мерѣ — прихранило куріаловъ къ
нѣмъ сословію, а следовательно, сдѣлало необходи-
мымъ для каждаго куріала изъяснить возло-
женныя на него обязанности.

Куріалы, которые были первоначально органа-
ми городского самоуправления, были теперь прикѣ-
плены къ своему званию (какъ это было и въ мо-
сковскомъ государствѣ въ сиротинномъ сословіи); званіе
дворянъ насильственнымъ и свѣданнымъ съ
ними обязанностямъ не было сдѣлано. Этотъ
новый законъ проводился такъ далеко, что даже,
если куріалъ, умирая, не оставилъ законнаго
сына, незаконный явился наследникомъ его
правъ (или гораздо върнѣе обязанностей), какъ
куріала. Изъ такого порядка вещей очевидно слѣ-
дуетъ, что званіе, которое въ началѣ имперіи
существовало приманкою для необходимости куріаловъ
и др., въ концѣ IV^{го} и началѣ V^{го} вв. сдѣлалось нево-
носимымъ наказаніемъ, отъ котораго доведе-
ние до отпаденія куріаловъ старались изъяснить
себѣ великими предѣлами — богаты въ войска и не
остаивавшіеся предѣла самоуправства.

Так. обр. главнымъ податью въ финансовою
реформу Юстиніана является земельный
налогъ (сарітатіо терrena), лежащій естественно
на Землевладѣльцахъ; второе же по важности
занимаетъ — налогъ подушный (сарітатіо хита-
на), который лежалъ, какъ у римлянъ Савинны, не-
смотря на то, что, которое земли не владѣли.

Этот взгляд, впрочем, оказался неверным и Захаріо-фон-Лингенталь и другие уже доказали, что не только люди, но и животные (напр. рабы) подлежали поголовному налогу, но его платили и те, которые были уже обложены и повешенного податью. Подушная подать первоначально падала на низший класс городского населения (плебс ирвана), но впоследствии он был освобожден от него, так как уже тогда был платител в значительной степени увеличившейся налога промысловой.

Въ разсмотрѣніи частностей очень важнаго податнаго вопроса въ реформы Диоклеціана и Константина мы не можемъ касаться, скажемъ въ заключение только, что для выясненія послѣдующихъ экономическихъ явленій самое важное место занимаетъ повешенный налогъ.

Только что описанную податную систему, введенную для всей имперіи реформами Диоклеціана и Константина нужно имѣть въ виду при разсмотрѣніи вопроса о сущности и происхожденіи канолатна, т.е. крѣпостнаго сословія, замкнувшаго въ новое время рабство древняго міра, къ которому мы теперь и обратимся. Вопросъ это undoubtedly трудный и сложный, но чрезвычайно важный, такъ какъ только на его всестороннее и глубокое пониманіе можетъ основываться правильное изученіе средневѣковаго права, средневѣковыхъ социальныхъ отношеній между различными классами общества.

Въ опредѣленіи сущности канолатнаго права большая часть ученыхъ согласна, такъ какъ

источники говорятъ объ этомъ достаточно ясно. Колонны Осодосіева и Юстиніанова кодексовъ крестъяне, прикрѣпленные къ землѣ, за пользование которой они платятъ известный оброкъ или арендную плату землевладѣльцу. По своему личному положенію это люди полусвободные; ими нельзя располагать, какъ рабами и они не могутъ располагать собой, какъ свободные люди. Это лично свободные люди, но крошечные земель (адсериѣ длебае). На этомъ тезисѣ могутъ сойтись почти все ученые, занимавшіеся канонами; но одни будутъ преимущественно настаивать въ канонахъ на элементъ подчиненія, другіе — на элементъ самостоятельности. Это различіе тѣсно связано съ разницею во взглядѣ на положеніе и обязанности колонновъ въ государствѣ — съ одной стороны, на основное происхожденіе класса — съ другой. На первый вопросъ мы не останавливаемся, тѣмъ болѣе спеціализируясь къ книгѣ П. Виноградова, „происхожденіе феодальнаго отношенія въ Рангобардской Италіи“, въ которой онъ обстоятельно и хорошо разобраетъ, а обращаемся ко второму, къ вопросу о происхожденіи колоната, какъ наиболее спорному, въ особенности въ виду новыя интересныя изслѣдованія, которыя проливаютъ на него новый свѣтъ.

Что за люди вошли въ составъ этого новаго класса, какой изъ признаковъ классовъ римскаго общества доставилъ главный матеріалъ, изъ котораго выработался новый своеобразный институтъ — отвѣчать трудно. Одни ученые полагаютъ, что въ канонѣ обращались рабы. Крупные землевладѣльцы сами на свои земли ра-

бого въ качествѣ арендаторовъ. Сначала это было только дѣломъ обогащ, но при Диоклетианѣ и Константинѣ положеніе каноновъ было санкціонировано закономъ. Въ такомъ случаѣ урегулированіе канонажа составило прогрессъ въ римской жизни, такъ какъ замѣнено рабство другими, лучшими, болѣе человѣческими состояніями. Другіе представляютъ дѣло иначе, говорятъ, что въ канонѣ обратившись прежде свободное римское крестьянство, доведенное до этой необходимости непомернаго тяжелаго увеличившагося налога. Въ такомъ случаѣ урегулированіе каноната было шагомъ назадъ въ римской жизни, оно замѣнило лучшее — свободное положеніе худшимъ — полу-свободнымъ.

Разберемъ многою различнымъ ученіемъ о происхожденіи каноната, о тѣхъ условіяхъ, которые подготовили появленіе и развитіе этого важнаго института въ римской жизни.

Различныя мнѣнія о происхожденіи каноната легко можно раздѣлить на три главныя группы: одни полагаютъ, что законодательство IV вѣка ниспало не создало какого-либо новаго института каноната, а просто регулировало въ подробностяхъ и притомъ постепенно давнишій давно существовавшій въ Италіи или провинціяхъ отношеній; другіе, напротивъ, выводятъ канонатъ изъ опредѣленнаго законодательнаго акта римскихъ императоровъ; третьи, наконецъ, разсматриваютъ въ исторіи каноната два періода — подготовительный, когда постепенно складывались фактическія отношенія, послужившія матеріаломъ для каноната, и законодательный, когда въ IV^{мъ} и послѣдующихъ вѣкахъ

материалъ этотъ былъ переработанъ и приведенъ въ окончательный порядокъ законодательства.

Мы остановились только на самыхъ выдающихся взглядахъ, такъ какъ рассматривать въ подробности все нашъ предметъ бы слишкомъ. По мнению Лафферьера⁽¹⁾, законы императорской эпохи — нисколько иное, какъ галльскіе клиенты, упоминаемые у Цезаря (antebellum), и римскіе клиенты временъ республики, которыми родили земельные участки вместо того, чтобы держать и кормить ихъ въ домъ. Онъ даже старается опредѣлить эпоху, когда совершился этотъ переходъ отъ клиентелы къ клонату, и останавливается на эпоху Августа. Впрочемъ онъ прибавляетъ, что селовіе законовъ увеличивается значительно присоединеніемъ къ нимъ варваровъ. Мировіе Лафферьера не имѣетъ боить принято: сходство между клиентелой и клонатомъ ограничивается одною чертою: клиентъ и клонъ зависятъ отъ господина, все остальное различно, и самое различіе клиентовъ по земельнымъ участкамъ въ эпоху Августа есть гипотеза, не только не подтверждаемая историками, но прямо имъ отрицаемая.

Рудендорфъ⁽²⁾, а за нимъ Шуберъ⁽³⁾ находятъ основы клоната не въ исконно-италійскихъ упрямствахъ, а въ провинціальныхъ богахъ. Они указываютъ на засвидѣтельствовавшее историче-

⁽¹⁾ "Histoire du droit français", II, 437.

⁽²⁾ "Rheinisches Museum für Philologie", II Jahrgang (1828), 179.

⁽³⁾ "Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer" (446).

ками существование въ Египтѣ и Фругиф провин-
ційскаго класса мекки, свободныхъ и, повидимому,
наслѣдственныхъ арендаторовъ. Но Рудольфъ
и Шуваль, отнюдь не действительно интерес-
ное и важное явление экономическаго строя въ
провинціяхъ, придали ему слишкомъ исключи-
тельное значеніе. Фактомъ этимъ нужно во-
спользоваться, чтобы показать, что почва для
развитія каноната была подготовлена въ то
которое провинціи съ давнихъ поръ, но онъ не
считаетъ въ насъ обязанности разъяснить во-
просъ о томъ, какъ сложился этотъ общій для
всей имперіи институтъ.

Ученія, о которыхъ мы только что упоминали,
слишкомъ пренебрегаютъ законодательными эле-
ментами въ образованіи каноната и видятъ
последнее тамъ, гдѣ слѣдуетъ видеть только
подготовляющія и предсказывающія его факты.
Не менѣе неправильно весьма распространенное
воззрѣніе, по которому канонатъ является ре-
зультатомъ чисто законодательнаго акта, юри-
дическимъ институтомъ въ собственномъ смы-
слѣ, установленнымъ государственной властью.
Къ числу такихъ взглядовъ принадлежитъ тео-
рія Равини.^(*) Знаменитый университетскій рим-
скаго права део высказалъ общій соображеніе,
которое заставляетъ искать истиннаго кано-
ната именно въ государственномъ установле-
ніи: никакія частныя соглашения, никакія
фактическія условія, говоритъ онъ, не могли

(*) Это статьи, помѣщенные въ его "Vermischte-Schriften" B II. 1. "Die römische Steuerverwaltung unter den Kaisern" и 2. "Ueber den römischen Canonat."

исключить население не только цетского класса, но даже оторванного человека, вопреки установленному государству праву или поимено его: *Sub publicum privatorum pactis mutari non potest* — оттого и какою-то мось происойти жалко свидетельство законодательной деятельности правительства.

Савинию похвалю раба видоизменяя свое мнение обь этом спорном вопросе и напонец в приложении к статье о колонатах (Насквиз. 1843) онъ присоединилъ къ многимъ торахъ, которые ставятъ образование этого нового институту, столь противоречащего, какъ формы, традициямъ римскаго гражданского права въ свѣтъ съ возникновениемъ перманентныхъ поселений на римской территории: у варваровъ этотъ классъ уже существовалъ и перманентные колонисты перенесли его на римскую почву. Меркис эта осязательно подтверждалась найденными только въ кельтскихъ столетияхъ въ одномъ изъ епископскихъ кодексовъ Веодалисъ II напечатанномъ рескрипта императоровъ Аркадия и Гонория, относящегося къ 409 г. (*Edictum Theodosii*) къ правителю (*praefectus praetorio*) восточныхъ провинций. По случаю побѣды надъ немалымъ племенемъ Сугровъ (Готской восток), когда взято было въ плѣны много варваровъ, императоры предлагали своему наместнику, чтобы онъ пригласилъ торахъ изъ провинциальныхъ землевладельцевъ, которые нуждаются въ рабочихъ работникахъ, принять къ себѣ плѣнныхъ варваровъ и поселить ихъ на своихъ земляхъ не въ видѣ рабовъ, но на колонатныхъ правахъ, т.е. чтобы они оставались лично свободными, обрабатывали представляемое имъ

участки поместных земель, за что должны были платить лишь оброк, определенный законом, и доставлять известную подать и в пользу правительства. Мак. одр. Савинин доказывает, что кланатъ есть явление сосуществование римскихъ правъ отъ германскаго исполнаго быта. Теорія эта не выдерживаетъ критики; противъ нея очень легко отыскать простое возражение. Идентъ о Сцирафъ никакъ не можетъ имѣть решающаго значенія въ этомъ вопросѣ. То, что германскіе племена были поселены на римской территории, какъ колонны, доказываетъ только, что кланатное право уже существовало въ то время въ римской имперіи, такъ какъ едва ли для варварскихъ клановъ (и особенно для военнопленныхъ) императорское правительство стало бы вырабатывать новое право, напротивъ они должны были подчиняться существующимъ нормамъ, входивъ въ общепризнанную рамку сложившихся социальныхъ отношений.

Перейдемъ теперь къ чрезвычайно модной и остроумной теоріи Гомберта о происхожденіи крепостнаго вѣсехнія. Взглядъ его на этотъ вопросъ изложенъ въ стамбѣ — „Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums. — I. zur Geschichte der agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern unter der Adscripticior, Intquilinen und Colanen“, помеченной въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, изд. Teubner, 2. Jahrg. I Band, 3 und 4 Heft. Jena 1864.⁽¹⁴⁾

⁽¹⁴⁾ Стамба эта переведена на русскій языкъ отъ-

Узнавши о существовании его оригинальной теории. Ротбертусъ внимательно изучилъ сочинения всѣхъ римскихъ писателей, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ, Катона, Варрона, Колумеллы, Плиния и друг. и при помощи остроумнаго и тонкаго сопоставления этихъ писателей доказываетъ свой взглядъ на происхождение колоната, утверждая, что это явление стало въ прямой зависимости отъ изменений характера римскаго землевладения и земледелия.

Ротбертусъ выводитъ происхождение колоната въ его разнороднѣе виды и степеней (coloni, adscripticii и inquilini) единственно изъ общаго факта развитія аграрныхъ отношений въ римскихъ государствахъ и представляетъ его не исключительно, а общими аграрными институтами того времени. Онъ возмущается противъ многихъ мыслей, которые утверждаютъ, какъ Герель (*Hegel* „*Gesetz der Städteverfassung u. d. Ital.*“), что колонатъ прежде былъ вполнѣ свободнымъ и только вследствие тяжелаго экономическаго положенія вошелъ въ зависимость помещика.

„Я буду доказывать,“—говоритъ онъ,—что ходъ развитія былъ совершенно обратный и что адскрипции, инквилины и колонаты (различныя виды крепостныхъ) развились изъ обыкновеннаго сельскаго раба землевладельцевъ.“ Это совершенно определенно исходная точка ведетъ его къ следующему порядку: во-первыхъ—переходъ отъ крупнаго хозяйства (*Latifundienwirtschaft*) къ мелкому (*Parzellen-Zwergwirtschaft*), который въ промышленности

француза Деминговскаго Пьера въ Ярославѣ подп. ред. проф. Макарова въ 1881 г.

времени между Плинием Старшим (при Веспасиане + 79 г.) и Плинием Младшим (при Траяне) совершился такой процесс, что завоевавшие и ширь и глубину родины невольники части из своих же рабов за натуральный оброк. Это привело прямо к колонату (наиболее свободной и выгодной форме крепостного состояния). Но вторым по значительности завоеваний процессом рабов на невольничьи рынки остановился и нужно было землевладельцам самим, рабовладельцам, на антифундусах образовались рабские роды, которые, так как сельские рабы пригнанным к движимости, принадежности к помещению, считались так называемым "мелким инвентарем" и т.п. Этот путь ведет к аграризации и инвентаризации.

Подведем социальный материал, который накопился на этом двойном пути, придана была форма колонатного права разнородности оттонов законодательства Константина Великого и после константиновских времен.

Так. обр. развитие римского землевладения и земледелия, по мнению Ротбертуса, привело к тому, чтобы труды были свободный труд и более выгодный, чем труд рабский. Последующие за Ротбертусом авторы интересуются рассуждениями, которыми он старается доказать свою оригинальную мысль.

"Verumque confidentibus, говорит Плиний Старший, latifundia perdidit Italia, jam vero et provinciae" (Н. Н. XIII, 7). Каким образом совершился этот колоссальный процесс сосредоточения предков икономно-римских мелких

хозяйство в немногих огромных центрах круп-
ного землевладения, и почему патрициев, огромных
земельных римских вельмож, значительных частей
которых находились под пашнями, а другие
обрабатывались руками скотоводов, захвачен-
ных рабов ("At nunc eadem illa vineti pedes,
damnatae manus, inscriptisque vultus. exercent."
Plin.), почему они принесли такой вред - во вве-
дении охоты описывает Манин в своей
"Римской истории", в которой вообще посвящено
много прекрасных страниц научному и вни-
тательному судаместному воссозданию кар-
тинки социально-экономического положения рим-
ского общества. Приступая к описанию вы-
шеприведенных слов Плиния, Ротбертус гово-
рит, что нужно понимать термин "latifundia"
не только в смысле землевладения, но главным
образом в смысле обработки земли - это бы-
ли не только крупные комплексы собственности
(Eigentums-complexe), но и крупные хозяйствен-
ные комплексы (Wirtschafts-complexe).^(*) Это факт
несомненный. Ротбертус конкретизирует его,
не вводя в рассмотрение его причины. И по его
мнению не столько крупное землевладение, сколько

(*) Что крупное землевладение не всегда и не всегда
совпадает с крупными хозяйственными видами мур-
ше всего на примере римской Империи, так
как там господствуют в одно время доведен-
ное до последнего разложения сосредоточение земли
в руках немногих и наряду с этим мелкая об-
работка ее - фермерский арендаторский хозяйств, ко-
торые дробятся на еще более мелкие участки, обраба-
тываемые фермерами для обработки водных земель.

Мир. Проблемы истории. Сост. и введ. Г. Г. Г. Г.

система обработки земли крупными хозяйствами, доведена Умано куть их не до глени. Данное, продающееся даровитый экономистъ, въ промышленность времени между Финишемъ Старшимъ и Финишемъ Младшимъ положение дровъ изменилось, причемъ землевладение осталось крупнымъ, латифундизмъ остался, и даже, можетъ быть, увеличился, но вместо прежней крупной обработки земли въ огромныхъ масштабахъ, которая производилась въ последние время республики и въ первые годы империи толпами рабовъ, является обработка мелкая, латифундизмъ раздробляется на владельцев на мелких фермерскихъ хозяйствахъ, которые отдаются на правахъ аренды обыкновенно собственнымъ рабамъ поместника.

Ужель объявить такую разную перемену? Подвернуть приводитъ несколько причинъ; одну изъ нихъ сельскохозяйственного, другой политико-экономического характера. Остановимся только на последней.

Изменение системы обработки объясняется изменениемъ спроса на рынокъ, на который стали требоваться со времени империи другие сельскохозяйственные продукты, чемъ прежде. Распределение национального дохода определяетъ всегда национальную потребность, какъ она удовлетворяется на рынокъ. Этотъ сильный национальный спросъ определяетъ въ свою очередь национальную производительность въ сельскохозяйственномъ и промышленномъ. Наконецъ вызванная этимъ спросомъ сельскохозяйственной производительностью определяетъ всеобщая потребность, величину обрабатываемыхъ, возделываемыхъ въ виду отдачи плодовъ земель.

участковъ. Продукты такъ называемой „мелкой
культуры“ — садовые продукты разныхъ сортовъ,
затѣмъ разведение домашней птицы и т.д. — про-
изводятся съ гораздо большимъ выгодой на мелкихъ
участкахъ, тогда какъ крупныя хозяйства мо-
гутъ держаться только тамъ, гдѣ господству-
етъ спросъ на зерновой хлебъ и на такой скотъ,
который можетъ выносить дальнюю перевозку.

Эта страна, гдѣ имѣются экономическое
влияніе большіе, населенные города, господству-
етъ обыкновенно спросъ на продукты мелкой
культуры и потому большія хозяйства есте-
ственно распадутся на мелкія.

На такой ступени развитія стояли Римъ
и Италия въ первый вѣкъ имперіи, когда обра-
щение товаровъ и производимыхъ продуктовъ
наслаждалось спокойствіемъ, и когда всѣ хоро-
шія и дурныя побужденія свободной торговли мо-
гли беспрепятственно обнаруживать свое дѣй-
ствіе. Значительный приростъ населенія и еще бо-
лее значительное увеличеніе богатствъ, кото-
рыя по весямъ приобретались странами Средиземно-
го моря стекались въ Римъ и Италию, давали
были выработать на рынкѣ новый спросъ, совер-
шенно отличный отъ того, крѣпъ въставилъ не-
многочисленные наемники, ограниченный сосре-
дненій и простота нравовъ Рима въ эпоху до
греческихъ, азіатскихъ и африканскихъ завоева-
ній. Являлась потребность въ продуктахъ имен-
но мелкой культуры, культура Италии при-
нимала чисто „садовый“ характеръ, земледельцы
послуживали за новыми экономическими
побужденіями, повиновались новымъ экономи-
ческимъ отношеніямъ, и крупныя хозяйства

раздробившись.

Подтвердить объясняют это явление весьма простым политико-экономическим законом, который остроумно и прекрасно изложил Тюрнен (Thünen) в его сочинении „Der isolirte Staat“. Вот смысл этого закона. Если мы представим себе государство с большим городским центром, который привлекает к себе все полевые продукты окрестной территории, а сам отдает ей свои фабрикаты, который следовательно оказывает влияние на культуру государства, то различным естественным обработкам земли и вообще естественному хозяйству, различным производительностям, должны будут располагаться около этого центра concentрическими кругами, которые будут заняты различными родами культуры. Ближе к центру будут возделываться продукты, не терпящие дальнейшей перевозки — садовое производство, цветы, фрукты, овощи, а также домашний птицеводство. Вторым кругом, более отдаленным от центра, будет занят интенсивно возделываемыми земельными участками, далее расположатся ^{область} ~~земельная~~ экстенсивного земледелия и наконец в самом отдаленном районе будет процветать пастбищное хозяйство, скотоводство. Так. обр. ближе к городу расположатся мелкие хозяйства, а крупные могут развиться только в самом отдаленном круге, при котором естественные несоизмеримые расстояния, сопряженные с естественным пастбищным хозяйством и скотоводством и с невиданно дальною возможностью вывоза дорогостоящих перевозки производимых продуктов.

Во Италии, продолжалъ Ротбертусъ, такое центральное было Римъ, а вся Италия сама по себѣ производила такое же вѣдѣніе центра на остальные области ограниченаго государства. Никогда приводился въ Италию новъ провинцій, а тамъ еще могли держаться латифундіи въ широкомъ смысле слова, хотя и тамъ примогались законы Тиберіуса, въ Италию же на вѣдѣніе ея пространства оныя раздробились на мелкие, частныя хозяйства.

Не слѣдуетъ слишкомъ буквально понимать слова Ротбертуса, какъ это дѣлаютъ его новѣйшіе послѣдователи и противники. Тѣмъ не менѣе полагали это можно считать весьма справедливымъ. На основаніи этого закона въ Италиі дѣйствала была преимущественно развита садовая культура, требовавшая мелкой обработки.

При разборѣ этого вопроса нужно еще принять во вниманіе упомянутыя римскія привилегіи. Когда римскіе богачи-землевландельцы перестали много заниматься сельскимъ хозяйствомъ, они естественно оставили свои деревенскія имѣнія, переселившись въ Римъ, предоставивъ веденіе хозяйства управляющимъ (villici). Но система обработки полей рабами подъ управленіемъ виллика, вместе съ упадкомъ и вырожденіемъ самихъ рабскихъ поколѣній, послужила, какъ и латифундіи разрушались, а класса свободныхъ арендаторовъ, которыхъ можно было бы сдать землю, не было. Когда еще при этомъ италійскій рынокъ сталъ требовать другихъ продуктовъ, кроме зерна и когда начали ощущаться недостатки въ управленіи

латифундизми, помещики должны были перейти к мелкой, частной культуре (Kleinwirtschaftssystem) и системе мелкой аренды (Kleinpacht-system). Если бы тогда господствовали наши социальные отношения — свобода личности и капиталистическое хозяйство, то естественно ^{при этих условиях} образовался бы класс свободных арендаторов, которые выплачивали бы аренду деньгами. Но так как не было в древности таких свободных людей, из которых могло бы образоваться класс мелких арендаторов, и так как денежное хозяйство к этому времени находилось в упадке, то владельцы крупной помещичьей земли были, раздробив латифундии на мелкие фермерские участки, разнотравить на них своих же собственных работ, которые должны были не обрабатывать и платить денег, а вносить за определенный период времени натурой или оброк натурой. Такие люди стали называться колониатами, что, разумеется в первое время после этого именовавшегося ирригационными они всетаки оставались такими же рабами, как и прежде. Так. обр. первоначальные колония — тоже рабы, но такие, которые, переходя к мелкой культуре, сажают, как оброкники, на своей земле.

Объяснив таким образом происхождение колониата в собственном смысле, Ротбертус переходит ко второму вопросу, обращаясь к аграрно-политическим и инквизиционным.

Первый о них упоминает Марциан, указывая на рескрипт Марка Аврелия, который гласит: „Si quis inquilinos sine praedibus, quibus adherent, legaverit, est inutile legatum.“ Этим

говорится о томъ классѣ, который потому сѣлъ
назваться адскрипціями. Какъ же соверши-
ся процессъ этого прикрѣпленія людей къ землѣ?

Въ эдиктѣ М. Аврелія говорится объ обыкновен-
ныхъ рабочихъ рабахъ, кромѣ уже въ замѣчан-
ствѣ сущаго изъ покаяній въ покаяніе оста-
вавшихся на одного и того же земельнаго участка.
Каждое римское имѣніе (какъ и всякое дру-
гое) имѣло значеніе только въ совокупности со
своими инвентарями: рабочими скотомъ, воздѣ-
лываемыми постройками, земледѣльческими
орудіями и т. п. Къ такимъ же орудіямъ при-
числялись и *instrumenta vocalia* — рабы. Когда
имѣніе закладывалось, или совершалось другія
юридическія сделки, которымъ давали право на
имѣніе третьи лица, въ обязанности, ког-
да хозяйства стали производиться и отбываться
по участкамъ въ аренду, являлась необходи-
мость какъ-нибудь ограничить помѣщеніе рабовъ
и выработался обычай, по которому рабы, ве-
росные на известной землѣ, составили ея
необходимую принадлежность, *инвентарный*, не-
переходимый инвентарь, и потому вноси-
лись въ книги, приписывались къ землѣ и раб-
мъ первоначально отъ колонновъ, посажен-
ныхъ на землю. Весьма вѣроятно, что обыкновен-
ные рабочие рабы раньше были прикрѣп-
лены, приписаны къ землѣ, внесены въ инвентар-
ныя книги, чѣмъ рабы-колонны, такъ какъ они
не принадлежали къ инвентарю имѣнія. Коло-
новъ, посаженныхъ на землю рабовъ господствъ
могло быть съ землѣю, когда угодно, и обратитъ
опять въ обыкновенныхъ рабовъ. Съ адскрип-
ціями сдѣлать такую вещь было трудно, такъ

какъ они составили необходимую принадлеж-
ность земли. Но чемъ болѣе распростра-
нился обычай сажать рабовъ на участки въ
видѣ каменей, тѣмъ болѣе они считались
хрупкими землей, на которой сидѣли, и нахо-
дилось также были приписаны къ ней. Тогда, об-
смотря по разному занятію рабовъ на землѣ, воз-
никло два вида описаній — приписанное арен-
датору (колона) и однокровное приписанное раба-
работе (инквилены). Но пока ни то, ни другіе не пе-
реставали быть рабами, ни одно изъ въ исто-
рикахъ не даетъ намъ права смѣшивать ихъ
съ подобныя возникшими свободными колонатами.

Рабы (серви) законодательными образами не
были связаны съ землей довольно долго. Въ та-
комъ положеніи они оставались до франковъ
и податныхъ реформъ III^{го} и IV^{го} вѣковъ. Тогда
только римское правительство приняло реше-
ніе, которое закрепило эти отношенія.
Колонаты, которые сначала только по волю сво-
ихъ господъ сидѣли на чужестранной землѣ
въ видѣ арендаторовъ, потому были прихво-
тены къ этой землѣ — положеніе ихъ было фри-
гировано. Мы видимъ, что въ концѣ III^{го} и въ на-
чалѣ IV^{го} вѣка при Диоклетианѣ и Константинѣ
совершились многія преобразованія. При Фри-
ге императоромъ совершено было, какъ бы при-
крѣпленіе, и высшіе классы. Подобно тому,
какъ мы видимъ, что и въ Россіи прежде выс-
шіе классы были обладаемы еудикой, иудеи при-
крѣплены къ землѣ, такъ и тогда подобное совер-
шилось въ этотъ періодъ времени и на римской
почвѣ: иудейскіе классы были прикрѣпле-
ны къ своимъ куріямъ и на нихъ возложена

обязанность государственной казны и ответственность за правильное внесение податей. Реформа эта имела главным образом целью существенно обеспечить аккуратного сбора податей. Куріанъ землевладельцевъ отбывали своими имуществомъ круглого порукою за невнесение семейное и подушное сборы. Главнымъ источникомъ средствъ куріановъ лежалъ въ земляхъ, которая, тогда приносила постоянный доходъ, должна была тогда только обрабатываться, иначе она теряла свою цену. Отсюда легко вывести, что новая финансовая система, обязательная круглая порука куріановъ, самая обязательность этого званія и правильного взноса ежегодныхъ податей — все это вело къ закреплению рабочей силы, къ прикреплению колонновъ и рабовъ.

Подтвернуть напередъ даже система законодательства, какъ прикреплению колонновъ къ землямъ и определенно закономъ, что колонны должны были вносить определенную сумму, определенное количество повинностей господину; ибо если бы землевладельцы стали слишкомъ много съ нихъ требовать, то ихъ собственныя средства истребились бы, и правительству трудно было бы получить свои подати.

Подтвернуть весьма остроумно разбираетъ постановления, которые были сдѣланы по этому вопросу. Разсмотрѣвъ несколько подробное сдѣланные имъ выводы.

Постановленій объ адскрипціяхъ, колоннахъ и рабахъ народный мѣ въ кодексахъ Феодосія II (434) и Юстиніана. Но эти кодексы не представляють „Полнаго собранія законовъ“, не содержатъ въ себѣ императорскихъ декретовъ въ Римѣ

вию, въ какомъ они были изданы, а представля-
ютъ только "слова законовъ", только статьи, не
переработанные и расположенныя въ хронологи-
ческий порядокъ, такъ что въ этой конституции
мы не имеемъ достаточнаго числа новъ редак-
цій. Но всетаки тутъ всегда обозначено, какому
императору принадлежатъ эдикты, и когда
онъ изданъ, такъ что недостають только подлин-
ности самихъ эдиктовъ.

Не советую легко восстановить фактъ этого
законодательства. Все эти статьи въ кодексахъ
Юстиниана имеютъ характеръ только кон-
статирующихъ (приводящихъ, подтверждающихъ) а
не конституирующихъ (создающихъ) и въ этомъ
то состоитъ причина трудности исследования.
Но Помбейеръ полагаетъ, что по факту отрав-
ки можно всетаки приблизительно восстано-
вить исторический фактъ законодательства
и определить его первоначальный видъ. Для этого
онъ беретъ отрывки статей, предле всего
XI книги 50го титула (49) первую статью кодекса
Justin. XI, 50, 1. (Въ изданіи Krüger'a pag. 939). Она
сначала такъ: Imper. Constantinus A. ad Maxi-
mum vic. orientis. Quisquis colonus plus a do-
mino exigitur, quam ante consueverat et quam
in anterioribus temporibus exactus est, adeat
iudicem, cuius primum poterit praesentiam,
et facinus comprobet, ut ille, qui convincitur am-
plius postulare, quam accipere consueverat, hoc
facere in posterum prohibeatur, prius reddito
quod superexactione perpetrata nascitur extor-
sisse. . . . Статьи эта говоритъ объ упрямствѣ
канона и, судя по заголовку, принадлежатъ Кон-
стантину В. (отмеч. кн. 325 г.). Помбейеръ полагаетъ

иметь, что эта статья стояла в императорском эдикте, и что он именно ввел этот порядок, а не только констатировал его существование. Так. обр. он приводит к тому, что конституция относительно нормы, канона, по которому рабы становятся свободными своему господину, здесь является в первый раз. Слѣдов. эдиктомъ 325 г. вводится этот канонъ: господа могутъ взимать съ канонъ только известное количество повинностей. Также рассматриваетъ Подвернуть и другія статьи, относящіяся къ этому вопросу и приводит къ слѣдующимъ выводамъ:

1.) Этими законами постановляется, что соль-фермеры и рабы, издавна сущіе на земляхъ крупнаго владѣльца, обязаны платить ему опредѣленную натуральную или денежную повинность, известный оброкъ, тогда какъ прежде въ этомъ отношеніи не было опредѣленныхъ правилъ — землевладѣлецъ могъ брать съ канонъ сколько угодно.

2.) Черезъ два года послѣ этого вышелъ законъ, который запрещалъ переводить рабовъ изъ одной провинціи въ другую, изъ одной civitas въ другую. Это постановленіе имѣло характеръ государственной, приказной, потому что если бы фермеры были переводимы изъ одной провинціи въ другую, это было бы весьма чувствительно для казны, такъ какъ оставленная провинція потеряла бы источникъ дохода, а слѣдов. и источникъ уплаты податей.

3.) Также слѣдуетъ еще упомянуть, запрещающую разгонять семейства канонъ; так. обр. то, что прежде относилось только на основаніи купества

справедливости и гуманности, теперь должно
гласиться на основании закона: если господин
хочет продавать рабов, то гласится продавец
справу уличу семью, не разведывая ее членов.

4.) В 367 г. при императорах Валентиниане
и Валенте вводится постановление, по которому
сельские рабы (*servi rustici*) запрещалось пе-
реводить и продавать отдельно отъ земли.
Этимъ завершёнъ былъ процессъ приращенія
къ землѣ земледельческихъ рабочихъ сиб.

Такъ обр. сдѣлалось то, что положение людей
рабскаго состоянія, послѣдняя на известность
участка земли господани въродство выгода
этимъ послѣднимъ, потому, путемъ выкупа
ства государственной власти, выданнаго фи-
скальными чинами; ~~это постановление~~ сдѣ-
лалось лучше и определенно точнее: они ста-
ли известной оброчъ. Впрочемъ, это гласилось
и для того, чтобы они правильно вносили пода-
ти. Такъ, что учреждение каноната явилось,
само собою разумеется, что число канониковъ,
людей водвысившихся на рабский положе-
ніе, увеличивалось. Въ число ихъ стали по-
ступать добровольно и другие лица и такъ обр.
они появлялись въ видѣ свободныхъ канониковъ
(*coloni liberi*). Эти послѣдніе могли воднимать
различныя образы. Многие рабы, канона, при-
крепленные къ землѣ, могли быть отпущены
господиномъ на волю на известнойъ усло-
віяхъ: они гласились примерами и потомки
ихъ оставались лично свободными. Въ послѣдствіи
и варвары могли быть поселены на известнойъ
землѣ, — что они будутъ жить не-
множко на отведенной имъ землѣ, обрабатывать

се, тяже повинности возмизу и государствен-
ный подушный и пошечный налоги. Кроме
канонов, происшедших отъ рабства, и свобод-
ные люди дали известный материалъ для об-
разованія сословія, которому суждена была
долгая будущность въ средние и новые вѣка
въ Западной Европѣ, и которому предназна-
чено было служить точкою отправления для
развитія другихъ явленій сословнаго и эконо-
мическаго характера.

Это объясненіе происхожденія крепостнаго
сословія можетъ служить и отвѣтомъ на во-
просъ, вследствие чего уничтожилось рабство
древняго міра. Древній міръ держался рабства.
Одинъ человекъ былъ слуга, одушевленной
совѣстностью Другаго. Обыкновенно уничто-
женіе рабства приписываютъ вліянію хри-
стіанства. Несомненно, что христіанство имѣ-
ло и въ этомъ смыслѣ благотворное вліяніе
на человечество, но, помимо этого — самое эконо-
мическое развитіе приводило къ уничтоже-
нію рабства, потому что трудъ свободной ока-
зывался болѣе выгоднымъ, чѣмъ трудъ рабскій.
Комонаты пераили свой образующій матеріалъ
изъ рабской среды: рабы много по малу возвы-
шались до помѣщенія крепостнаго, многие
рабы обращались въ каноновъ, хотя, правда,
оставалось еще значительное число адхрипті-
цевъ (приписанныхъ къ земной работѣ) и даже
одыкновенныхъ рабовъ. Въ этомъ уже великій
прегрессъ. Такъ, обр. по имѣнію Ротвертуса при
разрѣшеніи вопроса объ уничтоженіи рабства.
необходимо всегда имѣть въ виду канонаты, къ
промежуточную ступень между личною безправ-

ностью невольника и личного свободным полноправ-
ного индивида.

Нельзя, разумеется, не сказать, что привиле-
гированная теория происхождения колоната, раз-
витая так остроумно, остро и блестяще Рот-
бертусом, имеет свои слабые стороны: она
слишком проста, иногда парадоксальна и
потому естественно должна была вызвать воз-
ражения.

Против нее возражает Гейстерберг⁽¹⁾.
Возражения его не всегда справедливы, так как
он чересчур буквально понимает представле-
ние Ротбертуса о том, что на всю Италию рас-
пространилась область первого круга тирани-
ческого „isolierter Staat“, слишком узко широк
смысл слова принимать мнение Ротбертуса,
что величие великого города Рима, как огром-
ного центра сурового населения, почти по
всей Италии распространялась мелкая куль-
тура. Он доказывает это цитируя редкие
подтверждения, с которыми согласен и Виногра-
довъ („Пролет. феодальн. отн.“ стр. 63 и след.), но
которые не всегда основательны. Он говорит,
что интенсивная обработка огородов, вино-
градников, фруктовых садов встречается
в Италии только спорадически; большая же
часть страны была погублена латифундия-
ми, обращена в пустыню или пастбище.

Далее он восстает также против мнѣ-
ния Ротбертуса о том, что колонаты в большей

(1) Heisterbergk. „Ueber die Entstehung des Kolonats.“
(в журн. Zukunft „Historische Zeitschrift“ 1877.

ство случаев признать рабов. Для того, чтобы могло из рабов возникнуть новое сословие, доказывает Гейстербергъ, что во связи с этимъ развилась мелкая культура, видимо было прежде значительно увеличилось население. А вместе с темъ известно, что во Италии во I стол. по Р. Хр. все население и даже рабское, не увеличивалось, а скорее уменьшалось и колонаты развились собствен не такъ, какъ говоритъ Ротвертсъ. Замечание это, къ социальному, далеко не ясно. Но мнение Гейстерберга социальный материал для образования нового сословия дали свободные люди, которые покуда переходили въ колонаты и садились на земли богатей, такъ какъ потеряли свою. Однако тутъ ему представляется возражение, силу котораго онъ самъ заранее признаетъ. Возражение это состоитъ въ следующемъ: свободные люди, мелкие землевладельцы, изъ которыхъ образовался классъ колонатовъ, было недостаточно, по крайней мѣрѣ, въ Италии. Все это къ тому, что число мелкихъ землевладельцевъ все сокращалось и наконецъ восторжествовала крупная поземельная собственность. Откуда же вдругъ къ IV вѣку осталось такое большое количество свободныхъ людей, мелкихъ землевладельцевъ и земледельцевъ, что они могли дать материалъ къ образованию сословия крепостныхъ, на которыхъ держался экономический бытъ страны?

Гейстербергъ устраняетъ это возражение гипотезою, что первоначально колонаты развились не въ Италии, а въ провинціяхъ и именно въ такъ называемыхъ провинціяхъ, какъ Египетъ, Африка и отчасти Испанія, которыхъ даже дань

математическим. провинция эти главные
образцы земли илюстрацией. Римь кор-
мился привозимым оттуда хлебом. В
Этифе-то провинция владычества усиленного
производства хлеба и сосредоточилось очень
густое население. Это - то и важно для Гейс-
берга, это и составляет второй главный
пункт его теории. Если на провинции и рас-
пространился по удивительной Италии процесс
образования матифундий, то это происходило
потому, что эти провинции должны были по-
ставить много хлеба в Римь. Но при этом
мелкие землевладельцы не должны были быть
соединены с землей, на которой прежде си-
дели. Напротив, крупный поссessor, приобре-
тает участки, предпочитает оставить их
пустыми, потому что ему выгоднее было получить
за них дань хлеба, который потом от-
правился в Римь. Так г-н Гейсберг
полагает, что крупное хозяйство с при-
надлежностями труда рабскими руками и с пре-
обладанием, как в Италии скотоводства,
которое было гораздо выгоднее на матифун-
диях, чем хлебопашество, не могли развить-
ся в хлебопашеских провинциях (это пред-
положение мое, что говорит Ротбертус), так
как тогда было именно спрос на хлеб, ко-
торый платился и подати и который на-
сами отправлялся в Римь. И этот харак-
тер податных установлений по отношению
к этим провинциям повел к тому, что
поссessorам выгодно было оставить на участ-
ках прежнее фермерство (как у нас по-
сле войны Англии и Шотландии) обязав их

вноситъ извѣстное количество хлеба (аннона), къ
оброку посессору.

Так. обр. главное два пункта въ теоріи Гейс-
терберга ~~даже~~ то, что Италия вовсе не перешла въ
это время къ мелкой садовой культурѣ, и что
колониаты развились не въ Италии, а въ провин-
ціяхъ, причемъ спеціальной матеріалъ для обра-
зованія сословія доставляли не раба, а свобод-
ные люди, предвѣніе мелкихъ Землевладѣльцевъ,
оставленныхъ крупными посессорами на куп-
ленную у нихъ участка въ качествѣ арен-
даторовъ, мало по малу переходящихъ въ зави-
симое положеніе и прикрѣпленныхъ къ зем-
лѣ. Итакъ по мнѣнію Гейстерберга коло-
наты представляли не прогрессъ, а шагъ на-
задъ въ социальномъ развитіи ремесленства.
Возраженія и замѣтки Гейстерберга, впро-
чемъ, не всегда справедливы и основательны.

Вспомъ этотъ разсужденіе нанесетъ боль-
шой ударъ въ 1880 году открытіемъ мало-
известнаго памятника въ северной Африкѣ—
надписи Salutis Vicinitatis, памятника
настолько важнаго, что о немъ высказались сами
коммиссары, высказавши въ своей статистикѣ объ
этой надписи совершенно иное мнѣніе о про-
исхожденіи колоната. Упомянутой сущности
этой надписи по письму французскаго кон-
сула Фиссо, помѣщенному въ журналѣ изд. бол-
онскихъ Народною Академіею Кларк.^(*)

(*) Académie des inscriptions et belles lettres. Comptes rendus. 1880. Bulletin de Janvier—Février—Mars.—Lettre de M. Ch. Tissot, à M. E. Defardins

Несмотря на недостающую лоску и на трудность чтения, пишет Жиссо, общий смысл надписи несомненно и дает возможность представить себе обстоятельства, при которых надпись была начертана. Первая часть документа воспроизводит очевидно текст жалоб, обращенной к императору Коммоду (сын Марка Аврелия, царств. 180-192 г. по Р.Х.) колониим императорского дома, название которого находится на 12 строке второго столбца надписи *Salvus Virunianus*. Так обр. мы видим упоминание об императорских колониах, относящееся к концу II^{го} века. Колония этого имени упоминается на Эпографическом, в котором оказался виновным один из подчиненных чиновников, кондуктор Юлий Максим. Под именем кондуктора нужно разуметь фермера (fermier), откупщика, сборщика повинностей. Колония протестует против несправедливых сборов, которые взимаются с нее вот уже много лет (per tot retro annos). Они направлены противопоставлены этим беззаконным требованиям постановлений и указов императоров (*instantibus ac supplicantibus nostraeque divinae subscriptionem adlegantibus*). Но вот и несправедливые протесты и отвращают только принудительными мерами: их арестовывают и заключают в тюрьмы, и убивают: надъ ударами палок и разоръ, въ которыхъ и въ нѣхъ римскіе граждане; и воен-

Sur la découverte d'un texte épigraphique. Table de Souk-el-Khmis (Afrique sur la route de Carthage à Boulla Regia). Es fac simile nagruen.

нах ввасно только поддерживаемо ему *Quorumque*
Missis militibus... adprehendi et vexari....
nonnullos etiam cives romanos verberes et fustibus
affligi iussit). Почему-то эпохи второго столетия,
к несчастью очень испорченные, говорили о друзьях
еще припадении, обозначенном словом, кото-
рое объяснено ниже. Императорские законы на-
мечены на Баруиния (*Barbaria*), которая со мною
требуется без всякого права и даже вопреки
интересам государственного духа (*contra*
fas atque in perniciem rationum humanarum). Это
обвинение, как увидим, самое важное.

Мак. обр. италийцев вставать к божествен-
ному покровителю императора. Они про-
сят его заступиться за них, чтобы право на-
казания реформации, дарованное им законом
Agriana впредь и ныне не отменялось (*Idcirco*
rogamus, Sanctissime imperator, ut capite legis tra-
dianae, quod supra scriptum est, ademptum sit...
et eo sine ulla contraversia), и чтобы откупщики,
опереры (*conductores*) не пренебрегали себя вав-
ше права правосудия угнетая канувших
и время баричинного труда (*Tus etiam... con-*
ductori adversus colonos ampliandi partes aggra-
rias... operariorum prohibitionum). Они требуют
одним словом, чтобы, сообразно писанию
прокураторов, согласующих в архивах
указного управления в Карагест, они не обя-
заны были выполнять больше, как по указу баричи-
на в годъ двух наком, наком и двух (Et,
ut se habent litterae procuratorum, quae sunt in
titulario tuo tractus Karthaginenses, non amplius
annuas, quam binas aratorias, binas sartorias,
binas messorias operas) *Deute nođkpacqaeťe moine.*

Четвертый и последний столбец заключает вторую часть документа, т. е. моту, принятого императорскою властью, чтобы удовлетворить эти справедливые исчисления. Во главе стоит письмо Коммода к прокураторам, в котором он запрещает им требовать от колоннов, вопреки действующим постановлениям, больше шести барцинов в год.

Документ этот чрезвычайно важен. И особенно важно в нем упоминание о колоннах еще во времена Адриана, которые находились еще в зависимости помещиков; эти зависимые помещики пользовались поставленным над ними низшим геновником — сборщиками податей (*conduictores*), чтобы вопреки законным нормам для легализовать на них податей и повинностей, определенных еще при Адриане, налагать на них несправедливое, предвзятое побор. Из этой новой надписи видно, что и на императорских поместьях поселены были для обработки много свободное, но обладающее крестьяне, в числе которых находились и римские граждане, которые назывались колоннами.

Французские ученые чрезвычайно обрадовались этому новому документу, с торжеством доказывая, что многие различные помещичьи исследования — Ботбертуса, Гейстерберга, Савиньи и др. только измышления и фантазии, что сущность вопроса о происхождении колонн сводится к тому, что доказывали прекрасные французские исследователи Виллонь (*"L'histoire de l'esclavage dans l'antiquité"*, 3 vol.), Лакерберг: колонны существо-

воле в Риме издавна, в него входили и свободные люди, и крестьяне, и учреждения. Это существовало постоянно. ^(x)

Но в эт том же журнале „Hermes“ (1880) появилась статья ученого, имя которого представлять бесполезно первой авторитетом во всем, что касается внутренней истории Рима, статья знаменитого Теодора Моммзен, который опровергнул притязания французских ученых и высказал свою новую теорию. ^(xx)

„Колонаты, — говорит Моммзен, — т. е. мелкая крестьянская аренда, такие стара, как Италия и является существенно однородной во времена Рима и во времена короля Гумберта. Это явление обуславливается с одной стороны экономическими помоями Италии, способных обработки полей, особенно виноградом и масличными, которыми более удобна мелкая культура, — с другой стороны тем фактом, что при мелкой культуре труд свободный является более прибыльным, чем труд

^(x) Esmein в статье „Les colons du salus Burundanus“ (Journ. des Savants, 1880 Novembre) доказывает, что в этом документе является уже настоящие колонаты — крепостные в подлинном смысле слова — которое, несмотря на барщину и принятие всяких не оставляющих своих участков, к которым они прочно прикреплены.

^(xx) Теория эта, впрочем, оспаривается некоторыми. См. напр. Heisterberg — Паулиха против Моммзена в Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1881. 2. Heft Jahrgang XXXVII. Zumal die Worte Моммзена: „Decret des Commodus“.

рабский. Никто из тех, кому доступны истин-
 ные источники познания римской жизни — на-
 писатели и надписи, — не станет требовать дока-
 зательств для утверждений того, что эти есте-
 ственные условия имели значение во все време-
 на, а также и в эпоху римской империи. При-
 ведены примеры: надгробная надпись уродливого
 М. Алфена Аттика (M. Alfenus Atticus), владевшего
 colonus fundi Tironiani, quem coluit ann. ~~IV~~ и
 его жена (colona), ~~которая — отсюда —~~ Familia
 Tironianensis, т. е. работники этой крестьянской
 семьи, воздвигают ^(или) надгробный (I. N. 5505); дру-
 гая надпись — C. Vergilius Martianus, colonus ag-
 ri Caeciliae et uxoris eius. Anulena Ceita, colona
 agri [supra] [scripti] annorum LXX (Orelli 4644); да-
 лее приведены надписи Рутулянского крестьяни-
 на Аппария Феликса (Apparius Felix) — coluit
 ann. LXXIII (I. N. 2901) и Кв. Инстия Диодумена (Qu.
 Instius Diadumenus) — coluit ann. LXV (I. N. 2524)
 последние надписи относятся к 176 г. по Р. А.
 Это были свободные временные арендаторы,
 но что самым определенным образом ука-
 зывает число годов прожития аренды, выстав-
 ленное бездв., что упоминается о ней; они дости-
 ги в этом намерении известного благосо-
 стояния, о чем свидетельствует свирати,
 приложенный к первой и третьей надписи
 и самый надгробный надписи. Редкость годов-
 ных надписей советский не является свиде-
 тель редкости колонов. Аренда не была та-
 ким жизненным призванием, каково при-
 звание врача или плотника например; а в
 надгробных надписях из ^{области} частной жизни
 упоминается лишь о постоянном, продолжатель-

целая вся жизнь земледельца. Потому-то и слово "солоний" коротко, без пометки партии не употребляется в надгробных надписях, а ~~то~~ к нему всегда присоединяется число годов аренды, всегда значительное, вследствие чего положение фактически становится призраком всей жизни. На основании этих немногих надписей, что, впрочем, подтверждается и всеми другими изысканиями, можно скорее заключить, что значительная часть населения Италии и римского мира вообще еще во времена империи состояла из арендаторов.

Изменения, совершившиеся со временем в обязанности распределения земельной собственности, как глубоко они ни проникли, не коснулись канона в том отношении, что он, как был, так и остался преобладающей формой римского хозяйства, несмотря на то, что не мог не быть отвергнут факт поражения канона этими изменениями в отношении распространения. Крайнее дробление земельной собственности естественно исключает канона в смысле того, что владельцы мелкого земельного участка не имеют возможности извлечь из него и своего дохода. Факт постепенного исчезновения мелких земельных собственников среди римских земледельцев, напротив, повлек за собой увеличение числа арендаторов. Среднее и крупное землевладение совершенно со канонами: владельцы, нарабатывая в надгробных условиях очень часто взимали ренту с земли при помощи канона. Существует однако иная форма землевладения, исключая канона: это обработка полей под присмотром

управляющего (villicus) посредством рабов (familia rustica) и системы наследственного хозяйства, которое ведется при помощи самуариев.

Итак, хоть крупное землевладение принимало одну из двух форм, оно влекло за собою значительное сокращение крестьянского хозяйства, являлись ли последние в виде мелкого землевладения, или же мелкой аренды. Но далее ограничений канона в отношении его распространения, сокращение не было ни в Италии, ни в провинциях. Это все касается вопроса о том, в какой мере одна форма предшествовала, какими изменениями она подвергалась в различные времена и в различных местностях, — все это должно быть предметом особые исследований. — Декрет Коммода чрезвычайно интересен в том отношении, что принимает новый взгляд на экономические условия страны в ту эпоху и на состояние государственной власти в Африке.

Вопрос, возбуждаемый историей канона, продолжается, остается незакрытым. Я подразделяю вопрос об обращении канона в крепостничество. Без сомнения, фактическая зависимость от земледельца издавна была одной из существенных черт канона; с этим приходится в связи и уже выше нами указанный факт отсутствия крупных арендаторов в числе канона. Но всей вероятности в такой можно отношении, в каких в наше время итальянский *contadino*, пресыщенный, выжимающий виноград и продающий хлеб для своего господина или маркиза, стоит к нему, в отдаленный времена

арендаторъ стоялъ къ своему помѣщику. Часто въ то время сюда присоединилась отноше-
ние военноотпущенниковъ, еще болѣе увеличи-
ваясь зависимость.

Несмотря на это глубокая пропасть от-
дѣляетъ помѣщеніе крестьянъ отъ юридическа-
го помѣщенія поземельнаго закона, который
при личной свободѣ и правоспособности при-
крѣпленъ къ участку земли и по наследству
передаетъ это все помѣщеніе своимъ потомкамъ.

Нельзя не найти въ заглавіи, равнымъ по свое-
му значенію заглавію представлять истинный
смыслъ колоната, такъ какъ разрушеніе древ-
ней римской общественной жизни совпадаетъ
съ упадкомъ полной личной свободѣ низшихъ
классовъ римскаго гражданства. Но нельзя не на-
йти въ вопросѣ, равнымъ этому по трудности
величественнаго отсутствія общаго свѣдѣтельства
и крайней сомнительности примененій индук-
тивныхъ выводовъ, особенно въ этой области.^(*)

Хотя настоящее исследование и не обвѣдено
этими вопросами, да будетъ намъ позволено
повторить то, что уже было указано выше, а
именно, что оно выходитъ за предѣлы вопроса ко-
лоната и касается вопроса о томъ, когда и
гдѣ въ имперіи, среди низшихъ чиновниковъ, вой-
ска, декуріоновъ, вообще во всякомъ родѣхъ услугъ,

(*) Этого замѣтка Момицена, сформулированного имперо-
ромъ, обидѣлся Сенека и только выразился о
великомъ грѣшномъ, говоря, что люди, кромѣ къ собою
лишь немногихъ много знаютъ римское право, а
закономъ придано имъ мало значенія, ко-
нечно, легко доходятъ до неверныхъ выводовъ.

оказываемых обществу прямо или косвенно людьми непривилегированных сословий, добровольный или хотя ограниченный сроком трудъ быть возмещенъ настоящей и наследственной обязанностью. Этотъ принципъ глубоко противоречитъ духу живаго римскаго права, но онъ лежъ въ основу системы, достигнувшей развитія въ Византии и замещавшей у ней свое мѣсто. — Я не беру въ отвѣтъ на вопросъ, удастся ли проследить весь процессъ роста этого новаго порядка: онъ до того противоречитъ римскому духу, что можно съ уверенностью утверждать, что первый толчокъ ему былъ данъ извнѣ; можетъ быть во время германскихъ гегитерій на римской почвѣ при императорѣ Маркѣ Авреліи. Сила германскаго крепостническаго (Hörigkeit) утѣши на благодатную почву и распространилась далеко за первоначальное свои предѣлы.

Такъ обр. и этотъ великій ученый, отъ котораго мы скоро, вѣроятно, узнаемъ отъ кого бы то ни было могли бы ожидать рѣшенія этого важнаго вопроса, отказывается произвести окончательное рѣшеніе о колонатахъ; онъ только отмѣчаетъ различные ступени развитія этого учрежденія, указываетъ, что свободное каменное существованіе подавлено, а прикрѣплены къ землѣ они стали гораздо позднее уже послѣ утвержденія первыхъ германскихъ поселеній на римской почвѣ (послѣ маркоманнской войны), можетъ быть въ связи съ ними и подъ ихъ вліяніемъ.

Упомянутыми взглядами различныхъ ученыхъ мы должны ограничиться въ разсмотрѣ-

нии еще далеко первого вопроса о происхождении и значении канона. Будет надглаголюемо, что этот в высшей степени важный вопрос будет разрешен Моммсеном в сопоставительных исследованиях появления его канонического труда, которые будут занимать историю императорского Дина. Но к великому несчастью для науки, как известно, этой надежды не так то скоро суждено осуществиться: труд великого историка далеко еще от конца; такой добросовестный ученый никогда не решится выпустить в свет поспешно обработанного, не подвергнутого самой широкой критике, самой тщательной обработке материала, да притом еще уже приоткрытого к печати части рукописи сгоревшей во время пожара библиотеки Моммсена.

5. Преемники Константина. Юлианъ. Порождение христианства.

Ознакомившись с изданными, совершившимися в системе управления Римской империи при Диоклетианом и Константином в социальном строе римского общества, оставшимся еще немного на характеристике новой силы, вступающей в мир — христианской церкви и христианской цивилизации. Немалая часть истории посвящена самым трудным и важным вопросам борьбы атеизма с христианством во время Диоклетиана, а также историю обращения Константина и не забудем, а обратимся прямо ко времени после Миланского эдикта, установившего наше внимание.

на ростъ христіанской церкви, на процесъ приоб-
рѣтенія церковною іерархіею политическихъ правъ.
Въ IV в. уже приобретаетъ значеніе эта новая/ва-
растающая сила, которая отбираетъ у рим-
скаго государства много функций: епископы на-
мѣчаютъ гражданскіе, судебныя и администра-
тивныя права, христіанская церковь захватыва-
етъ эту важную сторону управленія, и рим-
ское государство, какъ бы предчувствуя близкое
паденіе, торопится передать молодѣющей, нарожда-
ющейся силѣ власть, которая становится уже
для него тѣлесна. Христіанская церковь прини-
маетъ отъ имперіи верховныя права, и отбѣснѣ-
тельно въ мрачное вѣка варварства является
единственною хранительницею традицій погиб-
шаго античнаго міра.

Въ 313 г. знаменитый Миланскій эдик-
тъ Константина Великаго была призна-
на равноправность (paritas) обоихъ религій-
языческой и христіанской; христіанская ве-
ра не считалась (какъ некогда считалась въ
которое) господствующею религіею имперіи, но
по ~~имперіи~~ была вычеркнута изъ списка противу-
законныхъ сектъ. — Побужденій, по которымъ
императоръ рѣшился на эту важную государ-
ственную мѣру, остались до сихъ поръ не впол-
нѣ ясны. Отчасти въ немъ, можетъ быть,
проявлялось убѣжденіе въ превосходствѣ новой
веры надъ старой, но главное, вѣроятно все-
му, можно отнести на долю политическаго разче-
та государственнаго челоѣка. Онъ думалъ,
что христіанская община, въ которую всту-
пали наиболѣе энергичные люди, въ силу своей
организации можетъ считаться подвижной

разлагающейся монархии. Из борьбы с римскими государствами при Диоклетиане христианство вышло победителем, и Константин понял, что нужно было примириться с ним, переманить его на сторону государства, что римские христиане далеко не составили еще большинства населения империи (на Востокѣ около $\frac{1}{3}$, на Западѣ только около $\frac{1}{10}$ населения было христианами), и все-таки были слишкомъ ценъ сильны для того, чтобы слабому государству могло ихъ сокрушить, и Константинъ стремился сознательно вставить христианство въ государственную политику, ставъ во главѣ его и воспользовавшись имъ, къ оружію, для укрѣпленія власти.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, не вполне разрѣшенъ въ наукѣ.^(*) Разсмотрѣніе его представляетъ серьезные трудности. Немогихъ мало, да и тѣхъ, которые есть, мало надежныхъ: напр. церковный историкъ Евлевій Несторъ-Сарійскій и латинскій греческій писатель-Зосимъ (живъ въ V вѣкѣ) каждаго съ своей точки зрѣнія не безпристрастно, и сообщаютъ самыя разные.

(*) Какъ пособіе для изученія этого періода можно указать на книгу Рихтера: „Das weströmische Reich“. Совсѣнно для времени Константина классическое сочиненіе Бурхардта: *J. Burckhardt, die Zeit Constantins des Grossen. Zweite Auflage 1880*; вопросъ о примѣнахъ одрацизма К-а къ христианству разбирается въ статьѣ Бривера (Brügger. Constantin der Gr. als Religionspolitiker: *Zeitschrift für Kirchengesch.* 17, 2. 1880). О германизмѣ насмѣливается сочиненіи см. въ рецензіи Толстова: *Константиновское ученіе 1881, Сентябрь*.

свогданий. Такаъ Зосимъ говоритъ, что Константинъ
принимъ христианство только въ видѣ отвраще-
ннѣхъ угрозъ и совѣсти, которыя мучили его по-
ложь его страшная злодѣяній и убійствъ. Асирі-
скіе иерее, къ которымъ онъ будто бы обращал-
ся, объявили ему, что у нихъ нѣтъ очиститель-
ныхъ обрядовъ, способныхъ замазывать такіе стра-
шныя злодѣянія (въ парадѣвотат каѣхрѣой трѣнос,
въ оѣрѣхрѣата тѣкаѣта каѣхрѣа въ аѣрѣхрѣос); но адимъ
Есимѣянинъ посылъ объявленіе, что христианское
крещеніе считается достаточнымъ для очище-
нія отъ всякихъ грѣховъ. Но это неутѣительно:
Иерее Мисаръ, къ которому онъ былъ долго
преданъ, прекрасно могъ очистить его при по-
мощи своихъ магическихъ и суровыхъ бо успокоитъ
его нравственныхъ муки.

Но если Константинъ признаетъ, что послѣ об-
ращенія въ христианство онъ будетъ въ состояніи
надъ цѣлѣмъ, и что церковь поддержитъ государ-
ство, то онъ жестоко ошибся. Вскорѣ оказа-
лось, что и въ имперіи самого христианства на-
чались волненія и раздоры, появились расколы,
возмущавшіе и церковь и государство, всту-
пившее въ союзъ съ ними. Новое ученіе объ есте-
ствѣ Сына Божіа, Аріанское ученіе, такъ долго
со собою вело цѣль того времени, что по свиде-
тельству Григорія Навіанкина вездѣ только
и слышны были разсужденія и споры объ От-
цѣ и Сынѣ. „На улицахъ и рынкахъ, говоритъ
Григорій, и мѣлочныя торговцы и у мѣлочны-
хъ вездѣ одна тема. Я говорю: раздѣляй мнѣ эту
серебряную монету, и вотъ слышу въ отвѣтъ
назиданіе объ отличіи между Отцомъ и Сыномъ.
Спрашиваю о цѣнѣ флорѣ — слышу въ отвѣтъ

ствъ, что Сынъ менше, ниже, чѣмъ Отецъ. Я могу
знать, приготовлена ли баня, сурьимъ объяс-
няютъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего. — Этотъ
раздоръ, эти споры, занимавшие умы христіанъ
всего восточнаго міра и особенно Грековъ, по-
могали всю энергію обогать партій и сдѣла-
ли дурной рекомендаціей для христіанства
въ массахъ язычниковъ.

Преемникъ Константина, императоръ Ко-
нстанцій сталъ на сторону Аріанъ. После него
вступается на престолъ знаменитый Юліанъ,
котораго христіанскіе писатели прозвали от-
ступникомъ (Апостатомъ). Есть люди въ исто-
ріи, о которыхъ никогда не устаешь писать и
говорить; какъ бы хорошо ни была известна
ихъ жизнь и дѣятельность, всетаки всегда хо-
чется еще болѣе выиснуть въ нихъ, чтобы еще
лучше ихъ знать и понимать. Императоръ
Юліанъ принадлежитъ къ числу такихъ ин-
тересныхъ личностей. Уже цѣлые вѣка сожа-
лѣли о томъ предметѣ раздора для историковъ
различныхъ лагерей, и всетаки до самаго послед-
няго времени появляются новыя сочиненія о
немъ.

Подробно останавливаться на его царство-
ваніи, кратковременнаго, но полнаго жизни
и глубокаго интереса, мы не будемъ, огра-
ничившись только въсхлибкими намеками, а по-
можемъ отослать къ многосленнымъ по-
сѣдамъ, изъ которыхъ назовемъ слѣдующія:

1) Adrien Naville. „Julien l'Apostat et sa philo-
sophie ou polythéisme.“ 1876.

2) Rhade. „Geschichte der Reaction Kaiser Juli-
ans.“ Jena, 1877.

3.) Sievers. „Das Leben des Libanius.“

4.) Чужие названия конумен: Richler. „Das weströmische Reich“

5.) Emmanuel Gaston Boissier: „L'empereur Julien“ (*Revue des Deux Mondes*, 1880, Juillet), весьма содержательная и прекрасно написанная.

Из всего семейства Константина Великого одним Юлианом, именем сына, каким то случалось им, как говорится, заступничеством императрицы избавился печальной участи остальных своих родственников, умерщвленных по приказанию Констанция. Заточен он пролежал около 20 лет, мучимый смертельными болезнями за свою безопасность, то задерживавший в мучительного пытки замка, то посвященный на неслыханное дело права выкупа в какой нибудь больший город империи, постоянно подверженный и угрожавший недоброжелательным и славным государством, который не мог противиться ни убить его, ни представить ему милость его койкой. Тогда забывает, он погружен в науку и в ней ищет утешения в несчастии. Воспитанный в языках, в христианских добродетелях Юлиан тем не менее не чувствовал никакого расположения к христианству. Еще при жизни Констанция он был назначен Цезарем Юлианом и прославился тем рядом успешных действий против варваров. Аламаннов (битва при Аренторах) и значительными военными напорами в южной провинции, о которых мы раньше упоминали. Страстно приверженный к нему легионы проводили его Августом, и он готовился уже к доброй судьбе Констанция, когда этот последний своей смертью,

оставил Юлиана единственным наследником, избавив его от кровопролития. Император Марцианов, который хорошо знал его (ибо сопровождал его во персидском походе), говорил, что с самых ранних лет Юлиан увлекался кувшином богов. Малолетство его было счастливо, даровитым и впечатлительным. Содержание при дворе и во особенностях хвоста небесного всегда трогало его до глубины души. Отсюда позднее быть и зародилась в нем горячая симпатия к религии, которая так хорошо понимала природу, и которая поклоняется ей видением ее обожествленных сил. „С самого детства, говорит сам Юлиан, я поучивался страстному любови к чудам божественного света. И не только чувствую потребность свои взоры к зариному свету, но и во ясные ночи, я все покидаю, чтобы идти любоваться небесными красками: погруженный в это содержание, я не слышал того, что меня говорили, я почти терял сознание.“ По всей вероятности эти первые восторженные увлечения личности поддерживались к тому же и любовью к окружающим его близким людям.

Ему дано было греческое образование, которое со времени Антонинов господствовало во всем мире империи римского общества и поработило умы подданных Греков. Юлиан проникся восторженным удивлением к античной науке, он с увлечением считывался Платоном и другими великими писателями Греции, его благородная, даровитая натура вполне усвоила античный дух, его ум поклонился славе античного гения. Юлиан так же сжился

съ греческими идеями, что съ гордостю называлъ себя диминиомъ; весь его симпатіи слились съ Востокомъ, о Западѣ онъ мало думалъ, римскую латинскую литературу почти презиралъ или во всякомъ случаѣ игнорировалъ. Такъ о.р. Юліанъ не отгораживался отъ національной исключительности и толкалъ отъ себя весь Западъ, который не выразилъ никакого сочувствія его попыткамъ возстановленія поминутна, хотя толпы было и много язычниковъ. Великое слово диминизма, которымъ Юліанъ такъ гордился, обмануло его надежды. Онъ смотритъ на него, какъ на неподвижную силу, которая должна дать ему победу; а оно, можетъ быть, оказалося одною изъ причинъ его поражения.

Этотъ предрасудокъ національной гордости царствовалъ въ особенн. въ иконоархъ греческихъ учителей, и особенно въ величественн. учителяхъ подъ именемъ софистовъ. Образование, которое давалось въ этихъ иконоархъ, оставалось чисто языческимъ; и въ этихъ иконоархъ, подъ влияніемъ заморскихъ учителей, какъ Олимпиодоръ и особенно Либаний, былъ издѣланъ и высокій, и ревностной язычникъ, завершившій обращеніе Юліана въ старому крѣпости. Если Греки-лучше люди, такъ въпрямь, говорятъ онъ себѣ, неужели же дозрѣвъ миръ предпочесть грубую и рабскую волю христианъ или Тамилей (какъ онъ ихъ всегда пренебрежительно называлъ) въ ирѣ Мавроновъ и Лукою. — Греческое образование того времени начиналось обыкновенно съ риторики, т. е. съ изученія ораторскаго искусства и знакомства съ литературой и заканчивалось философіей, которая въ этому времени

приняла, какъ известно, таинственно мистиче-
ский характеръ, орошаясь въ молитво, молитва и
религіи и только еще больше привлекала серд-
ца. Юліанъ прошел сначала полный курсъ
реторики у лучшего учителя, Либа́нія. Кон-
станцій, отправивъ его въ Никомерию, взявъ съ
него слово — онъ не смирится — то вопиетъ въ некре-
пость исповѣданія христіанства со стороны
Юліана — что онъ не будетъ видѣться съ Либа-
ніемъ, не будетъ посещать его публичныхъ лек-
цій. Юліанъ формально сдержалъ слово — онъ не
явился на лекціи, но пославъ друзей, которые
тихательно записывали ихъ, приносилъ молоддо-
му принцу, и онъ съ увлеченіемъ погружался
въ изученіе греческой литературы. Потомъ онъ
перешелъ къ философскимъ занятіямъ и вы-
несъ изъ нихъ полное отреченіе отъ христіан-
ства, если только онъ былъ когда ниб. хоть
отчасти преданъ ему. Отъ философовъ того
времени, главн. обр. отъ Максима Ефесскаго,
узнавъ онъ тайное ученіе неоплатониковъ,
искусство узнавать будущее и приближаться къ
богамъ при помощи молитвы и экстаза.
Когда Максимъ увидѣлъ, что Юліанъ вполне
подался парамъ новаго мистическаго пи-
тательства, онъ, чтобы закончить его обращеніе,
поручилъ это дорогое дѣло другу философіи, какъ
его называли, Еввзунскому іерофанту, кото-
рый посветилъ его въ таинства. Это было
какое бы крещеніе вновь обращеннаго. Изъ фи-
лософскихъ занятій Юліанъ выработалъ свое
образное религіозное міровоззрѣніе.

Вотъ все, что мы знаемъ о томъ, какъ совер-
шилось обращеніе Юліана къ язычеству. Оно не

было случайным ударом, который сразу по-
 неет человека. Оно совершалось медленно, по-
 степенно, и не могло восстановить всех его
 ступени. Очень вероятно, что он в сердце от са-
 мого раннего возраста носил инстинктив-
 ную симпатию к старой вере; гордость его,
 как Грека, ублажала его в том, что боги, ко-
 торыми Греция так долго поклонялась, нечи-
 ные боги. Он еще ближе приблизился к ним,
 когда слушал уроки мучимых ритором, когда
 читал мучимых произведений греческой литера-
 туры. Но все согласно, что занятие философией
 завершило его религиозное воспитание, утвер-
 дило в его уме твердое решение возродить и
 восстановить эллинизм. Самое преподавание,
 самый характер философии отвечал извеш-
 ной потребности его души, которой не могло
 удовлетворить христианство. Это преподава-
 ние состояло не только в сухой метафизике,
 в сущности так называемых расхождений и сущности
 метаний, способных захватить голову; оно
 обещало научить средствам сближения с божес-
 твом, приблизиться к нему, или приблизить
 его к себе, услышать его голос в шепоте
 или в громе, узнать от него самого
 его природу и его волю. Вот чего Юлиан не
 находил в христианстве; его догматы
 казались ложными, а многие души не могли
 обойтись без казнь откровений и экстаза. Во-
 истину причина возмущения многих инфе-
 ресов сего в недрах самого христианства.
 Также потребность толкнула Юлиана в объ-
 ем Максима афесского и его друзей. — Многие
 (в асф. философии XVIII в.) очень ошибаются в

мотивахъ его обращенія въ явнство. На этомъ
оказъ смотрятъ, какъ на ревизию здраваго
смысла противъ крайностей суетности. Ничего
подобнаго: гораздо больше было суетности обра-
довъ въ ученіи Юліана, чѣмъ въ христіанствѣ,
и если онъ предпочитъ явнство, то это вовсе не
оттого, что ненавидитъ сверхъестественное, но
напротивъ оттого, что находитъ слишкомъ
мало сверхъестественнаго въ христіанствѣ.

Юліанъ, говорилъ, никогда не былъ искрен-
нымъ христіаниномъ; а необходимость впро-
долженіе до мѣтъ скрывать свои убѣжденія
еще болѣе вооружила его противъ новой вѣры.
При христіанскомъ дворѣ онъ не выдѣлъ ничего,
чтобы оправдывало обличенія на притѣсненіе
заиматаго вѣха, которое производило христіан-
ство. Онъ видитъ только жестокости, тучи
крови, тучи лодовъ. Но что всего болѣе возста-
новило его противъ христіанства, — это то, что
оно было религіей его притѣснителей; оно на-
лагало на него убійство его семейства, оно
было для него симилою рабства. Юліанъ
напротивъ представлялъ ему религію сво-
боды. Христіанство симиловало для него съ во-
споминаніемъ о самозвѣщаніи подаръ его
тотности, и онъ всегда помнилъ, что погрудъ уни-
женій и горестей явнство явнство ему утѣ-
шеній и освобожденій.

Вотъ какія свободныя причина подготовили
мировобраніе, закалили рѣшимость, воспита-
ли вѣрастность помысливъ восстанова-
твенъ явнства, какъ государственной и господ-
ствующей религіи имперіи.

Познакомивъ съ сущностью философіко-рели-

гической теории Юлиана можно изъ сопоставившей
ей отрывковъ его собственнаго обширнаго и ин-
тереснаго сочиненія противъ христіанства
и многого его прочей и писемъ.^(*)

Чтение Юлиана лучше всего восстанавливаетъ
Навиги. Познакомившись съ нимъ въ свѣтъ сер-
маговъ.

Четвертымъ богомъ Юлиана — Солнце. Оно — принципъ
жизни. Всей природы. Оно производитъ и даетъ
жизнь всему на земли. Планеты на небѣ ре-
гулируютъ свое движеніе въ его движеніи и
все небо полно боговъ, которые обязаны ему ро-
жденіемъ. Но солнце, которому поклоняется
Юлианъ, не матеріальное, видимое солнце.
Это послѣднее есть только отбрасываніе дру-
гаго, высшаго солнца, нарождающагося въ нѣмъ
нашего зрѣнія, которое освѣщаетъ въ высшемъ
миръ невидимое родъ мыслящихъ боговъ. Вся
видимая вселенная есть отбрасываніе, тѣнь
этого высшаго міра. Въ немъ также есть солн-
це, центральный принципъ, отъ котораго му-
нами исходятъ гармоніи и проникается подли-
нное принципомъ. Назовемъ это высшее солн-
це, говоритъ Юлианъ, Идеею всего существую-
щаго, мыслящаго, чувствующаго, или Единымъ, или,
какъ называетъ Платонъ, Благомъ. Этотъ
высшій міръ есть міръ абсолютной истины,
царство первичныхъ принциповъ и причинъ.
Видимый міръ происходитъ отъ него и орга-

^(*) "Juliani opera, quae supersunt." recensuit Hert-
lein. Lipsiae 1875, очень доступное изданіе, сфото-
графированное въ составъ Bibliotheca Scriptorum Graecorum
Teubneriana (Teubner).

существует по его образу; но не непосредственно. Между двумя мирами - низшимъ чувственнымъ и высшимъ интеллектуальнымъ - идеальнымъ (νοῦς), которые слишком далеко и далеко друг от друга, чтобы соприкасаться, существует третий посредствующий идеальный (νοερός) мир. Мир идеальный есть отображение мира идеального, а самый идеальный образует для мира чувственного, который так. обр. является идеальным вторичным отображением абсолютного бытия. Так. обр. учение Флотиона, как таковое, есть александрийская доктрина, тройственное. Его триада состоит из идеального мира, идеального мира и чувственного мира. Каждому соответствует особенное солнце. Солнце мира идеального - Единое Благо - составляет для Флотиона главный предмет философских спекуляций ума, но оно слишком непостижимо, чтобы можно было к нему приближаться. Солнце чувственного мира слишком материально, чтобы ему поклоняться. Поэтому Флотион направляет свое поклонение к центральному богу среднего мира и его почитает под именем Царя Солнца, посредника, при помощи которого благо и истина проникают из высшего мира в низший.

Так. обр. мы видим, что религия Флотиона построена на прочном основании и в нее всегда разнообразное содержание. Несомненно, той ее сущности, самой древней и народный греческий культ Солнца, и потому она представляет соединение неоплатонизма, позднейшего учения о Логосе с восточными ми-

оранстическими учениями. Это было поистинно великое, предприятие, вполне достойное гениального и сильного ума Юлиана, но осуществлялась эта религиозная реформа не могла никак, на то было много причин, кривизна в самой сущности учения.

Когда посмотрим внимательно на это учение и сравним дело Юлиана с работою, которую совершила в то время христианская теология, немедленно заметим недостатки, обусловившие неудачу попытки.

Во-первых, учение Юлиана было слишком земно, отвлеченно, непонятно для того, чтобы оно могло стать народной религией. Сам Юлианъ считался, что его религия может понять только избранный круг. А христианство не признавало этих аристократических различий. Оно вскипало проповедывало одно Евангелие.

Во-вторых, все прекраснейшие теории, которыми Юлианъ разбивает — только спекуляции отвлеченного ума, с которыми можно согласиться или не согласиться, а не догматы, которые легко верить или не верить.

Далее трудно было, чтобы его учение, составившееся из столкновений разнообразных элементов, образовало единое учение. Оно впадало в ту же ошибку, что и предшествовавшие философско-богословские теории, означившие тонкими аналитическими толкованиями возвысить народное учение и примирить их многобожие с единобожием образованных людей.

Все это были великие заблуждения, которые усугубили сильную попытку на гибель, на поражение от более могущественного и более соот-

вотствовавшего времени, были удовлетворивша-
го или чужды христианской Церкви. Но Юлианъ
этого не понявъ и до конца своей жизни, которой,
впрочем, не заставилъ себя ждать, преследо-
валъ страстно любимую цель.

Юлианъ принявъ со славомъ и въостре о смерти
Констанція (3 Калдры 361г.), но публично высказы-
валъ въ пользу языческихъ боговъ (еще в Январѣ 361г.
онъ участвовалъ въ христианскомъ богослужении).
Повелѣнъ приказавъ онъ открыть храмы, возста-
новить тѣ, которые пришли въ разрушеніе,
вновь выстроить разрушенное советамъ и при-
носилъ жертвы языческимъ богамъ. Но въостре
съ тѣмъ проводимая была свобода для всѣхъ
вероисповѣданій, сектъ и культивъ. Какъ есес-
твенное следствие этого начинается возвраще-
ніе всѣхъ изгнанныхъ епископовъ, пресвитеровъ
и дьяконовъ; краемъ того все конарискованное
и много отдало или было обратно. Тѣмъ же
разрешенъ, заставлявшій Юлиана дѣйствовать
такимъ образомъ, совершенно оправдался: со-
фы, смѣтенія, брань и кровопролитіе начались
даже и въ христианскихъ общинахъ. Получивъ
полную свободу исповѣданія послѣдователи раз-
личныхъ сектъ съ удвоенной энергіей начали
раздоръ и распри.

Наконецъ Юлианъ, создавъ во дворцѣ председа-
телей разныхъ сектъ, началъ увещевать ихъ
возвратиться къ взаимному согласію и мир-
у, такъ какъ и онъ самъ представилъ всѣмъ
свободу вѣры. Но тѣмъ онъ разгорчилъ и въ из-
мѣнилъ свои мысли и взгляды. Поднялся за-
пальчивый споръ, крикъ и брань. Тогда-то онъ

произнесъ свои знаменитыя слова: „Слушайте мене!“ Франки и Аламанны мене слуша-
ли!...“ Но рты аламанов все болѣе гнѣвно, раз-
драженіе усиливалось... Аммианъ Марцелинъ,
современникъ и историкъ Юліана, говоритъ по
этому поводу, что нѣтъ дикихъ зверей, столь вра-
ждебныхъ другъ къ другу, какъ фрискіане. (*Nullas
infestas bestias, ut sunt sibi feroces plerique chri-
stianorum*).

Однако Юліанъ ничего не думалъ предпринимать
противъ церкви. Эдиктъ рѣшительно запреща-
лъ язычникамъ оскорблять или безобразить при-
верженцевъ креста, или принуждать ихъ къ смер-
тви. Юліанъ первый позналъ силу мученичества
и неоправданность его вліяній на новообращен-
ныхъ. Малою цѣною эдикта издалъ онъ призывъ
приверженцевъ новой религіи и противъ христі-
анской церкви.

Первый касался клира, церковнаго имущества, а
также имущества языческихъ храмовъ. Въ го-
родскія имущества, которыхъ были нѣтъ подаре-
на во времена Константина, должны были быть
возвращены обратно. Раздача имущества язычникамъ
и христіанскимъ прекращается. Право
суда, право принимать завѣщанія, право сво-
боды духовенства отъ прописочнаго налога и
отъ принудительнаго фидеиспестей — уничто-
жены. Сверхъ того церкви и частное имуще-
ство должны были возвратитъ языческимъ храмамъ
и имущества. Алтари, статуи и храмы, раз-
рушенные епископами, монахами и городскими
герцогами должны были быть восстановлены христіа-
нами, или они должны были уплатить изъ-
держки на постройку (эдиктъ 313).

Второй эдиктъ въ высшей степени опасенъ для христіанъ. Христіане не имеютъ права учить свободными искусствами, ни какъ грамматикѣ, ни какъ риторѣ, ни какъ софистѣ. Неизвѣстно, чтобы люди, почитающіе боговъ, преподавали и обучали Замера, Зезиода, Димосаена, Беродота, Вукидида - ревностныхъ нѣтъ почитающихъ. Христіане обнаруживаютъ гнусное корыстолюбіе, когда они за несколько драхмъ знаменитѣе учениковъ съ писателями, суждаемыми за нѣтъ безбожия. Они могутъ въ своихъ галлійскихъ церквахъ обучать Маттею и Луку."

Эдиктъ этотъ наносилъ чувствительный ударъ христіанамъ. Знаменитѣе съ древняго литературного было необходимо, какъ для свѣтскихъ лицъ изъ христіанъ, такъ и для высшаго церковнаго духовенства, поеличествъ, апологетовъ, такъ какъ "святое невѣжество" монаховъ непригодно было для проповѣдниковъ. Христіане думали помочь себѣ скоростнымъ приготовленіемъ новыхъ поэтическихъ произведеній, которыми давольно были заняты еще классики. Какъ будто по заказу явился папиръ, изданный въ гекзаметрахъ вѣдическую исторію до Саура и т. д. Но этотъ христіане не утверждали сначала, что эти новые произведенія ни въ чемъ не уступаютъ Замеру, впоследствии они сами все отъ нихъ отказались.

Въ этомъ состояніи пришелъ мѣсяцъ Юліана противъ христіанъ. Никакого насилия, никакого глумливого притворенія, способнаго раздражить гордыню и чувствительность За-

милости, не было. Богослужение и проповедь были свободны, ни одного епископа не было во изгнании — грешно несмысленное со времени Никейского собора. Только Анастасий Александрийский был исключен изъ всеобщей терпимости. Удалився въ изгнание онъ утешалъ христіанъ: „Не бойтесь, друзья мои, — говоритъ онъ: это маленькое облачко, которое скоро пройдетъ. Посторонимся немного.“

Въ такое время Юлианъ различными гонимыми, вынужденными мѣрами старался поддерживать блескъ языческаго культа. Съ новою пылкостью возобновленое было алтари, щедрое пожертвованіе поминувъ въ языческія храмы; время Юлиана является временемъ маговъ, Дивинаровъ, математиковъ и выдвигателей умеренія. Самъ Юлианъ принялъ званіе pontifex maximus, приносилъ жертвы, устранивалъ языческія торжества, самъ суетился около алтарей, держалъ помы, носилъ дрова, снова дымившись и окрашиваясь кровью жертвенныхъ животныхъ алтари языческихъ боговъ. Жертвы эти были такъ часты и такъ обильны, что даже язычники острели, говоря, что скоро не останется ни одного быка въ странѣ. А христіане прямо называли императора „быкосодействующимъ“.

Действительно, реорганизация язычества и его внутренней жизни была лучшимъ и благодарнейшимъ средствомъ борьбы и подпора надъ христіанствомъ. Но проникновенный и влиятельный умъ Юлиана не могъ придумать ничего другаго, какъ только вводить такіе изрешенія, кромѣ рекомендован-

и выставили на вид добродетели христианъ. Божественное искусство выказалось прежде всего въ томъ, самая мораль, которую принимали, чтобы его поднять.

Какъ неоплатоники, которыми кишелъ дворъ Юлиана, проповедывали свое учение, такъ этотъ последний свою организовалъ.

Но его истинно христианству нужно было противопоставить языческую иерархию или вообще языческую церковь. Неоплатоники должны были считаться проповедниками и учителями этой церкви. Верховный жрецъ (архидиаконъ) явился равнымъ христианскому митрополиту; подъ его управленіемъ стояли простые жрецы и священники провинцій. Все они имели главу въ первомъ помѣщеніи т. е. императоръ. Жрецъ долженъ былъ поощрять въ этой и безупречной жизни христианскаго кнзя, обязанъ не только совершать богослуженіе и приносить жертвы, но и заботиться о душѣ своей паствы. Ему запрещено было посещать соблазнительный театральныя зрелища, которыхъ изобилие христиане, живя въ тавернахъ, занимались низкими ремеслами; за всѣмъ этимъ наблюдали архидиаконъ (верховный жрецъ). Введена была церковная дисциплина, отлученіе и покаяніе. Въ храмахъ поставлены кафедры, съ которыхъ неоплатоники должны были объяснять истинное значеніе мифологии и подвигать къ нравственной жизни. Такъ какъ неоплатоники проповѣдывали аскетизмъ, то устроены были монастыри для землекоповъ-мужчинъ и женщинъ, которое чувствовали призваніе

къ удивленной, особенно чистой и философской
жизни. Христианская благотворительность и
на милосердіе, попечение оъ умершихъ, гостеприим-
ство, гостиница и гостиница, — все это навело
васъ на мысль. Но вы распорядились, чтобы
общественное магазинъ издавали много и ви-
но, чтобы прекратить поварное поладнение,
когда, безобразное замечаніе коридора не только
свои, но и чужихъ, между темъ какъ и
буде въ никто не проситъ милостыни. "Жреца
должны были выучить частнымъ лицамъ,
чтобы и они оказывали содействие государству.

Но вы думаете, что именно эта благотвори-
тельность всего дѣла содействовала распро-
страненію христианства: не напрасно вы думаете
есть также были христианами. Какъ посто-
павъ христиане учили въ азиатскихъ мѣ-
стахъ, чтобы приобрести друзей для города, такъ
точно вы думаете, что онъ хорошо изучилъ
своихъ враговъ и можетъ побѣдить ихъ содей-
ствиемъ и друзей. Все это было прекрасно,
но при этомъ забывалъ одно, что средства, ко-
торые онъ заимствовалъ у христианства, са-
мими изъ живого производительнаго духа
новой религии, которая способна была сама
заимствовать чужое и перерабатывать его
въ свои выгоды. Напротивъ того — олицетвѣ-
тельной и многозначной, до такой степени
были лишены живого духа, что не могли пере-
работать его — и, принесеннаго илѣнъ, и къ
сухую, мертвую ветвь дикого было отпасть
отъ умирающаго дерева хитской религии.

Все это мѣло только удвоили силы хри-
стианъ. Неустрашимая, такая ревность

овладели ими. За свое святое дело они бы-
ли готовы на все. Иной, который — такова у нас
они были — ватаи даiose цали, переступай
все границы. Опасное положение во который
находилась церковь, заставило нас забыть сми-
рение и кроткую покорность. Христианская
церковь, 50 летъ побывавшая в располоне-
нии власти, заняла угрожающее положе-
ние противъ злачества. Въ церквахъ появились
публично о гнѣбѣ апостата. Это были дра-
коны, враги рода человеческого, Ассирийцы, куд-
вицы, Валуходоносцы, Ироды, кровавое пу-
нано, которое преследуетъ народъ Божій бо-
лее свирѣпѣе, нѣжливѣе и вѣнчаетъ жуткими
попеченіями, чѣмъ Диокетіанъ и Максиминъ.

Но едва только они появились въ свѣтъ кѣмъ-то,
какъ должны были совнѣстѣсь, что гнѣбѣ
на нихъ нѣтъ совершенно никакого. Тогда
говорилось: „онъ апостатъ по природѣ, иссѣнокъ,
какъ Ахавъ, самый снѣсный иль людей. Раз-
вѣ можно назвать гиду, Шимру, Цербера и
Сциллу кроткими и человекоподобными. Но
онъ вѣнчаетъ съ тѣмъ тѣрзатель и не смѣетъ
важнѣе открыто выступить противъ много-
численнаго и вѣснаго народа Божіа. Поэто-
му онъ представляется кровавымъ монромъ горд-
ской герни, а себѣ ставитъ только наду-
новъ обзаванности и призракъ человекоподобна-
го убѣжденія. Съ глубокимъ Коварствомъ онъ
принимаетъ вѣнъ и мѣлки извѣста той дра-
матической жизни райской, которая окрѣпѣла
въ его груди. Но этотъ великодушный гнѣбъ,
эта обезьяна, подражающая христианскимъ
устройствамъ, этотъ скomorъ, архимандритъ

и тайной рабвратникъ, который ведетъ про-
тивъ Персовъ двойную армию - одну изъ соуданъ,
другую - изъ демоновъ, еще сражается то, чего еще
не успели сражаться."

Но эти нравы невинны и мягки въ сравненіи
съ киевлянами, которые идеализируются изъ свѣтлѣ-
еющаго на нравственно чистаго и гуманнаго
Юліана.

Говорили, будто онъ празднуетъ ночные оргіи
съ рабвратниками персизаки Кибелы. Цѣлые ко-
рабелыные дружки женщинъ и юношей потоплены
по его приказанію въ Оронтѣ. Онъ - убійца Кон-
станцій. Констанцій - некогда Алавъ, Фара-
онъ, Новукодоносоръ - теперь христіанобивой, вели-
кій государь, превосходящій мудростію и возвы-
шеннымъ характеромъ всѣхъ предшествовавшихъ импе-
раторовъ. Все убійство Констанція оправда-
ется; выражается только сожалѣніе, что
онъ пощадилъ Юліана. Это почти все слова Гри-
горія Науманскаго. Мало по малу борьба приня-
маетъ уже агрессивный характеръ со стороны
христіанъ. Вмѣстѣ, одушевленное особенно
сочувствіемъ благочестію, противились пред-
писанному открытію языческихъ храмовъ
и предавали ихъ огню. Епископъ Георгій Алексан-
дрійскій хотѣлъ строить церковь на мостѣ
мореузма; онъ открылъ тамъ скелеты и че-
репа, которые прежде служили для гаданій
оркуновъ, - и торжественно объявилъ, что это
остатки человѣческихъ жертвъ. Жена съ на-
сѣжками и неродованіемъ носила крестъ
по улицамъ. Но языческая часть населенія
возмущалась и епископа били и убивали.

Епископъ Маркъ Арсюзакій, прославившій
себя саживаніемъ языческихъ храмовъ, отказав-
шись теперь уплатить даже одну драхму — во
видъ символическаго вознагражденія, которое
было фактомъ только, для вышшняго признанія
вины было установлено императорами. Когда
Юлианъ прибылъ въ Антиохію, христіане встрѣ-
щали его на улицахъ во время процессій почитаемыхъ
имъ жео неимовъ сатирическихъ стиховъ, со-
чиненныхъ на него. Лица, которыхъ преследова-
лись за оскорбленіе величества, или святотат-
ство, кесововались, какъ мученики. — Юлианъ
ублаживалъ язычниковъ возмущеніемъ терпѣ-
ніемъ, и самъ возмущивалъ и переносилъ съ
кротостію все упреки, угрозы и оскорбленія
христіанскихъ епископовъ. Равъ престарелый,
сиротой епископъ Маріосъ Халкедонскій сказалъ
ему: „Я благодарю Господа, что онъ закрылъ на-
за мои темноты, — а могу теперь не видѣть те-
бѣ безбожника.“ Юлианъ прамолчалъ.

Мак. обр. Юлианъ встрѣчалъ вселю въ христіа-
нахъ стойкихъ и яростныхъ враговъ. Друзей на
и энергичныхъ помощниковъ онъ почти не нахо-
дилъ. Язычники встрѣчали его холодно; и въ
Антиохіи, когда онъ отправился въ храмъ для
принесенія торжественной жертвы богамъ, онъ
не нашелъ тамъ ни одной души поклонившейся, и
единственный перестъ съ однимъ жалкимъ жер-
твеннымъ потухшимъ подъ молочною печальною
нарушаніемъ пуготу храма. Одряхловшее язы-
чество съ индифферентизмомъ приняло энер-
гическую попытку страстно удивленнаго въ
его правотѣ и превосходствѣ императора
спасти и возродить его.

Юлианъ умеръ. Услышѣніе о его смерти возбудило ликование и вышло радостное крики христіанъ. „Слышите все народы, слышите все обитатели земли, — восклицали ревнители христовой веры: я призываю къ великому и возвышенному

последній разъ почтѣть передъ друзьями религію, которую онъ такъ страстно любилъ, и сущность которой посвятилъ своей жизни.“ Аммианъ Марцелинъ приводитъ предсмертные слова Юлиана. Позвалъ себя поименовать здѣсь другъ милосерднѣе эту любознательную, трогательную ролю. „Друзья, говорилъ умирающій 32-лѣтній императоръ тогда, которое окрѣдѣло его смертельное ложе: время пришло, вы видите, когда нужно расставаться съ жизнью и отдаться природѣ, какъ подобаетъ добросовѣстному воину, все, что она имъ дала; я расстаюсь съ нею съ радостью, а не съ сожалѣніемъ, какъ можно было бы подумать. Обще-любовіе философовъ побуждало меня на самое дѣло, что счастье пребываетъ въ душѣ, а не въ тѣлѣ, и что нужно радоваться, а не огорчаться, когда умирающая часть нашего существа отдѣляется отъ души. Я думаю такъ, что смерть — часто величайшая награда, которую могутъ испросить люди добрыя небесные боги. Я принимаю ее, какъ милость, которую имъ посвящаютъ они, чтобы я не погибъ среди трудностей жизни, и чтобы душа моя не пала и не унижалась. Я не сожалѣю ничего такого, въ чемъ бы раскаивался и воспоминаніе бы о чемъ заставляло меня краснѣть, — ни въ томъ промежутокъ времени, когда меня удалили въ темный и дале-

похвальною. Услышьте люди всякаго языка, всякаго возраста и пола, живущіе и жившіе здѣсь. Услышьте силы небесныя, и вы, сонмы ангеловъ, помыслы и униженныя тираны! Не Серавъ, царь Аморрейскій, не Огъ, царь Вавилонскій — малые князья, которые управляютъ только Израилемъ, малую часть земли, но этотъ драконъ, этотъ апокалипсическій ассириецъ, этотъ общій врагъ и обманщикъ всего рода человеческого, который всего земного испугалъ угрозами и яростью!...

Замечательность Юліана была послѣднего по-

хвѣй угрозы земли, ни съ тою похвѣй, какъ я принялъ образъ правленія. Я смотрю на власть, какъ на истечение божественнаго могущества. Мнѣ кажется, что я сохранилъ ее невѣдоматною, управляя государствомъ съ умеренностію и не предпринимая ни наступательныхъ, ни оборонительныхъ войнъ безъ строгаго възвѣщеннаго призыва... Твердо увѣренной, что убивъ всякаго дурнаго управленія дѣлаю добръ интересъ и благо народовъ, я всегда, вы знаете, стремился къ умеренности. Я ипнмалъ иду своимъ дѣйствіемъ своевольный произволъ, который портитъ права и государства. Всякій рабъ ~~какъ~~ отечество, драматъ, которая дѣлаю приказывать своимъ слугамъ, повелеваю мнѣ идти на опасность, я сплываю впередъ съ радостію. — И когда раздались вокругъ него рыданія: „Замолчите, произнесъ онъ, собравъ послѣдній смехъ: всматриваясь на лице государя, который отъ удивленія на него къ звѣздамъ.“

пыткою злыбисѣва одолѣвъ торжествующаго врага. Кровавое и безполезное гонение Юлиана наказало, что оно не можетъ спасти себя мучениками и кающимися врагами. Безплодное пріятіе Юлиана подтвердило, что оно отпустило свой ангелъ, что оно неспасиво къ возрожденію и самозащитѣ. Злыбисѣву оставалось только исчезнуть во мракъ съ своими послѣдними, доведенными до отчаянія, сторонниками.

Преемникомъ Юлиана былъ Юлианъ, который царствовалъ только несколько месяцевъ (363-364). Его правленіе не могло имѣть бѣдшаго вліянія на судьбу имперіи. Едва шесть месяцевъ провелъ онъ въ Константинополѣ, и на Западъ узнали въ одно и то же время, что онъ воцарился и что онъ умеръ.

Однако онъ успѣлъ подтвердить формальными законами свободу совѣсти; послѣ 30-лѣтняго перерыва возобновлена сила миланскаго эдикта, нарушеннаго аріанизмомъ Констанціемъ.

Законы Юлиана не находятся въ кодексахъ Феодосія II, но что онъ былъ изданъ и обнародованъ, не подлежитъ сомнѣнію. По своему общаго церковное писатели (Сократъ и Феодоритъ) утверждаютъ, что Юлианъ запретилъ совершенно языческое богослуженіе, что языческіе храмы были закрыты, первосвященники скрывались, софисты бросили свой плащъ и обрѣзали свои бороды, одними словами, что узналъ господствовать въ языческомъ лагерь. Безъ сомнѣнія софисты жалели о смерти Юлиана, — но едва ли все эти подробности правдоподобны.

Депутация, отправленная Константинопольскими сенаторами, во главе которой стоял знаменитый Омиетий, вернула Тевана в Дагестан. Красноречивый Омиетий держал речь, которая была потом, по словам Сократа, повторена в Константинополе при стечении всего народа.

„Моя заботливость и твоя любовь к людям, говорит он между прочим, обнаружилась при самом начале в поспешных распоряжениях. Мы едва поняли, что государь не всегда может действовать принуждением на своих подданных, что есть люди, которых убеждают от авторитета и слов и такие мало поддаются приказанию, как и угрозы. Доброжелатель и особенно удовольствие к богам и религия принадлежат к числу нас. Чтобы мы не обратились в пустой нарукный знак, необходимо, чтобы государь оставил каждому возможность соблюдать свою свободу и вольному побуждению души. — Как глава государства мы объявим законом, что душа религии и почитания божества будут предоставлена свободной воле каждого. Мы удовлетворим принцип божества, коего видим во всем людей общую наклонность к религии, восхотели, чтобы свобода и воля каждого не имели относительно способа почитать Бога. Кто симпатизирует в это с помощью силы, тот порицает у людей право, дарованное им самим Богом. — Я считаю этот закон самым неважным для нас, как и договор, заключенный с Персами: по этому договору мы получили возможность жить в мире с варварами,

твоей заботы даешь намъ ту выгоду, что мы мо-
жемъ жить между собой безъ раздоровъ и ссоръ
и т. п.

Восвышенная и благородная рать — это и при-
надлежащая азычнику. Что касается христиан-
скихъ писателей, то одни изъ нихъ домогаются
изъ Говиана преследователей азычскаго, другіе
объясняютъ кратковременность его правленія
тѣмъ, что онъ оказывалъ покровительство Ма-
ксиму и Аристу, которыхъ Юліанъ вѣлъ съ со-
бой, какъ сагачей, въ походъ на Персовъ и
свергъ того украсилъ въ Марсѣ цвѣтани гробъ
Юліана, который, по словамъ Григорія Назиан-
зина, слѣдовало бы бросить на миводерню.

Послѣ смерти Говиана въ Адастанѣ (17го
Февр. 364г.) легионы и представители бюрократіи
избрали въ Циксѣ Валентиніана I. Возмемъ
приводить о немъ любопытный рассказъ. Разъ
Юліанъ, сопровождаемый обычной свитой, от-
правился въ храмъ Фортуны для жертвопри-
ношеній. Помпифекс, помпифекс съ обѣихъ
сторонъ входныхъ дверей, крѣпкимъ воглазнич-
лестрабкою водою по азычскому обычаю. Вѣрь
трибунъ цитомосцевъ (agens scholam senato-
rioium secundam), который шелъ впереди импе-
ратора, получилъ нѣсколько капель воды на своего
пламиду и приведенъ былъ атишь въ такое не-
годование, что ударилъ мреца, говоря, что онъ
осквернилъ его, а не очистилъ. Эта сцена произ-
вела смятеніе. Юліанъ велелъ ссватить ви-
новного и потребовать, чтобы онъ принесъ же-
ртву или оставилъ военную службу. Этотъ три-
бунъ былъ Валентиніанъ.

Президентъ новаго Августа, его личный са-

рактёр, нетерпеливый, впечатливый, способный
к принаказам страшного гнева, заставлял
думать, что всё влечёт к нему все Души и во фр-
ла общественный. Но публичное поведение Ва-
лентиниана I, его правительственные принци-
пы и правила были сторонническими и терпими-
выми, а не его личный характер.

Из всех христианских императоров
Валентиниан всех лучше понимал и вернее ис-
куснее защищал свободу совести. Мотаясь
по вступлении на престол он издал мани-
фест о свободе религии и приложил к самому
обширному эмиссу — для всех христианских
сект и для всех языческих культи. Он
огласил своё эдиктом о всём явном
высказываемой основной принцип своей рели-
гиозной политики: „*Testes sunt leges, a me in exor-
dio imperii latae, quibus unicuique, quod ani-
mo imbibisset, colendi facultas tributa est;*“
говорит он в эдикте 342 г. (Codex Theodos.
ix, 38, 3). Всякая хорошая характеристика его
отношения к религии Амиана Марцеллина:
„*Hoc moderamine principatus inclauit, quod inter
religionum diversitates melius stetit, nec quem-
quam inquietavit, neque ut hoc coleretur, impe-
ravit aut illud. Nec interdictis minacibus
subsectorum cervicem ad id, quod ipse voluit, in-
clinabat, sed intemeratas reliquit has partes,
ut repperit.*“ (Liber XXX, 9, 5: в издании Sarda-
hauser'a II, 228). Он забывал епископам, сра-
жавшимся против его к улаживанию в церковных
спорах, что ему, как мирянину, не подобало
решать вопросов веры; это было священни-
ков, которое и должна была иметь полную сво-

богу съзидается на соборахъ для ихъ обесчещенія и соимашенія между собой. (Sozomen. II, 7. Ambros. epist. 21.)

Въ 310 г. въ церковь Рима, и вероятно и въ другие, былъ прочитанъ эдиктъ императора противъ водростающаго корисполонія и внио пателства клириковъ и монаховъ. Этотъ Запрещено было постыгать дома вдовъ и сиротъ съ цѣлью вниопателства насильства. Забвѣніе и дарственины записи ихъ въ павзу монаховъ и клириковъ приваивались недружелюбными. Численіе безъ насильства должно принадлежать еписку. Духовнымъ лица могли насильствовать только, какъ божественныя рождественники. Это было уже очень распространенное среди Духовенства злоупотребленіе, которое признаютъ сами христіанскіе писатели, напр. Тероніи. Тероніи писалъ (ep. 52 ad Nepotian): Nec de lege conqueror, sed doleo, cur meruerimus hanc legem. Cauterium bonum est, sed quid mihi vulnus, ut indigeam cauterio и т.д. А Евламп. Августинъ восстаетъ противъ обычаевъ отцовъ отдавать все церковныя церкви, имѣя насильства рождественниковъ: пусть еретики, ищущіе одного сына, еретикъ вторично Христа, а ищущіи двухъ, пусть считаютъ Христа третьимъ и т.д. Только церкви, какъ корпорации могли принимать въ даръ, и въ насильство земное и духовное имущество, духовные же, какъ частныя лица, были лишены этого права.

Даже Валентиніанъ первый велѣлъ въ обычаи освобождать преступниковъ въ день Масхи и восстановить забытый законъ о празд-

нованіи воскреснаго дня. Онъ относился без-
пристрастно, какъ къ Аріанамъ, такъ и къ
последователямъ Никейскаго собора.

Что касается до арианиковъ, то по зако-
намъ Валентиніана храма не сохраняли
свои огромныя пожеланныя владѣнія и со-
кровища, накопленные почти въ продолже-
ніе цѣлаго тысячелѣтія. Только въ одномъ
пунктѣ Валентиніанъ въ большемъ практи-
чествѣ обратилъ свое безпристрастіе къ еф-
роп. религіи въ пользу государства. Когда по-
слѣ смерти Юліана поднялись споры объ имѣ-
ніяхъ, подаренныхъ церкви и частнымъ ин-
дивидуумамъ и возвращенныхъ потомъ Аностаемъ
Авдѣево-фрамамъ, то Валентиніанъ
решивъ споръ скоро и скоро, объявивъ и
имуществовать казна. Даръ самого Юліана
также были отобраны у авдѣево-фра-
мовъ. Но среди погнѣхъ по предѣлу содер-
жаніе отъ государства, и имъ даже дарова-
на новыя привилегіи — тѣхъ и въ имѣ, кото-
рыя достигли высшихъ ступеней, освобожде-
ны были отъ принудительной службы и пош-
ли. Валентиніану же I^{му} приписывается
(см. Richter p. 364) законъ 364го года, унизто-
жающій привилегію христіанскаго духовен-
ства въ отношеніи налога на промыслы, по
законъ этотъ принадлежалъ собственно его
брату Валенту. (Ср. Loening, Geschichte des
deutschen Kirchenrechts. Strassburg. 1878, I, 112)
и касается восточной части имперіи. Привил-
егію такого рода христіанскіе клирики полу-
чили отъ набавскаго императора Констан-
ція въ 343 году; при этомъ предполагалось, что

богослуже, избавляемых нами отъ мелочной торговли и отъ самыхъ ремеслами, посмущать зах-
те въ пользу бѣднѣе, вслѣдствіе того освобожден-
ные отъ подати даже насильные помощники ки-
риковъ въ торговлѣ Долафа. Отсюда проете-
ками бывшія злоупотребленія. Строгие и ревно-
атные отцы церкви (Авустинъ, Геронимъ) восста-
вали противъ духовныхъ лицъ, занимающих-
ся болѣе купеческими спекуляціями, чѣмъ церков-
ными обяванностями. Наконецъ само государ-
ство нашло полезнымъ отменить привиле-
гію. Императоръ Валентъ на востокъ въ 364^{мъ}
году, импѣр Граціанъ на западъ въ 379^{мъ} изда-
ли законы, поднимавшіе кириковъ промышлен-
ности налагать въ опредѣленныхъ разностяхъ
(см. Loening 1, 174).

Соправителемъ Валентиніана I на Восто-
кѣ былъ братъ его Валентъ, покровителемъ Гри-
анъ. Преемникомъ его на Западѣ былъ сынъ
его Граціанъ, который послѣ смерти Валента
въ сраженіи съ Готами при Адрианополѣ из-
бравъ себя въ соправителѣ Ородасіи. Къ нимъ
мы еще вернемся, а здѣсь упоминаемъ о нихъ
потому, что при нихъ помѣненъ конецъ борь-
бы христіанства съ язычествами.

При Граціанѣ и Ородасіи примѣненъ вѣро-
терпимости, свободы вѣсѣрѣ религіи, провозгла-
шенный Миланскимъ эдиктомъ, уничтожа-
ется, и христіанство объявляется господству-
ющимъ религіею въ государствѣ. Такъ обр. цар-
ствование этихъ двухъ императоровъ соста-
вляетъ эпоху въ исторіи христіанской церкви.
Языческіе культы запрещены, язычники и да-
же Аріане (за исключ. только Готы, поселенные

въ имперіи) преследуются. Азическій импера-
торъ Константинъ провозгласилъ въ 313 г. и
подтвердилъ въ 324 г. принципъ второстепенности,
требуемый самимъ духомъ христіанства. По-
тому онъ былъ нарушенъ аріанскими импе-
раторами. Теперь его устраняютъ, православ-
ные императоры: Граціанъ и Валасій и заше-
кательными фрактанъ при этомъ является
то, что такое христіане, которые въ такомъ
настойчиваго требовали второстепенности, ко-
гда представляли сами гонимую секту, съ сра-
нимъ франтиднимъ и даже публичествамъ
теперь востали противъ него. Представители
церкви теперь богатой и могущественной, при-
выкнутой къ покровительству, раздражительное
вселедствіе постоянно повторяющихся бурь и
внутреннихъ раздоровъ, сформировавшихся неспособна-
хъ понимать свободу веры, которую при-
несло въ міръ или же самимъ непонятное
ученіе. Какъ азическій богъ-хроносъ, христіан-
ская церковь поглотила свое собственное до-
стиженіе.

Вступивъ въ союзъ съ государствами, церковь
однако великими силами старается обезпечить
себя отъ него, строго отдѣливъ свою власть
отъ власти свѣтской. Императоръ, бывший
прежде верховнымъ иерархомъ (*pontifex maxi-*
mus), привносится теперь только главою государ-
ства, но не церкви. Въ жизни и сочиненіяхъ
восточныхъ отцовъ церкви — Анасасія Александ-
рійскаго, Григорія Богослова, Василия Великаго,
Иоанна Златоуста и Западнаго свѣтителя Ам-
врасія Медиоланскаго можно найти много

защитительный пример самостолельных действий и смелости рожь по случаю посягательства высшей государственной власти на духовную свободу человека и свободу ее правлений.

Когда после страшных убийств в Салуне, на которых Осодей дал согласие, императоръ явился в церковь в Миланъ, Амвросій недоуменно его до пригласил со словами: „какъ поднесешь ты эти руки, съ которыхъ течетъ кровь невинно убитыхъ? Какъ приложишь ты святое имя Господа? Какъ поднесешь къ своимъ устамъ Его безукорынную кровь, ты, человекъ зрелый и неправедно проливший кровь такого множества людей?“

Свой прощительный образъ действий съ императоромъ Амвросій оправдывалъ следующими соображениями: „Не императорские дѣла отрицаютъ свободу рожь, и не евангельское — не говорить того, что думаю. Никто въ вѣстѣ императора, такъ не народно и не достоуважаемо, какъ мождь ваша къ истинѣ, изрекаемая даже устами вашихъ епископовъ. Между хорошими и дурными государями та разница, что хорошие мождь свободу, а дурные — рабство. Никто такъ въ священникъ (и вообще въ христианина) не извѣстно передъ Богомъ и не постыдно передъ людьми, какъ не выражать свободно своихъ мыслей.“

„Говорятъ, — писалъ по другому случаю Амвросій, — что государю все дозволено, что все его отбываетъ: не трудись, императоръ, думать, что въ дѣлахъ божественныхъ ты имешь императорское право (*jus imperiale*), но если хочешь живее царствовать, будь покоренъ Богу.“

Гослѣ Кордубскій разбиваетъ императору формальную теорію о свободѣ церкви: „Я сдѣлалъ исповѣдникомъ, говоривъ о тебѣ, когда твой другъ, Максимианъ, преследовалъ церковь. Если и ты меня преследуешь, то я также и теперь готовъ скорѣе все претерпѣть, чѣмъ пролить неповинную кровь или измѣнить почитаніе. Я не могу похвалить тебя, когда ты пишешь и производишь подобныя образы. Перестань такъ писать, не будь заодно съ Аріемъ.... Перестань, прошу тебя, припомни, что ты смертный человекъ. Побойся дня суднаго! Не вмешивайся въ церковныя дѣла, погрузись въ это въ отношеніи къ намъ. Богъ далъ тебѣ царство, намъ вручилъ церковь. Какъ тотъ, кто отнимаетъ у тебя царство, противится божественному порядку, такъ и ты, побойсь, притѣвая на церковь, не приносишь ли ты великой вины на себя? Какъ намъ, священникамъ, нѣтъ никакой власти въ гражданскихъ дѣлахъ, такъ и ты, императоръ, не имѣешь права приносить жертву.“

Подобныя примѣры было не мало. Государство дѣйствительно и энергично отстаивало свои права и свою власть въ дѣлахъ церкви. Мало того, что она настаиваетъ на свободѣ и неприкосновенности своихъ правъ, она даже предъявляетъ притѣванія на собственную власть. Впрочемъ, и сама имперія, чувствуя близость паденія, мало по малу передаетъ церкви много свои права и функции: церковь перерастаетъ въ государство, отнимаетъ почву изъ подъ его ногъ.

Въ этомъ отношеніи особенно важна судебная власть, которую получили епископы даже

во грешахъ савтехифъ. Еще до Константина и до миланскаго эдикта христiане предпочитали судитьсѣ у своихъ единоверцевъ, а не у язычниковъ. Траціанъ въ 316 году издалъ эдиктъ, по которому преступленія духовенства противъ порядка и дисциплины духовной судятся епископами. Но судебная власть епископа далеко заходила за церковныя границы: не только два клирика обыкновенно судились передъ нимъ, но и клирикъ съ миряниномъ и даже два мирянина, если оба были согласны на это. Св. апостолъ Павелъ порицалъ, если кто изъ обычныхъ идетъ на судъ неверныхъ, а не святыхъ. Константинъ наложилъ этотъ обычай уже существующій и только санкціонировалъ право епископовъ разбирать процессы христiанъ. Они смотрѣли на епископа, какъ на обыкновеннаго третейскаго судью; приложивъ къ нему св. римскіе законы, Константинъ постановилъ, что, если сторона равъ договорилась его суду, то уже не имѣютъ права на какую-либо дальнейшую апелляцію.

Но и этого мало: епископъ имѣлъ право разбирать даже по наследству (св. пис. чист. свт. ескіи) и брачныя; почти всякое дѣланіе, наконецъ, которое государство наказывало, было и въ религиозномъ смыслѣ безправственно и въ силу этого поднималось духовному суду. Характеръ процесса заключался въ слѣдующемъ: судья произноситъ приговоръ на основаніи допроса или иже имъ являющагося обвиненія. Епископъ — судья совѣтъ; передъ нимъ должно быть открыто самое тайное. Существовали даже церковныя законы, говорившія, что, всякій,

кто знает о тайном преступлении, и не доносит епископу, подвергнется той же наказанию, какъ преступникъ." Подобное расширение епископскихъ правъ отчасти можетъ быть объяснено неудовлетворительнымъ состояниемъ тогдашняго судебного состава. Аммианъ Марцелинъ отбывается весьма дурно в судьяхъ и въ особенности въ адвокатахъ того времени.

"Одни, говоритъ онъ, осамозааютъ гордымъ домомъ богачей, вдовъ и сиротъ, ставятъ недозримый и враждебный, распространяютъ и увеличиваютъ до бесконечности маловажные споры друзей и родныхъ, они исполнены немаловажнаго формализма; въ длинныя проволочки оттягиваютъ время судебного разбирательства и употребляютъ великую хитрость, наглость и цѣлой потокомъ блестящей риторикой, чтобы сдуралить судью или провести его."

"Другіе принимаютъ въ высшей степени полтенивый и сдержанный видъ; на лицѣ ихъ — глубокомысленныя складки; это чужое, глубоко посвященное въ таинства науки, край, величественное инаковство противоречивое постановленій, породилась въ страшномъ беспорядкѣ. Едва раскрывали они свои потемненные уста, ишь наръ такъ и сопались наваанія давно забытыхъ законовъ; что должно было внушить особенныя удивленіе къ ихъ невѣроятному знаменитости. Но едва они произносятъ божатаго клиента, какъ тотчасъ же тайкомъ сообщаютъ ему тысячи юридическихъ увертокъ и обгоняютъ ему сластливый поводъ его дѣла; даже если бы онъ самъ донесъ на себя, что убилъ свою мать."

Претвы приобретаютъ клиентомъ крикомъ,

Вспомогат. предисловие к 23

братство и ласки, навешиваются ко всякому процессу, отрицают и покрывают своим криком самую ясную истину, упики навешивают процессу самому миролюбивому человеку и запугивают его на суд в такой неразрешимой клубок, что самые правдивые и благонравные судьи не могут добраться никакого толка.

Четвертое - шло, но по своему чистоте. Низкой истинно они упики приобретают себя много за столько богатств и здравье административа, сколько возможно. Они едва прочитали один какой-нибудь кодекс, и когда заходит речь об юридическом авторе, они принимают его имя за название какой-либо заморской рыбы или другого местного блага. Все их искусство состоит в уловлении доверчивых клиентов, крив процесс они потонут под тяжелым предлогом протравивать от одного года до другого. Очевидно, что при подобном состоянии римской адвокатуры епископский суд явился учреждением благотворительным как для христиан, так и для язычников.

С другой стороны епископская власть усиливается еще властью кривых и имущественных привилегий и освобождений церкви от многих повинностей. По закону Грациана (377г.), не только епископы, но и пресвитеры, диаконы, анагисты (чтецы), ексорцисты (изгонятели бесов) и привратники освобождаются от принудительных делностей в городских куриях и от многих повинностей.

Сверх того шло духовенства также освобождение от многих повинностей: военного посяга, горюхных и натуральных повинностей. Земли духовенства были обложены только полевой податью. Шло сомнение, что подобная льгота велика и к

Злоупотреблениями; крѣзь въ свою очередь возбуждали эдикты, неслыханно ограничивавшіе права церкви. Блжженный Геронимъ, упоминая про эти эдикты, говоритъ, что слѣдуетъ досадовать не на стѣсненіе правъ духовенства, а на то приноса, крѣзь возбуждали эти новыя постановленія, т. е. на злоупотребленія самого духовенства.

Къ концу IV вѣка относится распространеніе въ христіанской церкви той новой сшвы, которая получила важное значеніе во все средніе вѣка, именно монашества.

Монашество ведетъ свое начало со времени гониміи Диоклеціана; во время этого гонимія многие изъ христіанъ искали убожества въ пущахъ Египта, крѣзь много набавтъ настоящей метрополіей монашества. Блжженные христіане собирались толпами около знамени того Антонія, одного изъ первыхъ христіанскихъ путешениковъ; первый монашескій община образовалась недалеко отъ Чермнаго моря и въ Верхнемъ Египтѣ. Песчаные пустыни и безплодные холмы покрившсь многими келліями; монахи жили въ тѣсныхъ и начинали другъ подѣ друга.

Примыру Антонія послѣдовалъ Аммонъ, образовавший общину близъ Меридова озера; Макарий — къ северу отъ него и Павсній — на островѣ Нила-табеннѣ. Павсній, умершій въ 348 г., 8^е годами раньше Антонія, былъ законодательный новыи общины. Онъ уредилъ первый Келіи, распредѣливъ обязанности и обязанности между монахами и соединивъ ихъ въ болвше обществу съ опредѣленными уставами. Безусловное послушаніе, вѣра, молитва и трудъ были главными правилами иноческой жизни первыхъ монаховъ. Въ Табеннѣ былъ центръ монашества; тамъ и до насчитывалось

во других провинциях. Это такъ называемый поселенный методъ. Названіе это по некоторымъ считается германскимъ, такъ какъ у Германцевъ былъ классъ полусвободныхъ людей, которые назывались митта-ми. Другіе производятъ это слово отъ латинскаго слова latus — широкий, радостный. Скоро можно предположить, что ни то, ни другое толкованіе неверно и это происхождение слова до сих поръ неизвестно.

Эти поселенцы существенно разнятся отъ колонистовъ и федератовъ. Латами назывались тогда, которые добровольно селились преимущественно на государственной землѣ, не платили поголовныхъ и помещичьихъ налоговъ, но обязаны были нести военную службу; въ видъ вознагражденія за эту службу, имъ давалась земля; они должны были водворяться и, безъ позволенія римскаго правительства не имели права ее оставить.^(*) Въ определенное время, въ определенныхъ местахъ латы занимались военными упражнениями; специально для нихъ существовали школы (соден Теодосіанусъ), гдѣ ихъ, конечно, учили латинской грамотѣ и приучали быть Римлянами.

Резюмируя всевышесказанное для того, чтобы еще яснѣе показать различіе между колонистами и латами:

- 1.) Колонисты обрабатывали землю, не владея ею, въ качествѣ крепостныхъ; латы владея землей, какъ хозяева, и могли даже имѣть рабовъ.
- 2.) Изъ колонистовъ вербовались рекруты посредственно

(*) Эти латинскіе поселенцы представляютъ до некоторой степени аналогію съ нашими аракчеевскими военными поселенцами.

набора; хотя не подвергались набору, ибо каждый изъ нихъ обязанъ былъ умирать обращаться съ оружиемъ и быть постоянно готовымъ къ призыву.

Такъ обр. составившись изъ латехи округа ний префектуры, которыхъ особенно много было въ Галлии. Въ „*Notitia dignitatum italicorum imperii*“ (самое лучшее издание Seeck, недавно вышедшее), изображены поместники конца IV^{го} и начала V^{го} века, представляющие много въ родъ альманаха или имперскаго адрес-календаря съ перечислениемъ военныхъ отрядовъ, граидагскихъ и военныхъ римовъ и т.д., — сгруппированныхъ и названныхъ латехныхъ префектуръ. Число ихъ простирается до 12; изъ нихъ 7 находятся въ Галлии и преимущественно въ Улампаии, Нормандии и Бретани.⁽¹⁾ Въ Северной Галлии они назначались для защиты границы отъ варваровъ, а на западѣ охраняли Галлию отъ грозныхъ морскихъ набеговъ Саксовъ. Не лишнее будетъ заметить, что изъ которыхъ изъ латехныхъ поселений въ Галлии находимся въ непосредственной

⁽¹⁾ Вотъ названия этихъ 7 латехныхъ префектуръ:

- 1.) *Laeti Fretanenses* въ Карнутомъ, нынѣшн. Шартръ (въ Orleansais)
- 2.) *Laeti Batavi*; были генералии городовъ Байеихъ и Coutance (древн. Bajocae и Constantia) въ Нормандии.
- 3.) *Laeti Franci* — около Рейна (Redones) въ Бретани.
- 4.) *Laeti Lingonenses* — во Фландрии и Бельгии.
- 5.) *Laeti Nemetanenses Batavi* — въ Аррасѣ (древн. Arrabanus).
- 6.) *Laeti Contraginnenses* — около Нюйонъ
- 7.) Латехная префектура въ Оверни, имя ея утрачено.

до 50,000 человѣкъ. Въ Палестинѣ и Сиріи ихъ можно
было считать милліонами. Сирійскіе монахи столько
многочисленны, сколько египетскіе, говоритъ Соломенъ.
Изъ основателей сирійскихъ общинъ замѣтителенъ св. Ни-
ларіонъ въ пустынь около Сава и св. Василій Великаго
въ Каппадокіи. Вместе съ музекскими основана бы-
ли и женскіе кинавіи. Такъ Паконій устроилъ како-
вѣ для сестеръ Антанія, къ которому секторъ присо-
единилось множество друзей христіанъ. Возрѣвъ мона-
стырей сѣлись анахореты въ кельяхъ или пещерахъ
и составляли такъ называемыя лавры.

Полишио громаднѣе количество пустынниковъ, рас-
пространились и странствующіе монахи, скитавшіе-
ся въ горахъ, не имѣвшие никакого имущества, явившіе-
ся въ мѣста обитаемыя, чтобы просить милостыню, пока-
завъ свое благочестіе, проповѣдывать тайны вѣры. Ни-
кого не было для аскетиковъ ненавистнѣе монаховъ.
Они изъбѣгали ихъ, какъ родъ людей безполезный для го-
сударства и въ мирное и въ военное время. Но, прива-
дими они были, изъ опасенія центръ захватить
боищія пространства земли; подъ предлогомъ, что
они все дѣлаютъ для бѣднѣе, они всѣхъ сгоняли въ дѣ-
лины. Они — извращеніе человѣческой природы — ведутъ
жизнь свиней и совершаютъ заведомо много позор-
ныхъ преступленій. Но ихъ считаютъ угодниками бо-
гу, и кто надѣнетъ черную рясу и не боится въ
признакъ суда явиться передъ народомъ, тотъ по-
лучаетъ тиранническую власть. Жить смирно, что
въ обвиненіяхъ этихъ есть доля превеликій. Быть
мощнымъ, по потребности стискивающей жизни бы-
ла сильна въ гонимыхъ христіанъ того времени,
но можно также въразумно, что болѣею процентъ
изъ поступившихъ въ монахи руководился жела-
ніемъ отстраниться отъ государственныхъ дол-

искусств и подвижностей.

На вопрос о монашестве мы не останавливаемся. Крайне старого сочинения Montalembert. "Les moines d'Occident", указав только на главный труд сочинения, который его раздвигает.

- 1.) Weingarten. "Ueber den Ursprung des Mönchtums".
- 2.) Keim. "Aus dem Urchristenthum". VII Abschnitt: "Ursprung des Mönchtums".

Упомянутое нравственное обновление и возрождение Рима принципов христианства было поведением и благотворным, но на государственный строй падающей империи оно не во всех случаях оказывало хорошее влияние. Результатом этого необходимо вытекает из всех вышеизложенных фактов культурного влияния христианства. Важное всего то, что с появлением и распространением его возростает среди римской империи новая социальная и религиозная сила, которая захватывает в свои руки многие функции государственного управления. Сила эта оказывает помощь громадную целую, являясь посредницей между древней культурой и новой цивилизацией.

Примечание Составителя.

Считая долгом заранее извиниться перед читателем в том, что вследствие недостатка времени, я вынужден выпустить собою за эту главную статью в более шероховатом виде со стороны языка и более менее обработанном со стороны содержания: иначе выход листов мог бы замедлиться, и издание не могло бы быть окончено во время. — Мотивы вкраиваясь на протяжении статьи суживают работу оператора, будут направлены мною впоследствии, но ввиду необходимости, издается. Составитель И. Гр.

III. Борьба двух миров (продол- жение). Образование варварских государств на римской почве.

1. Мирная колонизация Германцев на римской территории.

Обращаясь к равному вопросу о герман-
ских поселениях на почве Римской империи, мы
неприменно должны иметь в виду основное
именно, что гораздо раньше, чем началось насиль-
ственное вторжение германских племен на рим-
ские земли и их завоевание, варвары проника-
ли во всевозможные части на римскую территорию
и широким путем, с согласия император-
ского правительства, и эти то мирные поселе-
ния, основанные под непосредственным надзи-
дением императорских чиновников, мы и раз-
смотрим под названием Германской колониза-
ции.

В знаменитой натуральной Эрдуа-Раймонда
в статье своей — „*Culturgegeschichte und Natur-
wissenschaft*“ („*Deutsche Rundschau*“ 1877, Band *XIII*)
говорит, что римская империя пала под нап-
равом варварской силы потому, что в то время
недостаточно развита были естественные на-
уки. Если бы Римляне, полагает он, знали упо-
требление пороха и умели обращаться с огне-
стрельными оружием, то империя могла бы
стать в совершенно иных отношениях к варва-
рам. Но он упускает из виду ту сторону ве-
ща, что если бы даже все это было, то огнестрель-
ное оружие, которому он придает такое вели-
кое значение, было бы в руках только самых

Германцевъ, противъ которыхъ имперіи пришлось бы стоять. Римъ побужденъ былъ не набѣгами варваровъ, не насильственнымъ вторженіемъ отгоняемыхъ племенъ, а тою германскою силою, которая мало по малу просачивалась на римскую почву въ видѣ массы кочевниковъ, селившихся уже въ соющеніи римскаго правительства.

Поселенія Германскія имѣли различный характеръ.

Прежде всего Римляне селили на своихъ земляхъ военнопленныхъ, взятыхъ послѣ удачныхъ войнъ. Правда, что они не всегда въ полномъ составѣ отправляемы бывали на поселеніе. Изъ некоторыхъ (и даже многихъ) изъ нихъ поступали очень жестоко: часть военнопленныхъ обыкновенно предназначалась для кровавыхъ зрелищъ въ циркахъ. Такъ Константинъ Великій (мы уже говорили объ этомъ) послѣ побѣды надъ Фрукте-рами въ 306 г. отправилъ въ трирскій циркъ двухъ кануловъ и множество простого люда. Такое самое повторилось въ Трирѣ еще разъ, уже послѣ Миланскаго эдикта. Христіанская церковь пренятвовала этимъ жестокимъ и уничижительнымъ для человѣческаго достоинства зрелищамъ, но они всетаки ввелись не скоро. Послѣ Никейскаго собора Константинъ Великій издалъ эдиктъ въ которомъ онъ высказывалъ негодование кровавымъ зрелищъ и гладиаторскихъ боевъ, впрочемъ, въ довольно общихъ выраженіяхъ. Еще Валентиніанъ I въ 371 г. отправилъ въ Римъ множество пленныхъ Саксовъ на създеніе зрелищъ, и когда нѣкоторые изъ нихъ жилили себя изнѣми, недождавшись страшнаго дня, то знаменитый философъ, Симмахъ въ негодованіи от-

зывается объ. Этою поступком римляне сарваровъ
милостию. Благоприятно Римляне давно осн-
данного уваженія видятъ ихъ на арене цир-
ка доблестно поагнать духомъ зварей. После
подоро, описанной императоромъ Клавдіемъ
(Claudius Gothicus, 268-270), расказываютъ его био-
графъ, что римскія провинціи были напоимено
рабами - сарварами: „Impletae servis barbaris
provinciae. Nec ulla fuit regio, quae Gothum ser-
vum triumphali quodam servitio non haberet.“
(Trebell. Polliones vita Claudii). - Въ IV^{мъ} вѣкѣ въ
періодъ постоянныя войны съ Германиями на
границахъ, число германскихъ рабовъ постоян-
но фактиско было возрастать. Галатскіе купцы
занимаясь выгнать ремесломъ - торговлею
невоинскими, направились въ военноплен-
ныхъ и развозили ихъ во все концы имперіи.
Въ концѣ IV^{мъ} вѣка едва ли можно было
однимъ состоятельнымъ дѣломъ, вообще имѣвшимъ воз-
можность держать рабовъ, въ которомъ не
было бы Германиа, скупившаго въ киммеріахъ,
или работавшаго въ саду или на полѣ. На дѣлѣ
Востокѣ, въ Антиохіи, Іоаннъ Златоустъ
встрѣчаетъ болышое число рабовъ въ богатыхъ до-
махъ.

Фактъ существованія огромнаго количества
рабовъ - германцевъ можетъ быть подтвержденъ
тѣмъ обстоятельствомъ, что при нашествіи
Готтовъ на Римъ въ началѣ V вѣка 40,000 ихъ, не-
довольныхъ Римлянами, присоединились къ Ала-
риху. - При Ородесіи и его охмѣлять это множе-
ствоноплеменниковъ на Римской территоріи
вызывало даже опасенія со стороны благомыс-
лителей людей. Сиперій, знаменитый писатель

время Аркадия, говоритъ: „Огромное количество рабовъ-персианцевъ таковы были опасны, что многие родины ихъ занимались ихъ продажей въ войска наши.“

Кроме этихъ рабскихъ поселений — которыхъ можно было найти даже въ глубинахъ Азии — существовали еще поселения другого характера, рассмотримъ которыхъ слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе.

Весьма часто случалось, что огромные количества персианскихъ пленныхъ, а иногда и цѣлыя племена сдавались после пораженій на войско Римлянъ безъ условій. Они назывались дэдиси и были также поселены на римскихъ земляхъ. Припомните здѣсь взглядъ Савини на происхождение колоната. Мы не можемъ согласиться съ теоріей знаменитаго юриста, который доказываетъ, что учреждение это было обусловлено своимъ происхождениемъ исключительно поселеніями персианцевъ, но вместе съ тѣмъ и не отрицаетъ того, что послѣ образованія его множество варваровъ селилось въ качества колони: они дѣлались крѣпкими землѣмъольщиками, должны были обрабатывать землю даже всего государственному, а иногда и частному. Римское государство владѣло многими империальными землями, достававшимися послѣ смерти вѣдиговъ, и также приобретало много земельной имуществъ посредствомъ конфискацій. На этихъ огромныхъ земляхъ, принадлежавшихъ фиску, и селились военнопленные. Сводъ нѣ о такихъ поселеніяхъ находимъ мы у нѣкоторыхъ римскихъ писателей — панегристовъ, которые вообще суждаютъ довольно вѣдливо

источником для изучения истории данной эпохи. Бесценный папирус Констанция Хлора рисует нам такую картину после победы его над Франками и Фризами.^(*)

„Мы теперь видим, как под городскими портиками сидят толпы варваров; под жестокими ударами сморщиваясь из свирепой натуры, взрослые мужчины дракаться от страха, падая или старухи, которых в молодости смотрят на своих испуганных детей, и молодых женщин, которых раздвигают упрямые свои супруги; слышное выхохот одного и жеманство другого, мальчики и девочки шепчут друг другу привычные ласковые речи; и все они будут распределены между провинциальными империи; все они сидят здесь в ожидании того, что их отведут на твои земли, которых их труды из пустынь превратятся в цветущие поля.“ Представившись военнопленным обрабатывающим землю, он говорит: „Дальняя и Фриза, будничавшие прежде на наших границах, теперь, покрывая потоки и грады от Первенских работ, обрабатывают наши поля, являются на ежедневную ярмарку с продаваемыми скотом, и вот варварский земледельец понимает цену хлеба.“ (Baehrens. *Ran. Lat.* III стр. 138, VII, стр. 169, 169 и 210).

Наконец следует третья картина, где германский варвар превращается в усердного и старательного слугу императора — при военном наборе: „Если его позовут к набору, он спешит

(*) *Сочинения папирусов* издана Беренсом: *Baehrens. „Ranegirici Latini.“*

на зовъ съ готовностью, скоро одтирается на су-
меду; его спина безропотно подвергается обычнымъ
наказаніямъ: ибо онъ гордится именемъ воина."

Городскія община, а равно и оторванное земле-
владѣнство первою поучаши германцевъ на че-
ловѣкъ крепостнаго права. Это подтверждает-
ся также и эдиктомъ Гоноріа 409 года, изда-
ннымъ по поводу посылки германцевъ въ чис-
ли Сигровъ (Sicri); въ этомъ эдиктѣ онъ прина-
маетъ землевладѣльца заявить свои требо-
ванія, если они хотятъ получить рабовъ для обра-
ботки земли.

Колонны были нужны не только потому, что
они обрабатывали землю и вносили ежегодно
огромное количество податей государству, но и
потому, что изъ нихъ набирались рекруты. Ра-
бы не могли служить въ войска, такъ какъ
военная служба считалась почетною; зато ко-
лоны служили для пополненія военнаго сѣдъ.
Владѣльцы бывшихъ иманій (latifundia) дол-
жны были ставить извѣстное количество рек-
рутъ со своей земли. Если землевладѣлецъ имѣлъ
мало земли и не могъ ставить рекрутъ, то онъ
нуженъ соединившись. Другіе и ставили извѣстн. Но
землевладѣльцы ставили въ рекруты самыхъ
плохихъ людей не только въ нравственномъ, но
и въ физическомъ отношеніи. Тогда развилась
извѣстная система замѣстительства. Она
состояла въ томъ, что землевладѣльцы освобож-
дались отъ обязанности ставить людей, если они
давали деньги (25 золотыхъ монетъ за каждыя);
потому уже само государство восполняло рядъ
войска другими людьми. Сенаторскія дома были
освобождены отъ обязанности ставить рекрутъ,

по отношению къ нимъ за правило было принято
взносъ денегъ.

Такъ обр. очевидна двойная выгода германскихъ
поселений для государства: 1) отъ освободительныхъ
выплатъ землевладельцевъ состоявшихся значи-
тельный приростъ, который шел въ казну, и т.) Изъ
Германцевъ же набирались сильные, полезные ре-
круты. Оттого-то въ Римъ, когда поднимался
вопросъ о принятии Германскихъ племенъ, про-
сившихъ позволеній поселиться на римской зем-
лѣ, или же просто о принятии Германцевъ въ
военную службу, все единогласно рѣшено было
въ положительномъ смыслѣ. — И такъ множе-
ство Германскихъ племенъ было поселено во
всѣхъ провинціяхъ въ видѣ людей, прикрѣплен-
ныхъ къ землѣ, кромѣ платили поселенческую по-
дадь и отправляли государственную повин-
ность, служба въ рядахъ воиска.

Франки получили при Максиміанѣ земли
въ странѣ преиспиръ Нервиевъ и Менапиевъ, —
въ Непнедаи и въ области рѣки Мозеля. При
Констанціи Амортъ Хамови и Фрикс (по свидѣтель-
ству Евменія) поселены были на правахъ коло-
новъ въ области преиспиръ Кельтскихъ племенъ
Амбидановъ и Белмоваховъ — въ нидерландск. граф-
ствѣ Артуа и Ликкардии (отъ нихъ получили
свое названіе города Амьенъ и Beauvais); затѣмъ
въ области Трикассиновъ и Лингоновъ (около
нынешнихъ городовъ Troyes и Langres, на гра-
ницѣ Бургоніи и Шампани). — Германскіе по-
селенцы въ области Белмоваховъ и Амбидановъ
въ с. западной Франціи и въ области трикасси-
новъ на верхней Сентъ-елладетвѣ двинулись вне-
редъ Салическихъ Франковъ въ V вѣкѣ онѣмъ

соединившись со своим единоименником. Указание на поселение Фризовъ заимствуется название *Frisione-curtis in pago Ambianensi* (менее *Frisourt* къ северу отъ Амьена), нашедшее въ грамотѣ 798го года (Mabillon, *de re diplomatica*; Schröder, „*Herkunft der Franken.*“ *Zeitschr. Siebel* 1880). Въ северной Бургунди, въ предней области Лангоновъ, по Союзу и Бунду до соединения ихъ. Немецкія поселенія еще долго сохраняли свою свободу; еще въ IX вѣкѣ въ северной Бургунди встрѣчается *pago Amaurum*, почитъ *Amaur*, *Emaur*, и особенно часто до самаго XII вѣка *pago Althoriarum* (Leuss, pag. 52); отсюда видно, что край *Амбаровъ* и *Амтуаріа* дали контингентъ для поселеній при Констанціи. Одинъ рассказъ Григорія турскаго (II, 25) похваливаетъ, что въ 480 г. при движении Франковъ (Амтовъ) въ область *Маселъ*, по соседству въ *Лангс*, къ территории котораго принадлежала область *Амтуаріевъ*, случилось ие обнаружилось волнение, опасное для Бургундовъ. Такого рода поселенія существовали во вѣкъ провинцій; въ *Балльмашъ* количество народивъ на ирѣ въ *Галліи*, гдѣ они граничили съ поселеніями свободныхъ саваровъ-федератовъ. Это обстоятельство очень важное, что замѣтно, напр., *Галліи Франками* предшествовавшая мирная германская колонизация (колонизация въ двоякомъ смыслѣ, тѣхъ къ Германцевъ являлись тутъ колонистами, т. е. поселенцами на чуждой территории и колонидами, т. е. прихотченными къ землѣ саваронами), такъ какъ она подготовляла условия будущаго германскаго завоеванія.

Другой родъ поселеній встрѣчается преимущественно въ *Галліи*, но существовалъ также и

составляла ст. баловишии германскими колониями. Констанция Амара, такъ что во многихъ иметъ постырь. Тамъ же образовалось почти сплошное германское население и это все въ значительной степени способствовало успѣху франкского завоеванія.

Кромѣ канониковъ и латинцевъ упоминаются еще третьяго рода поселенія, а именно поселенія такъ называемыя *gentiles* (слово это въ сущности означаетъ „иноплемениной“, „аборигеновъ“, но здѣсь ему придано совершенно другое значеніе). Въ опредѣленіи характера и отличій поселеній *гентилей* многіе ученые расходились; но нѣкоторое предположили, что это были только военные отряды, состоявшіе изъ нѣбольшаго варваровъ, размѣщенные въ разныя мѣста. Но *Leotard*, вышедшій въ свѣтъ въ 1874 г. сое. — „Essai, sur la condition des barbares, établis dans l'empire Romain au VIe siècle“, полагаютъ, что *гентилей* были тоже, что и *лати*; онъ говоритъ, что они также, какъ и *лати*, получали во владѣніе разныя участки земли съ правомъ обработки ихъ въ свою пользу, но съ тѣмъ только различіемъ, что *гентилей* были составляли въ римскомъ войскѣ не похоту, какъ *лати*, а конницу. Упоминаются даже два отряда *гентилей*, служившіе въ императорской гвардіи (они служили въ ней только представителями своего войска, какъ у насъ, напр. гвардейскіе казаки и гренадерскіе полки) — *militia palatina*. Отряды *гентилей* встрѣчаются въ Африкѣ и даже въ Азіи, но особенно много ихъ также въ Галліи — въ Нормандіи около *Тьра* и городовъ *Вауен* и *Сонтанс*, въ департаментѣ

Сармат, въ Оверни и около Руамбе. Последнее поселение состояло изъ Тайперомовъ, сроды его оставлены въ навашии истребности - Tippange sur Sèvre (къ сѣв. отъ Руамбе).

Следуетъ замѣтить, что отряды эти состояли не изъ одного германскаго племени, а преимущественно даже изъ Сарматовъ; къ германцамъ принадлежали только некоторые селенія обозначенныя. Въ позднѣйшее время имя Сарматовъ придаютъ Скивамъ, которые въ наши дни кажутся безразлично подъ этими двумя именами, а иногда носятъ и третье имя - Киммеріанъ. Но въ настоящее время подъ Скивами разумеемъ только живущихъ въ степяхъ южной Россіи Татаръ, такъ что, вѣроятно, вообще навашии Сарматовъ, объединившіе въ одну группу разнообразнаго народа, бѣли мажеть, дожилого въ сѣвѣ и Славянъ. Главнѣйшій же образъ ма должна видѣть въ иифѣ Алановъ (Асвовъ) стоявшихъ по происхожденію своему ближе къ иранской бѣлѣ арийскаго племени: это были удалые коневники, смѣлые и неутомимые наездники, и изъ этой черты изъ характера ясно, почему изъ иифъ то и составились конные отряды геттинговъ.

Кромѣ трехъ характеристическихъ нашихъ родовъ германскихъ поселеній, на римской почвѣ существовали еще поселенія ифловъ племени - Ферратовъ, свободныхъ соотечественниковъ, сохранившихъ свое государственное устройство, свое воле, даже своихъ князей. Таковы были въ древнее время Батавы, отчасти Франки и Вандавы (въ Нантоніи)

Такъ обр. изъ всего этихъ поселеній совершенно

мирными путями образовалось огромное варварское население на Римской почве. Концентрация эта особенно усилилась со времени Константина Великого. Кроме того немалое количество Германцев все продолжалось, во вид отгонивая, часто весьма многочисленных отрядов, вступавших на сущность Рима. Этому сущности прибралось бабшюй 40-тысячной кознью Готовъ въ римской арміи при Константинѣ (первое фредератом).

Населеніи эти даютъ возмодность объяснить тотъ относительно спокойный переходъ отъ римскаго господства къ варварскому, который совершился въ исторіи членовъства на рубежѣ древнѣй и среднѣй вѣковъ. Германцы, повторивъ, восторжествовали не побѣдой надъ мѣсто-наши Рима, не бурными, завоевательными нашествіями, а постоянными, неутомимыми проса-чиваніями на почву имперіи, работою на римскихъ поляхъ, ограниченно камикажемъ своихъ со-племенниковъ въ рядахъ римскаго войска и до-не значительный числомъ ихъ на высшихъ ступеняхъ чиновной іерархіи. При императорѣ Аео-дасіи это дѣлается особенно замѣтнымъ: природ-ное римское населеніе начинаетъ тяготѣть въ присутствіи такого огромнаго камикажа варваровъ. Фактовъ, падающихъ извѣстными убійствами Готовъ въ Солуніи, можно насчитать тысячами, но не смотря на все это мы видимъ, что даже такой унылой, давящей и энер-гичной правитель, къ Олоасіи, не можетъ от-каяться отъ системы варварскихъ поселе-ній и наливъ Германцевъ все продолжается.

Мит. Православ. Церкв. истор. Голоси. провост. 2. № 23.

2. Второй период Великого
Переселения народовъ. Вост.-Готы. Гунны. Дви-
жение Готовъ на римскую имперію.

Трагическою судьбою переселенія Германцевъ изъ предельнаго юга въ ихъ оседлости составляется часть возвратившейся къ Готамъ, которыхъ мы оставили въ степныхъ равнинахъ южной Россіи, рассмотреть некоторые явления и факты изъ ихъ жизни и проследить часть дальнейшихъ движений на Западъ.

Поселившись въ южной Россіи, Готы не составили одного сплошнаго обширнаго государства, а раздѣлились Дюнетрами, какъ мы видели, на два племени — Тюрвинговъ и Фрейтунговъ, такъ что царство Германариха Остготскаго, о которомъ всегда упоминается въ сочиненіяхъ о древнѣйшемъ періодѣ Русской исторіи, по всей вероятности, не было такъ могущественно, какъ говоритъ Торнадъ (по Торнанду царство Германариха простиралось отъ Чернаго моря до Балтійскаго и даже до Белаго, потому отъ Шейсса до Волги и устья Дона). Надо полагать, что Германарихъ былъ конунгомъ одного племени и, можетъ быть, имѣлъ подъ своею властью и соседнихъ славянскихъ и финскихъ племена (Торнадъ упоминаетъ о подвластныхъ Готамъ племенахъ Waisians, Merens и др., въ край можно предположить финскихъ племена — Весы, Мерю и др.).

Какъ уже сказано, Готы обитали мореходными, грабили берега Чернаго моря и доходили въ Малой Азіи до Каппадокии. Походы эти имѣли для Готовъ важное значение въ то время.

иении, что они познакомились и съ христианами.
Писатели, взятые во время этих набеговъ, от-
крыли подвигателямъ новую веру и даже до не-
которой степени явились миссионерами среди
варваровъ-эвигиновъ.

Къ одной изъ такихъ памятныхъ христианскихъ
ораний принадлежалъ и знаменитый просвѣ-
титель Готтъ - Ульфрида (Вульфрида). Сократъ,
Босменъ, Филостархъ и другіе писатели прямо
и определенно говорятъ, что онъ былъ каннодо-
кійскій грекъ.⁽¹⁾ Во всякомъ случаѣ изъ каннодо-
кимъ выведенъ былъ годъ или прагодъ его (въ 246 г.),
а самъ Ульфрида родился (342 г.) уже на Готской
почвѣ.

Въ многочисленнѣйшій столѣтіи, въ одной изъ библіо-
текъ, принадлежавшихъ грекамъ Вайтцманъ случайно
открылъ былъ нечаянной отроковъ, гдѣ грекъ
Ульфрида Алексій Ворословскій (Силистрийскій)
сообщаетъ о немъ довольно точно и определенно-
но съ достоинствомъ и передаетъ даже „Исповѣданіе
всего Ульфрида“.

Родившійся въ предѣлахъ тогдашней Россіи, между
Византией и Византией, Ульфрида по вероисповѣ-
данію былъ Аріанинъ. Знавъ Готскіе языкъ, онъ
изучилъ также Латинскій и Грецескій, задумавъ
еще въ ранней юности дѣло, исполненію котораго
потомъ посвятилъ всю свою жизнь.

Еще въ ранней юности Ульфрида сопровождалъ
одного Готскаго епископа на Никейскій соборъ,

(1) Нѣкоторое нѣмецкое изслѣдователю говорятъ,
что самое имя его - Wulfila (отъ Wolf) указываетъ
на его нѣмецкое происхожденіе, но предположе-
ніе это представляетъ мало вѣроятіе.

но по молодости летъ не могъ имѣть таинъ
всѣмъ. Впоследствии онъ отправился въ Кон-
стантинополь и поступилъ въ духовное званіе
чтеца (канониста). Около 341 года онъ былъ
посвященъ въ епископа, возвратился на родину
и таинъ уже принимая за дѣла, которое заду-
мано было имъ такъ давно^(*). Составилъ съ по-
мощью Греческаго языка алфавитъ для Готовъ,
онъ познакомилъ ихъ съ искусствомъ письмен-
ности и самъ перевелъ на Готскій языкъ ев. писа-
ніе, за исключеніемъ только книги Царствъ^(**).
Этимъ переводомъ ев. книгъ и поощреніемъ
Готскою азбуки Чисерма положилъ начало само-
битному народному расцвѣту Готовъ. Если Готы,
переселившись на римскую почву, долго дружили
сохранили свою самостоятельность, то этимъ они
обязаны были именно той опорт, которую нахо-
дили въ собственномъ возруженіи, въ ев. книгѣ,
переведенной на ихъ родной языкъ. Благодаря
этому же обстоятельству Арианство на долгое
время сдѣлалось національною религіею перво-
начальной Германіи, его исповѣдовали не толь-
ко Готы, но и Бургунды, Вандалы и др.

Упомяну Германію съ одной стороны возростаетъ

(*) Во время проповѣди Чисерма у Готовъ явился
еще проповѣдникъ Аидранъ, проповѣдникъ абсолют-
ной аскетичности, онъ сдѣлался основателемъ не-
сколькихъ Готскихъ монастырей.

(**) Любопытна причина, влечедеіе которой Чисери-
ла въ своемъ переводѣ пропустилъ книгу Царствъ:
онъ полагалъ, что для Готовъ, воинственныхъ и
безпокойныхъ, описаніе войнъ, хитрости напикана
книга, будетъ поощрительна вредна.

приобретения самостоятельности, с другой — в ней же, в этой религиозной автономии, неслучайно причина того, что государства их были не прочны на Римской почве: они были в аналогичности с „православными“ Галло-Римлянами, терпитарно которых заимки и это естественно ослабило их. Числениа долго проповождывали в странах Готов и носили множество посольствователей. Во время гонения, водвигнутого на христиан водидеи Теранголь — Атанариха⁽¹⁾, они уже не народили Числениа в Готии онъ не доисходилъ перерода Готовъ за Дунай и при началъ гонения ушелъ въ южную Россію и нашелъ со своими владкини убтанице около города Никополя (Никунъ на Дмитръ) и въ окрестностяхъ теперешней Плевны. Императоръ Константинъ, самъ ревностный Арианецъ, принидъ Числениу вселена насково, позволилъ ему поселить ея здась и даже наобвалъ его „Моисеемъ своего народа.“ Готы, пришедши съ нимъ, отказались совершенно отъ своей воинственности и долго оставались на повоиъ маетъ поселенія. Въ преддваріи Римской имперіи Числениа продолжалъ дройствовать совершенно такъ же, какъ и на своей родинѣ; до самой смерти своей онъ былъ вассаломъ уваженъ императоромъ; предъ своею кончиною онъ былъ нимъ прииманъ для умиротворе-

⁽¹⁾ Гонение это описано въ поѣмъ современниковъ и многопоѣмъ митри св. Савва Готскаго; тамъ говорится между прочимъ, что Атанарихъ бѣжитъ изъ Готіи, возя съ собою иконы и повелѣвая приносить имъ жертвы и ~~отраивать~~ богослуженіе. Многие изъ христианъ пострадали при этомъ.

ний распри между последователями арианского исповедания и приверженцами какой-то новой секты, основанной одним Готским еретиком.

Деятельность Чисорима имела огромное историческое значение: переводая св. Писания на Готский язык он обеспечил самостоятельное развитие и обособление Готов. Чисорим уже не было, когда Готы, под давлением азиатских народов, должны были двинуться на запад и оставить свои жилища на Дунае и Антисее.

Многие из переселенцев Готов были даны Гуннами (народы финнского или тюркского происхождения), движение которых было совершенно сходно с движением Аваров и других варваров, вышедших из Средней Азии.

Гуны прежде всего проводили страшную политику на Иллиров или Ясов, область которых они разорили, многих умертвили, а оставшихся принудили к союзу. Ободренные этим успехом, они бросились с величайшей храбростью на огромных и богатых владетелей Германариха, конунга, уважаемого всеми соседями за великую храбрость (Амт. Марс. 31, III). Германарих погиб в борьбе с Гуннами, которое потом начал теснить и Вест-Готы (Тервинговы). Последние, под предводительством Алавива, заняли берега Дуная и послали к императору Валенту просить о принятии их на римскую землю, обещая при этом жить мирно и покорно и в случае необходимости воевать в помощь императору (ibid. IV). Слыхом о появлении нового варварского племени уже дошел до Римлян, когда послы явились в Антиохию.

Просьба ихъ подверглась долгому осужденію въ виду необходимости многочисленности ихъ; между тѣмъ летею въосставшимъ египетъ императора, къ которому, безъ всякихъ заботъ съ его стороны, сами ими рекрутѣ, въ помощь коихъ войска его станутъ неподобными. Не перъ вѣроятно будетъ вѣроятно набора требовать съ провинціаловъ деньги и государственная казна наполнится богатствами (ibid.).

Осенью 346г. явилась недобрыйшая масса ихъ на Дунай (700 или 900 тыс.). Едва только приняло названіе Готамъ перейти рѣку и поселились въ Аракіи, къ началу переправа, не прекращавшаяся ни днемъ, ни ночью, говоритъ Аммианъ Марцелинъ; на лодкахъ, челнокахъ и выдвинутыхъ ствалахъ деревьяхъ переправляли они на римскій берегъ. Рѣка, которая и всегда представляла здѣсь наибольшую трудность для переправы, теперь еще увеличилась отъ дождей; оттого много, не будучи въ силѣ выдѣлать теребиль, потонули (ibid.).

Во время этого переселенія обнаружилась главная язва Римской имперіи — непрочность и безточность во всемъ римлянинахъ. Луций, „comes per Thracias“ и „dux“ Максимъ съ ихъ безсмысленныхъ корабельщиковъ, по словамъ Аммиана Марцелина, были прикиномъ всего зла.

Когда римляне были поставлены Готами поселиться на римской землѣ, вместе съ тѣмъ постановлено было въ виду предпріятія опасности, перевести сначала женщинъ и детей въ видѣ заложниковъ, а потомъ уже безоружныхъ варваровъ. Но Готы между тѣмъ говорили, что

лучше расстаться со своим, чем со своим
и это непреклонное решение сохранить оружие по-
дано поводъ упомянутымъ римлянамъ братъ
отъ нихъ взятки и вопреки условию разрешить
имъ за деньги сохранить оружие при себѣ. Кро-
ме того варвара после переправы терпимымъ недо-
статкамъ въ своемъ припасамъ, самъ импера-
торъ приказавъ отпустить воисудитъ насъ. Фри-
тигерну и Анабису провантъ; этотъ недося-
жко поводъ бесчестный ~~и~~ ^{тиковникамъ} какъ гово-
ритъ Аммианъ Марцелинъ, поводъ заклю-
чатъ самый откровенный сдѣлки. Они про-
давали собакъ (какъ съветской товаръ), много-
ли и на работу, требуя одного раба за 10 ф.
миса. Тотъ далъ имъ были расстаться со сво-
ими своими драгоценностями и наконецъ, когда
голодъ усилился, продавали за пищу сыновей,
женъ и сестеръ своихъ въ рабство Римлянамъ,
этой участи не избѣгли даже дѣти знатны-
ицы варваровъ.

Раздражение Готовъ противъ безсовѣстныхъ
притворителей достигло высшей степени и
выразилось наконецъ откровеннымъ мятежомъ по
слѣдующему поводу. Лупикинъ пригласилъ Фри-
тигерна и Анабиса ~~на~~ ^{на} ~~на~~ ^{на}, но не велѣлъ пу-
ска въ городъ никого изъ Готовъ, изъ чего къ
воротамъ поставлена была даже стража. Го-
лодающие Готы стали просить позволенія вой-
ти въ городъ, чтобы только купить себѣ хлеба;
такъ какъ ихъ не пускали, то скорѣе между ними
и городскими жителями возникла ссора, пре-
вратившаяся въ кровопролитную драку. Часо-
вое были убиты. Лупикинъ, услышавъ объ этомъ
и будучи разгоряченъ выпитымъ въ деньномъ коми-

гестовъ виною, велѣлъ передѣть часть готской дружины (стоявшей передъ его жилищемъ, какъ почетная стража) и голова ихъ выбросить за стѣны къ ихъ родинамъ — Готамъ. За стѣнами происходилъ страшный шумъ и смѣшеніе; дикіе угрозы раздавались со стороны Готовъ, думавшихъ, что и конунговъ ихъ удерживаютъ силой. Тогда Фритигернъ обнаружилъ замаскированную нахотливость: бѣдѣ, что бы и въ, убѣжденіи не удерживали, какъ заложниковъ, онъ сказалъ, что Римляне подвергнутъ себя страшной опасности, если не выпустятъ ихъ, тогда успокоитъ Готовъ, думавшихъ, что начавшихъ ихъ убить. Это предостереженіе подѣйствовало, ихъ выпустили, и они, съ восторгомъ принятое своими, удалились поспѣшно и начали воздусудать повелѣду Готовъ къ восстанію и мщенію.^(x)

Потѣ одновременно съ этимъ, явился еще и другой поводъ къ войнѣ. Въ Адрианополь стоялъ отрядъ Готовъ, состоявшій на римской службѣ; императоръ Валентъ приказалъ этому отряду идти за Темеспонтомъ, въ малую Азію (376 г.); сначала Готы отнеслись къ этому равнодушно: они согласны были идти, лишь бы имъ дали основаніе, провіантъ и два дня отдыха. Но городскія власти испортили все дѣло; собрана была цѣлая толпа мастеровъ, оружейниковъ и черни, край стала грозить отряду нападениемъ, если они не уйдутъ немедленно;

^(x) Надробности обо всемъ этомъ можно найти у Аммиана Марцелина и въ Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit Auszüge aus Amm. Marcel. Lieferung 57.

даже пушено было несколько стрел. Тогда варвары пришли в ярость, перебили всаго, кто попался под руку и ушли къ Фритигерну.

Въ слѣдующемъ году самъ Фритигернъ явился подъ стѣнами Адрианополя; но, видя неуживчивость своихъ людей и непривычку ихъ къ правительной власти, онъ посоветовалъ „не вести войну со стѣнами“ и лучше обратиться на открытую страну, гдѣ можно быть гораздо менѣе труда и гораздо больше добычи. Во время этого обнаружилось и другая сторона опаснаго поманенія Римской имперіи: цѣлая масса рабовъ, по словамъ Амм. Марцелина, перебѣгали къ варварамъ, указывая имъ на нурскія мѣста, на земли, изобилующія запасами. Даже недовольное крѣстьяне-Римляне предпочитали грабить виллы въ Готамъ, чѣмъ подвергаться грабежамъ.

„Ни одно мѣсто, — говоритъ Амм. Марцелинъ: — если только оно не было совершенно необходимо или непроходимо, не было пощадено ими. Не разбирая ни пола, ни возраста, убивали и женщинъ все. Младенцевъ отрывали они отъ груди матери, убивали матерей на глазахъ у жёнъ и взрослыхъ братьевъ передъ глазами родителей увлекая въ рабство“ (ibid. VI).

Съ горестью узнавъ императоръ Валентъ обо всёмъ этомъ и тотчасъ же отправилъ прокураторовъ двухъ военачальниковъ съ войсками (Профутуръ и Трајанъ), которые отчасти отогнали Готовъ отъ Балканскихъ горъ и разбили ихъ на мелкие отряды.

Въ то же время, когда на Балканскомъ полуостровѣ свирѣпствовали толпы Готовъ и привлекали на свою сторону значительные отряды

Римского войска, состоявшие из сарваровъ, въ
Галлии, наиболѣе значительной провинціи импе-
ріи, происходилъ цѣлый рядъ возстаній такъ на-
зываемою баргодовъ.

Между тѣмъ противъ Готовъ выступилъ изъ
Константинополя императоръ Валентъ. Вна-
чалѣ онъ былъ обрадованъ благоприятными по-
дами дѣлъ, но скоро принужденъ былъ расго-
рѣваться во время своихъ усюхъ послѣ знаме-
нитого сраженія при Адрианополѣ, гдѣ войска
его потерѣли страшное пораженіе. Но въ то
же время, когда происходило это неблагоприят-
ное для Римлянъ сраженіе, императоръ
Западной части имперіи, Траціанъ, спешивъ
на помощь войску, находившемуся при Адрианополѣ,
и лишь религіозной амтагошнннъ по-
мощью успѣшному для римскаго народа оконча-
нію войны: Аріанинъ — Валентъ ни погубилъ какинъ
видимъ не хотѣлъ доминировать Траціана един-
ственно потому, что этотъ придерживался
Никейскаго исповѣданія, и безъ помощи
его вступилъ въ битву съ неприятелемъ. Какъ
известно, сраженіе при Адрианополѣ (въ 378 г.) окон-
чилось полнымъ пораженіемъ Римскаго вой-
ска и гибелью Валента. Между тѣмъ война
съ варварами продолжалась и скоро сдѣла-
лась причиной возвышенія Феодосія, который
жилъ до того поръ въ уединеніи. По смерти
Валента правитель Западной Римской импе-
ріи, Траціанъ, призвалъ его въ соправители и
онъ вмѣстѣ Валента сдѣлался императоромъ
всѣхъ частей имперіи. На Феодосія преф-

де всего падана задана окончить борьбу с Вестготами. Война продолжалась с перерывами и счастливо кончилась. Феодосий при помощи своего варваров, отчасти того же самого Готского происхождения, успел истребить по какому-то некоему Готскому маю, опустошившему Орахию и гонившему Салуны и даже Константина помянутого; только в 382 г. он одобряет это и не встречая, что со страшными противниками римского народа заключить мир и союз. Не смотря на подвиги и умоленное обращение Феодосия с Готами, мир, заключенный им, был весьма непрочен.

По условиям договора они остались в пределах Римской империи, но им не дано отведено какой-либо определенной территории или какого-либо определенного пространства земли для поселения, где бы они могли устроиться целыми массами; напротив отдаленное и неудобное отдаленное Готы были разбросаны во разном месте Балканского полуострова и отчасти по южной, быть может, землевное надобно, в Готы-ицистство они сугубо остались без земли и полуками и много запасов и императорский магаринов, не занимаясь земледелием. Готы, по своему обычаю, пришли на римскую территорию с целыми семьями-мелкими и детьми, а потому и для поселения им требовалось большое пространство. Хотя не место они, не смотря на неудобство поселения, оставались спокойными на своем месте во все время царствования Феодосия. Этот последний сначала колебался, какой образ действий избрать относительно варваров, но потом примирился

въ немъ, убедившись, что уже поздно думать объ уничтожении германского элемента въ римскихъ владенияхъ. Осознавъ ясно покаяние, что присутствіе Германцевъ мешаетъ правильному развитію страны, но въ то же время видя, что нѣтъ уже никакой возможности искоренить ихъ. Они дадутъ сдѣлать важную уступку Готамъ, дозволивъ имъ въ самой столицѣ публичное отправленіе богослуженія въ нѣхъ аріанскихъ церквяхъ и аріанскими священниками. Число варварскихъ войскъ въ Константинополѣ было такъ велико, что городъ имѣлъ почти латинскій видъ и Римляне считали себя готами. Восточная часть имперіи была наводнена Готами; левая наполнена ими; они приобрѣли могущественное вліяніе при дворѣ; даже въ области моря вассалы сапоги вишего сандалий и латинскіе плащи (*indus tranguarum et braccarum*), латинскіе длинные волосы, латинская широкая одежда (*indumenta pellium*) - торжественными надѣвными зованными обычаями, пока не явились указы, прекратившіе это похищеніе лучшей части общества варварскими обычаями.

Но, какъ общественное мнѣніе людей массъ и образованныхъ, такъ и настроеніе Готы было крайне враждебно принятому варварамъ. Это выражается на массе надобъ во вѣкъ современности сочиненій. „Несколько не было, теперь случилось“, — издается Готы Зиди тауэ. „Варвары ставятъ свое отечество, свободно разгуливаютъ въ нашихъ областяхъ, проходя многихъ людей, все садятся и предаваясь грабежу; и за то они забываютъ, что имъ слѣдовало бы воротиться домой. Они какъ

будто воцели короводы, а не войну вели — они смирят
 ся надъ всеми нами. Современный, для поздней-
 шихъ временъ великій авторитетъ медицинсконъ
 науки — Галенъ — объявляетъ, что для всаго гадается
 его наставлений, но только не для Перманцевъ;
 это — змеи, и притомъ совсѣмъ неблагогородное, а
 мнѣшаго разбора. Для ритора Велисерія ненавистъ
 но до послѣдней степени самое имя Саисовъ, ко-
 рое тогда по преимуществу агитало Готовъ. На-
 родное раздраженіе туремнаго населенія скакова-
 лось въ таковыя сценаръ, какими сопровождались
 извѣстныя событія въ Марціанополѣ и Адрианополѣ.
 Знаменитое восстаніе въ Рамоникахъ, за ко-
 тарое Осодосій отплатилъ жестокий кровопро-
 ливъ, направлено было прежде всего противъ
 распоряженій Гота (Ботериха). Философъ Сене-
 сій описываетъ намъ одну удивительную схватку
 Константинопольскаго населенія съ наемниками
 и его соучастіе вполне на сторонѣ толпы. Не-
 мено прибавить, что этотъ послѣдній писатель
 наиболѣе ясно сознавалъ опасность, грозившую
 имперіи отъ наводненія отъ варваровъ. Онъ
 прямо говоритъ: „Въ императорѣ теперь два на-
 чала: Оригенъ и Вриманъ — дѣло, которое борет-
 ся со зломъ.“

Итакъ, со стороны Римлянъ и Грековъ мы
 видимъ безграничное презрѣніе или безсилную
 досаду. Готы съ своей стороны платили Рим-
 лянъ того же монетою. Златоустъ передаетъ
 намъ слова одного вадиды: „Я удивляюсь на-
 сти Римлянъ — они позволяютъ удивать себя,
 какъ овецъ, и еще надеются на побѣду; лучше
 было бы имъ оставить свои земли. Мною само-
 му часто приходило удивать ихъ до пресыщенія“

Поведение варваров, размоуценнаго военными посто-
лами въ разномъ мнѣнїи, и прежде не всегда отли-
чалось кротостю и добродушиемъ; теперь оно было
жестокимъ и гнуснымъ, и основательнымъ преступнымъ.

Императоръ Олодсий во все время своего цар-
ствования любилъ держать варваровъ въ относи-
тельномъ покои, но не то виднѣлось имъ во время пра-
вленія его двухъ сыновей, Аркадїя и Гонорїя, ког-
да имперія была раздѣлена на 2 части. Наче-
лись новыя и страшныя восстанїя Готтовъ.

3. Другія намѣстїя. Аларихъ.

Вест-готское государство.

Уже въ теченїи нѣкотораго времени Вест-Готы на-
мѣтали воссоздать свою свободу національностью, воз-
становить государство, которое они составили
во время своего пребыванія на берегахъ Дона и
Днѣпра. Для осуществленія этихъ плановъ Го-
тамъ нужно было избрать особаго конунга,
и они выбрали на этотъ вѣдѣтельный Алариха
Балбу. Слѣдствіемъ возродившимся въ предвѣдѣ
Римской имперїи. Готы подошли къ самому
Константинополю, но не разрушили его, усту-
пая просѣламъ жителей и благодаря много
численнымъ подаркамъ; вѣдѣвъ этого они
вторглись въ Аѳфику, овладѣли Ассиною, Си-
рией и разорили Пелопоннесъ.

Вскоро Аларихъ сдѣлался на столько моу-
щественнымъ, что услугами его стали пользова-
ться какъ Аркадїя, такъ и Гонорїя, и слѣдствіемъ
такой политики римскихъ императоровъ было
рѣдкѣ вторженїя Вест-Готовъ въ Италию; пер-
вое изъ этихъ вторженїй относится къ 401 году.

Въ Ноябрь этого года Аларихъ перешелъ границу Италии и осадилъ Аквилу; не успевъ взять крѣпкого города, онъ двинулся даѣе на Западъ. Руководителъ Готаріи - Вандайлъ Стиммонъ не располагая достаточными силами, чтобъ немедленно выйти ему на встрѣчу. Онъ велѣлъ укрѣпить стѣны Рима, выдѣлъ легиона изъ Британніи, чтобъ они защищали страну отъ Пиктовъ и Скоттовъ и даже рейдскую армию, поручивъ охрану границъ союзникамъ Франкамъ. Сами онъ между тѣмъ отправился черезъ Альпы въ Рувіо и Норикъ и переговорами успѣлъ склонить къ поступленію на римскую службу многихъ варваровъ. Онъ спустился оттуда въ Италию предъ наступленіемъ весны, когда Аларихъ угрожалъ Милану, чтобъ итти свое императорское предвѣніе Готаріи. Важнейшее сраженіе произошло при Полленціи (на р. Манаро) 6го Апрель 402 года въ день Пасхи. За эту побѣду христіанскіе писатели обвиняютъ Стиммонъ, считая его образъ дѣйствій постыднымъ и оскорбительнымъ для св. днѣ. Въ сраженіи на побѣдѣ, восклицаетъ Орозій, но этого не побѣдой имѣли сами побѣдоносцы.

Но, не смотря на все нападки христіанъ, побѣда Стиммонъ имѣла важное значеніе для Италии; Стиммонъ оградилъ предѣлы Западной римской имперіи отъ нашествій варваровъ и всѣ опасности обрушились на Восточную часть св. Аларихъ вывелъ свои войска въ Иллирію и долгое время стоялъ около города Диррациума (нын. Дураццо, слов. - Драгъ).

Итакъ, Вост. Готы на нѣкое время оставили въ покоѣ Италию. Но въ 404 и 405 год. она

испытала другое нашествие — Радагайса (Радигера). Об этом нападении варваров на римских вельмож и темных евреян. Сам Радагайс был остготом; нужно думать, что к этому же племени принадлежала главная масса его ополчения, хотя тут могла быть и примесь восточных друинов варварских народцев, толпившихся на Среднем Дунае и Тиссе, где уже только номинально держалась римская власть.

Панический страх овладел Италией при приближении Радагайса, который без труда разбил пограничную военную стражу и начал опустошать вершины Италии; разорил села, успев взять и несколько городов. В самом Риме страх был так велик, что началось даже некоторое религиозное движение; адепты возводили всю вину за бедствие на христиан, и доказывая бесилие ир. Бога, успели поколебать веру многих. Среди общей паники Стимироу долго не мог собрать достаточного количества войска для отражения варваров; посредники и приготовления миновали 404 год. Наконец после долгих усилий ост-готы в 405 году были разбиты. Стимироу застал их при осаде Флоренции и принудил к отступлению. Масса варваров распалась на части, часть удержавши самопроизвольно; одна из них была уничтожена Стимироном; другую он запер в отрогах Аппенинских гор при Физулах (Физоке) и голодом принудил к сдаче. При этом было взято 12000 знатных пленных, которые поступили на римскую службу в Малой Азии, составив там особую кохоню оттиматов. Кроме того огромный массе готы были проданы на рынках

Лит. Гротове Петер. стр. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

и увеличившим собою число рабовъ.

После кровопролитнаго сраженія 405 года Италія оставалась нѣкое время въ покоѣ, но зато въ 406 г. сильно пострадала наиболѣе значительная изъ провинцій ея — Галлія, такъ какъ въ предѣлахъ ея вторглись толпы Свевовъ, Алановъ и Вандаловъ. Въ устраненіе распространенныхъ недоразумѣній нужно замѣтить, что вторженіе варваровъ въ 406 году съ предвѣдущимъ намѣстившимъ Радарихомъ не имѣло никакой прямой связи. Главную роль, повидимому, играли тутъ Вандалы. Они пришли изъ Патнонии, гдѣ и по селѣ продолжаютъ жить образъ главная масса этого народа. Побудительного причинного движенія вовсе не было желаніе доботь себѣ новую землю для поселенія, такъ какъ и въ Патнонии было довольно простора; это былъ только разбойническій набѣгъ, задуманный въ одинокую разсмотрѣвъ изъ Вандаловъ прислаивающаяся большая толпа Алановъ, послѣдовавшая за Готами и бродившая между устьемъ Днѣстра и Дунай. Свевы составили нашествіе значительной контингентъ и, повидимому, присоединились къ прочимъ толпамъ уже на Рейнѣ, вблизи котораго сами они обитали. Общаго вандальнаго нашествія не имѣло и связи между отбывшими отрядами была весьма слаба. Когда толпы Свевовъ, Алановъ и Вандаловъ направились въ предѣлы Галліи, она была совершенно беззащитна, такъ какъ Аттириусъ вывелъ оттуда римскіе легіоны, и въ ней осталось лишь мирное Галло-римское населеніе; обязанность охранять римскую границу была возложена по договору на Франковъ и другихъ варваровъ (даже Алановъ подъ предводительствомъ Бора). Франки

действительно попытаться загнать вглубь в пределы империи своих варварских соплеменников. Борьба была сначала благоприятна для Франков, но вновь явившееся подкрепление изгнано покорение франков в Галлии и пограничная заплата была прорвана. В продолжении трех лет варвара разорили Галлию; даже отдаленная Аквитания не была безопасна от них; такъ какъ Римляне не держали гарнизоновъ внутри страны и записками только границы. Среди смуты и хаоса перешли черезъ Рейнъ и другіе варварскіе составы. Аламанны, Бургунды и Франки окончательно утвердились на левомъ берегу Рейна. Страсбургъ, Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Реймсъ, Амьенъ, Аррасъ и другіе города были взяты приступомъ и разграблены; но еще долго удерживалось въ нихъ римское население, покуда что Германия изобила городовъ. Было довольно облегченій для Галлии, что наконецъ Вандалы, Аламанн и Свевы въ 409 г. захватили проходъ въ Пиренеяхъ и спустились въ Испанию, до сихъ поръ неприкосновенную; они долго еще будутъ хозяйничать тамъ, пока Вест-Готы не возворятъ настоящаго порядка. Попытка, сдѣланная некоемъ богатымъ испанскимъ землевладѣльцемъ, состоявшимъ въ родствѣ съ домою императора Седосія, остановить варваровъ въ Пиренеяхъ (для чего они вооружали своихъ слугъ и рабовъ), имѣла значеніе только въ томъ отношеніи, что указываетъ намъ на проблескъ энергии въ средѣ римскихъ магнатовъ, на остатокъ живой общественной мысли.

Всего за то, въ 408, 409 и 410 г. страшной

дий Рима Анарий появился снова в Италии. Она теперь не имела уже своего главного защитника; онъ былъ жертвою придворной интриги, прикрывавшейся патристическимъ негодованиемъ на господство гуннелица, обвинявшей великаго варвара въ имманентескии сношенияхъ с Анариемъ, въ замыслахъ на римскій престолъ для своего сына; но смертью своего Стилихона доказавъ свою невинность и свою преданность Риму; если бы захотѣлъ, онъ могъ бы найти себѣ опору въ варварскихъ элементахъ арміи; но онъ самъ отказался отъ защиты, которая предлагалась ему соименниками, и захотѣлъ спасти себя материнскою или бундовскою Реакціею, наставляя посылъ его удѣла, сопровождаемаго страшными кровопролитіями, которое коснулось не однихъ только варваровъ, Олимпій, глава интриги, погубившей Стилихона; стараясь придать дѣлу такой видъ, будто онъ борется ради патристическаго принципа, будто онъ стремится очистить Италию отъ варваровъ. Лживость его заявленій, распухшая на господствующее неудовольствіе кореннаго Италіанскаго населенія противъ гундовъ пришелицевъ, доказывается уже тѣмъ, что не давалось пощады и Римлянамъ, подозреваемымъ въ преданности къ Стилихону, и что съ другой стороны снова принимались на смущеніе толпы Бундовъ и все тѣ же Готы. Разнузданныя Фрети солдатина выразились въ кровавой бойнѣ, которую устроили римскіе легіонеры; со страшного зрѣлища бросились они на оленей и ортей, принадлежавшихъ федератамъ, т. е. союзнымъ Готамъ, и оставленныхъ ими въ изобиліи расхвар

тирования; въ разныхъ городахъ и селлахъ Италіи произведена была ужасающая резня. Веллудоріе этого 20,000 вооруженныхъ готовыхъ варваровъ поднялись и ушли къ Анарифу. Анарихъ не упустилъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и проводилъ себя метителемъ за Эмилирономъ. Онъ призвалъ къ себѣ своего родственника Амаувер^(х), стоявшаго съ частью Готскаго племени въ верхней Панноніи (странѣ между Дунаемъ и Савою) и пошелъ на Италію. Почти нигдѣ не встрѣчилъ онъ сопротивленія. Воскресившая мнимо-національная партія занята была преследованіемъ и потканіемъ приверженцевъ Эмилирона, все еще не прекращавшихъ окончательно. Анарихъ на этотъ разъ не остановился въ верхней Италіи, но появился въ виду „вѣчнаго города“, давно-со времени Аннибала не видавшаго враговъ предъ своими стѣнами. Въ началѣ 409 года онъ осадилъ городъ съѣзда императора. Плоцидія находилась въ Римѣ и вместе съ сенаторомъ нашимъ необходимому устранить Серену, жену Эмилирона, великую дочь императора Сеодосія, сестру Гонорію; они бѣжали, что-то она изъ мести не предала Римъ Анарифу и потому приказали ее убить. В.-Готы между тѣмъ расположились предъ вѣчными городскими воротами и прервали съ юга сообщеніе города съ Африкой, такъ что подвозъ съѣднѣнъ припасовъ Римъ прекратился. Теперь Римляне увидѣли, что врагъ серьезно замысливаетъ овладѣть горо-

(х) Немецкое имя, изъ хвато образовались романскіе Аголаро.

домъ и ртисшимъ упорно защищаться. Они на-
ходились на выржку изъ Равенны, въ крепкую
стѣну которой заставъ Гонорій со своими соотру-
жниками; но день проходилъ за днемъ, а желанная
помощь не являлась; чтобы сберечь запасы, умень-
шили вдвое рационъ; нужда скоро заставила
ограничиться только $\frac{1}{3}$ порціи. Недостатокъ
возрастаетъ все болѣе и всеобщее голода на-
чался моръ. Много жителей умерло и трудное
поискали по улицамъ, такъ какъ не могли быть
преданы погребенію въ обычномъ мѣстѣ, передъ
городскими воротами; они зарывали вонючъ
и увеличивали дѣйствіе повальной болѣзни. При
этомъ случаѣ вдовствующая императрица, те-
ма Трациана — Лета (Laeta) прославилась
благотворительностію; на основаніи привилегіи,
данной Валерию, она получила отъ сиска из-
вѣстное количество сѣна для припасовъ; теперь
она дѣлила его съ голодающими населеніемъ.

Но нужда возрастала все болѣе и болѣе,
и жители доведены были до необходимости
питаться гнилымъ мясомъ. Тогда гра-
федане рѣшили или заключить справедливую
сдѣлку съ Анаришъ, или все сдѣлать въ маж-
ку, и испытать свое счастье и доблесть воен-
ную, такъ какъ по замощанію Зосимы, графедан-
не, благодаря постоянному военному управле-
нію, привыкли къ оружію и уже не бѣжали
болѣе войны и сраженій.

Послы, отправленные къ Анаришъ, приво-
ли въ его лагерь Вестготскій конунгъ восмущаю-
щаго сообщенія. Когда они доложили, что рим-
скій народъ управляетъ въ обращеніи съ ору-
жіемъ и въ отчаяніи не отсутствовалъ предъ откры-

того боровой, Анарик насильственно воемил кнутом:
 „Темъ лучше трава, темъ лучше косить.“ Онъ зналъ²
 Римлянъ, и въ частности жителей „вечнаго горо-
 да“ и очень хорошо понималъ, какъ мало нужно
 было бдѣть изъ отчаянной храбрости. Темъ
 не менше онъ вступилъ въ переговоры. Условія,
 предложенныя имъ, были сначала чудовищны:
 онъ требовалъ выдати всего золота и серебра,
 а также драгоцѣнностей и всего рабовъ варварска-
 го происхожденія.

Когда одинъ изъ присутствующихъ поста-
 вилъ главный и вместе крайній вопросъ,
 что же онъ оставитъ жителямъ, Анарикъ
 отвѣтилъ: „жизнь!“ Однако онъ далъ имъ пере-
 миріе, чтобы они могли переговорить съ садисе-
 нскими и получить новыя инструкціи. Отка-
 ние очевидно Римлянамъ. Въ этотъ моментъ
 опять пришла мысль воротиться къ старымъ
 богамъ — богамъ предковъ; говорили, что какой-
 то городъ въ провинціи былъ спасенъ отъ Ана-
 рика темъ, что жители стали молиться бо-
 гамъ. Зосима, почти современный писатель, рас-
 положенной, правда, весьма враждебно къ хри-
 стианству, утверждаетъ, что самъ епископъ римскій,
 ставя общее благо выше своей враги, далъ на
 это тайно свое согласіе; но сенатъ все таки
 побоялся устроить публичную церемонію по
 старому обычаю. Обратившись снова къ пере-
 говорамъ, отправили второе посольство къ Ана-
 рису, которое и добилось болѣе умеренныхъ
 требованій, а именно: 5 т. ф. золота, 30 т. ф. се-
 ребра, 3 т. пурпурныхъ одеждъ и 3 т. ф. перизъ. Городъ,
 обывавшій со времени Константина, не могъ
 представить требуемой суммы иначе, какъ

опять приделаны къ старым богамъ: многія драгоценныя массивныя статуи были обращены въ ситки; между прочимъ статуя богини *Virtus*. Аппианскій писатель, отъ котораго мы знаемъ объ этихъ подробностяхъ, говоритъ съ горечью о паденіи тѣхъ ещенъ, имѣвшихъ симиологическую древнюю римскую доблесть; онъ полагаетъ, что съ этого времени храбрость и мужество окончательно покинули римскія гражданъ; но не ошибается ли онъ, сличаясь съ движеномъ впередъ дѣлу этого измѣненія римскаго дѣла? Города освобождены отъ осады и опасности, но еще не окончательно, потому что Анариусъ ставилъ его судьбу въ зависимость отъ подтвержденія договора императоромъ и отъ условий, которыя онъ поставитъ касательно общаго мира.

Отправившись посольство въ Равенну. Императоръ не хотѣлъ пока вступать въ переговоры съ Анариусомъ объ извѣстныхъ и наступательныхъ условіяхъ, но подтвердилъ договоръ Рима, такъ что по возвращеніи посольства цѣль была почти достигнута.

Анариусъ снялъ осаду и жители въѣхали въ свободу. Вестгалы направились къ северу; но Анариусъ не могъ советовать предъхранить страну отъ грабежа: одинъ отрядъ варваровъ напалъ на провинціальный конвой и въ Осіи въ Римѣ и разграбилъ обозъ. Примѣрное наказаніе марсеровъ показало, что варвары лучше знаютъ замирать Римляне, чѣмъ императоръ.

Огромное количество рабовъ усилило готовую армию, расположенную лагеремъ въ Тускани (Тосканы). Говорятъ, что число этихъ переданныхъ рабовъ простиралось до 40 т.; очень вероятно, что тутъ былъ значительный процентъ пленныхъ.

никовъ, остававшиеся после разгрома полчищ² Радагайса.

Пока войско Алариха стояло въ Мусции, изъ Рима отправилось второе посольство въ Равенну, но такое, какъ и первое, оно не было въ состоянии побудить дворъ къ заключенію мира и къ выдачѣ заложниковъ: ни представлений благодарныхъ, ни описаніе нанесенныхъ бедствій не производили. Олимпій упорно отказывалъ въ своемъ согласіи: гониміе на варваровъ продолжалось.

Въ Римѣ было сильное начальническое снисхожденіе за то, что онъ не показывалъ полного усердія въ преследованіи приверженцевъ Стимирона. Въ Равеннѣ несколько знатныхъ чиновниковъ были подвергнуты нападкѣ впрочемъ съ цѣлью возбудить приверженцевъ тому же Стимирону. Дворъ началъ вооружаться и высылалъ изъ Далмации вѣст. чепованъ, но дворъ отрядъ наткнулся на самого Алариха. Онъ былъ почти совсѣмъ изнеможенъ, только 100 человекъ спаслись бѣгствомъ.

Аларихъ въ наказаніе снова двинулся на Римъ и обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Изъ Рима отправилось третье посольство въ Равенну, предводимое римскимъ епископомъ и охраняемое вестготскими отрядами. Въ Римѣ узнали въ это время о движеніи Атаульвера; при в. Римъ Атаульверъ былъ разбитъ, но, потерявъ 1000 чл., пробился къ Алариху.

Въ отсутствіе Олимпія произошло при дворѣ революція, результатомъ которой онъ потерялъ сначала империю, а вскорѣ потомъ и жизнь. Его мѣсто занялъ Ювий, который сначала показывалъ склонность держаться другой политики — примирительной. Къ Алариху тотчасъ отправлены были

послы, которые пригласили его придвинутся ближе к Равенно, чтобы переговоры, на которые двужидывались теперь полное согласие, могли идти быстрее. Собственною рукою писем императора и правителей наших благоприятный прием у Анариха; Потская армия двинулась на запад, и Анарих расположился в главном квартирном при Риминии.

Товий вел переговоры лично. Требования Анариха записывались в следующие:

- 1.) Ежегодная дань деньгами и хлебом.
 - 2.) Уступка провинций Далмации, Венеции и Фригии.
- Отправив эти условия за своей подписью к императору, Товий со своей стороны посоветовал дать Анариху титулы *фрейгмаршала-магистера и влиусе militiae* - чтобы склонить Варвара к уступчивости в его требованиях.

Зонорий, как и предполагал Товий, отверг это предложение и заявил, что ни Анариху, ни другому Потскому предводителю он никогда не даст такого высокого звания.

Затем совершилась переписка в политике самого Товия. Он заявил Зонорису похвастаться, что он никогда не заключит мира с Анарихом. Сам Товий и все чиновники поклялись в том же. Главной императора: - воинственная политика Товия шла да еще: он уже готовился к наступательным действиям. Но одна Италия не могла дать достаточного для этого средства; пришлось взять на сумму 10 м. фунтов.

Анарих тогда послал посланца отрицающего ответа Зонорису направившись опять на Рим, но дорогою сдвинул еще попытку покончить дело миром. Он послал к Зонорию

епископовъ много и городовъ съ слѣдующими
представленіями:

„Это будетъ его сила, если городъ Римъ, въ продол-
женіи тысячелѣтій господствовавшій надъ все-
ленною, сдѣлается добычею Готтовъ, и если все
его починное зданіе постигнетъ участь разру-
шенія въ пламени. Миръ еще возможенъ.“

Аларихъ требовалъ многого. Корика и
известнаго количества золота ежегодно; отъ ге-
неръ, Далмации и Венеціи онъ отказывался.

Но клятва помышала. Отъ великой клятвы, ко-
нечно, могла дать разрѣшеніе духовная власть,
кроме только клятвы „главою императора“. Зо-
сима справедливо удивляется всему этому без-
умію.

Утакъ Аларихъ осаждалъ Римъ во вто-
рой разъ. Завладевъ гавань при устьяхъ Тибра
и овладѣвъ находившимися тамъ жилищами
малавиновъ, Аларихъ принудилъ Римлянъ под-
чиниться своей воли. Война эта закончилась
въ то, что Римляне отказались отъ лица
этого императора Гонорія, который, запершись
въ крѣпкой Равеннѣ, окруженной бастионами, не
хотѣлъ исполнять требованій Алариха. Вѣст-
ство его проводникомъ императоромъ Атталъ,
префектъ города Рима. Аларихъ надеялся,
что новый императоръ будетъ покорнымъ ору-
діемъ въ его рукахъ. Не грабежи Уталии и не
опустошеніе Рима составили завѣтную цѣль
стремленій Алариха, — приобрести прочное и
безопасное помѣщеніе для своихъ Готовъ внутри
имперіи, занять лично почетное помѣщеніе въ
средѣ сановниковъ Цесаря, — вотъ чего требовалъ
онъ отъ Гонорія, и вотъ что думалъ онъ дать

ему вновь поставленный императоръ. Это былъ членовкъ знатнаго происхожденія, безъ особенныхъ дарованій, но съ самыми притязаніями. Обязанный своимъ возвышеніемъ Анарису, онъ сейчас же началъ смотрѣть на него свысока и не хотѣлъ слушаться его совѣтовъ даже въ томъ случаѣ, когда они клонились къ собственной его выгадѣ. Анарисъ считалъ пренебре всего необходимымъ покорить новому императору Африку, инакъ Римъ грозилъ страшной голодъ, такъ какъ столица получала оттуда свой хлѣбной запасъ. Вмѣсто того Антанъ потребовалъ похода противъ Гоноріа, державшагося въ неприступной Равеннѣ; а въ Африку отправилъ небольшой отрядъ. Мали и здѣсь долго покачивалась неудачей. Военный отрядъ неожиданно прибывшій на помощь Гоноріа съ востока, поддерживалъ бодрость въ недостойномъ своемъ Феодосіѣ, когда онъ былъ уже готовъ уступить мѣсто Антану, — крестуръ Готскаго вара.

Въ Римѣ между тѣмъ открылся страшный голодъ; бѣдное населеніе питалось самымъ отвратительной пищей; толпа, собравшаяся въ циркъ, — ибо арена ни въ какомъ случаѣ не должна была прекращаться, — обращаясь къ городскимъ властямъ, кричала: „Намъ надо, по крайней мѣрѣ, такъ на человѣческое мясо“. Анарисъ, въ дѣѣ кругомъ затрудненія, убѣдившись въ полной неспособности своего императора, не имѣлъ возможности добиться мира и прочныхъ гарантій ни съ той, ни съ другой стороны, кончилъ тѣмъ, что низвелъ Антана съ престола и въ третій разъ осадилъ Римъ, чтобы наказать упорство

Гонимый. Теперь он пришел не с такими мирными намерениями, с какими приходил прежде два раза; город был обречен на разграбление.

В половине Августа 410 года Аларихъ расположился лагеремъ въ виду римскихъ стѣнъ, послѣ кратковременной осады въшелъ въ городъ и повелѣлъ своимъ солдатамъ грабить его въ продолженіи 3^х дней.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что оскверненіе варварами въ покоренномъ городѣ не было такъ сурово, какъ это обыкновенно изображалось. Аларихъ приказалъ своимъ подданнымъ щадить жизнь и честь римскихъ жителей. Какъ видно изъ расказа о отце церкви, аrianе-Готы не разрушали храмовъ и даже пощадили сокровище собора св. Петра, которое они нашли спрятаннымъ у одной знатной римской дамы.

Современныя христіанскія писатели оттого вѣдѣли дѣла насъ, что они доказываютъ нравственное состояние общества того времени и впечатленіе, произведенное паденіемъ Рима на умы людей V вѣка. Какъ видно, пощадъ была всеобщая, и язычники сваливали весь несчастіе римскаго народа на христіанскаго Бога. Тогда то явилось сочиненіе блаж. Августина „*De civitate Dei*“, въ видѣ отвѣта на нападки язычниковъ. Онъ говоритъ въ немъ, что христіанскій Богъ спасъ свои храмы и при помощи милости его была пощажена жизнь и честь римскихъ матронъ.

Аларихъ, видя неудачу во вѣхахъ своихъ плановъ въ Италіи, намереваясь уже переправиться въ Африку, но смерть помощника его намереній, послѣ него Готы не могли возобновить долго

оставались в стране, где они даже не могли прокормиться без помощи Африки, такъ какъ все пространство Италіи было покрыто огромными *latifundia*, владѣвшими которыми, подобно позднему римскому бардону, предпринимали болѣе разводить скотъ, нежели обрабатывать землю и получали запасы хлеба крѣпкой Африку и Испанію. Преемникъ Амарикса, Амаульфъ, принявъ въ виду Вестготовъ въ Галлію и въ 422 г. мы находимъ насъ уже въ этой странѣ; именно въ то время, когда происходила въ ней страшная смута, когда императоръ Константинъ и Юлианъ проводили своего агитацию.

Исторія Амаульфовъ имѣетъ нѣсколько романтическій характеръ. Онъ явился въ Галлію, имѣя при себѣ интересную любовницу, — дочь Беодеиса и сестру Гоноріа, — прекрасную Амауидію. Не смотря на то, что она была въ его власти, Амаульфъ не охотился получить руку ея безъ согласія на то ея самой и Гоноріа. Отношенія Амаульфовъ къ Амауидіи важны для насъ потому, что они проливаютъ свѣтъ на отношенія варваровъ къ Риму. Блаж. Иеронимъ передаетъ намъ рассказъ, слышанный имъ отъ своего знакомаго, италическаго епископа много вѣдоваго съ Амаульфовъ. Вотъ что говоритъ ему Амаульфъ: „первымъ стремленіемъ моимъ было стереть римскую имперію съ лица земли, сдѣлать такъ, чтобы вѣдь „*Romania*“ говорили: „*Gothia*“; но, прибавляетъ онъ, — я скоро убѣдился, что съ варварами этого сдѣлать нельзя, такъ какъ они слишкомъ грубы и не цивилизованы; тогда я поставилъ себѣ целью сдвинуть Римъ, соединивъ съ нимъ

посредством крпикаго союда, поименно такияго
образомъ начало общаго благоустройства и достижен-
замечательнаго успеха".

Итакъ этотъ предводитель Готовъ былъ пер-
вымъ изъ варваровъ, который проповыдываетъ ува-
женіе къ Риму. Онъ умеръ въ Испаніи, при осадѣ
Барцелона. Преемникомъ Атаульфу послѣ него
того времени сдѣлался Валлий, который заклю-
чилъ миръ съ Плацидией, вернувшись къ равни-
скому двору и, получивъ нужное количество хлеба
для прокормленія варваровъ, объявлялся служить
римскому правительству. Власть Римлянъ надъ
Галліей скоро была восстановлена и Вестготамъ
позволено было поселиться между океаномъ и г.
мушрей, къ югу отъ Гаронны (а Голуба истре-
бленъ).

Итакъ послѣ долгихъ странствованій, Вест-
готы, жившіе прежде на берегу Дуная, вторглись
на Балканскій полуостровъ, были въ Италіи, и на-
конецъ образовали въ Галліи первое варварское
государство на римской территории (418 г.), со-
хранивъ при этомъ свою самостоятельность, и да-
же своихъ конунговъ, но признавая власть Рима.
Въ составъ этого варварскаго государства вошли
города: Бордо, Аген, Ангулемъ, Сентесъ, По-
itiers, Перигенъ и прекрасная Турмуза, которая
если не тогда, то въ теченіи времени сдѣла-
лась столицей, а до тѣхъ поръ была самымъ важ-
нымъ городомъ и дала государству Готовъ назва-
ніе Толобанскаго, въ отличіе отъ государства Мо-
недскаго, основаннаго потомъ Готами въ Испа-
ніи. Причины, побудившія Готовъ поселиться въ
этой мѣстности, понятъ довольно трудно, но ин-
циатива была со стороны Римлянъ. Максентъ

быть, они не хотели, чтобы среди отъ нихъ со-
та сдѣлались смѣшаны самодѣльными; мо-
жетъ быть и оселеніе Галліи были направле-
ны въ ту же сторону. „Роскошная область здо-
рой Галліи славились своими плодородіемъ и
красотой. Жители казались, что они тутъ
владѣютъ не какой либо частью земной поверхно-
сти, а гастрюцено рай. Такъ обр. Готы посели-
лись среди миртъ и палмъ, виноградныхъ
плантацій, виллаговъ пней и роскошныхъ са-
довъ.“

Вестготы поселились въ Галліи при Валмъ
и преемникахъ его: Теодорихъ (419-451) и Торис-
мундъ (451-453) не произвели никакого значи-
тельнаго территориальнаго расширенія. Теодорихъ
палъ въ сраженіи съ Астисомъ на поляхъ Ка-
талаунскихъ около Шалона, гдѣ Вестготы встрѣ-
тились со своими соотечественниками Остро-
тами, какъ враги.

Торисмунду насильствовалъ Теодорихъ II (463-
466). Онъ сдѣлалъ новыя пріобрѣтенія на югъ Гал-
ліи (Марбонну) и по ту сторону Пиреней борон-
илъ погранично со Свевалии. Слѣдующимъ прави-
телемъ Дирисомъ (466-484) была подчинена Гот-
скому владѣтельству не только вся область къ югу
отъ Луары и къ западу отъ Роны со включені-
емъ Оверни, но после паденія (476) Западной импе-
ріи сюда не вошла и бывшая часть Пиреней-
скаго полуострова (только на сѣв.-зап. удержана
лишь Свевы) и великій затѣмъ покоренъ былъ по
ту сторону Роны Арль, Марсель и вся provincia
maritima (между Ронай, Аверансой, Средиземнымъ
моремъ и морскими Альпами).

Дирису насильствовалъ Аларихъ II (485-507); при

при немъ поселяющаяся новая катастрофа, окончив-
шаяся распаденіемъ Вестготской державы.

Разсмотримъ теперь вопросъ, въ какихъ отноше-
ніяхъ вступили варвары, поселившіеся т. о. на рим-
ской землѣ, къ римскому правительству и импе-
риальному Галло-римскому населенію. Изъ этого об-
ратимся прежде всего къ тому, что помнитъ, а
по которому мы можемъ бы опредѣлить, какое
у Готовъ было устройство земли, какое законода-
тельство. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что зако-
ны ихъ были двоякаго рода: одни для предка-
го Галло-римскаго населенія, другіе для нихъ
самихъ. Во всѣхъ законахъ варваровъ (*leges bar-
barorum*) было признаваемо принципъ личности
права, т. е. такой порядокъ, при которомъ под-
судность человека тому или другому закону оп-
редѣляется его личностью, личнымъ происхожде-
ніемъ и принадлежностью къ определенной пле-
менной группѣ, а не имѣемъ, гдѣ онъ жилъ и
совершилъ преступленіе; если человекъ принадле-
жалъ къ Вестготскому племени, то онъ су-
дился по своимъ законамъ, если онъ былъ Римля-
ниномъ, то по римскимъ. Можно также Визиготы
судились по Визиготскимъ законамъ, Вандалы
по вандалскимъ и т. д. Принципъ личности
права противоположенъ принципу территори-
альности права, т. е. такому порядку, при ко-
торомъ всякій человекъ поддается законамъ
той страны, въ которой онъ находится. (Онъ
существуетъ въ Россіи и во всѣхъ государствахъ
Европы, кромѣ Турціи, гдѣ право суда надъ ино-
странными предоставлено еще и до сихъ поръ
иногда канцеляріи).

Итакъ Вестготы не обращались къ Римлянамъ

жестокое, если оставили иль свои законы. Одина^{иже} позднейших конунгов, Аларихъ II издавъ даже новое законодательство для Римлянъ, известное подъ именемъ Breviarium Alarici. Законы были составлены по римскимъ историкамъ и были приняты на сейме Готовъ. Въ сущности они представляли изъяснение иль сборника Θεодасія съ некоторыми толкованиями. Предшественникъ Алариха II, король Гунновъ издавъ закона собственно для Вестготовъ, но отъ этого законодательства не сохранилось никакихъ следовъ, даже позднейший сборникъ В. Потехинъ законовъ, появившийся въ эпоху моавскаго королевства (въ Меравии), т. е. законодательство Леовигиобада⁽⁵⁶⁹⁻⁵⁸⁶⁾ не дошелъ до насъ въ первоначальной редакци, а съ разными дополнениями, вполнѣнными при новѣйшемъ пересмотрѣ. Первый пересмотръ и издание при ~~Петраре~~ не дошло до насъ, второе — Бенкарета ^{отъ 591 г.} 591 г. Этотъ позднейший сборникъ обозначается именемъ Antiqua [legum collectio], и онъ обязанъ своимъ существованіемъ Бенкарету въ 591 г. Гунно замечаетъ, что позднейшіе летописи нѣтъ на столько перемѣнана въ первоначальными постановленіями, что мы не можемъ собственно различить, что дано было отнесено къ позднейшему времени и что къ первоначальному. Законодательство Готовъ, записанное въ сборникъ Antiqua, было написано не на ихъ родномъ готическомъ языкѣ, а на латинскомъ, следовательно, хотя варвары эти и были Ариане, пользовавшіеся св. писаніемъ въ переводѣ на родной языкъ, но во всякомъ выдающемся случаѣ приобщенъ къ языку того населенія, среди крало они утвердились,

что доказывает падение иль римской цивилизации и римскому влиянию.

На основании двух постановлений разных времен, собранных в сборник Antiqua, мы можем судить об устройстве государства Готов. Первоначальная редакция сборника, составленная еще при Фрише, до нас не дошла, а потому мы должны довольствоваться позднейшей и для разъяснения первоначальных фактов обращаться к отчасти к отрывочным извлечениям писателей, отчасти к анонимным сводкам, т. е. к законам Фрише варваров, поселившихся на римской земле. Полезный пособитель при этом моменте служит издание Гауппа: „Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreiches“. Breslau, 1844. По мнению Гауппа поселение варваров на римской территории не представляет ничего отличного от первоначальной колонизации иль, совершившейся еще в IV в. Он обратил внимание на закон *hospitalitas*^(*), закон о военном постое, в котором определены отношения варваров, поступивших на службу империи и отправляемых в провинции.

Она обыкновенно размещались на земле ильских помещиков (*possessores*), и закон предоставлял сангатам на постой третью часть земли, при чем граница производилась таким образом, что сначала все поле

(*) Об этом см. у Грановского в: „Италия под властью восточных Готов, Лангобардов и Франков“. т. II, стр. 130 и след.

раздѣлились на три части; первую треть имѣлъ право взять себѣ хоблиръ по своему выбору; затѣмъ гость — любую иль двую степовника, третью же сама собою оставалась въ пользу хоблира. Въ римское отношение между покровителемъ и покровимымъ обозначилось словомъ „*hospitalitas*“ — гостеприимство; какъ родимъ, такъ и постоялецъ одинаково назывался „*hospites*“; такъ какъ латинское „*hospes*“ означаетъ и хоблира и гостя и того, кто принимаетъ гостя.

Задача доказывать, что отношенія варваровъ при поселеніи ихъ на римской почвѣ были основаны на законѣ *hospitalitatis*. Варвары, квартировавши солдатамъ становились сначала соучастниками во владѣніи, а затѣмъ уже самостоятельными собственниками на своихъ участкахъ, или на своихъ прѣлахъ (*tertia*). Присутствіе, рѣзкаго перехода не было, особенно когда племена, занимавшія римскую территорию, приходящи на нее съ собою римскаго правитель-ства. Тотъ и Бургунды явились въ Галію въ видѣ римскаго наемнаго войска; хотя — по обычаю, съ жеманщи и сельскими, жили среди римскихъ землевладѣльцевъ какъ простое *hospites* (постояльцы; только когда подруге явится законодательное постановленіе о раздѣлѣ. Но и послѣ этого отношенія между варварами и Римлянами уподоблялись отношеніямъ между родственниками, которыхъ достало и имущество, и которые не могутъ его раздѣлить, но могутъ оставить его и въ обществѣ владѣній. Задача отчасти даже превеличивала мирный характеръ основаній варварскихъ государствъ, переходъ отъ военнаго постоя къ раздѣлу у него совершается

уже слишком гладко, между тем какъ на самомъ фронтѣ есть существенная разница между временного неприятностью жить у себя и кормить постолы и неудобности уступить ему навсегда часть земель, при томъ у насъ не окупается, а иногда и довѣ. Но во всякомъ случаѣ свѣдѣн-
ию охотниковъ и постройщиковъ указана или
вторую и одержимъ много.

Обратимся теперь снова къ В. Готамъ. Интересно прежде всего было бы знать, въ какомъ ко-
личествѣ пришли они въ Галлію, потому что
отъ этого зависитъ была ли Галлія легкою или
трудною ихъ устройства на прочное владѣ-
нiе въ странѣ.

Если численность ихъ была слишкомъ вели-
ка, то поселить ихъ въ Галлію было чрезвычайно
трудно. Мы знаемъ, что численность В. Готовъ,
перешедшихъ за Дунай въ 375 году простиралась
отъ 700 тис. до 1 мил., но число это въ данномъ
случаѣ непригодно. Оно должно быть умень-
шено. Многие варвары отстали на пути, хотя
мы знаемъ съ другой стороны, что къ нимъ при-
соединились отряды наемниковъ-рабовъ, иногда
достигавшіе 30-40 т. человекъ. Слѣд. число В. Готовъ,
поселившихся на югъ Галліи, было все таки все-
ма значительно; значитъ быть имъ не сдѣлано
большой ошибки, если вместе съ Данами⁽¹⁾ при-
мемъ, что за минута ихъ численности можно
положить 50 т. человекъ, способныхъ носить
оружіе. Число Готовъ, пришедшихъ при Валентѣ,
считалось до 200 т., способныхъ къ оружію, всего
до 1 мил. Если они получили подкрѣпленіе отъ

⁽¹⁾ Lahn: „Die Könige der Germanen.“

других варваров — Оготовъ, тайпероловъ и шваръ германцевъ, находившихся въ отъѣздъ имперіи. Въ Алариху пристало кроиъ 30 т. варварскихъ наемниковъ Стиларона 40 т. боюавшихся рабовъ, такъ что не смотря на постоянныя и часто громадныя потери, не смотря на весьма неблагоприятныя обстоятельства для умноженія населенія отъ 375 до 410 г. мы находимъ всетаки 50 т. человекъ, способныхъ носить оружіе, а сообразно съ этимъ общую численность (считая женщинъ, дѣтей, стариковъ) имѣли обозначить въ 300 т. человекъ.

Большое умноженіе населенія слѣдуетъ предполагать послѣ возвращенія изъ Испанскаго похода въ Аквитанію и этимъ объясняется тогда постепенное стремленіе къ расширенію, начавшееся еще до Алариха, въ 480 г. Отмороженна Римлянами одесида приходилась не по росту; отсюда же объясняется и то, что Готы взяли $\frac{2}{3}$ земли и всего одной, не смотря на свое союзное отношеніе къ Римлянамъ (foedus), тогда какъ одрааръ, какъ увидимъ ниже, будущи населеніи господиномъ поманеніи, удовлетворялся въ Улани $\frac{1}{3}$.

Извѣстія наши о раздѣлѣ сунткы и темны и вслѣдствіи много разъ измѣнявшихся отношеній къ имперіи или трудно руководствоваться. Законники говорятъ намъ мало; еще дѣлье другихъ Антиква, потому что кобрѣиетъ ниль со сммнкомъ нелюбѣнае значеніе, тогда обѣ немъ подробно говоримъ. Но и данныя этого сбортка должны быть прежде всего относимы къ франкозу и сдмнканъ съ О. Готами, Бургундами и Франками въ концѣ V в. и въ началѣ VI вѣка,

въ Упенаніи и Сентиміаніи, а о гнѣбныхъ съ Галлі-
нами въ Галліи и Упенаніи въ мѣстѣ X вѣка и
позднѣе оныя въ Галліи мажемо тѣмъ догады-
ваться, что они происходились по аналогичнымъ
принципамъ.

Относительно этого древнѣйшаго времени
мы принимаемъ слѣдующія показанія. Послѣ
перваго прихода въ Галлію при Атаульфѣ, а
потомъ въ Упенанію при Галліи дѣлается извѣст-
ное число лѣтъ правильной эпохи, когда
Готы устраивались по предѣлу существова-
вшихъ римскихъ нормамъ и учрежденіямъ,
принимавшихъ видъ расквартированій и пропита-
ній войскъ, находящихся въ походѣ или помо-
щающихъ на постои въ той или другой провин-
ціи, т. е. пользовались гостепріимствомъ „*hospita-
libas*“. Въодѣ же оны Готы были постоянно, не сло-
мля на часъ нарушаемый *foedus* (договоръ) пра-
знаваемый за такое же римское войско, какъ и
всякое другое варварское ополченіе на римской
службѣ. Изъ словъ поэта Меробавда (онъ инте-
ресенъ тѣмъ, что былъ едва ли не первымъ варва-
ромъ Франкскаго и вообще Германскаго проис-
хожденія, показавшимъ свои силы въ латин-
ской поэзіи) мажемо заключать, что уже въ пе-
риодъ времени между 430 и 440 г. г., когда этотъ
Франкъ писалъ свои стихи, Готы занимались
земледѣліемъ на рубежѣ своей области въ Армо-
рику, значить были не простыми военными
поддѣлками. Впрочемъ слова Меробавда (*et
quatinvis Geticis sulcum confundat aratris*) о Гет-
скихъ сохѣхъ или орапахъ могутъ относиться
къ Готскимъ ханамъ еще болѣе ранняго
частнаго поселенія, до прихода урмъ народнои.

массы.

Некоторые свѣдѣнія на это дѣло приводятъ извѣстия Паулина Пембехара. Онъ рассказываетъ, что его дѣдѣ помѣстья были Бордо, около 412 г. при Атаульфѣ по какому то случаю остались свободными отъ Готскаго владычества или гостя (хосре); но эта имность скоро обратилась во бремя. Когда Готы въ 415 году оставили Франкы и двинулись въ Испанію, другіе римскіе хозяева, у которыхъ были Готскіе хоспите^s, часто въ нѣмнѣхъ насладились себѣ защитниковъ, такъ какъ Готы вообще обращались съ болѣею добротой съ Римлянами завоеванными. Многіе же Паулина, какъ свободные отъ постоя, были имѣны за щитомъ, подверглись раззоренію, рабству и рабамъ его были отданы!*) Нѣдѣлю въпрочемъ прибавить, что противъ Паулина существовало недоброжелательство въ измѣнѣ. Сынъ Паулина остался въ Бордо, въ территоріи, край посѣлъ возвращеній Готовъ изъ Испаніи при Валіи, сдѣлалась Готскимъ владѣніемъ, и здѣсь они паучили уже Готскаго владычества, т.е. овебуга, не потеряли все свои земли, а только дали на нихъ подчиниться имъ, уступили по всей вѣроятности 1/3. Отецъ говоритъ, что при Готѣ

*) Паулинъ изъ Пембехара, Готскій римскій землевладелецъ, занимавшій высшія дѣлосуднѣ въ римской сущности, самъ описалъ свою историю въ соч. "Eucharisticon". Онъ говоритъ:

em. 285. Hospite tuncetiam Gothico, quae sola carenter

286. Quod post eventum cessit non sero sinistro.

287. Nullo ut quippe domum speciali jure tuente

сыновья его расчитывали на будущую свободу, ^{т.е.} ^{какая} существовала в. частю в римских областях^(*)

Самому Паулину, который переселился в Марсель около 460 г., какой-то неизвестный Готт прислал небольшую сумму за какой-то участок или отдаленное имение около Бордо, кое он считал пропавшим; хотя цена эта и была ниже настоящей стоимости имения, всетаки Паулин был очень доволен, потому что она помогла ему привести свои дела в порядок.

Есть и другие свидетельства, что Готты обращались довольно легко с провинциалами. Описи даже в некоторых преувеличенном говорят, что Готты могли носить персидские перекрестки свои мечи на палатки и обращались со Римлянами, как с друзьями и союзниками (*Romanos ut amicos et socios fovent*). При Атаульфре, когда Готты были военными поселенцами, они помогали козлевать в полевать работав, за небольшую плату обрабатывая равнины земли. При расставании с страной, они, правда, воспринимали советовать иначе; но возобновили (из Испании), возобновили свои союзы (*foedus*) с Римом.

288. *Cederet in praedam populo permissa aberinti.*

Ср. Jung, *Hist. Zeitsch.* 1879, 1, 67.

(*) Paul. *Eucharist. script.* 498 и след.

.... *Natis aberintibus a me*

*Non equidem paribus studiis nec tempore eodem
Succensis pariter, sed libertatis amore
Quam sibi majorem contingere posse putabant
Burdigalae, Gothico quamquam consorde co-
lono.*

и опять обратятся к смирению. Когда совершился окончательный разгром земли, — сказать трудно. Постановлений *Antiqua* об этом разгроме с употреблением модно относить только к периоду, последовавшему за завоеванием *Дириса* (466—484); но кажется, что уже для самого времени *Дириса* разгром земли и превращение *Тотов* в постоянных землевладельцев есть факт заведомо существовавший. Это видно из слов *Аппиана* *Сидония*. После того ему досталось наследство во *В. Готских* владениях. Но оказалось, что по праву он мог получить не все имение, а только треть его, следовательно, $\frac{2}{3}$ бы уже отобрано к кому то другим, т. е. очевидно *Готским* поселенцам. Даже и относительно $\frac{1}{3}$ *Сидоний* испытывал затруднения: он не мог получить своей терции, хотя и предлагал императору денежную сумму $\frac{1}{2}$ милона (*Necdum enim quicquam de hereditate sociali vel in usum hereditatis, pretio medietatis obtinui* — VIII, 9); но это позднее м. б. объясняется тем, что *Аппиан* *Сидоний* был по отношению к *В. Готскому* государству чужим человеком, почти иностранцем. Он отправился к *Готскому* двору по призыву *Дириса* с целью, но и тут посылка его оказалась напрасной и доставила ему только случай описать двор короля *Дириса*, который был окружен римскими риториками и писателями. Другие были свидетели его.

Обратимся теперь к *Antiqua*, где уже напечатаны все постановления о разгромах. Из этих постановлений видно, что *Готы* взяли себе $\frac{2}{3}$ земли. Предметом дачи была вся совокупность имуществ и восточного римского землевладения

(possessoris) — земельная собственность со всеми, что к ней принадлежало, т. е. с крепостными (кампанскими) рабами и скотом. Разрешу одинаково подвергнуться как сельские, так и городские участки (tit. I, cap. 16). Термина для обозначения этой и другой стороны старе, римские: *hospites, consortes*; отношения между ними — *hospitalitas*. Каждый участок называется *sors* — мерей. Не вводя ли этого мерей, или нет — сказать трудно, так как слово *sors* не заставляет непременно думать о мерей. Именем *Готт* означалась не одна только часть, доставшаяся Готту, но и часть, оставшаяся за Римлянами. С другой стороны вообще и вся Готтская область называлась Готтскими мерей — *sors gothica*.

Вот как постановлены законы о раздѣлѣ земель въ „*Antiqua*“: ^(*)

„Разрешу, произведенной между Римлянами и Готтами въ отношеніи къ извѣстному участку земли или леса, никому обидѣть не должно, если только произведенное дѣленіе было надлежащимъ образомъ заявлено. Изъ двухъ частей Готта ничего не должно присвоить себѣ или требовать Римлянинъ; ибо терція Римлянина Готта также не должно чего-либо присвоить или требовать, равно только отъ нашей щедрости ему было что-либо даровано. Когда уже раздѣлъ произведенъ былъ раздѣломъ родичами и соседями, потомство пусть не пытается измѣнить“

„Если кто счищаетъ землю для обработки, онъ

^(*) См. Ziegler, p. 503.

доказано, насколько тому, кто далъ землю, платитъ за нее цель (поселенческую римскую подать). Если принять на свою землю поселенца (арендатора, и. б. даме канона, — въ текстъ ассолан) и пожелаетъ, что то то, кто принялъ, долженъ возвратитъ ее (землю) какую нибъ, какъ терция, то пусть одинаково (останется при своемъ и) платитъ по да тъ какъ то, которое было принято, такъ и патрона и то, согласно тому, какъ и сколько будетъ приходить к каждому.

Если тамъ кто-нибудь захватили изъ терции Римляне, то, по настоянию судьи, все должно быть направлено въ пользу Римлянъ. Судьи (judices) отдельныхъ городовъ (singularium civitatum), старшины и управляющие (въ синахъ и муніципахъ) упоминаются отбирать терции Римлянъ у техъ, которые ихъ захватили и по требованию Римлянъ безъ всякаго замедленія возвращать ему свое, дабы казна (списокъ) не подверглась никакому ущербу^(*); равно также муніципальскіе сроки или число 50 летъ (50^{ти} летняя давность), по истеченіи которыхъ Римляне не могутъ отъсуживать своего муніципальскаго.

„Частки (societates) латинскія и римскія, о которыхъ въ продолженіи 50 летъ не было замечено никакого требованія, уже никакимъ образомъ не могутъ быть отъсуживаемы.“

Изъ этого можно прибавить еще замѣчаніе:

1). Предметомъ доказанія была вся совокупность муніципальства ивонетнаго римскаго владѣльца, какъ уже было сказано выше. Разрѣшу одинаково

(*) предполагается поселенческая подать, лежавшая на римскихъ часткахъ.

подлежали какъ городскіе, такъ и сельскіе жители, это доказываетъ толико, что противъ злоупотреблений одинаково призывается бдительность какъ сельскихъ, такъ и городскихъ властей.

2.) Мастабадиль или мариониль дѣленіе сущи-
ла, конечно, по потребности Пермискаго гостя (ко-
рес); глава многолюдной семьи или фамилии
съ жившими нѣсколькими сѣнами и полусвобод-
ными наемными людьми, владевший болѣе или
менѣе количествомъ работъ и скота, дѣлился быть
можетъ болѣе, чѣмъ простой свободной зем-
лею. Съ другой стороны и трети, подлежа-
вшіе раздѣлу, были также неравно, какъ не
равно были самыя нѣсколько римскихъ земель-
владѣльцевъ, раздѣляемыхъ на трети. Впро-
чемъ потому, что уже заранѣе приведены бы-
ли въ извѣстность разныя категоріи сѣней,
имѣющихъ право на болѣе или менѣе на-
дѣлъ (смотря по количеству земли или скота);
съ другой стороны существовалъ списокъ нѣ-
мцы, подлежащихъ раздѣлу, съ обозначеніемъ
ихъ величина по разрядамъ. Небѣзъ сказать
навѣрное, употребившись ли иероглифъ при раздѣ-
лѣ; воице уже было сказано, что слово *corb* при-
мѣнялось къ различнымъ участкамъ земли.
Если даже въ самомъ дѣлѣ и много можетъ
значить иероглифъ, то это доказательство только
для рѣшенія вопроса о томъ, въ какой имен-
но извѣстности долженъ быть поселенъ тотъ
или другой лѣтъ, или для рѣшенія вопроса,
какой именно отгнѣнной участкѣ изъ числа
принадлежащихъ къ извѣстному разряду
дѣленію ему достанется.

Другими словами: приблизительная величина

урастка, который долженъ получить тотъ, опредѣлившій заранее его личное семейное пожеланіе; а которые именно изъ принудительно равныхъ имѣній извѣстнаго класса онъ получитъ, это опредѣленіе опредѣлитъ.

3.) Тотъ получитъ $\frac{1}{3}$, Римлянинъ удерживавшій $\frac{1}{3}$; на дальнѣе никто не могъ имѣть притязаній, если только ему не было что либо доставлено королевскаго щедростію. Последній отговорка была. Вотъ объяснена двояко; либо король сначала, при первомъ получасивственномъ заѣздѣ брани у отбывающаго Землевладѣльцевъ и давали своимъ Ротамъ и башне $\frac{1}{3}$; либо имѣлось въ виду то, что когда отъ римскаго воякина (козрег) и небыло было бранъ башне $\frac{1}{3}$, но король могъ дать и сверхъ того изъ казеннаго фискальнаго имущества.

4.) Видно, что бывали случаи, когда Тотъ, нарушая законныя правила, брани и башне $\frac{1}{3}$. Второй изъ приведенныхъ выше статей Антиква предвидитъ тотъ случай, когда Тотъ долженъ будетъ возвратитъ воякину, т. е. Римлянину, его терцію; въ приводящую статью содержится постановленіе, наказывающее, что реституція несправедливо забавленнаго третей была дѣломъ обыкновеннымъ. Изъ другихъ статей видно, что тяжбы и споры по поводу раздѣла были не мало и что это дѣлалось довольно долго; въ брани случаи притворнаго отчужденія своихъ земель римскими провинціями, во время Ротамъ, т. е. дѣлалось такъ, что въ виду угрожающаго раздѣла Римлянинъ совершалъ фиктивную продажу своего имѣнія другому лицу, которое почему бы то ни было считалось обезпеченнымъ.

отъ неприятной зависимости дѣлится отъ варварамъ; не подумавъ вслѣдствіе, что мнѣ, въ пользу которыхъ допускались извѣстія, было не мало.

5.) Ломса и пастбища могли оставаться неотгороженными въ совѣтѣмъ владыкамъ Гога и Римлянина; но если бы Готъ или Римлянинъ въдумалъ разработать подъ западную часть лесного пространства, то Фригид сторона не должна была тому препятствовать, подъ условіемъ Гейко, что бы и ей предоставлено было въ откупную собственность соответствующее количество земли, находящейся подъ лесомъ.

Вотъ условіе, при которомъ В. Готъ разливъ етимъ среди романизованнаго населенія родной Галліи. Время должно было мало-по-малу сгладить противоположности и заставить забыть неприятности, которой, конечно, были весьма чувствительна римскими вельможами. При томъ это все таки было меньшимъ зломъ; громадная масса холоповъ и рабовъ нисколько не пострадала отъ разбѣга лати-фригидій на мелкихъ вѣдѣйствъ, напротивъ, бѣда имѣется, иммигра. Припомнимъ страшную тяжесть римской поземной системы, заставлявшую несчастныхъ куріаловъ бродить по лесамъ и даже ишать себя жизни, возбуждавшую въ Галліи непрерывный рядъ крестьянскихъ восстаній во все продолженіе IV вѣка. Тогда можно станетъ ясно, почему славянъ на чина Пальскаго предпочитали Готское господство римскому, понимая, почему, какъ вароосается одинъ изъ современниковъ, римская плева только того и онемела, что бы принять варваровъ. Но все таки пропасть, отбѣлвша

варвара отъ образованнаго Галло-римлянина не могла вдругъ исчезнуть. Гордость утонченно образованнаго Галло-римскаго вельможи оскорбилась господствомъ и даже присутствиемъ людей, кромѣ убогаго своего вышности производящаго непріятное впечатлѣніе. Послѣдствіемъ подобнаго словеснаго неблаговѣснаго Франціи, Гота все еще продолжали носить свои моховыя одежды. Акиминарій сифоній съ отвращеніемъ говоритъ о нечистотѣ въ нитѣ и нитѣхъ зримыхъ людей совершеннаго происхожденія. Описывая на родную сядку варваровъ въ Фулду (455) онъ не забывъ упомянуть о грядущихъ поминкахъ рудакъ, которые прикрывали худощавыя тѣла собранными стариками; онъ не пропустилъ и странной обуви нѣтъ поминковой шкуры, бѣднѣе ремней привѣванной подѣ каменнаго и едва прикрывающей ногу. Закона, издаваемаго Валентиніаномъ и Валентомъ въ 375 г. и запрещающій свѣтскіе браки Римлянъ и варваровъ, былъ принятъ въ В. Готское законодательство (*Lex romana Visigothorum* или *Breviarium Alarici*) и не было отменено въ продолженіе всего Меровингскаго періода.^(*)

На это, впрочемъ, была не только политическая, но и церковная причина — въ разнородныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Сближеніе и слияніе народностей могло совершиться только въ полнѣйшей цивилизаціи, притомъ самымъ способомъ разселенія Готовъ — не сплошной массой, а въ перемѣжку съ римскими землевладѣльцами

(*) Отмененъ уже въ періодъ существованія Меровингскаго Вост.-Готскаго королевства въ Испаніи.

и земледельцами - не благоприятствовали разви-
тию германской самостоятельности. Признаки рима-
низации появляются очень рано. Король Визиготы уже
был окружен римскими учеными и риториками,
они были его главными советниками. Законы
Вест-Готские, не только то, где написаны, но и
Римские, но и специально варварская правда
В. Готовъ, с самого начала издава-
лись на латинском языке. И так, аристократическое
введение не ругалось за неприкосновенность на-
родной самостоятельности у В. Готовъ. Оно было тель-
ко источником власти для государства, так
как наиболее сильный и могущественный класс
римского населения - католическое духовенство
никогда не могло искренне примириться с го-
сподством еретиков.

4. Бургундское государство.

Перейдем теперь к описанию судьбы друго-
го значительного германского племени Бургун-
дов.⁽¹⁾

Известно, что Бургунды пришли в де-
лурии велаго за Саваннами и за Альпами
странь, откуда началось движение переселения на-
родов. Когда Саванна прорвалась за Гермо-
ну отому, Бургунды заняли часть Италии, саванн.
в начале V века поселились во власти франков
Майна и Рейна, в южной Баварии и Вост-
тембургов. По свидетельству Орозия и Герони-
ма, в 406 и 407 г. они участвовали в нашествии

⁽¹⁾ О Бургундах см. М. Е. Caillemet. "L'établissement des
Burgondes dans le Lyonnais au milieu du Ve siècle."

на Галлию, но не утвердивши въ ней и только въ 413 г. получили право селиться тамъ ⁽¹⁾ Они заняли такъ называемую вероюкою или близкайсую Германию (Germania priores, supra Rhenus), т. е. часть Галлии, граничившуюся съ Рейномъ. Императора Гоноріи, въ виду весьма дружественнаго отношенія съ Бургундами, хотѣлъ имѣть въ нихъ оплотѣ противъ напора другихъ варваровъ, и Бургунды вступили на Галло-римскую почву не къ завоеванію, а какъ федераты. (Можно было и съ Готами въ 412 г.) Ихъ отношенія были выгодныя, конечно, на основаніи hospitalitas. Вормсъ (civitas Vangionum), былъ центральнымъ мѣстопребываніемъ ихъ канцлеровъ и столичнаго правительства. Майнцъ и Упейеръ также входили въ составъ ихъ территории, но Страсбургъ (Argentoratum) имъ не принадлежалъ. Слѣдов. они занимали область теперешней Рейнской Баваріи и Rhein Hessen.

⁽¹⁾ Павелъ Діаконъ, написавшій свое сочиненіе о варго побужденіи, говоритъ, что первое Бургундское королевство (т. е. вѣд. Коринское) было разрушено Аттілою и король Гундикаръ былъ убитъ не только Гуннами, но именно Аттілою при нашествіи на Галлию въ 451 г.; его ~~убиеніе~~ происходило вслѣдствіе недоразумѣнія и неправильнаго пониманія хроникі Проспера. Но онъ по всей вероятности сличиваетъ его съ Агджемъ, который нанесъ немаловажное пораженіе Бургундамъ. Въ сущности источникомъ для Павла Діакона была хроника Проспера Аквитанскаго: „Eodem tempore Gundicarium, Burgundiorum regem, intra Gallias habitentem Aedius bello obtinuit et supplicanti cecidit. quia non diu potius est. Si quidem Hunni cum populo suo ac stirpe deleverunt.“

При этомъ переселении ими вѣсело носило имя Бургунда принявши христіанство. Оросій, писавшій около 417 г. говоритъ, что они были *omnes christiano modo facti, catholica fide*.

Это было первое королевство Бургундское, такъ называемое Бориское, которое вѣсело было разрушено. Судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся у Проспера Авсѣтанскаго, Кассиодора и др. Бургунды, стремившіеся расширить свои владѣнія вверъ по Рейну, по направленію къ Триру, Мецъ и два раза потерпѣли пораженіе отъ римскихъ полководцевъ; въ 1^е разъ въ 435 и 436 г., 2^е отъ Аэція въ 437 г. Въ хроникѣ говорится, что король Гундикаръ подвергся нападенію Гунновъ, вторгавшихся въ Римской имперіи. Сами они были убиты, а Бургундское или Рейнское королевство разрушено.

Бургунды, если вѣрить современникамъ историкамъ, были почти совершенно истреблены; незначительной остатокъ похъ, цуготавшій носилъ каменныя стрелы, получивъ вѣнцы сунетъ для поселенія области, называвшейся *Саваудіей* (или Савойей). Савойя дается остаткамъ Бургундовъ въ томъ, чтобы они раздѣлили ее съ туземцами, "заключивъ съ ними хроникѣ подъ 447 г. *Savaudia Burgundionum reliquiis datur, cum indigenis dividenda* (Prosper etc.). Заправленію этимъ дѣломъ также Аэцій, который былъ виновникомъ пораженія Борискихъ Бургундовъ; слѣдов. это поселеніе совершилось въ интересахъ Рима: военныя и иныя соображенія указывали на эту именно землю. Подъ предлогомъ вѣнчанія брата въ король Имперіи и Гундигана (437-473) Бургунды поселились въ отдаленной имъ землѣ. Уже самымъ латинскимъ вра-

исменіи приведеннаго нами мѣста въ хроники указываютъ на то, что Бургунды не явились насильственно-захватившими римскую территорию врагами: если бы это было такъ, то было бы употреблено выраженіе „*ingredior*“ (*ingressi sunt*), къ обыкновенно о насильственномъ вторженіи, а не такъ „*dare*“, имѣющей почти техническій смыслъ — отбѣда земли, на основаніи мирнаго договора.

Раздѣленіи земли въ Савойѣ, напротивъ было произведено тотчасъ по пришествіи Бургундовъ. Могущественная Савойя была обширнѣе помѣстий и въ предѣлахъ ея входила часть Швейцаріи съ городами Менной, который и былъ первоначально столицей Бургундскаго государства. Однимъ изъ помѣстныхъ писателей — Фредегарій (писавъ около 660 г.) сообщаетъ намъ и цифру этихъ варваровъ: онъ говоритъ, что ихъ было 80.000, когда они были призваны Римлянами съ праваго берега Рейна, гдѣ они до того поръ жили. Правда, что Фредегарій, писавъ не совершенно достоверно, въ данныхъ случаяхъ допускаетъ явную анахронизмъ, относя это событіе къ 373 г.; но все-таки въ его показаніи можно предполагать вѣрную основу. Забвѣнный перток, нападѣннѣе въ содѣженіи Фредегаріа, вполне соответствуетъ действительнымъ обстоятельствомъ Бургундскаго поселенія; они пришли по приглашенію Римлянъ, пришли со своими женами и дѣтьми. Область, данная Бургундамъ, была достаточно обширна, и о тавномъ городѣ какъ-то не упоминаетъ еще Ф. Цезарь. Но варвара эти не удовлетвовавшись Савойей и, подобно В. Готамъ, обнаруживали стремленіе завладѣть болѣею

территорией. Стремясь на запад, они шли на вер-
ху в. Готамь, завоевавший земли до нижнего
течения Луара, т. е. всю Древнюю Аквитанию; Бур-
гунды, с своей стороны, завладели терри-
торией, которая достигала до верхнего течения Лу-
ара и занимала города: Лион, Виенну и др. Марсель
также некоторое время была в их руках, а
в Лионь была перенесена столица царства вост-
ных Готтесов.

Особенно важное расширение Бургундской тер-
ритории произошло около 456 г., после того, как
они в союзе с в. Готами и в пользу рим-
ской империи совершили далекий поход в Ис-
панию и затмили вернувшись домой. Припом-
нимъ здесь в кратких чертахъ этотъ эпи-
зодъ.^(*)

Въ народномъ собрании в Тулузе в. Готы,
живо описанномъ у Апполинария Сидонія, по
предложению конунга в. Готовъ Теодориха II
было предложено императорамъ римскимъ
Авиту (Зестъ Сидонія), единъ изъ наиболее вид-
ныхъ представителей Галло-римской родовой
аристократіи. Онъ былъ присланъ въ Галлию
убийцею императора Валентиниана III, и званъ
былъ Максимомъ. Узурпаторъ (Максимъ) ду-
малъ, что человекъ, пользовавшийся въ Галлии
большою известностью и авторитетомъ, всего
скорее можетъ привести въ порядокъ дела этой
провинции и успокоить нагавшеся тамъ дви-
женіе сранъ варваровъ. Но на прибытіи Ави-
та къ миру и согласію Теодорихъ в. Готамъ отозвался,
что онъ будетъ другомъ Рима, но надъ нимъ

^(*) Подробности у Ешевскаго: Апполинарий Сидоній.

цесаревича. Упомянув о своем римском воспитании и о видении сочинений Виргиния на эмалевых скинских правлах, Меодорихъ объявилъ, что онъ сохранитъ миръ и замедлитъ грозовъ своего гонимца (Алариха I), на памяти которого лежатъ пять миль вблизи Рима (410), но только въ такомъ случаѣ, если Авитъ приметъ мнѣ Августа. Благодаря такому странному внимательству и почину варварскаго конунга, Авитъ доблестно сдѣлался императоромъ и нашимъ добрымъ соучастникомъ и поддержку, какъ среди мостной Галло-римской аристократии, такъ и среди варваровъ. Но его преемству вѣст. Готы и Бургунды совершили посягъ въ Испанию для восстановления тамъ римской власти и для обуздания Свевовъ. Между тѣмъ въ Римѣ продолжалъ болѣть императоромъ, который отправилъ на нужды Италіи эмигранты; въ столицѣ произошло какъ бы народное восстание, при чемъ толпа требовала удаленія Галльскихъ войскъ изъ Рима; но главнымъ двигателемъ переворота оказался тотъ же вепрь — Свевъ Рицимеръ, начальникъ пограничныхъ Германскихъ дружинъ; онъ низвергъ Авитъ, далъ ему вместо императорскаго трона епископскую кафедру и провозгласилъ своего избранника. Между тѣмъ В. Готы и Бургунды возвратились изъ похода и, конечно, были крайне недовольны низверженіемъ Авитъ, на которого могли смотрѣть, какъ на своего избранника; недовольна была и Галло-римская аристократія.

Вотъ въ этотъ то моментъ и послѣдовало движеніе Бургундовъ на западъ, въ собственную Галлію, къ Лионъ и Вьеннъ. Очевидно, что при

Внакомство съ обстоятельствами, которыхъ мы сего-
часъ припомнимъ, получаетъ особенное значение за-
мѣтка, находящаяся въ хроникѣ подъ 456 (457) го-
домъ: „Ео anno Burgundiones partem Galliae occupa-
verunt terrasque cum Gallicis senatoribus diviserunt“⁷⁸
Изъ этихъ словъ какъ будто бы вырывается намъ въ
память то, что Бургунды явились въ Галлии даже со-
слагавшіе имперію аристократіи, темъ она и
должна была поглотиться съ ними землею.

На этомъ дѣло не остановилось. Бургунды стали
распространять свою власть въ предѣлы населеннаго
Амьенскаго, въ такъ называемую Gallia Viennoen-
sis, а затѣмъ заняли ту часть перешедшей
Франціи, гдѣ находится городъ Везансонъ и на-
стоящая французская провинція Бургонь. Такъ
область за областью усложнялись изъ рукъ Рим-
лянъ и подпадали подъ власть варваровъ.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, какъ ус-
троились Бургунды на Галльской почвѣ по отно-
шенію къ Галло-Римлянамъ, и какъ раздѣли-
ли землю между собою? Когда мы говорили о за-
конодательствѣ В. Готтовъ, то сказали, что у
нихъ было признано такъ называемое приношеніе
милости права; такое же было и отно-
сительно Бургундовъ. Уже о Хильперикѣ, носив-
шемъ санъ римскаго патриція президе, мы въ от-
дѣлѣ королевскаго достоинства въ Бургунд-
скій королевствъ, говоримъ, что при немъ въ
идеальное право вошло свое редакцію: *de bonis*

Вотъ сенаторамъ раздѣляются богатые аристокра-
ты — императоры.

regiae sub publicum tempore illo redactum est. (Vita
St. Luceini, т. 1. инаре скават, что онъ издаль осо-
бое законодательство.

Но при этомъ нужно думать только о спеціаль-
ныхъ и временныхъ законахъ, которыми онъ вместе
со своимъ братомъ Бургундскимъ, также рим-
скимъ *magister militum* определеннымъ торгундскимъ
посланцемъ преемника Савойского посланца къ Гер-
манскому посламъ, распространившимся
по всей стране. Эти постановления совершенно
потеряны для насъ и следовъ ихъ въ законодатель-
стве памятникахъ, до насъ дошедшихъ, почти
никогда, могутъ быть угадываемы, но не могутъ быть
наверно указаны. За то до насъ дошла вполнѣ
Бургундская Правда, *Lex Burgundionum*. Она
обязана своимъ происхождениемъ знаменитому
князю Бургунда - Бургундскому (473-516) и этого по-
считъ название *Lex Burgundionum* или *Lex
Burgundica* или просто *Lex Burgundica*, по французски
La loi Gombelle. Первоначальная редакція этого
Законодательства относится къ 480-490 г.; вскорѣ
однако послѣдовала вторая редакція его, когда
Бургундскому сдѣлался государемъ и второй
части Бургундской Земли (устье Родана),
причемъ статьи первой редакціи слились съ иже-
вшими постановлениями вновь приобретенной
части и къ нимъ прибавлена постановленийъ
свѣдѣнія въ Амбасии. Третья редакція была
проведена при Сигизмундѣ (516-528). Не смотря
на все постепенныя переработки, Бургундская
Правда въ основнѣ своей остается все та же
и до сихъ поръ корни Бургундского и вслѣдствіе
красноречивыхъ свидѣтельствъ его великаго
государственного чина и благороднаго стремленія

воздворить справедливость въ правительствѣ, неподкупность среди чиновниковъ, основать силу и прочность королевской власти на расположеніи подданныхъ. Одинъ изъ церковныхъ писателей *Давида Абдгардъ Мюнхскій* высказываетъ свое недовольство противъ этого законодательства, такъ какъ онъ считалъ, что крестившимъ постановленіемъ еретика *Бундодальда* („*homo haereticus et fidei catholicae vehementer inimicus*“) было введено прихвально судебное поединокъ. Но какъ известно, это приращеніе это было весьма древнимъ у *Германцевъ*; новость состояла въ томъ только то, что въ *Бургундской Правдѣ* допускается не только самъ *Богъ* (судья), какъ средство уликъ противъ виновности преступниковъ свидетелей или соприкасавшихся въ судебномъ процессѣ. За этимъ послѣдовало, какъ уже сказано, закономъ *Бундодальда* признаніе довольно гуманнымъ *Духомъ* ⁽¹⁾. Въ немъ прежде всего въразумно означено обвиненіе варваровъ въ *Римлянина*. Такъ напр. законъ о гостепріимствѣ гласитъ: „если кто-и, купечеству по своимъ дѣламъ, прибѣдетъ въ домъ *Бургунда* и попроситъ у него гостепріимства, а тотъ ему укажетъ дому *Римлянина* и если это можно будетъ доказать, то пусть *Бургундъ* заплатитъ три солида тому, кѣмъ онъ указавъ и три солида тому.“

Анонимарій Сидоній въ своемъ сочиненіи описываетъ некоторыя черты, показывающія, что известная доля добродѣтели лежала въ основѣ въ народномъ характерѣ *Бургундовъ* и находила

(1) См. предисловіе. (Рисо. Hist. d. l. Civil. en Fr. русскій перев. стр. 182.)

свое выражение въ ивъ отношеніи къ римскому населенію. Сводятся замѣтки, что Бургундская правда имѣла силу не только въ границахъ между бургундами, но и въ томъ случаѣ, когда воинами тѣснились между варваровъ и Римлянами. Такимъ же мѣстомъ, согласно съ принципомъ личности права, законодатель считъ нужнымъ обязать Римлянъ сохраненію новъ свободъ законовъ. Соответственно въ томъ же вѣкѣ появилось изданіе „Lex Romana Burgundorum“ (иначе *Parianus*) — компиляція изъ кодекса Феодосія и другихъ римскихъ источниковъ, назначенная специально для юрисконсульта Римскаго населенія. Названіе „*Parianus*“ произошло отъ посѣщенія законодательной статьи *Lex Romana Visigothorum* съ надписью: „*Par(n)ianus liber primum reprobatorum*“. Такъ какъ *Lex Romana Burgundorum* часто сводилась въ рукописяхъ въ Вестготскую Римскую Правду, то эти слова приняты были за начало втораго юридическаго сборника. Относительно раздѣла земли въ *Lex Gothica* народителъ сводящихъ постановленій. Въ то время, какъ народъ нашъ получилъ третъ рабовъ, двѣ трети земли, нами было издано такое постановленіе, что тотъ, кто уже (ранже) по имуществу нашей или нашей родителей получилъ поле съ рабами, не требовалъ (снова) ни третъ рабовъ, ни двѣхъ третей земли въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему отведенъ полей (hospitalitas fuerat delegata). Такимъ же мѣстомъ мы узнаемъ, что малые, не помня оъ угрожающей имъ опасности, преступили нашу заповѣдь, поэтому необходимо, чтобы издаваемое теперь въ видѣ постановленія закона постановленіе

обуздало притязательность своих вассалов и оставило в расстройстве (помощь) дикой безопасности эти пострадавших. Итак, мы повелевали, чтобы все то, которое уже было наделено от нашей щедрости полями и рощами и не смотря на то угнетается в захвате земель у своих вассалов (hospites) обязана была быть без замедления вернуть несправедливо присвоенное."

Из этой статьи видно, что и у Бургундов принципом дикой земли была терцияция (треть), что они брали 1/3 земель, что были злоупотребления, состоявшие в том, что люди, получившие часть наделов, имели недовольство и угнетали захватить еще новые земли. "Диким законам мы отменяем также новое и близкое притязание франков (т. е. людей Бургундской семьи - франкий) в отношении к аристократов (римских), относительно самих распаханных (de exaratis) и постановлений, чтобы как по отношению к лесам, так и по отношению к вновь занятым (распаханным) участкам земли - естественно ли это прежде, или теперь - имела приращение естественная соразмерность с Бургундами: как уже ранее было постановлено, половина леса вообще должна принадлежать Римлянам". Римский этот постановлений заключается в том, что если Бургунды захотят распахать часть леса, насадившаяся в прежнее в союзнатный владения обидной стороны - варвара и Римлянина - то он должен первоначально разбить лес с Римлянами и уступить ему половину леса в отдален-

ную ответственность.

На основании постановлений Lex Gombata
один из новых земель укреплённых крепостями⁽¹⁾ полагает-
ся, что земля была сначала раздана Бургун-
дами пополам с туремцами, а затем вар-
вара взяли $\frac{1}{3}$ её; но это дело совершенно не верно
и гораздо ближе есть выражение, что в самого
начала в Савойе Бургунды получили $\frac{2}{3}$ земли,
 $\frac{1}{3}$ рабов и половинное пользование лесами. Фак-
тически в Савойе было первое деление, второе
же происходило в то время, когда они были рас-
пространены в Талии после завоевания зем-
ли на р. Рона, и было проведено не по новому
способу, а по той же системе третьей; можно
признать третье деление земли после новых тер-
риториальных приобретений; одним словом,
если было несколько последовательных делений,
то они отличались одним от другого не спосо-
бом и равномерным делением, а только геогра-
фическим подразделением местности, подлежащей
этой операции раздана; земля была раздана два
или три раза, но не в одно и то же время, а на раз-
ных территориях. При системе раздана с
отдаваемыми римскими собственниками, Бур-
гунды, точно так же, как и в Б. Готы, очевидно, не
получили для себя сплошной свободной территории,
а земля была раздана в равных
пунктах, среди римского населения;
Бургундские участки пересыкались и переме-
живались всегда с римскими, и эти
виды квадратов на шахматной доске от-

⁽¹⁾ Binding, Das Burgundisch-romanische König-
reich. Leipzig. 1868.

сюда вытекают такие следствия, что общинный закон германцев не мог удержаться; германская община или марка должна была подвергнуться разложению и вместо общинного владения земель получила predominance Римская система личной и безусловной собственности.

Бургунды, попав в область, населенную романизованными подданными Римской империи, должны были и сами романизоваться, что и случилось на самом деле. В настоящее время область южной Франции и Швейцарии, где некогда некогда это кельтское племя, не сохранили почти ничего кельтского и носят вполне французский характер. Процесс этот начался тотчас же после поселения Бургундов на римской почве.

Итак, как Вестготы, так и Бургунды не могли удержать своей германской собственности; лишь случайно было распустилось в романо-кельтской массе. Очевидно, что для прочности Бургундского государства, а может быть и для народного благо было неизбежно, чтобы кельтской процесс совершившейся как можно скорее, скорее унифицировался за великое различие между Бургундами и Римлянами. Там же, но и здесь на пути к мирному слиянию стояло одно большое препятствие — разница в вероисповедании. Бургунды, напротив, следствием союза с Вестготами соединились Арианами. Так. обр. в Бургундском государстве существовали две церкви — католическая и арианская. При тогдашних настроениях умов вопрос религиозный обладал наибольшим значением влиять ума; известно, что борьба между духовенствами той и дру-

гой церкви была необходима. Католическое духовенство, во главе которого стояли 25 епископов, находившихся во каждомъ значительномъ городѣ, было несравненно сильнее нравственными и даже материальными средствами бога-бо. Оно обладало бывшимъ епископскимъ учрежденіемъ, унаследованнаго отъ времени римской имперіи и цивилизаціи, — находилось въ постоянномъ сношеніи съ духовенствомъ восточной Галліи, а также Испаніи и, что еще важнее, — Рима. Въ отношеніи къ последнему даже начинало проявляться некоторое начало подчиненія.

Споръ между двумя епископами галльской Галліи Арелатскимъ и Вьенскимъ о правахъ митрополитовъ, о приматѣ въ Галліи, послужило поводомъ къ тому, что оба епископа обратились въ Римъ за рѣшеніемъ. Когда Гиларій Арелатскій не хотѣлъ покориться и признать обязательность папскаго приговора, то поспѣшилъ за это тѣмъ, что у него было отцаго уже дарованное ему преемникомъ префектомъ Вьенскимъ епископомъ. Споръ затихалъ; папа римский то такъ, то иначе, не считаясь съ стилими постановленіями своихъ предшественниковъ, и всетаки оба мабелые мауцесвенные представители церкви Галло-Бургундской признавали, въ снѣи авторитетъ Рима. Не говоря о томъ, что посредничество было много не лишнимъ уже въ виду самоуправнаго отнѣмствіи іерарсовъ, въ родѣ Гиларія, владѣвшего епископствомъ на катедра вооруженнаго силою, слѣдъ отъ Римскихъ и римскихъ престоловъ поддерживалась въ католическомъ духовенствѣ сознание общаго интереса, расши-

рия круговоръ и т. п. Это же самое значение имѣ-
ли и бывшіе соборы всего Галльскаго духовен-
ства, которое продолжали собираться еще во
второй половинѣ IV вѣка и только къ началу
VI прекратились и были замѣнены ежегодны-
ми частными соборами только Бургундскаго
духовенства. Почти также широкихъ свѣдѣ-
ній о сущей организаціи, католическомъ духовен-
ствѣ было и гораздо образованнѣе аріанскаго.
Точно также, какъ это было въ Африкѣ, оно
воспоминало свои ряды нѣ въ средѣ мнѣющей ари-
стократіи; всѣмъ было епископская канцел-
ля была только вступительн. и завершительн.
служебной светской карьеры. Обладавъ выс-
шимъ образованіемъ и опытомъ въ дѣлахъ,
католическіе епископы давали въ аріанскіе
королевскіе дворы становились приближен-
ными руководителями въ иностранныхъ сно-
шеніяхъ, въ дипломатической перепискѣ, ко-
торая вѣдала, конечно, на латинскихъ языкахъ.
Верхъ того, въ третью, католическое духовен-
ство обладало въ Бургундіи, какъ и вообще въ
Галліи, значительными матеріальными сред-
ствами и умело пользоваться ими самымъ
цѣлесообразнымъ способомъ и въ самыхъ ве-
ликихъ размахѣхъ. Среди всеобщаго бодуна
оно явилось утѣшительн., выкупило плен-
ныхъ, вновь строило разрушенныя церкви и т. д.

Во противоположность тому въ аріанскіе
церкви замѣчается естественная черта. У-
нимъ есть наклонность обращаться въ област-
ныя церкви (Landeskirche). въ каждомъ отдѣль-
номъ государствѣ, безъ общей связи съ дру-
гими, при томъ въ томъ ограниченіи, что кажды-

даже арианская церковь должна была терпеть
свою себя другую, т. е. католическую. Сильно
проблематична арианская церковь не отличалась,
хотя, конечно, вопреки показываемым пристраст-
ным католическим писателям, которые гово-
рят об обращении во католичество массы на-
рода, были и обратные переходы Римлян во
арианство. Важно то наблюдение, что между
отдѣльными церквами арианскими не было со-
гласности. Мы знаемъ, правда, что арианскіе
конулы Вандаловъ въѣзжаютъ приѣзжали въ
системно совершил въ отношеніи къ римскимъ
(восточнымъ) императорамъ; но нигдѣ не видно,
чтобы когда-либо являлся поместительный иже
о какомъ-либо селеніи арианскими Вургулдами,
Вест-Готами, Вест-Готами, Вандалами.

Внутренняя слабость Вургулдскаго государ-
ства, обусловливаемая церковными раздѣле-
ніемъ, обнаружилась съ свободною леностью въ ту
критическую минуту, когда въ соседствѣ появи-
лся варварскій король, принявшій католическую
тѣмъ самымъ привлеченій къ себѣ все сина-
тисъ Галло-Римскаго населенія, находившагося
подъ властью арианскихъ конуловъ. Этотъ кре-
пкій Людовикъ (496), Авитъ Авиньонскій, наибо-
лее видный изъ Вургулдскихъ католическихъ
епископовъ уже обращаясь къ нему съ письма-
ми, въ которыхъ говорилъ, что его чести со-
вмѣстѣ утѣшеніе не для одного только его по-
данного. „Мы сражаемся, а мы подпадаемъ“
(Collectio episcop. Migne LXI p. 321) ^{но это оказывалось} ~~людовикъ~~ ^{за}
имѣя угрожающее нападеніе по отношенію къ
Вургулдамъ. Въ эту затруднительную минуту
и было поднято въ Вургулдскихъ королевствѣ,

помяну въ всей сторонѣ, вопросъ о единствѣ и
спокойствіи церкви. Дворъ короля сдѣлался
ареной борьбы борады. одна партія хотѣла
обратить его въ католичество, Другая партія
стояла за національную религію. Требова-
ли диспута. Монахи Бундобальда были
всегда тѣлесные. Никогда единство и сома-
не всего подданныхъ не было болѣе жес-
тливо; но какими путями можно было его
достигнуть? Между тѣмъ католическіе епи-
скопы собрались въ 499 г. на свой соборъ въ
городѣ Лионѣ и сейчасъ же отправили къ
королю депутацию. Во главѣ ея стоялъ еписк.
Авитъ, который обратился къ Бундобаль-
ду съ такою речью: „Если король желаетъ
мира церкви, то онъ готовъ доказать попу-
лу своего исповѣданія неопровержимыми
доводами.“ Это значило, что они предумы-
слили о ссорѣ. Королю казалась опаснымъ
возбуждать религіозные споры и будить стра-
сти въ данный моментъ. Онъ говорилъ: „Ес-
ли ваша воля есть истинная, то почему
ваши епископы (тутъ особенно раздумавши
Ремигій Реймскій) не останавливаютъ коро-
ля Франковъ, который объявилъ мнѣ войну
и соединился съ моими врагами на мою
гибель.“^(*) Меланъ чуждаго впадения, неясно

^(*) Bonquet IV, 100: „Si vestra fides est vera, qua-
re episcopi vestri non impediunt regem Fran-
corum, qui mihi bellum indixit et se cum
enimicis meis sociavit, ut me destruerent.“ Да-
звучаема со словъ св. Меодориса Ост-Вом-
скимъ.

крови народовъ — это не есть врага. Пусть онъ докажетъ свою веру своими делами." „Мы не знаемъ, отвѣчаютъ епископы, по какой причине Хладовицъ умираетъ то, въ чемъ въ его обвиняете: но писаніе учитъ насъ, что государства разрушаются всерадостіе отпаденія отъ божественнаго закона и что противъ враговъ должныя являться со всехъ сторонъ враги земные. Обратитесь съ своими народами къ истинному божественному закону, и вы будете иметь миръ внутри вашего государства." „Но радию я не признаю божественнаго закона, возражаетъ король, потому только, что я не могу вѣрить въ трехъ боговъ; вы говорите, что я не повиновался божественнаго закона, но въ священномъ писаніи читается, что богъ одинъ, а не многие."

Однако король допустилъ Епискупа, который, понятно, ни къ чему не привелъ и оставилъ обо стороны при предписанъ удовольствіяхъ^(*). Какъ Гундобалдо справился съ Хладовицкимъ, обо этомъ мы узнаемъ позже.

22

5. Вандальское государство.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другихъ завоеваній, другихъ новыхъ варварскихъ государствъ, образовавшихся на Римской почвѣ — Вандальскаго въ Африкѣ и Англо-саксонскаго въ Британіи. Какъ уже известно, Вандаль жили первоначально между Дунаемъ и Вислой.

^(*) Рассказъ обо Гундипуптѣ помѣщенъ между прочимъ у Авр. Мейера въ примѣч. къ „Ист. завоев. Англіи Норманнами“.

Около 272 г. они передвинулись въ Паннонию, съ согласия императора Римскаго, а съ 406 г. мы видимъ ихъ уже въ Галлии и Испаніи. Изгнанное Вест-Готами въ 424 году изъ Испаніи, они въ продолженіе между 429 и 439 годами основываютъ, подъ предводительствомъ Гейнсериха, государство на северномъ берегу Африки.

Африка, завоеванная Римомъ, представляла одну изъ самыхъ богатыхъ провинцій имперіи; богатая плодами, она еще ранѣе Вандамовъ привлекала на себя взглядъ и сужіи предпріятій мечаний завоевателей — варваровъ.

Основавшись на северномъ берегу Африки, Вандамы не отказались все же отъ кочевничества и разбоя; подобно Готамъ, которое изъ своихъ жилищъ на юго-Востокъ граничилъ берега Чернаго моря и доходили до М. Азии, и Вандамы устроили фронтъ и въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ захватили даже два бывшіе острова Средиземнаго моря — Корсику и Сицилию. Въ 455 г. Гейнсерихъ съ своими Вандамами явился въ Римъ и въ продолженіи 14 дней проежидитъ грабежи и раззореніе вѣчнаго города; только осаднъ Римлянъ была пощажена, благодаря просьбамъ епископа Льва. Но не смотря на эту вынужденную силу и страхъ, наводимый именемъ Вандамовъ, государство Вандамское было непрочное и просуществовало недолго. Черезъ 100 лѣтъ въ 534 г. оно было завоевано Веландаремъ, полководцемъ императора — Юстиніана.

Причина непрочности новаго государства лежала въ томъ отношеніяхъ, въ которыхъ побѣжденные стали къ побѣжденному иль Римскому населенію провинцій. Отношенія эти опредѣлялись,

съ одной стороны, характером и обстоятельством завоевания, съ другой — религиозными антагонизмами арианства и католичества. Завоевание совершилось быстро и безъ всякаго согласія, хотя въ формальном и наружном, со стороны императора и всего мира — въ согласіи съ повелѣніемъ населеніемъ. Завоевание это представляеть полную противоположность завоеваніемъ Вест-Готамъ и Франкамъ, которые основались на земляхъ имперіи въ согласіи съ провинціалами и во всякомъ случаѣ постепенно, а затѣмъ вступили и въ тѣсную связь съ италійскимъ Римскимъ населеніемъ.

Вандалы же своимъ господствомъ въ Африкѣ обладали били только своему мѣру, какъ на это прямо указываютъ преемники Гейнриха, говоря, что онѣ обладали своими владѣніями только Богу, т. е. завоеванію и наслодственному праву, послѣднее упрочено и точное определено именно Гейнрихомъ. Такъ вѣр. римское населеніе оказавшееся просто въ полномъ подчиненіи народа, доставшагося во власть врагу и очутившагося въ полномъ военнопленнаго. Обратимъ вниманіе на одну знаменательную черту въ отношеніяхъ Вандаловъ къ Римскому государству, образовавшемуся на римской почвѣ, не какими собственн., присвоенной только монета, а иными на монетахъ своихъ изображеніе императора Римскаго; а не только Вандалскія монеты „автономны“, какъ говорится въ нумизматикѣ, и золотыхъ Вандалскихъ монетъ съ изображеніемъ императора совершенно не встрѣчается.

Что касается до отношеній побѣдителей къ

провинциаловъ, то ихъ должно отличать отъ здѣшней группы, на которую держалось все:

1.) Католическій клеръ, сильной своей многочисленностью, крепкой организаціей, богатствомъ, своимъ отношеніемъ къ Риму и Византии и

2.) Кланъ Землевладельцевъ, зажиточныхъ и образованныхъ, почти наследственно владевшихъ вѣдущимъ землевладѣніемъ, одними словами, некоего рода дворянство. Последнее уже своимъ богатствомъ выдвигало себя на первое завоевателей, первое возбуждало неравенство и антагонизмъ религіозныхъ отличій. Только насчетъ высшего класса можно быть удовлетворена той надеждой на доброту и привлекательность, которая манила Вандаловъ черезъ море въ богатую Африку.

Точная исторія о судьбѣ, постигшей это римское дворянство, не многочисленна и въ существѣ относится только къ одному городу, не за то къ такому, гдѣ сосредоточивались все еще представители сословія и гдѣ они жили въ наибольшемъ количестве, именно къ Каррагену. Алъ здѣсь источники указываютъ на особенное преследованіе нобилей (*nobiles senatores*). Въ отличіе отъ другихъ варваровъ, Вандавы утвердились епическимъ кланомъ въ области Каррагена; очевидно, что туземное населеніе не могло быть пощажено; и фактически, Вандавское завоеваніе отличалось здѣсь крайнею жестокостью; особенно сильно, по свидѣтельству Виктора Витенскаго (*Victor Vitenensis*), пострадали землевладельцы: Гейндрихъ, по словамъ его, взявъ многихъ знатныхъ семействъ въ плѣнъ приказавъ имъ отдать все свое имущество и драго-

убиенности. „Pensarius senatorum non parvam multitudinem captivavit et inde proposuit decretum, at unus quisque auri, argenti gemmarum vestimentorumque preciosorum quodcunque haberet afferret.“

Во древних источниках много еще писателей говорится: „Senatorum atque honoratorum multitudinem primo exilio crudeli contrivit, postea transmarinas in partes profecit.“ Многие из них мучимых, побитых были крестами, казнены как преступники и обращены в крепостных или даже рабов на полях своих имений.

Но всетаки не следует считать это преследование систематическим истреблением. И потому в завоеванных провинциях всегда остаются Римулы; иногда они занимают даже высшие должности при дворе и, не смотря на все гонимый притеснения, бывшее же еще их удерживало во все время Византийского владычества; в муниципальном управлении также многие должности в сенате были заняты ими. Они — то первые пристали, через 100 лет, вместе с духовенством к войскам Византии. Из среды оставшего дворянства много казнено многие подверглись также угрозам или смерти. Вообще же положение их определилось в такой вид:

1.) Самые знатные постигли наибольшую горькую участь. Многие из них корабль захватили на себя и на своих рабов, чтобы вести на их хозяйство посредством несвободных Византийцев или известных рабов (Servi); многие же отчасти и преданные властители были объявлены на своей земле рабами, по свидетельству Прокопия

Кесарийскаго (En arboribus moris). Конечно, можно предположить, что слова Прокония Кесарийскаго не должны быть понимаемы буквально, что подъ „рабскими“ состояніемъ разумеется у него и „крепостное“ состояніе — колонатъ; т. е. что король Гейзерихъ и его сановныя иногда представляли провинціальныхъ владѣльцевъ на ихъ земляхъ въ видѣ полусвободныхъ и податныхъ людей, въ видѣ колонатовъ, а не только рабовъ.

Преиміе собственники своихъ земель, которыхъ досталось въ видѣ отгнанныхъ участковъ Вандаламъ, хотя и остались лично свободными, но были лишены своей повелѣнной собственности, впали въ нищету и сѣдились совершенно безпомощными. Вандалы не поступали подобно другимъ варварамъ, которые оставляли нѣкоторую, хотя незначительную часть земли $\frac{1}{3}$ провинціаламъ, они, какъ уже сказано выше, все поселившееся сплошного массаго въ такъ называемой проконсульскаго провинціи (Africa Proconsularis) и преиміе опустошили ея до такой степени, что не оставили ничего. Въ иномъ случаѣ здѣсь представлялось на ихъ пользу воина, — или усадить ихъ въ землю, или же, покорившись, обратиться въ рабовъ или колонатовъ.

Въ оставшихся частяхъ, особенно на окраинахъ, въ пограничныхъ провинціяхъ, гдѣ земля была хуже, остались многочисленныя землевладѣльцы лично свободными на своихъ участкахъ, но только обременены были огромными податями, тогда болѣе массовыми, что Вандалы сами за такую землю не платили ничего. Въ житіяхъ святыхъ (напр. vita s. Fulgentii, Acta ss. Rolland 1. Januarii.) довольно часто встрѣ-

кажется указание на то, что мать или другой
благочестивый человекъ знатнаго происхожде-
ния /nobilissimus/ помертвовавъ въ пещеру церкви
/католической/ свою землю, свое поле (propriam
agellum) — ясное доказательство, что не все зем-
лепосадельцы подверглись одинаковой участи.
Но особенно тяжелей было переворотъ для ка-
толической церкви, до сихъ поръ ея Богородица,
занимавшая здѣсь прочное, установленное по-
мощение, не задолго до того прославленной и воз-
величенной дѣятельностью Августина. Число
епископскихъ кафедръ, простиравшееся здѣсь до
500, показываетъ намъ твердое помощение цер-
кви въ странѣ, гдѣ погребено въ вѣрности
и прославившее знаменитое отце — Орисій,
Викторъ Витенскій и другіе католическіе дѣ-
тели. Вандава, благодаря своему близкому
родству съ Тотами, познакомившись съ пере-
водомъ св. Писанія, сговорились Арианами и,
после завоеванія Африки, воздвигли страш-
ное гониміе на католическую церковь. Неприми-
мость Вандавовъ-аріанъ обнаружилась уже
при Рейнверихѣ и особенно усилилась при его
преемникѣхъ. Казалось бы страннѣе, откуда
явился подобный фанатизмъ у Германцевъ,
даже въ языческіе времена не имѣвшихъ при-
вычки стѣснять свободу совѣсти, не отливав-
шихъ никогда русамаъ преземствіа, отпо-
сившихъ совершенно пассивно къ религіознымъ
возвратностямъ друиѣ. Одинъ изъ новоявленныхъ
исследователей этого вопроса — Дакн, говоритъ,
что причина этому надо искать въ поведеніи
самой католической церкви.

Само населеніе, по его мнѣнію, а также и крѣ-

мическое духовенство, сохранявшее привязанность
к древнему Риму и новой Византии, враждебно
относилось к варварам - арианам; оно зави-
зовало еношений, начинало интриги, возбуждало
подозрения, что все эти козни строятся и про-
тивъ политического господства вандаловъ въ
странахъ. Все это возбуждало ненависть и причи-
нило преследования. Иногда гонение много было
возмездие за преследования Арианъ, что прямо
видно воскавывается въ эдиктахъ Гунериха, од-
ного изъ преемниковъ Теодориха. Наконецъ ари-
анская церковь, основанная здѣсь недавно и
не имевшая никакихъ богатствъ, доведена
была надѣлать своихъ агитателей нищими
и могла это сдѣлать не иначе, какъ на счетъ
католической.

Вообще исторія этого гонения показываетъ,
что ожесточеніе и фанатизмъ были возбуждае-
мы не только со стороны высшихъ властей, но
также, вероятно по внушеніямъ духовенства,
и со стороны толпы, черни. При Гунерихѣ (ср.
477 г.) возбуждается гонение уже по внушеніямъ
чисто тупого, ожесточеннаго фанатизма; кро-
вавая жестокость со стороны короля, свя-
щенниковъ и народа вандалскаго обнаружи-
вается въ полномъ свѣтѣ.

Довно началось съ того, что Гунерихъ лишилъ
всѣхъ католиковъ права государственнаго
и придворнаго служения, которыхъ они зани-
мали до сихъ поръ. Потомъ, въ 493 г. издалъ слѣд-
ующій, повелевавшій всемъ епископамъ явиться
въ Карфагенъ на созываемое соборъ. Очевидно, что
подобной диспутъ былъ весьма опасенъ для като-
лической церкви; тогда остановить

ором, епископъ Евгений Карфагенскій обратился къ Юзерису въ требованіи, чтобы на составленіе пригласенна были не только епископы Африки, но также и Италии и вообще римскихъ провинцій. „Завоюй мною эти страны, отвѣчалъ Юзерисъ, и тогда я издамъ подобное повелѣніе.“ Наконецъ собрана были представители обѣихъ Африканскихъ церквей; председательство было отдано Арианскому епископу, что возбуждено негодованиемъ представителей католической церкви и они отказались отъ диспута. Съ другой стороны и Ариане не хотѣли начинать созваніе, отговариваясь неимѣніемъ латинскаго языка, на которомъ хотѣли диспутировать православные епископы. Эти послѣдніе оказались виновными въ томъ, что диспутъ не состоялся; результатомъ этого собора явился эдиктъ Юзериса, повелѣвавшій захроить все католическія церкви, сжечь все книги, содержавшія католическое ученіе, конфисковать имущество епископовъ; священникамъ и епископамъ запрещалось вступать въ какія-либо составленія для защиты своей вѣры, совершать тайноство крещенія и т. д.; на имперію налагались денежные штрафы, они лишались права распоряжаться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщаній а равно и получать его по наследству или завѣщанію и т. д. — Послѣ смерти Юзериса долго измѣнялась, смотря по отношеніямъ Вандальскихъ правителей къ императорской власти въ Римѣ, и помощь въ Византію. Наконецъ до Гелимера, при которомъ въ 534 г. Византійскія войска Велизарія явились защитниками и издателями Африки отъ религіознаго гоненія варваровъ.

Вандалы, оставившие после себя имя, сформировавшиеся нарицательным для обозначения варварства и жестокости, объявлены эллины, очевидно, со времени 455 года. Но обвинение, возводимое на них, в сущности преувеличено: они далеко не истребили во время своего дневного грабежа всякого памятников римского искусства. Впоследствии в XVI в. во время господства знаменитой фамилии *Barberini*, давшей Риму срамно кардиналов, говорили, что не варвары разворовали Рим, а *Barberini* и в этом была своя доля правды. Но по отношению к церкви и населению Вандалы по справедливости подверглись порицанию потомства и истории.

6. Завоевание Британии и Англо-Саксонского государства⁽¹⁷⁾

Поговорим теперь о владениях Римской империи и остров Британия, на который мы должны разбить три племени: Бриттов, Пиктов (Каледоний) и Скоттов (Scotland - Шотландия), хотя и знаем, как мы уже подробно говорили, романизироваться не в такой степени, как Галлия, но все же испытали на себе губительное влияние Рима. Зная были, как уже развлекло, римские муниципии, население зрелищнее, особенно южно-британское, оставило после себя много памятников, свидетельствующих о значительной степени культурного развития жителей острова. Во время Римского господства вместе с

⁽¹⁷⁾ Elton. "Origins of English history." 1882.
Green. "The making of England." 1882.

зубилинцѣй распространилось здѣсь и христіанство. Существует много преданій о принесеніи христіанства въ Британію; къ нимъ принадлежатъ, между прочимъ, сага оъ Іосифѣ Аримафейскомъ, крѣпко почитаемомъ христомъ явившемся просвѣтителемъ Британіи и основателемъ здѣсь монастыря Glousterbury на югѣ отъ Бристоль.

Но гораздо болѣе правдоподобенъ рассказъ о томъ, что около 170 г. одинъ Британскій князь, по имени Люгій (Llewellyn - Младшій - великій святой) отправилъ посольство къ римскому папѣ Девсерію съ просьбой о наставленіи въ истинныхъ христіанской вѣры и что съдѣланнымъ посольствомъ было пріидіе миссіонеровъ, основаніе трехъ архіепископствъ и 28 епископій въ Британіи^(*).

Съ другой стороны есть указательныя основанія думать, что христіанство Британское заимствовано не изъ Рима, а съ далекаго востока: мы знаемъ, что съ самаго начала Британская церковь не сходилась съ Римскою во многихъ вопросахъ, возникавшихъ тогда уже христіанъ, напр. въ вопросѣ о времени празднованія пасхи. Въ этомъ вопросѣ Британская церковь была согласна съ восточными церквами, а не съ Римскою. Ланкенбергъ предполагаетъ предположеніе, что вопросъ о времени празднованія пасхи возникалъ уже уже заимствовавшихся христіанъ Британіи, и что

^(*) Главнымъ источникомъ для начальной исторіи христіанства въ Британіи служитъ Беда Достопочтенный + 735 (Beda Venerabilis) въ своей "Historia ecclesiastica gentis Anglorum", напечатанной въ Monumenta historica Britannica. Краткое изложеніе о посольствѣ Люгія представлено у Беда некоторымъ хронологическимъ затрудненіемъ.

папа Зиевсерій могъ явиться тутъ посредникомъ.

На возможность происхожденій британской церкви от востока указывалось и другие факты. Римская власть обитала между собою самая отдаленная племена и народы; такъ обр. ма видны здѣсь следы культа Мисра, Аполлона, видны храмы Сераписа. Наконецъ, есть надписи, кроме прямо указывающія на присутствіе здѣсь Грековъ-Сириацевъ. Такъ обр. нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Малой Азіи занесено христіанство въ Британію.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что христіанство съ тѣмъ характеромъ, который она имѣла въ Британіи, могло быть принесено сюда и не прямо изъ М. Азіи, а посредственно, имѣнно черезъ Галлію. Южная Галлія, въ частности область низиней Рона, черезъ г. Марсель находилась въ постоянномъ сношеніи съ М. Азіей и греческая цивилизація здѣсь не была вытѣснена Римскими вліяніемъ. Во 2ой половинѣ II^{ой} вѣка были христіанскія общины и церкви въ Лионѣ и Вьеннѣ; здѣсь были церкви греческія, изъ которыхъ посылъ греческія писмена, епископъ Уринеи Лионскій писалъ по-гречески; въ вопросѣ о правдоуваніи пасты онъ былъ противъ Римскаго епископа и соглашался съ обычаями М. Азіатскихъ церквей. Греческія церкви въ долине Рона были колоніями изъ М. Азіи и это то, божь молитва, послужили посредниками въ передачѣ христіанства въ его восточными особенностями въ Британію. Во 2ой не только нѣтъ положительныхъ данныхъ о существованіи христіанства въ Британіи около половины II в., когда жилъ Зиевсерій; напротивъ, есть свидетельства противъ этого предположенія. Сочиненіе св. Уринеи противъ ересей написано

ок. 1176 года; въ ней Ириней перечисляетъ хри-
стіанскія церкви и знаетъ таковую только въ
Германиі и Кельтической Галліи, т.е. вѣроятно,
разумѣется подъ этими собственными областями
окрестности Лиона и Вьенны. Только Тертуліанъ,
жившій въ началѣ III вѣка (208) упоминаетъ пер-
вый съ достаточною ясностью о существованіи
христіанства въ Британіи, и даже въ тѣхъ
частяхъ, куда не ступала нога Римлян (et
Britanorum inaccessibilia Romanis loca Christiano vero
subdita). Это во время Діоклетіана существо-
вало здѣсь христіанско-сообщеніе нѣтъ, такъ
какъ гониміе, начавшееся въ Римѣ, отразилось
и здѣсь. Доказательствомъ этого служитъ ска-
заніе о св. Албанѣ, жителѣ Веруламійскаго (на-
зывается котораго монастырь St. Alban's). Извѣ-
стно, что и нѣкоторые другіе мученики пострадали;
напр. Феликс и Ларокъ изъ Саерлеона (Bede I, 7).
Отъ времени Константина есть свидѣніе, что
британскія церкви принимали участіе въ со-
борахъ; такъ въ 314 г. въ Арію (Арсхате) въ нор-
ной Галліи на соборѣ были 3 епископа изъ Бри-
таніи: Лондонскій, Эборакскій (Йоркскій) и изъ
colonia Lindunensium (второе Coloniae Lindi-
Lincoln). Они тутъ оказались несогласными
съ некоторыми пунктами во римской церкви,
съ римскими первосвященниками. Не нужно
думать, что эти епископства существовали
только для римскихъ поселенцевъ; они также
имѣли отношеніе и къ местнымъ урожен-
цамъ Кельтовъ. Въ новѣлѣтнихъ мѣсяцѣхъ
скажанаго слова Иоанна Златоуста членомъ
находился указаніе на то, что священное писаніе
было переведено на ивѣтской кельтскій языкъ.

Въ означъ можетъ Златоустъ говорить, что Бри-
танскіе острова, лежащіе среди океана, почув-
ствоваши силу слова (христ. проповѣдь) и тамъ
воздвигли церкви и утвердились оцертвенни-
ки. Въ другомъ можетъ онъ говорить: „Куда по-
иши придеши, къ Иудеи или Британцѣмъ, вездѣ
успѣвающимъ: „Въ началѣ бѣ Слово“ и поидеши
живи блгочестивую. Можетъ быть, впрочемъ,
несколько сильно насаждаетъ затѣе укаваніе на
Кельтскій переводъ св. Писанія.

Въ водвореніи христіанства въ Брита-
ніи началъ отсюда пилигримства, которое
сдѣлавшись обычна со времени Константина
и матери его Елены. Въ чередѣ о Симеонѣ Стол-
пникѣ укавывается на посѣщеніе его очитель-
ми отдаленной Британіи. На востокъ Брита-
нскіе путешественники познакомились съ мона-
шескою жизнью, съ аскетическою; какъ свидѣ-
ствіе этого знакомства являютъ въ Британіи
монастыри, напр. монастырь Bangor близъ Че-
стера. Наконецъ о томъ, какъ принялось здѣсь
христіанство и какъ оно вошло въ жизнь, сви-
дѣтельствуетъ между прочимъ появленіе здѣсь
еретическихъ ученій, долго существовавшихъ цер-
ковъ, именно появленіе ереси Пелагія. Членъ
это было особенно распространено на родинѣ
Пелагія, перешло оттуда въ Галлію, такъ
что тамъ римская церковь давно была при-
нмать мѣра для борьбы. Между прочимъ
для веденія диспута съоудъ былъ отправленъ
Германъ, епископъ города Оксерра (Autissiodorensis);
хотя диспутъ и кончился торжествующимъ
православіемъ, но пелагיאнизмъ еще долго держал-
ся въ Британіи. Такъ обр. связано съ римского

культуры въ Британіи утвердилось и тарелія, которая сдѣлалась въ IV вѣкѣ господствующей въ Римской имперіи.

Около половины IV вѣка положение Британіи сдѣлалось весьма опаснымъ, усиливъ нападеніе германскихъ племенъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, англо-саксонское завоеваніе было подготовлено до извѣстной степени предѣльными событіями германскаго колонизаціи, совершившагося подъ покровомъ римской власти.

Мы знаемъ, что Саксы раньше появились въ Британіи, точно также какъ и другія германскія племена. Но окончаніи маркоманской войны (180) императоръ Маркъ Аврелій переселилъ въ Британію толпу Германцевъ; они должны были служить и западныхъ границъ, и орудіемъ римской власти на островахъ (Cass. XXXI, Kemble 1, 12). Во 2-й половине III вѣка Пробъ (276—282) поселилъ здѣсь значительное количество Бургундовъ и Вандаловъ, которые были наемны еми въ борьбѣ съ мощными претендентами (Lobin. 1. 68). Они воздвигали землю въ видѣ крепостныхъ и еще долго археологи указывали слѣды германскихъ поселеній близъ Кембриджа. Столько также огромный толпа Германцевъ были въ числѣ британскихъ легионовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ намъ и Аммианъ Марцелинъ. Онъ говоритъ, что императоръ Валентиніанъ въ III в. отправилъ въ Британію Фрамака (варварское имя), поставивъ его во главѣ отряда Адаманновъ. (Амт. Marcel. XXIX, 4).

Быть может, и Сакса, впоследствии явившиеся завоевателями во Британию, когда ранее поднаходящиеся с этой страной и давшие ей имя. В известном административно-этнографическом описании империи, *Notitia dignitatum utriusque imperii*, составление которого относится ^{ко времени} никак не позже начала V в., среди других важных чиновников, заведывавших провинциальными делами на островах, встречается военный начальник, носивший титул *comes littoris Saxonici per Britannias* (см. Lappenberg I, 41, 43), точно также как встречается название *limes saxonicus* и *litus saxonicum*. Об этих названиях существует много предположений; некоторые говорят, что *limes saxonicus* означает пространство земли, заселенное саксами. Другие полагают, что *limes* и *litus* не могут указывать на поселение саксов, а что это были лишь границы, имевшие совершенно такое же значение, как впоследствии имели имперские марки — Аварская марка, Славянская — пограничная линия для защиты от нападений владычества Славян и Аваров. Falgrave и Kemble высказываются за объяснение в смысле саксонского поселения. Во всяком случае мы достоверно знаем, что ранее утверждения во Британии, Сакса дали и нападения на нее; во половине V в. они упоминаются в числе врагов риманизованного кельтского населения Британии, а равно и Ирландии, подобно Пиктам и Скотам.

У Клавдиана, поэта Ородосия, встречается такое слово: *Maduerunt saxone fuso Orcades; incedunt Pictorum sanguine Thule; Scotorum cu-*

мольбах о помощи. Наши наиболее древние и достоверные источники (Gildas, Beda) рассказывают три страшных вторжения Пиктов и Скоттов в пределы романизованной Британии, и всякий раз Бритты обращались за помощью в Рим. Римские военные отряды являлись вновь и помощи в 414, 416 гг. справившись с врагами на севере. Но едва они удалились, оплотн врагил Бэда. Годы 418 г. в Англо-Саксонской хронике сообщают замечание, что в этом году Римляне (на звание разв пров идет, очевидно, уже о империи гравиданских поселении) собрали свои сокровища и отчасти зарыли их в землю, так что никто после их не выкапывал, а отчасти унесли их с собою в Галлию. Однако и тогда связь с империей не была порвана. Прямые нашествия варваров относятся к 445 г. и тогда Бритты отправили посольство к Адриану, которое должно было сказать: „Варвары толпятся надъ к морю, море гонитъ насъ къ варварамъ; насъ остается выдирать изъ двухъ родовъ смерти — или утопить, или быть зарытыми“. (Gildas, Beda). Военной помощи не пришло, но в Британии во 2-й разъ явились епископы Термиди и настоятель дучевинъ Тунитовъ, что они еще разъ одержали победу надъ врагами, среди которыхъ были, повидимому, и вновь пришедшие Саксы. Это такъ называемая „Алмичийская победа“ (в битве участвовало дучевинство и посей победа заставило воиновъ поить „алмичийю“). Римская власть прекратилась сама собою: сначала отозвана были legion, и Британия, окончательно предопределенная на произвол судьбы, не установила противъ соединен-

нырь нападеній Никтовъ и Скоффовъ съ одной дру-
жины, Саксовъ съ другой. Съ 449 г. начался рядъ
блуждающихъ переселеній тебтонскихъ племенъ. Пер-
выми появившимся здѣсь Юта, затѣмъ Саксы, Ан-
глы и отчасти Фризцы.

Цили Саксовъ, занимавшійся пространство отъ
р. Эльбы къ югу до Рейна, дѣлается употребле-
тельнымъ въ IV в. вместе съ племенемъ Фран-
ковъ и подобно этому послѣднему, осваиваетъ
свою ютландскую и мелкихъ племенъ, преимуще-
ственно своихъ отбывшихъ наваши-
ми (Херуски, Марсы, Бавки и др.). Саксы грани-
чили съ Англами, также жившими не да-
леко отъ Эльбы (въ ютландскомъ Шлезвигѣ);
Юта поселившись на полуостровѣ Ютландіи,
Фризцы по берегамъ Немецкаго моря, на югъ
по направлению къ Рейну. Все они были близ-
ко родственны между собою и составили нѣ-
ко-немецкую ютландскую тебтонскую племена. До-
стоверныхъ подробностей о наваши этихъ
племенъ на Британію сохранилось весьма
мало. Римскіе писатели совершенно умалчи-
ваютъ объ этихъ событіяхъ, такъ что мы
имеемъ только ютландскую легенду, подобно
рассказу о Британскомъ князѣ Вортигернѣ
и потомъ о королѣ Арфурѣ. Подробности рас-
сказа имѣютъ весьма малую достовѣрность;
въ самомъ простомъ первоначальномъ видѣ
мы встрѣчаемъ его у Гильдаса, и Бедэ и въ Ис-
торіи Ненноя. Гильдасъ также упоминаетъ
о князѣ Вортигернѣ и говоритъ, что послѣд-
ній, не будучи въ состояніи противостоятъ на-
пору Никтовъ и Скоффовъ, призвалъ на помощь
англо-саксонскихъ дружины. Велѣдствіе призо-

ва явились 2 князя: Текисель и Торва, какъ гово-
рится предание; имена этихъ последующихъ кня-
зей, впрочемъ, не упоминаются Гильдасомъ. Вотъ
некоторые подробности историческаго преданія
о завоеваніи Британіи Мавтанскими племе-
нами.

Древнѣйшій авторитетъ, какъ сказано, есть
Гильдасъ, по прованису мудрый, появившійся въ 12^е
полюснѣ II века и поселившійся въ свѣщенни-
ка въ Британской церкви; въ 550 г. онъ покинулъ
родину и переселился въ Ирландію, гдѣ и напи-
салъ въ формѣ посланія своего "Libellus expro-
batus de excidio Britanniae" (около 560 г.). Сооб-
щающій въ извѣщеніи его разсказы. "После по-
сабства къ Англіи, Британія вскорѣ одержала
побѣду надъ врагами, что нужно приписать
исключительно помощи своей. Британія недо-
стойны были побѣды и не умѣли ею воспользо-
ваться. Они были слабы въ борьбѣ съ выходя-
щими врагами, но неукротимы въ междоусобицѣ
войнахъ. Во время спокойствія, послѣдовавшаго
за побѣдой обнаруживается сильная демора-
лизация, возрастаетъ роскошь, увеличивается
любовь къ лени." Помышлялись на царство
корали, но не по Богу, а изъ тщѣ, кто выдавалъ
среди друзей жестокостью и немного вре-
мени спустя избранныкъ былъ умерщвленъ
безъ всякаго изслѣдованія истиннаго грѣха сами-
ми людьми, которые его помышляли. Если помы-
шлялся насильствъ даже друзей кроткій и лю-
бимый правду, то на него, какъ будто на како-
го то разрушителя Британіи (Britanniae qua-
si subversorem) устраивалась всеобщая ненависть
и безчисленная стража. Деморализація про-

ники и во среду духовенства; оно утопало во
 снѣгу, предаваясь грубому пьянству. И вотъ
 снова приходитъ вѣсть о врагѣхъ, а внутрен-
 нь тѣмъ усиливается голодъ и моръ. Собра-
 лось совѣтъ и начинаются разсужденія о
 томъ, что слѣдуетъ предпринять для отра-
 жения столь частыхъ и загоревшихъ вторженій
 кельтиковъ. Тогда все совѣтники внимаютъ
 съ гордымъ вѣнчанъ Бриттовъ (Britanno-
 rum dux) - Гуртигерномъ (Guthigerno, Ворти-
 гернъ) будто въплоть въ осмысленіе и придума-
 ли такую защиту, или, лучше скажутъ, нѣтъ
 отечеству: пусть этотъ свирепый, ненавист-
 ный Богу и людямъ народъ, населяющій прокля-
 тое или Саксовъ, будетъ ввѣщенъ на островъ,
 подобно выхвачъ въ огарню, для отраженія
 стверныхъ племей (Пиктовъ и Скоттовъ).
 Было явлено бѣдующимъ приключатъ къ себѣ
 бѣднее тѣло, которое уже изгнали наводни-
 ли страхъ. И вотъ, какъ будто стая дѣтены-
 шей, выросавшая изъ логовища варвар-
 ской лавицы, на трясѣ, какъ это у нихъ гово-
 рится, кичится (субилъ), а въ переводе на нашъ
 языкъ длиннаго корабля, longis navibus,
 при попутномъ вѣтрѣ, высаживаемые сна-
 чала на восточномъ берегу острова прише-
 ла, призванное злочастнымъ тиранномъ
 Вортигерномъ, и выпускаютъ въ землю свои
 страшные когти, какъ будто помышлялъ
 зашмыгнуть отечество, а варны воевать про-
 тивъ него. Когда выскочившая изъ роди-
 тельнища лавица, а бѣдѣ метафоры - родина,
 узнала о счастливой удачѣ первой стаи, то
 сейчасъ же выслала болѣе многочисленную

свору спутниковъ и собакъ, которая прибо-
на на сударь и присоединилась къ первому от-
ряду. Такъ обр. вступивше на островъ варвары
потребовали къ себѣ съестныхъ припасовъ; вы-
даваемые долгое время въ изобилии припасовъ сѣ-
заткнули, какъ говорится, собаку пастъ. Но
затѣмъ начинаются жала на недостатокъ
пастъ припасовъ; наконецъ презвешиваютъ
сея всю поводу къ неудовольствію, раздаютъ
угрозы, что если не будетъ оказано бывшей го-
товности и щедрости, они разорвутъ договоръ
и предадутъ все раззоренію. За шовали скоро
помогавши соответственные дѣла. За-
тѣмъ описывается наступившій погромъ: вар-
вара все обращаютъ въ развалины; вся сѣра-
на отъ моря до моря устланъ трупами,
лежащими на площади среди развалинъ
столбовъ, храмовъ и алтарей, обрызганныхъ
кровью.... Остатки несчастнаго населенія
скрываются въ горахъ, но и здѣсь иногда
прислѣдующіе наступаютъ на нихъ и убиваютъ
толпами; иже, вынужденные голодомъ,
добровольно выходятъ изъ убежищъ и отда-
ются въ вечное рабство (*manus habitus da-
vant in aeternum servituti*), — что уже считалось
большимъ благоволеніемъ; другіе — удаляются
въ заморскіе страны. Впрочемъ, съ те-
ченіемъ времени, туземцы несколько оодри-
лись, изъ разноречія имѣютъ, какъ иже изъ увѣ-
ровъ, собираются толпы ихъ вокругъ одного
божества, вполне достойнаго общаго доверія.
Это былъ Авросій Аврелианъ, происшедшій
изъ знатной римской фамилии; онъ одержавъ
первою бѣднью побѣду надъ присланными варва-

раши. Съ тѣмъ поръ идетъ борьба съ перемѣн-
ливымъ счастьемъ. Когда писавъ Гильда Корнахъ,
по провансио мудрой, эта борьба была еще не
кончена. Таковъ первоначальный рассказъ о
завоеваніи Британіи Англичанами, написан-
ной пересъ 100 лѣтъ послѣ самыхъ событій,
мучень, принадлежавшихъ къ имени побѣ-
дителей и пострадавшихъ риманизованныхъ
Бриттовъ, и потому не щадивший запаса
бранныхъ словъ для выраженія національной не-
нависти. Достоинственный Беда, писавшій свою
церковную исторію уже въ 8 вѣкѣ (около 730 г.)
въ сущности, повторяетъ рассказъ своего пред-
шественника — отчасти даже буквально. Но въ
его время уже известна были — конечно по пре-
данію — имена двухъ главныхъ союзцевъ завоева-
ній — Генрифа и Горы, изъ которыхъ послѣднее
было сведено въ какихъ-то памятникахъ на
восточномъ берегу Кента. Больше обильное по
дробности найдемъ мы у писателя еще послѣд-
ко более поздняго, именно у Ненна. Онъ живъ
въ половинѣ IX вѣка и окончивъ свою „исторію
Бриттовъ“ въ 858 г. (Nardy, I, 320). Пересъ 40 лѣтъ
послѣ превращенія Римской власти въ Брига-
ни, тѣмъ царствовалъ Гортмгерхъ (Gorthigernus,
у Беда — Northgernus), который былъ во
вражде съ Англичанами и въ постоянномъ обра-
хѣ со стороны Пиктовъ и Скоттовъ. Меж-
ду тѣмъ приходятъ изъ Германіи 3 кнѣзя, на-
именныя изгнанниками, среди которыхъ
народились и два брата Горы (Норы) и Генрифа.
Гортмгерхъ принявъ ихъ благосклонно и давъ
имъ островъ Танетъ (теперь не существующій).
Когда Саксы утвердились на островѣ, король

обещавъ давать имъ пищу и одежду; но когда число варваровъ умножилось, то онъ сталъ готовиться своимъ обязательствамъ. Бритта сдѣлалъ прямое заявленіе въ этомъ смыслѣ пришепчавъ, а Сакса стали думать и со своей стороны о нарушении договора. Генристъ, кельтскій охотникъ хитрости, убѣдившись въ бесчестіи короля и его народа, обратился къ нему съ предложениемъ еще разсудить бойцовъ изъ интереса. „Насъ мало, говоритъ онъ, если подвигшись, мы поимемъ на родину, пригласивъ воиновъ и тогда мы въ большомъ числѣ будемъ сражаться за тебя и за твой народъ.“ Король согласился и отправленные послы воротились въ новыя 17 кѣпалли; на одной изъ нихъ находилась прекрасная дочь Генриста (имени ея Генри не знаетъ; у подвигшихъ писателей она назыв. Ровенна). По случаю приближенія рожденья, Генристъ устроилъ пиръ, его дочь прислуживала и подавала вино и сикеръ (*vinum et sicerum*); король Бортигеръ, воспитанный красотою дровицы, выпивши вино, а еще больше сафаною, которой сохнулъ въ его сердце, потребовалъ у отца, чтобы онъ отдалъ ему дочь. „Все, что попросишь, отдашь за нее, кто бы помощнику царства“. Посовѣтовавшись со своими, Генристъ потребовалъ уступки страны, которая на нѣхъ зыкъ называлась *Canthquaraland*, а на кельтскомъ — Кентъ (*Chen*). Такъ обр. зыки получили Кентъ, а король Бортигеръ дровицу, дочь Генриста, которая сдѣлалась его женой. Пользуясь своимъ вліяніемъ на слабаго зятя Генристъ постоянно привлекалъ къ себѣ изъ за моря новыхъ тайныхъ союзниковъ.

никовъ и родичей. Затѣмъ слѣдуетъ у Ненниа совершенно безопасной рассказъ о томъ, какъ Вортигернъ женился на своей собственной дочери и имѣлъ отъ нея сына. За это онъ былъ проклятъ св. Германомъ, прибывшимъ въ Британію, именемъ царства и долженъ былъ построить для своей безопасности крѣпкій замокъ на окраинѣ своихъ владѣній. Но муррета объявляютъ Вортигерну, что постройка не удастся, пока не найдено будетъ дитя, рожденное безъ отца и замокъ не окропитъ его кровью. Является на сцену этотъ таинственный мальчикъ, который въ позднѣйшей передѣланной легендѣ Ненниа^(х) прямо называется волшебникомъ Мерлинномъ^(хх). Между тѣмъ борьбу съ пришельцами ведетъ сынъ Вортигерна — Вортениръ (Guortemir); онъ одерживаетъ нѣсколько побѣдъ надъ Пенгистомъ и Корсою; вытѣсняетъ ихъ изъ Кента, такъ что они держались только на островѣ Манетъ. Пенгистъ отправилъ по морю за моремъ въ Германію и на окраины числѣ ксѣвъ прибавилъ новыхъ подкрѣпленій. Впрочемъ онъ вторично воевалъ надъ противниками не столько силою оружія, сколько вторично воевалъ и обманомъ. Въ борьбѣ пали Корса и Вортениръ; тогда сына онѣ заступилъ Вортигернъ; Пенгистъ предположилъ возобновленіе дружбы и мира. На пирѣ,

^(х) Въ исторіи Британскихъ царей Готоррида Манинута. XII в.

^(хх) см. А. Веселовскаго. „Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада стр. 305.

который поспешавший за приключением, Гергиса
обратился к своим студентам, поселившим
скрытое оружие, со словами: *ЕА, Саксонес, нмед*
ише бафес (и, Саксо, восходите вами на южн-ни
короткие киноама). 300 старейшин, спутников
Вортигерна, были зарваны, он сам был взор
во мнѣ и закованъ въ цѣпи. Для искупленія
души своей он уступилъ въ это время много
область, именно *Eastsex, Suthsex, Midelsex*
(Вессекс, Суссекс и Мидлсесекс).

Если бы мы могли глубже и обратились к
писателямъ *Англии*, то мы могли бы у нихъ
еще больше подробностей о Геггисе, о его доче
ри и его товарищахъ. Но, очевидно, эти подроб
ности мы могли бы еще менее исторической до
стоверности. Великий раз, когда рассказъ объ
известномъ фактѣ изъ сухого и краткаго
обращается въ более подробной и сложной, мо
жетъ быть право быть подозрительнымъ: отку
да являются эти подробности, эти имена и
названія, неизвѣстный ближайшимъ свидѣ
телямъ событий, менее отдаленнымъ отъ него
по времени? Что касается *Ненниа*, то у не
го уже замѣчается сильная примесь басно
словій и легенды, почерпнутая, повидимому,
изъ народныхъ сказаній его Кельтской ро
дины. У него въ 1^{мъ} разѣ идетъ разсказъ о короле
Артуре, который является преемникомъ *Вор
тигерна* и предводителемъ національной борьбы
Бриттовъ съ Саксами; *Ненниа*, впрочемъ, сооб
щаетъ только сухое перечисленіе подвиговъ, содер
жащихся *Артура* и несколько данныхъ объ
его путешествіи въ *Иерусалимъ*. После недол
гого отступленія въ область сомнительнаго

и прямо основываясь на предании, обратились к несомненным историческим явлениям. Возможно, но проблематично, что Англо-Саксы явились даже по зову Бриттов, но во всяком случае, если это даже и было так, то они скоро сбросили с себя роль помощников и сами явились завоевателями. Не тронутые цивилизацией, не подчиненные влиянию римской культуры, Саксы по характеру и жестокости своего завоевания могут сравниться с Вандалами; кроме того, они явились в Британию даже язычниками и долго не поддавались влиянию христианства.

Тем не менее, когда Саксы устоялись прочно, они совершенно уничтожили следы римской культуры, это составляет отличительную черту их завоевания, которая бросается в глаза при самом поверхностном взгляде. Саксы не усвоили себе господствовавшего римского языка, не изменили своей веры, как это было с другими завоевателями варварами. В то же время, где поселились Готы, Бургунды, Франки, следы латинского Галло-римского населения сохранились до нашего времени во названии городов, местностей и т. д. В Британии полная противоположность; названия городов, за исключением весьма немногих (Лондон, Линкольн) измучились во немецкий. Следов латинского языка, кроме лондонских слов (Chester, от castrum; street, от strata и др.) также не осталось. Можно также потерять всякую связь и законы римские, религии и обычаи. Другие варвары-завоеватели, признавая принципы личности права, даже издавали новые законы для римского населения своего нового владения; здесь рим-

ские законы исчезли совершенно и не оказали ника-
кого влияния на развитие Англо-Саксонского за-
конодательства. Одним словом, все пошло к
разрушению прекраснейшей цивилизации, полное уни-
чтожение культурной римской Британии.

Впрочем, при этом мы должны не забыть
запомнить, что в начале завоевания не было
соединить идеи полного, поголовного истребления
всех индейцев острова. Вмешательство было совершено
о том, истреблении, которая имела целью
доказать происхождение теперешних Англичан
от древних Кельтов Британии; вводя эти
истребования служат лучшим доказатель-
ством, что не все поборники были истребле-
ны при завоевании. И действительно, медлен-
ный ход самого процесса подчинения (150 л.),
обращение некоторой части туземцев в ра-
бов, наконец самостоятельность независимых
Кельтов Дамблса, Корнваллса и большого
королевства Стратклайда (Strathclyde) — все это
побуждает думать, что в начале тепереш-
них Великобританцев действительно есть кровь
древних Кельтов и что не все эти кельты бы-
ли истреблены, когда родина их подчинилась
новому пришедшему врагу. К концу VI стол. 150-лѣ-
тней, кровавая, страшная борьба была окончена;
процесс подчинения закончился образованием
несколько самостоятельных варварских
государств на юго-востоке Британии. Обыкновенно
говорят, что государства эти были 7 и на-
зывают их Англосаксонской гентархией (he-
ptarchia — семиггетархия, или седмивластия). Но в
сущности число их было гораздо больше, то бывшее,
то новое — кажется, даже эти 7 главных

государствъ составившихъ изъ Британскихъ мелкихъ. Они были управлены аллодермическими, соответствовавшими принципамъ германскимъ и распадалась на сотни, въ свою очередь состоявшие изъ отдельныхъ общинъ. Изъ этихъ — то мелкихъ государствъ и составила въ концѣ IV вѣка известная гептархія.

Первыми причинами союза и образования независимое королевство Юта; эти земли ту часть страны, которая находится на юго-востоке отъ Темзы и образование королевства Кент съ главнымъ городомъ Кентербери. Въ кентъ правили прямые потомки Пеннелла. Сверхъ того, Юта же образование небольшое владѣние, которое обнимало островъ Уайт (Wight) на юго-востоке Британіи и часть графства Бемпшира (Hampshire) на берегу самой Великобританіи. Затѣмъ были основаны 3 саксонскія государства, происхождение которыхъ легко узнается по самимъ именамъ, напр. Суссекс (южная Саксонія) на юго-востоке отъ Темзы; Эссекс (восток. Саксонія) на сѣв. отъ Темзы; къ нему принадлежалъ и Лондонъ, хотя не всегда. Въ старину отъ этихъ двухъ государствъ, больше на западѣ, образовался Уэссекс — западная Саксонія.

Изъ всехъ этихъ 3 государствъ наибольшее значеніе приобрѣло послѣднее; первые 2 были незначительны. Великій Суссекс не пережило его основатель — бретвильдъ Аелла. Десекс, благодаря Лондону, держался нѣкоторое время, но потомъ тоже потерялъ значеніе. Лондонъ скоро вывободился изъ подъ власти королей Десекса и колебался нѣкоторое время между помощниками независимой общины и подчиненіемъ королевства Мерции.

Вессекс, обнимавший часть Темпшира и Сомерсета, граничил на западъ съ самостоятельными, впрочемъ кельтскими Бригантомъ и уне поэтому долгое время приобрелъ больше значенія и сила. Эти позднейшие государи англійскіе ведутъ свое начало отъ Вессенскаго короля Кедрика. Это первое бывшее владѣніе Саксовъ и въ составъ своемъ было чисто германское. Слѣдуетъ замѣтить, что и Вессенское королевство образовалось не вдругъ; въ IV в. мы имеемъ извѣстія, что въ одномъ сраженіи пали 5 конунговъ Вессекса; слѣд. оно образовалось такими и въ нѣсколько мелкихъ владѣній. Вессексу принадлежала некоторое время и значительная полоса земли на северъ отъ Темзы; но эти владѣнія оказались, однако, непрочными приобретеньями, настоящею границею всѣмъ осталась Темза. На северъ отъ нея и на северо-востокъ отъ Вессекса лежала какою-то другою вѣтвью завоевателей — Англовъ, носившая названіе Восточной Англіи (East-Anglia). Граница на северъ отъ р. Туибера (Tumber) до Форта (Forth) была Нортумбрія (Nord-Number), страна на северъ отъ Туибера).

Эта Нортумбрія иногда составляла одно государство подъ одною властію, а бывшее частью раздѣлилось на 2 королевства — Берницію (Bernicia) и Деиру (Deira), границею между которыми служила р. Тайнъ (Tyne). Колонизаторы этихъ двухъ областей были точно такіе Англы; но имена первыхъ ихъ предводителей неубѣдительны. Въ латинской хроникѣ Гейфрикса Гунтингдонскаго о временахъ Кедрика Вессенскаго, сказано: „въ эти времена появились многіе и настоящие Германцы и заняли Восточную Англію и Меркуію; но эти владѣнія еще не были приведены подъ власть

одного короля, напротив многие магнаты (proceres) непрерывно занимали отдельные области". Первыми королями восточных Английских вассалов Орфа, под 511 годом, а Хортриберидекии Уда, о кромь под 547е замечено (в Англо-Сакс. хроникѣ). Уда началъ царство-вать". Эти указанія опредѣляютъ начало королевства, а не начало поселеній: Уда и Орфа объединили отдѣльный канонъ, прежде наскадывавшійся подъ владыкою саронскимъ или алдерменомъ. Еще ясное процессъ такого образованія въ послѣднемъ остающемся государствѣ гентархи. Это есть Мархия или Мерсия; названіе это обозначаетъ пограничную. Землю, Украину (отъ нем. марке), тѣхъ къ государству это дѣйствительно граничило съ Кебтани, хотя и лежало посреди острова. Оно граничило съ бывшими Кебтскими королевствами Strathclyde, простиравшимся отъ теперешняго Валиса до р. Клейда (Слуде) на западъ и съ Валисомъ на югъ. Валисъ представлялъ тогда союзъ независимыхъ кебтскихъ королевствъ и назывался севернымъ Валисомъ въ дѣлѣ отъ южного, обнимающаго и нынѣшній Валисъ и Девонъ. Младенство самихъ являлось признакомъ доказывающимъ, что королевство Мархия или Мерсія составилось изъ нѣсколькихъ первоначальныхъ княжествъ и даже не одной народности и что хотя преобладающая кровь тутъ была англійская, но были и саксон. поселенія. Также самое можно сказать и о прочихъ государствахъ и они составились изъ сѣверныхъ нѣсколькихъ, болѣе мелкихъ владѣній. Такъ Вост. Англія раздѣлилась на 2 королевства Northfolk и Southfolk. Въ госуд. Кентъ, это господствовали потомки Генгиста, существовали двѣ епархіи: Кентриберийская и Рочестерская, что прямо указывается и на соответствующее политическое дѣленіе страны на 2 части. Относительно Вессекса

мы уже знаем, что в нем, согласно словам хро-
ники, было некогда одновременно 5 королей. Есть при-
знаки, позволяющие думать, что это наиболее важное
из васс. государств составилось постепенно из ряда
завоеваний на счет соседей Кельтов Корнуоллса.
Каждое новое значительное завоевание первоначально со-
ставляло отдельную область и уже во конце VI в.
они соединились в единое королевство. Вообще, по-
нятие о центрах весьма условно; иногда, действитель-
но, число государств доходило до 7, иногда оно оно
было значительнее бывшее; нужно принять толь-
ко одно, что и в северной части варваров в Бри-
тании эти Государства имели наиболее непре-
рывную историю.

Скажем теперь несколько слов для разъясне-
ния значения Bretwalda, о котором в предм. вре-
мя было много разных толкований. По мнению
некоторых английских ученых Bretwalda пред-
ставляется высшим из всех центрами; он скар-
пий между всеми отдельными королевствами, он скар-
пий самобытен как бы самодержавный император
среди других королей, признающих его верховную вла-
сть или по крайней мере князь среди удельных князей
древней Руси. Вера в самодержавную власть вает
7 королей, кроме того такое возмущение значением
власти, обладающую у него словами imperialis или
duxatus. Англ. васс. хроника, повторив перечисление
васс., уже дает эти 7 государств, а в конце
она прибавляет 8^ю Едверта Вессекского, называя
Бретвалда.

Весьма остроумное объяснение относительно зна-
чения Бретвалда принадлежит Пондеру; он
говорит, что корень слова Bret-wald и первоначаль-
ное его написание было bruten-walda или britten-

walda, т. е. владение Бриттостью. Происхождение
 названия мунда Бретвайлда или вестит от пред-
 ставлений покоренных Римлянами племен о
 власти римских императоров. Palgrave (I, 392)
 пишет, что Sella, первый Бретвайлда
 (или Сусекса), о котором упоминается восток, был
 вассалом от саксов императора Британии и бра-
 тием Валлийских князей (на котором роде
 Кентский конгресс). Он обращает внимание
 на то, что Этельберн Кентский, сын из Брет-
 вайлдов, чеканил монету со изображением
 римского и византийского и с надп. погранич. Ри-
 му. Но теория эта едва ли имеет оправдание.
 Хотя Бретвайлды и существовали действительно,
 но власть их не была непрерывна и посто-
 янна, не имела определенных функций и даже
 когда-то простиралась на весь Англо-саксон-
 ский государства была признаваема ими;
 поэтому вполне предположить, что это были
 такие государи, которые отчасти опирались, от-
 части другим способом достигали значитель-
 ного авторитета, который, впро-
 чем, самим признавался другим монархами.
 Но если слово Бретвайлда и не ведет свое на-
 чало от государства Бриттос, то всетаки
 родственные корни, как напр. Агилстаун, по-
 казывают его во многих случаях, именуя себя „An-
 goldstæna cuning afd Brytaenwalda callas
 hylas iglaendae". Kemble и Freeman не прига-
 зуют такого значения власти Бретвайлды и
 полагают, что она была только фактическая,
 но не законом признанная; она вовсе не была по-
 стоянным учреждением, существовавшим
 непрерывно во продолжении веков.

Впоследствии мы увидим стремление водворить к императорской идее; такъ въ Х вѣкѣ англійскіе короли любили называть себя Basileus.

Что касается географическаго значенія слова breit-walda (brutten-walda), то скоро мы сможем сопоставить съ теперешнимъ норвежскимъ breit и перевести „властитель широкаго, безвѣснаго пространства земли“, а не властитель Британіи.

Итакъ, союзнае единства между отграниченными Британскими государствами въ IV и V вѣкахъ не существовало.

Англо-Саксонское завоеваніе представляетъ послѣднюю градацію варварскихъ завоеваній; если мы расположимъ ихъ въ восходящемъ порядкѣ по степени ихъ жестокости къ покореннымъ покореннымъ племенамъ.

Теперешніе Англичане говорятъ, что всавицею поведено было для будущаго самостоятельнаго развитія Англіи это потребленіе покореннаго, уничтоженіе старыхъ ихъ кувитуръ, расчистка почвы для развитія въ германскомъ духѣ. Если бы Англо-Саксы пришли шажить римскія учрежденія, то Англичане были бы только одной изъ вѣтвей романскихъ народовъ, въ родѣ Французовъ, Итальянцевъ, не имѣя ничего оригинальнаго, самостоятельнаго. Напротивъ, явившись свирѣпымъ разрушительнымъ, они обильнымъ возмощностью развитія на новыхъ началахъ. Действительно, въ Англо-Саксонскихъ государствахъ ярко выразилось все основныя начала чисто германскихъ учрежденій; мы видимъ буквальную и государственнаго божества, который такъ подробно описываетъ Тацитъ: община, народная

бога, вливая собранія - все это видится им здѣсь
на новой родинѣ завоевателей - германцевъ.

Что касается до религій завоевателей, то все
еще было упомянуто, что Англы - Саксы дол-
го оставались язычниками; и здѣсь также вы-
разился общій характеръ ихъ завоеваній. Они
такъ враждебно относились къ подданеннымъ,
такъ откровенно ставили отъ себя, что не при-
няли даже ихъ веры и впоследствии, когда
христианство уже оказало несостоятельность и
время полного и естественнаго торжества хри-
стианства уже наступило.

8. Атиллы и падение Западной Империи.

Всего нас в наших преданиях, нами сродвано
ны теперь перейти к истории основания варварского
государства в самой Италии; другим словом к
истории окончательного падения Западной Римской
Империи. Но так как на последние судьбы империи
не осталось без влияния страшное потрясение, произведе-
ное движением наших предков (одно на Галлию, другое
на самую Италию), то мы все таки должны остано-
виться несколько на Гуннах. Некоторые славянские и рус-
ские ученые своими теориями о происхождении Гуннов
придают этому народу даже особенный интерес.
Во своих изысканиях Заблунт с особенной любовью оза-
вывается на Гуннах, видя во них предков наших
славян; постоянно проводя параллель между обык-
нами и правами Гуннов и Славян, он приходит, как
уже, к окончательному заключению, что обитавшие в
давнее время господствовали в Славянской земле и
именно в земле Славян Восточных; эти бы то ни бы-
ли эти обычаи, но они принадлежат, так сказать,
самой земле, на которой уже тысячу лет живут
Славяне восточной отрасли (стр. 158). Но этот взгляд,
поддерживаемый главн. обр. Заблунтовым и Шовальским,
не имеет никакого научного основания,
и можно только удивляться, как такие даровитые у-
ченые удовлетворяются такими недостаточными данными
для того только, чтобы спасти излюбленную теорию.
Они приносят в свидетели, который можно поверить

1) Пособия. Словакия Пруса. Русский переводъ Дебуриса.
Извлечения изъ Пруса и Гизот: Histoire de la civilisation en France. Также извлечения изъ Пруса
и Заблунта: История Русской земли в древние
времена. М. Г. 1876. Издатель Мартемьев.
Книга 31^я.

и древних писателей, ссылаясь на их неразвину-
тость, односторонность, недальновидность и недостатки све-
дений. — Но этот взгляд сам по себе недальновиден.
Напротив, сведения, сообщаемые древними о Гуннах
с одной стороны и Славянах с другой стороны (напр.
Аммиана, Марцелина, Маврикия, Зосима)
достовѣрны, точны и драгоценны, и достаточно бу-
дет прочесть писаніе Гунновъ у Аммиана Мар-
целина и у Приска, чтобы теорія эта рухнула
сама собою. Все писатели представляют намъ Славя-
нъ народомъ болѣе оседлымъ, земледѣльскимъ,
сражающимся пѣхотою. Между тѣмъ, историкъ
Зосимъ, упоминая о Гуннахъ, говоритъ: „Многа въ
верхохъ на лошадахъ, они едва могли адоити по земли
и потому вовсе не умѣли бѣгати пѣхотою, стоя-
твердо на ногахъ.“ Вотъ что разсказываетъ современ-
никъ Гунновъ латинскій писатель Аммианъ Мар-
целинъ: „Объ Гуннахъ летописи едва упомина-
ютъ и то только какъ о дикомъ и необразованномъ свир-
номъ племенѣ, распространенномъ за Каспійскими
болотами, на берегахъ Ледовитаго моря. Когда родят-
ся у нихъ дѣти мужескаго пола, то они нарѣзаютъ
и щепки, чтобы уничтожить всякій зародокъ во-
сы, поэтому все Гунны растутъ и старѣются безор-
ужными, отвратительные и безобразные на видъ. Одна-
ко, у всего у нихъ коренастый станъ, члены сильные,
силъ толстая, голова огромная, спина такъ сутура-
та, что придаетъ странію ихъ тѣла что-то сверхъ-
естественное. Я скажу-бы скорѣе, что это двуногія
животныя, а не люди, или каменные столбы, грубо
вытѣсанные въ образъ человека, которые выставля-
ются на мостахъ. Этой отвратительной внѣш-
ности соответствуютъ ихъ повадки, свойственныя
коту: пищу они ѣдятъ не вареную и нѣтъ у не-
приправленную; взаимныя обыкновенныхъ свѣтъ и тѣнъ

припасовъ, они довольствуются дикими кореньями и аи-
сомъ первого попавшагося животнаго, которое кидаютъ себѣ
подъ сидни на лошади и такъ его размалываютъ. У нихъ
нѣтъ домовъ, хотя-бы тростниковыхъ шалаши и ни-
какая кровля наъ не укрываетъ. Они живутъ кося
среди лесовъ и горъ, тирнливо перенося холода, голодъ и жа-
жду. Даже на пути, встрѣтивъ жилище, они, безъ крайней
необходимости, не преступаютъ за его порогъ: въ зимы
Тунки никогда не почитаютъ себя безопасными. Они носятъ
одежду въ родѣ тунки изъ хмста или изъ льна, про-
дѣвши въ нее голову, не спускаютъ ее съ шеи, пока она
не свалится пошею. Голову покрываютъ широкими
шапками съ опушкой, а свои волосистыя ноги обер-
тываютъ козлиною шкурою. Такая обувь, конечно, затру-
ждаетъ ходьбу, отчего они вообщемъ неспособны сражать-
ся на ногахъ пѣшими. За то на своихъ лошадяхъ,
нескладныхъ, но крепкихъ, они точно прикованы; исправля-
ютъ на нахъ спящихъ всякаго рода дѣла, иногда сидя по-
закони. День и ночь они живутъ на лошади, на ней про-
даютъ и покупаютъ, не сходя ни капынкою, ни пошею,
такъ и спятъ, прилегли только къ дышарой шкѣ своей
коня и ездятъ такъ преспокойно. На лошадяхъ-же они раз-
судаютъ соудиза о всякихъ своихъ дѣлахъ. Царской власти
они не знаютъ, но подчиняются избраннымъ вождямъ.
Начиная битву, они раздѣляются на отряды и, подни-
мая ужасный крикъ, бросаются на врага. Разсѣявшись
или соединившись, съ востротою молнии они и нападаютъ
и отбѣгаютъ въ бѣгство. Однако, при своей подвижности
они безсильны противъ земляной насыпи или противъ
укрепленнаго лагря. Но вотъ что особенно дѣлаетъ
ихъ настраивѣйшими воинами на свѣтъ: это
первыя-ихъ меткіе удары стрѣлами, хотя бы и на
дальнейшемъ разстояніи, у которыхъ, вѣроятно зимняя,
прикровенная оленья исеучено заостренная кость; во вто-
рыхъ, когда въ саваткѣ, однимъ на другомъ, они дерутся.

мелами, то съ необыкновенною ловкостью въ одно мигновение
накидываютъ на врага ремень (арканъ) и тѣмъ лишаютъ
его всякаго движенія. Кипдопашествуютъ Тунны не занима-
ются и никто изъ нихъ не допрошивается до плуга. Рес-
ны, безъ крова, безъ отпизной, безъ всякой привычки къ осе-
длому быту, безъ уздаются въ пространствѣ, какъ будто въ-
бѣгутъ дальше, перевоза за собою свои повозки, едутъ и на
дрены работаютъ или орудия, родеютъ и воспитываютъ
ихъ дѣтей. Если спросить Тунна, едѣ ты родился? онъ за-
труднится дать отвѣтъ, потому что, перекопывая ея
мѣста на мѣсто, не помнитъ свой настоящей родины.

Кипостоянскіе и второпашнкіе въ договорахъ, — Тунны то-
гда перемѣняютъ свой образъ дѣйствій, какъ скоро полу-
чаютъ — едѣ правды. Они не болѣе звѣрей понимаютъ,
что истинно и что безчестно. Самихъ разговоровъ они ведутъ
двусмысленно и загадочно. Никакая религія не святова-
ла ихъ ничѣмъ; они ни во что не вѣруютъ и поклоняю-
ся только залому. Кравы ихъ такъ непостоянны и сво-
бодны, что въ одинъ и тотъ-же день они безъ всякаго
повода и ссорятся и мирятся.

Слѣдуетъ, что не безъ причины все писатели говорятъ,
что Тунны двигались отъ Месопотаміи, съ Востока,
изъ Азіи, а не изъ Балтійскаго моря. Можно совер-
шенно согласиться съ мнѣніемъ, выводящимъ ихъ отъ
тебѣ, изъ Пруцеской долины Азіи и приписы-
вающимъ ихъ къ монгольскому племени.

Какъ известно, Монгольскіе племена подраздѣляются
на Турецко-татарскіе и Фрийскіе. Прізнанія и со-
дѣванія производимы Тунновъ отъ Монголовъ-Фрий-
новъ, говоря, что это была часть той въ тебѣ, къ
которой въ послѣдствіи принадлежали и Мадьяры.

Но и это положеніе еще не доказано. Теперь суждаютъ
болѣе вѣроятнымъ, что только къ великому пере-
селенію народовъ было сообщено не пассивными Фрийцами
а Мюрскими племенами и следовательно, что сража-

Тунновъ господствовалъ элементъ Тюркскій. Это было совершенно то же движение, которое впоследствии повторилось въ муръ Аваровъ, Болгаръ и др. Антилла основалъ новую державу, въ которой Тюрки были главной составною частью; подъ властью его впрочемъ находились не только эти племена; Фринны, граничившіе съ Тюрками, точно также были захвачены движениемъ Тунновъ.

Въ Венгріи, при дворѣ Антиллы, былъ муръ, точно также муръ былъ въ славянахъ. Еще болѣе подъ властью Антиллы находилось народовъ Германскаго происхожденія; какъ уже извѣстно, Оутта, подвинувшись послѣ смерти Эрманрика въ Трансильванію, долго оставался подъ властью Тунновъ и составивши вѣрный элементъ при дворѣ Антиллы. Въ пространствѣ между Дунаемъ и Тиссою муръ былъ чиншати языкъ — латинскій, готскій, гуннскій (скифскій) и греческій; впрочемъ упоминается и Фрикъ. Снаряды, во время пребыванія его при дворѣ Антиллы, ко нему подошли челоуки, судра по татю, варваръ и привождествовалъ его на длинскомъ языкѣ. Изумленный Фрикъ распростеръ его, какъ образъ оного поглаго сюда. Фрикъ объяснилъ, что при взятіи его родного брата Туннаши, онъ попалъ въ плѣны и достался знатнѣйшему въ мурѣ дворѣ Антиллы. Впоследствии, Антилла

*) Желая доказать, что Тунны были ничто иное, какъ славяне, Заблоницъ и Шлеверскій указываютъ, что слово тунн по-славянски не было пресо, а не тунн, что въ туннѣ было и у славянъ; было это вина, они были такъ называемы медосъ — медъ, медовый славянский напитокъ. Точно также онъ и тунн, добывавшееся изъ меда и называвшееся камасъ, въ которомъ Заблоницъ опять хочетъ видѣть славянский квасъ.

**) Фрикъ былъ секретаремъ Византийскаго посольства къ Антилле въ 448 году.

500.
ишсь въ граженіяхъ противъ Римлянъ, оны получили сво-
ду, женись на варваряхъ и остались жить у Тунновъ,
и а предпочитая терпимую жизнь свою предъ
заключили оны свой расказъ; и въ иноземцы, находе-
ишсь у Тунновъ, посылъ войны ведутъ жизнь спокой-
ную; каждый пользуется тѣмъ, что у него есть, ни-
кого не тревожащий. Виситъ съ тѣмъ, какъ ра-
сказываетъ Трексъ, Трексъ этотъ весьма невольно
отзывающійся о поведении имперіи. Местное возни-
ніе налоговъ, притѣсненіе несправедливаго, подкуп-
го и безконечнаго суда, наглость и непошторное вѣсто-
ничество, при множествѣ законовъ, полнѣйшее безза-
коніе и тому подобнае обычаи просвѣщеннаго на-
рода, дѣлаютъ жизнь невыносимую. "Безъ сомнѣ-
нія, единомыслищихъ ему Трексъ и Римлянъ
было немало, и не мудрено, что при дворѣ знамени-
таго варвара встрѣчались мы цивилизованные
людей имперіи.

Но по всему видно было, что этому болонскому
разномыслиющему государству не суждена была ве-
ликая будущность, хотя самъ Аттила и ока-
зался тонкимъ политикомъ, славившимъ помощен-
тогдашнему міру отъ Африки до берега Африки,
слѣдившимъ за всеми событіями Европы и
Римской имперіи. Предводителемъ разномысли-
ной массы, опираясь преимущественно на свою на-
циональную Тюркскую орду, Аттила явился та-
ко на то которое время соперникомъ Римскихъ
императоровъ и германскихъ королей. Конечно,
что война между Римскими и Варварскими ми-
роу должна была разлитъ на Дунаю, но, съ по-
явленіемъ Тунновъ, какъ известно, она была пере-
сена на Рейнъ; — Аттила явился между двумя
борющимися силами и направился въ Галлію...
Результатомъ нашихъ извѣстій: дойдя до Рей-

ана, Аттила остановился, такъ какъ Авцій, зна-
менитый полководецъ Римскій, успѣлъ соединить В.
Тотовъ, Франковъ и другихъ варваровъ и двигающа
на востроку полчища Гунновъ. Аттила отсу-
пилъ отъ города и выбравъ себѣ поле битвы въ не-
сколькихъ миляхъ отъ Малаона; на другой день,
послѣ ожесточеннаго сраженія, въ которомъ было
убито до 100.000 человекъ, Аттила, разбитый
на голову, двинулся въ обратный путь. Въ этой
битвѣ встрѣтившись въ первый разъ послѣ долгихъ
лѣтъ два племени, когда-то жившіе вблизи на
берегахъ Днѣпра и Инвстра, въ степяхъ южной
Россіи — Сест. Тоты и Вест. Тоты. Благодаря храб-
рости послѣднихъ и отвагѣ ихъ короля и предво-
дителя, Теодориха, одержана была эта знаме-
нитая Кампанская побѣда, открывшая на
несколько лѣтъ окончательное завоеваніе Италіи.
Въ 453 году Аттила съ огромной массой войска
двинулся съ севера Италіи по направленію къ
Риму. О противодействіи, подобномъ тому,
которое испыталъ онъ въ Галліи отъ герман-
скихъ легионовъ Авція, здѣсь не могло быть и
речи; Аттила, приближавшійся уже къ Ри-
му, былъ остановленъ не войсками имперіи, а вы-
ступившимъ духовенствомъ: на востроку ему вы-
шелъ Римскій епископъ Левъ I съ св. дарами, въ со-
провожденіи многочисленнаго клира. Преданіе гово-
ритъ, что уваженіе къ первосвященнику, видѣніе
его увѣщацій, страхъ передъ могуществомъ имперіи
и священнаго Рима заставили грознаго варвара
отступитъ отъ столицы его. Но къ словамъ преда-
н. Когда Аттила былъ на северо Италіи, то древній народъ
Венетовъ, при его приближеніи, искавъ утѣхи на островахъ
Адріатическ. близъ материка, гдѣ въ продолженіе образовался
направленіи отъ имени ихъ свое названіе городъ Венеція.

ния, необходимо еще прибавить болѣе прозаическое
соображеніе: Аттила хорошо видѣлъ, что войско
его, составленное изъ Готтскихъ, германскихъ и
частью славянскихъ племенъ, весьма быстро умень-
шалось подъ вліяніемъ непривычнаго для нихъ
жаркаго климата Италіи и напавъ гораздо бо-
лее удобнѣе отступитъ въ брѣня: Италія
была спасена. Въ 454 г. отъ царя и вѣнована едми-
ноличное по выраженію Торнанда, какъ цѣлое
племѣ, завѣши между собою ссоры и распри.⁴⁾
Держава Аттилы раздѣлилась на составная
части. Гунны опять перешли въ степи южной
Россіи и только въ позднѣйшіе времена обрѣ-
ки этого племени въ мѣста такъ называемыхъ
Гунновъ - Болгаръ.

Такимъ образомъ Римъ и средняя Италія
остались неприкосновенными, но, впрочемъ, на на-
долго: въ 455 г. совершилось извѣстное нашествіе
Вандаловъ, подъ предводительствомъ Гензериха,
и десятидневное грабѣжъ Рима.

Имперія, очевидно, представляла уже зрѣвшую
почву разрушенія; она не могла защищать се-
бя и отъ варварскихъ нападѣній шедъ не
отъ Рима, а отъ поселившихся на земляхъ Им-
періи Германцевъ.

Мы имѣемъ прекраснѣйшій источникъ, который
познакомитъ насъ съ состояніемъ имперіи въ ра-
зрушающую насъ эпоху; Это - Жизнь св. Северина,
455-482 г., написанная его ученикомъ Евгениемъ,
мощнымъ для насъ источникомъ, потому что она
бросаетъ яркій свѣтъ на время и обстоятель-
ства, о которыхъ мы иначе не знали бы ничего.

<sup>4) Bachmann: Die Völker ander Donau nach
Attila's Tode (Archiv für Österreich. Geschichte,
vol. LXI, 189; - 1891г.)</sup>

потому что и посия, и прежде Дунайскія страны
останутся покрыты густыми араками. Мизне-
писание это представляет намъ картину Рим-
ской области на югъ отъ Дуная непосредственно
передъ ее раззореніемъ и уничтоженіемъ. Атти-
церы, и народы, еднѣвшаея свободными, обра-
щаютъ оружіе другъ противъ друга и противъ ста-
рыхъ остатковъ Римской имперіи. Аламанны и
Мюринги, проникши за пограничный валъ, разро-
страняются въ Ризіи вседале на югъ и востокъ.
Въ Норикѣ удерживается христианское населе-
ніе, но въ какомъ положеніи! Со всехъ сторонъ
его тѣснятъ варвары
Съ Запада тѣснятъ его Аламанны и Мю-
ринги; разъ нападаютъ Бургундскій отрядъ, они убо-
даютъ въ него вышедшихъ на полевныя работы
земледѣльцевъ, угрожаютъ сѣннымъ городамъ; тамъ
куда они проникаютъ, они все предають грабѣжъ,
все разрушаютъ, оставивъ лишь пустыя степи,
умертвляють жителей, или обращаютъ въ рабу-
во. Съ сѣвера грозятъ Руны, которое по ту сторо-
ну Дуная хозяйничаютъ, частыми набѣгами оу-
стошая страну и скоро утвердятся на южной
сторонѣ ее твердого ногою. Такъ же, какъ Готы
въ Панноніи, они Аріане и ненавидимы Католи-
чскими Римами еще болѣе, чѣмъ азгичи.
Въ Коммагенѣ (выше Рѣки на Дунаѣ), скоро за-
тѣмъ исчезнувшими Римскими городами, недалеко
отъ Тулы, уже утвердился варваровъ; не имѣя
силъ прогнать ихъ, Риманы заключаютъ съ ними
союзъ и посія этого принужденно жить, какъ под-
данные въ содѣланныхъ городахъ. Тогда совершенно неодо-
данно и чудно, несмотря на страданія, которая
силу не понимали, является между ними Све-
римъ; такое что передъ тѣмъ было разрушено,

согласно сего предсказанію, городъ Астура; съ вѣр-
 ными словами, ибо онъ обѣщавъ спасеніе и избав-
 леніе отъ варваровъ, поспѣшилъ и исполнилъ, и вотъ,
 нѣкую случилась землетрясеніе, которое навело ужасъ
 на варваровъ; полное страха, они тысячами въ во-
 ротамъ, елима удалились и въ темнотѣ, и другъ
 друга убиваютъ самихъ себя. Такъ городъ былъ
 освобожденъ отъ своихъ притѣснителей; но что бы-
 ло этимъ выиграно. Велию воздвигавши только
 изъ городовъ, и очень часто окатва и нещадно попада-
 лись въ руки варваровъ; голодъ опустошалъ до-
 мую и плодородную землю, когда не поспѣвалъ по-
 возъ хлеба по р. Унну. Пограничные воины не по-
 мучаются отъ Рима своего жалованья и всегду-
 въ этого наряды сокращаются и расмалачаются,
 только батавская когорта въ Нассау еще дер-
 жится; нѣсколько солдатъ отправляются за
 жалованьемъ по ту сторону Альпъ, но на доро-
 гѣ убиты. Передъ Дунайскими городами Гави-
 ной (между Нассау и Вогной) вѣдуть являются
 стизные варвары и уведаютъ все, что можно было
 найти въ городскихъ стѣнахъ — людей и скотъ.
 Трибунъ (ликетный военный начальник) Мамер-
 тинъ имѣетъ слишкомъ небольшую команду
 подъ своею рукою и потому не рѣшается стѣнать
 вылазку; но вотъ Северинъ обѣщаетъ ему бодрѣе-
 венную помощь; тогда онъ храбро выступаетъ
 и одерживаетъ побѣду.
 Странное явленіе было этотъ Северинъ. Онъ нико-
 гда не хотѣлъ сказать, откуда онъ былъ родомъ;
 что онъ пришелъ съ далекаго востока, что онъ
 былъ видѣтъ изъ его рѣчей, него языкъ показ-
 вавъ въ немъ природнаго Римлянина (Латина).
 Знатнаго, какъ казалось, происхожденія, онъ уда-

милея въ уединеніе къ св. Отца, въ обратномъ, въ
Сивейскую пустыню; потомъ, какъ онъ самъ наме-
калъ, Божественный голосъ заставилъ его идти въ
помощь и утѣшеніе къ жителямъ береговаго
Норика. Воздержаніе его было сверхъчеловѣческое,
при самомъ большомъ скопотѣ онъ ходилъ босой; при
выступѣ къ постоянному посту, онъ чувствовалъ го-
лодъ и лишения только за друзей. Такъ прожилъ онъ
всю страну, проповѣдая, утѣшая, главное — принося
помощь, сколько онъ это могъ. Онъ собиралъ и давалъ
формально требовалъ десятину для выкупа пленныхъ,
для пособія вѣднмъ, ему приписывали надѣ
природой безумовную власть, и гнѣвъ Божій на-
стигалъ всякаго, кто его не хотѣлъ слушать. Вели-
ко было обиде къ нему уваженіе. Эта страна, кото-
рая въ затруднительномъ положеніи добровольно
подчинилась руководству надзорнаго и богоустроеннаго
монаха, представляется рѣзкій контрастъ съ
безправственными пограничными городами Галии
даже при итуринѣ франкскихъ подданныхъ
и старъ, и младъ предавался необузданному раз-
врату. Передъ авторитетомъ Северика склоня-
лись даже князь варваровъ, даже та самая ко-
ролева Гиза, которая хотѣла прекрещивать
правовѣрныхъ католиковъ; частью изъ благора-
дженія, частью изъ страха, они исполняли его за-
повѣди, слушали его проповѣди; король Руголь обязанъ
былъ его советамъ мирнымъ правленіемъ. Если
Северинъ защищалъ часто Римлянъ, подвергая
ихъ къ энергическому сопротивленію или впередъ
предсказывая нападеніе, то еще чаще онъ отра-
жалъ отъ нихъ опасность своимъ проповѣданіемъ
выпуска пленныхъ на свободу. Во мно-
гихъ мѣстахъ онъ построилъ монастыри, которые
по восточному обычаю состояли изъ соединеніи нѣ-

скольких хитростей; самый большой был при сраже-
нии, и теперь, теперь без слюда исчезнувших. Вдоль
постыжами его и похитами благословение варваров
отправлявшийся в Италию

Одним словом, личность Северина и его предосте-
ния в области верахного Дуная представляется
весьма интересное явление; самая личность его со-
матся в высшей степени типичной, а действитель-
ность дает вообразе понятие о значении духовного
ва в эту опасную и тяжелую для империи
эпоху. Уже в Галии мы встречаем не только
что во время осады монастырей и городов, аббаты
и епископы вошедшим на верность варварам и
ублажившим отклонявшим их нападения и грабежи
.. Выходит из остатками богатых римских
земель владетельцев, они были единственными союзни-
ками империи, охранявшими и поддерживавшими уни-
тарную империю. Эти империи весьма интерес-
ный рассказ о посещении Северина одним из вар-
варов, по которому извещалих - из писем
ни Руговы, по другим - из Термидов; но по свиде-
тельству наиболее достоверного для этих со-
бытий летописца (Аноним. Вальс) он был из ро-
да Суиров (смыслу Термидов). Газет, впро-
чим, не имеет большой важности, потому что Ру-
ги, Термиды, Суиров были писмена, весьма родст-
венная между собою. Однако же, в Кельте этого
святого муча вошел войну, было открыт в
звериния шкурою, пробравшийся в Италию, чтобы
поступить в войско. Давно Кельте Северина
были столь низки, что он мог войти в не-
только сошедшим и в самой Кельте даждь
жену было стоять так, потому что по-
ваго касалась потопка. Галло-германский войну

Мин. м. Германский. Мемор. о. 1873.

88 л. лет. Средн. вѣкъ. 913. Свѣслав. кн. 158

иного, Северинъ обратился къ нему съ слѣдующи-
ми пророческими словами: „ты великъ, но будешь
еще больше; ты бѣдно одѣтъ теперь, но будетъ вре-
мя, когда малѣйшій изъ подарковъ твоихъ бу-
детъ стоить дороже всего твоего настоящаго иму-
щества. Варваръ этотъ, побѣдившійся въ Ита-
лію, бѣдно одѣтый, ничтожный воинъ - будетъ
Одоакръ. Подобно многимъ изъ своихъ соотечест-
венниковъ, онъ нагнулся въ Римъ найти себѣ про-
питаніе и, можетъ быть, сдѣлать карьеру. Идти
естественно, онъ поступилъ въ императорскую
гвардію и занялъ место оруженосца.

Италія уже давно не имѣла другаго войска, кромѣ
варваровъ Германцевъ, которые давно распо-
рядились дѣлами имперіи и престоломъ, возво-
дими и низводими императоровъ при помощи
военныхъ начальниковъ своихъ. Однимъ изъ такихъ
всѣвластныхъ начальниковъ былъ знаменитый
Свѣвъ Риамеръ (Рицимеръ), распорядившійся
поземанію престоломъ имперіи. Таковъ, при
привѣтій Одоакра въ Римъ, былъ Рудъ Орестъ.
Одоакръ, обладавшій видными ростомъ, храб-
ростью и умомъ, скоро отличился и выдвиг-
нулся изъ ряда прочихъ воиновъ.

Одоакръ былъ виновникомъ знаменитаго пере-
ворота 476г.

Огромная толпа германскихъ варваровъ, пре-
имущественно изъ племени Геруловъ, Сцировъ,
Рудовъ, а также и другихъ, составлявшихъ им-
ператорскую гвардію, приступили къ Оресту съ
требованіемъ земельнаго надѣла. Какъ уже извѣ-
стно, варвары, составлявшіе Римское войско, раз-
мещались обыкновенно на земляхъ владѣльцевъ,
получали отъ нихъ дома и имѣли право пользо-
ваться рабами; теперь они захотѣли основаться бо-

В. м. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

214.
ли твердо на Римской почве и потребовали в
свое полное владение — по некоторым известиям
— всю землю, по другим — обобщенную треть. Орест, ве-
ведший в это время на престол Римский мало-
летнего сына своего Римула Августула (Августула)
и управлявший за него, отказал им в этом
требовании. Тогда они возмущались и, как пе-
редает одно известие, убили Ореста, по друго-
му — да — они были убиты Одоакром. Когда это
совершилось, Одоакр сам выступил во главе
войска, обобщая им окладевший земельный на-
дѣлъ, съ условием, чтобы они повиновались ему.
Провозглашенный предводителем всех дружин
Германских, он арестовал последнего Римского
императора, малолетнего Римула Августула
отправил его на виллу Луккула, назначив ему
по римскому мансону (500 сессидов). После этого
он занялся произведением предсказанного раздѣла,
он взял только одну треть земли Римских
для Германцев, в противоположность Реев-То-
малов и Бургундов, присвоивших себе две тре-
ти. Земли, отданные Германцам, Одоакром, не
представляли сплошной, цѣльной полосы, напро-
тив, они были разбросаны в различных мѣ-
стах средней и южной Италии, что так же не
способствовало прочности этих поселений. Кроме
того, варвары эти не имели даже твердой основы
племенного единства, так как они принадлежали
хотя и къ родственному, но все-же различным
племенам Ругов, Савров, Тевров и др. Итал-
и въ Италии, подобно тому как в других про-
винциях империи, переворот совершившийся не вдруг,
не имевший совершенно характера насильственна-
го вторжения германского элемента. Завоева-
тели не явились извне, не разбивали римских

легионовъ, не захватывали въ свои руки подвѣден-
ную ширину. Это-же постоянное, долговременное,
непрерывное накопленіе германскихъ силъ, сущес-
тва въ легионахъ, работа на поляхъ Римскихъ,
которая мы видимъ въ провинціяхъ, - то-же само
подготовило и въ средѣ имперіи переворотъ
476 года. Варвары уже давно основались въ Римѣ,
а теперь потребовали только прочнаго обезпеченія.
Все въ имперіи оставалось по-прежнему, не было
только императора; но и это въ сущности не
было дѣломъ необыкновеннымъ, такъ какъ случал-
ось и прежде. Былъ, впрочемъ, даже и неслыхан-
ный Орестовъ императоръ Непотъ, жившій въ
Дамаскѣ. Исаакъ Одоакръ не думалъ вовсе, что,
снявъ съ рѣбенка-императора порфиръ и от-
правивъ его на вышій службѣ, онъ уничтожитъ
этими самыми имперію, самая идея которой бы-
ла священа даже для варваровъ. Воодушевъ имперію
и учрежденія государства Одоакръ мно-
жилъ скудную извѣстность; прежде всего видно,
что, сознавая опасность своего положенія, онъ ста-
рался прикрыть фактъ насилья видомъ закон-
ности и формулировать свое положеніе въ Ита-
ліи Екату и Риму, такъ же какъ и къ импера-
тору въ новыи Римъ - Византию. Во насъ дошла
отрывокъ одного Византийскаго писателя, жив-
шаго къ тому времени (Макиа), въ которомъ
разсказывается слѣдующее: Когда Августъ, сынъ
Ореста (Римъ Августинъ), услышавъ, что Деко-
сѣмъ императоромъ на Востоку, онъ на-
мудрилъ Екату отправить посольство въ Констан-
тинополь; посольство это объявило Византий-
скому императору, что нѣтъ совершенно не-
обходимости, чтобы было два государя - на
Востоку и на Западѣ, что Римъ можетъ

добавлять к нему наместников, назначенных отъ Византии, и что самым до-
стойным занять это место является
въ настоящее время Одоакръ, избранникъ
Сената, которому Сенатъ и проситъ до-
рожать титулы патриция и поручить
управленіе Италіей. Послы принесли съ
собою и регалии императорской власти съ
тѣмъ, чтобы поставить его въ новый Ри-
мъ: отъломкой Западной имперіи не су-
ществовало, и они носили теперь только
санкцію Зенона, Восточнаго и единствен-
наго императора. Зенонъ принялъ весьма
благоклонно посольство, выдать съ кото-
рымъ были присланы и упомянутое
самого Одоакра, но отклонилъ ихъ просьбу.
Уже два раза, высказавъ отъ Византии на-
значить императоровъ въ Римъ и оба раза
Римъ отказывается отъ.

И теперь въ имперіи императора Зенона
къ нему и должно обращаться. Когда упо-
мянутое Одоакра просили титулы па-
триция для своего господина, Зенонъ имъ
указавъ на Кепота: у него долженъ Одо-
акръ просить патриціата; впрочемъ,
и самъ Зенонъ готовъ даровать ему ти-
тулы патриция, если Кепотъ не предупре-
дитъ его; и действительно, въ отвѣтъ на
письмо Зенонъ назвалъ Одоакра патриціемъ.
Разекавъ это требуетъ, во многомъ от-
ношеніяхъ, допущенія и объясненія. Во

*) разумеется, — извѣстный Кепотъ и
удивный Анѳимій (Антимій)

первыиъ, юный низверженный императоръ есть простое орудіе въ рукахъ Одоакра; онъ хотѣлъ придать такой видъ дѣлу, что императоръ и Сенатъ сами желали уничтоженія западной имперіи; онъ вынудилъ своего пѣвника къ тому объявленію и приглашенію, которое обращено было къ сенату и которое заключало въ себѣ отреченіе по наружности въ пользу Византійскаго императора, а на самомъ дѣлѣ - въ пользу Одоакра. Не революція, а отказъ императора и сената должны были подтолкнуть призвать Одоакра къ фактическому господству надъ Италіей. Византійскаго императора въ пользу новаго порядка вещей и такимъ образомъ высаетъ Одоакра легализовать и обезопасить. Для того-то сенатъ ~~сенатъ~~ долженъ былъ отправить къ Риму легкое приглашеніе быть впродѣ императоромъ Востока и Запада; для того и самъ Одоакръ отослалъ къ нему отпущеннаго раба; потому что онъ такъ долго (до 487г.) не назначалъ консула для запада.

Не въ силу советвеннаго права, не какъ завоеватель или Термакекій конунгъ, но какъ наипервейшій и чиновникъ Византійскаго императора варваръ хотѣлъ и зашиизать Италію, и управлять ею.

Форма для него не имѣла такого значенія, какъ безопасность владѣнія; но приматисемъ королевскаго титула по смерти Орестія онъ казалъ, что онъ хотѣлъ владѣть надъ Терманцами на основаніи какъ и своей силы, а не какъ только императоръ, уполномоченный. Онъ, следовательно, стремился къ тому же положенію въ отношеніи къ Терманцамъ, Италиан-

918.
цалю и Византийцаю, какъ въсплывшій Теодоръ.
Еще онъ не принявъ императорскаго титула, то
это не потому, что презираю его, какъ обыкновенно
умиляютъ, но въсплывшій осторожности. Однако, умилен
нельзя потерпеть неудачу. Зенонъ не позволилъ себя со-
блазнить предложеніемъ формальнаго господства
надъ Западомъ и уступить итинную власть вар-
вару. На отказъ Августула онъ не обращаетъ ника-
кого вниманія; онъ знаетъ только Непота, постав-
леннаго изъ Византии, какъ итиннаго владыку
Италии; къ нему онъ и отсылаетъ варвара. Впро-
чемъ, образъ дѣятельности восточнаго императора осуж-
дающій и осужденный. Тотъ государь Ита-
ліи есть только Непотъ, а не Одоакръ, не Августула,
ни самъ Зенонъ, но признаніе Одоакра было въ посто-
янно исполнено; хотя ему и не было формально данъ
самъ патріциатъ, вѣсть съ знаками этого досто-
инства, но только не мнѣ, онъ названъ былъ въ отво-
номъ письмѣ Зенона этимъ почетнымъ именемъ.
И такъ, съ точки зрѣнія идеи и права, переворотъ
476г. не былъ паденіемъ Римской имперіи.
Она продолжала существовать въ умѣхъ со-
временнаго, въ представленіяхъ христіанъ
и варваровъ, въ признаніи ея существованія
самими виновниками переворота; не было
только отлученнаго западнаго императора
и Римъ управляемый патріциемъ, хотя
и непризнаннымъ прямо въ этомъ званіи,
но, все-таки, выдававшимъ себя за на-
стоящаго императорскаго.
Спустя нѣкоторое время, свершившій
на Западѣ два новыхъ переворота,
виновниками которыхъ были — конунгъ
Ост-Готовъ — Теодорихъ и конунгъ Фравонъ
— Хлодобинъ.

8. Главныя произведенія литературы 8-й вѣк.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ событій, остановимся еще на пройденномъ нами времени. Наше изложеніе касалось по преимуществу фактовъ политической жизни, изученіе которыхъ, конечно, всегда должно служить на первомъ мѣстѣ, такъ какъ безъ этого основнаго знанія и все другое осталось-бы непонятнымъ. Но съ другой стороны для полнаго и всесторонняго знакомленія съ эпохою нужно было-бы остановиться съ такою-же подробностью и на другого рода явленіяхъ, объясняющихъ движеніе общественнаго и личнаго, образованія и нравы. По недостатку времени, мы остановились только на немногихъ литературныхъ произведеніяхъ этого вѣка, бросающихъ наиболее яркій свѣтъ на разбираемую нами эпоху; для болѣе подробнаго знакомства съ общественнымъ и литературнымъ движеніемъ нашей эпохи мы снова рекомендуемъ сочиненіе Guizot: Histoire de la civilisation en France

и книгу Шнеекаго: Вспоминаній Сидоній и его время. (Полн. собр. сочин. т. III.)

Отмѣтимъ прежде всего произведенія, которые непосредственно связаны съ событиями 410 и слѣдующихъ годовъ. Какъ уже извѣстно, въ 410г. Вѣнныя войска, никогда не бывшія въ рукахъ враговъ, были взяты Аларихомъ и отданы на разграбленіе. Дѣйствию, произведенное этими событиями на умъ современниковъ, было потрясающимъ. Въ вѣсткахъ ужаса и изумленія сходившихъ между собою народами, несли на себѣ владычество Готы. Но особен-

но сильно потрясено оно Римляне, какъ христианъ, такъ преимущественно язычниковъ. Римляне-язычники и христиане, называли Римъ главою міра и были увѣрены, что разрушеніе его будетъ знаменіемъ кончины міра. Христиане увѣждены, говорили Покрестіанъ, что конецъ Римской имперіи будетъ кончиной міра. Эта увѣренность была источникомъ того тяжелаго изумленія, которое овладѣло всѣми при извѣстіи о взятіи Рима. Но чтобы понять силу моральнаго дѣйствія, произведеннаго этимъ событіемъ, нужно припомнить старую предвѣстную старую привычку, по которой Римляне въ событіяхъ своей исторіи разсматривали или какъ награду боговъ за ихъ благочестіе, или какъ наказаніе за нечестность предписанійъ религіи, ставшая передъ ними только двѣ возможности: взятіе Рима. Тогда могло быть или карою боговъ отечественныхъ за допущеніе въ ихъ страну оскорбительнаго для нихъ христианства, или наказаніемъ Бога христианскаго за ненависть къ нему Римлянъ. Но послѣдней возможности Римляне не допускали на томъ основаніи, что при взятіи Рима много пострадало и христиане. Слѣдовательно, разрушеніе Рима было дѣломъ отечественныхъ боговъ, оскорбленныхъ торжествомъ христианства. Оно было причинено всѣхъ замъ, потому что со времени Константина дерзость варваровъ все возрастала. При предвѣстіи курьезъ Римъ былъ счастливъ, а при новомъ дошелъ до помощи раба. Много голосовъ заговорило на эту тему. Недоумѣніе не чуждо было и христианамъ. Въ Римѣ, говорили они, находятся Петръ и Павелъ и однако же Римъ опустошенъ. Тутъ же съ товою

нѣхъ христіанства? Тутъ то схожіе, которое онъ
считаетъ?

Это настроеніе умовъ вызвало св. Августина
написать свое знаменитое, *de civitate Dei* ("о
государствѣ Божіемъ"). Когда едвалилось новъ
стѣмъ нечаеніе, говорить ономъ самъ, явилъ
ки, приписывая разрушеніе Рима христіан-
ской религіи, стали проклинать царство
Божіе (христіанство); тогда я, пламенная ур-
дѣмъ о домъ Божіемъ, рѣшившая написать
противъ насъ порицаній или заблужденій
и, подъ заглавіемъ, *De civitate Dei* (contra
paganos).

Основная мысль св. Августина заключаетъ
въ томъ, что есть два государства: небесное,
которое именованъ своимъ виновникомъ и
наго Бога и чаетъ жить на небѣ, чаетъ
еще на землѣ, пока не достигнетъ совершенства,
чтобы соединиться съ своимъ членами, пребы-
вающимъ на небѣ.

Другое - земное, именуемое княземъ діаволомъ, на-
явившееся на землѣ послѣ первого-совре-
мени первого братоубійства, образовавшееся
послѣ вавилонскаго столпотворенія и заклю-
ющее въ себя всѣхъ людей, рожденных отъ
и не очищенныхъ, благодаря возрожденію.
Всѣмъ интереснымъ являются въ этомъ
случаѣ воззрѣнія св. Августина; онъ не только
противопоставляетъ небесному царству
земное, но и отрываетъ отъ послѣдняго, при-
поднимаетъ разрывъ съ нимъ, говоритъ даже,
что земное царство - Римъ - есть домыселъ
діавола. Воззрѣніе весьма рѣзкое, до котораго

не доходящим другим церковным писателям. Творителю Августина, сегодоваго совсѣмъ отрываться отъ великаго заботъ о земномъ царствѣ и не обращать вниманій на разореніе и завоеваніе Рима.

„Я рѣшился, говоритъ онъ, совмѣстнѣ изложить исторію царства Божіа и царства земнаго, ради большаго славы царства Божіа, которое въ этомъ контрастѣ приобретаетъ еще больше блеска.“

„Прежде, чѣмъ приступить къ исторіи царства Божіа, я долженъ еще сказать нечто противъ тѣхъ, которые въ дѣйствіи нашей имперіи приписываютъ христіанской религіи, воспрепятствующей идоломудренію.“ Десять первыхъ книгъ его сочиненій посвящены рѣшенію этой задачи. Первые двѣ книги о народоустановкѣ въ 414 году, слѣдующія въ 416 году.

„Неблагодарные враги царства Божіа, такъ начинаютъ онъ свой трудъ, въ сегодной ненависти къ имени Искупителя, забыли недавно его благодѣяніе, забыли, что спасеніемъ своей жизни и необычайною кротостію варваровъ, по которой они щадили всѣхъ, называвшихся христіанами и прибивавшихъ подъ кровъ христіанскихъ храмовъ, они обязаны имъ и дѣйствію Христа.“

„Въ самомъ дѣлѣ, было-ли когда прежде, чтобы завоеватели какого либо города щадили тѣхъ, кто прибѣгалъ подъ разбитыя языческихъ храмовъ. Предъ нами исторія всѣхъ древнихъ войнъ; но она говоритъ совершенно иное. Она говоритъ, цетамъ Варварамъ, что Онѣмъ видѣно

Прииди убитого у подножіа жертвенниковъ
и своею кровью угасившаго плахъ огонь."

Итакъ, опустошеніа, убійства, грабежи, наси-
ліа, погсары, испытаніа Римомъ отъ Го-
ровъ были дѣломъ всеобщаго военнаго обычая, а не
что Готы изабили христіанъ, христіанскіа
храмы и скривавшіахъ въ нихъ, было сверхъ-
естественнымъ дѣйствіемъ милосердіа Иисуса
Христа, и кто этого не признаетъ, тотъ
имѣть, шухъ и неблагодаряетъ.

Но при этомъ Аввакумъ представляе-
тъ вопросы, которые слышались со сторо-
ны христіанъ, какъ недоумитіа. Если спасе-
н Римскіахъ зрители въ Арамахъ христіанъ
было дѣломъ милосердіа невиннаго Бога,
то почему это милосердіе простирается на
неестественныа и неблагодаряетъ? Почему Богъ
допустилъ съ другой стороны, чтобы виновные
въ неестественныа и добрыа испытаніа стои-
ли страданій? Почему многіа изъ христіанъ
были подвергнуты пыткамъ, оставлены
безъ погребенія, многіа отведены въ неволю?
Почему многіа богатые христіане потеря-
ли имущество?

При разрѣшеніи этихъ вопросовъ онъ су-
раетъ проникнуть въ таинственный
вопросъ о распредѣленіи счастья и неща-
стья на земли и доказываетъ, что съ воору-
женными и благочестивыми немучалось
такого дла, которое бы не обратилось въ
ихъ пользу.

Говорятъ, что христіане потеряли все, что
имѣли, но это несправедливо; они не по-

теряли благу внутреннего человека, который
 всегда богатъ передъ Богомъ. Мы имѣемъ
 чѣмъ жить и чѣмъ вдраться; Этого дня
^{наст} совершенно доста точно, мы и не хотимъ бо-
 гатства. Но некоторые христіане, даже
 благочестивые, были подвергнуты пыткамъ,
 что-бы открыть свои сокровища? Всѣмъ
 рѣшившимся страдать скорѣе, чѣмъ выдать
 свое земное имущество, отвѣщается въ
 тѣхъ, значить они не были благочестивы.
 За что-же страдаемъ мы истинно благооче-
 ственно, которое дѣйствительно не имѣетъ
 богатства, вновь раздаваясь голосъ соимен-
 ния? За то, съ котораго намъ некого от-
 вѣчать св. отцу, что они, не имѣя бога-
 ства, могутъ быть, желаемъ имѣть его...
 Въ этомъ-же родѣ рассматриваетъ даже
 Августинъ событія современной ему эпо-
 таку и такъ, какъ нестоющія содрать не
 негася царства земнаго и влѣтъ съ
 тѣмъ какъ приближеніе къ царству небс-
 ному. Но и это соименіе оказалось въ
 недостаточнымъ, и развитіе идеи Августина
 продолжалъ Орозій. (*)

Орозій, родомъ испанецъ, изъ Тарраконы,
 около 415г. пришелъ къ Августину, чтобы по-
 мочь ему. Последний отправилъ его къ
 блаженному Иерониму въ Виллему, но все-
 того 416 года Орозій вновь возвратился въ
 Африку и здѣсь, по совету Августина, про-
 должилъ 416 и 417гг. занялся составленіемъ
 обзорной всемірной исторіи отъ сотворе-
 нія міра до современной ему эпохи. (Hist-
 oriarum libri). Эта исторія, написанная въ

(*) Adversus paganos historiarum libri VIII."

видеть хротики, особенно важна потому, что
сдвигалась историческая дуга вѣтъ средних вѣ-
ковъ: многие средневѣковые писатели терпели
впоследствии изъ Орозія и даже явились его по-
ддѣлщиками. Онъ точно также смотритъ гла-
зами Аввентина на разрушеніе Рима и говоритъ,
что ибелъ Водона и Тиморре несравненно важнѣе,
чѣмъ завоеваніе столицы великой всемірной мо-
нархіи. Упоминая о разрушеніи и печальной
судбѣ Вавилонскаго царства, о низверженіи Сар-
дананапа, онъ сравниваетъ эти событія съ судьбою
современнаго ему Рима и находитъ ихъ анало-
гичными. Обзоръ его кончается 418 годомъ, ко-
гда Валлія (Wallia Gothorum) заключилъ съ
императоромъ Гоноріемъ миръ и Готы вступи-
ли въ союзъ съ Римлянами. Въ своемъ изложе-
ніи, Орозій желаетъ представить появленіе
варваровъ на почвѣ имперіи далеко не столь
страшнымъ, какъ оно казалось его современникамъ,
они обрабатываютъ поля, говорятъ охоту, перековали
свои мечи на орама (пиршества) и воздѣлываютъ на-
шу землю. Далѣе и съ нравственной точки зрѣ-
нія посещеніе ихъ на территоріи Рима не пред-
ставляетъ несчастія, такъ какъ они во мно-
гихъ отношеніяхъ гораздо нравственнѣе и чи-
ще Римлянъ. Въ особенности же все эти событія
не покажутся особенно страшными, если сравни-
мъ ихъ съ ужасными несчастіями давно прошедшаго
явонскаго времени. Третій изъ знаменитыхъ
христіанскихъ писателей того времени — Саль-
віанъ, родомъ изъ Галліи, а именно изъ Кельна,
такъ какъ онъ называетъ себя жителемъ Трира своимъ
сосѣдямъ. Около 430г. онъ былъ посвященъ въ пре-
витеры Марсели (Викенской провинціи). Сочиненіе

его, *De gubernatione Dei* (оъ управленіи Божіемъ) написано немного послѣ 439го года, какъ видно изъ одного мѣста въ IV книгѣ. Тѣма его обозначена въ самомъ началѣ его сочиненія:

„Вѣтъ такіе люди, которые утверждаютъ, что Божъ вовсе не заботится о чинотѣхскихъ дѣланіяхъ, и какъ-бы пренебрегаетъ міромъ, но не видно, что бы онъ охранялъ добрыхъ и наказывалъ злыхъ; напротивъ, въ этомъ вѣкѣ (жизни) добрые чаще всего бѣдѣствуютъ, а злые наслаждаются блаженствомъ. Для опроверженія такой неестивой мысли, послѣ нію Сальвіана, достаточно было-бы въ глазахъ христіанина ссылки на св. писаніе, но такъ какъ многие еще не очинившись совершенно отъ заваши ямского невѣрія, то онъ намѣлъ нужнымъ привести мнѣнія избраннаго классическихъ гримовъ и мыслителей о божественномъ міроуправленіи. Затѣмъ, объяснивъ, что никакія земныя бѣдствія - не бѣдность, ни бѣдствія - не могутъ считаться несчастіемъ для истиннаго христіанина, Сальвіанъ отъ частной судьбы отдѣльных людей переходитъ къ общему состоянию имперіи, къ ея бѣдствіямъ и униженію предъ варварами. „Если Божъ любитъ человека, заботится о немъ и управляетъ міромъ, то почему спрашивается Сальвіанъ, должно было до того, что Римляне держены были подчиниться варварамъ? почему враги покорили Римъ? почему это случилось? Было сдѣлаться такъ? На эти вопросы онъ отвѣчаетъ слѣдующими образами: обратившись къ кривавымъ и обожавшимъ Юговъ и Вандаловъ, сравнивая жизнь нашу съ жизнью варваровъ и имъ увидимъ, что Юты и Вандалы во многихъ превосходятъ

насъ, христіанъ. Въ особенности нравственная сторона жизни варваровъ кажется ему значительно выше и чище Римской.

Первое зло, на которое онъ указываетъ въ Римской имперіи, зло, совершенно чуждое варварамъ и чуждое въ Римъ, состоитъ въ страшномъ вымогательствѣ податей. Порядокъ этотъ имъ вовсе не нравится, что онъ заставляетъ не всехъ страдать одинаково, большинство терпитъ отъ него, а немногіе, сильные, остаются совершенно свободны отъ подобнаго притѣсненій. Однимъ словомъ, это совершенно то же, что говоритъ Триску продривавшій придворъ Эмиліи грекъ. Сальвіанъ вину всего этого сводитъ, впрочемъ, не на государственную высшую власть, а на куріаловъ. Онъ яркими чертами описываетъ разореніе, истощеніе бѣдныхъ классовъ всею дѣтвѣ вымогательства податей и вѣнчаетъ съ тѣмъ даетъ по этому поводу любопытныя указанія. Всю дѣтвѣ этимъ тяжкимъ притѣсненіемъ множество людей даже зажиточнаго и образованнаго класса общества, убогаются въ глазахъ варварамъ. Они, по риторическому выраженію Сальвіана, любящаго придвигать къ античности, ищутъ у варваровъ римской гуманности, ибо не могутъ вынести у Римлянъ варварской негуманности. *Quia carentes scilicet apud barbaros Romanam humanitatem, quia apud Romanos barbariam inhumanitatem ferre non possunt* (I, cap. I). И хотя они отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ придвигаютъ, своею одеждою, своими нравами, своимъ языкомъ, все же они предпочитаютъ вознѣ варваровъ, чѣмъ переносить свирѣпую Римскую жестокость. Они убогаются не только въ

варварами, но и къ балаудамъ (Basaudi, Basaudi
возставшіе крестьяне.) Они предпочитаютъ быть
свободными подъ видомъ рабства, чѣмъ рабами по
видомъ свободы. Имя Римскаго гражданина, ко-
торое прежде цюнилось высоко, теперь составле-
етъ несчастье и потому не доуско очень обвиня-
ются, которые убогаются къ врагамъ или нано-
сятъ свое имя на имя варваровъ. Большая часть Испа-
ній и не меньшая Галліи только и думаютъ
теперь о томъ, какъ-бы преемать быть Рим-
лянами.

Потомъ Сальвианъ переходитъ къ возстанію
балаудовъ:

„Ограбленные, убитые снами, убиваемые злыми
и кровожадными администраторами (judices)
они потеряли права римской свободы, а сами
потеряли и самую честь римскаго имени.
И мы ставимъ въ вину имъ иахъ несчастье,
ставимъ въ вину названіе, выражающее иахъ не-
счастье, ставимъ въ вину имя, которое сами
создали. И мы называемъ дунговиками, по-
гибшими людьми техъ, которыхъ сами покл-
нули въ преступленіе. Ибо что произвело балау-
довъ, какъ не наши несправедливости, безчестныя
администраціи, иахъ разбой и грабежи техъ,
которые обратили названіе государственныхъ
повинностей въ насилие своей собственнѣйшей
силы, изъ податныхъ раскладокъ сдѣлали свою
бычу, которые, на подобіе дикихъ животныхъ,
стали не управлять людьми, но похищать ихъ,
стали корчить не только техъ, что могли
содрать съ нихъ, чѣмъ обыкновенно довольст-
вуются разбойники, но, такъ сказать, кровью

растерзанности. Отсюда и произошло то, что они
дн, доведенные до нечеловеческих, удивительных су-
дей, начали быть какъ-бы варварами, потому
что имъ не позволено было оставаться Римля-
нами; они должны были защищать по крайней
мере жизнь, такъ какъ видѣли себя соверши-
но лишеными свободы.

А теперь, развѣ не дѣлается то же самое, что
дѣлалось тогда: развѣ тѣ, кто еще не сдѣла-
лся багавдами, не вынуждены въ томъ, что де-
лаютъ сдѣлаться? Это касается насильствъ и
несправедливости, — то имъ достаточно для
того, чтобы принудить насъ хотѣть этого,
только насъ глупость, ослѣпленность и потеря
всякой силы мешаютъ тому, что они еще
не сдѣлали бы имъ. И чего другого могутъ хо-
тѣть бѣдники, которые терпятъ постоян-
ное, да еще непрерывное божественное погони-
тельное, вымогательство, которыми всегда грозитъ
тяжелое и беззащитное разореніе, которые
оставляютъ свои дома, чтобы не подвергаться
пыткѣ въ самыхъ домахъ, ищутъ ссылки,
чтобы уйти отъ казни. Гдѣ и у какихъ на-
родовъ, кроме Римлянъ, найдешь мы подоб-
ное зло? Даже Франки не знаютъ, что это
за преступленіе. Гунны иудеи подобнаго
злодѣйства, ничего подобнаго не видѣли у Ван-
даловъ, ни у Готовъ. Не только варвары не тер-
пятъ подобнаго мученія у Готовъ, но и сами
Римляне, живущіе между ними, отъ нихъ из-
бѣгаютъ. Оттого у насъ только одно желаніе
никогда не воротиться подъ Римское влады-
чество. Да, вся эта римская плева проситъ
Богъ. ист. Средн. вѣков.

у Бога только одной милости-возможности
 провести жизнь между варварами. И мы удив-
 ляемся, что Тоты не побуждены нашими во-
 сками, когда Римляне предпочитают со-
 здать на их стороне, а не на нашей. Вотъ по-
 чему не только наши братья не думаютъ о-
 тавить варваровъ, чтобы перебраться къ
 намъ, но бѣгутъ отъ нашихъ провинцій,
 чтобы искать у нихъ удобствъ. Я удив-
 ляюсь, что не все это думаютъ. Причина
 только та, что они не могутъ взять съ со-
 бою своихъ удобствъ жизни. Дальнейшая
 черта, рассматриваемая Сальваторомъ, ве-
 лика важна, такъ какъ она равнѣняетъ тѣ
 зависящія отношенія одного класса на-
 селенія къ другому, которая послужили за-
 чатками для развитія послѣдующихъ ве-
 сальныхъ отношений. И вотъ, такъ какъ они
 не могутъ того, чего быть можетъ, желали
 бы, они думаютъ только то, что могутъ.
 Они отдаютъ себя подъ покровительство
 людей болѣе сильныхъ (*tradunt se ad tueri-*
dit protectoremque majorem) думаютъ
 подданными (*de ditiis*) богатымъ, и какъ-бы
 переходятъ подъ ихъ судъ и покровство. Я
 не считалъ бы еще этого чѣмъ-либо торже-
 ственнымъ и достойнымъ, напротивъ, скорѣе ра-
 ваясь бы отношенію великаго магната (*poten-*
tissimi), который отдается (подъ защиту) по-
 нѣ, если бы только они (т. е. богатые) не про-
 давали своего покровительства за деньги (*si rat-*
hominibus ista non venderent), если бы имъ ни-
 чему заступу слабыхъ можно было приписать
 доброту, а не корыстолюбію. Вотъ что тѣмъ

и вот что известно: подв предположив зажиточное дворянство, они
их окончательно грабят, (sunt proliant) подв видя зажиточ-
ные несчастных, они делят их еще несчастнее. Но все
то, которые ищут этой мнимой зажиточности, прежде, чѣм
се поугубят, должны отказаться во пользу зажиточников подв
отъ всего своего имущества; такимъ образомъ ради того, что
бы отъ нихъ имѣли зажиточность, дѣлаютъ имъ насильство. Зажиточ-
никовъ приобретаютъ обращеніемъ въ нищенство дѣтей.
Вотъ что такое — помыслъ и патронажъ епископовъ (esse quae
sunt auxilia et patrocinia majorum)?

„Самое чудовищное (monstruositat) говоритъ онъ далее, что
эти дворяне, отдавъ свое имущество патрону, должны
часто нести и нести, какъ прежде, повешенную подать
со всеми ея дѣйствіями. Въ отчаяніи они спасаются
изъ этой бѣды тѣмъ, что свои земли наконецъ соб-
ственно устанавливают и уже не какъ кліенты, а какъ свободніе
приходятъ на латифундіи богатыхъ, какъ отъ врага
спасаются въ крепость и отъ уголовного суда въ азу-
лит. Но такимъ образомъ они теряютъ власть со своимъ
имѣніемъ и себя самихъ, т.е. свой status, право свободы.
И это еще не все — поусвободные превращаются въ наем-
ныхъ въ рабство. (См. Jung. hist. Zeitschrift. 1879г. Zur
Wändigung agrarischer Verhältnisse in der römischen Kai-
serzeit.) Сочиненіе Сальвиана Марсельскаго представляетъ
весьма важный источникъ для изученія социальнаго посто-
янія низшаго класса Римской имперіи той эпохи. Подра-
жатели, приводимыя имъ, выясняютъ намъ и причины
тѣхъ возстаній багавдовъ, о которыхъ было уже сказано
выше; возстанія эти имѣютъ довольно важное значеніе
такъ какъ повторялись во многихъ провинціяхъ и безднѣ
ли вызваны однимъ и тѣмъ же социальнымъ и экономиче-
скимъ условіемъ жизни. Суднаковъ въ вѣдѣности имѣ-
етъ и указаніе Сальвиана на то, что свободные слуги от-
казывались отъ своей свободы и отдавали свои участки

мощатая, погужественныиъ мизамъ, приобрѣтавъ
за это ивъ зациту, но вслѣствіе ея тѣмъ теряя своего
Крошъ всего этого, Сальвианъ съ особенною рѣзкостью остано-
вивается на зрѣлищахъ и циркахъ, въ которыхъ, по со-
мнѣнію, главнымъ образомъ выразилось пагубное и раз-
рушеніе Римскаго общества.

Въ тѣ преступленія и порока, говоритъ онъ, которыми бы-
ла закинуто въ зрѣлищахъ, гдѣ величайшій родъ наслаж-
денія представляетъ то, какъ умираютъ люди, или, что еще
сильнѣе и ужаснѣе, разрываются на части, какъ грѣшныиъ
нравъ напѣваетъ человѣческимъ мизамъ, какъ съдаются
люди, къ общей радости присутствующихъ, въ великому
наслажденію зрителей. Тѣла зрителей столько же, сколько
и зубы звѣрей, пожираютъ жертву. Чтобы это могло бы-
матся, вся вселенная несетъ издержки, съ большимъ вы-
маниемъ и стараніемъ ведется и приготавливается дѣло. От-
даленныя страны становятся доступными, непроходимыя
лѣса осваиваются по вѣтви направленіямъ, ветоду раз-
матываютъ горы и снѣжки, проникаютъ въ труднодоступныя
долины снѣжъ, чтобы найти необходимыя для этихъ
мизъ дикихъ звѣрей (II, сар. 2.)

Такимъ образомъ еще въ патомъ вѣкѣ Сальвианъ говоритъ
о зрѣлищахъ бояхъ, но въ сущности это только анахронизмъ,
т. е. такъ въ это время уже не существовало. [О бояхъ
гладіаторовъ и зрѣлищахъ имфитеатра. Лекц. II, 26.
Wallon. Histoire d'esclavage. Первый эдиктъ противъ гла-
діаторскихъ игръ Константинъ издалъ въ 325г., по видимому,
для одной провинціи - Финикійской, гдѣ они еще дол-
го держались, хотя на Востока (грек. вліяніе) никогда
не были такъ часты и такъ страстно любимы, какъ на
Западѣ. Важно, что въ новомъ Римѣ, въ Константино-
полѣ, и въ самомъ началѣ не было. Въ старомъ Римѣ
они просуществовали до самаго окончательнаго на-
упадка, что совершилось только гдѣ 90 лѣтъ
послѣ торжества христіанской церкви. Но хри-

стѣанская церковь, конечно, никогда не питала къ
нимъ сочувствія и не давала одобренія. Между тѣмъ
лучшіе изъ азѣтниковъ одобрили: Анѣаній; Симѣонъ
при Геодосіи: онеѣ хвалили Геодосіа, когда онъ питъ
нѣгда азѣтниковъ отдалъ на растерзаніе свѣрамъ; ко
на Востока при немъ совершенно прекратились циркъ
и ристанія. На Западѣ преступники присуждались
къ аресту еще и въ царствованіе Зенонія. ~~въ~~ Послѣдній гонимъ
торскій бѣгъ, въ 804 г., въ гестъ похвѣды Стѣликопа. Мономахъ
Мелетѣахъ, родомъ изъ Азіи, бросился на сцену, чтобъ разлучить сра
жающихся; бѣжалъ въ яростѣ закидалъ его камнями. (X).

Но довольно уже сказано объ этомъ, говорить объ этомъ, тѣмъ
болѣе, что, какъ говорятъ въ извѣщеніи, это не всегда совершае
ся. Въ вѣсѣмъ рѣшительнѣмъ выраженіи, мало напоминающа
классическую бѣлгородскую пѣсню, онъ говоритъ даже о томъ,
что общественныя торжественныя процессіи, празднества
и т. п. имѣютъ вредное, растлѣвающее вліяніе на на
родъ, но театры и цирки особенно вредны для общественна
нравственности.

Конечно, онъ имѣетъ нѣкоторыя основанія говорить съ него
дованіемъ объ этомъ зримѣе, но быть можетъ онъ до
извѣстной степени преувеличиваетъ и опасность и вредъ.
Въ особенную задачу онъ ставитъ варварамъ, что унижа
ють это, и за это именно бѣгъ, по словамъ его, несмотр
я на ихъ ересь, помогаетъ имъ. Часто случалось, говоритъ
онъ, что на началахъ богослуженія въ аріетѣанскія храмы
Рима и вѣнствъ съ тѣмъ зримѣе въ циркѣ. Народъ со
бирался въ послѣднемъ гораздо охотнѣе, чѣмъ въ первомъ,
и даже похищалъ богослуженіе и стремился въ циркъ,
если узнавалъ во время священнодѣйствія о новомъ зримѣ
ищѣ.

Нѣкоторые, продолжаетъ онъ, скажутъ, что это дѣлае
и безумъ; правда — но разсмотримъ, гдѣ это не дѣлается?
Это не существуетъ въ Модѣнтѣ, но потому, что
горѣ разрушенъ и вырванъ варварами. Неужели же бу
детъ Пемѣнъ, потому что онъ напоиленъ врагами? Не дѣлае
ли?

(X) Но бѣи созывали и держали до конца III в. до турчѣв
скаго собора.

ся въ первоходномъ городѣ Тьриртъ (Tivricum), но потому, что разабывъ раззоренъ и истребленъ въ развалинахъ. Недвигаясь это во многихъ городахъ Галліи и Испаніи. Ноги наши и беззаконіи наши!

Италія опустошена стоющими нашествіями-прежними-ми пороки Италіи? Римъ раззоренъ и уничтоженъ-прежними-ми догматическими и пороки Рима?

Наконецъ, чтобы ни одна часть міра не сдѣлалась свободною отъ ибамъ, войны стали переноситься по войнамъ; взяты въ плѣны Сардинія и Корсика-но что же вышло изъ этого? Въ то время, когда оружіе варваровъ звучало около Карфагена, христіанская церковь этого города предавалась рабству и порокамъ. Все эти подробности всеобща важны въ христіанскихъ отношеніяхъ, они показываютъ намъ, что зрѣлища и цирки процвѣтали въ Галліи и даже въ Африкѣ до V вѣка; но вызвали осужденіе христіанскихъ писателей. Вѣдь съ тѣхъ мы видимъ, что съ нашествіемъ варваровъ и занатіемъ Римскихъ городовъ все это прекращается. Перейдемъ теперь къ другому писателю того времени, совершенно отличному по типу отъ предыдущаго. Какъ мы могли усмотрѣть изъ краткой характеристики Сальвіана Марсильскаго-онъ охотно ширится въ варварахъ, но съ рабствомъ и пороками своихъ современниковъ и современниковъ. Не то можно сказать и предыдущимъ писателямъ того времени; уже известный намъ Викторъ Витенскій какъ-бы прямо спрашиваетъ Сальвіана: послѣ разрушенія городовъ нашихъ, послѣ вѣхъ дѣлъ и несправедливостей, постигшихъ имперію, возможно-ли не обвинять варваровъ". См. *Die Würdigung d. Hist. Zeitschrift*. 1879 г. 1 Heft. p. 40.

и тѣ, которые любятъ варваровъ, пусть послѣдуютъ на Африну и на поведеніе тамъ вандаловъ. Какъ бы по-

пытки и дѣлались къ основанію добраа, порождая къ нимъ
отвращеніи, хотя бы въ немъ не было ни денегъ, ни словъ покор-
ности - они употребятъ только ненависть Римлянъ. Ска-
ко это отъ нихъ зависитъ, они стараются изгнать
знаменіе Римлянъ; для нихъ было бы всего пріятнѣе, ес-
ли бы ни одного Римлянина не осталось въ Физогдѣ. И
если они когда нибудь дадутъ пощаду Римлянамъ, то
это происходитъ изъ своекорыстныхъ побужденій,
т.е. ради того, чтобы тѣмъ лучше изъ эксплуа-
тировать. Намъ нѣтъ dilexerunt aliquando
Котанитъ."

Къ числу писателей противоположнаго Сальвисту на-
всѣмъ принадлежатъ знаменитый Сидоній Апполина-
рій. Родившійся въ Лионѣ около 430, Кайй Сидоній
Апполинарій происходилъ отъ франкской
Аврернской, одной изъ тѣхъ богатыхъ Галльскихъ фран-
кскихъ, среди которыхъ сохранились преданія Римскаго
образованности и культуры. Въ полученное образова-
ніе у хорошихъ наставниковъ, уроки поэзіи онъ полу-
чалъ изъ вѣтноты Энкіи, философію - Свевіи, иуда-
измъ - отъ двухъ знаменитыхъ учителей сегове-
льскихъ цѣлѣхъ въ области наукъ. И вдругъ отъ него
Галль, риторъ и философъ, былъ призванъ къ политиче-
ской дѣятельности и къ высшимъ почестямъ на-
прямъ, безъ дѣтвей восшествія его тѣмъ Авита на
престола Римскій. Сидоній Апполинарій, призван-
ный въ Римъ, долженъ былъ публично, предъ сенатомъ,
произнести панегирикъ императору. Было это вре-
мя вѣдѣнаго Траяновскаго, но онъ въ цѣлѣхъ въ
полнѣхъ его. Немного времени спустя отъ него на-
и Сидоній произнесъ въ Лионѣ панегирикъ Майоріану
и Майоріанъ сошелъ со сцены - Сидоній произнесъ па-
негирикъ преемнику его Авиану въ Римѣ. Зато
на него вознамерились почести; на Римской форумѣ
ему поставлена была статуя, среди величайшихъ под-

твое имперіи; онъ возведенъ бывъ въ санъ патриція и въ лучшее званіе префекта города Рима.

Въ то-же время онъ доидеи бывъ явится къ В. Готскому двору, для получения свидущей ему доли на съезде. Въ томъ-же изнекааннымъ красноречіемъ, въ который онъ президе говорилъ патририки императору, онъ описывъ, теперь Тубулу и дворъ короля Эйриха.

„Я нахожусь здѣсь, пишетъ, вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ и только разъ видѣлъ владетельнаго; онъ не имѣетъ для меня времени свободнаго, потому что покорный міръ такъ же ждетъ отъ него отвѣта.“

„Здѣсь видѣнъ Саксонъ съ голубыми глазами. Привыкши къ морю, онъ страшится земли. Подстриженъ не только подстриженъ его волосы на шапку, онъ совершенно имѣетъ срызанъ и гладко выстриженная голова кажетъя короче въ то время, какъ много стало какъ бы длиннѣе.“

„Здѣсь старый Силамбръ; остриженный послѣ начавшаго тебѣ пораженія, ты закрывавши назадъ вновь отпущенныя пряди волосъ.“

„Здѣсь бродитъ Геруль съ землиновыми жуками; онъ охотится у крайнихъ предметовъ Океана и цѣплетъ его шкура на пошнѣ снорекія травы.“

„Здѣсь Бурцундъ, растомъ въ семь футовъ, безпрестанно преклоняя колѣна, шепчетъ въ ширь.“

„Остъ-Готъ изучаетъ новую силу, шитья такими покрывицей. Онъ тѣнитъ сошедшихъ Тунновъ и гордится тѣмъ и здѣсь одержанными побѣдами.“

„Здѣсь и ты, Римлянинъ, ищешь спасенія; онъ проситъ тебя защиты, Эйрихъ, противъ сродъ скиѣскихъ етпей, когда Большая Медвѣдица грозитъ смутами. Онъ шепчетъ, чтобы Гаронна, сильная пребываніемъ на ея берегахъ скарса, защитила ослабѣвшій Римъ.“

Вѣкоръ, впрочемъ, этотъ остроумецъ, этотъ ораторъ и певецъ шепчетъ накухенъ поистѣмъ, похитаніемъ царя

въ Римѣ, обративъ къ болѣе строгой жизни и сдѣлавъ епископомъ Клермонта. Но несмотря на это, страсть къ литературнымъ занятіямъ не утратилъ; во время своего чина и перипетъ тотъ же языкъ; на престолѣ епископскомъ онъ остался съ тѣмъ же остроуміемъ, среднѣ политическая и церковная дѣла не забывая отираминовъ мадригаловъ. Григорій Турскій такимъ образомъ описываетъ краснорѣчиваго Сидонія Аполлинарія: „въ каждую данную минуту, на каждаго данный создаетъ онъ шогъ импровизировать нишденно. Сидоній говоритъ въ своихъ письмахъ къ епископу Турскому Терпенту, что въ продолженіи двухъ страстей (вѣсело) онъ производитъ всѣ рѣчи, которую дѣлаетъ болѣе произнести въ бурю предъ духовенствомъ и народомъ. „А не производилъ, Христова тѣлу свидѣтель, въ двѣ страсти одной нѣтъ нѣтъ, но я боюсь, что вы ты, читая ее, не подумаете, что я написалъ ее еще раньше, чѣмъ тебя орава извѣщая, записываетъ онъ свое письмо къ упомянутому епископу. Приведемъ, какъ образчикъ, начало этой речи:

„Возлюбленные мои, гражданская исторія повѣствуетъ, что одинъ философъ пригласилъ своихъ слушателей къ терпѣнью, необходимому, чтобы молчать, прежде, нежели сообщитъ или знанію, необходимому, чтобы говорить, и что поэтому въ продолженіи 5^{ти} лѣтъ все начинающее хранило строгое молчаніе среди споровъ своихъ товарищей, такъ самые быстрые умы не могли высказать себѣ пожеланія прежде, чѣмъ пройдетъ довольно времени, чтобы ихъ узнать. Это касалось до меня, то моя слабость поставлена советомъ въ друшія условія, такъ какъ, не принявши чрезъ смирненную обязанность ученика при какому нибудь праведникѣ, я принужденъ взять на себя относительно друшія обязанность учителя. Но уже самъ Валерій угадалъ болѣе, въ своемъ запискѣ, потребовать, чтобы я, нишудрый, написалъ для васъ съ помощью Ариета, епископа, и

никого мудрости, и въ особъ котораго соединились бы всѣхъ
добродѣтели, то знайте, что ваши единогласныя требова-
нія, хотя и доставляютъ мнѣ большую честь, однако возлагаютъ
на меня тяжелае бремя и т. д. (см. Стасюлевичъ: Уст. Сид. въ кн. т. I
отд. III, стр. 20) и Тисо: Уст. цивил. во Франціи, лекція III, стр. 60 и
слѣд.)

Впрочемъ, по слову самого автора, хотя эта небольшая
переложка его ораторскаго красноречія, въ ней, по содѣйствію
выраженію его, нѣтъ ораторскаго раздумья, историче-
скаго примѣра, подмисленнаго образа, грамматиче-
скаго приуготовленія, поэтическаго, коими риторы украшаютъ свои
речи. (ibid. Письмо къ Терпенту.) За то онъ вознагра-
ждаетъ себя въ писаніи, гдѣ онъ подражаетъ Плинію
и Силію, и которая онъ самъ собралъ и издалъ по
совѣту своихъ друзей. Въ ней носятъ слѣды самой
тщательной обработки. Очевидно, что высшее удово-
лствіе для Сидонія-Кортиса, состязаться съ своими дру-
зьями въ остроуміи (esprit), изысканности, утонченности
и темноты. Онъ любитъ представлять трудности,
тискается въ описаніе до послѣднихъ мелочей жизни въ
Веронѣ и Риминѣ, какъ мы уже видѣли изъ вышеприве-
деннаго описанія дѣла Діриаса. Но вернѣ самоодовольствіе
когда онъ считаетъ себя достигнувшимъ вернаго литератур-
ной славы - если ему удастся включить нѣсколько импро-
визированныхъ стиховъ въ драматическое, дружеское письмо.
Такъ, онъ разсказываетъ, что однажды во время путеше-
ствія, онъ думалъ болѣе перейти черезъ ручей, но не нашелъ
моста и по этому поводу импровизировалъ слѣд. двусушій:

Præcipiti modo quod decurrit tramite flumen

Крутого тропинкою быстро едетъ ручей

Tempore consumptum jam cito deficiet)*

И, истощенная временемъ, скоро спадетъ.

*) Особенно любопытно то, что это стихотвореніе можно
читать концомъ и что сохранитъ свой ритмъ и не потеряетъ
силы.

Нѣсколько больше грации и изящества въ стихотвореніи, которое сочинилъ на металлическую чашу, предназначавшую въ подарокъ герцогу Бургундскому. Чаша эта имѣла видъ морской раковины, и Сидоній, въ своемъ стихотвореніи, говоритъ:

„Та раковина, въ которой Тритонъ носилъ Афродиту, не столько прекрасна, какъ эта чаша. Склонивъ же предъ нею, королева, свое прелестное лицо; чаша отъ этого станетъ еще больше блистательней.“

По изяществу языка, по граціознымъ сравненіямъ, это небольшое стихотвореніе можетъ выдержать сравненіе съ какимъ угодно мадригаломъ, принадлежащимъ вѣселии III вѣка.

Любопытнымъ памятникомъ, служащимъ намъ для познанія образа жизни тогдашняго духовенства, на время препровожденія, въ которомъ блещетъ свѣтлой славой съ духовнымъ и мирнымъ съ нѣмой, можетъ служить письмо Сидонія къ другу его Эристу. Уродливы св. Нема, епископа Лионскаго IV вѣка, въ присутствіи между двумя церковными сужденіями - утренней и вечерней - они занимаютъ время въ мечѣ, раздѣлившись на партіи, играютъ въ кости, импровизируютъ стихи и т. п. (Гизо, мелюзія III, стр. 69.)

Но скоро и въ другомъ отношеніи Апостолу Сидонію удалось выказать свой талантъ. Епископство Клермонтское, находящееся на границѣ двухъ варварскихъ міровъ - Бургундскаго, простиравшаго съ востока свои завоеванія къ вѣрши и в. Готскаго, часто подвергалось нападкѣ. Клермонтскому епископу пришлось еще ближе познакомиться съ варварами, къ которымъ онъ чувствовалъ отвращеніе и ненависть, соединенныя востраженіемъ. Это чувство происходило столько - же изъ антикратической гордости родителемъ Галло-Римлянина, сколько изъ сознанія своего чужеземнаго превосходства; но все это всего оскорбляла Сидонія грубость нравовъ и привычекъ германскихъ варваровъ. Условію, возросшему среди изнежаннаго и утонченнаго образа жизни вѣснаго круга, Бургунды и Готы,

явившиеся въ Талию, касавшиеся дикарства, каждаго посто-
 токъ которыхъ неприятно дѣйствовалъ на его извѣствован-
 нервы. Это враждебное чувство было тѣмъ сильнѣе, тѣмъ
 значительнѣе становилась роль варваровъ въ судьбѣ Рим-
 ской имперіи. Вотъ отрывокъ изъ его стихотворенія, которое
 онъ написалъ другу своему посылъ взятія Ліона.
 Какъ, ты предумѣлъ, чтобы я слышалъ стихи въ честь фресуки
 некой Діаны, я, среди толпы козлатогой варваровъ и выка-
 ся звуки Германскаго наречія, я, принужденный съ прияз-
 ной улыбкой расхваливать пѣсни, которыхъ поетъ об-
 ѣвшаго Турпунда, намазывая волосы тухлыми мас-
 лами. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего невозможно подража-
 ть. Моя муза отвергла шестистопные стихи съ твоей похв-
 лой, какъ видитъ шестистопный патронъ (роетъ въ Гору)
 Счастливый глаза твои и уши, я скажу даждь: скажи тебѣ
 обоняніе: десять Турпундовъ не оскорбляютъ его каждаго
 отрывка музъ и проклятаго асеноку. Титанты, которыхъ
 едва помѣтитъ кузнецъ Акинъ, не ложатся на сапоги
 раскаты къ тебѣ въ комнату, какъ будто ты драхмъ и
 ствѣнникъ изъ отца или изъ издѣлъ изъ Коринѣи. Поудѣ-
 мой муза дамошка, пошамъ въ эти дни немоими энде-
 касиладомъ, она доится, что изъ сохнутъ за сатиру.
 Еще хуже было его поощреніе со стороны Р. Ротомъ, отъ стра-
 ленія которыхъ овладѣть Сверхью онъ долѣе былъ зацѣпленъ
 свою Эпарію. Мы уже знаемъ, что многіе епископы станови-
 шись впереди войска и зацѣплены города свои отъ нападенія
 варваровъ. Таковыя явятся намъ въ этотъ новый періодъ
 своей жизни и Видоній Аполинарій. Много пришлось
 пережить лишений и трудностей, тѣмъ болѣе, что въ осадѣ
 дикомъ городѣ начался голодъ. Нѣсколько разъ отпрашиваясь
 отъ посылъ въ Римъ и наконецъ отъѣхавъ примѣлъ, но
 именно не такой, какъ ожидалъ епископъ. Киріакъ,
 зацѣпленный такъ долго и такъ упорно, выветъ

со всей Оверньою были уступлены Готамъ, съ условіемъ, что они прекратятъ непріязненные дѣйствія и не будутъ вести войну съ другими провинціями. По этому случаю Сидоній пишетъ языкомъ менѣе пылкимъ и риторическимъ, но болѣе съ тѣмъ болѣе сильнымъ и задумчивымъ: „Таково теперь положеніе этого несчастнаго клочка земли, что онъ менѣе пострадалъ отъ войны, чѣмъ отъ мира. Наше рабство сдѣлалось дѣльнымъ спокойствіемъ другимъ; в горе! Рабство Агверновъ, которые, если обратятся къ ихъ происшедшему, осмѣливались именовать себя братьями Римляне и ссорятся между народами, происшедшими отъ крови Иліона. Если мы обратимся къ ихъ настоящей славы, то увидимъ, что они, своими советными силами, обратили оружіе общаго неприятели; они, за своими стѣнами, не утрачивались приступомъ Готовъ и всеми ужасомъ въ пакища варваровъ. Итакъ, вотъ что заслужили мы, поселясь гонимы, пламени, жезловъ, заразы, варварская мечей.... Вотъ славный міръ, ради котораго мы питаемъ траву, вырванную изъ разсыпавшихся стѣнъ!

Въ этотъ періодъ своей дѣятельности Сидоній Апаминскій является предъ нами въ болѣе высокомъ и серьезномъ видѣ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Воодуше, его личность является весьма интересною для исторіи. Среди варваровъ этотъ замѣчательный человекъ сохранилъ преданій древней классической культуры, образованности, науки. Разумѣется, онъ былъ не единственныи: при варварскихъ дворахъ можно было найти многихъ знатныхъ и образованных Римлянъ, занимавшихъ видныя мѣста у Герианскихъ консуловъ. Изъ числа ихъ припомнимъ Авита Военнаго, оставившаго также свои сочиненія.

9. Краткій очеркъ исторіи Остготской и Лангобардской Италіи.

Намъ необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ про Италію при Ост-Готамъ и Лангобардахъ. П. о. мы дойдемъ до возвышенія королевства Франковъ, которыми досталось выполнить задачу объединенія варварскаго Эмменты, объединенія, окончившагося возстановленіемъ римской имперіи Карломъ Великимъ въ 800 году.

Власть Одоакра, виновника переворота 476 г., не могла быть прочна, такъ какъ онъ не опирался на компактную массу варваровъ, поселившихся, какъ уже извѣстно, въ разнѣнныхъ мѣстахъ Италіи. После раздѣла земель между варварскими легіонами, сгромавшая масса ихъ сгромавшая еще ментъ. Римское населеніе такъ же мало сочувствовало и трудно примирялось съ поселеніемъ среди нихъ земли презираемыхъ варваровъ. Даже самъ императоръ Восточной Римской имперіи (Византіи) не былъ доволенъ Одоакромъ и вскорѣ послѣдовавъ разрывъ какъ между варварскими и Римскими населеніемъ Италіи, такъ и между представителями власти - Одоакромъ и императоромъ Византійскимъ. Италія скоро досталась новому варварскому племени - Ост-Готамъ, той части Готовъ, которая, после переселенія изъ степей южной Россіи, имѣла предѣлы въ области Дуная, въ 4^{мъ} вѣкѣ до даже перешли на югъ отъ Дуная, кочевали въ Мезію своими набѣгами причиняли много хлопотъ Византіи. Во главѣ ихъ въ раздѣляемое нами время стоялъ человекъ, прославленный и исторіей, и народною сагою - Теодорихъ, получившій воспитаніе и образованіе въ Константинополѣ. Явившійся здѣсь первоначально какъ заложникъ, онъ проводилъ довольно долгое время въ римской столицѣ Восточной имперіи, познавшаго

ся съ римской образованностью, бисектом, цирками, театрами, изучивъ греческій языкъ и можно было надѣяться, что онъ не будетъ содѣйствовать уничтоженію Римской культуры и разрушенію античной цивилизаціи. Возвратившись къ своему народу, онъ былъ то въ дружбу, то во вражду съ Византіей, но въ походѣ противъ Италіи отправился съ толасіа и даже съвѣта императора Зенона. Такимъ образомъ Италія, побѣдилому, совершенно легальнѣе передавалась во власть новаго наместника. Начало похода 488 г. Числомъ было приблизительно 250 т., такъ какъ Витигесъ и Мотила могли выставить отъ 150 до 200 т. воиновъ послѣ большого увеличенія населенія. Борьба его съ Одоакромъ всякъ извѣстна. Нѣсколько лѣтъ, благодаря крѣпкой Равеннѣ, задерживался послѣдній; наконецъ въ 493 году борьба была окончена пораженіемъ Одоакра. Между двумя варварами заключенъ былъ мирный договоръ, но, какъ извѣстно, Теодорихъ не соблюлъ условій его: Одоакръ былъ убитъ и конунгъ Ост-готскій остался единственнымъ владителемъ Италіи.

Рассмотримъ теперь, въ какія отношенія сталъ новый побѣдитель къ италіанскому римскому населенію и къ императорской власти въ Визанціи? По отношенію къ населенію, положеніе его было довольно выгодно. Онъ не долженъ былъ отнимать земли у Римлянъ для раздачи имъ своихъ единопомѣнниковъ, такъ какъ прежде жившіе въ Италіи Германцы получили уже свои надѣлы отъ Одоакра, между с. готами же были раздѣлены участки мелкаго варварскаго племени: Геруловъ, Сиродъ и друг. Такимъ образомъ отношенія его къ Римскому населенію Италіи съ перваго раза принимаютъ мягкій, миролюбивый характеръ.

Что касается до отношеній его къ Визанціи, то

они были фальшивы, основанные на страхе, жиро-
 росте и недовольстве. Формальным образом Теодерих
 всегда высказывал почтительную покорность Визан-
 тию и императору, давшего частное дарение с ним
 мир и на долгие, сохраняя официальный характер
 наместника Западной Римской империи. Все это вы-
 ражалось и в некоторых частных явлениях. Так
 напр. он никогда не чеканил автономной золотой
 монеты, так что от его времени до нас дошли то-
 ко серебряные монеты, но и на них только на ревер-
 се была изображена монограмма Теодериха. В фор-
 мальной точке зрения, в теории, империя сегодова-
 тельно, не переставала существовать. Но практика
 не вполне сходилась с теорией. Опираясь на большую
 народную массу, Теодерих считал, вследствие этого,
 и большую силу. Наместник империи, он был вы-
 ступил от тьмы полновластных королей своих много-
 численных О. Готов. Свои собственные существенные ин-
 тересы он защищал с оружием в руках, так что
 иногда Готы вступали в борьбу с империей и с
 Византией и была склонна считать О. Готы своими
 наемными войсками, однако же сила вещей заставля-
 ла ее считать войну войной, а не простым бунтом.
 Так, когда император Анастасий хотел расши-
 рить свою власть на восточных границах владений
 Теодериха, то О. Готский король, с сохранением
 всякой учтивости в письменных сношениях, про-
 тавопоставил ему свое войско. Могло также быть
 и в дель Мундо, выдававшего себя за потомка
 титов и принявшего титулы короля, хотя это
 были скорее предводители большой разбойничьей
 шайки. Когда он был вытеснен имперскими

4. По сведениям Такиана, число О. Готов, способных носить
 оружие, равнялось 250.000. Число это было сравнительно довольно
 мало

войсками, то полководец Теодориха объявив его со-
юсником своего короля, и когда Византия не обрати-
ла на это внимания, то Теодориха разбил войска
из вассалов славян, болгарскими и готовскими. Такими
образом, поддерживали и национальное сознание славян
своих. С. Готтфрид, что всегда мог защитить самих себя.
И в других отношениях, положение его было весьма
выгодным: под его властью находилась вся Италия.
В то время существовали другие варвары - Вестго-
ты, Бургунды - славившиеся тем, что они были ухаж-
ликами, случайно, всех вконец, Теодориха заблаговременно ссудил
ригорией похитителей, под властью его были обитатели
Готия, Норик, Рация, Истрия. Такими образом он имел
возможность поддерживать сношения с внутренними
варварскими племенами, напавшими на Дунай и это
являлось также для него силой, подобно тому,
как то было и для империи славян. Теодориха
пользовался этим положением и держал его.

Благодаря этой географической близости к варвар-
скому миру соседней Германии, он посылал и посылал
но преследовал одну задачу: объединение германского
влияния с Римскими, проведение среди германцев
культуры и Рима и подчинение варваров.

Эта его политика особенно важна и ин-
тересна для нас. Политика его имела водило мир-
ный характер - и в отношении к Византии, и
в отношении к другим соседям. Теодориху уда-
лось, путем мира, славою своей мудрости и своей
силы, приобрести некоторого рода вассальные
протекторат над весьма значительными герман-
скими племенами. Ближние и отдаленные герман-
ские племена вступают с ним в дружеские

*) В это время Болгары в первый раз появляются
в Европе.
60 л. исп. средн. отцов

связи, признаютъ за нѣкое право посредниче-
ства и суда. Теодорихъ ревностно старался скрѣпить
эти связи родственнымъ союзамъ, путями усынов-
лений, почетныхъ посольствъ и щедрыхъ подарковъ.
Завоеваній онъ не имѣлъ въ виду и перманентной тя-
жести Дириха Веранскій (какимъ рисуетъ его народная
сага) былъ въ сущности весьма мирный король; онъ, ви-
димо, созналъ общность интересовъ вѣств Германскихъ го-
сударствъ того времени и постоянно старался поддер-
живать между вѣстами миръ.

Целью его при этомъ была одна — распространение бла-
годѣній мира, правового порядка и культуры, благород-
ныхъ преданій римской образованности. Онъ и его вѣствы
предсказывали посредничали при передачѣ античнаго
образования единичными — варварами —; соответ-
ственно тому срединному положенію, которое О. Тот-
ское государство занимало между Имперіей и Герман-
скими племенами.

Взглядъ этотъ постоянно выражается въ почитаемыхъ
перипетяхъ Теодориха, сохранившихся у Кассиодора. Посто-
янный былъ знатный Римлянинъ, подобно многимъ своимъ
соотечественникамъ, наладившимъ при дворѣ Вост-
скаго короля; онъ занималъ здѣсь нѣчто въ родѣ долж-
ности нашего министра и государственнаго секри-
таря. Теодорихъ диктовалъ ему обыкновенно все свои
писыма и распоряженія. Кассиодоръ въспомогатель-
но все это и издавалъ сборникъ подъ именемъ *Vagius*
(*Crispinae*), весьма драгоценный для знакомства съ
характеромъ и идеями Теодориха. Впрочемъ, здѣсь
необходима оговорка. Пользуясь для характеристи-
ки Вост-скаго короля разными именами изъ
Кассиодорова сборника, мы не должны забывать, что
имѣемъ мы нѣчто не прямо съ короля, чи-
таемъ не то, что онъ продиктовалъ, а то, что напи-
салъ его министр, — при томъ не просто министр, а

уже императоръ, вышедшій изъ риторической школы и наболевшій большимъ удовольствіемъ кетамъ нехотѣти выставлять на видъ свое риторическое искусство и школьную мудрость. Но все это касается только формъ и изложенья, а не самаго дѣла одобрительныхъ актовъ, выражавшихъ, конечно, наипрекнѣе королю. Судя по этимъ документамъ, въ Готскомъ государствѣ съ гордостю сознавали свою противоположность съ грубыми королями другихъ варваровъ, которымъ приходилось поучать праву и справедливости.

Теодерихъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ пословъ: „Мы противостояли королямъ, какъ равноправный или противникъ (non iuram assessor); посланный нами, ты показай нашу справедливость даже и тѣмъ, которые въ грубомъ упорствѣ едва-ли могли понимать какія-либо разумныя внушенія. Не утратило тебя королевское достоинство, которое отъ противоречія возгорается гнѣвомъ: ты покорился насъ дерзости итти (заставили преклониться передъ требованіями итти) и потерпѣлъ насъ, сознавая до того, что они послѣдовали вѣнчанію на насъ.“

Посылая свою пишанницу, какъ невесту Тюрингскому конунгу, Теодерихъ выражаетъ пожеланіе: „Пусть она познакомятъ вашъ народъ съ лучшимъ образомъ жизни. Счастливая Тюрингія будетъ обидать дѣвицею, которую воспитала дачская Умалія во всякой наукѣ и въ добрыхъ нравахъ. (Literis doctam, moribus eruditam).“

При посольствѣ часовъ (водныхъ или песочныхъ) Тундобинду Бургундскому, Теодерихъ пишетъ: „Пусть онъ знаетъ у себя дома, что некогда выдалъ въ Римъ Подъ его властью Бургундія должна познакомиться съ самыми родными чудесами искусства и научиться изъ-

шить изобретения древних. При содействии своего ко-
роля Бургундский народ поет отмошительный варвар-
ский обряд (*proprium gentile*). Но, что для нас, Го-
тов, ежедневность, поет Бургундк слагать о себе.
Такими врасомы Готы противопоставляются осталь-
ным варварам (даже Бургундам) в силу своего зна-
чества с кийтурсой Римом.

Медовиану Франкскому отъ отправляет какой-
нибудь (*сѣтхалоедѣм*) и говоритъ о Родуи, который
долженъ быть исполнитъ это поручение: „Пусть
Родуи будетъ Орденъ и своими сладкими пѣсн-
ми смягчатъ грубой душой варваровъ. Слова эти ко-
нечно замѣтательны, потому что исходятъ отъ вар-
вара-же. Особенно замѣтается Модериусъ темъ, что
онъ разносторонне вѣдетъ, даже среди чуждыхъ пи-
сменъ миръ и господство закона, римскую дисципли-
ну, такъ что вводитъ въ обиходъ рѣшать каждый
споръ и споры на своемъ оружьи, (мечинкомъ), какъ у вар-
варовъ, но по пути права и по разуму. „Мы смягча-
емъ нравы чуждыхъ народовъ, подчиняемъ ихъ зако-
ну. Словъ въ итальянск. означаетъ признание Римскаго
права: *extergium gentium mores sub lege moderamus*
juri citatio legit quicquid sociatur Italiae.

Онъ противопоставляетъ свою гордость въ томъ, что онъ, пи-
сменъ античной государственной практики, управ-
ляетъ своимъ государствомъ подобно Римскому им-
ператору, а не какъ варварскіе короли, даетъ вѣсть рѣ-
шать споръ и споры не какъ варвары частной войною
и самопомощью, но по закону и праву.

Это самая существенная основа его правительствен-
ной системы — работа о мирѣ и въ усмирении вся-
каго раздора вместо насилья — словесныхъ *Verbis potius*
non armis causa tractetur — пусть тяжба рѣшается
лучше словесными составленіемъ, а не оружіемъ.
При антипатии Римлянъ и Готовъ, которая

ко могла раздуть вялые хаотичные столпнотвеніе
въ опасное смятении, при трудности обуздывать Готы
и старая на привычки, задача охранения мира и по-
рядка была столь же важна, сколь и затруднительна.
Обращаясь къ своимъ варварскимъ (не Готамъ) подданнымъ
въ Галліи, онъ говоритъ: „Зачѣмъ вы пребываете въ
недоретву, когда у васъ есть суды, недоступные для
покупки? Гдѣ же можно искать мира, если допускать
Бои и подѣ властью самой гражданственности
(sub civilitate regnabit). Подразжайте нашихъ Го-
тамъ, которые на войны сохраняютъ мужество, до-
ма- послушаніе закону.“ Но приаутилось и Римля-
намъ въ Италіи уплатить подобныя увѣщанія....
„Отбросьте худшее обаяніе, не усвоивайте себѣ дур-
ныхъ пороковъ, которые, какъ видите, даются и дру-
гимъ (варварамъ) отбрасываются.“
За то съ другой стороны онъ считалъ себя въ правѣ
хвалиться своимъ Готамъ: „Среди извращенныхъ бы-
хавъ варварскихъ народовъ они обнаруживаютъ
свою любовь къ справедливости и закону, и заслужен-
ли двойную славу тѣмъ, что усвоили Римскую разу-
мность (prudentiam) и сохранили первоначальную доб-
лесть (virtutem gentium).
Такое господство порядка, подѣ которыми они жи-
вутъ, подчиняясь закону и суду, есть civilitas, по-
ти то же, что наша цивилизація. Король-ауторъ
civilitatis- виновникъ и защитникъ господства прав-
ды, образования и разума. Поддерживая свое значеніе,
утверждая свое вліяніе среди варваровъ, Теодерихъ
особенно во имя этой civilitas подѣ своимъ правед-
нымъ протекторатомъ старался объединить Кри-
стианство, приводя ее въ связь съ тѣмъ въ связь съ христіан-
ской цивилизаціей- Римской. Но осуществленіе этой задачи
выпало не на его долю; оно улетѣлось молодымъ, готско-
бымъ материалистическимъ, болѣе широкимъ, не об-

давшими вовсе иным идеализмом, который был при
едем знаменитому королю Ост-Готам-Франкам.
Много препятствий встрягали Теодерих на своем
пути. Тот, вооруженные защитники Римского обще-
ства, несмотря на все проповеди короля, вели себя
весьма часто как воики, которым поручено было
ранять стадо. Не довольствуясь своими тремя, ко-
левскими посылками и дарами, они захватыва-
ют оставшиеся Римскими земли, отбиваются от
налогов, которые тем же с большим таинством на-
дуть на бедных и бедных. И Римское насе-
ние неспокойно: ему приходится напоминать, что
возмания и величия не идут к Римской граде,
(солидност); а еще хуже того то, что Римские чинов-
ники, главные помощники государя, поизумлены сво-
ей властью на это, а не на благо подчиненных; мы
постоянно читаем о вымогательствах, насилиях, кра-
жмах. Независимо от всяких племенных рази-
тий, на всех концах государства слышались жало-
бы на людей сильных. Местные суды и чиновники
не в состоянии добивая повиновения и исполнения
своих приказаний; постоянно приходится искать по-
мощи графа, весьма часто помощь может один то-
ко король. Вообще положение Теодериха в борьбе с
этими толпами мелких сопротивлений было все-
ма тяжелым. Никто в частности не мог соперничать
с ним; все вместе не старались соединиться, чтобы
ограничить его волю: но все врозь думали, что ко-
роль ненавидит и пренебрегает. Но главным препят-
ствием его давным стремлениям является уже
известный нам религиозный антагонизм Готам-
ариан и католиков-Римлян. Теодерих, ослепленный
быть посредником между античной культурой и
варварскими мифами, сам не мог долго остаться

(См. Византизм: Происхождение феодальных отношений в Кон-
стантинской Италии).

въ мирѣ съ религиозно-противоположенными Римскими населеніями. Опять было Ульрихомъ, въ сущности благоутробное, оказывалось пошлой еще более великому другу слиянію двухъ враждебныхъ друзей другу міровъ. Пока еще на византийскомъ престоли сидѣли также непривѣрные императоры, Римъ пассивно подчинялся аrianу Теодорику. Но вотъ совершается въ Византии династическій переворотъ; на престолѣ династія Юстиніана, Юстиніана, ревностныхъ посылдователей Никейскаго исповѣданія и переворотъ этотъ сразу чувствуюся и въ Италіи. И Теодорикъ, подозрѣвавшій въ италіи своихъ придворныхъ, быть можетъ, не всегда былъ правъ, быть можетъ, сносаясь съ Византией, они и не мыслили объ италіи, а просто, невольно были привлекаемы туда религиозными симпатіями. Какъ-бы то ни было, но эти сношенія насъ съ Восточной имперіей сдѣлали Теодорика подозрительнымъ; недовѣре и подозрѣнія его привели къ погубленію лучшихъ друзей и советниковъ осыя пленнаго короля - Готизія, Симмаха и др. Теодорикъ не дожилъ до столкновенія - оно было рѣшено его преемникомъ. Плоды трудовъ Теодорика по образованію и цивилизаціи Готовъ выразились въ весьма отрадныхъ литературныхъ явленіяхъ въ средѣ самихъ Готовъ. Не говоря уже о Симмахѣ, Готизіи, Кассіодорѣ - Римлянахъ, жившихъ при дворѣ Вост-Готскаго короля - являютсѣ у насъ и писатель, варваръ по происхожденію, принимавшій себя

и при изученіи Вост-Готскаго и Ломбардскаго періодовъ италіи поедиными пособіями могутъ служить следующие сочиненія:

Кудравцевъ. Судьбы Италіи.
Грановскій. Италія подъ владычествомъ Вост-Готовъ, Ломбардовъ и Франковъ. Рецензія на книгу Кудравцева, полн. собр. соч. т. I.

Виноградовъ. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Ломбардской Италіи. СПб. 1880.

52.
Въ Готскомъ народу и происшедшій изъ знатной
фамилии, родоубенной въ королевския роды Аммаловъ.
Горданъ или Горнардъ, сочинилъ котораго, de Gestis Gothi-
cane et rebus gestis, счислится главнѣйшій исторический
исторіи Готовъ. Въ настоящее время историческій та-
лантъ и способности его не позволяютъ особеннымъ убо-
женіямъ; онъ всѣмъ трудомъ и работами писалъ на ла-
тини, а по гречески почти вовсе не читалъ, и въ своей Го-
тской исторіи въ ея части пользовался сочиненіемъ
знаменитаго Кассіодора, не дошедшимъ до насъ. Исторія
Готовъ Кассіодора была написана съ особой тенденціею.
Нужно было сличить разсказаніе между славянскихъ, крѣп-
кими, но все еще варварскими въ массахъ Римлянъ Гот-
скихъ народомъ и Римлянами, гордыми своимъ обра-
зованіемъ и своею исторіею. Эта руководящая мысль и по-
литическая увлеченность Кассіодора нами себя выра-
женіе и въ его сочиненіи. Этой цѣли послужила его
нравственность: что Готы и древніе Готы, всѣмъ часто упоминае-
мые въ древней греческой исторіи, представляются дан-
ти тотъ-же народъ — это было тогдашнее мнѣніе; но никто
еще не пытался объяснить связь и родословную, которую
Готы производили Готы. Кассіодоръ это сдѣлалъ: онъ счи-
талъ историческія преданія Готовъ, содержание ихъ нѣско-
лько тѣмъ обвѣнчанъ о Гетахъ, которыхъ онъ находилъ въ
сочиненіяхъ Греческихъ и Римлянъ; а такъ какъ и Готы на-
равны съ Готами назывались у насъ у насъ перько
Скандинавскими, то онъ прилежалъ къ тому всю исторію
Скандинавскихъ и датскихъ преданій въ Готскихъ
исторіяхъ. Готы нашихъ обрѣзовъ являются всѣмъ древ-
нимъ народомъ, а такъ какъ Готы родъ — Аммаловъ — предан-
ны приписки имъ Гайнрихъ и Витмаркъ. Древности
Готовъ и ихъ предполагаемое родство съ Гетамъ до-
ны были нѣсколько примирить Римлянъ съ варваро-
мъ настоящего положенія: надъ ними властвовали
но какіе нибудь варвары, а очень благородные потомки

древняго и славнаго имени. Изъ сочинений Кассиодора дѣ-
лалъ извлечения и Горданъ; по нѣкоторымъ указаніямъ въ
но, что книга была дана ему на время шотхъ торжествъ
и часто подрезано дѣлалъ изъ нея свои извлечения; отъ себя
онъ придрѣлалъ начало и конецъ и кое-какіе новыя из-
вѣщенія изъ греческихъ и латинскихъ историковъ. Рубо-
водящая мысль, однако, принадлежитъ самому Гордану.
Онъ всецѣла интересенъ для насъ съ стороны его собствен-
ныхъ взглядовъ. Живя во время борьбы Готтовъ съ Визан-
тіей, онъ, какъ это ясно высказывается въ его сочиненіи,
отдавалъ все свои симпатіи Византіи. По его собствен-
ному выраженію, онъ писалъ не для того, чтобы возвысить
славу Готтовъ, а славу побѣдителя (Нестиніана). Побѣдѣ
ему, его можно было-бы заподозрѣть въ недостаткѣ патри-
стича, но это заключеніе было-бы черезъ чуръ поспѣши-
тельнымъ его къ Византіи. Были тѣ-же, которые мо-
лились и у самого короля Теодориха. Царя Римской
Имперіи, столь древняя, столь пріемимая даже варварамъ,
заставляла даже и писателя какъ отдавать должную
честь Византіи, какъ представителю ея. И эта доб-
лестность-патріотизма и уваженіе къ имперіи-на-
ко не смѣшала Гордану съ темнотою и одушевленіемъ
говорить о храбрыхъ подвижникахъ своихъ
соотечественниковъ.

Борьба Готт-Готтовъ съ Византіей известна уже изъ
общаго курса исторіи. Нестиніанъ, императоръ Восточной
Римской имперіи, не довольствуясь полнѣйшею властью
на Западѣ и желая возстановить тамъ свое фактическое
вѣновство, началъ борьбу съ Вандалами; во время этой
борьбы, происходившей въ Африкѣ, поведеніе Италіи возму-
щало недовольствіе Византіи и во время царствованія
Амаласунты Р. Готской (матери малолѣтняго Ама-
лариха, сына Теодориха), возгорѣлась кровопролитная
война. Съ 30-го лѣта (съ изобилиемъ перемѣнъ) началъ
эта война, упорная, ожесточенная, безпощадная; въ

221.
бородь ея войсками Византии, предводительствуемыми
генеральными полководцами. Велизаріем и впоследствии
Нарсесом - была наконецъ сломлена сила грозившии осущ-
ствившихся Готовъ; они были побуждены или лучше сказать,
уничтожены тѣми имперскими войсками, которыхъ сосре-
лены были изъ различныхъ народностей: Славяне, Гепиды, Ан-
гобарды и друг. составили контингентъ этихъ войскъ, во-
вратившихъ западъ подъ фактическую власть Римскаго
императора. Италия перешла подъ управленіе Экзарха,
имѣвшаго свою резиденцію въ Равеннѣ; первымъ Экзар-
хомъ былъ назначенъ побуждитель - Нарсесъ. Но Италия, впр-
чемъ, недолго оставалась подъ властью Римскаго импера-
тора: ее постигла новая участь, новое варварское нападе-
ніе; , какъ-бы въ возмездіе за старую пошлость Рима,
которая, не зная усталости, переносила власть свою
отъ одного народа на другой, Италии то-же суждено было
въ продолженіи очень длиннаго періода переходить изъ од-
ныхъ рукъ въ другія. " (Кудрявцевъ, Судьбы Италии, стр. 34).
Съ 568го года Италия явилась подъ властью Лангобардовъ.

Лангобарды, подвигаясь по Дунаю, достигли Панноніи и
здесь имѣли постоянныя сношенія съ Византийскими
императорами, которые пользовались ихъ помощью въ
борьбѣ противъ враждебныхъ имъ союзцевъ. Живя еще въ
Венгріи, Лангобарды истребили Гепидовъ, сталкивались
съ Аварами и вообще, вели многочисленныя войны. Вспомо-
гательство своихъ связей съ Византией, они получили и въ Италию,
сдѣлавши союзниками въ арміи Велизаріуса и Нарсеса и
съ перваго взгляда покарани себя очень грубыми, жестоки-
ми, свирѣпыми варварами.

Въ 568го году они явились въ Италию уже какъ само-
стоятельные завоеватели подъ предводительствомъ
своего короля Альбоина, устроившаго у себя на
Дунаѣ сильную центральную власть. Византийскій
*) (см. Прокопъ, De bello Gothico.)

войска, съ которыми имъ пришлось бороться, скоро были по-
 бѣждены; Лангобарды овладѣли вѣрской Италией до р. По и
 адвѣсь, встрѣтивъ сопротивленіе у Павіи, на 3 года были задержаны;
 въ продолженіе этого времени они разорили подчиненную
 имъ страну и прочно устоявъ въ ней. Въ то же время отдѣль-
 ные толпы Лангобардовъ двигались вънутрь страны и еще пре-
 жде, чѣмъ Альдоина завоевалъ область на югъ, которая въ послѣд-
 ствіи составила герцогство Беневентское. Послѣ взятія
 Павіи, самъ Альдоинъ еще долго вѣять часть съ-верной и
 средней Италиі, но, несмотря на продолжавшіеся отдѣль-
 ные движенія Лангобардовъ по полуострову, имъ все-таки
 удалось захватить всей Италиі, какъ это дѣлалъ О. Го-
 ты. Въ вѣласти ихъ остались: Венеція, укрепленная
 Равенна съ Пентаполисомъ, проетранство земли отъ Ре- бен =
ны до Анконы, Лигурійскій берегъ (Лигурія, Генуя), тер-
риторія Рима и Неаполя, Апулія и Кампанія (южная
 часть полуострова); кромѣ того, подъ вѣдѣніемъ имперіи
 была Перуджерія, крепость, служившая соединительнымъ
 пунктомъ между Равенною и Римомъ. Слѣдовательно,
 вѣдѣнія Лангобардовъ занимали преимущественно
 центръ и протягивались узкой полосой земли, что, какъ
 увидимъ ниже, имѣло особое значеніе для судьбы Рима
 и Равенны. — Отмѣтимъ здѣсь отмѣнительно, что
 ту Лангобардскаго завоеванія жестокость и свирѣпость.
 Ариане, даже часть язычниковъ, поклонявшихся Одиному
 другимъ германскимъ богамъ; Лангобарды по характе-
 ру своего завоеванія были сходны съ Саксами. Видно
 съ ними пришли даже по достовѣрнымъ свидѣніямъ,
 юный отрядъ въ 20000 т. Саксовъ, изъ тѣхъ конечно Саксовъ,
 которые остались, послѣ вторженія своихъ родичей въ
 Британію, на материкъ. Язычники Саксы и язычники
 Лангобарды, очевидно, вовсе не были расположены изагнать
 Римскую вѣртуру, храмы и монастыри, явившіеся въ
 то время главными разсѣдниками проевангеліи.

3 Между Лангобардами даже въ 17 в. встрѣчались язычники

При образовании престола Беневентского, они потребовали
милосердия монахов Бенедиктинского ордена, и самая по-
ропация всех этих монахов - Монте-Кассино, была разру-
шена. Милосердие епископских кафедр было уничтожено; по-
тому, при приближении Лангобардов, многие епископы остав-
или свою паству и спасались в другие города от неистовых
варваров; так, архиепископ миланский Гонорат, оставив
свою паству, убежал в Геную. Все это, объясняется решимы-
м разобщением Ариана Лангобардов и католиков. По-
этому, той же причиной, которую воздвигли варвары
различные происшествования их. Кроме того, припомним
еще, что Лангобарды, в противоположность другим вар-
варам, явились в Италию без всякого знакомства с рим-
ской культурой. Вест-Готы, жившие в Паннонии и Мезии, В.-
Готы, Бургунды и другие варвары приносили уже ранее свои
наступательные действия в столкновение с цивилиза-
цией Римской империи, проникались уважением к самой
идее ее, к высоко-развитой культуре своих врагов. Лан-
гобарды явившиеся в Италию своими, дикие, невоспитанные
Римскими влияниями, не проникнутые идеей величия
вечного города и поэтому - то завоевание их имело бо-
лее разрушительный характер.

Альбоин Лангобардский умер в 573 году; ему наследо-
вал (по избранию) Клеф, царствовавший только 1 1/2 года.
потом идет инициальная попытка королевых ви-
стов того, чтобы избрать одного верховного вассалитета,
они поручили власть некоему архиепископу. Но она была
которая прошла лишь вновь со стороны Византийского
императора Маврикия и союзников его франков, снова
заставила их придти к централизации власти
и коронный восток избрал Аутари, царствовавший
от 584-590 гг.

Ветеран эпохи 36; Павел Диакон для ровного счета
говорит, что он был 30 и даже называет его 30-тилетним

Перейдем теперь къ вопросу о томъ, какъ поставили въ Лангобардах по отношению къ покоренному ими иному населению Италию?

Мы уже видели, что характеръ этого завоеванія отличался жестокостями; рассмотримъ теперь ихъ отношения къ Римлянамъ, постараемся разобрать, оставили ли они прежнее управление, законы и къ какому сословию были приписаны завоеванные. Вопросъ этотъ по отношению къ Лангобардамъ имеетъ особую важность и вытекаетъ изъ многихъ трудностей. Неисходимъ прежде всего разсуждать, признавали ли Лангобарды личность права и территориальность его. Одинъ германскій ученый (Savigny) на Лангобардахъ доказываетъ непрерывность существованія Римскаго права во все время империи. Но если существовало это право, то кто же оно принимало, кто судилъ въ это время? Если были судьи Римскіе, то, следовательно, были и муниципіи, какъ имѣло судья. Показавъ въ историческихъ связяхъ непрерывное существованіе этихъ муниципій, мы этимъ самымъ подтвердили бы теорію того учения, которое коммунальное устройство городовъ въ Средніе вѣка приводитъ въ связь съ преданіями муниципальнаго Рима. Если бы портъ еще учение, впрочемъ, не пришло къ окончательному разрѣшенію этого спорнаго вопроса. Существовали три школы, изъ которыхъ совершенно въ немъ разошлись. Для одной учения завоеваніе 569 года мало произвело измѣненій въ Италию, оставило за ней Римскій характеръ, оставило Римскому населенію свободу, большую часть собственности и самостоятельное право, даже не разрушило римскихъ муниципальныхъ учрежденій, однимъ словомъ имѣли обложку, не тронувъ верна. Эта школа, т. е. признаетъ отчасти

Главный представитель этого взгляда является Savigny. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. I, 112-21.

958
существование Лангобардов и Римлян.
Для других суровое, беспощадное Лангобардское завоевание
может быть сопоставлено по своим последствиям
только с завоеванием Англо-Саксов: оно также привело
к полному падению туземных учреждений и
почти полному порабощению туземного населения.
Завоеватели не только не оставили Римского права и
порядка, но обратили население в полу-рабское подданное
состояние. На всей территории Западной Римской империи
началось господство германского права, которому дог
ны были подчинены и Римляне. Согласно этой
теории, позднейшее коммунальное устройство не имеет
никакой связи с древними Римскими учреждениями.
Третьи, ^{xx}наконец, отнекивали средние территории
между двумя противоположными мнениями, стоя
ли за полную свободу Римлян, хотя и признавали
разрушение Римских учреждений. Теория эта впр
чем не имеет особого научного значения. ^{xxi}

Чтобы хотя несколько уяснить себе этот спор
ный вопрос, обратимся к Таблице Диакону, который
два раза упоминает об отношении Лангобардов к подв
Лангобардов к подвощенным. В первый раз он
говорит об этом, описывая события после убий
ства Клефа. При герцогах, захвативших тогда

^{xxi} Взгляды эти отразились и в русской исторической литера
туре. Пудравцев в вышеупомянутом сочинении высказался
в пользу 2-й теории. Грановский отдавал предпочтение
Lodigiu.

^{xxii} Leo. Geschichte von Italien. I, кн. 2. гл. I, 3. Carlo Troja. Della condi
zione de' Romani vinti da' Langobardi. Edizione seconda con osservazioni di
Francesco Reggionico. Milano, 1874. и ^{xxiii} Feyerh. Geschichte der Städtever
fassung von Italien I, гл. 3.

^{xxiv} Schupfer, Institutione politiche Langobardiche, кн. I. гл. 2, 3, 4.
Bethmann Hollweg, Civilprocess IV, 59 и некоторые итальянцы:
Fossati, Gino Carponi, Pietro Capei.

власть, многие знатные Римляне были убиты из-за
 ревности, остальные же раздвинуты были между гостями
 так, чтобы они платили одну треть своих продуктов
 лангобардам и т. об. они сданы были в трибунарии
 ями. Reliqui vero rex hospites divisi ut tertiam partem sua-
 rum frugum Langobardis persolverunt, tributarii efficiun-
 tur. — После десятилетия господства герцога, королев-
 ская власть была возстановлена (ср. воззвания Аугусти-
 на), а последние и осмелые отклонения подверглись новому
 измышлению. Павел Диакон говорит по этому поводу: «После
 возстановления королевской власти, герцоги, которые тог-
 да были, половину своих владений передали для коро-
 левскаго употребления, чтобы король имел средства, к
 куда-бы шло кормить себя и тех, которые к нему
 были привязаны и состояли в отношении к нему в са-
 мом подчинении по разным должностям. А народ,
 отягощенный, распределен был между лангобардскими
 пришельцами. Porro tamen ad gratiam rex Langobardis
 hospites partivitur».

Устранить разногласия и искусственная и натяну-
 тая толкования и приняв за исходную точку объясне-
 ния связь между двумя приведенными текстами,
 мы можем остановиться на следующих заключениях
 одного из новейших исследователей этого вопроса,
 русского молодого ученого, г. Виноградова.

Неоспоримо, говорит он, что в обоих случаях дело
 идет не о случайных захватах и не о мести, а о
 правильной процедуре, касавшейся всего рим-
 ского населения, или, в ином случае, земельную ответственность.

Из сравнения обоих текстов, между прочим, очевидно, что
 роль partivitur употреблена Павлом Диакном в стра-
 дательном, а не в действительном значении (равно как
 si первого отрывка) и этим же путем устраняются раз-
 ные неправильные толкования.

100.

Истина, в первом Боге подробно описана, Павел
Диакон говорит как будто только о знатных людях
(nobles), но упоминает об остальных, подтверждая ра-
дость, что называется, что имели в виду тридцатый
класс; такого рода высший класс с определенными и
существенными признаками составляли как раз зем-
левладельцы, так как их было и не особенно много, и
они играли самую видную и ответственную роль в
римском обществе. Раздолье, направленный против
землевладельцев, непосредственно затронул и все осталь-
ное сельское население, зависевшее от землевладельцев.
Осудить купцов и ремесленников, а также дворянство и
иные, Павел Диакон упоминает и мы не знаем, ка-
саются ли их сколько нибудь имущественные герцоги и
Аутари, или нет. Во втором, несомненно, что в
раздолье попадала не просто советничество Римляне, а
они сами. Таковы обиды слышат обоим отрядам и с
этими отрядами гармонизировать отрядами выраже-
ний: *ignati, friditi, tributarii, hospites*. Последнее
обозначает не мизер, получивших часть чуждого им-
ущества, а гостей, постояльцев, квартирантов, содву-
надесять варваров, которым представлено невольни-
чество в чуждом хозяйстве, право на часть откуп-
ной доходу.

Затем следуют недочеты и вопросы: если оба
раза раздолье совершалось на одинаковых основаниях,
если второе описание, по своей краткости, как бы ука-
зывает для разъяснения на первое, зачем тогда
зачем вообще понадобился второй раздолье? Выходит
вызван не введенный в дело новый принцип, кото-
рому не сказано ни слова, а фактически пересмотр
имущественности прав, одним из последствий кото-
рого было выделение король половины герцогских земель.
Как сложилось вследствие раздолья личное хозяйство
Римляне и как была велика их зависимость от него.

Лангобардов? Именно на этот вопрос. Саксонский вопрос наших
 два. И то и другое отрывка не дают нам вполне ясно-
 го ответа. На основании их можно сказать только, что
 Лангобарды не были обращены в рабство, потому что тогда
 Лангобарды не были бы названы их *hosites*, а *domini*
 (domini), что, с другой стороны, Римляне не сохранили
 полной свободы, потому что тогда и то и другое не упо-
 требили бы относительно их выражения, *tributarius*
fiscus или *fiscus*. Между тем, эти определения характера
 зависимости зависят весьма много: с ними связано
 определение о всем гражданском положении завоеванных,
 о судьбе их права и учреждений.

За несомненно прямых свидетельств, необходимых
 рабства к косвенным и позднейшим. Внимание
 должно при этом естественно обратиться на два ра-
 зряда фактов: на быть зависимых людей различного
 рода могли сохраниться следы происхождения семьи
 в классах; на быть Римляне, упоминаемые в по-
 позднейших свидетельствах, могли сохраниться следы
 их зависимости.

Весь почти исследователем признается, что образова-
 ние класса т. назыв. *tertiarii* в *Terre di Lavoro* об-
 ясняется подчинением римского населения этой про-
 винции области между германскими Беневентом и
 Неаполем. В самом деле, к ним примыкают все
 выражения, которые употреблены Павлом Диакном по
 поводу разгрома римского населения. Уже само слово
tertiarius совершенно соответствует термину *tributa-
 rius* qui *tertiam partem suam fructum resolvit*
 данник, который платит часть своих плодов.
 Равносильно с ними употребляется название *hosites*; у
 Павла Диакна или обозначены завоевателями; но во всегда-
 шнему двойное значение, указывало и на гостя, и на хо-
 зяина, и на советника, и на помещенного у него со-
 дака. потому что должно было выразить именно взаим-
 ность. Ист. Средн. Век.

102
ность отношений. Права лангобардских и неаполитан-
ских владетельцев, которыми служили терциаторы, основан-
ны на принципе частной советственности, а на праве всего ту-
чества лангобардов (Беневентских, Конечных) и всего войска
или государства Неаполитанцев. Великие владения нази-
ваются: триумфами совершенно также, как и звание наго-
лы, вышедшие из завоевания. Но трудно также объяснить
себя, почему именно в этом случае Италия особенно сего
сохранившая следы порядка лангобардского завоевания.
Оно встретилось тут с силой Неаполитанского суро-
ства и в советствии было вполне справилось с ним;
при окончательной организации так называемой Ли-
бургии пришлось допустить в дело Неаполитанцев
и затем постоянно поддерживать сложившиеся отно-
шения с помощью трактатов и международных
договоров. Присутствие нескольких заинтересованных
и договорное закрепление прав должно было особен-
но содействовать выяснению и поддержанию порядка,
установившегося при завоевании.
В каком-то из положений наследия эти терциаторы
в которых мы в праве предполагать остатки
сословия Римских советников? В VII веке Это
не более, как оброчные крестьяне-сенси-лес-потипес, та-
ланги, которые служат своим неаполитанским лан-
гобардским господам. Но что существенно важно, что
отражает нас вполне тот рабство и законы, и особен-
но авторитет в полноте происхождения от римских
советников - они не прикрываются в угрожающей
Параграф 12-й договора Аригиза показывает, что
терциаторы сохраняли свою личную свободу и мо-
ли, в случае призыва, идти, куда глава ста-
да. Конечно, фактически они были крепко связаны
действительностью, которая давала им пропитание; едва ли они
имели право увести с собою чуждого, а потому на
трактатах они должны были довольствоваться своим
названием сложившимся положением, но юридически они

кроткими не были. (Виноградовъ. Ист. возникн. феод. отн. въ Италиі, стр. 376 и слѣд.) Для того, чтобы еще болѣе уяснить себѣ отношенія Лангобардовъ къ покореннымъ жителямъ Италиі, постараемся рассмотреть сословія разбитые саамиъ Лангобардовъ. Здѣсь встрѣчаемъ два сословія, аналогичное терціяторамъ Терра ді Рабого-сословіе алдигей - средняго ступеня между свободными и крѣпостными. По мнѣнію Гюа и Тейля, они стояли каждой ногой зашитой своего паффа, который заступалъ ихъ передъ судомъ, получалъ за нихъ виру и штрафы, а также и взысканія за нихъ; въ отношеніи къ нему они были обвѣнаны существенными повинностями, которыя именно состояли въ трети ихъ дохода; и сверхъ того, по крайней мѣрѣ позднее - въ нѣкотораго рода барщинѣ; но эти повинности были точно опредѣлены и не могли быть возвышаемы по произволу. Далѣе алдигей не могли, именно вследствие этихъ повинностей - свободно распоряжаться своимъ имуществомъ; они не могли безъ позволенія господина отчуждать землю, ни рабовъ. (ед. Rothaci.) Въ остальномъ, его положеніе не было неблагоприятно; вира его проектировалась до вмидеа тт солдоговъ (210-240 руб.) слѣдовательно была болѣе, чѣмъ вира наиболее благопріятельнаго рабовъ, лишились, съ которыми они также часто ставятся наравнѣ, какъ и въ вѣльноотпущенными низшаго права; они имѣли свою землю и рабовъ у себя на мѣждѣ. Это еще вѣднее всѣхъ алдигей могли заключать браки, законные браки съ свободными, между тѣмъ какъ браки эти послѣднихъ съ рабами хотя и не были запрещены, но однако разсматривались, какъ дѣла нѣсколько злительныя.

Итакъ, алдигей были среднимъ сословіемъ и имѣли болѣе сходство съ терціяторами. Между прочимъ, слѣдуетъ замѣтить, что Виноградовъ въ своей статьѣ не совершенно правильно опредѣляетъ ихъ отношенія: на основаніи позднѣйшихъ писателей очевидно, что алдигей разсматривались

существенно отъ рабовъ, имѣли высшую силу, право законныхъ браковъ и т.п. Есть все основанія предполагать, что именно въ этотъ классъ записаны были покоренные Римляне или Ун-
 гианцы въ Лангобардской Италіи; на ютъ они превратились въ терціяторовъ, здѣсь въ адеіевъ.

Въ результатъ всего сказаннаго, ходъ и послѣдствія Ланго-
 бардскаго завоеванія представляются приблизительно
 слѣдующимъ образомъ. При своемъ первомъ появленіи въ
 Италіи, при Альбоинѣ и Кларѣ, Лангобарды не принимали
 ни относительно подготовленныхъ никакихъ общахъ мѣръ,
 а ограничивались равною рода частными насиліями, за-
 хватили и грабежомъ. Терзали, закончившіе завоеваніе
 главной части Италіи, сдѣлали, вѣроятно въ то же, пер-
 вую попытку ввести правильную, постоянную органи-
 зацию. Имя въ своемъ распоряженіи массы земель, по-
 решившихъ въ руки Лангобардовъ, послѣдствія завою-
 яни не могли нужнымъ отнимать у оставшагося Ри-
 мскаго населенія слишкомъ значительную часть имуще-
 ства, а ограничивались только, что обложили римскихъ
 собственниковъ повинностью, равную трети дохода, въ
 пользу отгдѣльных Лангобардовъ. Поступая такимъ
 образомъ, они, впрочемъ, руководствовались традиціей
 готскихъ предковъ. При общемъ переустройствѣ и
 укрѣпленіи отношеній, она меновавшая возареніе
 Мутари, раздѣлъ была возобновлена и исправлена въ по-
 добнѣе. Завлавыиая между покоренъ-Римлянами
 и Лангобардами отношенія въ теченіе времени потеря-
 ли своеобразие и перешли, такъ сказать, въ форму
 родственнаго гражданскихъ отношеній. Такого, надо
 полагать, Римлянинъ откупался у своего патрона за-
 лезъ или деньгами, чтобы избавится отъ постоянного
 мнкома подчиненія и отъ вѣнательства въ свое хозяй-
 ство. Еще чаще, зависимость поддерживалась и худши-
 лась, и Римлянинъ изъ собственника, обязаннаго вносить
 часть плодовъ, становился арендаторомъ земли, принадли-

оказуя другому. Только въ маленькой области, лежащей между Беневентомъ и Неаполемъ, особые историческія обстоятельства поддержали до VII и IX вѣка своеобразныя общественныя отношенія, вытекающія изъ завоеваній.

Решеніе вопроса о положеніи покоренныхъ туземцевъ Италии влечетъ съ тѣмъ большею силой и отношеніе на вопросъ поставленный ранее, вопросъ о непрерывномъ существованіи Римскаго права, Римскихъ порядковъ и курій. Очевидно, что послѣ превращенія Римскаго населенія въ данниковъ, въ трибутаріевъ, и право Римское перестало существовать; влечетъ съ собою и право Лангобардовъ, возводимое и германское право, которому должны были подчиняться и покоренныя племена. Подтвержденіе этого мы встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ курій Рахиса, Аистурьда и Ротари; въ законахъ этихъ мы не встрѣчаемъ совершено иныи Римляне, а если упоминаются Ротари, то этии словами обозначаютъ жителей некоей Восточно-Римской Италии, противъ которыхъ проводилась военная политика. Очевидно, что въ виду этого наго общественнаго класса Римляне не существовали, такъ какъ въ противномъ случаѣ ины ины несомненно встрѣчались бы въ законодательныхъ актахъ. Около того вѣка 7 вѣка начинается мало по малу сближеніе покореннаго населенія Италии съ побѣдителями. Римляне, сохранивши въ средѣ своей образованность, культуру, цивилизацію, хотя и стояли въ социальномъ отношеніи ниже своихъ побѣдителей, но тѣмъ не менѣе вліяніе ины не могли даже суровые Лангобарды. Слѣдствія и смѣсикіе выражаются болѣе всего въ дошедшихъ документахъ и законахъ извѣстнаго короля Ротари (въ послѣдствіи VII стол.)

Въ одномъ тѣмъ случаѣ упоминается, что римляне, хотя ины ины Византійцы, могутъ быть оставлены ины права. Римляне тѣмъ Лангобардскіи законодательнаго акта о Византійцахъ поясняютъ, что подѣ ины ины дозволительно римляне ины южной Италиіи

написанная на латинском языке, очевидно, сдѣланная латинским народнымъ. Это обнаруживается не только въ употребленіи некоторыхъ германскихъ названій, (aldio - полу-свободный, алітанный - вполне свободный; dā - подарок - находящійся подъ защитою и. т. п.), но и въ употребленіи извѣстныхъ выражений и оборотовъ. Но и здѣсь, какъ въезде - поименованъ къ сѣянью бывъшихъ римскихъ актановъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Поимъ короля Аутари (584-590) начинается суровой порядкомъ вѣдѣй, Сильный и энергичный правитель, Аутари прославилъ себя удачными завоеваніями; но самыми важными благодѣланіями была его женитба на Теоделинде, дочери Теодоберта Баварскаго, которая была христианка. Благодаря тому, что мать ее была Франкская принцесса. Красивая, умная, образованная и христиански-благочестивая королева приобрѣла расположение народа до такой степени, что когда ей случилось, Аутари, внезапно умеръ, то ей представило было избрать себѣ другаго мужа и въ имперію его короля Англобарда. Выборъ ее палъ на вѣнцеславнаго Агилульфа Туринскаго (590-616). Новый король, хотя и Арианскаго исповѣданія, но много сдѣлалъ для католической церкви: возстановилъ нѣкоторые разрушенныя монастыри и возвратилъ изъ ссылки изгнанныхъ епископовъ. После него на престолѣ Англобардскій вступаетъ сынъ его и Теоделинда - казалось, сближеніе идетъ въпрямую и мирными путями. Но вотъ наступаетъ реакція: младой король свергнутъ и на престолѣ явится рядъ Арианскихъ правителей. Изъ нихъ первымъ былъ Ариальдъ или Аривальдъ, а за нимъ извѣстный Англобардскій законодатель, король Ротари (636-652). Рядомъ его законовъ были изданы въ видѣ одного большого указа, къ которому въ послѣдствіи, по имѣющей надобности, прибавлялись новыя постановленія.

Итак, во половине III в. н. э. - реакция арианская и национальная; сблизилась несколько отдаленно и темне, спустя некоторое время наступает в Италии новое торжество православия.

Этим краткими замечаниями о Лангобардском государстве в Италии мы должны ограничиться, оставив в стороне многие другие, чрезвычайно интересные и важные вопросы, касающиеся этого периода истории Италии, ~~находясь в центре внимания к истории~~ Византийских императоров, причины возвышения папской власти, новое лангобардское законодательство, борьбу с франками и т. д.

Нам удалось пройти в этом году только первую часть истории Средних веков - тот самый интересный переходный период, когда все человечество стояло на рубеже двух миров, когда доживала свои последние дни умирающая античная цивилизация, когда разлагающийся организм древнего мира умирает медленной, но неминуемой смертью, и наконец, победою, восторжествовавшей в волнах населявшего потоки новых народов, когда воцарился страшный хаос над развалинами западных провинций всемирной империи; но когда в то же время давила заря великого будущего, когда зарождалась и становилась на ноги новая могучая Римская империя, новая религия, новая цивилизация, новая социальная структура.

Нам удалось проследить главные звенья всего, римского и варварского периода истории Средних веков, мы дошли до того момента, когда новая Европа, пережившая долгий период хаоса и темноты, и анархии начала мало по малу обживаться, приводить в порядок разрозненные общественные элементы, когда готовилось объединение всей надвигавшейся могущественной и великой империи, дошли до возобновления римской империи.

но уже просвещенный христианством, королевство
Франков - Карла Великого, и на это
востанавливаемся.

Дальнейшее развитие средневековой цивилиза-
ции - обзорные деятельности Карла Великого
затем распад Карловой монархии, образовав-
шиеся из нее новые национальные государства
Западной Европы, история монашества, древо-
изма, рыцарства и городского движения соста-
вить предмет следующего нашего курса, и по-
сестственно дальнейшее будет нагаться в рассмо-
трении судьбы Франкского королевства, исто-
рию которого, за недостатком времени, нам
не удалось изложить в нынешнем году.

Понець.

Мб.

13-го Мая 1882-го года.

Составитель-корректор

Иван Гриве.

(57 (LVI))

Всего 57 листов, из которых так: 1-ая страница,
затем 6-ая, 7-ая, 4-ая, 5-ая, 2-ая, 3-ая, 8-ая, 9-ая,
14, 15, 12, 13, 10, и 16. Эта особенность отсылки отсылки
к некоторым издателям в 18-м листе. А также.

Программа
курса „Истории Средних веков“
читанного студентами 2го и 3го курсов И
сторико-филологического факультета С. Петербур
гского Университета профессором
В. И. Васильевским
в 18⁸¹/₈₂ уч. году.

I.

Введение.

1. Обзор писаний о упадке средневековой
истории Западной Европы. Гиббон (+1794). „He-
story of the decline and fall of the Roman empire.“
Турбо. „Essais sur l'histoire de France.“ - „История у
бывшей во Франции.“ - „История убоинской во
Франции“ (1828-30). Заметки Турбо и его современ-
ни (докладчики). - Очерки Шерри. - „История
западной Англии Хорнманна“ (Anmarnus)
pace). „Essai sur l'histoire de la formation et des
progrès du tiers-état.“ - „Considérations sur l'hi-
stoire de France.“ „Паскаль о совершенстве Меровин-
гов.“ „Мурри. „Histoire de France.“ „История Рима.“
„La philosophie de l'histoire de France.“ „История
ка и о мучающемся доктрине.“ „История Мар-
монта.“ „Histoire de France.“ „Паскаль-де-Курмант
„Les institutions politiques de l'ancienne France.“
2. Писания о упадке Средневековой исто-
рии Англии. Давид Горб. „History of England.“

Буркгардт. „History of England“. Ланненбергер-Мартин. „Geschichte von England“. Трубецкой. „Восникновение и прогресс англосаксонского государства“. „Мемория Англии и Нормандии“. — Фрумант. „History of the Norman conquest“. (Введение, промисловидного Мерри. Мемориума). Таммант. „Geschichte des Selbstgovernment in England“. — Эмберс. „Constitutional history of England“. „Select Charters“. Герберт Овенс. „Описательная география“.

3. Посбия государства средневековой немании. Трубецкой. („Geschichte der deutschen Kaiserzeit“) и Зубов. („Ueber die neueren Darstellungen der deutschen Kaiserzeit.“). Уорн. Байм. „Deutsche Verfassungsgeschichte“. — Зан. — Зингер. („Gesch. des deutschen Volks und Kultur“). Моррис. („Gesch. des deutschen Volks“). Каррарман. („deutsche Gesch. bis auf Karl den Gr.“). Зан. — Брайс. („Образцы римской империи“).

4. Н. М. Кудрявцев и С. В. Емевский.

II.

Первый отрывок: Романский мир.

1. Первоначальное население Европы. — Уберс и Лилури. Кельты и их происхождение. — Посбия. Теория Мерри Эдвардса (двойственность кельтской расы: Кильри и Тайм). Теория Беллого (единство кельтского типа и двойственность происхождения кельтских Франгузов). — Историческая археология Галлии. Теория Бертра. (Область мегалитических памятников и до-арийской культуры и область кельтской культуры).

новъ и арийской цивилизации). - Общій выводъ (два типа).

2. Характеръ Кельтовъ по древнимъ авторамъ и новымъ исследователямъ (Токвилль, Моммсенъ, Беллого).

3. Религия. Главнй источникъ - Жизнь Цезаря. - Великие боги: Меркурий - Огмий. Аполлонъ - Белленъ. Марс - Бейтатъ. Минерва - Беллана. Юпитеръ - Таранисъ, - Эзуръ. - Галльская троюза. Местное божество: „богини матери“ - Общій выводъ.

4. Друзья и дружбы. Брелонъ. Филъ. - Различныя мнѣнія объ древн. друзьяхъ (переселеніе душъ). Галльскія трагедіи. - Барды.

5. Политическій и социальный бытъ Кельтовъ. Условіи Цезаря. Поселенія (oppida). Племена (civitates). - Союзныя: „веадники“. - Сравнительныя исследования Мэна. Общественное земледѣліе. Старшинство (equites) и простолюдное. Свѣры и дѣзры. - Классъ нагнеченныхъ (fidiciter). Знатныя (airedeasa). Примѣненіе выводовъ Мэна къ объясненію галльскаго быта Цезаря въ время. Материальный бытъ Галловъ.

6. Романизация Галловъ.

Вліяніе Римлянъ, Карагенанъ, Этрусковъ и Грековъ (аппалии). - Римское вліяніе. - Источники (надписи) и пособія. - Отношеніе Римлянъ къ провинціямъ во времена республики и во времена имперіи. Провинціальная община: 1) колонія, 2) муниципіи и 3) союзное города (civitates foederatae) и свободныя община (civitates sine foedere liberae et immunes). Муниципальное устройство. - Городскія община (civitates) и ихъ самоуправленіе. - Магистраты (дубиро, квадуоро, квинквемна и др.). - Сенаты (куріи). - Сою-

всех декуріоновъ, ихъ права и привилегіи.

Значеніе религиознаго элемента въ провинціальной жизни. Возникновеніе культа Рима и Августа. Природа культа императоровъ. Провинціальный культъ Рима и Августа. Храмы и выборное верховное жрецо. Религиозное, а порою и политическое провинціальное сеймы (consilia) и развитіе начала народнаго представительства. Право похвалы и порицаній императорскихъ наместниковъ. Давытыймаз судъ провинціальныхъ сеймовъ. Августана (колегіи севировъ). Значеніе легионовъ (лагерные города). Римскія дороги (cursus publicus). Школа. Литературная и народная поэма. — Обращеніе общеримскаго языка.

III.

Риманскій міръ. (продолженіе).

Обзоръ римскихъ провинцій во времена имперіи.

1. Испанія. Финикияне и Карфагеняне въ Испаніи. Римское завоеваніе. Суллионъ. Гракхъ. Серторій. Цезарь. Августъ. Веспасіанъ. Испанскія провинціи: 1) Бетика. Главные города (Кордуба, Испалисъ, Бадесъ). 2) Луситанія. Главные города (Эмерита). 3) Тарраконская. Главные города (Тарракона, Новый Каррагенъ и др.). Романизація Испаніи. Главные центры. Тарракона, Испалисъ и Эмерита. Дороги. Значеніе торговыхъ людей (золотое и серебряное прииски). Школа. Испанско-латинская литература: Сенека, Луканъ, Квинтилианъ, Марціанъ, Колизелла и др.

2. Африка. Завоевание Африки и разделение ее на провинции. Музейное население Африки; Мавры и Нумиды. Ливийско-финикийская раса. Центры римской жизни: Карфаген, Утика, Тадрумет и др. Ламбазий и значение легионов в Африке. Влияние промышленности и торговли. Распространение римского влияния во восточные страны. Степень культуры африканских провинций. Африканско-латинская литература: Аппулей, Элиус Абултий и др. - Африканская латынь и ее особенности.

3. Галлия. Завоевание галльской Галлии. Колонии Нарбоннской провинции. Главные городские центры: Массилия, Нарбонна, Арелате, Виенна. - Нахождение Цезаря. Завоевание, организация и романизирование „*Галлия Сомата*“. Провинции: Лугдунская, Аквитания и Беллика. Города и их значение. Лугдуний (храмы Веллы и Августа; торговое и культурное значение города). - Лутетия (развалины) Буржигала (шкалы). Августа Треверорум (отделение города и окрестностей).

4. Германия. Вестфаль и Нижняя Германия (военное окружение скотов, часть провинций). „*Лимес*“. „*Агри-дециматес*“. Романизация края. -

Распространение латинского языка и римской образованности в Галлии. - Шкалы, - Исчезновение кельтского языка.

5. Британия. Музейное население. Завоевание южной части острова. Сатиллодум. Завоевание средней части. Дева Линдун. Светоний Павлин. Восстание Боадрицы (61 г.). Завоевание северной части. Агрикола (78-85). Окончание завоевания (*vallum Hadriani* и *vallum Antonini*) и организация Британии. Романизация края. - Камлодун.

нурь. Лонгиниурь. Діопануурь и др. городские центры
Искаурь. - Асоурь.

6. Дунайскія провинціи. Перечисленіе нѣм. Исто-
рія завоеванія. Дунайскіа края. Населеніе (Кель-
ты. Умбрийцы. Вракійцы). Время Цезаря и Авгу-
ста. Находы Плиберія и Фруза. Маркоманнская
война. Время Траяна. Легенды. Похореніе Да-
кии (Траяновы бани).

Романизация Рэци, Норика, Паннонии и Мезии.
Легионы (milites castellani). Главные города. Ро-
манизация населения. Бесса.

Романизация Дакии. Sarmizegetusa и др. горо-
да. Римскими братства въ дунайскихъ про-
винціяхъ. Искаурь. Господство латинскаго языка.
Столкновеніе греческаго и римскаго вліянія въ Мо-
зии, Вракіи и Македоніи. Памятники романиза-
ции въ Дакии: триптихи. - Вопросъ о непрерыв-
ности романокаго населенія Дакии (Зиминъ).

7. Длиинскій Востокъ. Отношеніе Римлянъ
къ греческому языку въ первый вѣкъ послѣ за-
воеванія и въ послѣдующіе вѣка. Завершеніе
процесса романизации (Эдиктъ Каракаллы). Об-
щія выводы.

IV.

Второй отдѣлъ. Очеркъ умствѣннаго,
правствѣннаго и религіознаго состоянія рим-
скаго общества времени имперіи и распро-
страненія христіанства.

1. Греко-римскій политическій и новая вера. Раз-
личіе между греческимъ и римскимъ религіями. По-
словія: Гаусратъ. Мюбингенская школа. Ренанъ.
Буассе. -

2. Греческая философия равнажает религию. Моно-теистические учения. Сократы. Сократы. Платон (дуализм). Влияние греческой философии на рим-ское рабство.

3. Субъективная мораль. Платон-Сократовские школы — философия личного блага и счастья. Стоики и Эпикурейцы. Моральное отчаяние. Сенека. Развитие сознания греховности. Учение историка греха.

4. Потребность искупления. Два пути прибли-жения к божеству. Ново-пифагорейцы. Александрийская философия и Аполлоний тианский. Учение о демиургах, "демонах" и "словах". Попыт-ки эпикурейцев и стоиков примирить ста-рую религию с новой философией. Молочование миссов. Герои (кулаки великих людей). Неудовле-творительность этих попыток.

5. Мистерии. Значение их. Дельфийский и Эпикурейский таинства. — Восточные мистерии. Миссы одо Иуды и Озеры. Кулаки Иуды в Риме. Кулаки "матери богов". Кулаки Миссы, его особен-ности и распространение.

6. Распространение и значение еврейской "Диаспо-ры". Еврейская пропаганда. "Прозелитские ворота". Александрийская греко-еврейская литература. Аристобул (учение о премудрости). Фило. Ана-лиз его учения (греческая и иудейская струя). Учение его о "словах".

7. Христиане в Риме. Они не отмигаются пра-вительством империи от Евреев. Точения Ниро-на и Домициана и их особый характер. Начало открытой вражды римского государства против христианства. Переписка Траяна с Плинием Младшим. Римское законодательство

вооружается противъ христіанъ. Три периода въ исторіи гоненій: 1) Первый вѣкъ — гоненія Нерона и Домиціана. 2) Второй вѣкъ — гоненія Траяна, Адриана и Антонинъ. 3) Третій вѣкъ — гоненія Деція и Диоклетіана (борьба двухъ религій на жизнь и на смерть). — Процессы противъ христіанъ. Местныхъ казни.

8. Распространеніе христіанства. Христіане „подремнаго“ Рима. Пособія для изученія канонами (де-Росси, Краусъ и др.). Римскіе законы о тайномъ обществѣ. „Collegia Aemulorum“ и „Coll. funeraticia“. Колизеумъ. Первый христіанскій община въ имперіи, образовавшаяся подъ покровительствомъ „погребальныхъ коммунъ“.

9. Христіанская нравственность и античное міросозерцаніе. Отношеніе христіанства къ общественнымъ элементамъ античнаго общества. Язическій, стоическій и христіанскій взгляды на рабство. Многіе различныя ученія о вліяніи христіанства на уничтоженіе рабства. Слова Ренана.

V.

Третій отрывокъ: Варвары и Римъ.

Часть первая. Германскій или варварскій мѣръ

1. Тацитъ. „De origine, situ, moribus ac populis Germanorum“. При взглядѣ на эту книгу новѣйшій ученій (пандемъ, сатира, утопія). Истинное значеніе Германіи. — Исконный германскій вѣтъ по Тациту. Пособія для его изученія: Вайтцъ, Эрсардтъ, Зиккель, Зибель, Баумштаркъ, Мейерфурхъ. — Страна Германіи.

Происхождение слова „Германца“. Разрешенность имени. Сказание о происхождении германцев. — Сказка была древних германцев: 1.) Германская раса (единство — эвонк). 2.) племена или кланы (единство религиозные). 3.) Народы (единство политическое). — Перечисление народов. — Власть или сотни. Село. Двор. Органы власти — „вотче“ (и иногда „князь“). Остатки родовых отношений.

2. Сословия. Свободное престоладина (фрининги). Рабы. Литы. дворяне (эдминги). Их положение (привилегии — почет, а не политические права) и отличие от позднефеодального служилого дворянства. Демократический характер древне-германского бота.

3. Экономический бот. Важность и спорность этого вопроса. Существовало ли общинное землевладение в Германии Цезаревых и маутиовых времен? Пособия: Вайтц, Лавел, Зидель и др. Разбор писем Цезаря и Маута о землевладении у германцев. Мнение Вайтца. Feldgemeinschaft и Flurzwang. Мнение Маурера, мнение Нассе. Общий вывод о существовании у германцев общинного землевладения.

4. Дружина. Превознесенное значение, крое придавали ей предки исследователи. Связь между дружинниками и вассалами неслучайно именно нравственная. (Теле). Немногочисленность дружины. Позднейшее вырождение дружины (дружинники иль „воинские товарищи“ обращаются в „воинские наемников“). Дружина в поэме о „Беовульф“. Исключительное право „главарей“ (principes) иметь дружину. —

Дружина не представляет отдельного начала в германском боитве и выходит в общий ряды и вооружения социального строя.

Б. Государственный боитв. - Характерная черта - непрочность связи. - Народная война. - Собрания ценой народности и собрания волостей. Ценой юрисдикция (первая - политическая, вторая - судебная). - Совет старшин. Организация собраний. Конуны и ценой власть. Герцоги. - Право кровной мести и постепенная замоща ея денежной пеней. Судебный процесс. Соприсланники и Судь Божий.

В. Семейный боитв. - Германский населенный. Понимание женщины, Агно, - Мундиум. - Замоща женщины. Ценой нравственное значение. Понимание друзей. Wehrhaftmachung. - Военное воспитание и вручение меча. - Погребальные обряды. Религиозный боитв. Одишь. Циз. Торь. Фред. Мрачный, кровавый характер культа. Ценой Божеский омертвот.

VII.

Третий отдѣлъ. Варвары и Римъ (продолженіе)
Часть вторая. Борьба двухъ мировъ и возрос-
деніе имперіи.

1. Маркоманнская война. - Римская военная граница на Дунае и Рейне. Военная и гражданская жизнь въ пограничныхъ краяхъ. - Событія и значение Маркоманнской войны (165-180) - прологъ Великаго Переселенія. Носовія для изученія исторіи этой эпохи.

2. Первый періодъ Великаго Переселенія Народоу. Определение понятія, Переселеніе Народовъ

и причины его. Неправильный взгляд Губо. Врмидо Дана (переселъ германцевъ къ оседлому земледѣ-
лію, какъ главная внутренняя причина Переселенія).
Второстепенная причина. — Начало движеній (при-
ливскія страна). Аламанны. Происхождение наро-
да и его первоначальное мѣсто жительства. Дви-
женія, борьба съ Римлянами и утверждение
въ „Agri decimates“. Бургунды. Войны Юліана съ
Аламанными и Бургундами. Франки. Ихъ про-
исхождение, характеристика и борьба съ Рим-
лянами. — Образование Вормскаго государства
Бургундовъ.

Движеніе Готовъ. Первоначальный переселеніе:
Готы — въ южной Россіи. Грейтуны (Остготы)
и Тьервинги (Вестготы). Морскіе походы Готовъ.
Клавдій Готскій (270 г.). Аврелианъ и отступле-
ніе Римлянъ изъ Дакіи. —

3. Экономическое состояніе римскаго общества
и причины паденія имперіи.

Упадокъ муниципальнаго строя. Сословія рим-
скаго общества: 1) плебс. 2) куріалы 3) сенаторы.
Рабѣ и вольноотпущенники. Образование импер-
ской аристократіи крупнаго землевладѣльцевъ
и паденіе среднего сословія. Вліяніе христіан-
ства на разложеніе муниципальнаго строя.
Слова Ренана.

4. Реформы Диоклетіана и Константина.

Раздробленіе имперіи на 4 части. Законъ о престол-
наслѣдствіи (искусственная династія). Уничто-
женіе послѣднихъ слѣдовъ республиканскаго
устройства и новая организація управленія
имперіею съ самодержавною властью импера-
тора во главѣ. Бюрократизмъ и централиза-
ція. Придворный этикетъ. Религіозная реформа

Константина. Финансовая реформа. — Персональная римская податная система (сфинктво подати: tributum). Постепенное распадаение ее на два вида: 1) поселенческую (capitatio terrena) и 2) подушную (capitatio humana). Зудит. Кадастр и писцовые книги. Раскладка подати круговой порукой кураторов и прикрепление их к ней согласно. Налог подушной и промысловый.

Происхождение каноната. Что такое „канона“? Спорность вопроса о его происхождении. Теория Лаффера, Савиньи, Ротберга, Гейсгерберга. Нагис „Saltus Virginitatis“ и взгляд Моисея.

5. Преемники Константина. Причины обращения Констанция, Юлиана. Его жизнь и учение. (Любавий Неоплатонический). Отношение к христианству (волатерпимость). Смерть Юлиана и торжество христианства. Юлиан. Валентиниан I. Защита свободы совести. Духотвор против злоупотреблений духовенства. Сеодосий и объявление христианства господствующей религией. Церковь (Амвросий Медиоланский, Гозий Кордубский) Судебная власть епископов и других привилегий. Причина возвышения власти высших представителей христианского духовенства. — начало монашества.

VII

Третий отрывок: Варвары и Рим (продолжение)
Часть третья. Образование варварских государств на римской почве

1. Мирная колонизация Германцев на римской территории.

Слова Гроба — Раймона. — Различные виды

германскихъ поселеній. — Поселенія военнопленныхъ (грабскіе поселенія и поселенія колановъ — *dediticii*). Система замѣстительства. Перечисленіе главнѣйшихъ колоній этого вида. — Поселенія *Латовъ*. Различіе между коланамъ и *латами*. Латскія префектуры. — Поселенія *Gentiles*. Федераты.

2. Второй періодъ Великаго Переселенія Народовъ. Готское царство въ степяхъ южной Россіи. Двѣтевность *Ульфины*. Наместьи *Гунновъ*. Вест-Готы въ Восточной римской имперіи. Вассалъ и битва при *Ауріанополи* (378). Далнѣйшее поселеніе *В. Готовъ* въ имперіи.

3. Вест-готское государство.

Аларихъ и его первый походъ (401г.) на Италію. (*Тонорій*, *Этишуръ*). Наместьи *Бадалайса* на Италію, *Свебовъ*, *Алановъ* и *Вандаловъ* на Галлію и Испанію. Новые походы *Алариха* въ Италію. Взятіе *Рима* (410г.). Переговоры съ императоромъ. Неблагополучное положеніе Италіи. Смерть *Алариха*. — *Атаульфъ*. Движеніе *В. Готовъ* въ южную Галлію и образованіе перваго варварскаго государства на римской почвѣ (415г.). Вест-готское Галло-ванское государство. — *Валмій* и его преемники. Отношенія *В. Готовъ* къ римскому правительству и имѣющему Галло-римскому населенію. Принципы личности права. Законодательство для Римлянъ (*Breviarium Alarici*). Законодательство для *В. Готовъ* (*Вестготская варварская Правда*). Сборникъ „*Antiqua*“. „*Hospitalitas*“. *Терціяція* (раздѣлъ земли). — Вліяніе Галло-римскаго элемента.

4. Бургундское государство.

Ворисское Бургундское королевство и его паденіе (437г.). Остатки Бургундовъ занимаютъ *Сабаудію*.

съ согласия Римлянъ. Наибольший движениъ Бургундовъ и образование второго Бургундскаго государства въ приронекальнъ краю. Бургундобавдъ (473-516) и Варварская правда Бургундовъ. — Lex Romana Burgundionum (Раріанусъ). Раздѣлъ земли. Романизація Бургундовъ. Религіозный вопросъ.

5. Вандавское государство.

Первоначальная обшчсть и первый движениъ Вандавъ. Вандавы въ Африкѣ. Гейнсерихъ. Взятіе Рима (455). Особенный отношенія побѣдителей — Вандавъ къ побѣжденному романизованному населенію Африки и непрочность новаго государства. Кровавый, насильственный характеръ завоеваній и религіозная нетерпимость. Разрушеніе Вандавскаго государства Визиготами.

6. Завоеваніе Британіи и англосаксонскія государства.

Распространеніе христіанства между народами Британіи. — Первоначальная Британская церковь. Возможность происхожденія ея съ Востока. Монастыри въ Британіи. Распространеніе тамъ неоплатинизма. — Начало вторженій Германскихъ племенъ (полов. V вѣка). Первоначальная мирная колонизація Британіи Германцами во II и III вв. подъ покровит. римскихъ императоровъ. Саксы. Прекращеніе римской власти на островахъ (нач. V в.). Вторженіе Пиктовъ и Скоттовъ. — Бѣлый Германскій переселеніи. Фризцы, Саксы. Англы. Фризцы. Историческое преданіе о завоеваніи Британіи, тевтонскими племенами (Генгистъ и Гора) по Зинодасу, Эдду и Неннеду. Подчиненіе Британіи Германцами (въ концѣ VI в.) и образованіе Англо-Саксонской гептархій: королевство Джортовъ — Кентъ; королевства Саксовъ: Суссексъ, Дессексъ и

Вессекс. Королевства Англо-Саксов. Остангис и Норд-ум-брия (Берниция и Деира). Мерция. - Бретвангун. - Харак-теръ англо-саксонскаго завоеванія.

7. Аттिला и падение Западной римской импе-рии. - Гунны, ихъ происхождение и характеристика. Аттिला, его движеніе въ Галлію. Катанцунская битва. Аттिला въ северной Италіи. Смерть Ат-тилы.

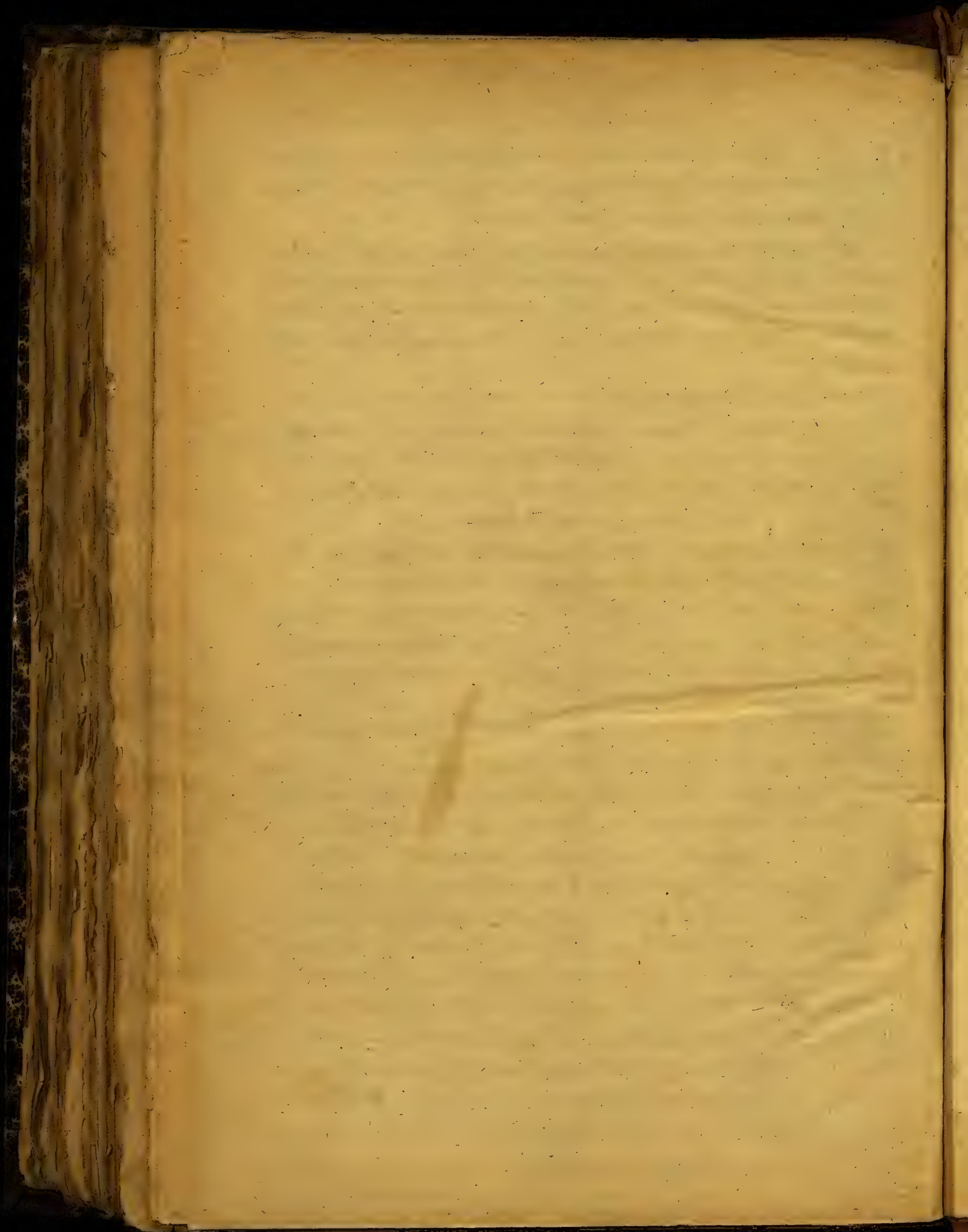
Состояніе Западной римской имперіи. Жизнь св. Северина, какъ прекрасный источникъ для характе-ристики вѣка. Варвары въ Италіи. Всемогущество варварскихъ военачальниковъ. Одоакръ и падение имперіи. - Значеніе этого событія.

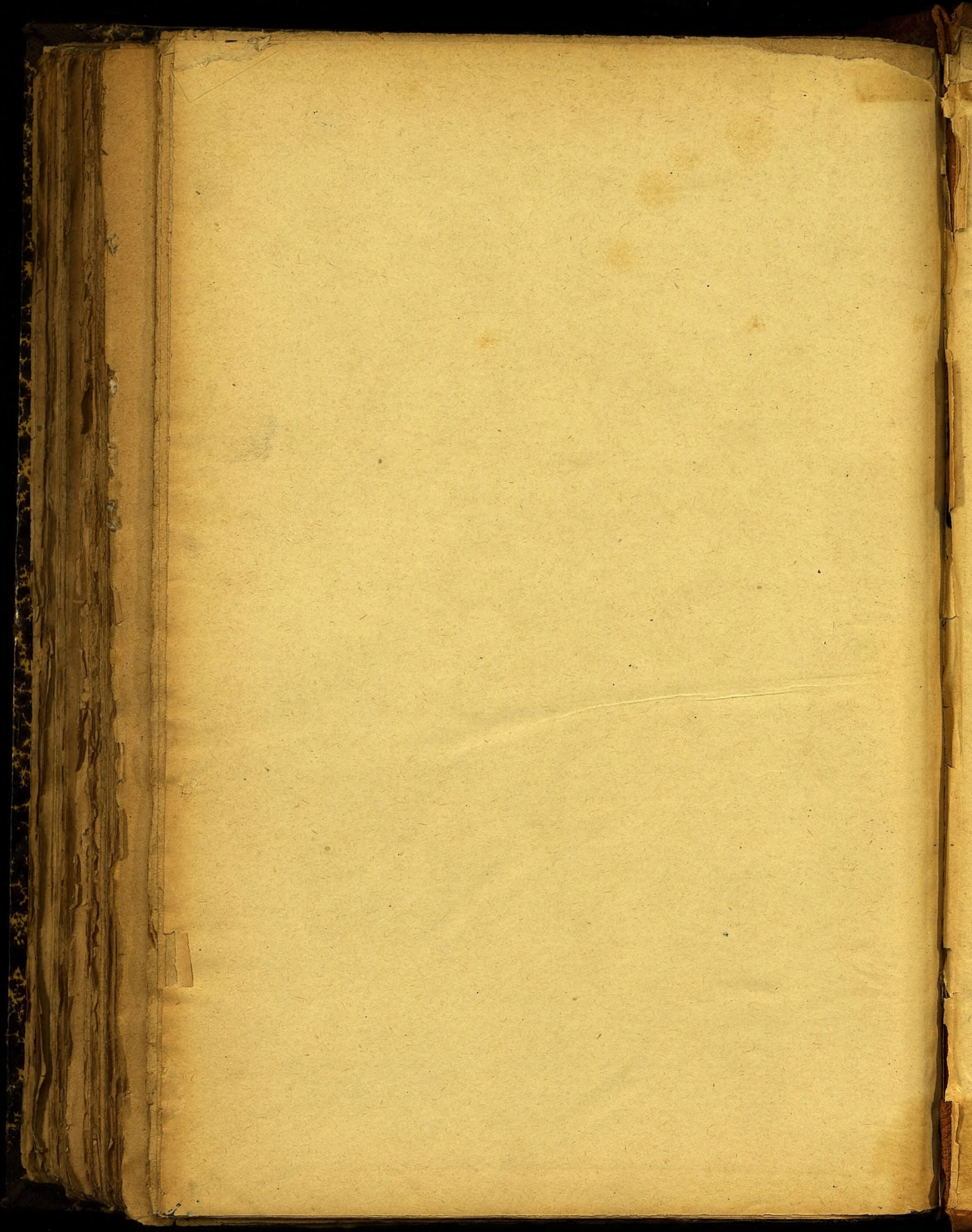
8. Умственный движеніи и литература V^{го} вѣка въ ея главнѣйш. произведеніяхъ. Св. Августинъ - "De civitate Dei" - Орозій. "Historiarum libri". Сал-вианъ. "De gubernatione Dei". Сидоній Аполлинарій.

9. Остготское и Лангобардское владѣнство въ Италіи.

Непротѣжность власти Одоакра. Теодорихъ Остгот-скій. Завоеваніе Италіи (488-493). Правленіе Теодориха. Отношеніе Остготовъ къ италіянскому населенію Ита-ліи и къ власти восточнаго императора. Главная задача Теодориха - объединеніе варваровъ и рим-лянъ. Мирный и гуманный характеръ правленія. Кассіодоръ - Грегорианъ. - Смерть Теодориха. Борьба съ восточной имперіей и паденіе остготскаго государства.

Лангобарды. Ихъ прекрасная исторія. Завоеваніе Италіи (568). Границы Лангобардскаго королевства въ Италіи. Амбуинъ. Аутари. Характеръ Лангобард-скаго завоеванія и отношенія ихъ къ римскому населенію. Земельныя отношенія. Амбуи. - Рели-гиозный антагонизмъ. Эдиктъ Ротари. -

[30]

